3 1761 04572991 0

Leskov, Nikolai Semenovich
Polnoe sobranie sochinenij

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

12d. 3

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

t. 25 ^ 27

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

351038
27.10.52

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

КРОВЬ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Краснѣютъ стѣны.

Богато сервированный ужинъ былъ накрытъ въ небольшой квадратной залѣ, оклеенной красными обоями и драпированной краснымъ штофомъ, межъ которыми висѣли старые портреты.

Глафира Васильевна стояла здѣсь у небольшого стола, и когда вошли Водопьяновъ и Подозеровъ, она держала въ рукахъ рюмку вина.

— Господа! у меня прошу пить и ѣсть, потому что, какъ это, Свѣтозаръ Владеновичъ, пѣлъ вашъ Испанскій Дворянинъ: «Вино на радость намъ дано». Андрей Иванычъ и вы, Водопьяновъ, выпейте предъ ужиномъ, — вы будете интереснѣе.

— Я не могу, я уже все свое выпилъ,—отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Когда же это вы выпили, что этого никто не видалъ?

— Семь лѣтъ тому назадъ.

— Все лжетъ сей дивный человѣкъ, — отвѣчала Бодростина и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ вошедшаго въ это время Горданова, продолжала: — я увѣрена, Водопьяновъ, что это вамъ вашъ Распайль запрещаетъ. Ему Распайль запрещаетъ все, кромѣ камфары, — онъ ѣстъ камфару, куритъ камфару, ароматизируется камфарой.

— Прекрасный, чистый запахъ,—молвилъ Водопьяновъ.

— Поздравляю васъ съ нимъ и сажусь отъ васъ подальше. А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Они изволили велѣть сказать, что нездоровы и къ столу не будутъ,—отвѣтилъ дворецкій.

— Все это виноватъ этотъ Свѣтозаръ! онъ всѣхъ напугалъ своимъ Испанскимъ Дворяниномъ. Подозеровъ, вы слышали его разсказъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Ну, да; вы къ намъ попали на финалъ, а впрочемъ, вѣдь разсказъ, мнѣ кажется, ничѣмъ не конченъ, или онъ, какъ все, какъ самъ Водопьяновъ, вѣченъ и безконеченъ. Лета выбила табакерку и засыпала намъ глаза, а дальше что же было, я желаю знать это, Свѣтозаръ Владеновичъ?

— Она спрыгнула съ окна.

— Съ третьяго этажа?

— Да.

— Но кто же ей кричалъ: «я здѣсь»?

— Испанскій Дворянинъ.

— Кто жъ это знаетъ?

— Она.

— Она развѣ осталась жива?

— Нѣтъ, иль то-есть...

— То-есть она жива, но умерла. Это прекрасно. Но кто же видѣлъ вашего Испанскаго Дворянина?

— Всѣ видѣли: онъ вѣялся въ туманѣ надъ убитой Летой, и было слѣдствіе.

— И что же оказалось?

— Ничего.

— Je vous fais mon compliment. Вы, Свѣтозаръ Владеновичъ, неподражаемы! Вообразите себѣ,—добавила она, обратясь къ Подозерову: — цѣлый битый часъ разсказывалъ какую-то исторію или бредъ, и только для того, чтобы въ концѣ концовъ сказать «ничего». Очаровательный Свѣтозаръ Владеновичъ, я пью за ваше здоровье и за вѣчную жизнь вашего Дворянина. Но, Боже! что такое значитъ? чего вы вдругъ такъ поблѣднѣли, Андрей Ивановичъ?

— Я поблѣднѣлъ?—переспросилъ Подозеровъ.—Не знаю, быть-можетъ, я еще немножко слабъ послѣ болѣзни... Я, впрочемъ, все слышалъ, что говорили... какая-то женщина упала...

— Бросилась съ третьяго этажа!

— Да, это мнѣ напоминаетъ немножко... кончину...

— Другой прекрасной женщины, конечно?

— Да, именно прекрасной, но... которую я мало зналъ, ко всегдашнему моему прискорбію,—такъ умерла моя мать, когда мнѣ былъ одинъ годъ отъ роду.

Бодростина выразила большое сожалѣніе, что она, не зная семейной тайны гостя, упомянула о случаѣ, который навелъ его на печальныя воспоминанія.

— Но, впрочемъ, — продолжала она: — я поспѣшу успокоить васъ хоть тѣмъ способомъ, къ которому прибѣгъ одинъ извѣстный испанскій же проповѣдникъ, когда слишкомъ растрогалъ своихъ слушателей. Онъ сказалъ имъ: «не плачьте, милые, вѣдь это было давно, а можетъ-быть, это было и не такъ, а можетъ-быть... даже, что этого и совсѣмъ не было». Вспомните одно, что вѣдь эту исторію разсказывалъ намъ Свѣтозаръ Владеновичъ, а его разсказы, при несомнѣнной правдивости ихъ автора, сплошь и рядомъ бываютъ подбиты... вѣтромъ. Притомъ здѣсь есть имена, которыя вамъ, я думаю, даже и незнакомы,—и Бодростина назвала въ точности всѣхъ лицъ Водопьяновскаго разсказа и въ короткихъ словахъ привела все повѣствованіе «Сумасшедшаго Бедуина».

— Ничего, кажется, не пропустила?—обратилась она затѣмъ къ Водопьянову и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, добавила: — вотъ вы пріѣзжайте ко мнѣ почаще; я у васъ буду учиться духовъ вызывать, а вы у меня поучитесь коротко разсказывать. Впрочемъ, à propos, вѣдь сказаніе повѣствуетъ, что эта безплотная и непостижимая Лета умерла бездѣтною?

— Я этого не говорилъ,—отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Какъ же? Развѣ у нея были дѣти, или хоть по крайней мѣрѣ одно дитя?

— Можетъ-быть, можетъ-быть и были.

— Такъ что же вы этого не говорите?

— А!.. да!.. Понялъ: Труссо говоритъ, что эпилепсія — болѣзнь весьма распространенная, что нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не былъ подверженъ нѣкоторымъ ея припадкамъ, въ извѣстной степени, разумѣется, въ извѣстной степени... Сюда относится внезапная забывчивость и

прочес, и прочес. Разумѣется, это падучая болѣзнь настолько же, насколько кошка родня льву, но, однако...

— Но, однако, Свѣтозаръ Владеновичъ, довольно, мы поняли, что̀ вы хотите сказать: на васъ нашло безпамятство.

— Именно: у Летушки былъ сынъ.

— Отъ ея брака съ красавцемъ Поталѣевымъ?

— Конечно!

— Но что было у господъ Поталѣевыхъ, то пусть тамъ и останется, и это ни до кого изъ здѣсь присутствующихъ не касается... Андрей Ивановичъ, чего же вы опять все блѣднѣете?

— Я попросилъ бы позволенія встать: я слабъ еще; но, впрочемъ... виноватъ, я оправлюсь. Позвольте мнѣ рюмку вина!—обратился онъ къ Водопьянову.

— Хересу?

— Да.

— Да; вы его пейте,—это ваше вино!

— А чтобы перейти отъ чудеснаго къ тому, что веселѣй и болѣе способно всѣхъ занять, разсудимъ вашу Лету,—молвила Водопьянову Бодростина, и затѣмъ, относясь ко всей компаніи, сказала:—господа! какое ваше мнѣніе: по-моему, этотъ Испанскій Дворянинъ—буфонъ и забулдыга стараго университетскаго закала, когда думали, что хорошій человѣкъ непремѣнно долженъ быть и хорошій пьяница; а его Лета просто дура, и притомъ еще неестественная дура. Ваше мнѣніе, Подозеровъ, первое желаю знать?

— Я промолчу.

— И это вамъ разрѣшаю. Я очень рада, что вино васъ, кажется, согрѣло: вы закраснѣлись.

Подозеровъ даже былъ теперь совсѣмъ красенъ, но въ этой комнатѣ было все красновато, и потому его краснота сильно не выдѣлялась.

— По-моему,—продолжала Бодростина:—самое типичное, вѣрное и самое понятное мнѣ лицо во всемъ этомъ разсказѣ—старикъ Поталѣевъ. Въ немъ нѣтъ ничего натянуто-выспренняго и болѣзненно-мистическаго, это человѣкъ съ плотью и кровью, со страстями и... некрасивъ немножко, такъ что даже бабы его пугались. Но эта Летушка все-таки глупа; многія бы позавидовали ея счастію, хотя не надолго, но...

— Что жъ вамъ такъ нравится? Неужто безобразіе? — спросилъ, чтобы поддержать разговоръ, Висленевъ.

— Ахъ, Боже мой, а что мужчинамъ нравится въ какой-нибудь Корѣ, которой я не имѣла чести видѣть, но о которой имѣю понятіе по Тургеневскому «*Дыму*». Онъ интереснѣе: въ немъ есть и безобразіе, и характеръ.

Гости промолчали.

— Интересно врачу заставить говорить пѣмого отъ рожденія, еще интереснѣе женщинѣ слышать языкъ страсти въ устахъ, которыя весь вѣкъ боялись ихъ произносить.

Глафирѣ опять никто не отвѣтилъ, и она, хлебнувъ вина продолжала сама:

— Признаюсь, я бы хотѣла видѣть рыдающаго отъ страсти... отшельника, монаха, настоящаго монаха... И какъ бы онъ послѣ, бѣдняжка, ревновалъ... Эй, человѣкъ! подайте мнѣ еще немножко рыбы. Однажды я смутила схимника: былъ въ Кіевѣ такой старикъ, лѣтъ неизвѣстныхъ, мохомъ весь обросъ и на груди носилъ вериги: я пошла къ нему на исповѣдь и насказала ему такихъ грѣховъ, что онъ...

— Влюбился въ васъ?

— Нѣтъ; только просилъ: «умилосердися, уйди!» Благодарю, подайте вонъ еще Висленеву, онъ, вижу, хочетъ кушать,—докончила она обращеніемъ къ старому, сѣдому лакею, державшему предъ ней массивное блюдо съ приготовленною подъ маіонезомъ рыбой.

— Подозеровъ! Вѣдь мы съ вами, кажется, пили когда-то на брудершафтъ?

— Никогда.

— Такъ я пью теперь.

И съ этимъ она чокнулась бокалъ о бокалъ съ Подозеровымъ и, положивъ руку на его руку, заставила и его выпить все вино до дна.

Висленева скрючило.

— Да, новый мой камрадъ,—продолжала Бодростина:—пожелаемъ счастія честнымъ мужчинамъ и умнымъ женщинамъ. Да соединятся эти рѣдкости жизни и да не мѣшаются съ тѣмъ, что имъ не къ масти. Умъ даетъ жизнь всему, и поцѣлую, и объятьямъ... дурочка даже не поцѣлуетъ такъ, какъ умная.

— Глафира Васильевна!—перебилъ ее Подозеровъ.—То дѣло, о которомъ я сказалъ... теперь мнѣ некогда уже о

немъ лично говорить. Я боленъ и долженъ раньше лечь въ постель... но вотъ въ чемъ это заключается.—Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ съ почтовымъ штемпелемъ и съ разорванными печатями и сказалъ:—Я просилъ бы васъ выйти на минуту и прочесть это письмо.

— Я это для тебя сдѣлаю, — отвѣчала, вставая, Бодростина.—Но что это такое?—добавила она, остановясь въ дверяхъ:—я вижу, что фонарикъ у меня въ кабинетѣ гаснетъ, а я послѣ разсказовъ Водопьянова боюсь одна ходить въ полутьмѣ. Висленевъ! возьмите лампу и посвѣтите мнѣ.

Іосафъ Платоновичъ вскочилъ и побѣжалъ за нею съ лампой.

Гордановъ воспользовался временемъ, когда онъ оставался одинъ съ Подозеровымъ и Водопьяновымъ.

— Вы, конечно, знаете, чѣмъ должно кончиться то, что произошло два часа тому назадъ между нами? — спросилъ онъ, уставясь глазами въ вертѣвшаго свою тарелку Подозерова.

— Я знаю, чѣмъ такія вещи кончаются между честными людьми, но чѣмъ ихъ кончаютъ люди безчестные,—того не знаю,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Кого вы можете прислать ко мнѣ завтра?

— Завтра?—майора Форова.

— Прекрасно: у меня секундантъ Висленевъ.

— Это не мое дѣло, — отвѣчалъ Подозеровъ и, вставъ, отвернулся къ первому попавшемуся въ глаза портрету.

Въ это время въ отдаленномъ кабинетѣ Бодростиной раздался звонъ разбившейся лампы и послышался раскатъ безпечнѣйшаго смѣха Глафиры Васильевны.

Гордановъ вскочилъ и побѣжалъ на этотъ шумъ.

Подозеровъ только оборотился и изъ-глаза-въ-глазъ переглянулся съ Водопьяновымъ.

— Мѣсто значитъ много; очень много, много! Что въ другомъ случаѣ ничего, то здѣсь не безопасно,—проговорилъ Водопьяновъ.

— Скажите мнѣ, зачѣмъ же вы здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, и при всѣхъ этихъ людяхъ разсказали исторію моей бѣдной матери?

— Вашей матери? Ахъ, да, да... я теперь вижу... я вижу: у васъ есть съ ней сходство и... еще больше съ нимъ.

— Валентина была моя мать, и я люблю того, кого она

любила, хотя онъ не былъ мой отецъ; но мнѣ всѣ говорили, что я даже похожъ на того, кого вы назвали студентомъ Спиридоновымъ. Благодарю, что вы, по крайней мѣрѣ, перемѣнили имена.

Водопьяновъ съ неожиданною важностью кивнулъ ему головой и отвѣчалъ:—«да; мы это разсмотримъ;—вы будьте покойны, разсмотримъ». Такъ говорилъ долго тотъ, кого я назвалъ Поталѣевымъ. Онъ умеръ... онъ приходилъ ко мнѣ разъ... такимъ чернымъ звѣремъ... Первый разъ онъ пришелъ ко мнѣ въ сумерки... и плакалъ, и стоналъ... Я одобряю, что вы отдали его состоянье его роднымъ... большимъ дворянамъ... Имъ много нужно... Да вонъ видите... по стѣнамъ... сколько ихъ... Вонъ старушка, зачѣмъ у нея два носа... у нея было двѣ совѣсти...

И Водопьяновъ понесъ околесицу, въ которой все-таки опять были свои, все связывающіе штрихи.

Между тѣмъ, что же такое произошло въ кабинетѣ Глафиры Васильевны, откуда такъ долго нѣтъ никого и никакихъ вѣстей?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не краснѣющіе.

Глафира Васильевна въ сопровожденіи Висленева скорою походкой прошла двѣ гостиныхъ, библіотеку, наугольную и вступила въ свой кабинетъ. Здѣсь Висленевъ поставилъ лампу и, не отнимая отъ нея своей руки, сталъ у стола. Бодростина стояла спиной къ нему, но, однако, такъ, что онъ не могъ ничего видѣть въ листкѣ, который она предъ собою развернула. Это было письмо изъ Петербурга, и вотъ что въ немъ было написано гадостнымъ каракульнымъ почеркомъ, со множествомъ чернильныхъ пятенъ, помарокъ и недописокъ:

«Господинъ Подозеровъ! Я убѣдилась, что хотя вы держитесь принциповъ неодобрительныхъ и патріотъ, и низкопоклонничаете предъ московскими ретроградами, но въ дѣйствительности вы человѣкъ и, какъ я убѣдилась, даже честнѣе многихъ абсолютно честныхъ, у которыхъ одно на словахъ, а другое на дѣлѣ, потому я съ вами хочу быть откровенна. Я пишу вамъ о страшной подлости, которая должна быть доведена до Бодростиной. Мерзавецъ Кишен-

скій, который, какъ вы знаете, ужасный подлецъ, и его, надѣюсь, вамъ не надо много рекомендовать, и Алинка, которая женила на себѣ эту зеленую лошадь, господина Висленева, устроили страшную подлость: Кишенскій, познакомясь съ Бодростинымъ у какого-то жида-банкира, сдѣлалъ такую подлую вещь: онъ вовлекаетъ Бодростина въ компанію по водоснабженію городовъ особеннымъ способомъ, который есть не что иное, какъ отвратительнѣйшее мошенничество и подлость. Дѣломъ этимъ орудуетъ какой-то страшный мошенникъ и плутъ, обобравшій уже здѣсь и въ Москвѣ не одного человѣка, что и можно доказать. Съ нимъ въ стачкѣ полька Казимирка, которую вы должны знать, и Бодростина ее тоже знаетъ...»

— Охъ, охъ!—сказала, пятясь назадъ и покрываясь румянцемъ восторга, Бодростина.

— Что? вѣрно какія-нибудь непріятныя извѣстія?—спросилъ ее участливо Висленевъ.

— Боюсь въ обморокъ упасть,—отвѣтила шутя Глафира, чувствуя, что Висленевъ робко и нерѣшительно беретъ ее за талію и поддерживаетъ.—«Держи жъ меня, я вырваться не смѣю!»—добавила она, смѣясь, извѣстный стихъ изъ Донъ-Жуана.

И съ этимъ Глафира, оставаясь на рукѣ Іосафа Платоновича, дочитала:

«Эта Казимира теперь княгиня Вахтерминская. Она считается красавицей, хотя я этого не нахожу: сарматская, смазливая рожица и тѣлеса, и ничего больше, но она ловка какъ бѣсъ и готова для своей прибыли на всякія подлости. Мужъ ей давалъ много денегъ, но теперь онъ банкротъ: одна француженка обобрала его какъ липку, и Казимира пріѣхала теперь назадъ въ Россію поправлять свои дѣлишки. У нея теперь есть bien aimé, что всѣмъ извѣстно,—полякъ-скрипачъ, который играетъ и будетъ давать концерты, потому полякамъ все дозволяютъ, но онъ совершенно бѣдный, и потому она забрала себѣ Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго и Висленевой жены, которая Бодростиной терпѣть не можетъ. Я же, хотя тоже была противъ принциповъ Бодростиной, когда она выходила замужъ, но какъ теперь это все уже перемѣнилось, и всѣ наши, кромѣ Ванскокъ, выходятъ за разныхъ мужей замужъ, то я болѣе противъ Глафиры Бодростиной ничего не имѣю, и вы ей

это скажите; но писать ей сама не хочу, потому что не знаю ея адреса, и какъ она на меня зла и знаетъ мою руку, то можетъ не распечатать, а вы какъ служите, то я пишу вамъ по роду вашей службы. Предупредите Глафиру, что ей грозитъ большая опасность, что мужъ ея очень легко можетъ потерять все, и она будетъ ни съ чѣмъ, — я это знаю навѣрное, потому что немножко понимаю по-польски и подслушала, какъ Казимира сказала это своему bien aimé, что она этого господина Бодростина разоритъ, и они это исполнятъ, потому что этотъ bien aimé самый главный зачинщикъ въ этомъ дѣлѣ водоснабженія, но всѣ они, Кишенскій и Алинка, и Казимира, всѣхъ насъ отъ себя отсунули и дѣлаютъ всѣ страшныя подлости одни сами, все только жиды да поляки, которымъ въ Россіи лафа. Больше ничего не остается, какъ всю эту мерзость разоблачить и пропечатать, надъ чѣмъ и я и еще многіе думаемъ скоро работать и издать въ видѣ большого романа или драмы, но только нужны деньги и осторожность, потому что Ванскокъ сильно вооружается, чтобы не выдавать никого. Остаюсь готова къ услугамъ извѣстная вамъ Цинри-Кинри».

«P. S. Можете спросить Данку, которая знаетъ, что я пишу вамъ это письмо: она очень честная госпожа и все знаетъ, — вы ее помните: бѣлая и очень красивая барыня въ русскомъ вкусѣ, потому что планъ Кишенскаго прежде былъ разсчитанъ на нее, но Казимира все это перестроила самыми поплыми польскими интригами. Данка ничего не скроетъ и все скажетъ».

«Еще P. S. Сейчасъ ко мнѣ пришла Ванскокъ и сообщила свѣжую новость. Бодростинъ ничего не знаетъ, что подъ его руку пишутъ уже большіе векселя по его довѣренности. Пускай жена его ѣдетъ сейчасъ сюда накрыть эту страшную подлость, а если что нужно развѣдать и сообщить, то я могу, но на это нужны, разумѣется, средства, по крайней мѣрѣ рублей пятьдесятъ или семьдесятъ пять, и чтобы этого не знала Ванскокъ».

Этимъ и оканчивалось знаменательное письмо гражданки Цинри-Кинри.

Бодростина, свернувъ листокъ и суя его въ карманъ, толкнулась рукой объ руку Висленева и вспомнила, что она еще до сихъ поръ нѣкоторымъ образомъ находится въ его объятіяхъ.

Занятая тѣмъ, что̀ сейчасъ прочитала, она безцѣльно взглянула полуоборотомъ лица на Висленева и остановилась; взглядъ ея вдругъ сверкнулъ и заискрился.

«Это прекрасно!—мелькнуло въ ея головѣ.—Какая блестящая мысль! Какое великое счастіе! О, никто, никто на свѣтѣ, ни одинъ мудрецъ и ни одинъ доброжелатель не могъ бы мнѣ оказать такой неоцѣненной услуги, какую оказываютъ Кишенскій и княгиня Казимира!.. Теперь я снова я,—я спасена и госпожа положенія... Да!»

— Да!—произнесла она вслухъ, продолжая въ умѣ свой планъ и подъ вліяніемъ думъ пристально глядя въ глаза Висленеву, который смѣшался и заленталъ что-то въ родѣ упрека.

— Ну, ну, да, да!—повторяла съ разстановками, держась за голову, Бодростина и, съ этимъ бросясь на отоманъ, разразилась неудержимымъ истерическимъ хохотомъ.

Увлеченный ею въ этомъ движеніи, Висленевъ задѣлъ рукой за лампу, и въ комнатѣ настала тьма, а черепки стекла зазвенѣли по полу. На эту сцену явился Гордановъ: онъ засталъ Бодростину, весело смѣющуюся, на диванѣ и Висленева, собирающаго по полу черепки лампы.

— Что такое здѣсь у васъ случилось?

— Это все онъ, все онъ!—отвѣчала сквозь смѣхъ Бодростина, показывая на Висленева.

— Я!.. я! При чемъ здѣсь я?—вскочилъ Іосафъ Платоновичъ.

— Вы?.. вы ни при чемъ! Идите въ мою уборную и принесите оттуда лампу!

Іосафъ Платоновичъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

— Что это такое было у васъ съ Подозеровымъ?—спросила у Горданова Глафира, ставъ предъ нимъ, какъ только вышелъ за двери Висленевъ.

— Ровно ничего.

— Неправда, я кой-что слышала: у васъ будетъ дуэль.

— Отнюдь нѣтъ.

— Отнюдь нѣтъ! Ага!

Висленевъ появился съ лампой и вдвоемъ съ Гордановымъ сталъ исправлять нарушенный на столѣ порядокъ, а Глафира Васильевна, не теряя минуты, вошла къ себѣ въ комнату и, доставъ изъ туалетнаго ящика двѣ радужныя ассигнаціи, подала ихъ горничной, съ приказаніемъ отпра-

вить эти деньги завтра въ Петербургъ, безъ всякаго письма, по адресу, который Бодростина наскоро выписала изъ письма Цицри-Кицри.

— Затѣмъ, послушай, Настя,—добавила она, остановивъ дѣвушку. — Ты въ черномъ платьѣ... это хорошо... Ночь очень темна?

— Не видно зги, сударыня, и тучится-съ.

— Прекрасно, — сходи, пожалуйста, на мельницу... и... Ты знаешь какъ пускаютъ шлюзъ? Это легко.

— Попробую-съ.

— Возьмись рукой за ручку на валу и поверни. Это совсѣмъ не трудно, и упусти заслонку по рѣкѣ, или забрось ее въ крапиву, а потомъ бѣги домой чрезъ березникъ... Понимаешь?

— Все будетъ сдѣлано-съ.

— И это нужно скоро.

— Сію же минуту иду-съ.

— Бѣги, и платья чернаго нигдѣ не поднимай, чтобы не сверкали бѣлыя юбки.

— Сударыня, ужели первый разъ ходить?

— Ну, да, иди же и все сдѣлай.

И Бодростина изъ этой комнаты перешла къ запертымъ дверямъ Ларисы.

— Прости меня, сіѣте Глафира; я очень разнемоглась и была не въ силахъ выйти къ столу,—начала Лариса, открывъ дверь Глафирѣ Васильевнѣ.

— Все знаю, знаю; но надо быть дѣвушкой, а не ребенкомъ: ты понимаешь, что можетъ случиться?

— Дуэль?

— А конечно!

— Но, Боже, что я могу сдѣлать?

— Прежде всего не ломать руки, а обтереть лицо водой и выйти. Одно твое появленіе его немножко успокоитъ.

— Кого его?

— Его, кого ты хочешь.

— Но я вѣдь не могу идти, Глафира.

— Ты должна.

— Помилуй, я шатаюсь на ногахъ.

— Я поддержу.

И Глафира Васильевна еще привела нѣсколько доказа-

тельствъ, убѣдившихъ Ларису въ томъ, что она должна преодолѣть себя и выйти внизъ къ гостямъ.

Лара подумала и стала обтирать заплаканное лицо, сначала водой, а потомъ пудрой, между тѣмъ какъ Бодростина, поджидая ее, ходила все это время взадъ и впередъ по ея комнатѣ, и наконецъ проговорила:

— Ахъ, красота, красота, сколько изъ-за нея дѣлается безобразія!

— Я проклинаю ее... мою красоту, — отвѣчала, наскоро вытираясь предъ зеркаломъ, Лариса.

— Проклинай или благословляй, это все равно; она наружѣ и внушаетъ чувство.

— Чувство! Глафира, развѣ же это чувство?

— Любовь!.. А это что же такое, какъ не чувство? Страсть, «влеченье, родъ недуга».

— Любовь! такъ ты это даже называешь любовью! Нѣтъ; это не любовь, а развѣ звѣрство.

— Мужчины всегда такъ: что наше, то намъ не нужно, а что оспорено, за то сейчасъ и въ драку. Однако идемъ къ нимъ, Лара!

— Идемъ; я готова, но,—добавила она на ходу, держась за руку Бодростиной:—я все-таки того мнѣнія, что есть на свѣтѣ люди, которые относятся иначе...

— То-есть какъ это иначе?

— Я не могу сказать какъ... но иначе!

«Эхъ ты, бѣдный, бѣдный межеумокъ! — думала Бодростина.—Ей въ руки дается не человѣкъ, а кладъ: съ душой, съ умомъ и съ преданностью, а ей нужно она сама не знаетъ чего? Нѣтъ; на этотъ счетъ стрижки были васъ умнѣе. А впрочемъ, это прекрасно: пусть ее занята Гордановымъ... Не можетъ же онъ на ней жениться... А если?.. Да нѣтъ, не можетъ!»

Въ это время они дошли до дверей портретной, и Бодростина, представивъ гостямъ Ларису, сказала, что вмѣсто исчезнувшей лампы является живой, всеосвѣжающій свѣтъ.

— Свѣтильникъ безъ масла долго ли горитъ? — спросила она шопотомъ Подозерова, садясь возлѣ него на свое прежнее мѣсто.—Совѣтую помнить, что я сказала: и въ поцѣлуяхъ, и въ объятіяхъ умъ имѣетъ великое значеніе! А теперь, господа, — добавила она громко: — пьемъ за здоровье

того, кто за кого хочетъ, и простите за плохой ужинъ, какимъ я васъ накормила.

Столъ кончился, и Гордановъ тотчасъ же исчезъ. Бодростина зорко посмотрѣла ему вслѣдъ и велѣла человѣку подать на балконъ садовую свѣчу.

— Немножко нужно освѣжиться. Ночь темная, но тепла и ароматна... Ею надо пользоваться, скоро уже завоетъ вьюга и польютъ дожди.

Подозеровъ сталъ прощаться.

— Постойте же; сейчасъ вамъ запрягутъ карету.

— Нѣтъ, Бога ради, не нужно: я люблю ходить пѣшкомъ: здѣсь такъ близко, я скоро хожу.

Но Бодростина такъ твердо настояла на своемъ, что Подозеровъ долженъ былъ согласиться и остался ждать кареты.

— А я въ одну минуту возвращусь,—молвила она и ушла съ балкона.

Лариса, тотчасъ какъ только осталась одна съ Подозеровымъ, взяла его за руку и шепнула:

— Бога ради, зовите меня съ собою.

— Это неловко,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Но вы не знаете...

— Все знаю: вамъ не будетъ угрожать ничто, идите спать, заприте дверь и не вынимайте ключа, а завтра уѣзжайте. Идите же, идите!

— Вѣдь я не виновата...

— Вѣрю, знаю; идите спать!

— Повѣрьте мнѣ: все прошлое...

— Все прошлое не существуетъ болѣе, оно погребено и крестъ надъ нимъ поставленъ. Я совладѣлъ съ собою, не бойтесь за меня: я вылѣченъ и болѣе не захвораю, но дружба моя навсегда послѣдуетъ за вами всюду.

— Погребено...—заговорила-было Лариса, но не успѣла досказать, что̀ хотѣла.

— Ахъ, Боже, что это такое? Вы слышите, вдругъ хлынула вода!—воскликнула, вбѣгая въ это время на балконъ, Глафира Васильевна, и тотчасъ же послала людей на фабричную плотину, на которой уже замелькали огни и возлѣ нихъ показывались тѣни.

Человѣкъ доложилъ, что готова карета.

Подозеровъ простился; Лариса пошла къ себѣ наверхъ,

а Глафира Васильевна, открывъ окно въ залѣ, крикнула кучеру:

— На мостъ теперь идетъ вода, поѣзжай черезъ плотину, тамъ люди посвѣтятъ.

Лошади тронулись, а Бодростина все не отходила отъ окна, докуда тѣнь кареты не пробѣжала мимо свѣтящихся на плотинѣ фонарей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Подъ крыломъ у темной ночи.

Проводивъ Подозерова, Глафира вернулась на балконъ, гдѣ застала Водопьянова. «Сумасшедшій Бедуинъ» теперь совсѣмъ не походилъ на самого себя: онъ былъ въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ, въ камлотовой шинели съ капюшономъ, съ камфарной сигареткой во рту и держалъ въ рукѣ большую золотую табакерку. Онъ махалъ ею и, дѣлая безпрестанно прыжки на одномъ мѣстѣ, весь трясся и бормоталъ.

Видъ «Сумасшедшаго Бедуина» и его кривлянья и безпокойство производили, посреди царствующей темной ночи, самое непріятное впечатлѣніе.

Какъ ни была занята Бодростина своими дѣлами, но эта метаморфоза остановила на себѣ ея вниманіе, и она сказала:

— Что вы, Свѣтозаръ Владеновичъ, какой странный!

— А?.. что?.. Да, странникъ... ѣду, ѣду,—заговорилъ онъ, еще шибче махая въ воздухѣ своимъ капюшономъ.—Скверная планета, скверная: вдругъ холодно, вдругъ холодно, ухъ, жутко... жутко, жутко... кракъ! сломано! а другая женщина все поправитъ, поправитъ!

— Что это вы такое толкуете себѣ подъ носъ? Какая другая женщина и что она поправитъ?

— Все, все... ей все легко. И-и-и-хъ! И-и-и-хъ! Прочь, прочь, прочь, вотъ я тебя табакеркой! Вотъ!..—И онъ дѣйствительно замахнулся своей табакеркой и ударилъ ею нѣсколько разъ по своему капюшону, который въ это время взвился и махалъ надъ его головой. — Видѣли вы? — заключилъ онъ, вдругъ остановясь и обращаясь къ Бодростиной.

— Что такое надо было видѣть?

— А черную птицу съ однимъ крыломъ? Опять! опять! прочь!

И съ этими словами Водопьяновъ опять замахалъ табакеркой, заскакалъ по лѣстницѣ, спустился по ней и исчезъ.

Бодростина не обратила на это никакого вниманія. Онъ уже надоѣлъ ей, и притомъ она была слишкомъ занята своими мыслями и стояла около часа возлѣ перилъ, пока по куртинѣ вдоль акацій не мелькнула какая-то тѣнь съ ружьемъ въ рукѣ.

При появленіи этой тѣни, Глафира Васильевна тихо шмыгнула за дверь и оттуда произнесла свистящимъ шопотомъ:

— Прахъ на двухъ лапкахъ!

Тѣнь вздрогнула, остановилась и потомъ вдругъ бросилась бѣгомъ впередъ; Бодростина же прошла рядъ пустыхъ комнатъ, взошла къ себѣ въ спальню, отпустила дѣвушку и осталась одна.

Черезъ полчаса ея не было и здѣсь, она уже стояла у двери комнаты Павла Николаевича, на противоположномъ концѣ дома.

— Поль, отопри!—настойчиво потребовала она, стукнувъ рукой въ дверь.

— Я легъ и погасилъ свѣчу,—отвѣчалъ дрожащимъ, первымъ голосомъ Гордановъ.

— Ничего, мнѣ надо съ тобой говорить. Довольно сибаритничать: настало время за работу,—заговорила она, переступя порогъ, межъ тѣмъ какъ Гордановъ зажегъ свѣчу и снова юркнулъ подъ одѣяло. — Я получила важныя вѣсти.

И она разсказала ему содержаніе знакомаго намъ письма Ципри-Кипри.

— Ты долженъ ѣхать немедленно въ Петербургъ.

— Это невозможно, меня тамъ схватятъ.

— Что бы ни было, я тебя выручу.

— И что же я долженъ тамъ дѣлать?

— Способствовать всѣмъ плутнямъ, но не допускать ничего крупнаго, а, главное, передать моего старика совсѣмъ въ руки Казимиры. Ты ѣдешь? Ты долженъ ѣхать. Я дамъ тебѣ денегъ. Иначе... ты свободенъ дѣлать что хочешь.

— Хорошо, я поѣду.

— И это лучше для тебя, потому что здѣсь ты, я вижу, начинаешь портиться и лѣзешь въ омутъ.

— Я?

— Да, ты. Благодари меня, что твое ружье осталось сегодня заряженнымъ.

— Ага! такъ это вотъ откуда ударилъ живоносный источникъ!

— Ну, да, а ты думалъ... Но что это такое? On frappe!

Дверь дѣйствительно немножко колыхалась.

— Кто тамъ?—окликнула, вскочивъ, Бодростина.

Въ эту же секунду дверь быстро отворилась, и Глафира столкнулась лицомъ къ лицу съ Висленевымъ.

— Вотъ видите!—удивилась она.

— Я пришелъ сюда за спичкой, Глафира Васильевна,— пробормоталъ Висленевъ.

— Да, ты удивительно находчивъ, — замѣтилъ ему Гордановъ:—но дѣло въ томъ, что вотъ тебѣ спички; бери ихъ и отправляйся вонъ.

— Нѣтъ, онъ пришелъ сюда довольно кстати: пусть онъ меня проводитъ отсюда назадъ.

И Бодростина поднялась и пошла впереди Висленева.

— Вы по какому же праву меня ревнуете? — спросила она вдругъ, нахмурясь и остановясь съ Іосафомъ въ одной изъ пустыхъ комнатъ.—Чего вы на меня смотрите? Не хотите ли отказываться отъ этого? Можете, но это будетъ очень глупо! Вы пришли, чтобы помѣшать мнѣ видѣться съ Гордановымъ. Да?.. Но вотъ вамъ сказъ: кто хочетъ быть любимымъ женщиной, тотъ прежде всего долженъ этого заслужить. А потомъ... вторая истина заключается въ томъ, что всякая истинная любовь скромна!

— Но чѣмъ я не скроменъ?—молвилъ, сложивъ у груди руки, Висленевъ.

— Вы нескромны. Любить такимъ образомъ, какъ вы меня хотите любить, этакъ меня всякій полюбитъ, мнѣ этого рода любовь надоѣла, и меня ею не возьмете. Понимаете вы, *такъ* ничего не возьмете! Хотите любить меня,— любите такъ, какъ меня никто не любилъ. Это одно еще мнѣ, можетъ-быть, не будетъ противно: сдѣлайтесь тѣмъ, чѣмъ я хочу, чтобы вы были.

— Буду, буду. Буду чѣмъ вы хотите!

— Тогда и надѣйтесь.

— Но чѣмъ же мнѣ быть?

— Это вамъ должно быть все равно: будьте тѣмъ, чѣмъ я захочу васъ возлѣ себя видѣть. Теперь мнѣ нравятся спириты.

— Вы шутите! Неужто же мнѣ быть спиритомъ?

— Ага! еще «неужто!» Послѣ такихъ словъ рѣшено: это условіе, безъ котораго ничто невозможно.

— Но это вѣдь... это будетъ не разумно-логичное требованіе, а капризъ.

Бодростина отодвинулась шагъ назадъ и, окинувъ Висленева съ головы до ногъ сначала строгимъ, а потомъ насмѣшливымъ взглядомъ, сказала:

— А если бъ и такъ? Если бъ это и капризъ? Такъ вы еще не знали, что такая женщина, какъ я, имѣетъ право быть капризною? Такъ вы, прежде чѣмъ что-либо между нами, уже укоряете меня въ капризахъ? Прощайте!

— Нѣтъ, Бога ради... позвольте... я буду дѣлать все, что вы хотите.

— Да, конечно, вы должны дѣлать все, что я хочу! Иначе за что же, за что я могу вамъ позволять надѣяться на какое-нибудь мое вниманіе? Ну, сами скажите: за что? что такое вы могли бы мнѣ дать, чего сторицей не далъ бы мнѣ всякой другой? Вы сказали: «капризъ». Такъ знайте, что и то, что я съ вами здѣсь говорю, тоже капризъ, и его сейчасъ не будетъ.

— Нѣтъ, Бога ради: я на все согласенъ.

Она молча взяла его за руку и потянула къ себѣ; Іосафъ поднялъ-было лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ цѣлую пока за послушаніе въ лобъ, и только...

— Опять капр... Гм! Гм!..

— А разумѣется, капризъ; неужели что-нибудь другое,— отвѣчала, уходя въ дверь, Бодростина.—Но,—добавила она весело, остановясь на минуту на порогѣ:—женскій капризъ бываетъ безъ границъ, и кто этого не знаетъ во-время, у того женщины подъ носомъ запираютъ двери.

И съ этимъ она исчезла; ключъ щелкнулъ, и Висленевъ остался одинъ въ темнотѣ.

Онъ подошелъ къ запертой двери, съ трудомъ ощупалъ замочную ручку и, пошевеливъ ее, назвалъ Глафиру, но собственный голосъ ему показался прегадкимъ-гадкимъ,

надтреснувшимъ и сѣвшимъ, а изъ-за двери ни гласа, ни послушанія. Глафира, очевидно, ушла далѣе, да и чего ей ждать?

Висленевъ вздохнулъ и, заложивъ назадъ руки, пошелъ тихими шагами въ свою комнату.

«Все еще не везетъ,—размышлялъ онъ.—Вотъ, думалъ: здѣсь повезетъ, анъ не везетъ. Не старъ же еще я въ самомъ дѣлѣ! А? Конечно, не старъ... Нѣтъ, это все коммунки, коммунки проклятыя дѣлаютъ: наболтаешься тамъ со стриженными, вотъ за длинноволосыхъ и взяться не умѣешь! Надо вотъ что... надо повторить жизнь... Начну-ка я старинные романы читать, а то въ самомъ дѣлѣ у меня такія манеры, что даже неловко».

Между тѣмъ Бодростина, возвратившись въ свою комнату, тоже не опочила, сѣла и, начавъ писать, вдругъ ахнула.

— А гдѣ же онъ? Гдѣ Водопьяновъ? Опять исчезъ! Но теперь ты, мой другъ, не уйдешь. Нѣтъ, дѣла мои слагаются превосходно, и спиритизмъ мнѣ долженъ сослужить свою службу.

«Свѣтозаръ Владеновичъ!» написала она черезъ минуту, «чѣмъ я болѣе вдумываюсь, тѣмъ»... и пр., и пр. Однимъ словомъ, она съ обольстительною простотой открыла Водопьянову, какое вліяніе на нее имѣетъ спиритская философія, и заключила, что, чувствуя неодолимое влеченіе къ спиритизму, хочетъ такъ же откровенно, какъ онъ, назвать себя «спириткой».

Все это было сдѣлано немножко грубо и оляповато,— совсѣмъ не по-бодростиновски, но стоило ли церемониться съ «Сумасшедшимъ Бедуиномъ»? Глафира и не поцеремонилась.

Запечатавъ это письмо, она отнесла его въ комнату своей дѣвунки, положила конвертъ на столъ и велѣла завтра рано поутру отправить его къ Водопьянову, а потомъ уснула съ вѣрой и убѣжденіемъ, что для умнаго человѣка все на свѣтѣ имѣетъ свою выгодную сторону, все можетъ послужить въ пользу, даже и спиритизмъ, который, какъ крайняя противоположность тѣхъ теорій, ради которыхъ она утратила свою репутацію въ глазахъ моралистовъ, долженъ возвратить ей эту репутацію съ процентами и рекамбіо.

Если Гордановъ съ братіей и Ципри-Кипри съ сестрами

давно не упускаютъ слыть не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, то почему же ей этимъ манкировать? Это было бы просто глупо.

И Глафирѣ представилось ликованіе, какое будетъ въ извѣстныхъ ей чопорныхъ кружкахъ, которые, несмотря на ея офиціальное положеніе, оставались для нея до сихъ поръ закрытымъ небомъ, и она уснула, улыбаясь тому, какъ она вступитъ въ это небо возвратившейся заблуждавшеюся овцой, и какъ потомъ... дойдетъ по этому же небу до своихъ земныхъ цѣлей.

— Я буду... жена, которой не посмѣетъ даже и касаться подозрѣніе! Я должна сознаться, что это довольно смѣшно и занимательно!

Лариса провела эту ночь безъ сна, сидя на своей постели. Утро въ бодростинскомъ домѣ началось поздно: уснувшая на разсвѣтѣ Лариса проспала, Бодростина тоже, но зато ко вставанію послѣдней ей готовъ былъ сюрпризъ: ей былъ доставленъ отвѣтъ Водопьянова на ея вчерашнее письмо, — отвѣтъ, вполнѣ достойный «Сумасшедшаго Бедуина». Онъ весь заключался въ слѣдующемъ: «Бобчинскій спросилъ: — можно называться? а Хлестаковъ отвѣчалъ: — пусть называется».

И болѣе не было ничего, ни одного слова, ни подписи.

Бодростина съ досадой бросила въ ящикъ письмо и сошла внизъ къ мужчинамъ, вся въ черномъ, противъ своего обыкновенія.

Между тѣмъ, пока дамы спали, а потомъ дѣлали свой туалетъ, въ сѣни мужской половины явился оборванный и босоногій крестьянскій мальчонко и настойчиво требовалъ, чтобы длинный чужой баринъ вышелъ къ кому-то за гуменникъ.

— Кто же его зоветъ туда?—добивались слуги.

— А баринъ съ печатью на шляпѣ далъ мнѣ грошъ; на, говоритъ, бѣжи въ хоромы и скажи, чтобъ онъ сейчасъ вышелъ.

Слуги догадались, что дѣло идетъ о Висленевѣ, и доложили ему объ этомъ. Іосафъ Платоновичъ посовѣтовался съ Гордановымъ и пошелъ по курьезному вызову на таинственное свиданіе.

За гуменникомъ его ждалъ Форовъ.

— Здравствуйте-съ, мы съ вами должны уговориться, —

началъ майоръ:—Гордановъ съ Подозеровымъ хотятъ стрѣляться, а мы секунданты, такъ вотъ мои условія: стрѣляться завтра, въ пять часовъ утра, за городомъ, въ Корольковскомъ лѣсу, на горкѣ. Стрѣлять разомъ, и при промахахъ съ обѣихъ сторонъ выстрѣлъ повторить. Что, вы противъ этого ничего?

— Я ничего, но я вообще противъ дуэли.

— Ну, вы объ этомъ статью напишите, а теперь не ваше дѣло.

— А вы развѣ за дуэль?

— Да; я за дуэль, а то очень много подлецовъ разведется. Такъ извольте не забыть условія и затѣмъ имѣю честь...

Форовъ повернулся и ушелъ.

Въ домѣ у Бодростиной, къ удивленію, никто этого не узналъ.

Гордановъ принялъ условія Форова и настрого запретилъ Висленеву выдавать это хоть однимъ намекомъ. Тотъ тотчасъ струсилъ.

Утро прошло скучно. Глафира Васильевна говорила о спиритизмѣ и о томъ, что она Водопьянова уважаетъ; гости зѣвали. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ собрались въ городъ, но Лариса не хотѣла ѣхать въ свой домъ одна съ братомъ и желала, чтобъ ее отвезли на хуторъ къ Синтяниной, гдѣ была Форова. Для исполненія этого ея желанія Глафира Васильевна устроила переѣздъ въ городъ въ родѣ partie de plaisir; они поѣхали въ двухъ экипажахъ: Лариса съ Бодростиной, а Висленевъ съ Гордановымъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Послѣ скобеля топоромъ.

Увидавъ себя на дворѣ генеральши, Лариса въ первый разъ въ жизни почувствовала тотъ сладостный трепетъ сердца, который ощущается человѣкомъ при встрѣчѣ съ близкими людьми, послѣ того какъ ему казалось, что онъ ихъ теряетъ невозвратно.

Лариса кинулась на шею Александрѣ Ивановнѣ и много разъ кряду ее поцѣловала; такъ же точно она встрѣтилась и съ теткой Форовой, которая, однако, была съ нею притворно холодна и приняла ея ласки очень сухо.

Бодростина была всегда и вездѣ легкой гостьей, никогда не заставлявшею хозяевъ заботиться о ней, чтобъ ей было не скучно. У нея всегда и вездѣ находились собесѣдники, она могла говорить съ кѣмъ угодно: съ честнымъ человѣкомъ и съ негодяемъ, съ монахомъ и комедіянтомъ, съ дуракомъ и съ умнымъ. Опытъ и практическія наблюденія убѣдили Глафиру Васильевну, что на свѣтѣ все можетъ пригодиться, что нѣтъ лишняго звена, которое бы умный человѣкъ не могъ положить не туда, такъ сюда, въ свое зданіе. Послѣдняя мысль о спиритизмѣ, который она рѣшилась эксплоатировать для возстановленія своей репутаціи, еще болѣе утвердила ее въ томъ, что все стоитъ вниманія и все пригодно.

Очутясь у Синтяниной, которую Бодростина ненавидѣла тою ненавистью, какою безсердечныя женщины ненавидятъ женщинъ строгихъ правилъ и открытыхъ, честныхъ убѣжденій, Глафира разсыпалась предъ нею въ шутливыхъ комплиментахъ. Она называла Александру Ивановну «русской матроной» и сожалѣла, что у нея нѣтъ дѣтей, потому что она вѣрно бы сдѣлалась матерью русскихъ Гракховъ.

По поводу отсутствія дѣтей, она немножко вольно пошутила, но, замѣтивъ, что у генеральши дрогнула бровь, сейчасъ же обратила рѣчь къ Ларисѣ и воскликнула:

— Да когда же это ты, Лара, выйдешь наконецъ замужъ, чтобы при тебѣ можно было о чемъ-нибудь говорить?

Висленевъ, по обыкновенію, расхаживалъ важною журавлиною походкой и, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ карманы, остальными медленно и отчетисто ударялъ себя по панталонамъ. Говорилъ онъ сегодня, противъ своего обыкновенія, очень мало, и все какъ будто хотѣлъ сказать что-то необыкновенное, но только не рѣшался.

Зато Гордановъ смотрѣлъ на всѣхъ до наглости смѣло и видимо порывался къ дерзостямъ. Порывы эти проявлялись въ немъ такъ беззастѣнчиво, что Синтянина на него только глядѣла и подумывала: «каково заручился!» Отъ времени до времени онъ поглядывалъ на Ларису, какъ бы желая сказать: смотри, какъ я раздраженъ, и это все чрезъ тебя; я не дорожу никѣмъ и сорву свой гнѣвъ на комъ представится.

Лариса имѣла видъ невыгодный для ея красоты: она выглядывала потерянною и больше молчала. Не такова она была только съ одною Форовой. Лариса слѣдила за теткой, и когда Катерина Астафьевна ушла въ комнаты, чтобы наливать чай, бѣдная дѣвушка тихо, съ опущенною головкой, послѣдовала за нею и, догнавъ ее въ темныхъ сѣняхъ, обняла и поцѣловала.

Катерина Астафьевна притворилась, что она сердита и будто даже не замѣтила этой ласки племянницы.

Лариса сѣла противъ нея за столъ и заговорила о незначительныхъ посторонннихъ предметахъ. Форова не отвѣчала.

— Вы, тетя, сегодня здѣсь ночуете?—наконецъ спросила Лариса.

— Не знаю-съ, какъ мнѣ Богъ по сердцу положитъ.

— Поѣдемте лучше домой.

— Куда это? Тебѣ одна дорога, а мнѣ другая. Вамъ въ Тверь, а намъ въ дверь.

Лариса встала и, зайдя сзади тетки, поцѣловала ее въ голову. Она хотѣла приласкаться, но не умѣла, — все это у нея выходило какъ-то неестественно. Форова это почувствовала и сказала:

— Сядь ужъ лучше, пожалуйста, милая, на мѣсто, не строй подлизе́.

У Ларисы больше въ запасѣ ничего не нашлось, она въ самомъ дѣлѣ сѣла и отвѣчала только:

— Я думала, что вы, тетя, добрѣе.

— Какъ не добрѣе! ты вѣрно думала, что если меня по шеѣ будутъ гнать, такъ я буду шею только потолще обертывать. Не сподобилась я еще такого смиренія.

— Простите меня, тетечка, если я васъ обидѣла. Я была очень разстроена.

— Что-й-то, говорятъ, ты скоро замужъ идешь?

— За кого это?

— За кого же, какъ не за Гордашку? Нѣтъ, а Подозеровъ, ей-Богу, молодецъ!

Форова захохотала.

— Ты, вѣрно, думала, что ему уже живого разстанья съ тобою не будетъ, а онъ раскланялся и былъ таковъ: носъ наклеилъ. Вотъ, на же тебѣ!.. Люблю такихъ мужчинъ до смерти и хвалю.

— И даже хвалите?

— А, разумѣется, хвалю! Да что на насъ, дуръ, смотрѣть, какъ мы ломаемся? Этого добра вездѣ много, а женишки нынче въ сапожкахъ ходятъ, а особенно хорошіе.

Лариса встала и вышла.

— Кусаетъ, барышня, кусаетъ! — промолвила про себя Форова и еще долго продолжала сидѣть одна за чайнымъ столомъ въ маленькой передней и посылать гостямъ стаканы въ осинникъ. Размышленіямъ ея никто не мѣшалъ, кромѣ дѣвочки, приходившей перемѣнять стаканы.

Но вотъ по крыльцу послышался шорохъ юбокъ, и въ комнату скорыми шагами вошла Александра Ивановна.

— Что сдѣлалось съ Гордановымъ?—сказала она, быстро подходя къ Форовой.—Представь ты, что онъ, что ни слово, то старается всѣмъ сказать какую-нибудь дерзость!

— И тебѣ что-нибудь сказалъ?

— Да, разные намеки. И Бодростиной, и Висленеву. А бѣдняжка Лара совсѣмъ при немъ смущена.

— Есть грѣхъ.

— А Подозеровъ съ Гордановымъ даже и не говорятъ; между ними что-то было.

Въ это время голоса гостей послышались подъ самыми окнами на дворѣ.

— Огня! Жизни! Господа, въ комъ есть огонь: я горѣть хочу!—говорила, стоя на одномъ мѣстѣ, Бодростина.

Ни Лариса, ни Подозеровъ, ни Гордановъ и Висленевъ не трогались, но въ эту минуту вдругъ сильнымъ порывомъ распахнулась калитка и на дворъ влетѣли отецъ Евангелъ и майоръ Форовъ, съ огромной палкой въ рукѣ и вѣчною толстою папироскою во рту.

Оба эти новыя лица были отчего-то въ большихъ попыхахъ и неслись какъ буревѣстники передъ грозой.

Встрѣтивъ стоящее на дворѣ общество, они, повидимому, смѣшались, но, однако, Форовъ тотчасъ же поправился и, взявъ за руку Бодростину, сказалъ:

— Цѣлую вашу лапку!—и дѣйствительно поцѣловалъ ее.

— Мегсі, Филетеръ Ивановичъ, за вниманіе, я нуждаюсь въ немъ, я хочу горѣть и никто не спѣшитъ угасить мой пламень... Вы умѣете бѣгать?

— Какъ скороходъ.

— Заяцъ быстрѣе бѣгаетъ, чѣмъ скороходъ,—отозвался Гордановъ.

Майоръ не обратилъ на эти слова никакого вниманія.

— Кто же со мной?—вызывалъ онъ.

— Я,—отвѣчала, сходя съ крыльца, генеральша и стала съ Форовымъ и побѣжала.

Бодростина поймала Александру Ивановну.

Форовъ былъ неуловимъ: онъ дѣйствительно бѣгалъ какъ заяцъ.

Висленевъ подалъ руку сестрѣ и сталъ во вторую пару.

Майоръ тотчасъ же поймалъ Ларису.

Шумъ, бѣготня этой игры и крики и смѣхъ, безъ которыхъ не обходятся горѣлки, придали всѣмъ неожиданное оживленіе и вызвали даже майоршу.

— Давайте и мы съ вами пожируемъ,— пригласилъ ее тотчасъ отецъ Евангелъ и, подобравъ вокругъ себя подрясникъ, побѣжалъ третьей парой, но спутался со своею дамой и упалъ.

Это возбудило общій хохотъ.

— Одинъ Гордановъ не принималъ участія! Что это такое? Играйте сейчасъ, Гордановъ, я вамъ это приказываю,—попутила Бодростина.

— Не слушаю я ничьихъ приказовъ.

— Послушайте хоть въ шутку.

— Ни въ шутку, ни въ серьезъ.

— Вышелъ изъ повиновенія! Ну, такъ серьезничайте же за наказаніе.

— Я не серьезничаю, а не хочу падать.

— Не велика бѣда.

— Да, кому падать за обычай, тому дѣйствительно не штука и еще одинъ лишній разъ упасть.

Бодростина сдѣлала видъ, что не слыхала этихъ словъ, побѣжала съ Форовымъ, но майоръ все слышалъ и немножко покосился.

— Послушайте-ка,—сказалъ онъ, улучивъ минуту, Синтяниной.—Замѣчаете вы, что Гордановъ завирается!

— Да, замѣчаю.

— И что же?

— Ничего.

— Гмъ!

— Онъ этимъ себѣ реноме здѣсь составилъ; но все-таки

я думала, что онъ умѣетъ и знаетъ, гдѣ что можно и гдѣ нельзя.

— Чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось.

— Ничего; онъ зазнался; а можетъ-быть и совсѣмъ не зналъ, что мои двери такимъ людямъ заперты.

Между тѣмъ Катерина Астафьевна распорядилась закуской. Столъ былъ накрытъ въ той комнатѣ, гдѣ въ началѣ этой части романа сидѣла на полу Форова. За этимъ покосмъ, въ отворенную дверь была видна другая очень маленькая комнатка, гдѣ надъ диваномъ, какъ разъ предъ дверью, висѣлъ задернутый густою драпировкой изъ кисеи портретъ первой жены генерала, Флоры. Эта каютка была спальня генеральши и Вѣры, и болѣе во всемъ этомъ жильѣ никакого помѣщенія не было.

Мужчины подошли къ закускѣ и выпили водки.

— Фора! — возгласилъ неожиданно Гордановъ, наливая себѣ во второй разъ полрюмки вина.

— Чего-съ?—оборотился къ нему Форовъ.

— Ничего: я говорю «фора», даю знакъ пить снова и снова.

— Ахъ, это!..

— Ну-съ; я васъ поздравляю: ему быть отъ меня битому,—шепнулъ, наклонясь къ Синтяниной, майоръ.

— Надѣюсь, только не здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ!

Висленевъ разсказывалъ сестрѣ, Форовой и Глафирѣ о странномъ снѣ, который ему привидѣлся прошлою ночью.

— Не вѣрь, батюшка, снамъ, всѣ они врутъ,—отвѣтила ему майорша.

— Есть пустые сны, а есть сны вѣщіе, — возразилъ ей Висленевъ. — Мнѣ нравится на этотъ счетъ теорія спиритовъ. Вы ее знаете, Филетеръ Ивановичъ?

— Читали мы кой-что. Помнишь, отецъ Евангелъ, новый завѣтъ-то ихній... Эка белиберда какая!

— Оно, говорятъ, вѣдь по Евангелію писано.

— Да; въ здоровый бульонъ мистическихъ помой подлито.

— Тѣхъ же щей, да пожиже захотѣлось,—вставилъ свое слово Евангелъ.

— А я уважаю спиритовъ и увѣренъ, что они дадутъ намъ нѣчто обновляющее. Смотрите: узкое, старое или такъ-

называемое церковное христіанство обветшало, и въ него— сознайтесь—искренно мало кто вѣритъ, а въ другой крайности, что же? Безплодный матеріализмъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ, и должно быть что-нибудь новое, это и есть спиритизмъ. Смотрите, какъ онъ захватываетъ въ Америкѣ и повсюду, напримѣръ у насъ въ Петербургѣ: даже нѣкоторые государственные люди...

— Столы вертятъ,—подсказалъ майоръ.—Что же, и прекрасно.

— Нѣтъ; не одни столы вертятъ, — а въ самомъ дѣлѣ отвѣты отъ мертвыхъ получаютъ.

— Ничего-съ, стихійное мудрованіе, все это кончится вздоромъ,—отрѣзалъ Евангелъ.

— Ну, подождите, какъ-то вы съ нимъ справитесь.

— Ничего-съ: христіанство и не такихъ враговъ видало.

— Ну, этакихъ не видало, это новая сила: это не грубый матеріализмъ, а это тонкая, тонкая сила.

— Во-первыхъ, это не сила,—отозвался Форовъ:—а во-вторыхъ, вы исторіи не знаете.

— Вотъ какъ! Кто вамъ сказалъ, что я ее не знаю?

— А, разумѣется, не знаете! Все это, государь мой, старье.

И Форовъ началъ перечислять Висленеву связи спиритизма съ мистическими и спиритуальными школами всѣхъ временъ.

— Да,—перебилъ Висленевъ:—но сказано вѣдь, что ново только то, что хорошо забыто.

— Анси ретурнементъ гуменъ-эстъ-фетъ,—отозвался отецъ Евангелъ, произнося варварскимъ, бурсацкимъ языкомъ французскія слова.—Да и сіе не ново, что все не ново.

Paix engendre prospérité,
De prospérité vient richesse,
De richesse orgueil et volupté,
D'orgueil—contentions sans cesse;
Contention—la guerre se presse...
La guerre engendre pauvreté,
La pauvreté l'humilité,
L'humilité revient la paix...
Ainsi retournement humain est fait!

Прочиталъ, ничто же сумняся и мня себя говорящимъ по-французски, Евангелъ.

Заинтересованные его французскимъ чтеніемъ, къ нему обернулись всѣ, и Бодростина воскликнула:

— Ахъ, какая у васъ завидная память!

— Нѣтъ-съ, и начитанность какая, добавьте! — заступился Форовъ.—Вы, Іосафъ Платонычъ, знаете ли, чьи это стихи онъ намъ привелъ? Это французскій поэтъ Климентъ Маро, котораго вы вотъ не знаете, а котораго, между тѣмъ, согнившія въ землѣ поколѣнія наизусть твердили.

— А за всѣмъ тѣмъ я все-таки спиритъ!—рѣшилъ Висленевъ.

Онъ ожидалъ, что его заявленіе просто произведетъ тревогу, но оно не произвело ничего. Только Форовъ одинъ отозвался, сказавъ:

— Я самъ, когда порядкомъ наспиртуюсь, такъ тоже дѣлаюсь спиритъ.

— Значитъ, это хроническое,—послышалось отъ Гордановa.

Форовъ всталъ изъ-за стола и, отойдя къ свѣчѣ, стоявшей на комодѣ, началъ перелистывать книжку журнала.

— Что это такое вы разсматриваете, майоръ?—спросилъ его Гордановъ, ставъ у него за спиной и чистя перышкомъ зубы. Но Форовъ, вмѣсто отвѣта, вдругъ нетерпѣливо махнулъ локтемъ и грубо крикнулъ:—Но-о!

Павелъ Николаевичъ, сдерживая улыбку, удивился.

— Чего это вы по-кучерски кричите?—сказалъ онъ:—я вѣдь не лошадь.

— Я не люблю, чтобъ у меня за ухомъ зубы чистили, я брюзгливъ.

— И не буду, майоръ, не буду, — успокоилъ его Гордановъ, фамильярно касаясь его плеча; но эта новая шутка еще больше не понравилась Форову, и онъ закричалъ:

— Не троньте меня, я нервенъ.

— При этакой-то корпуленціи и нервенъ?

И Гордановъ еще разъ слегка коснулся боковъ Форова. Майоръ совсѣмъ взбѣсился и у него затряслись губы.

— Говорю вамъ, не троньте меня: я щекотливъ!

— Господинъ Гордановъ, да не троньте же вы его!— проговорила, подходя къ мужу, Форова.

— Извините, я шутилъ,—отвѣчалъ Гордановъ:—и вовсе не думалъ разсердить майора. Вотъ, Висленевъ, ты теперь спиритъ, объясни же намъ по спиритизму, что это дѣлается

со здоровымъ человѣкомъ, что онъ вдругъ становится то брюзгливъ, то нервенъ, то щекотливъ и...

— Вонъ у него какая палка нынче съ собою! — поддержалъ пріятеля Висленевъ, взявъ поставленную майоромъ въ углу толстую бѣлую палку.

Но Форовъ, дѣйствительно, сталъ и нервенъ, и щекотливъ; онъ уже слышалъ то, чего другіе не слыхали, и обижался, когда его не хотѣли обидѣть.

— Не троньте моей палки!—закричалъ онъ, поблѣднѣвъ и весь заколотясь въ лихорадкѣ азарта, бросился къ Висленеву, вырвалъ палку изъ его рукъ и, ставя ее на прежнее мѣсто въ уголъ, добавилъ:—Моя палка чужихъ бьетъ!

— Господа, прекратите, пожалуйста, все это, — серьезно объявила, вставая, Александра Ивановна.

Гости почувствовали себя въ неловкомъ положеніи, и Гордановъ, Глафира и Висленевъ вскорѣ стали прощаться.

— Не будемъ сердиться другъ на друга,—сказала Бодростина, пожимая руки Синтяниной.

— Нисколько,—отвѣчала та.—До свиданія, Іосафъ Платоновичъ.

— А со мною вы не прощаетесь?—отнесся къ ней Гордановъ, котораго она старалась не замѣтить.

— Нѣтъ, съ вами-то именно я рѣшительнѣе всѣхъ прощаюсь.

— Позвольте вашу руку!

— Нѣтъ; не подаю вамъ и руки на прощанье, — отвѣчала Синтянина, принимая свою руку отъ руки Висленева и пряча ее себѣ за спину.

— Конечно, я знаю, мой пріятель во всемъ и всегда былъ счастливѣе меня... Я конкурировать съ Жозефомъ не посмѣю. Но, во всякомъ случаѣ, не желалъ бы... не желалъ бы по крайней мѣрѣ навлечь на себя небезопасный гнѣвъ вашего превосходительства.

Александра Ивановна слегка поблѣднѣла.

— Ваше превосходительство такъ хорошо себя поставили.

— Надѣюсь.

— Супругъ вашъ генералъ, имѣетъ такое вліяніе...

— Что даже его жена не защищена отъ наглостей въ своемъ домѣ.

— Нѣтъ; что предъ вами должно умолкнуть все, чтобы потомъ не каяться за слово.

— Вонъ!—воскликнула быстро Александра Ивановна и, вытянувъ впередъ руку, указала Горданову пальцемъ къ выходу.

Павелъ Николаевичъ не успѣлъ опомниться, какъ Форовъ отмахнулъ предъ нимъ настежь дверь и, держа въ другой рукѣ свою палку, которая «чужихъ бьетъ», сказалъ:

— Имѣю честь!

Гордановъ оглянулся вокругъ и, видя попрежнему вытянутую руку Синтянинои, вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ пошли Бодростина и Висленевъ и покатили въ городъ, Богъ вѣсть въ какомъ настроеніи духа.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Крестъ.

Отъ Александры Ивановны никто не ожидалъ того, что она сдѣлала. Выгнать человѣка вонъ изъ дома такимъ прямымъ и безцеремоннымъ образомъ, — это рѣшительно было не похоже на выдержанную и самообладающую Синтянину; но Гордановъ, давно ее злившій и раздражавшій, имѣлъ неосторожность или имѣлъ расчетъ коснуться такого больного мѣста въ ея душѣ, что сердце генеральши сорвалось, и произошло то, что мы видѣли.

На-время не станемъ доискиваться: былъ ли это со стороны Горданова неосторожный промахъ, или точно и вѣрно разсчитанный планъ, и возвратимся къ обществу, оставшемуся въ домикѣ Синтяниной послѣ отъѣзда Бодростиной, Висленева и Горданова.

Наглость Павла Николаевича и все его поведеніе здѣсь вообще взволновали всѣхъ. Никто, по его милости, теперь не былъ похожъ на себя. Форовъ бѣгалъ какъ звѣрь взадъ и впередъ; Подозеровъ, отворотясь отъ окна, у котораго стоялъ во все время дебюта Горданова, былъ блѣденъ какъ полотно и сжималъ кулаки; Катерина Астафьевна дергала свои сѣдые волосы, а отецъ Евангелъ сидѣлъ, сложа руки между колѣнъ, и, глядя себѣ въ ладони, то сдвигалъ, то раздвигалъ ихъ, не допуская одной до другой. Лариса же стояла какъ статуя печали. Одна Александра Ивановна была, повидимому, спокойнѣе всѣхъ, но и это было только повидимому: это было спокойствіе человѣка, удовлетворив-

шаго неудержимому порыву сердца, но еще не вдумавшагося въ свой поступокъ и не дававшаго себѣ въ немъ отчета. Человѣкъ въ первыя минуты послѣ вспышки чувствуетъ себя бодро и крѣпко, — крѣпче чѣмъ всегда, въ пору обыкновеннаго спокойнаго состоянія. Таково было теперь еще состояніе и Александры Ивановны. Она спокойно слушала восторги Форовой и глядѣла на благодарственные кресты, которыми себя осѣняла майорша. Одна Катерина Астафьевна была вполнѣ довольна всѣмъ тѣмъ, что случилось.

— Слава же тебѣ, Господи,—говорила она:—что на этого шишимору нашлась наконецъ гроза!

— Онъ уже слишкомъ зазнался! — замѣтила Александра Ивановна.—Ему давно надо было напомнить о его мѣстѣ.

И въ маленькомъ обществѣ начался весьма понятный при подобномъ случаѣ разговоръ, въ которомъ припоминались разныя выходки, безнаказанно сошедшія съ рукъ Гордановy.

Александра Ивановна, слушая эти разсказы, все болѣе и болѣе укрѣплялась во мнѣніи, что она поступила такъ, какъ ей слѣдовало поступить, хотя и начинала уже сожалѣть, что нужно же было всему этому случиться у нея и съ нею.

— Я надѣюсь, господа, — сказала она: — что такъ какъ дѣло это случилось между своими, то сору за дверь некому будетъ выносить, потому что я отнюдь не хочу, чтобъ объ этомъ узналъ мой мужъ.

— А почему это? — вмѣшалась Форова. — А по-моему, такъ, напротивъ, надо разсказать это Ивану Демьянычу, пусть онъ, какъ генералъ, и своею властью его за это хорошенько бы прошколилъ.

— Я не хочу огорчать мужа: онъ вспыльчивъ и горячъ, а ему это вредно, и потомъ скандалъ—все-таки скандалъ.

— Ну, да! вотъ такъ мы всегда: все скандаловъ боимся, а мерзавцы, подобные Гордашкѣ, этимъ пользуются. А ты у меня, Сойга Петровна! — воскликнула майорша, вдругъ подскочивъ къ Ларисѣ и застучавъ пальцемъ по своей ладони:—ты себѣ смотри и на усъ намотай, что если ты еще гдѣ-нибудь съ этимъ Гордашкой увидишься или позволишь ему къ себѣ подойти и станешь отвѣчать ему... такъ я... я не знаю, что тебѣ при всѣхъ скажу.

Синтяниной нравился этотъ поворотъ въ отношеніяхъ Форовой къ Ларисѣ. Она хотя и не сомнѣвалась, что майорша недолго просердится на Лару и примирится съ нею по собственной иниціативѣ, но все-таки ей было пріятно, что это уже случилось.

Форова теперь вертѣлась какъ юла, она вездѣ шарила свои пожитки, ласкала мужа, ласкала генеральшу и Вѣру, и нашла случай спросить Подозерова: говорилъ ли онъ о чемъ-нибудь съ Ларой или нѣтъ?

— Лариса Платоновна со мной не разговаривала,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Да; значитъ, ты не говорилъ. Ну, и прекрасно, такъ и показывай, что она тебѣ все равно, что ничего, да и только. Саша!—обратилась она къ Синтянинои:—вели намъ запрячь твою карафашку! Или ужъ намъ ее запрягли?

— Да; лошадь готова.

— Ну, Лара, ѣдемъ! А ты, Форовъ, хочешь съ нами на передочкѣ? Мы тебя подвеземъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не поѣду,—отвѣчалъ майоръ.

— Завтра пѣшкомъ идти все равно далеко... Садись съ нами! Садись, поѣдемъ вмѣстѣ, а то мнѣ тебя жаль.

Но Форовъ опять отказался, сказавъ, что у него еще есть дѣло къ отцу Евангелу.

— Ну, такъ я съ Ларой ѣду. Прощай.

И майорша, простясь съ мужемъ и съ пріятелями, вышла, подъ руку съ Синтянинои, съ Ларисой въ карафашку и взяла вожжи.

Вскорѣ по отъѣздѣ Ларисы и Форовой вышли и другіе гости, но передъ тѣмъ майоръ и Евангелъ предъявили Подозерову принесенныя имъ изъ города газеты съ литературой Кишенскаго и Ванскокъ. Подозеровъ поблѣднѣлъ, хотя и не былъ этимъ особенно тронутъ, и ушелъ спокойно, но на дворѣ вспомнилъ, что онъ будто забылъ свою папиросницу, и вернулся назадъ.

— Александра Ивановна! — позвалъ онъ. — Не осудите меня... я вернулся къ вамъ съ хитростью.

— Я васъ не осуждаю.

— Нѣтъ; серьезно: у меня есть странная, но очень важная для меня просьба къ вамъ.

— Что такое, Андрей Ивановичъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что въ силахъ.

— Да; вы это въ силахъ: не откажите, благословите меня этой рукой.

— Господи помилуй и благослови младенца Твоего Андрея,—произнесла, улыбаясь, Синтянина.

— Нѣтъ; вы серьезно, съ вашей глубокой вѣрой и отъ души вашей меня перекрестите.

— Но что съ вами, Андрей Иванычъ? Вы же сейчасъ только принимали все такъ холодно и были спокойны.

— Я и теперь спокоенъ какъ могила, но нѣтъ мира въ моей душѣ... Дайте мнѣ этого мира... положите на меня крестъ вашею рукой... Это... я увѣренъ, принесетъ мнѣ... очень нужную мнѣ силу.

Александра Ивановна минуту постояла, какъ бы призывая въ глубину души своей спокойствіе, и затѣмъ перекрестила Подозерова, говоря:

— Миръ мой даю вамъ и молю Бога спасти васъ отъ всякаго зла.

Подозеровъ поцѣловалъ ея руку и, выйдя, скоро догналъ за воротами Форова и Евангела, который, при приближеніи Подозерова, тихо говорилъ что-то майору. При его приближеніи они замолчали.

Подозеровъ догадался, что у нихъ рѣчь шла о немъ, но не сказалъ ни слова.

У перекрестка дорогъ, гдѣ священнику надо было идти направо, а Подозерову съ Форовымъ налѣво, они остановились, и Евангелъ сладостно заговорилъ:

— Андрей Иванычъ, зайдемте лучше переночевать ко мнѣ.

— Нѣтъ, я не могу,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Видите ли что... мы тамъ поговоримте съ моей папинькой (отецъ Евангелъ и его попадья звали другъ друга «папиньками»): она даромъ, что попадья, а иногда удивительные взгляды имѣетъ.

— Да, да, матушка умная женщина, поклонитесь ей; но я не могу, не могу, я спѣшу въ городъ.

Подозерову хотѣлось, чтобы никто, ни одна женщина съ нимъ болѣе не говорила и не касалась бы его ни одна женская рука.

Онъ несъ на себѣ благословеніе и хотѣлъ, чтобъ оно почивало на немъ ничѣмъ не возмущаемое.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Лариса не узнаетъ себя.

Висленевъ ѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ Бодростиной, Гордановъ же держалъ путь одинъ; онъ въ городѣ отсталъ отъ нихъ и, пріѣхавъ прямо въ свою гостиницу, отослалъ съ лакеемъ лошадь, а самъ остался дома.

Около полуночи онъ всталъ, взялъ, по обыкновенію, маленькій револьверъ въ карманъ и вышелъ.

Когда Лариса и Форова пріѣхали домой, Іосафъ Висленевъ еще не возвращался. Катерина Астафьевна и Лара не намѣрены были его ждать. Форова обошла со свѣчой весь домъ, попробовала свою цитру и, раздѣвшись, легла въ постель.

Лариса тоже была уже раздѣта.

Комнаты, въ которыхъ онѣ спали, были смежны.

Но Ларисѣ не спалось, она вышла въ залу, походила взадъ и впередъ и, взявъ съ фортепіанъ цитру, принесла ее къ теткѣ.

— Прошу васъ, сыграйте мнѣ что-нибудь, тетя.

— Вздумала же: ночью я буду ей играть!

— Да, именно, именно теперь, тетя, ночью.

Форова поднялась на локоть и торопливо заглянула въ глаза племянницы острымъ и безпокойнымъ взглядомъ.

— Что вы, тетя? Я ничего, но... мнѣ нестерпимо... я хочу звуковъ.

— Открой же рояль и сыграй себѣ сама.

— Нѣтъ, не рояль, а это вотъ, это, — отвѣчала Лара, морща лобъ и подавая теткѣ цитру.

Катерина Астафьевна взяла инструментъ, и нѣжные, щиплющіе звуки тонкихъ металлическихъ струнъ запѣли: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ».

Лариса стала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и часто взглядывала на изображеніе распинаемаго на Голгоѳѣ Христа.

Цитра кончила, но чрезъ минуту крошечный инструментъ снова защипалъ сердце, и ему неожиданно началъ вторить дребезжащій, но еще довольно сильный голосъ майорши.

«Помощникъ и покровитель, бысть мнѣ во спасеніе», — пѣла со своею цитрой Катерина Астафьевна.

Лара вздохнула и, оборотясь къ образу, тихо стала на

колѣни и заплакала, и молилась, молилась словами тетки, и вдругъ потеряла ихъ. Это ее удивило и разсердило. Она дѣлала всѣ усилія поймать оборванную мысль, но за стѣной ея спальни, въ залѣ, неожиданно грянулъ бальный оркестръ.

Лариса вскочила и взялась за лобъ... Ничего не было, никакого оркестра: ясно, что это ей только показалось.

Лариса посмотрѣла на часы, было уже часъ за полночь. Она взошла въ комнату тетки и позвала ее по имени, но Катерина Астафьевна крѣпко спала.

Лара поняла, что столбнякъ ея длился довольно долго, прежде чѣмъ ее пробудили отъ него звуки не существующаго оркестра, и удивилась, какъ она не замѣтила времени. Она торопливо заперла дверь въ залу на ключъ, помолилась наскоро предъ образомъ, раздѣлась, поставила свѣчу на предпостельномъ столикѣ и сѣла въ одной сорочкѣ и кофтѣ на диванѣ, который служилъ ей кроватью, и снова задумалась.

Такъ прошелъ еще часъ. Висленевъ все не возвращался еще; а Лариса все сидѣла въ томъ же положеніи, съ опущенною на грудь головой, съ одною рукой, упавшею на кровать, а другою окаменѣвшею съ перстомъ на устахъ. Черные волосы ея разбѣгались тучей по бѣлымъ плечамъ, нескромно открытымъ воротомъ сорочки; одна нога ея еще оставалась въ нескинутой туфлѣ, межъ тѣмъ какъ другая, босая и какъ мраморъ бѣлая, опиралась на голову разостланной у дивана тигровой шкуры.

«Господи! — думала она, мысленно проведя предъ собой всю свою недолгую прошлую жизнь. — Какой путь лежитъ предо мною и чѣмъ мнѣ жить? Въ какомъ капризѣ судьбы и для чего я родилась на этотъ свѣтъ, и для чего я, прежде чѣмъ начала жить, растеряла всѣ силы мои? Зачѣмъ предо мною такъ безпощадно одни осуждали другихъ и сами становились всѣ другъ друга хуже? Гдѣ же идеалъ?.. Я безъ него... Я вся дитя сомнѣній: я ни съ кѣмъ не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внучекъ. Мнѣ противны онѣ и противны тѣ, кто за нихъ стоитъ, и тѣ, кто ихъ осуждаетъ. Это все люди съ концомъ въ самомъ началѣ своей жизни... А гдѣ же живая душа съ вѣчнымъ движеніемъ впередъ? Не дядя ли Форовъ, замерзшій на отжившей старинѣ; не смиренный ли

Евангелъ; не братъ ли мой, мой жалкій Іосафъ, или не Подозеровъ ли,—Испанскій Дворянинъ, съ одною вѣчною и неизмѣнною честностью? Что я буду дѣлать съ нимъ? Я не могу же быть... испанскою дворянкой! Я хочу... ничего не хотѣть, и... Этотъ человѣкъ... Гордановъ... въ немъ мой покой! Я его ненавижу и... я люблю его... Я люблю этотъ трепетъ и страхъ, которые при немъ чувствую! Боже, какое это наказаніе! Меня къ нему влечетъ невѣдомая сила, и между тѣмъ... онъ дерзокъ, наглъ, надмененъ... даже, можетъ-быть, не честенъ, но... онъ любитъ меня... Онъ любитъ меня, а любовь творитъ чудеса, и это чудо надъ нимъ совершу я!..»

Лариса покраснѣла и вздрогнула.

Можетъ-быть, что ее испугала свѣча, которая горѣла тихо и вдругъ вспыхнула: на нее метнулась ночная бабочка и, опаливъ крылышки, прилипла къ стеарину и затрепетала. Лариса осторожно сняла насѣкомое со свѣчи и въ особенномъ соболѣзнованіи вытерла его крылышки и хотѣла уже встать, чтобы выпустить бабочку въ садъ, какъ взглянула въ окно и совсѣмъ потерялась.

Въ узкой полосѣ стекла между недошедшею на вершокъ до подоконника шторой на нее смотрѣли два черные глаза; она въ ту же минуту узнала эти глаза: то были глаза Гордонова.

Первымъ впечатлѣніемъ испуганной и сконфуженной Лары было чувство ужаса, затѣмъ весьма понятный стыдъ, потому что она была совсѣмъ раздѣта. Затѣмъ первое ея желаніе было закричать, броситься къ теткѣ и разбудить ее, но это желаніе осталось однимъ желаніемъ: открытыя уста Лары только задули свѣчу и не издали ни малѣйшаго звука.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи худшаго.

Оставшись впотьмахъ и обезпеченная лишь тѣмъ, что ея теперь не видно, Лара вскочила и безотчетно взялась за положенный на креслѣ пеньюаръ.

А между тѣмъ, когда въ комнатѣ стало темнѣе, чѣмъ въ саду, гдѣ былъ Гордановъ, Ларисѣ сталъ виденъ весь движущійся контуръ его головы.

Гордановъ двигался взадъ и впередъ вдоль подзора шторы: имъ, очевидно, все болѣе овладѣвало нетерпѣніе и наглость его бушевала безсиліемъ...

Ларисѣ еще представлялась полная возможность тихо разбудить тетку, но она этого не сдѣлала. Мысль эта отошлá на второй планъ, а на первомъ явилась другая. Лара спѣшною рукой накинула на себя пеньюаръ и, зайдя стороной къ косяку окна, за которымъ метался Гордановъ, тихо ослабила шнурокъ, удерживавшій занавѣску.

Штора сползла и подзоръ закрылся; но это Горданову только придало новую смѣлость, и онъ сначала тихо, а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй началъ потрогивать раму.

Дѣвушка не могла себѣ представить, до чего это можетъ дойти и, отступя внутрь комнаты, остановилась. Гордановъ не ослабѣвалъ, страсть и дерзость его разгорались: въ комнатѣ послышался даже гулъ его говора.

Лара опять метнулась къ двери, которая вела въ столовую, гдѣ спала тетка, и... съ незнакомымъ до сихъ поръ чувствомъ страстнаго замиранія сердца притворила эту дверь.

Ей пришло на мысль, что если она разбудитъ тетку, то та затѣетъ цѣлую исторію и непремѣнно станетъ обвинять ее въ томъ, что она сама подала поводъ къ этой наглости. Но Катерина Астафьевна спала крѣпкимъ сномъ, и хотя Лариса было перепугалась, когда дверь немножко пискнула на своихъ петляхъ, однако испугъ этотъ былъ совершенно напрасенъ. Лара приложила черезъ минуту ухо къ дверному створу и убѣдилась, что тетка спитъ,—въ этомъ убѣждало ее сонное дыханіе Форовой. А Гордановъ не отставалъ въ этомъ и продолжалъ свои настойчивыя хлопоты вокругъ рамы.

— Этой дерзости нельзя же оставить такъ, да и, наконецъ, это дойдетъ Богъ знаетъ до чего: Катерина Астафьевна можетъ проснуться и... еще хуже: внизу, въ кухнѣ, можетъ все это услышать прислуга...

Она ощутила въ себѣ рѣшимость и силу самой отстоять свою неприкосновенность и подошла къ окну,—минута, и край шторы зашевелился.

Гордановъ опять качнулъ раму.

Лариса положила трепещущую руку на крючокъ, и едва лишь его коснулась, какъ эта рама распахнулась, и рука Лары словно въ тискахъ замерла въ рукѣ Горданова.

— Ты открыла, Лариса! я такъ этого и ждалъ: тебѣ должна быть чужда пустая жеманность,—заговорилъ Павелъ Николаевичъ, страстно цѣлуя руку Лары.

— Я вовсе не для того...—начала было Лара, но Гордановъ ее перебилъ.

— Это все равно, я не могъ не видѣть тебя!.. прости меня!..

— Уйдите.

— Я обезумѣлъ отъ любви къ тебѣ, Лара! Твоя краса мутитъ мой разумъ!

— Уйдите, молю васъ, уйдите.

— Ты должна знать все... я иду умирать за тебя!

— За меня?!

— И я хотѣлъ тебя видѣть... я не могъ отказать себѣ въ этомъ... Дай же, дай мнѣ и другую твою ручку!—шепталъ онъ, хватая другую руку Лары и цѣлуя ихъ обѣ вмѣстѣ.—Нѣтъ; ты такъ прекрасна, ты такъ несказанно хороша, что я буду радъ умереть за тебя! Не рвись же, не вырывайся... Дай наглядѣться... теперь... вся въ бѣломъ, ты еще чудеснѣй... и... кляни и презирай меня, но я не въ силахъ овладѣть собой: я рабъ твой, я... раненъ на-смерть... мнѣ все равно теперь!

Ларисѣ показалось, что на глазахъ его показались слезы: это ее подкупило.

— Пустите меня! насъ непремѣнно увидятъ... — чуть слышно прошептала Лара, въ страхѣ оборачивая лицо къ двери теткиной комнаты. Но лишь только она сдѣлала это движеніе, какъ, обхваченная рукой Горданова, уже очутилась на подоконникѣ и голова ея лежала на плечѣ Павла Николаевича. Гордановъ обнималъ ее и жарко цѣловалъ ея трепещущія губы, ея шею, плечи и глаза, на которыхъ дрожали и замирали слезы.

Лариса почти не оборонялась: это ей было и не подъ силу; дѣлая усилія вырваться, она только плотнѣе падала въ объятія Горданова. Даже уста ея, теперь такъ рѣшительно желавшія издать какой-нибудь звукъ, лишь шевелились, невольно отвѣчая въ этомъ движеніи поцѣлуямъ замыкавшихъ ихъ устъ Павла Николаевича. Лара склонялась все болѣе и болѣе на его сторону, смутно ощущая, что окно подъ ней уплываетъ къ ея ногамъ; еще одно мгновеніе, и она въ саду. Но въ эту минуту залаяла собака и по двору послышались шаги.

Гордановъ посадилъ Лару на подоконникъ и, тихо прикрывъ раму, пошелъ чрезъ садовую калитку на дворъ и поймалъ здѣсь на крыльцѣ Висленева.

— Чего ты здѣсь, Павелъ Николаевичъ?—освѣдомился у него Іосафъ.

— Вотъ вопросъ! Какъ чего я здѣсь? Что же ты, любезный, вѣрно забылъ, что̀ такое мы завтра дѣлаемъ?—отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, очень помню: мы завтра стрѣляемся.

— А если помнишь, такъ надо видѣть, что уже разсвѣтаетъ, а въ пять часовъ надо быть на мѣстѣ, котораго я, вдобавокъ, еще и не знаю.

— Я буду, Поль, буду, буду.

— Ну, извини, я тебѣ не вѣрю, а пойдемъ ночевать ко мнѣ. Теперь два часа и ложиться уже некогда, а напьемся чаю и тогда какъ разъ будетъ время ѣхать.

— Да; вотъ еще дѣло-то: на чемъ ѣхать?

— Вотъ то-то оно и есть! А еще говоришь: «буду, буду, буду», и самъ не знаешь на чемъ ѣхать! Переодѣнься, если хочешь, и идемъ ко мнѣ,—я уже припасъ извозчика.

Висленевъ пошелъ переодѣться; онъ приглашалъ взойти съ собою и Гордановa, но тотъ отказался и сказалъ, что онъ лучше походитъ и подождетъ въ саду.

Лишь скрылся Висленевъ, Гордановъ подбѣжалъ къ Ларисиному окну и чуть только попробовалъ дверцу, какъ она сама тихо растворилась. Окно было не заперто, и Лара стояла у него въ прежнемъ положеніи.

Гордановъ ступилъ ногой на фундаментъ и страстно прошепталъ:

— Поцѣлуй меня еще разъ, Лара.

Лариса молчала.

— Сама! Лара! я прошу, поцѣлуй меня сама! Ты мнѣ отказываешь?

Лара колебалась.

— Лара, исполни этотъ мой капризъ, и я исполню все, чего ты захочешь... Ты медлишь?.. Ты не хочешь?

На дворѣ послышался голосъ Висленева, призывавшій Павла Николаевича.

— Идите... братъ мой,—прошептала Лара.

— Кто этотъ братъ? онъ во...

— О, Боже! не договаривайте... Онъ идетъ.

— Ну, знай же: если такъ,—я не уйду безъ твоего поцѣлуя!

Лара въ страхѣ подвинулась къ нему и, робко прильнувъ къ его губамъ устами, кинулась назадъ въ комнату.

Гордановъ сорвалъ этотъ штосъ и исчезъ.

Когда кончилась процедура поцѣлуевъ, Лариса, какъ разбитая, обернулась назадъ и поняла: предъ нею, въ дверяхъ, стояла совсѣмъ одѣтая Форова.

— Послушай!—говорила охрипшимъ и упалымъ голосомъ майорша.—Послушай! запри за мной двери, или вели запереть.

— Куда это вы?—прошептала Лара.

— Домой.

— Зачѣмъ... зачѣмъ... вы всѣ...

— Не знаю, какъ всѣмъ, а мнѣ здѣсь не мѣсто.

И Форова повернулась и пошла. Лара ее догнала въ залѣ и, схвативъ тетку за руку, сама потупилась.

— Пусти меня!—проговорила Форова.

— Одну минутку еще!..

— Ни одной, ни одной секунды здѣсь быть не хочу, послѣ того, что я видѣла своими глазами.

Лара зарыдала.

— Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же вы... его при мнѣ бранили, обижали? Боже! Боже!

— Вотъ такъ и есть! Мы же виноваты?

Но Лариса въ отвѣтъ на это только зарыдала истерическимъ рыданьемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи смерти.

Форовъ провелъ эту ночь у Подозерова; майоръ какъ пришелъ, такъ и завалился и спалъ, храпя, до самаго утра, а Подозеровъ былъ не во снѣ и не въ бдѣніи. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ: за что, почему и какъ онъ идетъ на дуэль?

— Они обидѣли меня клеветой, но это бы я снесъ; но обиды бѣдной Ларѣ, по обиды этой другой святой женщинѣ я снесть не могу! Я, впрочемъ... съ большимъ удовольствіемъ умру, потому что стыдно сознаться, а я разочарованъ въ жизни; не вижу въ ней смысла и... однимъ словомъ, мнѣ все равно!

И вдругъ послѣ этого Подозеровъ погрузился въ сосредоточенную думу о томъ: какъ шла замужъ Синтянина? и когда его въ три часа толкнулъ Форовъ, онъ не зналъ: спалъ онъ или не спалъ, и только почувствовалъ на лбу холодныя капли пота.

Форовъ пилъ чай и самъ приготовлялъ и подавалъ чай хозяину.

— Теперь подите-ка вотъ сюда!—позвалъ его майоръ въ спальню.—Завѣщаніе у васъ про всякій случай готово? Я говорю, про всякій случай.

— Зачѣмъ? имущества у меня нѣтъ никакого,—а что есть, раздавайте бѣднымъ.—Подозеровъ улыбнулся и добавилъ:—Это тоже про всякій случай!

— Да, такъ, но все-таки... это дѣлаютъ: причину, можетъ-быть, пожелаете объяснить... изъ-за чего?.. Волю, желаніе свое кому-нибудь сообщить?...

— Изъ-за чего? А кому до этого дѣло? Если васъ спросятъ, изъ-за чего это было, то скажите, пожалуйста, что это ни до кого не касается.

— Что же, и такъ bene! И еще вотъ что,—продолжалъ онъ очень серьезно и съ разстановкой:—вы знаете... я принадлежу къ такъ глаголемымъ нигилистамъ,—не къ мошенникамъ, которые на эту кличку откликаются, а къ настоящимъ... старовѣрческимъ нигилистамъ древляго благочестія...

— Хорошъ-съ, — отвѣчалъ, снова улыбнувшись, Подозеровъ.

— То-то, еще хорошо ли это, я... этого, по правдѣ вамъ сказать, и самъ достовѣрно не знаю. Я, какъ настоящій нигилистъ, самъ свои убѣжденія тоже, знаете... не высоко ставлю. Чортъ ихъ знаетъ: кажется что-нибудь такъ, а... вѣдь все оно, можетъ-быть, и иначе... Я, разумѣется, въ жизнь за гробомъ не вѣрю и въ Бога не вѣрю... но...

— Вы вѣрно хотите, чтобъ я помолился Богу?—перебилъ Подозеровъ.

— Да; я этого особенно не хочу, а только напоминаю,— отвѣчалъ, крѣпко сжавъ его руку, майоръ.—Вы не смѣйтесь надъ этимъ, потому что... кто знаетъ, чего нельзя узнать.

— Да я и не смѣюсь: я очень радъ бы помолиться, но я тоже...

— Да; понимаю: вы деистъ, но не умѣете молиться... считаете это лишнимъ. Пожалуй!

— Но я по вашему совѣту пробѣгу одну-двѣ главы изъ Евангелія.

— И прекрасно, мой совѣтъ хоть это сдѣлать, потому что... я себѣ вѣренъ, я не считаю этого нужнымъ, но я это беру съ утилитарной точки зрѣнія: если тамъ ничего нѣтъ, такъ это ничему и не помѣшаетъ... Кажется, не помѣшаетъ?

— Разумѣется.

— А какъ если есть!.. Вѣдь это, какъ хотите, ошибиться не шутка. Подите-ка уединитесь.

И майоръ, направляя Подозерова въ его комнату, затворилъ за нимъ двери.

Когда они опять сошлись, Форовъ счелъ нужнымъ дать Подозерову нѣсколько наставленій, какъ стоять на поединкѣ, какъ стрѣлять и какъ держаться.

Подозеровъ все это слушалъ совершенно равнодушно.

Въ четыре часа они спохватились, на чемъ имъ ѣхать. Съ вечера эта статья была позабыта, теперь же ее нельзя было исправить.

Рискуя опоздать, они рѣшились немедленно отправиться пѣшкомъ и шли очень скоро. Утро стояло погожее, но непріятное: вѣтреное и красное.

Дорогой съ ними не случилось ничего особеннаго, только и майоръ, и Подозеровъ оба немножко устали.

Но вотъ завидѣлся и желтый, песчаный холмъ посреди молодого сосенника: это Корольковъ верхъ, это одно роковое условное мѣсто.

Форовъ оглянулся вокругъ и, снявъ фуражку, обтеръ платкомъ лобъ.

— Ихъ нѣтъ еще, значитъ?—спросилъ Подозеровъ.

— Да; ихъ, значитъ, нѣтъ. Вы сядьте и поотдохните немножко.

— Нѣтъ, я ничего... я совсѣмъ не усталъ.

— Не говорите! переходы въ этихъ случаяхъ ужасно не хороши: отъ ходьбы ноги слабѣютъ и руки трясутся и въ глазу нѣтъ вѣрности. И еще я вамъ вотъ что хотѣлъ сказать... это, разумѣется, можетъ-быть, и не нужно, да я даже и увѣренъ, что это не нужно, но про всякій случай...

— Пожалуйста: что такое?

— Когда вы молились...

— Ну-съ?

— Указали ли вы надлежащимъ образомъ, что вѣдь то... зачѣмъ вы пришли сюда, неправосудно будетъ разсматривать наравнѣ съ убійствомъ? Вѣдь вотъ и пророки, и мученики... за идею... умирали и...

— Да зачѣмъ же это указывать? Поставить на видъ, что ли?—И Подозеровъ даже искренно разсмѣялся.

Форовъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Да вѣдь я не знаю, какъ это надо молиться, или... мириться съ тѣмъ, чего не знаю.

— Нѣтъ: вы это знаете лучше многихъ!—проговорилъ Подозеровъ, дружески сжавъ руку майора.—Я не могу представить себѣ человѣка, который бы лучше васъ умѣлъ доказать, что хорошая натура всегда остается хорошею, во всякой средѣ и при всякомъ ученіи.

— Ну, извините меня, а я очень могу себѣ представить такого человѣка, который можетъ все это гораздо лучше меня доказать.

— Кто же это?

— Дѣвица Вайскокъ въ Петербургѣ. А вотъ кто-то и ѣдетъ.

За лѣскомъ тихо зарокотали колеса: это подъѣхали Висленевъ и Гордановъ.

Обѣ пары пошли, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, къ одной и той же песчаной полянѣ за кустами.

Форовъ пригласилъ Висленева въ сторону, и они начали заряжать пистолеты, то-есть, лучше сказать, заряжалъ ихъ Форовъ, а Висленевъ ему прислуживалъ. Онъ не умѣлъ обращаться съ оружіемъ и притомъ праздновалъ трусу.

Подозеровъ глядѣлъ на песокъ и думалъ, что кровь здѣсь будетъ очень быстро впитывать. Гордановъ держалъ себя соколомъ.

Форовъ съ важностью должностного лица началъ отсчитывать шаги, и затѣмъ Подозеровъ и Гордановъ были поставлены имъ на урочномъ разстояніи лицомъ другъ къ другу.

Дерзкій взглядъ и нахальная осанка не покидали Горданова.

«Это чортъ знаетъ что!—думалъ Форовъ.—Знаю, увѣренъ и не сомнѣваюсь, что онъ естественный и презрѣннѣйшій

трусъ, но что̀ можетъ значить это его спокойствіе? Нѣтъ ли на немъ латъ? Да не на всемъ же на немъ латы! Или... не извѣстили ли они, бездѣльники, сами полицію и не поведутъ ли насъ всѣхъ отсюда на съѣзжую? Чего добраго: отъ этой дряни всего можно ожидать».

Но Форовъ не все предугадывалъ и ожидалъ совсѣмъ не того, на что̀ разсчитывалъ, держа высоко свою голову, Гордановъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Секретъ.

Александра Ивановна, выпроводивъ гостей, видѣла, какъ работникъ заперъ калитку, поманилъ за собою собакъ и ушелъ спать на погребицу.

Синтянина подошла къ окну и глядѣла черезъ невысокій тынъ на широкія поля, на которыхъ луна теперь выдвигала прихотливыя очертанія тѣней отъ самыхъ незначительныхъ предметовъ на землѣ и мелкихъ облачковъ, бѣгущихъ по небу.

Вѣра сняла дневное платье, надѣла свою бѣлую блузку, заперла дверь, опустила бѣлыя шторы на окнахъ, въ которыя свѣтила луна, и, стоя съ лампой посреди комнаты, громко топнула.

Синтянина оглянулась.

— Ты не будешь спать? — спросила Вѣра своими знаками мачиху.

— Нѣтъ; мнѣ не хочется спать.

— Да; ты и не спи.

— Зачѣмъ?

Дѣвочка улыбнулась и отвѣчала: «Такъ... теперь хорошо», и съ этимъ она вошла въ спаленку, легла на свой диванъ подъ материнымъ портретомъ, завѣшеннымъ кисеей, и погасила лампу.

Это Александрѣ Ивановнѣ не понравилось, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ, какъ погасъ огонь, въ спаленкѣ послышался тихій шорохъ и при слабомъ свѣтѣ луны, сквозь опущенную штору, было замѣтно какое-то непокойное движеніе Вѣры вдоль стѣны подъ портретомъ ея матери.

Александра Ивановна съ неудовольствіемъ зажгла свѣчу и взошла въ спальню. Вѣра лежала на своемъ мѣстѣ и

казалось спала, но сквозь сонъ тихо улыбалась. У ней бывалъ нерѣдко особый родъ улыбокъ, добрыхъ, но ироническихъ, которыя нѣсколько напоминали улыбки опытной няни, любящей ребенка и насмѣхающейся надъ нимъ. Александра Ивановна въ теченіе многихъ лѣтъ жизни съ глухонѣмою падчерицей никогда не могла привыкнуть къ этимъ ея особеннымъ улыбкамъ, и онѣ особенно непріятно подѣйствовали на нее сегодня, послѣ шалости Вѣры въ осинникѣ. Генеральша давно была очень разстроена всѣмъ, что видѣла и слышала въ послѣднее время; а сегодня ее особенно тяготили наглые намеки на ея практичность и на ея давнюю слабость къ Висленеву, и старыя раны въ ея сердцѣ заныли и запѣнились свѣжею кровью.

— Нѣтъ; этого невозможно такъ оставить: я могу умереть внезапно, мгновенно, со всею тяжестью этихъ укоризнъ... Нѣтъ; этого нельзя! Пока я жива, пускай говорятъ и думаютъ обо мнѣ что хотятъ, но память моя... она должна быть чиста отъ гѣхъ пятенъ, которыя кладутъ на нее и которыхъ я не хочу и не могу снять при жизни. Зачѣмъ откладывать вдаль? Я теперь взволнована, и все давно минувшее предо мною встаетъ свѣжо, какъ будто всѣ бѣды жизни ударили въ меня только сію минуту. Я все чувствую, все помню, вижу, знаю, и теперь я въ силахъ передать все, что и зачѣмъ я когда сдѣлала. Стало-быть, насталъ часъ, когда мнѣ надо открыть это, и Гордановъ принесъ мнѣ пользу, заставивъ меня за это взяться.

Съ этимъ генеральша торопливо перемѣнила за ширмой платье на блузу и, распустивъ по спинѣ свои тучныя косы, зажгла лампу. Установивъ огонь на столѣ, она достала бумагу и начала писать среди нерушимаго почного молчанія.

«Призвавъ Всемогущаго Бога, Которому вѣрую и суда Котораго несомнѣнно ожидаю, я, Александра Синтянина, рожденная Гриневичъ, пожелала и рѣшилась собственноручно написать нижеслѣдующую мою исповѣдь. Дѣлаю это съ тою цѣлію, чтобы бумага эта была вскрыта, когда не будетъ на свѣтѣ меня и другихъ лицъ, которыхъ я должна коснуться въ этихъ строкахъ: пусть эти строки мои представятъ мои дѣла въ истинномъ ихъ свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ ихъ толковали всѣ знавшіе меня при жизни.

«Я, незамѣтная и неизвѣстная женщина, попала подъ колесо обстоятельствъ, накатившихъ на мое отечество въ

началѣ шестидесятыхъ годовъ, которымъ принадлежитъ моя первая молодость. Безъ всякаго призванія къ политикѣ, я принуждена была сыграть роль въ событіяхъ политическаго характера, о чемъ, кромѣ меня, знаетъ только еще одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ никогда объ этомъ не скажетъ. Я же не хочу умереть, не раскрывъ моей повѣсти, потому что человѣку, какъ бы онъ ни былъ малъ и незамѣтенъ, дорога чистота его репутаціи.

«По всеобщему мнѣнію знающихъ меня людей, я позорно сторговала собою при моемъ замужествѣ и погубила моимъ вѣроломствомъ человѣка, подававшаго нѣкогда большія надежды. Это—клевета, а дѣло было вотъ какъ. Я съ дѣтскихъ почти лѣтъ считалась невѣстой Іосафа Платоновича Висленева, котораго любила первою дѣтскою любовью. Онъ, по его словамъ, тоже любилъ меня, чему я, впрочемъ, имѣю основанія не вѣрить. И вотъ ему-то я и измѣнила, кинула его въ несчастіи, вышла замужъ за генерала и провожу *счастливую жизнь*... Такъ думаютъ всѣ, и я въ этомъ никого не разувѣряю, однакоже, все-таки, это не такъ. Въ самой ранней нашей юности, между нами съ Висленевымъ обнаружились непримиримыя и несогласимыя разности во взглядахъ и симпатіяхъ: то время, которое я отдавала приготовленію къ жизни, онъ уже посвящалъ самой жизни, но жизни не той, которую я считала достойною силъ и мужества отвѣчающаго за себя человѣка. Въ немъ была бездна легкомысленности, которую онъ считалъ въ себѣ за отвагу; много задора, принимавшагося имъ за энергію; масса суетности, которая казалась ему пренебреженіемъ къ благамъ жизни, и при всемъ этомъ полное пренебреженіе къ спокойствію и счастью ближнихъ. Я все это замѣтила въ немъ очень рано и знала гораздо ближе всѣхъ сторонніхъ людей, которыхъ Висленевъ могъ обманывать шумомъ и діалектикой; но, узнавъ и изучивъ его пороки, я все-таки никогда не думала отъ него отрекаться. Я знала, что я не могу ожидать истиннаго счастья съ такимъ человѣкомъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе научался и привыкалъ относиться съ непростительнымъ, легкомысленнымъ неуваженіемъ ко всему, къ чему человѣку внушается почтеніе самою его натурой. Я видѣла, что мы съ нимъ не можемъ составить пары людей, которые могли бы восполнять другъ друга и служить одинъ другому опорой въ неудачахъ и несчастіяхъ.

Мы ко всему относились розно, начиная съ нашихъ ближайшихъ родныхъ и кончая родиной. Но, тѣмъ не менѣе, я любила этого несчастнаго молодого человѣка и не только готовилась, но и хотѣла быть его женой, въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ, Которому видима моя совѣсть. Я назначала мою жизнь на то, чтобы беречь его отъ его печальныхъ увлеченій; я знала, что во мнѣ есть своя доля твердости и терпѣнія, съ которыми можно взяться преодолѣть шероховатости довольно дурной натуры. Но, увы! у того, о комъ я говорю, не было никакой натуры. Это былъ первый видимый мною человѣкъ довольно распространеннаго нынче типа несчастныхъ людей, считающихъ необходимостью быть причисленными къ чему-нибудь новому, модному, и не заключающихъ сами въ себѣ ничего. Это люди, у которыхъ безпокойное воображеніе одолѣло умъ и замѣнило чувства. Помочь имъ, удерживать ихъ и регулировать нельзя: они уносятся какъ дымъ, таютъ какъ облако, выскользаютъ какъ мокрое мыло. Женщинѣ нельзя быть ни ихъ подругой, ни искать въ нихъ опоры, а для меня было необходимо и то, и другое; я всегда любила и уважала семью. Вписеневъ окончилъ курсъ, пріѣхалъ домой, поступилъ на службу и медлилъ на мнѣ жениться, я не знаю почему. Я полагаю, что я ему въ то время разнравилась за мою простоту, которую онъ счелъ за безсодержательность,—я имѣю основаніе такъ думать, потому что онъ не упускалъ случая отзываться съ иронією, а иногда и прямо съ презрѣніемъ о женщинахъ такого простого образа мыслей, каковъ былъ мой, и такихъ скромныхъ намѣреній, каковы были мои, возникшія въ семьѣ простой и честной, дружной, любящей, но въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, черезчуръ неинтересной. Его идеаломъ въ то время были женщины другого, мнѣ вовсе неизвѣстнаго, но и незавиднаго для меня міра. Онъ съ жаромъ говорилъ о покинутыхъ имъ въ Петербургѣ женщинахъ, презирающихъ бракъ, ненавидящихъ домашнія обязанности, издѣвающихся надъ любовью, вѣрностью и ревностью, не переносящихъ родственныхъ связей, говорящихъ только о «вопросахъ» и занятыхъ общественнымъ трудомъ, школами и обновленіемъ свѣта на необыкновенныхъ началахъ. Мнѣ все это представлялось очень смутно: я Петербурга никогда не видала, о жизни петербургской знала только по наслышкѣ да изъ книгъ; но я знала, что, если есть такія

женщины, которыми бредилъ Висленевъ, то именно въ средѣ ихъ только и можетъ быть отыскана та или тѣ, которыя могли бы слиться съ нимъ во что-нибудь гармоническое. Я обдумала это, и найдя, что я ему по всему не пара, что я ему скорѣе помѣха, чѣмъ помощница, рѣшила предоставить наши отношенія судьбѣ и времени. Не скажу, чтобы это мнѣ было особенно тяжко, потому что любовь моя къ нему въ это время была уже сильно поколеблена и притуплена холоднымъ резонерствомъ, которымъ онъ обдавалъ мои горячіе порывы къ нему въ письмахъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ однажды, что, по его мнѣнію, «истинна только та любовь, которая не захватываетъ предметъ своей привязанности въ исключительное обладаніе себѣ, но предоставляетъ ему всю ширь счастья въ свободѣ». Послѣ этихъ словъ, которыя я поняла во всей ихъ безнатурности и цинизмѣ, со мною произошло нѣчто странное: они возбудили во мнѣ чувство... неодолимой гадливости,—человѣкъ этотъ точно отпалъ отъ моего сердца и уже болѣе никогда къ нему не приближался, хотя, тѣмъ не менѣе, я бы все-таки пошла за него замужъ, потому что я его безмѣрно жалѣла. Но Богъ рѣшилъ иначе. Онъ судилъ мнѣ другую долю и въ ней иныя испытанія.

«Вращаясь въ кружкѣ тревожныхъ и безпристальныхъ людей, Висленевъ попалъ въ исторію, которую тогда называли политическою, хотя я убѣждена, что ее не слѣдовало такъ называть, потому что это была не болѣе какъ ребяческая глупость и по замыслу, и по способамъ осуществленія; но, къ сожалѣнію, къ этому относились съ серьезностью, для которой безъ всякаго труда можно бы указать очень много гораздо лучшихъ и достойнѣйшихъ назначеній. Іосафъ Висленевъ былъ взятъ, и въ бумагахъ его былъ отысканъ дерзостнѣйшій планъ, за который автора, по справедливости, можно было бы посадить, если не въ сумасшедшій, то въ смирительный домъ; но, что всего хуже, при этомъ планѣ былъ длинный списокъ лицъ, имѣвшихъ неосторожность довѣряться моему легкомысленному жениху. Мой отецъ былъ возмущенъ этимъ до глубины души, и въ то время, какъ Іосафъ Висленевъ, въ качествѣ политическаго арестанта, пользовался въ городѣ почти общимъ сочувствіемъ, у насъ въ домѣ его строго осуждали, и я признавала эти осужденія правильными.

«Легкомысленность, составляющая недостатокъ человѣка,

пока онъ вредитъ ею только самому себѣ, становится тяжкимъ преступленіемъ, когда за нее страждутъ другіе. Таково было мнѣніе моего умнаго и честнаго отца, таковы же были и мои убѣжденія, и потому мы къ этому отнеслись иначе, чѣмъ многіе.

«Дѣло Висленева было въ нашихъ глазахъ ничтожно по его несбыточности; но онъ, конечно, долженъ былъ знать, что его будутъ судить не по несбыточности, а по достоинству его намѣреній, и, несмотря на то, онъ игралъ не только репутаціей, но даже судьбой лицъ, имѣвшихъ необдуманность раздѣлять его вѣтреные планы и неосторожность ввѣрить ему свои имена. Онъ погибалъ не одинъ, но предавалъ съ собою другихъ такихъ же, какъ онъ, молодыхъ людей, въ которыхъ гибли лучшія надежды несчастныхъ отцовъ, матерей, сестеръ и мнѣ подобныхъ невѣстъ. Отецъ мой пользовался нѣкоторымъ довѣріемъ и расположеніемъ генерала Синтянина, который жилъ съ нами на одномъ дворѣ и сватался однажды ко мнѣ во время видимаго охлажденія ко мнѣ Висленева, но получилъ отказъ. Дѣло во многомъ отъ него зависѣло. Я это знала и... мнѣ вдругъ пришла мысль... но, впрочемъ, буду разсказывать по порядку.

«Былъ страшный, вѣчно живой и незабвенный для меня вечеръ, когда мы, вскорѣ послѣ ареста Висленева, говорили съ моимъ отцомъ объ этомъ дѣлѣ. Солидный и честный отецъ мой былъ очень взволнованъ, онъ не запрещалъ мнѣ и теперь выйти за Висленева, но онъ не скрывалъ, что не хотѣлъ бы этого. Онъ говорилъ, что это человѣкъ съ преступнымъ, ничего не щадящимъ легкомысліемъ, и я въ глубинѣ души съ нимъ согласилась, что женщинѣ нечего дѣлать съ такимъ человѣкомъ. Можетъ-быть, это было нѣсколько преувеличено, но вѣчная безнатурность Висленева, сквозь которую, какъ копье сквозь тѣнь, проникали всѣ просьбы, убѣжденія и уроки прошлаго, внушала мнѣ чувство страшной безнадежности. Если бъ онъ былъ подверженъ самымъ грубымъ страстямъ и порокамъ, я бы ихъ такъ не страшилась; если бъ онъ былъ жестокъ, я бы надѣялась смягчить его; если бъ онъ былъ корыстолюбивъ, я бы уповала подавить въ немъ эту страсть; если бъ онъ имѣлъ позорныя пристрастія къ вину или къ картамъ, я бы старалась заставить его ихъ возненавидѣть; если бъ онъ былъ развратенъ, я бы надѣялась устыдить его; но у него не было брошено

якоря ни во что; онъ тянулся за вѣяніями, его сфера была разладъ, его натура была безнатурность, его характеръ былъ безхарактерность. Его могло пересоздать одно: большое горе, способное вдругъ поднять со дна его души давно недѣйствующія силы. Вся жизнь моя явилась предо мной какъ бы въ одной чашѣ, которую я должна была или бережно донести и выпить на положенномъ мѣстѣ, или расплескать по сорному пути. Я вдругъ перестала быть дѣвушкой, жившею въ своихъ мечтахъ и думахъ, и почувствовала себя женщиной, которой нѣчто дано и съ которой, по вѣрѣ моей, нѣчто спросится за гробомъ. (Я всегда вѣрила и вѣрую въ Бога просто, какъ велитъ церковь, и благословляю Провидѣніе за эту вѣру). Внутренній голосъ отвѣчалъ за меня отцу моему, что мнѣ нельзя быть женой Висленева. Внутренній же голосъ (я не могу думать иначе), изъ устъ моего отца, сказалъ мнѣ путь, которымъ я должна была идти, чтобы чѣмъ-нибудь облегчить судьбу того, котораго я все-таки жалѣла.

«Отецъ благословилъ меня на страданія ради избавленія несчастныхъ, выданныхъ моимъ женихомъ. Это было такъ. Онъ сказалъ: «Не я научу тебя покинуть человѣка въ несчастіи, ты можешь идти за Висленевымъ, но этимъ ты не спасешь его совѣсти и людей, которые ради его гибнутъ. Если ты жалѣешь его — пожалѣй ихъ; если ты женщина и христіанка, поди спаси ихъ, и я... не стану тебя удерживать: я самъ, моими старыми руками, благословляю тебя, и скрой это, и Богъ тебя тогда благословитъ».

«Отецъ не зналъ, въ какія роковыя минуты нравственной борьбы онъ говорилъ мнѣ эти слова, или онъ зналъ болѣе, чѣмъ дано знать нашему чувственному вѣдѣнію. Онъ рисовалъ мнѣ картину бѣдствій и отчаянія семействъ тѣхъ, кого губилъ Висленевъ, и эта картина во всемъ ея ужасѣ огненными чертами напечатлѣлась въ душѣ моей; сердце мое преисполнилось сжимающей жалостью, какой я никогда ни къ кому не ощущала до этой минуты,—жалостью, предъ которою я сама и собственная жизнь моя не стоили въ моихъ глазахъ никакого вниманія, и жажда дѣла, жажда спасенія этихъ людей заклокотала въ душѣ моей съ такою силой, что я цѣлыя сутки не могла имѣть никакихъ другихъ думъ, кромѣ одной: спасти людей ради ихъ самихъ,

ради тѣхъ, кому они дороги, и ради его, совѣсть котораго когда-нибудь будетъ пробуждена къ тяжелому отвѣту. Въ душѣ моей я чувствовала Бога: я никогда не была такъ счастлива, какъ въ эти вѣчно памятныя мнѣ минуты, и уже не могла позволить совершиться грозившему несчастію, не употребивъ всѣхъ силъ отвратить его. Тогда я впервые почувствовала, что на мой счетъ заблуждались всѣ, считая меня спокойною и самообладающею; тутъ я увидала, что въ глубинѣ моей души есть лава, которой мнѣ не сдержать, если она вскипитъ и расколышется. Я должна была идти спасать ихъ, чужихъ мнѣ по убѣжденіямъ и вовсе мнѣ незнакомыхъ людей: въ этомъ мнѣ показалось *мое призваніе*. Онъ самъ въ своихъ разговорахъ не разъ указывалъ мнѣ путь къ такому служенію, онъ говорилъ о женщинахъ, которыя готовы были отдавать себя самихъ за избранное ими дѣло, а теперь средства къ такому служенію были въ моихъ рукахъ. Я уже сказала, что генералъ Синтянинъ, нынѣшній мужъ мой, отъ котораго зависѣло все или, по крайней мѣрѣ, очень многое для этихъ несчастныхъ, искалъ руки моей, и послѣ моего отказа въ ней мстилъ отцу моему. Я была очень недурна собою: мою голову срисовывали художники для своихъ картинъ; извѣстный скульпторъ, проѣздомъ чрезъ нашъ городъ, упросилъ моего отца дозволить ему слѣпить мою руку. Я была очень стройна, свѣжа, имѣла превосходный цвѣтъ лица, веселые большіе голубые глаза и свѣтло-золотистые волосы, доходившіе до моихъ колѣнъ. Души моей генералъ не зналъ, и я понимала, что я противъ воли моей внушала ему только одну страсть. Это было ужасно, но я рѣшила воспользоваться этимъ, чтобы совершить мой подвигъ. (Я называю его подвигомъ потому, что генералъ Синтянинъ внушалъ мнѣ не только отвращеніе, которое, можетъ-быть, понятно лишь женщинѣ, но онъ возбуждалъ во мнѣ ужасъ, раздѣлявшійся въ то время всѣми знавшими этого человѣка. Онъ былъ вдовъ, и смерть жены его, по общей молвѣ, лежала на его совѣсти). Молодая душа моя возмущалась при одной мысли соединить жизнь мою съ жизнью этого человѣка, но я на это рѣшилась... Предо мной стоялъ Христосъ съ Его великой жертвой, и смятенія мои улегались. Я много молилась о дарованіи мнѣ силы, и она была мнѣ ниспослана.

«Утромъ одного дня, отстоявъ раннюю обѣдню въ одинокомъ храмѣ, я вошла въ домъ генерала, и тутъ со мною случилось даже нѣчто чудесное. Чуть я отворила дверь, вся моя робость и всѣ сомнѣнія мои исчезли; въ груди моей забилось сто сердецъ; я чувствовала, какъ множество незримыхъ рукъ подхватили меня и несли, какъ бы пригибая и сглаживая подъ ногами моими ступени лѣстницы, которою я всходила. Экзальтація моя достигала высочайшей степени: я дѣйствительно ощущала, что меня поддерживаютъ и мною руководятъ извнѣ какія-то невидимыя силы. Ни моя молодость и неопытность, ни прямота моей натуры и большое мое довѣріе къ людямъ, ничто не позволяло мнѣ разсчитывать, что я поведу дѣло такъ ловко, какъ я повела его. Когда я перечитываю библейскую повѣсть о подвигѣ жены изъ Витуліи, мнѣ, конечно, странно ставить себя, тогдашнюю маленькую дѣвочку, возлѣ этой библейской красавицы въ парчѣ и виссонѣ; но я, какъ и она, не забыла даже одѣться къ лицу. Не забываю никакихъ мелочей изъ моихъ экзальтацій этого дня: мнѣ всегда шло все черное, и я приняла это въ расчетъ: я была въ черномъ мериносовомъ платьѣ и черной шляпкѣ, которая оттѣняла мои свѣтлорусые волосы и давала мнѣ видъ очень краснваго ребенка, но ребенка настойчиваго, своенравнаго и твердаго, не съ дѣтскою силой.

«Я приступила къ дѣлу прямо. Оставшись наединѣ съ Синтянинымъ, я предложила ему купить мое согласіе на бракъ съ нимъ добрымъ дѣломъ, которое заключалось въ облегченіи судьбы Висленева и его участниковъ. Я отдавала все, что было у меня, всю жизнь мою, съ обѣтомъ не нарушить слова и вѣрною дойти до гроба; но я требовала многаго, и я теперь еще не знаю, почему я безъ всякихъ опытныхъ совѣтовъ требовала тогда именно того самаго, что было нужно. Я повторяю, что тамъ была не я: въ моей груди кипѣла сотня жизней и билось сто сердецъ, вокругъ меня кишилъ какой-то рой чего-то страннаго, меня учили говорить, меня сажали, поднимали, шептали въ уши мнѣ какія-то слова, и въ этомъ чудномъ хаосѣ была, однако, стройность, благодаря которой я все уладила. Остановить дѣло было невозможно, это уже было не во власти Синтянина, но я хотѣла, чтобы поступки и

характеръ Висленева получили свое настоящее опредѣленіе, чтобъ источникомъ его безразсудныхъ дѣлъ было признано его легкомысліе, а не злонамѣренность, и чтобы мнѣ были вручены и при мнѣ уничтожены важнѣйшія изъ компрометировавшихъ его писемъ, а главное, списки лицъ, писанные его рукой. Я не уступала изъ этого ничего; я вела торгъ съ тактомъ, который не перестаетъ изумлять меня и понынѣ. Я была тверда, осторожна и неуступчива, и я выторговала все. Мнѣ помогали моя тогдашняя миловидность и свѣжесть и оригинальность моего положенія, сдѣлавшая на Синтянина очень сильное впечатлѣніе. Ему именно хотѣлось купить себѣ жену, и онъ купилъ у меня мою руку тою цѣной, какой я хотѣла: любуясь мною, онъ далъ мнѣ самой выбрать изъ груды взятыхъ у Висленева бумагъ все, что я признавала наиболѣе компрометирующимъ его и другихъ, и я въ этомъ случаѣ снова обнаружила опытность и осторожность, которую не знаю чему приписать. Все это было сожжено... но сожжено вмѣстѣ съ моею свободой и счастьемъ, которыя я спалила на этомъ огнѣ.

«Я дала слово Синтянину выйти за него замужъ, и сдержала это слово: въ тотъ день, когда было получено свѣдѣніе объ облегченіи участи Висленева, я была обвѣнчана съ генераломъ, при всеобщемъ удивленіи города и даже самихъ моихъ добрыхъ родителей. Это былъ мой первый опытъ скрыть отъ всѣхъ настоящую причину того, что я сдѣлала по побужденіямъ, можетъ-быть, слишкомъ восторженнымъ и, пожалуй, для кого-нибудь и смѣшнымъ, но, надѣюсь, во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ и чистымъ. Принесла ли я этимъ пользу и поступила ли осмотрительно и честно, пусть объ этомъ судитъ Богъ и тѣ люди, которымъ жизнь моя будетъ извѣстна во всей ея истинѣ, какъ я ее нынче исповѣдую, помышляя день смертный и день страшнаго суда, на которомъ обнажатся всѣ совѣсти и обнаружатся всѣ помышленія. Я поступала по разумѣнію моему и неотразимому влеченію тѣхъ чувствъ, которымъ я повиновалась. Долго размышлять мнѣ было некогда, а совѣтоваться не съ кѣмъ, и я спасла какъ умѣла и какъ могла людей, мнѣ чуждыхъ. Болѣе я не скажу ничего въ мое оправданіе, и пусть Всеблагой Богъ да проститъ всѣмъ злословящимъ меня людямъ ихъ кле-

веты, которыми они осыпали меня, изъяснял поступокъ мой побужденіями суетности и корыстолюбія.

«Случай, устроившій странную судьбу мою, быть-можетъ, совершенно исключительный, но полоса смятеній на Руси еще далеко не прошла: она, можетъ-быть, только едва въ началѣ, и къ тому времени, когда эти строки могутъ попасть въ руки молодой русской дѣвушки, готовящейся быть подругой и матерью, для нея могутъ потребоваться иныя жертвы, болѣе серьезныя и тягостныя, чѣмъ моя скромная и безвѣстная жертва: такой дѣвушкѣ я хотѣла бы сказать два слова, ободряющія и укрѣпляющія силой моего примѣра. Я хочу сказать, что страшныхъ и непереносимыхъ жертвъ нѣтъ, когда несешь ихъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Несмотря на тяжелый во многихъ отношеніяхъ путь, на который я ступила, я никогда не чувствовала себя на немъ несчастною свыше моихъ силъ. Въ пожертвованіи себя благу другихъ есть такое неописанное счастіе, которое даритъ спокойствіе среди всѣхъ нравственныхъ пытокъ и мученій. А каждое усиліе надъ собою даетъ душѣ новыя силы, которымъ наконецъ самъ удивляешься. Пусть мнѣ въ этомъ повѣрятъ. Я опытомъ убѣждена и свидѣтельствую, что человѣкъ, разъ твердо и непреклонно рѣшившійся восторжествовать надъ своею земною природой и ея слабостями, получаетъ неожиданную помощь оттуда, откуда онъ ждалъ ея, и помощь эта бываетъ велика и могуча, и при ней душа крѣпнетъ и закаляется до того, что ей уже нѣтъ страховъ и смятеній. Жизнь моя прошла не безъ тревогъ. Я отдала мужу моему все, что могла отдать, кромѣ того, чего у меня для него не было: я всегда была вѣрна ему, всегда заботилась о домѣ, о его дочери и его собственномъ покоѣ, но я никогда не любила его и, къ сожалѣнію, я не всегда могла скрыть это. Настолько душа и воля всегда оказывались безвластными надъ моею натурой. Въ первые годы моего замужества это было поводомъ къ большимъ непріятностямъ и сценамъ, изъ которыхъ одна угрожала трагической развязкой. Мужъ, приписывая мою къ нему холодность другому чувству, угрожалъ застрѣлить меня. Это было зимой, вечеромъ; мы были одни при запертыхъ окнахъ и дверяхъ,—спастись мнѣ было невозможно, да я, впрочемъ, и сама не захотѣла спасаться. Жизнь никогда не казалась мнѣ особенно дорогою и милою,

а тогда она потеряла для меня всякую цѣну, и я встрѣтила бы смерть, какъ высочайшее благо. Желаніе окончить съ моимъ существованіемъ минутами было во мнѣ такъ сильно, что я даже рада была бы смерти, и потому, когда мужъ хотѣлъ убить меня, я, не укрощая его бѣшенства, скрестила на груди руки и стала предъ пистолетомъ, который онъ взялъ въ своемъ азартѣ. Но въ это мгновеніе изъ двери вырвалась моя глухонѣмая падчерица Вѣра и, заслонивъ грудь мою своею головой, издала столь страшный и непонятный звукъ, что отецъ ея выронилъ изъ рукъ пистолетъ и, упавъ предо мною на колѣни, началъ просить меня о прощеніи. Съ тѣхъ поръ я свободна отъ всякихъ упрековъ и не встрѣчала ничего, за что могла бы жаловаться на судьбу мою. Я любима людьми, которыхъ люблю сама; я пользуюсь не только полнымъ довѣріемъ, но и полнымъ уваженіемъ моего мужа и, несмотря на клеветы насчетъ причинъ моего выхода за Синтянина, теперь я почти счастлива... Я была бы почти счастлива, совершая долгъ свой, если бы... я могла *уважать* моего мужа. Людскія укоризны меня порой тяготятъ, но не надолго. Поэтъ говоритъ: «кто все перевѣдалъ, тотъ все людямъ простилъ». Живя на свѣтѣ, я убѣдилась, что я была не права, считая безнатурнымъ одного Висленева; предо мною вскрылись съ этой же стороны очень много людей, за которыхъ мнѣ приходилось краснѣть. Все надо простить, все надо простить, иначе нельзя найти мира со своей совѣстью. Тайны моей не знаетъ никто, кромѣ моего мужа, но къ разгадкѣ ея нѣсколько приближались мать Висленева и другъ мой Катерина Форова: онѣ рѣшили, что я вышла замужъ за Синтянина изъ-за того, чтобы спасти Висленева!.. Бѣдные друзья мои! Онѣ считаютъ это возможнымъ и онѣ думаютъ, что я могла бы это сдѣлать! Онѣ полагаютъ, что я не поняла бы, что такою жертвой нельзя спасти человѣка, если онъ дѣйствительно любитъ и любилъ, а напротивъ, можно только погубить его и уронить себя! Нѣтъ, если бы дѣло шло о немъ одномъ, я скорѣе бы понесла за нимъ его арестантскую суму, но не разбила бы его сердца! Какая Сибирь и какая каторга можетъ сравниться съ горемъ измѣны? Какія муки тяжелѣе и ужаснѣе нестерпимыхъ мученій ревности? Я знаю эту змѣю... Нѣтъ! Я отдала себя за людей, которыхъ я никогда не знала и которые никогда

не узнаютъ о моемъ существованіи. Висленеву не принадлежитъ болѣе ни одной капли моей любви: я полна къ нему только одного сожалѣнія, какъ къ падшему человѣку. Онъ не любилъ меня, *онъ уступалъ меня свободѣ*, и я потеряла любовь къ нему за это оскорбленіе! Эта уступка меня моей свободѣ вычеркнула его изъ моего сердца разъ и навсегда и безъ возврата. Скажу болѣе: ревность мужа я вспоминаю гораздо спокойнѣе, чѣмъ эту постыдную любовь. Я чувствую и знаю, что могла снести всѣ оскорбленія лично мнѣ, но не могла стерпѣть оскорбленій моего чувства. Это дѣло выше моихъ силъ. Затѣмъ обязательства вѣрности моему мужу я несу и, конечно, донесу до гроба ненарушимыми, хотя судьбѣ было угодно и здѣсь послать мнѣ тяжкое испытаніе: я встрѣтила человѣка, достойнаго самой нѣжной привязанности, и... противъ всѣхъ моихъ усилій, я давно люблю его. Это случилось, повторяю, противъ моей воли, моихъ желаній и усилій не питать къ нему ничего исключительнаго, но... Богъ милосердъ: онъ любитъ другую, годы мои уже уходятъ, и я усерднѣе всѣхъ помогаю любви его къ другой женщинѣ. Все нарушеніе обѣта, даннаго мною моему мужу, заключается въ одномъ, и я этого не скрою: во мнѣ... съ той роковой поры, какъ я люблю... живетъ неодолимое упованіе, что этотъ человѣкъ будетъ мой, а я его... Я гоню отъ себя эту мысль, но она, какъ тѣнь моя, со мной неразлучна, но я дѣлаю все, чтобъ ей не было возлѣ меня мѣста. О томъ, что я люблю его, онъ не знаетъ ничего и никогда ничего не узнаетъ».

Въ эту минуту Вѣра во снѣ разсмѣялась и за стѣной какъ бы снова послышался шорохъ.

Александра Ивановна вздрогнула, но тотчасъ же оправилась, подписала свое писанье, запечатала его въ большой конвертъ и надписала:

«Духовный отецъ мой, священникъ Евангелъ Мипервинъ, возьметъ этотъ конвертъ къ себѣ и вскроетъ его при друзьяхъ моихъ послѣ моей смерти и послѣ смерти моего мужа».

Окончивъ эту надпись, Синтянина заперла конвертъ въ ящикъ и, облокотясь на комодъ, стала у него и задумалась.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ходитъ сонъ и дрема говоритъ.

Луна уже блекла и синѣла, наступала предразсвѣтная пора, былъ второй часъ за полночь. Лампа на столѣ выгорѣла и стухла. Синтянина все стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

«Все это кончится,—думала она:—онъ женится на Ларѣ, и тогда...» —Она задрожала и, хрустнувъ хладѣющими руками, прошептала: «О, Боже, Боже! И еще я же сама должна этому помогать... но вѣдь я тоже человѣкъ, въ моей душѣ тоже есть ревность, есть эти страшные порывы къ жизни. Неужто мало я страдала? Неужто... О, нѣтъ! Избавь, избавь меня отъ этого, Создатель! Пускай, когда я сплю, мнѣ и во снѣ снится счастье. Все кончено! Зачѣмъ эти тревоги? Я жизнь свою сожгла и лучше мнѣ забыть о всемъ, что думалось прошедшею порой. Чего мнѣ ждать? Ко мнѣ не можетъ прилетѣть ужъ вѣстникъ радости, или онъ будетъ.. вѣстникъ смерти... Его я жду и встрѣчу и уйду за нимъ... Туда, гдѣ ангелы, гдѣ мученица Флора».

И въ умѣ Александры Ивановны потянулась долгая, тупая пауза, онъ словно уснулъ, свободный отъ всѣхъ треволненій; память, уставъ работать, легла какъ занавѣсъ, сокрывшій отъ зрителя опустѣлую сцену, и возобладавшій духъ ея унесся и виталъ въ безмятежныхъ сферахъ. Это прекрасное, легкое состояніе, ниспосылаемое какъ бы въ ослабу душѣ, длилось долго: свѣжій вѣтеръ предосенняго утра плылъ ровнымъ потокомъ въ окно и ласково шевелилъ распущенной косой Синтяниной, цѣловалъ ея чистыя щеки и убаюкивалъ ее тихимъ свистомъ, проходя сквозь пазы растворенной рамы. Природа дышала. И вотъ вздохъ одинъ глубже другого: рама встряхнулась на петляхъ, задрожало стекло, словно кому-то тѣсно, словно кто-то спѣшитъ на свиданье, вотъ даже кто-то ворвался, вотъ сзади Синтяниной послышался электрическій трескъ и за спиной у нея что-то блеснуло и все освѣтилось свѣтло-голубымъ пламенемъ.

Александра Ивановна обернулась и увидала, что на полу, возлѣ илейфа ея платья, горѣла спичка.

Генеральша сообразила, что она, вѣрно, зажгла спичку, наступивъ на нее, и быстро отбросила ее отъ себя дальше ногой; но чуть лишь блеснулъ на полетѣ этотъ слабый

огонь, она съ ужасомъ ясно увидѣла очень странную вещь: скрытый портретъ Флоры, съ выколотыми глазами, тихо спускался изъ-подъ кутавшей его занавѣсы и, качаясь съ угла на уголъ, шелъ къ ней...

— Нѣтъ, Флора, не надо, не надо, уйди! — вскрикнула Синтянина, быстро кинувшись въ испугѣ въ противоположный уголъ, и тотчасъ же сама устыдилась своего страха и крика.

«Можетъ-быть, ничего этого и не было и мнѣ только показалось, а я, между тѣмъ, подняла такой шумъ?» — подумала она, оправляясь.

Но между тѣмъ, должно-быть, что-то было, потому что въ спальнѣ снова послышалось чорканье спички, и два удара косточкой тонкаго пальчика по столу возвѣстили, что Вѣра не спитъ.

Александра Ивановна оборотилась и увидѣла трепещущій свѣтъ; Вѣра сидѣла въ постели и зажигала спичкой свѣчу.

— Не она ли и минуту тому назадъ зажгла и бросила спичку? Я, забывшись, могла и не слыхать этого, но... Господи! портретъ, дѣйствительно, стоитъ предъ столомъ! Онъ дѣйствительно сошелъ со стѣны и... *онъ шелъ*, но онъ остановился!

Синтянина остолбенѣла и не трогалась.

Вѣра взяла въ руки портретъ и позвала мачиху.

— Зачѣмъ ты ее такъ оскорбила?—спросила она своими знаками генеральшу.—Это не хорошо, смотри, она тобой теперь огорчена.

Александра Ивановна вздрогнула, сдѣлала два шага къ Вѣрѣ и, торопливо озираясь, сказала рукой:

— Куда ты заставляешь меня смотрѣть?

— Назадъ.

— Чего?.. Кто тамъ? скажи мнѣ: я робѣю...

— Гляди!.. Она оскорблена... Зачѣмъ ея бояться?

— Не пугай меня, Вѣра! Я сегодня больна! Я никого не оскорбила.

Но дѣвочка все острѣй и острѣй глядѣла въ одну точку и не обращала вниманія на послѣднія мачихины слова.

— Гляди, гляди! — показывала она, ведя пальцемъ руки по воздуху.

— Ахъ, отстань, Вѣра!.. Не пугай!.

— Я не пугаю!.. Я не пугаю... Она здѣсь... ты тихо, тихо стой... вотъ, вотъ... не трогайся... не шевелись... она идетъ къ тебѣ... она возлѣ тебя...

— Оставь, прошу тебя, оставь, — шептала генеральша, растерявшись, стыня отъ внезапно охватившаго ее холоднаго тока.

— Какая добрая!—продолжала сообщать Вѣра, и вдругъ, задыхаясь, схватила мачиху за руку и сказала:

— Бери, бери скорѣй... она тебѣ даетъ... Ахъ, ты, неловкая!.. теперь упало!

И въ это же мгновеніе по полу дѣйствительно что-то стукнуло и покатилось.

Александра Ивановна оглянулась вокругъ и не видѣла ничего, что бы могло причинить этотъ стукъ, но Вѣра скользнула подъ столъ, и Синтянина ощутила на пальцѣ своей опущенной руки холодное кольцо.

Она подняла руку: да; ей это не казалось, — это было дѣйствительно настоящее кольцо, ровное, простое золотое кольцо.

Изумленію ея не было мѣры. Она торопливо взяла это кольцо и посмотрѣла внутрь: видно было, что здѣсь когда-то была вырѣзана надпись, но потомъ сцарапана ножомъ и тщательно затерта.

— Откуда же оно взялось?

Вѣра тихо указала ей пальцемъ на уголъ протертаго полотна въ портретѣ: тутъ теперь была прорѣха и съ испода значокъ отъ долго здѣсь лежавшаго кольца.

Синтянина пожала плечами и, глядя на Вѣру, которая вѣшала на мѣсто портретъ, безотчетно опять надѣла себѣ на палецъ кольцо.

— Второй разъ поздравляю тебя!—сказала, прыгнувъ ей на шею, Вѣра и поцѣловала мачиху въ лобъ.

Александра Ивановна замахала руками и хотѣла сбросить кольцо; но Вѣра ее остановила за руку и погрозила пальцемъ.

— Это нельзя!—сказала она: — этого никакъ нельзя! никакъ нельзя!

И съ этимъ дѣвочка погасила свѣчу, чему Синтянина была, впрочемъ, несказанно рада, потому что щеки ея алѣли предательскимъ, яркимъ румянцемъ, и она была такъ сконфужена и взволнована, что не въ силахъ была сдѣлать ни-

чего иного, какъ добрести до кровати и, упавъ головой на подушки, заплакала слезами безпричинными, безотчетными, въ которыхъ и радость, и горе были смѣшаны вмѣстѣ и вмѣстѣ лились на свободу.

«Нѣтъ; тутъ вокругъ насъ гнѣздятся какія-то чары,— думала она, засыпая.—Въ мою жизнь... мѣшается кто-то такой, про кого не снилось земнымъ мудрецамъ... или я мѣшаюсь въ умѣ! О, ангелъ мой! О, страдалица Флора! молись за меня! Зачѣмъ еще мнѣ жить... жить хочется!»

— И надо.

Молодая женщина вздрогнула и накрыла голову подушкой, чтобы ничего не слыхать.

А сонъ все ходитъ вокругъ и дрема все ползетъ подъ подушку и шепчетъ: «жить надо! непремѣнно надо!»

Коварный сонъ, ехидная дрема!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Черный день.

Утро освѣтило Александру Ивановну во снѣ, продлившемся гораздо долѣе обыкновеннаго. Она спала сладко, дышала полно, уста ея улыбались и щеки горѣли яркимъ румянцемъ. Въ такомъ положеніи застала ее Вѣра, вставшая, по обыкновенію своему, очень рано и къ этой порѣ уже возвратившаяся съ своей далекой утренней прогулки. Она подошла къ мачихѣ, посмотрѣла на нее и, поставивъ у изголовья генеральши стаканъ молока, провела по ея горячей щекѣ свѣжею озерною лиліей. Холодный, густой и клейкій сокъ выбѣжалъ изъ чашки цвѣтка и крупными, тяжелыми, какъ ртуть, каплями скатился по гладкой кожѣ.

Спитянина открыла глаза и, увидавъ улыбающееся лицо падчерицы, сама отвѣчала ей ласковою улыбкой.

— Ты хорошо спала,—сказала ей своею ручною азбукой дѣвушка.—Вставай, пора; довольно спать, пора проснуться.

Спитянина оперлась на локоть и, заглянувъ чрезъ дверь на залитую солнцемъ залу, вдругъ безпричинно встревожилась.

Она еще разъ посмотрѣла на Вѣру, еще разъ взглянула на солнечный свѣтъ, и они оба показались ей странными: въ косыхъ лучахъ солнца было что-то зловѣщее, въ нихъ какъ-будто что-то млѣло и тряслось.

Бываетъ такой странный свѣтъ: онъ гонитъ прочь покой первозныхъ душъ и наполняетъ тяжкими предчувствіями душу.

Спокойное и даже пріятное расположеніе духа, которымъ Александра Ивановна наслаждалась во снѣ, мгновенно ее оставило и замѣнилось тревожною тоской.

Она умылась, убрала наскоро голову и сѣла къ поданному ей стакану молока; но только-что поднесла его ко рту, какъ глаза ея остановились на кольцѣ, и сердце вдругъ упало и замерло.

Необыкновеннаго ничего не было: она только вспомнила про кольцо, которое ей такъ странно досталось, да въ эту же секунду калитка стукнула немножко громче обыкновеннаго. Болѣе ничего не было, но Александра Ивановна встревожилась, толкнула отъ себя стаканъ и бросилась бѣгомъ къ окну.

По двору шла Форова; но какъ она шла и въ какомъ представилась она видѣ? Измятая шляпка ея была на боку, платье на груди застегнуто наперекосъ, въ одной рукѣ длинная, сухая, вѣтвистая хворостина, другою локтемъ она прижимала къ себѣ худой коленкоровый зонтикъ и тащила за собою, рукавами внизъ, свое рыжее драповое пальто.

Она шла скоро, какъ летѣла, и вела по окнамъ острыми глазами.

— О, Боже мой! — воскликнула при этомъ видѣ Синтянина и, растворивъ съ размаху окно, закричала:—Что сдѣлалось... несчастіе?

— Гибель, а не простое несчастіе!—проговорила на бѣгу дрожащими губами Форова.

— О, говори скорѣй и сразу!—крикнула, рванувшись навстрѣчу къ ней, Синтянина.—Скорѣй и сразу!

— Подозеровъ убитъ! — отвѣчала Катерина Астафьевна, бросая въ сторону свою хворостину, зонтикъ и пальто и сама падая въ кресло.

Генеральша взвизгнула, взялась за сердце и, отыскавъ дрожащею рукой спинку стула, тихо на него сѣла. Она была блѣдна какъ платъ и смотрѣла въ глаза Форовой. Катерина Астафьевна, тяжело дыша, сидѣла предъ нею съ лицомъ, покрытымъ пылью и полузавѣшеннымъ прядями сѣдыхъ волосъ.

— Что-жъ дальше? Говори: я знаю, за что это, и я все снесу!--шептала генеральша.

— Дай мнѣ скорѣй воды, я умираю жаждой.

Синтянина ей подала воды и приняла назадъ изъ рукъ ея пустой стаканъ.

— Твой мужъ...

— Ну да, ну что-жъ мой мужъ?.. Скорѣй, скорѣй!

— Ударъ, и пуля въ старой ранѣ опустилась книзу.

Стаканъ упалъ изъ рукъ Синтяниной и покатился по полу.

— Оба! — проговорила она и, обхвативъ голову руками, заплакала.

— Какъ былъ убитъ Подозеровъ и... что это такое,—заговорила, кряхтя и съ остановками, Форова: — я этого не знаю... Ни отъ кого нельзя... добиться толку.

— Дуэль! Я такъ и думала,—прошептала генеральша:— я это чувствовала, но... меня обманули.

— Нѣтъ... Форовъ... говоритъ убійство... Весь городъ... мечется... бѣжитъ туда... А твой Иванъ Демьянычъ... всталъ нынче утромъ... былъ здоровъ и... вдругъ пакетъ изъ Петербурга... ему совѣтуютъ подать въ отставку!

— Ну, ну же, Бога ради!

— За несмотрѣніе... за слабость... за моего Форова съ отцомъ Евангеломъ... будто они гордановскихъ мужиковъ мутили. Иванъ Демьянычъ какъ прочиталъ... такъ и покатился безъ языка.

— Скорѣй же ѣдемъ!—и Александра Ивановна, накинувъ на себя сѣрый суконный платокъ, схватила за руку Вѣру и бросилась къ двери.

Форова едва плелась и не поспѣвала за нею.

— Ты на чемъ пріѣхала сюда?—оборотилась къ ней Синтянина.

— Все на твоей же лошади и... въ твоей же карафашкѣ.

— Такъ ѣдемъ.

И Александра Ивановна, выбѣжавъ за ворота, вспрыгнула въ телѣжку, втянула за собой Форову и Вѣру, и, повернувъ лошадь, погнала вскачь къ городу.

Дорогой никто изъ нихъ не говорилъ другъ съ другомъ ни о чемъ, но, переѣхавъ бродъ, Катерина Астафьевна вдругъ вскрикнула благимъ матомъ и потянулась въ бокъ съ телѣжки.

Синтянина едва удержала ее за руку, и тутъ увидала,

что въ нѣсколькихъ шагахъ предъ ними, на тряскихъ извозчичьихъ дрожкахъ ѣхалъ майоръ Форовъ въ сопровожденіи обнимавшаго его квартальнаго.

— Мой Форовъ! Форовъ!—неистово закричала Катерина Астафьевна, между тѣмъ какъ Синтянина опять пустила лошадь вскачь, а Филетеръ Ивановичъ вырвалъ у своего извозчика вожжи и осадилъ коня, задравъ ему голову до самой дуги.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыплются шишки.

Коренастый майоръ не только по виду былъ совершенно спокоенъ, но его и въ самомъ дѣлѣ ничто не безпокоило; онъ былъ въ томъ же своемъ партикулярномъ сюртукѣ безъ одной пуговицы; въ той же черной шелковой, доверху застегнутой жилеткѣ; въ военной фуражкѣ съ кокардой, и съ толстою крученою папироской.

— Торочка моя! Тора! Чего ты, глупая баба, плачешь?— заговорилъ онъ самымъ задушевнымъ голосомъ, оборотясь на дрожкахъ къ женѣ.

— Куда?.. Куда тебя везутъ?

— Куда? А чортъ ихъ знаетъ, по началству,—пошутилъ онъ, по обыкновенію, выпуская букву ъ въ словѣ «начальство».

— Поди сюда скорѣй ко мнѣ? Поди, мой Форовъ!

— Сейчасъ, — отвѣтилъ майоръ, и съ этимъ повернулся по-медвѣжьи на дрожкахъ.

Полицейскій его остановилъ и сказалъ, что этого нельзя.

— Чего нельзя? — огрызнулся майоръ. — Вы еще не знаете, что я хочу дѣлать, а ужъ говорите нельзя. Учитесь прежде разуму, а послѣ говорите!

И съ этимъ онъ спрыгнулъ съ извозчика и подбѣжалъ къ женѣ.

— Чего ты, моя дурочка, перепугалась? Пустое дѣло: спросъ и больше ничего... Я скоро ворочусь... и башмаки тебѣ принесу.

Катерина Астафьевна ничего не могла проговорить и только манила его къ себѣ ближе и ближе, и когда майоръ придвинулся къ ней и сталъ на колесо телѣжки ногой, она обняла лѣвою рукой его голову, а правою схватила его

руку, прижала ее къ своимъ запекшимся губамъ и вдругъ погнулась и упала совсѣмъ на его сторону.

— Вотъ еще горе! Ей сдѣлалось дурно! Фу, какая гадость!—сказалъ майоръ Синтяниной и, оборотясь къ квартальному, проговорилъ гораздо громче: — Прошу васъ дать воды моей женѣ, ей дурно!

— Я не обязанъ.

— Что?—крикнулъ азартно Форовъ:—вы врете! Вы обязаны дать больному помощь!—и тотчасъ же, оборотясь къ двумъ проходящимъ солдатамъ, сказалъ:

— Ребята, скачите въ первый дворъ и вынесите скорѣй стаканъ воды: съ майоршей обморокъ!

Солдатики оба бросились бѣгомъ и скоро возвратились съ ковшомъ воды.

Синтянина стала мочить Катеринѣ Астафьевнѣ голову и прыскать ей лицо, а майоръ снова обратился къ квартальному, который въ это время сошелъ съ дрожекъ и стоялъ у него за спиной.

— Васъ бы надо по старому поучить вашимъ обязанностямъ.

— Я васъ прошу садиться и ѣхать со мной,—настаивалъ квартальный.

— А я не поѣду, пока не провожу жену и не увижу ее дома, мой домъ отсюда въ двухъ шагахъ.

Занятая Форовой, Синтянина не замѣчала, что предъ нею разгоралась опасная сцена, способная пріумножить вины майора. Она обратила на это вниманіе уже тогда, когда увидала Филетера Ивановича впереди своей лошади, которую майоръ тянулъ подъ-уздцы къ воротамъ своего дома, между тѣмъ какъ квартальный заступалъ ему дорогу.

Вокругъ уже была толпа зрителей всякаго сорта.

— Прочь! — кричалъ Форовъ. — Не выводите меня изъ терпѣнія. Законъ больныхъ щадитъ, и государственнымъ преступникамъ теперь разрѣшаютъ быть при больной женѣ.

— Васъ вице-губернаторъ ждетъ,—напиралъ на него квартальный, начиная касаться его руки.

— Пусть чортъ бы ждалъ меня, не только вашъ вице-губернаторъ. Я не оставлю среди улицы мою жену, когда она больна.

— А я вамъ не позволю,—и квартальный, ободряемый массой свидѣтелей, взялъ Форова за руку.

Майоръ побѣлѣлъ и гаркнулъ: прочь! такимъ яростнымъ голосомъ, что народъ отступилъ.

— Отойдите прочь!.. Не троньте меня!

Квартальный держалъ за руку Форова и озирался, но въ это мгновеніе черный рукавъ майорскаго сюртука неожиданно описалъ полукругъ, и квартальный пошатнулся и отлетѣлъ на пять шаговъ отъ нанесеннаго ему удара.

Квартальный крикнулъ и кинулся въ толпу, которая, въ свою очередь, шарахнулась отъ него и захохотала.

Уличная сцена окрашивалась въ свои вѣковѣчныя грязныя краски, но, къ счастію генеральши, занятая безчувственною Форовой, она не все здѣсь видѣла и еще того менѣе понимала.

Освободясь отъ полицейскаго, майоръ сдѣлалъ знакъ Александрѣ Ивановнѣ, чтобъ она крѣпче держала его больную жену, а самъ тихо и осторожно подвелъ лошадь къ воротамъ своего дома, который дѣйствительно былъ всего въ двадцати шагахъ отъ мѣста свалки.

Ворота Форовскаго дома не отворялись: они были забиты наглухо и во дворъ было невозможно въѣхать. Катерину Астафьевну приходилось снести на рукахъ, и Форовъ исполнилъ это вмѣстѣ съ тѣми же двумя солдатами, которые прислужились ему водой.

Тихо, осторожно и ловко, съ опытностію людей, переносившихъ раненыхъ, они внесли недышащую Катерину Астафьевну въ ея спальню и положили на кровать.

Синтянина была въ большомъ затрудненіи, и затрудненіе ея съ каждою минутой все возрастало, потому что съ каждою минутой опасность увеличивалась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ она хотѣла бы быть и куда влекъ ее ея прямой долгъ, но Форова была бездыханна, и при ея кипучей душѣ и незнающихъ удержу нервахъ, ей грозила большая опасность.

Генеральша, скрѣпя сердце, ринулась къ больной, разстегнула ей платье и стала тереть ей уксусомъ лобъ, виски, грудь, а въ это же время скороговоркой разспрашивала Форова о происшедшемъ.

— За что они дрались?

— Ну, это все послѣ, послѣ,—отвѣчалъ майоръ.

— Но во всякомъ случаѣ это была дуэль?

— Нѣтъ; не дуэль—убійство!

— Прошу васъ говорить яснѣй.

— Это было убійство... самое подлое, самое предательское убійство.

— Но кто же убилъ?

— Мерзавцы! Развѣ вы не видите, кто на все способенъ? Вѣдь за все, бездѣльники, берутся, даже ужъ въ спириты лѣзутъ: ни отъ чего отказа, и изъ всего выходятъ цѣлы.

— Подозеровъ наповалъ убитъ?

— Пулей въ грудь, подъ пятое ребро, навылетъ въ спину, но полчаса тому назадъ, когда я отъ него вышелъ, онъ еще дышалъ.

Синтянина благодарно перекрестилась.

— Но все равно,—махнулъ рукой майоръ:—рана мертвая.

— И онъ теперь одинъ?

— Нѣтъ, тамъ осталась Лариса.

— Лариса тамъ? Что же съ нею, бѣдной?

Форовъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Что съ ней? Рветъ волосы, реветъ и, стоя на колѣняхъ въ ногахъ его постели, мѣшаетъ фельдшеру.

— А Гордановъ?

— Раненъ въ пятку.

— Да время-ль теперь для шутокъ, Филетеръ Иванычъ?

— Я не шучу съ. Гордановъ раненъ въ пятку.

— Значитъ, Подозеровъ стрѣлялъ?

— Нимало.

Майоръ оглянулся и, увидавъ у двери снова появившагося квартальнаго, прошепталъ на ухо генеральшѣ:

— Эту пулю ему, подлецу, я засадилъ.

— Господи! что-жъ это такое у васъ было?

— Ну, что это было? Ничего не было. Послѣ узнаете: видите вонъ штаха-квартаха торчитъ и слушаетъ, а вотъ и, слава Богу, Торочка оживаетъ!—молвилъ онъ, замѣтивъ дрожаніе вѣкъ у жены.

— Это была бойня! — простонала, едва открывая свои глаза, Форова.

— Ну, Торочка, я и въ походъ...—заторопился майоръ и поцѣловалъ женину руку.

Катерина Астафьевна смотрѣла на него безъ всякаго выраженія.

— И я, и я тебя оставлю, Катя, рванулась Синтянина.

— Иди... но... попроси... ты за него... Ты генеральша... тебя всѣ примутъ...

— Ничего не надо,—отказался Форовъ.

И они съ Синтянинои вышли.

— Меня арестуютъ,—заговорилъ онъ, идучи по двору:—дуэль, плевать, три пятницы молока не ѣсть: а вы...знайте-съ, что попъ Евангелъ уже арестованъ, и мы смутьяны... въ бунтѣ виноваты!.. Такъ вы, когда будетъ можно... позаботьтесь о ней... о Торочкѣ.

— Ахъ, Боже! разомъ столько требующихъ заботъ, что не знаешь куда обернуться! Но не падайте же и вы духомъ, Филетеръ Иванычъ!

— Изъ-за чего же? вѣдь два раза не повѣсятъ.

— Все Богъ устроитъ; а теперь молитесь Ему о крѣпости душевной.

— Да зачѣмъ Его и безпокоить такою малостью? Я исполнилъ свой долгъ, сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, и буду крѣпокъ...—А вонъ, глядите-ка!—воскликнулъ онъ въ калиткѣ, увидя нѣсколькихъ полицейскихъ, несшихся взадъ и впередъ на извозчикахъ.—Все курьеры, сорокъ пять тысячъ курьеровъ; а когда, подлецы, втихомолку мутятъ да каверзятъ, тогда ни одного протоканальи нигдѣ не видать... Садись! — заключилъ онъ, грубо крикнувъ на квартальнаго.

Но квартальный оборотился къ Синтяниной съ просьбой быть свидѣтельницей, что Форовъ его ударилъ.

— Ахъ, идите вы себѣ, пожалуйста! Какое мнѣ до васъ дѣло,—отвѣчала, вспрыгнувъ въ телѣжку, Синтянина и, горя нетерпѣніемъ, шибко поѣхала къ своему дому.

— А ты, любезный, значитъ не знаешь китайскаго правила: «чинъ чина почитай»? Ты смѣешь просить генеральшу? Такъ вотъ же тебѣ за это наука!

И съ этимъ Форовъ сѣлъ самъ на дрожки, а квартальнаго поставилъ въ ноги между собой и извозчикомъ и повезъ его, утѣшая, что онъ такъ всѣмъ гораздо виднѣе и приглядиѣе.

Обгоняя Синтянину, Форовъ кивнулъ ей весело фуражкой.

— Ахъ, твори Богъ Свою волю!—прошептала генеральша, глядя вслѣдъ удалявшемуся Форову и еще нетерпѣливѣе погоняя лошадь къ дому.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла.

Положеніе дѣлъ нашей исторіи, дозволяющее заключить эту часть романа разсказанными событіями, можетъ возбудить въ комъ-нибудь изъ нашихъ читателей желаніе немедленно знать нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько подневольное положеніе майора Форова дозволило ему открыть генеральшѣ Синтяниной.

Какъ изъ дуэли вышла совсѣмъ не дуэль, а убійство, и почему Форовъ стрѣлялъ Горданову, какъ онъ выразился, въ пятку?

Мы имѣемъ возможность удовлетворить этому желанію, не рискуя такимъ образомъ предупредить событія въ предстоящемъ имъ развитіи, и спѣшимъ служить этою возможностію лицамъ, заинтересованнымъ судьбой нашихъ героевъ.

Послѣ того какъ Филетеръ Ивановичъ Форовъ разставилъ дуэлистовъ на мѣстѣ и, педантически исполняя всѣ обычаи поединка, еще разъ предложилъ имъ примириться, ни Гордановъ, ни Подозеровъ не отвѣтили ему ни слова.

— За что я долженъ принять ваше молчаніе? — освѣдомился Форовъ.

— Пусть онъ проситъ прощенья, — отвѣчалъ Гордановъ хладнокровно, цѣля въ одинокую бѣлую березку.

— Я васъ прошу, распоряжайтесь скорѣй стрѣлять! — проговорилъ едва слышно Подозеровъ.

Форовъ ничего иного и не ожидалъ.

— Извольте же готовиться!—сказалъ онъ громко и, сдѣлавъ шагъ къ Подозерову, шепнулъ: куражъ, куражъ! и стойте больше правымъ бокомъ... Глядите, онъ, каналья, какъ стоитъ. Ну, защити Богъ праваго!

Подозеровъ молча кивалъ въ знакъ согласія головой, но онъ ничего не слыхалъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Онъ припоминалъ *ее*, какою *она* вчера была въ осинникѣ и... покраснѣлъ отъ мысли, что она его любитъ.

— Неужто это такъ?.. но кажется... да.

Умирать съ *такою* увѣренностью въ любви *такой* женщины, какъ генеральша, и умирать въ высочайшую минуту, когда это счастіе только-что сознано и ничѣмъ не омрачено — это казалось Подозерову благодатью, незаслуженно заключающей всю его жизнь прекрасной страницей.

Онъ послалъ благословеніе ей за эту смерть; вспомнилъ о Богѣ, но не послалъ Ему ни просьбъ, ни воздыханія, и началъ обѣими руками поднимать пистолетъ, наводя его на Горданова какъ пушку.

Такой пріемъ съ оружіемъ не обѣщалъ ничего добраго дуэлисту, и Форовъ это понималъ, но дѣлать было уже нечего, останавливаться было не время, да и Андрей Иванычъ, очевидно, не могъ быть инымъ, какимъ онъ былъ теперь.

— Извольте же!—возгласилъ еще разъ Форовъ и, оглянувшись на высматривавшаго изъ-за куста Висленева, сталъ немного въ сторонѣ, на половинѣ разстоянія между поединщиками.—Я буду говорить теперь вамъ: разъ, и два, и три, и вы по слову «*три*» каждый спустите курокъ.

— Ладно, — отвѣчалъ, надвинувъ на лобъ козырекъ фуражки, Гордановъ.

Подозеровъ молчалъ и держалъ свою пушку предъ противникомъ, повидимому, не желая глядѣть ему въ лицо.

— Теперь я начинаю,—молвилъ майоръ, и точно фотографъ, снимающій шапочку съ камерной трубы, далъ шагъ назадъ и, выдвинувъ впередъ руку съ синимъ бумажнымъ платкомъ, громко и протяжно скомандовалъ: р-а-зъ, д-в-а и... Выстрѣлъ грянулъ.

Пистолетъ Горданова дымился, а Подозеровъ лежалъ навзничь и трепеталъ, какъ крылами трепещетъ подстрѣленная птица.

— Подлецъ!—заревѣлъ ошеломленный майоръ: — я говорилъ, что тебѣ быть отъ меня битымъ!—и онъ, однимъ прыжкомъ достигнувъ Горданова, ударилъ его по щекѣ, такъ что тотъ зашатался.—Секундантъ трусъ! Ставьте на мѣсто убійцу, выстрѣлъ убитаго теперь мой.

И съ этимъ майоръ подбѣжалъ къ лежащему на землѣ Подозерову и схватилъ его пистолетъ, но Горданова уже не было на мѣстѣ: онъ и Висленевъ бѣжали рядомъ по полянѣ.

— А! такъ вотъ вы какъ! презрѣнная мразь!—воскликнулъ майоръ и выстрѣлилъ.

Бѣглецы оба упали: Гордановъ отъ раны въ пятку, а Висленевъ за компанію отъ страха. Черезъ минуту они, впрочемъ, также оба вмѣстѣ встали, и Висленевъ, подставивъ свое плечо подъ мышку Горданова, обнялъ его и потащилъ къ оставленному подъ горой извозчику.

Форовъ остался одинъ надъ Подозеровымъ, который слабо хрипѣлъ и у котораго при каждомъ незамѣтномъ вздохѣ выступало на жилетѣ все болѣе и болѣе крови.

Майоръ разстегнулъ жилетъ Андрея Ивановича, нащупалъ кое-какъ рану и, воткнувъ въ нее комъ грубой корпіи, припасенной имъ про всякій случай въ карманѣ, бросился самъ на дорогу.

Невдалекѣ онъ заарестовалъ бабу, ѣхавшую въ городъ съ возомъ молодой капусты, и, давъ этой, ничего не понимавшей и упиравшейся бабѣ нѣсколько толчковъ, насильно привелъ ея лошадь къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ безчувственный Подозеровъ. Здѣсь майоръ, не обращая вниманія на кулаки и вопли женщины, сбросилъ половину кочней на землю, а изъ остальныхъ устроилъ нѣчто въ родѣ постели и, поднявъ тяжело раненаго или убитаго на свои руки, уложилъ его на возъ, далъ бабѣ рубль, и Подозерова повезли.

Майоръ во все время пути стоялъ на возу на колѣняхъ и держалъ голову Подозерова, помертвѣлое лицо котораго начинало отливать синевой, несмотря на ярко освѣщавшее его солнце.

Этотъ восьмиверстный переѣздъ на возу, который чуть волокла управляемая бабой крестьянская кляча, показался Форову за большой путь. Съ сѣдой головы майора обильно катились на его загорѣлое лицо капли пота и, смѣшиваясь съ пылью, ползли по его щекамъ грязными потоками. Толстое, коренастое тѣло Форова давило на его согнутыя колѣна, и ноги его ныли, руки отекали, а поясницу ломило и гнуло. Но всего труднѣе было переносить пожилому майору то, что совершалось въ его головѣ.

«Какая мерзость! Нѣтъ-съ; какая неслыханная мерзость!— думалъ онъ.—Какая каторжная, наглая смѣлость и какой расчетъ! Онъ шелъ убить человѣка при двухъ свидѣтеляхъ и не боялся, да и нечего ему было бояться. Чѣмъ я докажу, что онъ убилъ его какъ злодѣй, а не по правиламъ дуэли? Да первый же Висленевъ скажетъ, что я вру! А къ этому же всему еще эта чортова ложь, будто я съ Евангеломъ возмущалъ его крестьянъ. Какой я свидѣтель? Мнѣ никто не повѣритъ!»

При этомъ майоръ началъ дѣлать непривычныя и всегда противныя ему юридическія соображенія, которыя не слагались и путались въ его головѣ.

«Поведенія я неодобрительнаго,—высчитывалъ майоръ:—извѣстно всѣмъ, что я принимаю на нутро, ненавижу приказныхъ, часто грублю разному начальству, стремлюсь, по общему выраженію, къ осуществленію несбыточныхъ мечтаній и въ Бога не вѣрую... То-есть чортъ меня знаетъ, что̀ я такое! Что тутъ возьмешь съ такою аттестаціей? Всякій судъ меня засудитъ!.. И надѣяться не на что. Развѣ на Бога, какъ надѣется моя жена. Да; вѣдь истинно болѣе не на кого! Свидѣтели!—да кто же, какой чортъ велитъ подлецу, задумавши гадость, непремѣнно сдѣлать ее при свидѣтеляхъ? Нѣтъ; это даже страшно, во что нынче обернулись эти господа: предусмотрительны, разсчетливы, холодны... Неуязвимы ничѣмъ! Въ спириты идутъ; въ попы пойдутъ... въ монахи пойдутъ. Отчего же не пойдутъ? пойдутъ. Это ужъ начинается іезуитство. Въ шпіоны пойдутъ... Въ шпіоны!.. Да кто же взаправду Гордановъ? О, о-о! Нѣтъ, видно правъ попъ Евангелъ, если Богъ Саваоѳъ за насъ сверху не вступится, такъ мы міръ удивимъ своею подлостію!»

И съ этими-то мыслями майоръ въѣхалъ на возу въ городъ; достигъ, окруженный толпой любопытныхъ, до квартиры Подозерова; снесъ и уложилъ его въ постель, и послалъ за женой, которая, какъ мы помнимъ, осталась въ эту ночь у Ларисы. Затѣмъ Форовъ хотѣлъ сходить домой, чтобы смѣнить причинившее ему зудъ пропыленное бѣлье, но былъ взятъ.

Гордановъ былъ гораздо счастливѣе. Онъ былъ увѣренъ, что убилъ Подозерова, и исходъ дѣла предвидѣлъ тотъ же, какой мерещился и Форову, но съ тою разницей, что для Гордонова этотъ исходъ былъ не позоромъ, а торжествомъ.

Павелъ Николаевичъ лежалъ на мягкомъ матрацѣ, въ блестящемъ серебристомъ бѣльѣ; перевязка его позорной раны въ ногу не причинила ему ни малѣйшей боли и разстройства, и онъ, обрызганный тонкими духами, глядѣлъ себѣ на розовые ногти и видѣлъ ясно вблизи желанный край своихъ стремленій.

Подъ подушкой у него было письмо княгини Казимиръ, которая звала его въ Петербургъ, чтобы «сдѣлать большое дѣло!»

Бодростинъ былъ поставленъ своими друзьями какъ

шашка на конъ, да притомъ и вмѣстѣ съ самою Бодростиной: княгиня Казимиръ вносила совсѣмъ новый элементъ въ жизнь.

— Гм! гм! однако, у меня теперь ужъ слишкомъ большой выборъ!—утѣшался Гордановъ и разстилалъ передъ собою большой замыселъ, которому все доселѣ бывшее должно служить не болѣе, какъ прелюдіей.

Начавъ ползкомъ, какъ котъ, подкрадываться къ цѣли, Гордановъ чувствовалъ ужъ теперь въ своихъ когтяхъ хвосты тѣхъ птицъ, въ которыхъ хотѣлъ впиться. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо окрѣпло въ немъ убѣжденіе, что въ нашемъ обществѣ все прощено и все дозволено безстыдной наглости и лицемѣріемъ прикрытому пороку.

Ошибался или не ошибался въ этомъ Гордановъ — читатели увидятъ изъ слѣдующей части нашего романа.

Часть четвертая.

МЕРТВЫЙ УЗЕЛЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тикъ и такъ.

Рана, нанесенная Подозерову предательскимъ выстрѣломъ Горданова, была изъ ранъ тяжкихъ и опасныхъ, но не безусловно смертельныхъ, и Подозеровъ не умеръ. Излѣченіе такихъ сквозныхъ ранъ навылетъ въ грудь подъ пятое ребро слѣва относятъ къ разряду чудесныхъ; на самомъ же дѣлѣ здѣсь гораздо менѣе принадлежитъ чуду врачества, чѣмъ случаю. Все зависитъ отъ момента пролета пули по области, занимаемой сердцемъ. Отправленія сердца, какъ извѣстно, производятся постояннымъ его сокращеніемъ и расширеніемъ; эти попеременно одинъ за другимъ слѣдующіе моменты, называемые въ медицинѣ systole и diastole, даютъ два звука: *тикъ* и *такъ*.

Въ первомъ изъ нихъ органъ сокращается въ продольномъ своемъ діаметрѣ и оставляетъ около себя мѣсто, по которому стороннее тѣло можетъ пройти насквозь черезъ грудь человѣка, не коснувшись сердца и не повредивъ его. Назадъ тому очень немного лѣтъ, въ Москвѣ одинъ извѣстный злодѣй, въ минуту большой опасности быть пойманнымъ, выстрѣлилъ себѣ въ сердце и остался живъ, потому что сердце его въ моментъ прохожденія пули было въ состояніи сокращенія: сердце Подозерова тоже сказало «тикъ»

въ то время, когда Гордановъ рѣшалъ «такъ». Подозеровъ остался жить, но тѣмъ не менѣе онъ остановился на самомъ краю гроба: легкія его были поранены, и за этимъ послѣдовали и кровоизліяніе въ полость груди, и удушающая легочная опухоль, и травматическая лихорадка. Прошло около мѣсяца послѣ бойни, устроенной Гордановымъ, а Подозеровъ все еще былъ ближе къ смерти, чѣмъ къ выздоровленію. Опасная лихорадка не уступала самому внимательному и искусному лѣченію.

На дворѣ въ это время стояли человѣконенавистные дни октября: ночью мокрая вьюга и изморось, днемъ ливень, и въ промежуткахъ тяжелая сѣрая мгла; грязь и мощеныхъ, и немощеныхъ улицъ растворилась и топила и пѣшаго, и коннаго. Мокрые заборы, мокрыя крыши и запотѣлыя окна словно плакали, а осклизшія деревья садовъ, доставлявшихъ лѣтомъ столько пріятной тѣни своею зеленью, теперь безпокойно качались и, скрипя на корняхъ, хлестали черными вѣтвями по стекламъ не закрытыхъ ставнями оконъ и наводили уныніе.

Спальня Подозерова, гдѣ онъ лежалъ, была комната средней величины; она выходила въ садъ двумя окнами, въ которыя такимъ образомъ жутко стучали голыя вѣтви. Во все это время Андрей Ивановичъ не возвращался къ сознательной жизни человѣка: онъ былъ чуждъ всякихъ заботъ и желаній и жилъ лишь спеціальною жизнію больного. Онъ постоянно или находился въ полузабытьѣ, или, приходя въ себя, сознавалъ лишь только то, на что обращали его вниманіе; отвѣчалъ на то, о чемъ его спрашивали; думалъ о томъ, что было предполагаемо ему для отвѣта, и никакъ не далѣе. Собственной инициативы у него не было ни въ чемъ. Все прошедшее для него не существовало; никакое будущее ему не мерещилось; все настоящее сосредоточивалось въ данной краткой терціи, потребной для сознанія предложеннаго вопроса. Онъ называлъ по именамъ Катерину Астафьевну Форову, генеральшу и Ларису, которыхъ во все это время постоянно видѣлъ предъ собою; но онъ ни разу не остановился на томъ, почему здѣсь, возлѣ него, находятся именно эти, а не какія-нибудь другія лица; онъ ни разу не спросилъ ни одну изъ нихъ, отчего всѣ онѣ такъ измѣнились; отчего Катерина Астафьевна осунулась, и всѣ ея волосы сплошь побѣлѣли; отчего также похудѣла

и пожелтѣла генеральша Александра Ивановна и нѣтъ въ ней того спокойствія и самообладанія, которыя однихъ такъ успокоивали, а другимъ давали столько матеріала для разсужденій о ея безчувственности. Его не интересовало, отчего онъ, открывая глаза, такъ часто видитъ ее въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи, со взглядомъ, неподвижно вперennымъ въ пустой уголъ полутемной комнаты; отчего бѣлые пальцы ея упертой въ високъ руки нетерпѣливо движутся и хрустятъ въ своихъ суставахъ. Ему было все равно. Лара, пожалуй, еще больше могла остановить на себѣ его вниманіе, но онъ не замѣчалъ и того, что̀ сталось съ нею. Лариса не похудѣла, но ея лицо... погрубѣло. Она подурнѣла. На ней лежалъ слѣдъ страданія тяжелаго и долгаго, но страданія не очищающаго и возвышающаго душу, а гнетущаго страхомъ и досадой. Подозеровъ ничего этого не наблюдалъ и ни надъ чѣмъ не останавливался. Объ отсутствующихъ же нечего было и говорить: онъ во всю свою болѣзнь ни разу не вспомнилъ ни про Горданова, ни про Висленева, не спросилъ про Филетера Ивановича и не полюбопытствовалъ, почему онъ не видалъ возлѣ себя коренастаго майора, а между тѣмъ въ положеніи всѣхъ этихъ лицъ произошли значительныя перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ ними въ концѣ третьей части нашего романа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гдѣ обрѣтается Форовъ.

Вспомянутый нами майоръ Форовъ еще до сего времени не возвращался домой съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его ѣдущимъ на дрожкахъ съ избитымъ имъ квартальнымъ надзирателемъ. На майора Форова обрушились всѣ напасти: его воинственнымъ поступкомъ было какъ бы затушовано на время преступленіе Горданова. Уличная сцена майора, составлявшая относительно нѣсколько позднѣйшую новость дня, была возведена въ степень важнаго событія, за которымъ дуэль Подозерова сходила на степень событія гораздо низшаго. Тотъ самый вице-губернаторъ, котораго такъ безцеремонно и нагло осмѣивалъ Гордановъ, увидѣлъ въ поступкѣ Форова вѣрное средство подслужиться общественному мнѣнію, заинтересованному бравурствами Павла Николаевича, и ринулся со всею страстію и суровостью на

безпомощнаго майора. Молодые, прилизанные и зашитые въ вицъ-мундиры канцелярскіе шавки, изъ породы еще не сознающихъ себя гордановцевъ, держали ту же ноту. Въ кабинетѣ начальника было изречено слово о немедленномъ же и строжайшемъ арестѣ майора Форова, оказавшаго примѣръ такого явнаго буйства и оскорбленія должностного лица; въ канцеляріяхъ слово это облеклось плотію; тамъ строчились бумаги, открывавшія Филетеру Ивановичу тяжелыя двери тюрьмы, и этими дверями честный майоръ былъ отдѣленъ отъ міра, въ которомъ онъ оказался вреднымъ и опаснымъ членомъ. О другихъ герояхъ этого дня пока было словно позабыто; нѣкоторымъ занимавшимся ихъ судьбой мнилось, что Горданова и Подозерова ждетъ тягчайшая участь впереди; но справедливость требуетъ сказать, что двумя этими субъектами занимались лишь очень немногіе изъ губернскаго бомонда; наибольшее же вниманіе массъ принадлежало майору. По исконному обычаю массъ радоваться всякимъ напастямъ полиціи, у майора вдругъ нашлось въ городѣ очень много друзей, которые одобряли его поступокъ и передавали его изъ устъ въ уста съ самыми невѣроятными преувеличеніями, доходившими до того, что майоръ вдругъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, одареннаго такою силой, что̀ возьметъ онъ за руку—летитъ рука прочь, схватитъ за ногу—нога прочь. Говорили, будто бы Филетеръ Ивановичъ совсѣмъ убилъ квартальнаго, и утверждали, что онъ даже хотѣлъ перебить все начальство во всемъ его составѣ, и непремѣнно исполнилъ бы это, но не выполнилъ такой программы лишь только по неполученію своевременно надлежащаго подкрѣпленія со стороны общества, и былъ заключенъ въ тюрьму съ помощію цѣлаго батальона солдатъ. Въ городѣ оказалось очень много людей, которые искренно сожалѣли, что майору не была оказана надлежащая помощь; въ тюрьму, куда посадили Филетера Ивановича, начали притекать обильныя приношенія булками, пирогами съ горохомъ и вареною рыбой, а одна купчиха-вдова, ведшая тридцатилѣтнюю войну съ полиціей, даже послала Форову красный мѣдный чайникъ, фунтъ чаю, пуховикъ, двѣ подушки въ темныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, частый роговой гребень, банку персидскаго порошку, соломенныя бирюльки и пучокъ сухой травы. Майоръ принялъ все, не исключая травы и бирюлекъ, которыя онъ

выровнялъ и устроилъ изъ этого приношенія очень удобныя стельки въ свои протекшіе сапоги. Затѣмъ онъ преспокойно усѣлся жить въ острогѣ, согрѣвая себя купчихинымъ чаемъ изъ ея же мѣднаго чайника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Каково поживаютъ другіе.

Что касается до Горданова, Подозерова и Висленева, то о нихъ вспомнили только на другой день и, въ виду болѣзненнаго состоянія Горданова и Подозерова, подчинили ихъ домашнему аресту въ ихъ собственныхъ квартирахъ; когда же пришли къ Висленеву съ тѣмъ, чтобы пригласить его переѣхать на гауптвахту, то нашли въ его комнатѣ только обрывки газетныхъ листовъ, которыми Іосафъ Платоновичъ обертывалъ вещи; самъ же онъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ Богъ вѣсть куда. Спрошенная о его исчезновеніи, сестра его Лариса не могла дать никакого опредѣлительнаго отвѣта, и это вовсе не было съ ея стороны лукавствомъ: она въ самомъ дѣлѣ не знала, куда скрылся Іосафъ. Она разсталась съ братомъ еще утромъ, когда онъ, возвратясь съ поединка, сразилъ ее вѣстью о смерти Подозерова. Не отходя съ той поры отъ постели умирающаго, Лариса ничего не знала о своемъ братѣ, людямъ же было извѣстно лишь только то, что Іосафъ Платоновичъ вышелъ куда-то вскорѣ за бросившеюся изъ дому барышней и не возвращался домой до вечера, а потомъ пришелъ, уложилъ самъ свои саквояжи, и какъ уѣхалъ, такъ уже и не возвращался. Къ разысканію его велѣно было принять самыя тщательныя мѣры, заключающіяся у насъ, какъ извѣстно, въ перепискѣ изъ части въ часть, изъ квартала въ кварталъ,—мѣры, приносящія какую-нибудь пользу тогда лишь, когда тотъ, о комъ идетъ дѣло, самъ желаетъ быть пойманнымъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а о Висленевѣ не было ни слуху, ни духу. Исчезновеніе его было загадкой и для сестры его, и для тетки, которыя писали ему въ Петербургъ на имя его жены, но письма ихъ оставались безъ отвѣта, — на что, впрочемъ, и Катерина Астафьевна, и Лариса, занятыя положеніемъ ближайшихъ къ нимъ лицъ, не слишкомъ и сѣтовали. Но наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга путемъ

офиціальнымъ. Мѣстная предержащая власть сносилась съ подлежащею властью столицы о разысканіи Висленева и получила извѣстіе, что Іосафъ Платоновичъ въ Питерѣ не появлялся. Да и зачѣмъ ему было туда ѣхать? Чтобы попасть въ лапы своей жены, отъ которой онъ во время своей кочевки уже немножко эмансипировался? Онъ даже льстилъ себя надеждой вовсе отъ нея освободиться и начать свое «независимое существованіе», на что приближающееся его сорокалѣтіе давало ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое право. Но куда онъ исчезъ и пропалъ? Это оставалось тайной для всѣхъ... для всѣхъ, кромѣ одного Горданова, который недѣли чрезъ двѣ послѣ исчезновенія Висленева получилъ изъ-за границы письмо, писанное рукой Іосафа Платоновича, но за подписью Espérance. Въ этомъ письмѣ злополучная Espérance, въ которой Гордановъ отгадалъ брата Ларисы, жаловалась безжалостному Павлу Николаевичу на преслѣдующую ее роковую судьбу и просила его «во имя ихъ прежнихъ отношеній» прислать ей денегъ на имя общаго ихъ знакомаго Joseph W. Гордановъ прочелъ это письмо и бросилъ его безъ всякаго вниманія. Онъ, во-первыхъ, не видѣлъ въ эту минуту никакой надобности дѣлиться чѣмъ бы то ни было съ Висленевымъ, а во-вторыхъ, ему было и недосужно. Павелъ Николаевичъ самъ собирался въ путь и преодолѣвалъ затрудненія, возникавшія предъ нимъ по случаю собственной его подсудимости. Препятствія эти казались неодолимыми, но Гордановъ поборолъ ихъ и, съ помощію ходатайствовавшаго за него передъ властями Бодростина, уѣхалъ въ Петербургъ къ Михаилу Андреевичу, оставивъ по себѣ поручительство, что онъ явится къ слѣдствію, когда возвращеніе къ Подозерову сознанія и силъ сдѣлаетъ возможными нужныя съ его стороны показанія. Гордановъ представилъ цѣлый рядъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что весьма важныя предпріятія потерпятъ и разрушатся отъ стѣсненія его свободы, и стѣсненіе это было расширено. Въ нашъ вѣкъ предпріятій нельзя отказывать въ такихъ мелочахъ крупному предпринимателю, какимъ несомнѣнно представлялся Гордановъ всѣмъ или почти всѣмъ, кромѣ развѣ Подозерова, Форова, Катерины Астафьевны и генеральши, которые считали его не болѣе какъ большимъ мошенникомъ. Но имъ было теперь не до него; одинъ изъ этихъ людей лежалъ на краю гроба, другой философство

валъ въ острогѣ, а женщины переходили отъ одного страдальца къ другому и не останавливались на томъ, что̀ дѣлается съ негодяями.

Было и еще одно лицо, которое и эту оцѣнку для Горданова признавало слишкомъ преувеличенною: это лицо, находившее, что для Павла Николаевича слишкомъ много, чтобъ его признавали «большимъ мошенникомъ», была Глафира Васильевна Бодростина, непостижимо тихо и ловко спрятавшаяся отъ молвы и очей во время всей послѣдней передряги по поводу поединка. Она уѣхала въ деревню и во все это время, употребляя ея же французскую фразеологію, она была sous le banc. При всемъ провинціальномъ досужествѣ, про нее никто не вспомнилъ ни при одной смѣтѣ. Но она не забыла своихъ слугъ и друзей. Ея ловкая напрактикованная горничная пріѣзжала въ городъ и была два раза у Горданова. Глафира Васильевна, очевидно, была сильно заинтересована тѣмъ, чтобъ Павелъ Николаевичъ получилъ возможность выѣхать въ Петербургъ, но во всѣхъ хлопотахъ объ этомъ она не приняла ни малѣйшаго, по крайней мѣрѣ видимаго, участія. Ея словно не было въ живыхъ и о ней только невзначай вспомнили два или три человѣка, которые, возвращаясь однажды ночью изъ клуба, неожиданно увидѣли слабый свѣтъ въ окнахъ ея комнаты; но и тутъ, по всѣмъ наведеннымъ на другой день справкамъ, оказалось, что Глафира Васильевна пріѣзжала въ городъ на короткое время и затѣмъ выѣхала. Куда? Объ этомъ узнали не скоро. Она уѣхала не назадъ въ свою деревню, а куда-то далеко: одни предполагали, что она отправилась въ Петербургъ, чтобы, пользуясь болѣзнью Горданова, отговорить мужа отъ рискованнаго предпріятія устроить фабрику мясныхъ консервовъ, въ которое вовлекъ его этотъ Гордановъ, давній врагъ Глафиры, котораго она ненавидѣла; другіе же думали, что она, разссорясь съ мужемъ, поѣхала кутнуть за границу. Сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о направленіи, принятомъ Глафирой, имѣлъ одинъ лишь торопливо отъѣзжавшій изъ города Павелъ Николаевичъ Гордановъ, но онъ, разумѣется, никому объ этомъ ничего не говорилъ. Откровенность въ этомъ случаѣ не была въ его планахъ, да ему было некогда: онъ самъ только-что получилъ разрѣшеніе съѣздить подъ поручительствомъ въ Петербургъ и торопился несказанно. Эта торопливость его

въ значительной мѣрѣ поддерживала то мнѣніе, что Бодростина поѣхала къ мужу разрушать пагубное вліяніе на него Горданова, и что сей послѣдній гонится за нею, открывая такимъ образомъ игру въ кошку и мышку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кошка и мышка.

Въ догадкѣ этой было нѣчто намекающее на что-то существовавшее на самомъ дѣлѣ. Гордановъ и Глафира должны были встрѣтиться, но какъ и гдѣ?.. На это у нихъ было расписаніе.

Подъѣзжая къ московскому дебаркадеру желѣзной дороги, по которой Гордановъ утекалъ изъ провинціи, онъ тревожно смотрѣлъ изъ окна своего вагона и вдругъ покраснѣлъ, увидѣвъ прохаживающуюся по террасѣ высокую даму въ длинной бархатной тальмѣ и такой же круглой шляпѣ, съ густымъ вуалемъ. Дама тоже замѣтила его въ окнѣ, и они оба кивнули другъ другу и встрѣтились на платформѣ безъ удивленія неожиданности, какъ встрѣчаются два агента одного и того же дѣла, съѣхавшіеся по своимъ обязанностямъ. Дама эта была Графира Васильевна Бодростина.

— Vous êtes bien aimable,—сказалъ ей Гордановъ, сходя и протягивая ей свою руку.—Я никакъ не ожидалъ, чтобы вы меня даже встрѣтили.

Бодростина вмѣсто отвѣта спокойно подала ему свою правую руку, а лѣвою откинула вуаль. Она тоже нѣсколько перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли отъѣзжавшею изъ хуторка генеральши съ потерпѣвшимъ тогда неожиданное пораженіе Гордановымъ. Глафира Васильевна немного поблѣднѣла, и прекрасные говорящіе глаза ея утратили свою безпокойную тревожность: они теперь смотрѣли сосредоточеннѣе и спокойнѣе, и на всемъ лицѣ ея выражалась сознательная рѣшимость.

— Я васъ ждала съ нетерпѣніемъ,—сказала она Горданову, сходя съ нимъ подъ руку съ крыльца дебаркадера вслѣдъ за носильщиками, укладывавшими на козлы наемной кареты щегольскіе чемоданы Павла Николаевича. — Мы должны видѣться здѣсь въ Москвѣ самое короткое время и потомъ разстаться, и, можетъ-быть очень надолго.

— Ты развѣ не ѣдешь въ Петербургъ?

— Я въ Петербургъ не ѣду; вы поѣдете туда одни и непремѣнно завтра же; я тоже уѣду завтра, но намъ не одна дорога.

— Ты куда?

— Я ѣду за границу, ну садись, пожалуйста, въ карету; теперь мы еще ѣдемъ вмѣстѣ.

— Я не рѣшилъ, гдѣ мнѣ остановиться,—проговорилъ Гордановъ, усаживаясь въ экипажъ. — Ты гдѣ стоишь? Я могу пристать гдѣ-нибудь поближе или возьму номеръ въ той же гостиницѣ.

— Вы остановитесь у меня, — отвѣтила ему скороговоркой Бодростина и, высунувшись изъ окна экипажа, велѣла кучеру ѣхать въ одну изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ гостиницъ.

— Я тамъ живу уже недѣлю въ ожиданіи моего мужа,— добавила она, обращаясь къ Горданову. — У меня большой семейный номеръ, и вамъ вовсе нѣтъ нужды искать для себя другого помѣщенія и понапрасну прописываться въ Москвѣ.

— Ты, значитъ, дѣлаешь меня на это время своимъ мужемъ? Это очень обязательно съ твоей стороны.

Бодростина равнодушно посмотрѣла на него.

— Что ты на меня глядишь такимъ уничтожающимъ взглядомъ?

— Ничего, я такъ только немножко вамъ удивляюсь.

— Чему и въ чемъ?

— Намъ не къ лицу эти лица. Я везу васъ къ себѣ просто для того, чтобы вы не прописывали въ Москвѣ своего имени, потому что вамъ его, можетъ-быть, не совсѣмъ удобно выставлять на коридорной дощечкѣ, мимо которой ходятъ и читаютъ всѣ и каждый.

— Да, понимаю, понимаю. Довольно.

— Кажется, понятно.

И затѣмъ Глафира Васильевна, не касаясь никакихъ воспоминаній о томъ, что было въ покинутомъ захолустьѣ, не особенно сухимъ, но серьезнымъ и дѣловымъ тономъ заговорила съ Гордановымъ о томъ, что онъ долженъ совершить въ Петербургѣ въ качествѣ ея агента при ея мужѣ. Все это заключалось въ нѣсколькихъ словахъ, что Павелъ Николаевичъ долженъ способствовать старческимъ слабо-

стямъ Михаила Андреевича Бодростина къ графинѣ Казимирѣ и спутать его съ нею какъ можно скандальнѣе и крѣпче. Гордановъ все это слушалъ и наконецъ возразилъ, что онъ только не понимаетъ, зачѣмъ это нужно, но не получилъ никакого отвѣта, потому что экипажъ въ это время остановился у подъѣзда гостиницы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Nota bene на всякій случай.

Номеръ, который занимала Бодростина, состоялъ изъ четырехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ и устланныхъ сплошь пушистыми, нѣкогда весьма дорогими коврами. Комнаты отдѣлялись одна отъ другой массивными перегородками изъ орѣховаго дерева, съ тяжелою рѣзьбой и точеными украшеніями въ полуготическомъ, полурусскомъ стилѣ. Длинная комната направо изъ передней была занята подъ спальню и дорожный будуаръ Глафиры, а квадратная комнатка безъ окна, влѣво изъ передней, вмѣщала въ себѣ застланную свѣжимъ бѣльемъ кровать, комодъ и нѣсколько стульевъ.

Эту комнату Глафира Васильевна и отвела Горданову и велѣла въ ней положить прибывшіе съ нимъ пожитки.

— Гдѣ же ваша собственная прислуга?—полюбопытствовалъ Гордановъ, позируя и оправляясь предъ зеркаломъ въ ожиданіи умыванья.

— Со мною нѣтъ здѣсь собственной прислуги,—отвѣчала Бодростина.

— Такъ вы путешествуете одни?

Глафира Васильевна слегка прижала нижнюю губу и склонила голову, что̀ Гордановъ могъ принять и за утвердительный отвѣтъ на его предположеніе, но что точно такъ же удобно можно было отнести и просто къ усиліямъ, съ которыми Бодростина въ это время открывала свой дорожный письменный бюваръ.

Пока Павелъ Николаевичъ умывался и прихорашивался, Бодростина писала, и когда Гордановъ взошелъ къ ней съ сигарой въ зубахъ, одѣтый въ тепленькую плюшевую курточку цвѣта шерсти молодого бобра, Глафира подняла на него глаза и, улыбнувшись, спросила:

— Что̀ это за костюмъ?

— А что такое? — отвѣчалъ, оглядываясь, Гордановъ.— Что за вопросъ? а? что тебѣ кажется въ моемъ платьѣ?

— Ничего... платье очень хорошее и удобное, чтобъ отъ долговъ бѣгать. Но какъ вы стали тревожны!

— Чему же вы это приписываете?

Бодростина пожала съ чуть замѣтною улыбкой плечами и отвѣчала:

— Вѣроятно, продолжительному сношенію съ глупыми людьми: это злитъ и портитъ характеръ.

— Да; вы правы—это портитъ характеръ.

— Особенно у тѣхъ, у кого онъ и безъ того былъ всегда гадокъ.

Гордановъ хотѣлъ отшутиться, но, взглянувъ на Бодростину и видя ее снова всю погруженною въ писаніе, походилъ, посвисталъ и скрылся назадъ въ свою комнату. Тутъ онъ пошуршалъ въ своихъ саквояжахъ и, появясь черезъ нѣсколько минутъ въ пальто и въ шляпѣ, сказалъ:

— Я пойду пройдусь.

— Да; это прекрасно,—отвѣчала Бодростина:—только закутывайся хорошенько повыше кашне и надвигай пониже шляпу.

Гордановъ слегка покраснѣлъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну, ужъ это даже не совсѣмъ и остроумно.

— Я вовсе и не хочу быть съ вами остроумною, а говорю просто. Вы въ самомъ дѣлѣ подите походите, а я здѣсь кончу нужныя письма, и въ пять часовъ мы будемъ обѣдать. Здѣсь прекрасный поваръ. А кстати, можете вы мнѣ оказать услугу?

— Сдѣлайте одолженіе, приказывайте,—отвѣчалъ сухо Гордановъ, поправляя рукой загибъ своего мѣхового воротника.

— J'ai bon appétit aujourd'hui. Скажите, пожалуйста, чтобы для меня, между прочимъ, велѣли приготовить fricandeau sauce piquante. C'est délicieux, et j'espère que vous le trouverez à votre goût.

— Извольте,—отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ и, поворотясь, вышелъ въ коридоръ.

Это его обидѣло.

Онъ позвалъ слугу тотчасъ, какъ только переступилъ порогъ двери, и передалъ ему приказаніе Бодростиной. Онъ исполнилъ все это громко, нарочно съ тѣмъ, чтобы Гла-

фпра слышала, какъ онъ обошелся съ ея порученіемъ, въ которомъ Павелъ Николаевичъ видѣлъ явную цѣль его унизить.

Гордановъ былъ жестоко золъ на себя и, быстро шагая по косымъ тротуарамъ Москвы, проводилъ самыя нелестныя для себя параллели между самимъ собою и своимъ bête noire, Іосафомъ Висленевымъ.

— Недалеко, недалеко я отбѣжалъ отъ моего бѣднаго пріятеля,—говорилъ онъ, вспоминая свои собственныя продѣлки съ наивнымъ Жозефомъ и приводя въ сопоставленіе съ ними то, что̀ можетъ дѣлать съ нимъ Бодростина. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что и его положеніе въ сущности немного прочнѣе положенія Висленева.

— Не все ли равно,—разсуждалъ онъ: — я верховодилъ этимъ глупымъ Ясафкой по поводу сотни рублей; мною точно такъ же верховодятъ за нѣсколько большія суммы. Мы оба одного разбора, только разныхъ сортовъ, оба лѣнтяи, оба хотѣли подняться на фу-фу, и одна намъ и честь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Итогъ для новой смѣты.

Гордановъ припомнилъ, какія онъ роли отыгрывалъ въ провинціи и какой страхъ нагонялъ онъ тамъ на добрыхъ людей, и ему даже стало страшно.

— Что,—соображалъ онъ:—если бъ изъ нихъ кто-нибудь зналъ, на какомъ тонкомъ-претонкомъ волоскѣ я мотаюсь? Если бы только кто-нибудь изъ нихъ пронюхалъ, что у меня подъ ногами нѣтъ никакой почвы, что я зависимѣе каждаго изъ нихъ, и что пропуститъ меня и сквозь сито, и сквозь рѣшето зависитъ вполнѣ отъ одного каприза этой женщины?.. Какъ бы презиралъ меня самый презрѣнный изъ нихъ! И онъ былъ бы правъ и тысячу разъ правъ.

— Но полно, такъ ли? Отъ каприза ли ея я, однако, завишу?—разсуждалъ онъ далѣе, приподымая слегка голову.— Нѣтъ; я ей нуженъ: я ея сообщникъ, я ея bravo, ея наемный убійца; она не можетъ безъ меня обойтись... Не можетъ?.. А почему не можетъ?.. Во мнѣ есть рѣшительность, есть воля, есть характеръ,—однимъ словомъ, во мнѣ есть свойства, на которыя она разсчитываетъ и которыхъ нѣтъ у каждаго встрѣчнаго-поперечнаго... Но развѣ только одинъ

путь, одно средство, которымъ она можетъ... развѣнчаться... избавиться отъ своего супруга... сбыть его и извести. И наконецъ, что у нея за думы, что у нея за запутанные планы? Просто не разберешь подчасъ, дѣлаетъ она что или не дѣлаетъ? Одно только мое большое и основательное знаніе этой женщины ручается мнѣ, что она что-то заводитъ, — заводитъ далекое, прочное; что она облагаетъ насъ цѣлымъ лагеремъ и именно *насъ*, т. е. всѣхъ насъ, — не одного Михаила Андреевича, а всѣхъ какъ есть, и меня въ томъ числѣ, и даже меня, можетъ-быть, перваго. Какой демонъ, какая страшная женщина! Я ничего не видалъ, я не успѣлъ опомниться, какъ она опутала! Страшно представить себѣ, какая глубокая и въ то же время какая скверная для меня разница между тѣмъ положеніемъ, въ какомъ я видѣлся съ нею тамъ, въ губернской гостинницѣ, въ первую ночь моего пріѣзда, и теперь... когда она сама меня встрѣчаетъ, сама меня снаряжаетъ наемнымъ Мефистофелемъ къ своему мужу, и между тѣмъ обращается со мною какъ со школьникомъ, какъ съ влюбленнымъ гимназистомъ! Это чортъ знаетъ что такое! Она не удостоиваетъ отвѣта моихъ попытокъ узнать, что такое всѣ мы выплясываемъ по ея дудкѣ! И... посылаетъ меня заказывать фрикандо къ обѣду. Ея нынѣшнее обращеніе съ мною ничѣмъ не цвѣтнѣе нѣкогда столь смѣшной для меня встрѣчи Висленева съ его генеральшей, а между тѣмъ Висленевъ отпѣтый, патентованный гороховый шутъ и притча во языцѣхъ, а я... во всякомъ случаѣ человѣкъ, надъ которымъ никто никогда не смѣялся...

Гордановъ, все краснѣвшій по мѣрѣ развитія этихъ думъ, вдругъ остановился, усмѣхнулся и плюнулъ. Вокругъ него трещали экипажи, сновали пѣшеходы, въ воздухѣ летали хлопья мягкаго снѣгу, а на мокрыхъ ступеняхъ Иверской часовни стояли черныя, перемокшія монахини и кланялся народъ.

— Какъ никто? Какъ никто не смѣялся?—мысленно вопрошалъ себя Гордановъ и отвѣчалъ съ ироніей: — А Кишенскій, а Алинка? развѣ не по ихъ милости я разоренъ и отброшенъ чортъ знаетъ на какое разстояніе отъ исполненія моего вѣрнѣйшаго и блестящаго плана? Нѣтъ; я только честнымъ людямъ умѣю не позволять наступать себѣ на ногу... я молодецъ на овецъ, а на молодца я самъ овца...

Да, да; меня спутало и погубило это якшанье со всею этой принципною сволочью, которая обворовала меня кругомъ... Но ничего, друзья, ничего. Палача, прежде чѣмъ сдѣлать палачомъ, тоже пороли, — выпороли и вы меня, и еще до сихъ поръ все порете; но уже зато какъ я оттерплюсь, да васъ вздую, такъ вамъ небо покажется съ баранью овчинку!

Павелъ Николаевичъ крякнулъ, повернувшись спиной къ Иверской часовнѣ, и, перейдя площадь, зашелъ въ Гуринскій трактиръ, усѣлся къ столику и спросилъ себѣ чаю.

«Да; къ чорту это все! — думалъ онъ: — нечего себя обольщать, но нечего и робѣть. Глафира, чортъ ее знаетъ,— она, кажется, несомнѣнно умнѣе меня, да и потомъ у нея въ рукахъ вся сила. Я уже сдѣлалъ промахъ, страшный промахъ, когда я по одному ея слову рѣшился рвать всѣмъ носы въ этомъ пошломъ городишкѣ! Глупецъ, я взялся за роль страшнаго и непобѣдимаго силача съ пустыми пятьюшестью тысячами рублей, которыя она мнѣ сунула, какъ будто я не могъ и не долженъ былъ предвидѣть, что этимъ широкимъ разгономъ моей бравурной репутаціи на малыя средства она беретъ меня въ свои лапы; что, издержавъ эти деньги, — какъ это и случилось теперь, — я долженъ шлепнуться со всей высоты моего аршиннаго величія? А вотъ же я этого не видѣлъ; вотъ же я... я... умникъ Гордановъ, этого не предусмотрѣлъ! Правду говорятъ: кто поучаетъ женщину, тотъ готовитъ на себя палку... И еще я имѣлъ глупость часъ тому назадъ лютовать! И еще я готовъ былъ изыскивать средство дать ей отпоръ... возмутиться... Противъ кого? Противъ нея, противъ единственнаго лица, держась за которое я долженъ выплыть на берегъ! И изъ-за чего я хотѣлъ возмутиться? Изъ-за самолюбія, оскорбленій котораго никто не видитъ, между тѣмъ какъ я могу быть вынужденъ переносить не такія оскорбленія на виду у цѣлаго свѣта? Развѣ же не чистѣйшая это гиль теперь, мое достоинство? А ну его къ дьяволу! Смирюсь, смирю себя предъ нею до чего она хочетъ; снесу отъ нея все! Пусть это будетъ мой самый трудный экзаменъ въ борьбѣ за существованіе, и я долженъ его выдержать, если не хочу погибнуть, — и я не погибну. Она увидитъ, велика ли была ея проницательность, когда она располагала на мою «каторжную честность». Нѣтъ, дружокъ: à la guerre comme à

la guerre. Хитра ты, да вѣдь и я не промахъ: любуйся же теперь моей несмѣлостію и смиреніемъ: богатство и власть надъ Ларисой стоятъ того, чтобы мнѣ еще потерпѣть горя; но разъ, что кончимъ мы съ Бодростинымъ и ты будешь моя жена, а Лариса будетъ моя невольница... моя рыдающая Агарь... а я тебя... въ бараній рогъ согну!..»

И съ этимъ Гордановъ опять всталъ, бросилъ на столъ деньги за чай и ушелъ.

«Вотъ только одно бы мнѣ еще узнать,—думалъ онъ, ѣдучи на извозчикѣ: — любитъ она меня хоть капельку, или не любитъ? Ну, да и прекрасно; нынче мы съ нею все время будемъ одни... Не все же она будетъ тонировать да писать, авось и иное что будетъ?.. Да что же вправду, вѣдь женщина же она и человѣкъ!.. Вѣдь я же знаю, что кровь, а не вода течетъ въ ней... Ну, ну, постой-ка, что ты заговоришь предъ нашимъ смиренствомъ... Эхъ, гдѣ ты мать черная немочь съ лихорадушкой?»

ГЛАВА СЕДЬМА

Черная немочь.

На дворѣ уже по-осеннему стемнѣло и былъ часъ обѣда, къ которому Глафира Васильевна ждала Горданова, полулежа съ книгой на небольшомъ диванчикѣ предъ сервированнымъ и освѣщеннымъ двумя жирандолями столомъ.

Гордановъ вошелъ и тихо снялъ свое верхнее платье. Глафира взглянула на его прояснившееся лицо и въ ту же минуту поняла, что Павелъ Николаевичъ обдумалъ свое положеніе, взвѣсилъ всѣ pro и contra и рѣшился не замѣчать ея первенства и господства, и она его за это похвалила.

«Умный человѣкъ!—мелькнуло въ ея головѣ. — Что хотите, а съ такимъ человѣкомъ все легче дѣлается, чѣмъ съ межеумкомъ», и она ласково позвала Горданова къ столу, усердно его угощала и даже обмолвилась съ нимъ на «ты».

— Кушай хорошенько,—сказала она:—на хлѣбъ, на соль умные люди не дуются. Знаешь пословицу: губа толще, брюхо тоньше,—а ты и такъ не жиренъ. Ѣшь вотъ эту штучку,—угощала она, подвигая Горданову фрикасе изъ маленькихъ пичужекъ:—я это нарочно для тебя заказала, зная, что это твое любимое.

Гордановъ тоже уразумѣлъ, что Глафира поняла его и одобрила, и ласкаетъ, какъ покорившагося ребенка. Онъ уразумѣлъ и то, что этой покорностью онъ еще разъ капитулировалъ, но онъ уже рѣшился довершить въ смиреніи свою «борьбу за существованіе» и не стоялъ ни за что.

— Вотъ видишь ли, Павелъ, какъ только ты вырвался отъ дураковъ и побылъ часъ одинъ самъ съ собою, у тебя даже видъ сдѣлался умнѣй,—заговорила Бодростина, оставшись одна съ Гордановымъ за десертомъ.—Теперь я опять на тебя надѣюсь и полагаюсь.

— А то ты уже было перестала и надѣяться?

— Я даже отчаялась.

— Я не понималъ твоихъ требованій и только, но я буду радъ, если ты мнѣ теперь разскажешь, чѣмъ ты мною недовольна? Вѣдь ты мною недовольна?

— Да.

— За что?

— Спроси свою совѣсть?—отвѣчала, глядя на носокъ своей туфли, Глафира.

Гордановъ просіялъ; онъ услышалъ въ этихъ словахъ укоризну ревности и, тихо вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Глафирѣ и, наклонясь, поцѣловалъ ея лежавшую на колѣняхъ руку.

Она этому не мѣшала.

— Глафира!—позвалъ Гордановъ.

Отвѣта не было.

— Глафира! Радость моя! Мое счастье, откликнись же!.. дай мнѣ услышать твое слово!

— Радость твоя не Глафира.

— Нѣтъ? Что ты сказала? Развѣ не ты моя радость?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ скажи же мнѣ прямо, Глафира; ты можешь что-нибудь сказать *прямо?*

— Что за вопросъ! Разумѣется, я вамъ могу и смѣю все говорить *прямо.*

— Безъ шутокъ?

— Спрашивай и увидишь.

— Ты хочешь быть моей женой?

— Н... н... ну, а какъ тебѣ это кажется?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ. Что ты на это скажешь?

— Ничего.

— Это развѣ отвѣтъ?

— Разумѣется, и самый искренній... Я не знаю, что̀ ты для меня сдѣлаешь.

Гордановъ сѣлъ у ея ногъ и, взявъ въ свои руки руку Глафиры, прошепталъ, глядя ей въ глаза:

— А если я сдѣлаю *все*... тогда?

— Тогда? Я тоже сдѣлаю *все*.

— То-есть, что же именно ты сдѣлаешь?

— Все, что будетъ въ моихъ силахъ.

— Ты будешь тогда моею женой?

Глафира наклонила молча голову.

— Что же это значитъ: да или нѣтъ?

— Да, и это можетъ случиться,—уронила она, улыбаясь.

— Можетъ случиться!.. Здѣсь случай не долженъ имѣть мѣста!

— Онъ имѣетъ мѣсто повсюду.

— Гдѣ нѣтъ воли.

— И гдѣ она есть.

— Это вздоръ.

— Это высшая правда.

— Высшая?.. Въ какомъ это смыслѣ: въ чрезвычайномъ, можетъ-быть, въ сверхъестественномъ?

— Можетъ-быть.

— Скажи, пожалуйста, яснѣй? Мы не ребята, чтобы сверхъестественностями заниматься. Кто можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, когда мы покончимъ съ Бодростинымъ?

— Тсъ!.. Тише!

— Ничего: мы здѣсь одни. Ну, говори: кто, кто?

— Почемъ я знаю, что и кто? Да и къ чему ты хочешь словъ?

Она положила ему на лобъ свою руку и, поправляя пальцемъ набѣжавшій впередъ локонъ волосъ, прошептала:

— Да... вотъ мы и одни... «какое счастье: ночь и мы одни». Чьи это стихи?

— Фета: но не въ этомъ дѣло, а говори мнѣ прямо, кто и что можетъ мѣшать тебѣ выйти за меня замужъ, когда не будетъ твоего мужа?

— Тссъ!

Глафира быстро откинулась назадъ къ спинкѣ дивана и сказала:

— Ты глупъ, если позволяешь себѣ такъ часто повторять это слово.

— Но мы одни.

— Одни!.. Во снѣ не бредь о томъ, чѣмъ занятъ,—кикимора услышитъ.

— Я не боюсь кикиморы; я не суевѣръ.

— Ну, такъ я суевѣрка и прошу не говорить со мной иначе, какъ съ суевѣркой.

— Ага, ты меня отводишь отъ прямого отвѣта; но это тебѣ не удастся.

— Отчего же?—И Глафира тихо улыбнулась.

— Оттого, что я не такой вздорный человѣкъ, чтобы меня можно было втравить въ споръ о вѣрѣ или безвѣріи, о Богѣ или о демонѣ: вѣрь или не вѣрь въ нихъ,—мнѣ это все равно, но отвѣчай мнѣ ясно и положительно: кто и что тебѣ можетъ помѣшать быть моею женой, когда... когда Бодростина не будетъ въ живыхъ.

— Совѣсть: я никогда не захочу разстраивать чужого счастья.

— Чьего счастья? Что за вздоръ.

— Счастья бѣдной Лары.

— Ты лжешь; ты знаешь, что я не думаю на ней жениться и не женюсь.

— А, жаль, она глупа и будетъ скверною женой.

— Мнѣ это все равно, ты не заговоришь меня ни Ларой и ничѣмъ на свѣтѣ; дай мнѣ отвѣтъ, что можетъ помѣшать тебѣ быть моею женой, и тогда я отстану!.. А, а! ты молчишь, ты не знаешь, куда еще увильнуть! Такъ знай же, что я знаю, кто и что тебѣ можетъ помѣшать! Ты любишь! Ты поймана! Ты любишь не меня, а Подозе...

Но Глафира быстрымъ движеніемъ руки захватила ему ротъ и воскликнула:

— Вы забываетесь, Гордановъ!

— Да, да, ты можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, но это тебѣ не поможетъ; я далъ себѣ слово добиться отвѣта, кто и что можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, и я этого добьюсь. Болѣе: я это проникъ и почти уже всего добился; твое смущеніе мнѣ сказало, кто...

— Кто?.. Кто?.. Кто?..—перебила его рѣчь, проникшаяся вдругъ внезапнымъ безпокойствомъ, Глафира.—Ты проникъ... ты добился...

И съ этими словами, она вдругъ сдѣлала порывистое движеніе впередъ и, стукнувъ три раза кряду похолодѣвшими бѣлыми пальцами въ жаркій лобъ Горданова, прошептала:

— А кто помѣшалъ тебѣ убить того, кого ты сейчасъ назвалъ?

Гордановъ молчалъ.

— Что же ты молчишь?

— Что же говорить? Его спасъ «тикъ и такъ»; это рѣдкостнѣйшій случай.

— Рѣдкостный случай? Случай!.. Случай сталъ между твоею рукой и его беззащитною грудью?..

— Да, «тикъ и такъ».

— Да, «тикъ и такъ»; это случай? — шептала Бодростина.—Много вы знаете съ своимъ «тикъ и такъ».

— А что же по-твоему его спасло?

— Я это знаю.

— Такъ скажи.

— Изволь: уйди-ка вонъ туда, за ту перегородку, и посмотри въ уголъ.

— Что же я тамъ увижу?

— Не знаю; посмотри, что-нибудь увидишь.

Гордановъ всталъ и, заглянувъ за дверь въ полутемную комнату, въ которую слабый свѣтъ чуть падалъ черезъ рѣзную кайму орѣховой перегородки, сказалъ:

— Что же тамъ смотрѣть? платье, да тѣнь.

— Что такое: какъ платье, да тѣнь?

— Тамъ платье.

— Какое платье? Тамъ вовсе нѣтъ никакого платья. Тамъ образъ, и я хотѣла указать на образъ.

— А я тамъ вижу платье, зеленое женское платье.

Бодростина поблѣднѣла.

— Ты его видишь и теперь?—спросила она падающимъ и прерывающимся голосомъ.

Гордановъ опять посмотрѣлъ и, отвѣтивъ наскоро: «нѣтъ, теперь не вижу», схватилъ одну жирандоль и вышелъ съ нею въ темную комнату.

Уголъ былъ пустъ, и сверху его на Горданова глядѣлъ благой, успокаивающій ликъ Спасителя. Гордановъ постоялъ и затѣмъ, возвратясь, сказалъ, что дѣйствительно уголъ пустъ и платья никакого нѣтъ.

— Я знаю, знаю, знаю,—прошептала въ отвѣтъ ему Бодростина, которая сидѣла, снова прислонясь къ спинкѣ дивана и, глядя вдаль прищуренными глазами, тихо обирала вѣтку винограда.

Но вдругъ, сорвавъ устами послѣднюю ягоду съ виноградной кисти, она сверкнула на Павла Николаевича гнѣвнымъ взглядомъ и, замѣтивъ его покушеніе о чемъ-то ее спросить, простонала:

— Молчи, пожалуйста, молчи!—И съ этимъ нервно кинула ему въ лицо оборванную кисть и, упавъ лицомъ и грудью на подушку дивана, тихо, но неудержимо зарыдала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣмая исповѣдь.

Гордановъ стоялъ надъ плачущей Глафирой и, кусая слегка губу, думалъ: «Ого-го! Куда это, однако, зашло. И корчитъ, и ломаетъ. О, лукавая! Я дощупался до твоего злого лиха. Но дѣло, однако, зашло слишкомъ далеко, она его любитъ не только со всею страстью, къ которой она способна, но и со всею сентиментальностью, безъ которой не обходится любовь подобныхъ ей погулявшихъ барынь. Это надо покончить!» И съ этимъ онъ сдѣлалъ шагъ къ Глафирѣ и коснулся слегка ея локтя, но тотчасъ же отскочилъ, потому что Глафира рванулась какъ раненая львица, и съ судорожно подергивающимися щеками, вперивъ острые, блуждающіе глаза въ Горданова, заговорила:

— Да, да, да, есть... есть... его нѣтъ, но онъ есть, есть оно...

— О чемъ ты говоришь?

Глафира не обращала на него вниманія и продолжала какъ бы сама съ собой.

— Нѣтъ, это нестерпимо! Это несносно!—восклицала она слово отъ слова все громче и болѣзненнѣе, и при этомъ то ломала свои руки, то, хрустя ими, ударяла себя въ грудь, и вдругъ, какъ бы окаменѣвъ, заговорила быстрымъ истерическимъ шопотомъ: — Это зеленое платье... ты видѣлъ его, и я его видѣла... Его нѣтъ и оно есть... Это *она*... я ее знаю и ты, ты тоже узнаешь, и...

— Кто же это?

— Совѣсть.

— Успокойся, что̀ съ тобою сдѣлалось! Какъ ты ужасно взволнована!

— Нѣтъ, я ничего...

И Бодростина тихо подала Горданову обѣ свои руки и задумалась и поникла головой, словно забылась. Павелъ Николаевичъ подалъ ей стаканъ воды, она его спокойно выпила.

— Лучше тебѣ теперь?—спросилъ онъ.

— Да, мнѣ лучше.

Она возвратила Горданову стаканъ, который тотъ принялъ изъ ея рукъ, и, поставивъ его на столъ, проговорилъ:

— Ну, и прекрасно, что лучше; но этого, однако, нельзя такъ оставить; ты больна.—И съ этимъ онъ направился къ двери, чтобы позвонить *слугу* и послать за докторомъ, но Глафира, замѣтивъ его намѣреніе, остановила его.

— Павелъ! Павелъ!—позвала она. — Что это? Ты хочешь посылать за докторомъ? Какъ это можно! Нѣтъ, это все пройдетъ само собой... Это со мной бываетъ... Я стала очень нервна и только... Я не знаю, что̀ со мной дѣлается.

— Да, вотъ и не знаешь, что̀ это дѣлается! Вотъ вы и всѣ такъ, подобныя барыни: жизни въ васъ въ каждой въ одной за десятерыхъ, жизнь борется, бьется, а вы ее въ тискахъ жмете...—заговорилъ было Гордановъ, желая прервать потокъ болѣзненныхъ мечтаній Бодростиной, но она его сама перебила.

— Тссъ! Перестань... Какая жизнь и куда ей рваться?.. Глупость. Совсѣмъ не то!

И она опять хрустнула сложенными въ воздухѣ руками, потомъ ударила ими себя въ грудь и снова, задыхаясь, прошептала:

— Дай мнѣ воды... скорѣй, скорѣй воды!—И жадно глотая глотокъ за глоткомъ, она продолжала шопотомъ:—Бога ради не бойся меня и ничего не пугайся... Не зови никого... не надо чужихъ... Это пройдетъ... Мнѣ хуже, если меня боятся... Зачѣмъ чужихъ? Когда мы двое... мы... При этихъ словахъ она сдѣлала усиліе улыбнуться и пошутила:—«Какое счастье: ночь и мы одни!» Но ее сейчасъ же снова передернуло, и она зашипѣла:—Не мѣшай мнѣ: я въ памяти... я стараюсь... я помню... Ты сказалъ... это стихотвореніе Фета... «Ночь и мы одни!» Я помню, тамъ на хуторѣ у Синтяниной... есть портретъ... его замученной

жены... Портретъ безъ глазъ... Покойница въ такомъ зеленомъ платьѣ... какое ты видѣлъ... Молчи! молчи! не спорь... покойной мученицы Флоры... Это такъ нужно... Природа возмущается тѣмъ, что я дѣлаю... Горацiо! Горацiо!.. есть вещи... тѣ, которыхъ нѣтъ... Ему, ему онъ хотѣлъ слѣдовать — Горацiо! Горацiо!—И повторяя это имя по поводу извѣстнаго намъ письма Подозерова, Глафира вдругъ покрылась вся пламенемъ, и холодныя руки ея, тихо лежавшія до сихъ поръ въ рукахъ Горданова, задрожали, закорчились и, выскользнувъ на волю, стиснули его руки и быстро побѣжали вверхъ какъ пальцы артиста, играющаго на флейтѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Безъ покаянiя.

Въ комнатѣ царилъ нѣмой ужасъ. Руки больной Глафиры дрожа скользили отъ кистей рукъ Горданова къ его плечамъ, и то щипля, то скручивая рукава гордановскаго бархатнаго пиджака, взбѣжали вверхъ до его шеи, а оттуда обѣ разомъ упали внизъ на лацканы, схватились за нихъ и за петли, а на шипящихъ и ничего не выговаривающихъ устахъ Глафиры появилась тонкая свинцовая полоска мутной пѣны. Противный и ужасный видъ этотъ невольно отбросилъ Горданова въ сторону. Онъ отступилъ шагъ назадъ, но наткнулся сзади на табуретъ и еще ближе столкнулся лицомъ съ искаженнымъ лицомъ Глафиры, въ рукахъ которой трещали и отрывались все крѣпче и крѣпче забираемые ею лацканы его платья. Бодростина вся мѣнялась въ лицѣ и, дѣлая неимовѣрныя усилiя возобладать надъ собою, напрасно старалась промолвить какое-то слово. Отъ этихъ усилiй глаза ея, подъ вліяніемъ ужаса поразившей ее нѣмоты, и вертѣлись, и словно оборачивались внутрь. Гордановъ каждое мгновеніе ждалъ, что она упадетъ; но она одолѣла себя и, сдѣлавъ надъ собою послѣднее отчаянное усилiе, однимъ прыжкомъ перелетѣла на средину комнаты, но здѣсь упала на полъ съ замершими въ ея рукахъ лацканами его щегольской бобровой курточки. Свинецъ съ устъ ея исчезъ, и она лежала теперь съ закрытыми глазами, стиснувъ зубы, и тяжело дышала всею грудью.

Гордановъ бросился въ свою комнату, смѣнилъ пиджакъ и позвалъ дѣвушку и лакея.

Глафиру Васильевну подняли и положили на диванъ, расшнуровали и прохладили ей голову компрессомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, поводя вокругъ глазами, остановила ихъ на Гордановѣ.

Дѣвушка въ это мгновеніе тихо вытянула изъ ослабѣвшихъ рукъ больной лацканы гордановской куртки и осторожно бросила ихъ подъ стулъ, откуда лакей также осторожно убралъ ихъ далѣе.

— Воздуху! — прошептала Глафира, остановивъ на Гордановѣ глаза, наполненные страха и страданія.

Тотъ понялъ и сейчасъ же распорядился, чтобы была подана коляска. Глафиру Васильевну вывели, усадили среди подушекъ, укутали ей ноги пледомъ и повезли, куда попало, по освѣщенной луной Москвѣ. Рядомъ съ нею сидѣла горничная изъ гостиницы, а на передней лавочкѣ—Гордановъ. Они ѣздили долго, пока больная почувствовала усталость и позывъ ко сну; тогда они вернулись, и Глафира тотчасъ же легла въ постель. Дѣвушка легла у нея въ ногахъ на диванчикѣ.

Гордановъ спалъ мертвымъ сномъ и очень удивился, когда, проснувшись, услышалъ спокойный и веселый голосъ Глафиры, занимавшейся съ дѣвушкой своимъ туалетомъ.

«Неужто же,—подумалъ онъ:—все это вчера было притворство? Одно изъ двухъ: или она теперешнимъ весельемъ маскируетъ обнаружившуюся вчера свою ужасную болѣзнь, или она мастерски сыграла со мною новую плутовскую комедію, чтобы заставить меня оттолкнуть Ларису. Самъ дьяволъ ее не разгадаетъ. Она хочетъ, чтобъ я бросилъ Ларису; будь по ея, я брошу мою Ларку, но брошу для того, чтобы крѣпче ее взять. Глафира не знаетъ, что мнѣ самому все это какъ нельзя болѣе на руку».

Съ этимъ онъ одѣлся, вышелъ въ залъ и, написавъ пять строкъ къ Ларѣ, положилъ въ незапечатанномъ конвертѣ въ карманъ и ждалъ Глафиры.

Предстоящія минуты очень интересовали его: онъ ждалъ отъ Глафиры «презрѣннаго металла» и... удостовѣренія, въ какой мѣрѣ сердце ея занято привязанностью къ другому человѣку: до того ли это дошло, что онъ, Гордановъ, ей

уже совсѣмъ противенъ до судорогъ, или... она его еще можетъ переносить, и онъ можетъ надѣяться быть ея мужемъ и обладателемъ какъ бодростинскаго состоянія, такъ и красоты Ларисы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ толку сбила.

Вчерашней сцены не осталось и слѣда. Глафира была весела и простосердечна, что чрезвычайно шло ко всему ея живому существу. Когда она хотѣла быть ласковой, это ей до того удавалось, что обаянію ея подчинялись люди самые къ ней нерасположенные, и она это, разумѣется, знала. Гордановъ, расхаживая по залѣ, слушалъ, какъ она разспрашивала дѣвушку о ея семьѣ, о томъ, гдѣ она училась и пр., и пр. Эти разспросы предлагались такимъ участливымъ тономъ и въ такой мастерской послѣдовательности, что изъ нихъ составлялась самая нѣжнѣйшая музыка, постепенно все сильнѣе и сильнѣе захватывавшая сердце слушательницы. Съ каждою шпилькой, которую дѣвушка, убирая голову Бодростиной, затыкала въ ея непокорные волнистые волосы, Глафира пускала ей самый тонкій и болѣзненно-острый уколъ въ сердце, и, слушавшій всю эту игру, Гордановъ не успѣлъ и услѣдить, какъ дѣло дошло до того, что голосъ дѣвушки началъ дрожать на низкихъ нотахъ: она разсказывала, какъ она любила и что изъ той любви вышло... Какъ *онъ*, — этотъ вѣковѣчный *онъ* всѣхъ милыхъ дѣвъ,—бросилъ ее; какъ *она* по немъ плакала и убивалась, и какъ потомъ явилось *оно* — также вѣковѣчное и неизбѣжное третье, возникшее отъ любви двухъ существъ; какъ это *оно* было завернуто въ пеленку и одѣяльце... все чистенькое-пречистенькое... и отнесено въ Воспитательный домъ съ ноготочками, намѣченными ляписомъ, и какъ этотъ ляписъ былъ съѣденъ свѣтомъ, и какъ потомъ и само *оно* тоже будетъ съѣдено свѣтомъ и пр., и пр. Однимъ словомъ, старая пѣсня, которая, однако, вѣчно нова и не теряетъ интереса для своего пѣвца.

Глафира Васильевна очаровывала дѣвушку вниманіемъ къ этому разсказу и имъ же не допускала ее ни до какихъ рѣчей о своемъ вчерашнемъ припадкѣ.

Съ Гордановымъ она держалась той же тактики. Выйдя

къ нему въ залъ, она его встрѣтила во всеоружіи своей сверкающей красоты: подала ему руку и освѣдомилась, хорошо ли онъ спалъ? Онъ похвалился спокойнымъ и хорошимъ сномъ, а она пожаловалась:

— Je n'ai pas fermé l'oeil toute la nuit,—сказала она, наливая чай.

— Будто! Это досадно, а мы, кажется, вчера предъ сномъ вѣдь сдѣлали хорошую прогулку.

Бодростина пожала съ недоумѣніемъ плечами и, улыбаясь, отвѣчала:

— Ну, вотъ подите же: не спала да и только! Вѣрно оттого, что вы были моимъ такимъ близкимъ сосѣдомъ.

— Не вѣрю!

Глафира сдѣлала кокетливую гримасу.

— Очень жалко, — отвѣчала она: — всѣмъ дастся по вѣрѣ ихъ.

— Но я невѣрующій.

— Да я не знаю, чему вы тутъ не вѣрите? что вблизи васъ не спится? Вы борецъ за существованіе.

— А, вотъ ты куда мѣтишь?

— Да; но вы, впрочемъ, правы. Не вѣрьте этому больше, чѣмъ всему остальному, а то вы въ самомъ дѣлѣ возмечтаете, что вы очень большой хищный звѣрь, тогда какъ вы даже не мышь. Я спала крѣпко и пресладко и видѣла во снѣ прекраснаго человѣка, который совсѣмъ не походилъ на васъ.

— Не оттого ли вы такъ добры и прекрасны?

— Вѣроятно.

Гордановъ, похлебывая чай, шутя подивился только: что за сравненіе къ нему примѣнено, что онъ не звѣрь и даже не мышь!

— А конечно, — отвѣчала, зажигая пахитоску, Бодростина: — вы ни сѣтей не рвете и даже не умѣете проникнуть по-мышиному въ щелочку, и только бредомъ о своей Ларисѣ мѣшаете спящей въ двухъ шагахъ отъ васъ женщинѣ забыть о своемъ сосѣдствѣ.

— Вотъ вамъ письмо къ этой Ларисѣ,—отвѣтилъ ей на это Гордановъ и подалъ конвертъ.

— На что же мнѣ оно?

— Прочтите.

— Я не желаю быть повѣренною чужого чувства.

— Нѣтъ, ты прочти, и ты тогда увидишь, что здѣсь и слова нѣтъ о чувствахъ. Да; я прошу тебя, пожалуйста, прочти.

И онъ почти насильно всунулъ ей въ руку развернутый листокъ, на который Глафира бросила нехотя взглядъ и прочитала:

«Прошу васъ, Лариса Платоновна, не думать, что я бѣжалъ изъ вашихъ палестинъ оскорбленный вашимъ обращеніемъ къ Подозерову. Спѣшу успокоить васъ, что я васъ никогда не любилъ, и послѣ того, что было, вы уже ни на что болѣе мнѣ не нужны и не интересны для моей любознательности.»

Гордановъ зорко слѣдилъ во все это время и за глазами Глафиры, и за всѣмъ ея существомъ, и не проморгнулъ движенія ея бровей и бѣлаго мизинца ея руки, который, по мѣрѣ чтенія, все разгибался и, наконецъ выпрямясь, сталъ въ уровень съ устами Павла Николаевича. Гордановъ схватилъ этотъ шаловливый пальчикъ и, цѣлуя его, спросилъ:

— Довольна ли ты мною теперь, Глафира?

— Я немножко нездорова, чтобы быть чѣмъ-нибудь очень довольною,—отвѣчала она спокойно, возвращая ему листокъ, и при этомъ какъ бы вдругъ вспомнила:—Нѣтъ ли у васъ большой фотографіи или карточки, снятой съ васъ вдвоемъ съ женщиной?

— На что бы это вамъ?

— Мнѣ нужно.

— Не могу этимъ служить.

— Такъ послужите. Возьмите Ципри-Кипри... Впрочемъ, эти одѣваться не умѣютъ.

— Да ну ихъ къ чорту, развѣ безъ нихъ мало!

— Именно; возьмите хорошую, но благопристойную...

— Даму изъ Амстердама,—подсказалъ Гордановъ.

Бодростина кинула ему въ отвѣтъ утвердительный взглядъ и въ то же время, вынувъ изъ бумажника карточку Александры Ивановны Синтяниной, проговорила:

— Во вкусѣ можете не стѣсняться—blonde или brune—это все равно; *оттуда* поза и фигура, а головка *отсюда*.

Гордановъ принялъ карточку и вздохнулъ.

— Конечно, нужно, чтобъ станъ какъ можно болѣе отвѣчалъ тѣлу, которое носитъ эту голову.

— Ужъ разумѣется.

— И поза скромная, а не какая-нибудь, à la чортъ меня побери.

— Перестань, пожалуйста, меня учить.

— И платье черное, самое простое черное шелковое платье, какое есть непремѣнно у каждой женщины.

— Да знаю же, все это знаю.

— Лишній разъ повторить не мѣшаетъ. И потомъ, когда дойдетъ дѣло до того, чтобы приставить эту головку къ корпусу дамы, которая будетъ въ вашихъ объятіяхъ, надо...

Гордановъ перебилъ ее и скороговоркой прочелъ:

— Надо поручить это дѣло какому-нибудь темному фотографщику... Найду такого изъ полячковъ или жидковъ.

— И чтобы на оборотѣ карточки не было никакого адреса.

— Ахъ, какая ты безпокойная, ужъ объ этомъ они сами побезпокоятся.

— Да, я безпокойна, но это и не мудрено; все это ужъ слишкомъ долго тянется,—проговорила она съ нетерпѣливою гримасой.

— Вѣдь за тобою же дѣло. Скажи, и давно бы все прикончили,—отвѣтилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; дѣло не за мной, а за обстоятельствами. Я иду такъ, какъ мнѣ слѣдуетъ идти. Поспѣшить въ этомъ случаѣ, значитъ людей насмѣшить, а мнѣ нуженъ свѣтъ, и онъ долженъ быть на моей сторонѣ.

— Ну, чортъ ли въ немъ тебѣ, и врядъ ли это можно.

— Нѣтъ, извините, мнѣ это нужно, и это можно! Свѣтъ не караетъ преступленій, но требуетъ отъ нихъ тайны. А впрочемъ, это ужъ мое дѣло.

— Позволь, однако, и мнѣ дать тебѣ одинъ совѣтъ,—заговорилъ Гордановъ, потряхивая въ рукѣ карточкой Синтяниной.—Ты, разумѣется, разсчитываешь что-нибудь поставить на этой фотографіи, которую мнѣ заказываешь.

— Еще бы, конечно, мнѣ это нужно не для того, чтобы раздражать мою ревность.

— Да перестань играть словами. А дѣло вотъ въ чемъ: это ни къ чему не поведетъ; на этотъ хрусталь ничто не воздѣйствуетъ.

— Ты бросаешься въ игру словъ: *свѣтъ* на него не воздѣйствуетъ?

— Не повѣрятъ,—отвѣчалъ, замотавъ головой, Гордановъ.

— Кому? Солнцу не повѣрятъ. Оставь со мною споры; ты мелко плаваешь, да и намъ остается ровно столько времени, чтобы позавтракать и проститься, условясь кое-о-чемъ предъ разлукой. Итакъ, еще разъ: понимаешь ли ты, что ты долженъ дѣлать? Бодростинъ долженъ быть весь въ рукахъ Казимиры, какъ Іовъ въ рукахъ сатаны, понимаешь? Весь, совершенно весь. Я получила прекрасныя вѣсти. Казимира, какъ настоящая полька, влюбилась наконецъ въ своего санкюлота... скрипача... Она готовилась быть матерью... Этимъ безцѣннымъ слухомъ мы должны воспользоваться, и это будущее дитя должно быть поставлено на счетъ Михаилу Андреевичу.

— Но тутъ... позволь!..—Гордановъ разсмѣялся и добавилъ:—въ этомъ твоего мужа не увѣришь.

— Почему?

— Почему? Потому что il a au moins soixante dix ans.

— Tant mieux, mon cher, tant mieux? C'est un si grand âge, что какъ не увлечься такимъ лестнымъ поклепомъ! Онъ назовется авторомъ, не бойтесь. Впрочемъ, и это тоже не ваше дѣло.

— Да ужъ... «мои дѣла», это я вижу, что-то чернорабочее: дѣлай что велятъ и не смѣй спрашивать,—сказалъ, съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ, Гордановъ.

— Это такъ и слѣдуетъ: мужчины трутни, грубая сила. Въ ульѣ господствуютъ безполые, какъ я! Твое дѣло будетъ только уронить невзначай Казимирѣ сказанную мною мысль о ребенкѣ, а ужъ она сама ее разыграетъ, и затѣмъ ты мнѣ опять тамъ нуженъ, потому что когда яичница въ шляпѣ будетъ приготовлена, тогда вы должны извѣстить меня въ Парижъ, — и вотъ все, что отъ васъ требуется. Не велика услуга?

— Очень не велика. Но что же требуется? Чтобъ онъ взялъ къ себѣ этого ребенка, что ли?

— Нимало. Дитя непремѣнно должно быть отдано въ Воспитательный домъ, и *непремѣнно* при посредствѣ моего мужа.

— Ничего не понимаю,—проговорилъ Гордановъ.

— Право не понимаешь?

— Ровно ничего не понимаю.

— Ну, ты золотой человѣкъ. Лети же мой нѣмой посолъ и неси мою неписанную грамоту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Брильянтъ и янтарь.

Бодростина достала изъ портфеля пачку ассигнацій и, положивъ ихъ предъ Гордановымъ, сказала:

— Это тебѣ на первую жизнь въ Петербургѣ и на первыя уплаты по твоимъ долгамъ. Когда пришлешь мнѣ фотографію, исполненную какъ я велѣла, тогда получишь вдвое больше.

Гордановъ взялъ деньги и поцѣловалъ ея руку. Онъ былъ смятъ и даже покраснѣлъ отъ сознанія своего наемничьяго положенія на мелкія дѣлишки, въ значеніи которыхъ ему даже не даютъ никакого отчета.

Онъ даже былъ жалокъ, и въ его глазахъ блеснула предательская слеза униженія. Бодростина смотрѣла на него еще минуту, пока онъ нарочно долго копался, наклоняясь надъ своимъ портфелемъ и, наконецъ, вставъ, подошла къ нему и взяла его голову. Гордановъ наклонился еще ниже. Глафира повернула къ себѣ его лицо и поцѣловала его поцѣлуемъ долгимъ и страстнымъ. Онъ ожилъ... Но Глафира быстрымъ движеніемъ отбросила отъ себя обвившія ее руки Горданова и, погрозивъ ему съ улыбкой пальцемъ, подавила пуговку электрическаго звонка и сама отошла и стала противъ зеркала.

Приказавъ вошедшему на этотъ зовъ слугѣ подать себѣ счетъ, Глафира добавила:

— Возьмите кстати у барина письмо и опустите его тотчасъ въ ящикъ.

Слуга отвѣтилъ:

— Слушаю-съ.

И, взявъ изъ рукъ Горданова письмо къ Ларѣ, безмолвно удалился.

Глафира спокойно начала укладывать собственноручно различныя мелочи своего дорожнаго багажа, посовѣтовавъ заняться тѣмъ же и Горданову.

Затѣмъ Бодростина посмотрѣла поданный ей счетъ, заплатила деньги и, велѣвъ выносить вещи, стала надѣвать предъ зеркаломъ черную касторовую шляпу съ длиннымъ вуалемъ.

Гордановъ снарядился и, ставъ сзади нея, съ дорожной сумкой черезъ плечо, онъ смотрѣлъ на нее сухо и сурово.

Глафирѣ все это было видно въ зеркалѣ, и она спросила его:

— О чемъ ты задумался?

— Я думаю о томъ, гдѣ у иныхъ женщинъ та женская чувствительность, о которой болтаютъ поэты?

— А нѣкоторыя женщины ее берегутъ.

— Берегутъ? гмъ! Для кого же онѣ ее берегутъ?

— Для избранныхъ.

— Для нѣсколькихъ?

— Да, понемножку. Вѣдь ты и многіе учили женщинъ, что всякая исключительная привязанность порабощаетъ свободу, а кто же бо́льшій другъ свободы, какъ не мы, несчастныя порабощенныя вами созданія? Идемъ, однако: наши вещи уже взяты.

И съ этимъ она пошла къ двери, а Гордановъ за нею.

Сбѣжавъ на первую террасу лѣстницы, она полуоборотилась къ нему и проговорила съ улыбкой:

— Какой мѣрой человѣкъ мѣритъ другому, такой возмѣрится и ему!—и снова побѣжала.

— Смотрите, чтобъ это не приложилось и къ вамъ, — отвѣчалъ вдогонку ей Гордановъ.

— О-о-о! не безпокойся! Для меня пора исключительныхъ привязанностей прошла.

— Ты лжешь сама себѣ: въ тебѣ еще цѣлый вулканъ жизни.

— А, это другое дѣло; но про такія серьезныя дѣла, какъ скрытый во мнѣ «вулканъ жизни», мы можемъ договорить и въ каретѣ.

Съ этимъ она вступила въ экипажъ, а за ней и Гордановъ.

Черезъ полчаса Павелъ Николаевичъ, занявъ мѣсто въ первоклассномъ вагонѣ Петербургской желѣзной дороги, вышелъ къ перилламъ, у которыхъ, въ ожиданіи отхода поѣзда, стояла по другой сторонѣ Бодростина.

Онъ опять совладалъ съ собой и смирился.

— Ну, еще разъ прощай, «вулканъ»,—сказалъ онъ, смѣясь и протягивая ей свою руку.

— Только, пожалуйста, не «вулканъ»,—отвѣтила еще шутливѣе Глафира. — Вулканъ остался тамъ, гдѣ ты посѣялъ свой умъ... Ничего: авось два вырастутъ. А ты утѣшься:

скучать не стóитъ долго по Ларисѣ, да она и сама скучать не будетъ долго.

— Ты это почему знаешь?

— Да развѣ дуры могутъ долго скучать!

— Она не такъ глупа, какъ ты думаешь.

— Нѣтъ, она именно *такъ* глупа, какъ я думаю.

— Есть роли въ жизни, для выполненія которыхъ умъ не требуется.

— Да; только она ни къ одной изъ нихъ не годна.

— Отчего же: очень много недалекихъ женщинъ, которыя прекрасно составляютъ счастье мужей.

— Ты правъ: великодушныя дурочки. Да; это прекрасный сортъ женщинъ, но онѣ рѣдки и она не изъ нихъ.

— Ну, такъ изъ нея можетъ выйти кому-нибудь путная любовница.

— Никогда на свѣтѣ! Успѣшное исполненіе такой роли требуетъ характера.

— Ну, такъ въ дорогія камеліи пригодится.

— О, всего менѣе! Тамъ нуженъ... талантъ! А впрочемъ, уже недолго ждать: le grand ressort est cassé, какъ говорятъ французы: теперь скоро увидимъ, что́ она съ собой подѣлаетъ?

Раздался второй звонокъ.

Гордановъ протянулъ на прощанье руку и сказалъ:

— Ты умна, Глафира, но ты забыла еще одинъ способъ любить подобныхъ женщинъ: съ ними надо дѣйствовать по романсу: «Тебя томить, тебя терзать, твоимъ мученьемъ наслаждаться».

— А ты-таки достоялся здѣсь предо мной до того, чтобы проговориться, какъ ты думаешь съ ней обойтись? Понимаю, и пусть это послужитъ тебѣ объясненіемъ, почему я тебѣ не довѣряюсь; пусть это послужитъ тебѣ и урокомъ, какъ глупо стараться заявлять свой умъ. Но иди, тебя зовутъ.

Кондукторъ дѣйствительно стоялъ возлѣ Горданова и приглашалъ его въ вагонъ.

Павелъ Николаевичъ стиснулъ руку Глафиры и шепнулъ ей:

— Ты брильянтъ самыхъ совершеннѣйшихъ граней!

Бодростина, смѣясь, покачала отрицательно головой.

— Что? Развѣ не брильянтъ?

— Я-н-т-а-р-ь!—шепнула она, оглядываясь и слегка надвигая брови надъ улыбающимся лицомъ.

— Почему же не бриліантъ, почему янтарь?—шепталъ, выглядывая изъ вагона, развеселившійся Гордановъ.

— Потому что въ янтарѣ есть свое постоянное электричество, межъ тѣмъ, какъ брильянтъ, чтобы блеснуть, нуждается въ свѣтѣ... Я полагаю, что это, впрочемъ, совсѣмъ не интересно для того, кого заперли на защелку. Adieu!

Поѣздъ тронулся и пополз.

— Sans adieu! Sans adieu! Je ne vous dis pas adieu!—крикнулъ, высовываясь назадъ, Гордановъ.

Бодростина только махнула ему, смѣясь, рукой и въ томъ же самомъ экипажѣ, въ которомъ привезла сюда изъ гостиницы Горданова, отъѣхала на дебаркадеръ другой желѣзной дороги. Не тяготясь большимъ крюкомъ, она избрала окольный путь на западъ и покатила къ небольшому пограничному городку, на станціи котораго давно уже обращалъ на себя всеобщее вниманіе таинственный господинъ потерянаго вида, встрѣчавшій каждый поѣздъ, пріѣзжающій изъ Россіи.

Господинъ этотъ есть не кто иной, какъ злополучный Іосафъ Платоновичъ Висленевъ, писавшій отсюда Горданову подъ псевдонимомъ покинутой Эсперансы и уготованный теперь въ жертву новымъ судьбамъ, вѣдомымъ лишь Богу на небѣ, да на землѣ грѣшной рабѣ Его Глафирѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Указъ объ отставкѣ.

Мы не погонимся за нашими путешественниками: пусть они теперь ѣдутъ каждый своимъ путемъ-дорогой, пока не достигнутъ пунктовъ, на которыхъ должны продолжать свои «предпріятія», а сами мы вернемся назадъ въ губернское захолустье, гдѣ остались слѣды сокольяго перелета Горданова.

Въ то самое время, какъ Павелъ Николаевичъ катилъ на сѣверъ, соображая: насколько онъ прочитанъ Глафирой и насколько онъ самъ могъ прочитать ее; въ то время, какъ Глафира несется на западъ, лежа въ углу спокойнаго купе,—въ положеніи нашихъ провинціальныхъ друзей нарушилась тягостная неподвижность, и первые признаки этого движенія были встрѣчены и приняты Ларисой.

Тотъ короткій осенній день, когда главные наши предприниматели разъѣхались изъ Москвы въ разныя стороны, въ покинутой ими провинціи рано заключился темными ненастными сумерками. Въ пять часовъ послѣ обѣда мрачные отъ сырости дома утонали въ сѣрой проницающей мглѣ. Вѣтеръ не дулъ, не рвалъ и не свистѣлъ, а вертѣлся и дергался кое-гдѣ на одномъ мѣстѣ, будто сновалъ частую основу. Поснуетъ, похлопаетъ ставней словно бедромъ и перелетитъ дальше, и тамъ постучитъ, помаячитъ и опять пошелъ далѣе. Крупный мокрый снѣгъ то сыпнетъ какъ изъ рукава, то вдругъ порѣдѣетъ и движется какъ скатывающаяся кисея, — точно не то летитъ сова, не то лунь плыветъ.

Въ полутемной комнатѣ, гдѣ лежалъ больной Подозеровъ, сумерки пали еще ранѣе: за густыми суконными занавѣсками, которыми были завѣшаны окна, свѣтъ померкъ еще ранѣе. Благодаря защитѣ этихъ же занавѣсъ, здѣсь не такъ была слышна и разгулявшаяся на дворѣ непогода. Напротивъ, шумъ непогоды, доходившій сюда смягченнымъ черезъ двойныя рамы и закрывающія ихъ волны сукна, навѣвалъ нѣчто успокоивающее и снотворное. Поскрипитъ, поскрипитъ тихонько за угломъ на своихъ петляхъ старая рѣшетчатая калитка, крякнетъ подъ окномъ на корнѣ старая яблоня, словно старуха, отбивающаяся отъ шаловливаго внука,—и все затихнетъ; мокрый вѣтеръ уже покинулъ яблоню и треплетъ безлиственные прутья березы. Но вотъ и эта отдѣлалась: ея мокрые голые прутья стегнули по закрытой ставнѣ окна и, опустясь, зашумѣли; береза точно ворчитъ во снѣ, что ей мѣшаютъ спокойно погрузиться въ свою полугодовую спячку, пока затрещитъ надъ нею въ высокомъ небѣ звонкій жаворонокъ и возвѣститъ, что пора ей проснуться, обливаться молокомъ съ макушки до низу и брызгать сокомъ черезъ ароматную почку.

Стоитъ человѣку задремать подъ этотъ прибой и отбой стихійныхъ порывовъ, и его готовъ осѣсть цѣлый рой грезъ, уносящихъ воображеніе и память въ чудную область мечтаній.

Подозеровъ почти впервые послѣ разразившейся надъ нимъ катастрофы спалъ пріятно и крѣпко. Въ убаюканной головѣ его расчищался понемногу долго густѣвшій туманъ, и тихое вліяніе мысли выяснило знакомые облики и про-

водило ихъ въ стройномъ порядкѣ. Предъ нимъ двигалось дѣтство, переходя, какъ въ туманномъ стеклѣ панорамы, изъ картины въ картину, и вотъ она, юность, и вотъ они, болѣе зрѣлые годы. Вотъ наконецъ и *она*. Въ знойномъ пространствѣ, на зыбкихъ качеляхъ колеблется Лара... Что хочетъ сказать ея неразгаданный взглядъ? чѣмъ дышитъ эта чудная красота, и что въ ней не дышитъ? Призракъ чудесный! и зачѣмъ она вправду не призракъ? Зачѣмъ этотъ толчокъ и жгучая боль возлѣ больного сердца? Зачѣмъ тонкія, слегка посинѣвшія вѣки больного зашевелились, какъ оживающая весной оса, и медленно ползутъ кверху? Ему, очевидно, больно. Пробужденные глаза его видятъ въ полумракѣ закрытой щиткомъ лампады всю укутанную сукномъ комнату... Ея здѣсь нѣтъ; нѣтъ и тревогъ, которыя родилъ этотъ призракъ. Все тихо, какъ сонъ въ царствѣ тѣней... Вѣетъ тихимъ, теплымъ покоемъ... Не въ этомъ ли родѣ нѣчто будетъ въ тотъ таинственный мигъ, когда разрѣшенный духъ, воспрянувъ въ смятеніи, взлетитъ надъ собственнымъ покинутымъ футляромъ, и носясь горѣ, остановится надъ тѣмъ, что занимало его на землѣ? Все это какъ будто знакомо, все это было тогда, но только не вспомнишь когда. Не вспомнишь причины, почему это такъ, а не иначе, отчего, напримѣръ, шатаясь шевелится эта стѣна, которою больному представляется сукно, закрывающее дверь. А движеніе все идетъ своимъ чередомъ. Вотъ занавѣса распахнулась, и изъ-за нея выступили двѣ тѣни. У одной изъ нихъ въ рукахъ лампада, закрытая прозрачною ладонью. Что это за видѣнье? Вотъ эти тѣни взошли, остановились, вытянули впередъ свои головы и, напрягая зрѣніе, долго и пристально посмотрѣли на него, и потомъ неслышною стопой попятились назадъ и скрылись. Складки сукна снова упали, и опять вокругъ густой полумракъ. Блуждающій взоръ больного теперь не различаетъ ничего въ темномъ покоѣ, хотя больной не одинъ здѣсь, а у него есть очень интересный товарищъ: въ темномъ углубленіи, въ головахъ у него, между окномъ и высокимъ массивнымъ комодомъ, дремлетъ въ мягкомъ креслѣ Лариса.

Какая чудная поза! Какъ хороши эти сочетанія Греза, въ очертаніи рисунка, и Рембрандта, въ туманномъ колоритѣ! Но больной Подозеровъ не видитъ ни черныхъ рѣс-

ницъ, павшихъ на матовыя щеки, ни этой дремлющей руки, въ которой замерло знакомое намъ письмо Горданова,—предательское письмо, писанное въ утѣху Бодростиной, а также и въ другихъ видахъ, извѣстныхъ лишь самому Горданову. Какъ могла спать Лариса, только что прочитавъ такія унизительныя для ея самолюбія строки? да и спала ли она? Нѣтъ, состояніе, въ которомъ она находилась, было не сонъ. Получивъ около часу тому назадъ это письмо, она рѣшилась вскрыть его только здѣсь, въ комнатѣ больного, который теперь казался ей геніемъ-хранителемъ. Прочитавъ присланный ей Гордановымъ короткій и наглый указъ объ отставкѣ, она уронила голову, уронила руку и потеряла сознаніе. Было-ль жаль его?.. Нѣтъ. Любила-ль она его?.. Богъ вѣсть. Но она была сражена тѣмъ, что она,—красавица, которая не умѣла придумать себѣ достойной цѣны,—можетъ быть пренебрежена и кинута какъ негодная и ничего не стоящая вещь! Она чувствовала въ случившемся не только обиду, но и живую несообразность, которая требуетъ разъясненія и выхода. Она ждала и жаждала ихъ, и они не замедлили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Собака и ея тѣнь.

За стѣной, куда скрылися тѣни, началась шопотомъ бесѣда.

— И ты съ тѣмъ это и пришла сюда, Катя?—внезапно послышалось изъ-за успокоившихся полосъ сукна.

Лариса тотчасъ же узнала голосъ генеральши Синтянниной.

— Да; я именно съ этимъ пришла, — отвѣчалъ ей немножко грубоватый, но искренній голосъ Форовой; я давно жду и не дождусь этой благословенной минутки, когда онъ придетъ въ такой разумъ, чтобъ я могла сказать ему: «прости меня, голубчикъ Андрюша, я была виновата предъ тобою, сама хотѣла, чтобы ты женился на моей племянницѣ, ну а теперь каюсь тебѣ въ этомъ и сама тебя прошу: брось ее, потому что Лариса не стоитъ путнаго человѣка».

— Горячо сказано, Катя.

— Горячо и праведно, моя милая.

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только порадо-

ваться, что мы съ тобой сошлись на его крыльцѣ, что онъ спитъ и что ты не можешь исполнить своего намѣренія.

— Я его непремѣнно исполню,—отвѣчала Форова.

— Нѣтъ, не исполнишь: я увѣрена, что ты черезъ минуту согласишься, что ты не имѣешь никакого права вмѣшиваться такимъ образомъ въ ихъ дѣло.

— Ну, это старая пѣсня; я много слыхала про эти невмѣшательства и не очень ихъ почитаю. Нѣтъ, вмѣшивайся; если кому желаешь добра, такъ вмѣшивайся. А онъ мнѣ просто жалости достоинъ.

Слышно было, какъ Форова сорвала съ себя шляпу и бросила ее на столъ.

— Въ этомъ ты права,—отвѣтила ей тихо Синтянина.

— Да какъ же не права? Я тебѣ говорю, сколько я больная лежала, да разсуждала про нашу Ларису Платоновну, сколько теперь къ мужу въ тюрьму по грязи шлепаю, или когда здѣсь надъ больнымъ сижу,—все она у меня изъ головы нейдетъ: что̀ она такое? Нѣтъ, ты разскажи мнѣ, пожалуйста, что̀ она такое?

Синтянина промолчала.

— Молчишь,—нетерпѣливо молвила Катерина Астафьевна:—это, мать моя, я и сама умѣю.

— Она... красавица,—сказала Синтянина.

— То-есть писанка, которою цацкаются, да поцацкавшись, другому отдаютъ, какъ писанное яичко на Велик̀ъ День.

— Что же это позволяетъ тебѣ дѣлать на ея счетъ такія заключенія?

— Изъ чего я такъ заключаю?.. А вотъ изъ этого письмеца, которое мнѣ какой-то благодѣтель прислалъ изъ Москвы. Возьми-ка его, да поди къ окну, прочитай.

Синтянина встала и черезъ минуту воскликнула:

— Какая низость.

— Да; вотъ и разсуждай. Вотъ тебѣ и красавица,— Гордашка, и тотъ шлетъ отказъ какъ шестъ.

— Анонимное письмо... копія... это все не стоитъ никакой вѣры.

— Нѣтъ, это вѣрно, да что̀ въ самомъ дѣлѣ намъ себѣ врать: это такъ должно быть. Я помню, что встарь говорили: красота безъ нравовъ —это приманка безъ удочки; такъ оно и есть: подплываетъ карась, повертится, да и

уйдетъ, а тамъ голецъ толкнется, пескарь губами пошлепаетъ, пока развѣ какой шершавый ёршъ хапнетъ, да ужъ совсѣмъ слопаетъ. Ларка... нѣтъ, эта Ларка роковая: твой мужъ правду говоритъ, что ее, какъ калмыцкую лошадь, одинъ калмыкъ переупрямитъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе послышался только тихій вздохъ.

— Да, вотъ видишь ли, и вздохнула? А хочешь ли я тебѣ скажу, почему ты вздыхаешь? Потому, что ты сама согласна, что въ ней, въ нашей прекрасной Ларочкѣ, нѣтъ ничего достойнаго любви и уваженія.

Синтянина на это не отвѣтила ни слова, а голова Ларисы судорожно оторвалась отъ спинки кресла и выдвинулась впередъ съ гнѣвнымъ взоромъ и расширяющимися ноздрями.

Форова не прерывала нити занимающихъ ее мыслей и продолжала свой разговоръ.

— Нѣтъ, ты не отмалчивайся,—говорила она:—мы здѣсь однѣ, насъ двухъ никто третій здѣсь не слышитъ, и я у тебя настоятельно спрашиваю: что же, уважаешь развѣ ты Ларису?

— Уважаю,—рѣшительно отвѣтила Синтянина.

— Лжешь! Ты честная женщина, ты никого не погубила и потому не можешь уважать такую метелицу.

— Она метелица, это правда, но это все оттого только, что она капризна,—отвѣчала генеральша.

— Да вотъ изволишь видѣть: она только капризна да пустоголова, а то всѣмъ бы взяла.

— Ну, извини: у нея есть умъ.

— Необыкновенно какъ умна! Цѣны себѣ даже не сложитъ, колочка не выберетъ, на какой бы себя повѣсить! И то бы ей хорошо, а это еще лучше того; ступитъ шагъ, да оглянется, пойдетъ впередъ и опять воротится.

— Все это значитъ только то, что у нея безпокойное воображеніе.

— Ну, вотъ выдумай еще теперь безпокойное воображеніе! Все что-нибудь виновато, только не она сама! А я вамъ доложу-съ одно, дорогая моя Александра Ивановна, что какъ вы этого ни называйте,—капризъ ли это или по новому—безпокойное воображеніе,—а съ этимъ жить нельзя!

Генеральша пожала плечами и отвѣчала:

— Однако же люди живутъ съ женщинами капризными.

— Живутъ-съ? Да, съ ними живутъ и маются и вѣкъ свой губятъ. Изъ человѣка сила-богатырь вышелъ бы, а кисейный рукавъ его на вѣтеръ пуститъ, и ученые люди въ родѣ васъ это оправдываютъ: «Женщина, женщина!» говорятъ. «Женщины несчастныя, ихъ надо во всемъ оправдывать».

— Я не оправдываю ни женщинъ, ни Ларисы, и, пожалуйста, прошу тебя, не считай меня женскимъ адвокатомъ; бываютъ виноватыя женщины, есть виноватые мужчины.

— Какъ же вы не оправдываете Ларису, когда вы ее даже уважаете?—настаивала майорша.

— Я въ Ларисѣ уважаю то, что̀ заслуживаетъ уваженія.

— Что же-съ это, что̀, позвольте узнать? Что̀ же вы въ ней уважаете?

— Она строгая, честная дѣвушка.

— Что-съ?

— Она строгая къ себѣ дѣвушка; дѣвушка честная, не болтушка, не сплетница; любитъ домъ, любитъ чтеніе и бесѣду умныхъ людей. А все остальное... отъ этого ей одной худо.

— Она строгая дѣвушка? Она честная? Поздравляю!

— Развѣ ты о ней какимъ-нибудь образомъ узнала что-нибудь нехорошее?

— Нѣтъ, образомъ я ничего не узнала, а меня это какъ полѣномъ въ лобъ свистнуло... но только нечего про это, нечего... А я сказала, что не хочу, чтобъ Андрей Ивановичъ принималъ какъ святыню ее, общѣлованную мерзкими губами; я этого не хочу и не хочу, и такъ сдѣлаю.

И разгорячившаяся Форова забылась и громко хлопнула по столу ладонью.

— Да!—подтвердила она:—я такъ сдѣлаю: дрянь ее бросила, а хорошему я не дамъ съ ней обрушиться.

— Дрянь бросила, а хорошій подниметъ, — проговорила Синтянина.—Это такъ нерѣдко бываетъ, моя Катя.

— Ну бываетъ, или не бываетъ, а на этотъ разъ такъ не будетъ! Клянусь Богомъ, мужемъ моимъ, всѣмъ на свѣтѣ клянусь: этого не будетъ! Подыми только его Господь, а ужъ тогда я сама, я все ему открою, и онъ ее броситъ.

— Какъ же ты можешь за это ручаться? Ну, ты ска-

жешь ему, что она капризница, но большею частью всѣ хорошенькія женщины капризны.

— Нѣтъ, я и другое еще скажу.

— Ну... ты, положимъ, скажешь, что она кого-то когда-то поцѣловала, что ли...—произнесла, нѣсколько затрудняясь, генеральша:—но что же изъ этого?

— Такъ это ничего! Такъ это по-твоему ничего? Ну, не ожидала, чтобы ты, ты, строгая, чистая женщина, дѣвушкамъ ночные поцѣлуи съ мерзавцами совѣтовала.

— Я и никогда этого не совѣтовала, но скажу, что это бываетъ.

— И что это *ничего*?

— Почти. Спроси, пожалуйста, по совѣсти всѣхъ дамъ, не случалось ли имъ поцѣловать мужчину до замужества, и ручаюсь, что рѣдкой этого не случалось; а между тѣмъ это не помѣшало многимъ изъ нихъ быть потомъ и очень хорошими женами и матерями.

— Ну, а я говорю, что она не будетъ ни хорошей женой, ни хорошей матерью; мнѣ это сердце мое сказало, да и я знаю, что Подозеровъ самъ не станетъ по-твоему разсуждать. Я видѣла, какъ онъ смотрѣлъ на нее, когда былъ у тебя въ послѣдній разъ предъ дуэлью.

— Какъ онъ на нее смотрѣлъ? Я ничего особеннаго не видала.

— Именно особенно: совсѣмъ не такъ, какъ глядѣлъ на нее прежде. Бровки-то съ губками видно уже напиторѣли, а живая душа за душу потянула.

— Что это?.. другая любовь, что ли?

— Да-съ.

— Это любопытно,—уронила съ легкимъ смущеніемъ въ голосѣ генеральша.

— А ты не любопытствуй, а то я вѣдь, пожалуй, и скажу.

— Пожалуйста, пожалуйста, скажи.

— Да ты же сама эта живая душа, вотъ кто!

— Ну ты, Катерина, въ самомъ дѣлѣ съ ума сходишь.

— Нимало не схожу: ты его любишь, и онъ къ тебѣ тоже всей душой потянулся, и придетъ время дотянется.

Генеральша еще болѣе смущеннымъ голосомъ спросила:

— Что за вздоръ такой, какъ это онъ—*дотянется*?

— Да отчего жъ нѣтъ? Ты молода, ему тридцать пять

лѣтъ, а мужу твоему дважды тридцать пять, да еще не съ хвостикомъ ли? Иванъ Демьяновичъ умретъ, а ты за Андрюшу замужъ выйдешь. Вотъ и весь сказъ.—Не желаешь, чтобъ такъ было?

Послышался шорохъ, и двѣ женскія фигуры въ обѣихъ смежныхъ комнатахъ встали и двинулись: Лариса скользнула къ кровати Подозерова и положила свою трепещущую руку на изголовье больного, а Александра Ивановна сдѣлала шагъ на середину комнаты и, сжавъ на груди руки, произнесла:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лжешь! Видитъ Богъ мое сердце, я не желаю смерти моему мужу! Я желаю ему выздоровленія, жизни, покоя и примиренія со всѣмъ, предъ чѣмъ онъ не правъ. И это такъ и будетъ: докторъ сегодня сказалъ, что Иванъ Демьяновичъ уже положительно внѣ всякой опасности, и мы поѣдемъ въ Петербургъ; тамъ вынутъ его пулю, и онъ будетъ здоровъ.

— Да, да, все это вы сдѣлаете, а все-таки будетъ такъ, какъ я сказала: старому гнить, а молодымъ жить. Ты этого не хочешь, но тебѣ это желается; оно такъ и выйдетъ.

При этихъ новыхъ словахъ Форовой фигура генеральши, обрисовавшаяся темнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ густыхъ сумерекъ, поднялась съ дивана и медленно повернулась.

— Катя! это уже наконецъ жестоко! — проговорила она и, закрывъ рукой лицо, отошла къ стѣнѣ. Она какъ бы чего оробѣла, и на вѣкахъ ея глазъ повисли слезы.

Въ это же самое мгновенье, въ другой комнатѣ, Лара, упершись одною рукой въ блѣдный лобъ Подозерова и поднимая тоненькимъ пальцемъ его зѣницы, другою крѣпко сжала его руку и, глядя перепуганнымъ взглядомъ въ расширенные зрачки больного, шептала:

— Встаньте, встаньте же, встаньте! Проснитесь... я люблю васъ!

Лариса должна была нѣсколько разъ кряду повторить свое признаніе, прежде чѣмъ обнаружилось хотя слабое дѣйствіе того волшебства, на которое она разсчитывала. Но она такъ настойчиво теребила больного, что въ его глазахъ наконецъ блеснула слабая искра сознанія, и онъ вышелъ изъ своего окаменѣлаго безчувствія.

— Слышите ли вы, слышите ли, что̀ я говорю вамъ?— добивалась шопотомъ Лара, во всю свою силу сжимая руку больного и удерживая пальцами другой руки вѣки его глазъ.

— Слы...ш...ш...ш...у!—тихо протянулъ Подозеровъ.

— Узнаете ли вы меня?

— Уз...на...ю.

— Назовите же меня, назовите: кто я?

— Вы?..

Больной вдругъ вперилъ глаза въ лицо Лары и послѣ долгаго соображенія отвѣтилъ:

— Вы не она.

Лариса выбросила изъ своихъ рукъ его руку, выпрямилась и, закусивъ нижнюю губку, мысленно послала не ему, а многимъ другимъ одно общее проклятіе, бо̀льшая доля котораго безъ раздѣла досталась генеральшѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Раненаго берутъ въ плѣнъ.

Описанная неожиданная сцена между Ларисой и Подозеровымъ произошла очень быстро и тихо, но, тѣмъ не менѣе, нарушивъ безмолвіе, царившее во все это время въ покоѣ больного, она не могла утаиться отъ двухъ женщинъ, присутствовавшихъ въ другой комнатѣ, если бы вниманіе ихъ въ эти минуты не было въ сильнѣйшей степени отвлечено другою неожиданностью, которая, въ свою очередь, не обратила на себя вниманія Ларисы и Подозерова только потому, что первая была слишкомъ занята своими мыслями, а второй былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы соображать разомъ, что̀ дѣлается здѣсь и тамъ въ одно и то же время.

Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ Лара приступила къ Подозерову съ рѣшительнымъ словомъ, на крыльцѣ деревяннаго домика, занимаемаго Андреемъ Ивановичемъ, послышались тяжелые шаги, и въ тотъ моментъ, когда взволнованная генеральша отошла къ стѣнѣ, въ темной передней показалась еще новая фигура, которой нельзя было ясно разглядѣть, но которую сердце майорши назвало ей по имени.

Катерина Астафьевна, воззрясь въ темноту, вдругъ по-

забыла всякую осторожность, требуемую близостью больного, и, отчаянно взвизгнувъ, кинулась впередъ, обхватила вошедшую темную массу руками и замерла на ней.

Генеральша торопливо оправилась и зажгла спичкой свѣчу. Огонь освѣтилъ предъ нею обросшую косматую фигуру майора Филетера Форова, къ которому, въ изступленіи самыхъ смѣшанныхъ чувствъ ужаса, радости и восторга, припала полновѣсная Катерина Астафьевна. Увидѣвъ при огнѣ лицо мужа, майорша только откинула назадъ голову и, не выпуская майора изъ рукъ, закричала: «Форъ! Форъ! ты ли это, мой Форъ!» и начала покрывать поцѣлуями его сильно посѣдѣвшую голову и мокрое отъ дождя и снѣга лицо.

— Ты это? ты? Говори же мнѣ, ты или нѣтъ? — добивалась она, раздѣляя каждое слово поцѣлуемъ, улыбкой и слезами.

— Ну, вотъ тебѣ на! Я или нѣтъ? Разумѣется я,—отвѣчалъ майоръ.

— Господи! я глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты!

— Ну, такъ повѣрь.

Майорша не отвѣчала: она, дѣйствительно, какъ бы не довѣряя ни зрѣнію своему, ни слуху, ни осязанію, жалась къ мужу, давила его плечи своими локтями и судорожно ерошила и сжимала въ дрожащихъ рукахъ его сѣдые волосы и обросшую въ острогѣ бороду!

— Откуда же ты? да говори же скорѣе: убѣжалъ?.. Я тебя скрою...

— Ничуть я не убѣжалъ, и нечего тебѣ меня скрывать. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Генеральша отвѣчала пожатіемъ руки на его привѣтствіе, и съ своей стороны спросила:

— Какъ это вы, Филетеръ Ивановичъ?

— А очень просто: сначала на цѣпь посадили, а нынче спустили съ цѣпи, — только и всего. Слѣдствіе затянулось; Гордановъ съ поручительствомъ уѣхалъ, и меня, въ сравненіе съ сверстниками, на поруки выпустили. Спасибо господину Горданову!

— Да, спасибо ему, разбойнику, спасибо! Но что же мы стоимъ? Иди же, дружочекъ, садись, и разскажи, какъ ты пришелъ... Только тихо говори, бѣдный Андрюша чуть живъ.

— Пришелъ я очень просто: своими ногами, а Андрей Ивановичъ гдѣ же лежитъ?

— Тутъ за стѣной. Тише, онъ теперь спитъ, а мы съ Сашутой тутъ и сидѣли... Ея Ивану Демьянычу, знаешь, тоже легче... да; Саша повезетъ его весной въ Петербургъ, чтобъ у него вынули пулю. Не хочешь ли чаю?

— Ничего, можно и чаю; я тамъ привыкъ эту дрянь пить.

— Садись же, а я скажу человѣку, чтобы поставилъ самоваръ. Ты вѣдь не заходилъ домой... ты прямо?..

— Прямо, прямо изъ острога,—отвѣчалъ майоръ, усаживаясь рядомъ съ Синтяниной на диванѣ и принимаясь за сооруженіе себѣ своей обычной толстой папиросы.

— Я боялся идти домой, — заговорилъ онъ, обратясь къ генеральшѣ, когда жена его вышла.—Думалъ: войду въ сумеркахъ, застану одну Торочку: она, бѣдное творенье, перепугается, — и пошелъ къ вамъ; а у васъ говорятъ, что вы здѣсь, да вотъ какъ разъ на нее и напалъ. Хотѣлъ было ей башмаки, да лавки заперты. А что, гдѣ теперь Лариса Платоновна?

— Она вѣрно дома.

— Нѣтъ, я былъ у нея; ея дома нѣтъ. Я заходилъ къ ней, чтобы занять пять цѣлковыхъ для своего поручителя, да не нашелъ ее и отдалъ ему съ шеи золотой крестъ, который мнѣ Торочка въ острогѣ повѣсила. Вы ей не говорите, а то обидится.

— А кто же за васъ поручился? Впрочемъ, что я спрашиваю: конечно, другъ вашъ, отецъ Евангелъ.

— А вотъ же и не отецъ Евангелъ: зачѣмъ бы я Евангелу крестъ отдалъ?

— И правда: я вздоръ сказала.

— Да, кажется, что такъ. Нѣтъ, за меня не Евангелъ поручился, а цѣловальникъ Берко. Другъ мой, отецъ Евангелъ—агитаторъ и самъ подъ судомъ, а слѣдовательно довѣрія не заслуживаетъ. Другое дѣло жидъ Берко; онъ «честный еврей». Но все дѣло не въ томъ, а что я такое вижу... тс!.. тс!.. тише.

Синтянина взглянула по направленію, по которому глядѣлъ въ окно майоръ, и глазамъ ея представилась огненная звѣздочка. Еще мгновеніе, и эта звѣздочка вдругъ краснымъ зайцемъ перебѣжала по сосѣдской крышѣ и закурилась дымомъ.

– Пожаръ! по сосѣдству пожаръ, у сосѣдей!—задыхаясь, прошептала, вбѣгая, Форова.

Майоръ, жена его и генеральша выбѣжали на крыльцо и убѣдились, что дѣйствительно въ двухъ шагахъ начинался пожаръ и что огонь черезъ нѣсколько минутъ угрожалъ неминуемою опасностью квартирѣ Подозерова. Больного надо было спасать: надо было его взять и перенести, но куда?—вотъ вопросъ. Неужто въ гостиницу? Но въ гостиницахъ такъ безпокойно и безпріютно. Къ Форовымъ? но это далеко, и потомъ у нихъ тоже не Богъ вѣсть какіе помѣстительные чертоги... Къ Синтянинымъ?.. У тѣхъ, разумѣется, есть помѣщеніе, но генералъ Иванъ Демьянычъ самъ очень слабъ, и хотя онъ давно привыкъ вѣрить женѣ и нечего за нее опасаться, однакоже онъ подозрителенъ, ревнивъ; старыя страсти могутъ зашевелиться. Это промелькнуло въ головѣ генеральши одновременно съ мыслью взять къ себѣ больного, и промелькнуло особенно ясно потому, что недавніе намеки насчетъ ея чувства къ Подозерову были такъ живы и, къ крайнему ея стыду, къ крайней досадѣ ея, не совсѣмъ безосновательны.

«Вотъ и казнь!—подумала она:—вотъ и начинается казнь! Надъ чѣмъ бы я прежде не остановилась ни одного мгновенія, надъ тѣмъ я теперь размышляю даже тогда, когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка»...

Но пока генеральша предавалась этимъ размышленіямъ, на дворѣ и на улицѣ закипѣла уже пожарная суматоха и черезъ минуту она должна была неизбѣжно достичь до ушей больного и перепугать, а можетъ-быть, и убить его своею внезапностью. Настояла крайняя необходимость сейчасъ же рѣшиться, что̀ предпринять къ его спасенію, — а между тѣмъ всѣ только ахали и охали. Катерина Астафьевна бросалась то на огородъ, то за ворота, крича: «Ахъ, Господи, ахъ, Николай угодникъ, что дѣлать?» Синтянина же, рѣшивъ взять, ни на что̀ не смотря, больного къ себѣ, побѣжала въ кухню искать слугу Подозерова, а когда обѣ эти женщины снова столкнулись другъ съ другомъ, вбѣгая на крыльцо, вопросъ ужѣ былъ рѣшенъ безъ всякаго ихъ участія. Онѣ въ сѣняхъ встрѣтили Форова, который осторожно несъ на рукахъ человѣка, укутаннаго въ долгорунную баранью шубу майора, а Лариса поддерживала ноги больного и прикрывала отъ вѣтра его истощенное тѣло. О

томъ, *кто* эта полна—нечего было спрашивать. Катерина Астафьевна и Синтянина только воскликнули въ одинъ голосъ: «куда вы это?» на что Лара, не оборачиваясь къ нимъ, отвѣтила: «ко мнѣ»,—и эффектное перенесеніе шло далѣе, по ярко освѣщенному двору, по озареннымъ заревомъ улицамъ, мимо людей толпящихся, осуждающихъ, разсуждающихъ и не разсуждающихъ.

Синтянина и Форова послѣдовали за Ларой и майоромъ. Когда больного положили въ кабинетѣ отсутствующаго Жозефа Висленева, Филетеръ Ивановичъ поспѣшилъ опять на пожаръ и, найдя помощниковъ, энергически принялся спасать подозеровскіе пожитки, перетаскивая ихъ на Висленевскій дворъ. Къ утру все это было окончено, и хотя квартира Подозерова не сгорѣла, а только нѣсколько потерпѣла отъ пожарнаго переполоха, но возвратиться въ нее было ему неудобно, пока ее снова приведутъ въ порядокъ; а тѣмъ временемъ обнаружились и другія препятствія, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, что Лара не хотѣла этого возвращенія. Она дала это понять всѣмъ къ ней близкимъ въ тотъ же самый вечеръ, какъ Подозеровъ былъ положенъ въ кабинетѣ ея брата.

Лара вдругъ обнаружила быстрѣйшую распорядительность: она, съ помощью двухъ слугъ и Катерины Астафьевны съ генеральшей, въ нѣсколько минутъ обратила комнату брата въ удобное помѣщеніе для больного и, позвавъ врача, пользовавшаго Подозерова, объявила Форовой и Синтяниной, что больной требуетъ покоя и долженъ остаться исключительно на однихъ ея попеченіяхъ.

Генеральша и майорша переглянулись.

— Мы, значитъ, теперь здѣсь лишнія?—спросила Катерина Астафьевна.

— Да, вамъ, тетя, хорошо бы посмотрѣть, что̀ тамъ... дѣлается съ его вещами, а здѣсь я сама со всѣмъ управлюсь,—спокойно отвѣчала Лара и ушла доканчивать свои распоряженія.

Форова и Синтянина остались вдвоемъ въ пустой залѣ.

— Что же, это значитъ раненый теперь въ плѣнъ взятъ, что ли?—молвила майорша.

Синтянина въ отвѣтъ на это только пожала плечами, и обѣ эти женщины молча пошли по домамъ, оставивъ Ларису полною госпожой ея плѣнника и властительницей его живота и смерти.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Роза изъ сугроба.

Больной оставался тамъ, гдѣ его положили; время шло, и Лариса дѣлала свое дѣло.

Чуть только Подозеровъ, получившій облегченіе, началъ снова ясно понимать свое положеніе, Лара, строго удалявшая отъ больного всѣхъ и особенно Синтянину, открыла ему тайну униженія, претерпѣннаго ею отъ Горданова.

Это было вечеромъ, одинъ-на-одинъ: Лариса открыла Испанскому Дворянину все предшествовавшее полученію отъ Павла Николаевича оскорбительнаго письма. При этомъ разсказѣ, Ларису, конечно, нельзя было бы упрекнуть въ особенной откровенности; — нѣтъ, она многое утаивала и совсѣмъ скрыла подробности поцѣлуя, даннаго ею Павлу Николаевичу на окнѣ своей спальни; но чѣмъ неоткровеннѣе она была по отношенію къ себѣ, тѣмъ рѣзче и безповоднѣе выходила наглость Горданова, а Подозеровъ былъ склоненъ вѣрить на этотъ счетъ очень многому, и онъ, дѣйствительно, вѣрилъ всему, что ему говорила Лариса. Когда послѣдняя подала ему извѣстное намъ письмо Горданова, Подозеровъ, пробѣжавъ его, содрогнулся, откинулъ далеко отъ себя листокъ и проговорилъ:

— Я только одного не постигаю, какъ такой поступокъ до сихъ поръ не наказанъ!

И Подозеровъ началъ тихо вытирать платкомъ свои блѣдныя руки, въ которыхъ за минуту держалъ гордановское письмо.

— Кто же можетъ его наказать? — молвила потерянно Лариса.

— Тотъ, кто имѣетъ законное право за васъ вступаться,—вашъ братъ Жозефъ. Это его обязанность... по крайней мѣрѣ до сихъ поръ у васъ нѣтъ другого защитника.

— Мой братъ... гдѣ онъ? Мы не знаемъ, гдѣ онъ, и къ тому... эта исторія съ портфелемъ...

Подозеровъ поглядѣлъ на Ларису и, поправясь на изголовьи, отвѣтилъ:

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Онъ не смѣетъ?

— Да; я совершенно безпомощна, беззащитна и... у меня даже не можетъ быть другого защитника, — хотѣла доска-

зать Лара, но Подозеровъ понялъ ее и избавилъ отъ труда досказать это.

— Говорите, пожалуйста: чего вы еще боитесь, что еще вамъ угрожаетъ?

— Я вся кругомъ обобрана... я нищая...

— Ахъ, это!.. да развѣ уже срокъ закладной дома минулъ?

— Да, и этотъ домъ уже больше не мой; онъ будетъ проданъ, а я, какъ видите, — оболгана, поругана и обезчещена.

Лариса заплакала, склоня свою фарфоровую голову на бѣлую ручку, по которой сбѣгалъ, извиваясь какъ змѣя, черный локонъ.

Подозеровъ молча глядѣлъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ даже:

— Что же теперь дѣлать?

— Не знаю; я все потеряла, все... все... состояніе, друзей и доброе имя.

— И отчего я здѣсь у васъ не вижу... ни Катерины Астафьевны, ни майора, ни Синтянинои?

— Тетушкѣ изъ Москвы прислали копію съ этого письма; она всему вѣритъ и презираетъ меня.

— Боже! какой страшный мерзавецъ этотъ Гордановъ! Но будто уже это письмо могло вліять на Катерину Астафьевну и на другихъ?

Лариса вмѣсто отвѣта только хрустнула руками и прошептала:

— Я пойду въ монастырь.

— Что такое?—переспросилъ ее изумленный Подозеровъ, и, получивъ отъ нея подтвержденіе, что она непремѣнно пойдетъ въ монастырь, не возразилъ ей ни одного слова.

Наступила долгая пауза: Лариса плакала, Подозеровъ думалъ. Мысль Лары о монастырѣ подѣйствовала на него чрезвычайно странно. Предъ нимъ точно вдругъ разогнулась страница одного изъ тѣхъ старинныхъ романовъ, къ которымъ Висленевъ намѣревался обратиться за усвоеніемъ себѣ манеръ и пріемовъ, сколько-нибудь пригодныхъ для житья въ обществѣ благопристойныхъ женщинъ. Въ памяти Подозерова промелькнули «*Чернецъ*» и «*Таинственная монахиня*» и «*Тайны Донаретскаго аббатства*», и вслѣдъ затѣмъ вечеръ на Синтянинскомъ хуторѣ, когда отецъ Евангелъ читалъ наизусть на непередаваемомъ французскомъ

языкѣ стихи давно забытаго французскаго поэта Климента Маро, оканчивающіеся строфой:

«Ainsi retournement humain se fait».

И Подозерову стало дико. Неужели въ самомъ дѣлѣ колесо совсѣмъ перевернулось, и начинается сначала?.. Но когда же все это случилось и какъ? Неужели это произошло во время его тяжкой борьбы между жизнію и смертію? Нѣтъ: это стряслось не вдругъ: это шло чередомъ и полосой: мы сами только этого не замѣчали, и нынѣ дивимся, что̀ общаго между прошлымъ тѣхъ героинь, которыя замыкались въ монастыри, и прошлымъ сверстницъ Лары, получившихъ болѣе или менѣе невнятные уроки въ словахъ пророковъ новизны и въ примѣрахъ, ненадолго опередившихъ ихъ мечтательницъ, кинутыхъ на распутьи жизни съ ихъ обманутыми надеждами и упованіями? Да; есть, однакоже, между ними нѣчто общее, есть даже много общаго: какъ преподаваемые встарь уроки «бабушекъ» проходили безъ проникновенія въ жизнь, такъ прошли по верхамъ и позднѣйшіе уроки новыхъ внушителей. По заслугамъ опороченное, недавнее юродство отрицательницъ было выставлено пугаломъ для начинающихъ жить юношей и юницъ послѣдняго пятилѣтія, но въ противовѣсъ ему не дано никакого живого идеала, способнаго возвысить молодую душу надъ уровнемъ вседневныхъ столкновеній, теорій и житейской практики. Какъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ и неурядицъ ставилась «бабушкина мораль», и къ ней оборотили свои насупленные и недовольные лики юныя внучки, съ трепетомъ отрекшіяся отъ ужаснувшаго ихъ движенія «безповоротныхъ» жрицъ недавно отошедшаго или только отходящаго культа; но этотъ поворотъ былъ не поворотъ по убѣжденію въ превосходствѣ иной морали, а робкое пяченье назадъ съ протестомъ къ тому, что покинуто, и тайнымъ презрѣніемъ къ тому, куда направилось отступленіе. Изъ отреченія отъ недавнихъ, нынѣ самихъ себя отрицающихъ отрицателей, при полномъ отсутствіи всякого иного свѣжаго и положительнаго идеала, вышло только новое, полнѣйшее отрицаніе: отрицаніе идеаловъ и отрицаніе отрицанія. Въ жизни явились люди безъ прошлаго и безъ всякихъ, хотя смутно опредѣленныхъ стремленій въ будущемъ. Мужчины изъ числа этихъ перевертней, выбираясь изъ по-

ваго хаоса, ударились по пути іезуитскаго предательства. Коварство они возвели въ добродѣтель, которою кичились и кичатся до сего дня, не краснѣя и не совѣстясь. Религія, школа, самое чувство любви къ родинѣ,—все это вдругъ сдѣлалось предметомъ самой безсовѣстной эксплоатаціи. Женщины пошли по ихъ стопамъ и даже обогнали ихъ: вчерашнія отрицательницы брака не пренебрегали никакими средствами обезпечить себя работникомъ въ лицѣ мужа и влекли съ собою неосторожныхъ юношей къ алтарю отрицаемой ими церкви. Этому изыскивались оправданія. Браки заключались для болѣе удобнаго вступленія въ безконечные новые браки. Затѣмъ посыпались, какъ изъ рога изобилія, просьбы о разводахъ и самые алчные иски на мужей... Все это шло быстро, съ наглостію почти изумительною, и послѣдняя вещь становилась дѣйствительно горше первой.

Въ этой суматохѣ отъ толпы новыхъ лицемѣровъ отдѣлялся еще новѣйшій ассортиментъ, который не знаемъ какъ и назвать. Эти гнушались ренегатствомъ, признали за собою превосходство какъ предъ погибающими или уже погибшими откровенными отрицательницами, такъ и предъ коварницами новѣйшаго пошиба; но сами не могли избрать себѣ никакого неосудимаго призванія. Въ своемъ шатаніи онѣ обрѣли себя чуждыми всѣмъ и даже самимъ себѣ, и наибольшее ихъ несчастіе въ томъ, что онѣ чаще всего не сознаютъ этой отчужденности до самыхъ роковыхъ минутъ въ своей жизни. Онѣ не знаютъ, къ чему онѣ способны, куда бы хотѣли и чего бы хотѣли.

Красавица Лариса была изъ числа этихъ обреченныхъ на несносное страданіе существъ послѣдней культуры. Выросши на глазахъ заботливой, но слабой и недальновидной матери, Лариса выслушала отъ брата и его друзей самыя суровыя осужденія старой «бабушкиной морали», которой такъ или иначе держалось общество до проповѣданія ученій, осмѣявшихъ эту старую мораль, и она охотно осудила эту мораль, но потомъ еще охотнѣе осудила и ученія, склонявшія ее къ первымъ осужденіямъ. Отбросивъ одно за другимъ и то, и другое, она осталась сама ни при чемъ, и такъ и жила, много читая, много слушая, но не симпатизируя ничему.

«У нея нѣтъ ничего, — рѣшилъ, глядя на нее, Подозо-

ровъ.—Она не обрѣжетъ волосъ, не забредитъ коммуной, не откроетъ швейной: все это для нея пустяки и утопія; но она и не склонитъ колѣна у алтаря и не помирится со скромною ролью простой, доброй семьянинки. Къ чему ей прилѣпиться и чѣмъ ей стать? Ей нечѣмъ жить, ей не къ чему стремиться, а между тѣмъ дѣвичья пора уходитъ, и особенно теперь, послѣ огласки этой гнусной исторіи, не сладко ей, бѣдняжкѣ!»

И онъ еще посмотрѣлъ на Ларису, и она показалась ему такою бѣдною и безпомощною, что онъ протянулъ ей руку и не успѣлъ одуматься и сообразить, какъ къ рукѣ этой, обхваченной жаркими руками Лары, прильнули ея влажныя, трепещущія губы и канула горячая слеза.

Что могло привести Ларису къ такому поступку? Къ нему побудило ее страшное сознаніе круглаго одиночества, неодолимый натискъ потребности казнить себя униженіемъ и малодушная надежда, что за этимъ ударомъ ея самолюбію для нея настанетъ возможность стать подъ крыло вполнѣ добраго человѣка, какимъ она признавала Подозерова.

Въ послѣднемъ расчетѣ было кое-что вѣрно.

Больной вскочилъ и дернулъ свою руку изъ рукъ Ларисы, но этимъ самымъ привлекъ ее къ себѣ и почувствовалъ грудь ея у своей груди и заплаканное лицо ея у своего лица.

— О, умоляю васъ,—шептала ему Лара.—Бога ради, не киньте меня вы... Выведите меня изъ моего ужаснаго, страшнаго положенія, или иначе... я погибла!

— Чѣмъ, чѣмъ и какъ я могу помочь вамъ? Приказывайте! говорите!

— Какъ хотите.

— Я сдѣлаю все, что могу... но что, что я могу сдѣлать! Права заступиться за васъ... я не имѣю... Вы не хотѣли этого сами...

— Это ничего не значитъ,—горячо перебила его Лара.

Подозеровъ взглянулъ на нее острымъ взглядомъ и, прошептавъ: «какъ ничего не значитъ?»—повернулъ лицо къ стѣнѣ.

— Ничего не значитъ! Возьмите всѣ права надо мною: я ихъ даю вамъ.

Подозеровъ молчалъ, но сердце его сильно забилось.

Лариса стояла на прежнемъ мѣстѣ возлѣ его постели. Въ комнатѣ продолжалось мертвое безмолвіе.

«Чего она отъ меня хочетъ?»—думалъ больной, чувствуя, что сердце продолжаетъ учащенно биться, и что на него отъ Лары опять пышетъ тонкимъ ароматомъ, болѣзненно усиливающимъ его безпокойство.

Онъ рѣшился еще разъ просить Ларису сказать ему, приказать ему, что̀ онъ долженъ для нея сдѣлать, и, оборотясь къ ней съ этой цѣлію, остолбенѣлъ. Лариса стояла на колѣняхъ, положивъ голову на край его кровати, и плакала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ страдаете?—проговорилъ онъ.

— Мнѣ тяжко... за себя... за васъ... мнѣ жаль... прошедшаго,—отвѣчала, не поднимая головы, Лариса.

У Подозерова захватило дыханіе, и сердце его упало и заныло: онъ, молча, слабою рукой коснулся волосъ на головѣ красавицы и прошепталъ:

— Боже! Да я вѣдь тотъ же, какъ и прежде. Научите меня только, что̀ же нужно для того, чтобы вамъ было легче? Вы помните, я вамъ сказалъ: я вѣчно, вѣчно другъ вашъ!

Лариса подняла личико и, взглянувъ заплаканными глазками въ пристально на нее глядѣвшіе глаза Подозерова, молча сжала его руку.

— Говорите же, говорите, не мучьте меня: что̀ надо дѣлать?

— Вы за меня стрѣлялись?

— Нѣтъ.

— Вы не хотите мнѣ сказать правды.

Ларисѣ стало досадно.

— Я говорю вамъ правду: я тогда былъ приведенъ къ этому многимъ,—многимъ, и вами въ томъ числѣ, и Александрой Ивановной, и моею личною обидой. Я не знаю самъ хорошо, за что я шелъ.

— За Спитянину, — прошептала, блѣднѣя и потупляя глаза, Лариса.

— Нѣтъ... не знаю... мнѣ просто... не занимательно жить.

— Почему?—прошептала Лара и, еще крѣпче сжавъ его руку, добавила:—Пусть этого впередъ не будетъ.

— Ну, хорошо; но теперь дѣло не о мнѣ, а о васъ.

Мнѣ тогда будетъ хорошо,—трепеща, продолжала Лариса:—тогда, когда...

Лариса встала на ноги; глаза ея загорѣлись, занавѣсились длинными вѣками и снова распахнулись.

Она теребила и мяла въ рукахъ руку Подозерова и наконецъ нетерпѣливо сказала, морща лобъ и брови:

— О, зачѣмъ вы не хотите понять меня?

— Нѣтъ; я не умѣю понять васъ въ эту минуту.

— Да, да! Непремѣнно въ эту минуту, или никогда! Андрей, я васъ люблю! Не отвергайте меня! Бога ради, не отвергайте!—настойчиво и твердо выговорила Лара и быстро выбѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

На курьерскихъ.

Наступившій за симъ день былъ рѣшителемъ судьбы плѣнника Ларисы. Несмотря на разницу въ нравѣ и образѣ мыслей этого человѣка съ нравомъ и образомъ мыслей Висленева, съ Подозеровымъ случилось то же самое, что нѣкогда стряслось надъ братомъ Лары. Подозеровъ женился совсѣмъ нехотя, не думая и не гадая. Разница была только въ побужденіяхъ, ради которыхъ эти два лица нашего романа посягнули на бракъ, да въ томъ, что Лариса не искала ничьей посторонней помощи для обвѣнчанія съ собою Подозерова, а напротивъ даже, она устраняла всякое вмѣшательство самыхъ близкихъ людей въ это дѣло.

Послѣ того случая, который разсказанъ въ концѣ предшествовавшей главы, дѣло уже не могло остановиться и не могло кончиться иначе какъ бракомъ. По крайней мѣрѣ такъ рѣшилъ послѣ безсонной ночи честный Подозеровъ; такъ же казалось и не спавшей всю эту ночь своенравной Ларисѣ.

Подозеровъ, поворачивая, съ насупленными бровями, свои подушки подъ головой, разсуждалъ: «Эта бѣдная дѣвушка, если въ нее всмотрѣться поближе... самое несчастное существо въ мірѣ. Она просто *никто*... человѣкъ безъ прошлаго! Какъ она все это мнѣ сказала? Именно какъ дитя, въ душѣ котораго рождается невѣдомо что, совсѣмъ новое и необъяснимое никакимъ прошлымъ... Съ ней нельзя обходиться какъ со взрослымъ человѣкомъ: ее нужно жалѣть и беречь...

особенно... теперь, когда этотъ мерзавецъ ее такъ уронилъ... Но кто же станетъ теперь жалѣть и беречь? Я долженъ на ней жениться, хотя и не чувствую къ тому теперь любовнаго влеченія. Да и не все ли мнѣ равно: люблю ли я ее страстной любовью, или не люблю? Я, правда, не Печоринъ, но я равнодушенъ къ жизни. Я вникалъ въ нее, изучалъ ее и убѣдился, что вся она пустяки, вся не стоитъ хлопотъ и заботъ... Все, что я встрѣчалъ и видѣлъ, все это тлѣнъ, суета и злоба; мнѣ надоѣло далѣе все это разсматривать. Я слишкомъ поздно узналъ женщину, которая не есть злоба и суета, и тлѣнъ, и эта женщина взяла надо мной какое-то старшинство... и мнѣ пріятна эта власть ея надо мной; но кто сама эта женщина?—Жертва. Въ ея жертвѣ ея прелесть, ея обаяніе, и ея совершенство въ громадности любви ея... любви безъ критики, безъ анализа...»

И въ памяти Подозерова пронеслась вся его бесѣда въ хуторной рощицѣ съ Синтяниной, и съ каждымъ вспомянутымъ словомъ этой бесѣды все ближе и ближе, яснѣй и яснѣй являлась предъ нимъ генеральша, съ ея логикой простой, нехитростной любви.

«Великій Господи! Насколько вся эта христіанская простота и покорность выше, прекраснѣе и сильнѣе всего, что я видѣлъ прекраснаго и сильнаго въ наилучшихъ мужчинахъ? Какъ гадко мнѣ теперешнее мое раздумье, когда бѣдная дѣвушка, которую я любилъ, оклеветана, опозорена въ этомъ мелкомъ міркѣ, и когда я, будучи властенъ поставить ее на ноги, раздумываю: сдѣлать это, или не дѣлать? Почему же не дѣлать? Потому что она не выдерживаетъ моей критики и сравненій съ другою. А развѣ я самъ выдерживаю съ *тою* какое-нибудь сравненіе? О чемъ тутъ думать, когда бѣдная Лара уже прямо сказала, что она меня любитъ и что ей не къ кому, бѣдняжкѣ, примкнуть. Что мнѣ мѣшаетъ назвать ее своею женой? Я разубѣдился немножко въ Ларисѣ; предо мною мелькнуло невыгодное для нея сравненіе, и только... И моя любовь рухнула отъ критики, ее одолѣла критика. Что же, еслибъ *она*, эта страдалица, взглянула теперь въ мое сердце? Какъ бы она должна была презирать меня съ моею минутною любовью! Нѣтъ; это значитъ, что я не любилъ Ларису прежде, что она лишь *нравилась* мнѣ, какъ могла нравиться и Горданову... что я любилъ въ ней тогда мою утѣху, мою мечту о счастіи, а

счастье... счастье въ томъ, чтобы чувствовать себя слугой чужого счастья. Это одно, *это одно* только вѣрно, и кто хочетъ дожить жизнь въ мирѣ съ самимъ собою, тотъ долженъ руководиться одною этою истиной... Все другое къ этому само приложится. Какъ?.. Но, Господи, будто можно знать, что̀ къ чему и какъ приложится? Надо просто дѣлать то, что̀ можно дѣлать, что̀ требуетъ счастіе ближняго въ эту данную минуту».

Съ такими мыслями Подозеровъ слегка забылся предъ утромъ и съ ними же, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою Ларису и протянулъ ей руку.

Лара опустила глаза.

— Вы не отчаивайтесь,—сказалъ ей тихо Подозеровъ.—Все поправимо.

Она пожала едва замѣтнымъ движеніемъ его руку.

— Ошибки людямъ свойственны; не вы одни имѣли несчастіе полюбить недостойнаго человѣка,—продолжалъ Андрей Ивановичъ.

— Я его не любила,—прошептала въ отвѣтъ Лариса.

— Ну, увлеклись, довѣрились... Все это вздоръ! Повѣрьте, все вздоръ, кромѣ одного добра, которое человѣкъ можетъ сдѣлать другому человѣку.

— Вы ангелъ, Андрей Иванычъ!

— О, нѣтъ! Не преувеличивайте, пожалуйста! Я человѣкъ, и очень дурной человѣкъ. Посмотрите, куда я гожусь въ сравненіи со многими другими, которые вамъ сочувствуютъ?

Лара молча вскинула на него глазами и какъ бы спрашивала этимъ взглядомъ: кого онъ разумѣетъ?

— Я говорю объ Александрѣ Ивановнѣ и о майоршѣ.

— Ахъ, онѣ!—воскликнула, спохватясь, Лариса и, насупивъ бровки, добавила шопотомъ:—Я вамъ вѣрю больше всѣхъ.

— Зачѣмъ же больше?.. Нѣтъ, васъ любятъ нѣжно... преданно и Форовы, и генеральша...

— А вы?—спросила вдругъ съ тревогой Лара.

— И я.

— Вы меня прощаете?

— Прощаю ли я васъ?

— Да?

— Въ чемъ же прощать?

— Ахъ, не говорите со мною такимъ образомъ!

— Но вы ни въ чемъ предо мною не виноваты.

— Нѣтъ, это не такъ, не такъ!

— Совершенно такъ: я васъ любилъ, но... но не нравился вамъ... И что же тутъ такого!

— Это не такъ, не такъ!

— Не такъ?

— Да, не такъ.

Лара закрыла ладонью глаза и прошептала:

— Не мучьте же меня; я уже сказала вамъ, что я люблю васъ.

— Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ, покачавъ головой, Подозеровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не ошибаюсь: я васъ люблю.

— Нѣтъ, вы очень ошибаетесь. Въ васъ говоритъ теперь жалость и состраданіе ко мнѣ, но все равно. Если бъ я не надѣялся найти въ себѣ силы устранить отъ васъ всякій поводъ прійти современемъ къ сожалѣнію объ этой ошибкѣ, я бы не сказалъ вамъ того, что скажу сію секунду. Отвѣчайте мнѣ прямо: хотите ли вы быть моею женой?

— Да!

— Дайте же вашу руку.

Лариса задрожала, схватила трепещущими руками его руку и второй разъ припала къ ней горячими устами.

Подозеровъ отдернулъ руку и, покраснѣвъ, вскричалъ:

— Никогда этого не дѣлайте!

— Я такъ хочу!.. Оставьте!—простонала Лариса и, обвивъ руками шею Подозерова, робко нашла устами его уста. Подозеровъ сдѣлалъ невольное, хотя и слабое, усиліе отвернуться: онъ понялъ, что за человѣкъ Лариса, и въ душѣ его мелькнуло... презрѣніе къ невѣстѣ.

Боже, какая это разница въ сравненіи съ тою, другою женщиной, образъ которой нарисовался въ это мгновеніе въ его памяти! Какую противоположность представляетъ это судорожное метанье съ тѣмъ твердымъ, самообладающимъ спокойствіемъ той другой женщины!..

Лариса въ это время тоже думала о той самой женщинѣ и проговорила:

— Въ эту важную минуту я васъ прошу только объ одномъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Конечно.

Лариса крѣпко сжала обѣ руки своего жениха и, краснѣя и потупляясь, проговорила:

— Пощадите мое чувство!

Подозеровъ посмотрѣлъ на нее молча.

Лариса выбросила его руки и, закрывъ ладонями свое пылающее лицо, прошептала:

— Не вспоминайте мнѣ...

Она опять остановилась.

— О чемъ? Ну, договаривайте смѣло, о чемъ?

— О Синтяниной.

Подозеровъ промолчалъ. Лариса становилась ему почти противна; а она, уладивъ свою судьбу съ Подозеровымъ, внала въ новую сусту и вовсе не замѣчала чувства, какое внушила своему будущему мужу...

Подозеровъ обрадовался, когда Лариса тотчасъ послѣ этого разговора вышла, не дождавшись отъ него отвѣта. Онъ всталъ, заперъ за нею дверь и задумался... О чемъ? О томъ сѣдомъ кавказскомъ капитанѣ, который въ извѣстномъ разсказѣ графа Льва Толстого, готовясь къ смертному бою, ломалъ голову надъ рѣшеніемъ вопроса, возможна ли ревность безъ любви? Подозеровъ имѣлъ предъ глазами живое доказательство, что такая ревность возможна, и ревнивая выходка Лары была для него противнѣе извѣстной ему ревности ея брата въ Павловскомъ паркѣ и сто разъ недостойнѣе ревности генерала Синтянина.

«Однако, съ нею и не такъ легко, должно-быть, будетъ,— подумалъ онъ.—Да, не легко; но вѣдь только на картинахъ рисуютъ разбойниковъ въ плащахъ и съ перьями на шляпахъ, а нищету съ душистою геранью на окнѣ; на самомъ дѣлѣ все это гораздо хуже. И на словахъ тоже говорятъ, что можно жить не любя... да, можно, но каково это?»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще шибче.

Событія эти, совершившіяся въ глубокой тайнѣ, разумѣется, не были никому ни однимъ словомъ выданы ни Подозеровымъ, ни Ларисой; но тонкій и необъяснимо наблюдательный во всѣхъ подобныхъ вещахъ женскій взглядъ прозрѣлъ ихъ.

Катерина Астафьевна, навѣстивъ вечеромъ того же дня племянницу, зашла прямо отъ нея къ генеральшѣ и сказала, за чашкой чаю, послѣдней:

— А наша Лариса Платоновна что-то устроила!

— Что же такое она могла устроить?—спросила генеральша.

— Не знаю; сейчасъ я была у нихъ, и они что-то оба очень вѣжливо другъ съ другомъ говорятъ и глазки потупляютъ.

— Ну, ты, Катя, кажется, опять сплетничаешь.

— Сходи, матушка, сама и посмотри; навѣсти больного-то послѣ того, какъ онъ поправился.

Форова подчеркнула послѣднее слово и, протягивая на прощанье руку, добавила:

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ, что очень желалъ бы тебя видѣть.

Съ этимъ майорша ушла домой; но, посѣтивъ на другой день Синтянину, тотчасъ же, какъ только усѣлась, запытала:

— А что же, видѣла?

— Видѣла,—отвѣчала, не безъ усилія улыбнувшись, Александра Ивановна.

— Ну и поздравляю; а ничего бы не потеряла, если бъ и не глядя повѣрила мнѣ.

Синтянина объявила, что Лариса сказала ей, что она выходитъ замужъ за Подозерова.

— Это смѣхъ!—отвѣтила майорша.—Отъ досады замужъ идетъ! Или она затѣмъ выходитъ, чтобы показать, что на ней еще и послѣ амуровъ съ Гордашкой честные люди могутъ жениться! Что же, дуракамъ законъ не писанъ: пусть хватитъ шиломъ нашей патоки!.. Когда же будетъ эта ихъ «маланьина свадьба»?

— Онъ мнѣ сказалъ, что скоро... На этихъ дняхъ, черезъ недѣлю или черезъ двѣ.

— Пропалъ, братъ, ты, бѣдный Андрей Иванычъ!

— Полно тебѣ, Катя, пророчить.

— А не могу я не пророчить, милая, когда даръ такой имѣю.

— Даръ!—Генеральша улыбнулась и спросила:—Что же ты, святая, что ли, что тебѣ данъ даръ пророчества?

— Ну, вотъ, святая! Святая ли или клятая, а проро-

чествую. Валаамова ослица тоже вѣдь не свята была, а пророкала.

Въ эту минуту въ комнату взошелъ майоръ Форовъ и разсказалъ, что онъ сейчасъ встрѣтилъ Ларису, которая неожиданно сообщила ему, что выходитъ замужъ за Подозерова и проситъ майора быть ея посаженымъ отцомъ.

— Чудесно!—воскликнула истерпѣливая Катерина Астафьевна: — одна я пока еще осталась въ непосвященныхъ! Что же, ты ее похвалилъ и поздравилъ?—обратилась она къ мужу.

— А разумѣется поздравилъ и похвалилъ, — отвѣчалъ майоръ.

— И даже похвалилъ?

— Да вѣдь сказано же тебѣ, что похвалилъ.

— Мнѣ кажется, что ты все это врешь.

— Нимало не вру; его бы я не похвалилъ, а ее отчего же не хвалить?

— Потому что это подлость.

— Какая подлость? Никакой я тутъ подлости не вижу. Вольно же мужчинѣ дѣлать глупость — жениться,— къ бабѣ въ батраки идти; а женщины дуры были бы, если бъ отъ этого счастья отказывались. Въ чемъ же тутъ подлость? Это принятіе подданства, и ничего больше.

— За что же ты Іосафову свадьбу осуждалъ?

— А-а! тамъ дѣло другое: тамъ принужденіе!

— А здѣсь умаливанье, просьбы.

— Почему ты это знаешь?

— Такъ: я пророчица.

— Ну и что же такое, если и просьбы? Она, значитъ, умная барышня и политичная; устраивается какъ можетъ.

— Передовая!

— А конечно; впередъ всѣхъ идетъ и честно проситъ: мнѣ-де штатный дуракъ нуженъ, — не согласитесь ли вы быть моимъ штатнымъ дуракомъ? И что же, если есть такой согласный? И прекрасно! Хвалю ее, поздравляю и даже образомъ благословлю.

— Да ты еще знаешь ли, какъ благословляютъ-то образомъ?

— Нѣтъ, не знаю, но я сейчасъ прямо отсюда къ Евангелу пойду и спрошу.

— Нѣтъ, по мнѣ эта свадьба сто разъ хуже нигилисти-

ческой Ясафкиной свадьбы въ Петербургѣ, потому что эта просто чортъ знаетъ зачѣмъ идетъ замужъ!

— Имѣетъ выгоды,—отвѣчалъ майоръ.

— Да; она репутацію свою поправляетъ; но его-то, его-то, шута, что̀ волочитъ въ эту гибель?

— Его?.. А что же, это и ему хорошо: это тѣшитъ его испанское дворянство. И благо имъ обоимъ: пусть себѣ совершенствуются.

— Ну, пропадать же имъ! Въ этомъ бракѣ несчастіе и погибель.

— Отчего же погибель? — отозвался майоръ. — Мало ли людей бываютъ несчастливы въ бракѣ, но находятъ свое счастіе за бракомъ.

— Да, вотъ это что!—вспылила Катерина Астафьевна:— такъ по-твоему, что̀ такое бракъ? Вздоръ, форма, фить — и ничего болѣе.

— Бракъ?.. нынче это для многихъ женщинъ средство перемѣнять мужей и не слыть нигилисткой.

— Вы дуракъ, господинъ майоръ!—проговорила, побагровѣвъ, майорша.

— Это какъ угодно,—я говорю, какъ понимаю.

— А ты зачѣмъ сюда пришелъ?

— Да я къ Евангелу въ гости иду и за новымъ журналомъ зашелъ, а больше ни за чѣмъ: я ругаться съ тобою не хочу.

— Ну, такъ бери книгу и отправляйся вонъ, гадостный нигилистъ. Сѣдыхъ волосъ-то своихъ постыдился бы!

— Я ихъ и стыжусь, но не помогаетъ,—все больше сѣдѣютъ.

Послѣ этихъ словъ Форовъ незлобливо простился и ушелъ, а черезъ десять дней отецъ Евангелъ, въ небольшой деревенской церкви, сочеталъ нерушимыми узами Подозерова и Ларису. Свадьба эта, которую майорша называла «маланьиной свадьбой», совершилась тихо, при однихъ свидѣтеляхъ, послѣ чего у молодыхъ былъ скромный ужинъ для близкихъ людей. Веселья не было никакого, напротивъ, все вышло, по мнѣнію Форовой, «не по-людски».

Невѣста пріѣхала въ церковь озабоченная, сердитая, уѣхала съ мужемъ надутая, встрѣтила гостей у себя дома разсѣянно и сидѣла за столомъ недовольная.

Лариса понимала, что она выходитъ замужъ какъ-то

очень не серьезно, и чувствовала, что это понимаетъ не одна она, и вслѣдствіе того она ощущала досаду на всѣхъ, особенно на тѣхъ, кто былъ опредѣленіе ея, а таковы были всѣ. Особенно же ей были непріятны всякія превосходства въ сравненіяхъ: она какъ бы боялась ихъ, и въ этомъ-то родѣ опредѣлялись ея отношенія къ Синтянинной. Лара не ревновала къ ней мужа, но она боялась не совладѣть съ нею, а къ тому же послѣ вѣнчанія Лариса начала думать: не напрасно ли она поторопилась, что, можетъ-быть, лучше было бы... уѣхать куда-нибудь, вмѣсто того, чтобы выходить замужъ.

«Маланьина свадьба» выходила прескучная!

Никакія попытки друзей придать оживленіе этому бѣдному торжеству не удавались, а напротивъ, какъ-будто еще болѣе портили вечеръ.

Поэтическій отецъ Евангелъ явился съ цѣлымъ запасомъ теплоты и свѣтлоты: поздравилъ молодыхъ, весь сіяя радостію и доброжеланіями, подалъ Подозерову отъ своего усердія небольшую икону, а Ларисѣ преподнесъ большой вѣнокъ, добытый имъ къ этому случаю изъ бодростинскихъ оранжерей. Поднося цвѣты, «поэтическій попъ» привѣтствовалъ красавицу-невѣсту восторженными стихами, въ которыхъ величалъ женщину «жемчужиной въ вѣнкѣ твореній». «Ты вся любовь! Ты вся любовь!» восклицалъ онъ своимъ звонкимъ теноромъ, держа предъ Ларисой вѣнокъ:

Всѣ дни твои—кругомъ извитыя ступени
Широкой лѣстницы любви.

Онъ декламировалъ, указывая на Подозерова, что ей «дано его покоить; судьбу и жизнь его дѣлить; его всѣ радости удвоить, его печали раздвоить», и заключилъ свое поэтическое поздравленіе словами:

И я, возникшій для волненья
За жизнь собратій и мою,
Тебѣ вѣнецъ благословенья
Отъ всѣхъ рожденныхъ подаю.

И съ этимъ онъ, отмахнувъ полу своей голубой кашемировой рясы на коричневомъ подбоѣ и держа въ рукахъ вѣнокъ предъ своими глазами, подалъ его воспѣтой имъ невѣстѣ.

Евангелу зааплодировали и Синтянина, и Форовъ, и Катерина Астафьевна, и даже его собственная попадья. Да и

невозможно было оставаться равнодушнымъ при видѣ этого до умиленія восторженнаго священника.

Пѣснь Евангелъ и въ самомъ дѣлѣ былъ столько прекрасенъ, что вызывалъ восторги и хваленія. Этому могла не поддаться только одна виновница торжества, то-есть сама Лариса. Лариса нашла эту восторженность не идущею къ дѣлу, и усилившимся недовольнымъ выраженіемъ лица дала почувствовать, что и величаніе ее «жемчужиной въ вѣнкѣ твореній», и воспѣваніе любви, и указаніе обязанности «его печали раздвоить», и наконецъ самый вѣнокъ,—все это напрасно, все это ей не нужно, и она отнюдь не хочетъ вписовывать себя въ пасторально-буколическую картину, начертанную Евангеломъ. Лариса постаралась выразить все это такъ внушительно, что не было никого, кто бы ея не понялъ, и майоръ Форовъ, чтобы перебить непріятную натянутость и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка наказать свою капризную племянницу, вмѣшался съ своимъ тостомъ и сказалъ:

— А я вамъ, уважаемая Лариса Платоновна, попросту, какъ хохлы, скажу: «будь здорова якъ корова, щедровата якъ земля и плодовита якъ свинья!» Желаю вамъ сто лѣтъ здравствовать и двадцать на четверенькахъ ползать!

При этой шуткѣ стараго циника Лариса совсѣмъ вспылила и хотя промолчала, но покраснѣла отъ досады до самыхъ ушей. Не удавалось ничто, и гости рано стали прощаться. Лариса никого не удерживала и не провожала далѣе залы. Подозеровъ одинъ благодарилъ гостей и жалъ имъ въ передней руки.

Съ Ларисой оставалась одна Синтянина, но и та ее черезъ минуту оставила.

Лара отвергнула услуги генеральши, желавшей быть при ея туалетѣ, и Александра Ивановна, принимая въ передней изъ рукъ Подозерова свою шаль, сказала ему:

— Ну, идите теперь къ вашей женѣ. Желаю вамъ съ нею безконечнаго счастія. Любите ее и... и... больше ничего, любите ее, по англійскимъ обѣтамъ брака, здоровую и больную, счастливую и несчастную, утѣшающую васъ или... да, однимъ словомъ, *любите* ее всегда, вѣчно, при всѣхъ случайностяхъ. Въ твердой рѣшимости любить такая великая сила. Затѣмъ еще разъ: будьте счастливы и прощайте!

Она крѣпко сжала его руку и твердою поступью вышла за дверь, ключъ которой поворотился за генеральшей одно-

временно съ ключомъ, щелкнувшимъ въ замкѣ спальни Ларисы, искавшей въ тишинѣ и уединеніи исхода душившей ее досады на то, что она вышла замужъ, на то, что на свѣтѣ есть люди, которые поступаютъ такъ или иначе, зная, почему они такъ поступаютъ, на то, что она лишена такого вѣдѣнія и не знаетъ, гдѣ его найти, на то, наконецъ, что она не видитъ, на что бы ей разсердиться.

И благой рокъ помогъ ей въ этомъ: прекрасные глаза ея загорѣлись гнѣвомъ и ноздри расширились: она увидѣла прощаніе генеральши съ ея мужемъ и нашла въ этомъ непримиримую обиду.

Она заперлась въ спальнѣ и предоставила своему мужу полную свободу размышлять о своей выходкѣ наединѣ въ его кабинетѣ.

Что могло обѣщать такое начало и какъ его принялъ молодой мужъ красавицы Ларисы?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Майоръ и Катерина Астафьевна.

У Катерины Астафьевны, несмотря на ея чувствительные нервы, отъ природы было желѣзное здоровье, а жизнь еще крѣпче закалила ее. Происходя отъ бѣдныхъ родителей и никогда не бывъ красивою, хотя, впрочемъ, она была очень миловидною, Катерина Астафьевна не находила себѣ жениха между губернскими франтами и до тридцати лѣтъ жила при своей сестрѣ, Висленевой, бѣгая по хозяйству, да купая и няньчая ея дѣтей. Изъ этой роли ее вывела Крымская война, когда Катерина Астафьевна, по неодолимымъ побужденіямъ своего кипучаго сердца, поступила въ общину сестеръ милосердія и отбыла всю тяжкую оборону Севастополя, служила выздоравливавшимъ и умиравшимъ его защитникамъ, великія заслуги которыхъ отечеству оцѣнены лишь нынѣ. Тамъ же, въ Крыму, Катерина Астафьевна выхолила и выняньчила привезеннаго къ ней съ перевязочнаго пункта майора Форова и, ухаживая за нимъ, полюбила его какъ прямого, отважнаго и безкорыстнѣйшаго человѣка. Полюбить извѣстныя достоинства въ человѣкѣ для Катерины Астафьевны значило полюбить самого этого человѣка; она не успѣла пережить самыхъ первыхъ восторговъ по поводу разсказовъ, которыми оживавшій Фо-

ровъ очаровалъ ее, какъ Отелло очаровалъ свою Дездемону,— какъ уже дѣло было сдѣлано: искренняя простолюдинка, Катерина Астафьевна всѣмъ существомъ своимъ привязалась къ дружившему съ солдатами и огрызавшемуся на старшихъ Филетеру Ивановичу. Майоръ отвѣчалъ ей тѣмъ же, и хотя они другъ съ другомъ ни о чемъ не условливались и въ любви другъ другу не объяснялись, но когда майоръ сталъ, къ концу кампаніи, на ноги, они съ Катериной Астафьевной очутились вмѣстѣ, сначала подъ обозною фурой, потомъ въ татарской мазанкѣ, потомъ на постояломъ дворѣ, а тамъ уже такъ и закочевали вдвоемъ по городамъ и городишкамъ, куда гоняла майора служба, до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, вылетѣлъ изъ этой службы по поводу той же Катерины Астафьевны. Дѣло это заключалось въ томъ, что невѣрующій майоръ Филетеръ Ивановичъ, соединясь неразлучнымъ союзомъ съ глубоко вѣрующею и убѣжденною, но крайне оригинальной Катериной Астафьевной, лѣтъ восемь кряду забывалъ перевѣнчаться съ нею. Пока они кочевали съ полкомъ, имъ ничто и не напоминало объ этомъ упущеніи. Катерина Астафьевна, при ея вѣчномъ и неуклонномъ стремленіи вмѣшиваться во всякое чужое горе и помогать ему по своимъ силамъ и разумѣнію, къ своимъ собственнымъ дѣламъ обнаруживала полное равнодушіе, а майоръ еще превосходилъ ее въ этомъ. Катерина Астафьевна была любимицей всѣхъ, начиная съ полкового командира и кончая послѣднимъ фурштатомъ. Солдаты же того баталіона, которымъ командовалъ майоръ, просто боготворили ее: всѣ они знали Катерину Астафьевну, и Катерина Астафьевна тоже всѣхъ ихъ знала по именамъ и по достоинствамъ. Она была ихъ утѣшительницей, душеприказчицей, казначеемъ, лѣкаремъ, духовною матерью: ей первой бѣжалъ солдатикъ открыть свое горе, заключавшееся въ потерѣ штыка, или въ иной подобной бѣдѣ, значенія которой не понять тому, кто не носилъ ранца за плечами,—и Катерина Астафьевна не читала никакихъ моралей и наставленій, а прямо помогала какъ находила возможнымъ. Ей мастеровой солдатъ отдавалъ на сбереженіе свой тяжкимъ трудомъ собранный грошъ; ее звали къ себѣ умирающіе и изустно завѣщали ей, какъ распорядиться бывшими у нея на сохраненіи пятью или шестью рублями, къ ней же приходили на духъ тѣ, кого «бѣсъ смущалъ» сбѣжать или сдѣлать другую гадость,

давали ей слово воздержаться и просили прочитать за нихъ «тайный акаѳистъ», чему многіе смущаемые солдатики приписываютъ неодолимое значеніе. Катерина Астафьевна со всѣмъ этимъ умѣла управляться въ совершенствѣ, и такая жизнь, и такіе труды не только нимало не тяготили ее, но она даже почитала себя необыкновенно счастливою и, какъ въ пѣснѣ поется, «не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить».

Враговъ или такихъ недруговъ, которымъ бы она добра не желала, у нея не было. Если она замѣчала между товарищами майора людей не совсѣмъ хорошихъ, то старалась извинять ихъ воспитаніемъ и т. п., и все-таки не выдавала ихъ и не уклонялась отъ ихъ общества. Исключеніе составляли люди надменные и хитрые: этихъ Катерина Астафьевна, по прямотѣ своей натуры, ненавидѣла; но, во-первыхъ, такихъ людей, слава Богу, было немного въ армейскомъ полку, куда Форовъ попалъ по своему капризу, несмотря на полученное имъ высшее военное образованіе; во-вторыхъ, майоръ, весьма равнодушный къ себѣ самому и, повидимому, никогда не заботившійся ни о какихъ выгодахъ и для Катерины Астафьевны, не стерпѣлъ бы ни малѣйшаго оскорбленія, ей сдѣланнаго, и наконецъ, въ-третьихъ, «майорша» и сама умѣла постоять за себя и дать сдачи заносчивому чванству. Поэтому ее никто не трогалъ, и она жила прекрасно.

Но при всемъ своемъ прямодушіи, незлобіи и добротѣ, не находившей униженія ни въ какой услугѣ ближнему, Катерина Астафьевна была, однако, очень горда. Не любя жеманства и всякой сентиментальности, она не переносила невѣжества, нахальства, заносчивости и фанфаронства, и Боже сохрани, чтобы кто-нибудь попытался третировать ее ниже того, какъ она сама себя ставила: она *отдѣлывала* за такія вещи такъ, что человѣкъ этого потомъ во всю жизнь не позабывалъ.

Солдаты, со свойственною имъ отличною мѣткостью опредѣленій, говорили про Катерину Астафьевну, что она не живетъ по пословицѣ: «хоть горшкомъ меня зови, да не ставь только къ жару», а что она наблюдаетъ другую пословицу: «хоть полы мною мой, но не называй меня тряпкой».

Это было совершенно вѣрное и мастерское опредѣленіе характера Катерины Астафьевны, и въ силу этого-то са-

маго характера столь терпѣливая во всѣхъ нуждахъ и лишеніяхъ подруга майора не стерпѣла, когда при перемѣнѣ полкового командира, вновь вступившій въ командованіе полковникъ, изъ старыхъ товарищей Форова по военной академіи, не пригласилъ ее на полковой балъ, куда были позваны жены всѣхъ семейныхъ офицеровъ.

Катерина Астафьевна горячо приняла къ сердцу эту обиду и, не укоряя Форова, поставившаго ее въ такое положеніе, велѣла денщику стащить съ чердака свой старый чемоданъ и начала укладывать свои немудрые ножитки.

Хотѣла ли она разстаться съ майоромъ и куда-нибудь уѣхать? — это осталось ей тайной; но майоръ, увидѣвъ эти сборы, тотчасъ же надѣлъ мундиръ и отправился къ полковому командиру съ просьбой объ отставкѣ.

На вопросъ удивленнаго полковника: зачѣмъ Форовъ такъ неожиданно покидаетъ службу, Филетеръ Ивановичъ рѣзко отвѣчалъ, что онъ «съ подлецами служить не можетъ».

— Что это значитъ? — громко и сердито вскрикнулъ на него полковой командиръ.

— Ничего больше какъ то, что я не хочу служить съ тѣмъ, кто способенъ обижать женщину, и прошу васъ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи меня въ отставку. А если вамъ угодно со мною стрѣляться, такъ я готовъ съ моимъ удовольствіемъ.

Полковой командиръ не захотѣлось затѣвать «исторіи» съ Филетеромъ Ивановичемъ на первыхъ порахъ своего командирства, и майоръ Форовъ благополучно вылетѣлъ въ отставку.

Съ Катериной Астафьевной у Форова не было никакихъ объясненій: они совершенно освоились съ манерой жить, ничего другъ другу не ставя на видъ и не внушая, но въ совершенствѣ понимая одинъ другого безъ всякихъ разговоровъ.

Вскорѣ за симъ Катерина Астафьевна сдала плачущимъ солдатамъ всѣ хранившіяся у нея на рукахъ ихъ собственныя деньги, а затѣмъ майоръ распростился съ своимъ баталіономъ, сѣлъ съ своею подругой въ рогожную кибитку и поѣхалъ.

За заставой ждалъ ихъ сюрпризъ: въ темной луговинѣ, у моста, стояла куча солдатъ, которые, при приближеніи майорской кибитки, сняли шапки и зарыдали.

Майоръ, натолкнувшись на эту засаду, задергался и засуетился.

— Чего? чего, дурачье, высыпали? а? Пошли назадъ! Васъ вотъ палками за это взлупятъ!—закричалъ онъ, стараясь въ зычномъ окрикѣ скрыть дрожанье голоса, измѣнявшаго ему отъ слезъ, поднимавшихся къ горлу.

Солдаты плакали; Катерина Астафьевна тоже плакала и, развязавъ за спиной майора кошелочку съ яблоками, печеными яйцами и пирогами, заготовленными на дорогу, стала бросать эту провизію солдатамъ, которые сію же минуту обсыпали кибитку, нахлынули къ ней и начали ловить и цѣловать ея руки.

— Фу, пусто вамъ будь! — воскликнулъ майоръ: — вы, канальи, этакъ просто задавите!—И онъ, выскочивъ изъ кибитки, скомандовалъ къ кабаку, купилъ ведро водки, роспилъ ее со старыми товарищами и наказалъ имъ служить вѣрой и правдой и слушаться начальства, далъ старшему изъ своего скуднаго кошелька десять рублей и сѣлъ въ повозку; но, садясь, онъ почувствовалъ въ ногахъ у себя что-то теплое и мягкое, живое и слегка визжащее.

— Стой! Что̀ это такое тутъ возится? — запыталъ удивленный майоръ.

— Драдедамъ, ваше высокоблагородіе,—конфузливо отвѣчалъ ему шопотомъ ближе другихъ стоявшій къ нему солдатикъ.

Майоръ выразилъ изумленіе. «Драдедамъ» было не что иное, какъ превосходная легавая собака чистѣйшей, столь рѣдкой нынѣ маркловской породы. Собака эта, составлявшая предметъ всеобщей зависти, принадлежала полицеймейстеру города, изъ котораго уѣзжалъ майоръ. Эту собаку, имѣвшую кличку Трафаданъ и переименованную солдатами въ «Драдедама», полицеймейстеръ цѣнилъ и берегъ какъ зѣницу ока. Родовитаго пса этого сторожила вся полиція гораздо бдительнѣе, чѣмъ всю остальную собственность цѣлаго города, и вдругъ этотъ рѣдкій песъ, этотъ Драдедамъ, со стиснутою ремнемъ мордой и завязанный въ рѣдинный мѣшокъ, является въ ногахъ, въ кибиткѣ отъѣзжающаго майора!

— Ребята! Что же вы это, съ ума, что ли, сошли, чтобы меня съ краденой собакой изъ полка выпроваживать? Кто васъ этому научилъ?—заговорилъ майоръ.

— Никто, ваше высокоблагородіе; мы по своему усердію васъ награждаемъ.

— Чудовый кобель, ваше высокоблагородіе! — подхватывали другіе.

— Берите, берите, ваше высокоблагородіе! мы вамъ жертвуемъ Драдедашку! — вскрикивали третьи. — Пошелъ, братецъ ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И солдатики загагайкали на лошадей и замахали руками.

— Стойте, дураки; развѣ благородно намъ воровскую собаку увезть?

— Эхъ, ваше высокоблагородіе! Отецъ вы нашъ, командирша-матушка: да что вамъ на это глядѣть? Да развѣ вы похожи на благородныхъ? Ну, ну! Эхъ вы, голубчики! Пошелъ, ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И по тройкѣ со всѣхъ сторонъ захлестали сломанные съ придорожныхъ ракитъ прутья; лошади рванулись и понеслись, не чуя сдерживавшихъ ихъ вожжей.

А вслѣдъ еще долго слышались подгонные крики: «Ну, ну! Валяй, валяй, ребята! Прощайте, нашъ отецъ съ матерью!.. Прощай, Драдедашка!»

Подъ эти крики едва державшійся на облучкѣ ямщикъ и отчаявшіеся въ своемъ благополучіи майоръ и Катерина Астафьевна и визжавшій въ мѣшкѣ Драдедамъ во мгновеніе ока долетѣли на перепуганной тройкѣ до крыльца слѣдующей почтовой станціи, гдѣ привычные кони сразу стали.

Здѣсь майоръ хотѣлъ сейчасъ же высвободить изъ мѣшка и отпустить назадъ полученную имъ «въ награду» краденую полицеймейстерскую собаку, какъ ямщикъ подступилъ къ нему съ совѣтомъ этого не дѣлать.

— Все единственно это, — заговорилъ онъ: — пусть ужъ она лучше пропадетъ, ваше высокоблагородіе, а только тутъ не вытаскивайте; смотритель увидитъ, все разбрешетъ, и кавалерамъ за это достанется.

— И то правда!—смекнулъ майоръ и добавилъ: — а ты же, каналья, развѣ не разскажешь?

— Да мнѣ что жъ казать? У меня у самого братья въ солдатахъ есть.

— Ну, такъ что жъ, что братья твои въ солдатахъ служатъ?

— А должны же мы хорошихъ начальниковъ почитать. Вишь, вонъ, что сказали, что вы, баятъ, на благороднаго-то не похожи.

Майоръ далъ ямщику полтину и покатилъ далѣе съ Катериной Астафьевной и съ Драдедамомъ, котораго оба они стали съ той поры любить и холить, какъ за достоинство этой доброй и умной собаки, такъ и за то, что она была для нихъ воспоминаніемъ такого оригинальнаго и теплаго прощанія съ простосердечными друзьями.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О тѣхъ же самыхъ.

Прибывъ въ городъ, гдѣ у Катерины Астафьевны былъ извѣстный намъ маленькій домикъ съ наглухо забитыми воротами, изгнанный майоръ и его подруга водворились здѣсь вмѣстѣ съ Драдедамомъ. Прошелъ годъ, два и три, а они попрежнему жили все въ тѣхъ же неоформленныхъ отношеніяхъ, и очень возможно, что дожили бы въ нихъ и до смерти, если бы нѣкоторая невинная хитрость и нѣкоторая благоразумная глупость не поставила эту оригинальную чету въ законное соотношеніе.

Филетеръ Форовъ, выйдя въ отставку и водворясь среди родства Катерины Астафьевны, сначала былъ предметомъ нѣкотораго недоброжелательства и косыхъ взглядовъ со стороны Ларисиной матери; да и сама Лара, подрастая, стала смущаться по поводу отношеній тетки къ Форову; но Филетеръ Ивановичъ не обращалъ на это вниманія. Майоръ Филетеръ Ивановичъ не искалъ ни друзей, ни пріятелей; онъ повторялъ на все свое любимое «наплевать», лежебочествовалъ, слегка попивалъ, читалъ съ утра до поздней ночи и порой ругалъ всѣ силы, господствія, начальства и власти.

Но Катерину Астафьевну это сокрушало, и сокрушало въ одномъ отношеніи. Она боялась *за душу* Форова и всегда лелѣяла завѣтную мечту «привести его къ Богу».

Эта мысль въ первый разъ сверкнула въ ея головѣ, когда принесенный въ госпиталь раненый майоръ пришелъ въ себя и, поведя глазами, остановилъ ихъ на чепцѣ Катерины Астафьевны и зашевелилъ губами.

— Что вамъ: вѣрно желаете батюшку позвать?—участливо спросила она раненаго.

— Совсѣмъ нѣтъ; а я хочу выплюнуть, — отвѣчалъ Форовъ, отдѣляя опухшимъ языкомъ отъ поднебесья сгустокъ запекшейся крови.

— Вы не вѣруете въ Бога? — грустно вопросила религіозная Катерина Астафьевна.

Майоръ качнулъ утвердительно головой.

— Ахъ, это ужасное несчастіе!

И съ тѣхъ поръ она начала нѣжно за нимъ ухаживать и положила въ сердцѣ своемъ надежду «привести его къ Богу»; но это ей никогда не удавалось и не удалось до сихъ поръ.

Во все время службы майора въ полку она не безъ труда достигла только одного, чтобы майоръ не гасилъ на ночь лампады, которую она, на свои трудовыя деньги, теплила предъ образомъ, а днемъ не закуривалъ отъ этой лампады своихъ растрепанныхъ толстыхъ папиросъ; но удержать его отъ богохульныхъ выходокъ въ разговорахъ она не могла, и радовалась лишь тому, что онъ подобныхъ выходокъ не дозволялъ себѣ при солдатахъ, при которыхъ даже и крестился, и цѣловалъ крестъ. По удаленіи же въ свой городокъ, подруга майора, возобновивъ дружескія связи съ Синтяниной, открыла ей свои заботы насчетъ обращенія Форова и была несказанно рада, замѣчая, что Филетеръ Ивановичъ, что называется, полюбилъ генеральшу.

— Нравится она тебѣ, моя Сашурочка-то?—говорила Катерина Астафьевна, заглядывая въ глаза майору.

— Прекрасная женщина,—отвѣчалъ Форовъ.

— А вѣдь что̀ ее дѣлаетъ такою прекрасною женщиной?

— Что? Я не знаю что: такъ, хорошая зародилась.

— Нѣтъ; она христіанка.

— Ну да, разсказывай! Будто нѣтъ богомольныхъ подлецовъ, точно такъ же, какъ и подлецовъ не молящихся?

И майоръ отходилъ отъ жены съ явнымъ нежеланіемъ продолжать подобные разговоры.

Затѣмъ онъ сошелся у той же Синтяниной съ отцомъ Евангеломъ и заспорилъ-было на свои любимыя темы о несообразности вещественнаго поста, о словесной молитвѣ, о священствѣ, которое онъ назвалъ «сословіемъ духовныхъ адвокатовъ»; но начитанный и либеральный Евангелъ шутя оконфузилъ майора и шутя успокоилъ его словами, что «не

ядый о Господѣ не ѣстъ, ибо лишаетъ себя для Бога, и ядый о Господѣ ѣстъ, ибо вкушая хвалитъ Бога».

Форовъ сказалъ:

— Если такъ, то не о чемъ спорить. Впрочемъ, я въ этомъ и не знатокъ.

— А въ чемъ же вы по этой части великій знатокъ?

— Въ чемъ? Въ томъ, что ясно разумомъ постигаю моимъ.

— Напримѣръ-съ?

— Напримѣръ, я постигаю, что никакой всемогущій опекунъ въ дѣла здѣшняго міра не мѣшается.

— Такъ-съ. Это вы разумомъ постигли?

— Да, разумѣется, потому что иначе развѣ могли бы быть такія несправедливости, видя которыя у всякаго маломальски честнаго человѣка всѣ кишки въ брюхѣ отъ негодованія вертятся.

— А мы можемъ ли постигать, что̀ справедливо и что̀ несправедливо?

— Вотъ тебѣ на̀ еще! Конечно, можемъ, потому что мы фактъ видимъ.

— А фактъ-то иногда совсѣмъ не то выражаетъ, что онъ значитъ.

— Темно.

— А вотъ я васъ сейчасъ въ этомъ просвѣщу, если угодно.

— Сдѣлайте милость.

— Извольте-съ. Положимъ, что есть на свѣтѣ мать, добрая, предобрая женщина, которая мухи не обидитъ. Допускаете вы, что можетъ быть на свѣтѣ такая женщина?

— Ну-съ; допускаю: вотъ моя Торочка такая.

— Ну-съ, прекрасно! Теперь допустимъ, что у Катерины Астафьевны есть дитя.

— Не могу этого допустить, потому что она уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобы дѣтей имѣть.

— Ну, все равно: допустимъ это какъ предположеніе.

— Зачѣмъ же допускать нелѣпыя предположенія.

Евангелъ улыбнулся и сказалъ:

— Вы мелочной человѣкъ: васъ занимаетъ процессъ спора, а не искомое; но все равно-съ. Извольте, ну нѣтъ у нея ребенка, такъ у нея есть вотъ собака Драдедамъ, а этотъ Драдедамъ пользуется ея вниманіемъ, котораго онъ почему-нибудь заслуживаетъ.

— Допускаю.

— Теперь-съ, если бъ этотъ Прадедамъ былъ боленъ и ему нужно было дать мяса, а купить его негдѣ.

— Ну-съ?

— Вотъ Катерина Астафьевна беретъ ножикъ и рѣжетъ голову курицѣ и варитъ изъ нея Прадедаму похлёбку: справедливо это или нѣтъ?

— Справедливо, потому что Прадедамъ благороднѣйшее созданіе.

— Такъ-съ; а курица, которой отрѣзали голову, непремѣнно думала, что съ нею поступали ужасно несправедливо.

— Что же вы этимъ доказали?

— То, что фактъ жестокости тутъ есть: курица убита,— это для нея жестоко и съ ея куриной точки зрѣнія несправедливо, а между тѣмъ вы сами, существо гораздо высшее и умнѣйшее курицы, нашли все это справедливымъ.

— Гмъ!

— Да такъ-съ. Есть будто фактъ жестокосердія, но и его нѣтъ.

— Ну, ужъ этого совсѣмъ не понимаю и оно есть, и его нѣтъ.

— Да нѣтъ-съ ея, жестокости, нѣтъ, ибо Катерина Астафьевна остается столь же доброю послѣ накормленія курицей Прадедама, какъ была до сего случая и во время сего случая. Вотъ вамъ—есть фактъ жестокости и несправедливости, а онъ вовсе не значитъ того, чѣмъ кажется. Теперь возражайте!

— Я не хочу вамъ возражать,—отвѣчалъ, подумавъ, Форовъ.

— А почему, спрошу?

— Почему?.. потому что я въ этомъ не силенъ, а вы много надъ этимъ думали и имѣете начитанность и можете меня сбить, чего я отнюдь не желаю.

— Почему же вы не желаете придти къ какой-нибудь истинѣ и разубѣдиться въ заблужденіи?

— Такъ, не желаю, потому что не хочу забивать себѣ и безъ того темные мароки этою путаницей.

— Мароки не хотите забивать? Гмъ! Нѣтъ-съ, это не потому.

— А почему же?

Евангелъ снова улыбнулся и, сжавъ легонько руку майора немножко пониже локтя, ласково проговорилъ:

— Вы потому не хотите объ этомъ говорить и думать какъ слѣдуетъ, что души вашей коснулось святое сомнѣніе въ справедливости рутины безвѣрія! И посмотрите зато сюда!

Съ этимъ отецъ Евангелъ, подвинувъ слегка майора къ себѣ, показалъ ему черезъ дверь другой комнаты, какъ Катерина Астафьевна, слышавшая весь ихъ разговоръ, вдругъ упала на колѣни и, протянувъ руки къ освященному лампадой образнику, плакала радостными и благодарными слезами.

— Эти слезы съ неба,—шепнулъ Евангелъ.

— Бабье, ото всего плачутъ,—сухо отвѣчалъ, отворачиваясь, майоръ.

Но веселый Евангелъ вдругъ смутился и, взявъ майора за руку, тѣмъ же добродушнымъ тономъ проговорилъ:

— Бабье-съ? Вы сказали бабье?.. Это недостойно вашей образованности... Женщины—это прелесть! Онѣ наши мироносицы: безъ ихъ слезъ этотъ злой міръ заскорузъ бы-съ!

— Вы діалектикъ.

— Да-съ: я діалектикъ; а вы баба, ибо боитесь свободомыслія и бѣжите чистаго чувства, женской слезой пробужденнаго. Что-съ? Ха-ха-ха... Да вы ничего, не робѣйте: это вѣдь проходитъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Еще о нихъ же.

На другой день послѣ этой бесѣды, происходившей задолго предъ тѣми событіями, съ которыхъ мы начали свое повѣствованіе, майоръ Форовъ, часу въ десятомъ утра, пришелъ пѣшкомъ къ отцу Евангелу и сказалъ, что онъ ему очень понравился.

— Неужели?—отвѣчалъ веселый священникъ. — Что жъ, это прекрасно: это значитъ, мы честные люди, да!.. а жены у насъ съ вами еще лучше насъ самихъ. Я вамъ вотъ сейчасъ и покажу мою жену: она гораздо лучше меня. Паннька! Паннька! Паннька! — закричалъ отецъ Евангелъ, удерживая за руку майора и засматривая въ дверь сосѣдняго покоя.

— Чего тебѣ нужно, Паинька?—послышался оттуда звонкій, симпатическій, молодой голосъ.

— «Паинька», это она меня такъ зоветъ, — объяснилъ майору Евангелъ.—Мы привыкли другъ на друга все «ты паинька» да «ты паинька», да такъ ужъ свои имена совсѣмъ и позабыли... Да иди же сюда, Паинька!—возвысилъ онъ нѣсколько нетерпѣливо свой голосъ.

Въ дверяхъ показалась небольшая и довольно худенькая, нѣсколько нестройно сложенная молодая женщина, съ очень добрыми большими коричневыми глазами и тоненькими колечками темныхъ волосъ на вискахъ.

Она была одѣта въ свѣтлое ситцевое платье и держала въ одной рукѣ полоскательную фарфоровую чашку съ обвареннымъ миндалемъ, который обчищала другою, свободною рукой.

— Ну, что ты здѣсь, Паинька? Какой ты безпокойный, что отрываешь меня безъ толку?—заговорила она, ласково глядя на мужа и майора.

— Какъ безъ толку, когда гость пришелъ.

— Ну, такъ что же—гость пришелъ? Они къ намъ часто будутъ ходить.

— Превосходно сказано,—воскликнулъ Форовъ.—Буду-съ.

— Да; она у меня преумная, эта Пайка,—молвилъ, слегка обнимая жену, Евангелъ.

— Ну, вотъ ужъ и умная! Вы ему не вѣрьте: я въ лѣсу выросла, вереѣ молилась и пню поклонялася,—такъ откуда я умная буду?

— Нѣтъ; вы ей не вѣрьте: она преумная, — увѣрялъ, смѣясь и тряся майора за руку, Евангелъ. — Она вдругъ иногда, знаете, такое скажетъ, что только ротъ разинешь. А они, Паинька, въ Бога изволятъ не вѣровать,—обратился онъ, указывая женѣ на майора.

— Ну, такъ что же такое: они послѣ повѣрятъ.

— Видите, какъ разсуждаетъ!

— Да что-жъ ты надо мной смѣешься? Разумѣется, что не всѣмъ въ одно время вѣрить. Вѣдь они добрые?

— Ну, такъ что же что добрый? А какъ онъ въ царствѣ небесномъ будетъ? Его не пустятъ.

— Нѣтъ, пустятъ.

— Извольте вы съ ней спорить!—разсмѣялся Евангелъ.—

Я тебѣ, Пайка, говорю: его къ вѣрующимъ не пустятъ; тебѣ, попадьѣ, нельзя этого не знать.

— Ну, его къ невѣрующимъ пустятъ.

— Видите, видите, какая бѣдовая моя Пайка! У-у-у-хъ, съ ядовитостью женщина! — продолжалъ онъ, тихонько съ нѣжностью и восторгомъ трогая жену за ея свѣжій раздвоившійся подбородокъ, и въ то же время, оборотясь къ майору, добавилъ: — Ужасно хитрая-съ! Ужасно! Одинъ я ее только постигаю, а вы о ней если сдѣлаете заключеніе по этому первому свиданію, такъ непремѣнно ошибетесь.

— Да я ихъ совсѣмъ и не въ первый разъ вижу,—перебила его попадья, перемывая въ той же полоскательной чашкѣ свой миндаль.—Я ихъ уже видѣла на Висленевскомъ дворѣ, и мы кланялись.

— Не помню-съ,—отвѣчалъ майоръ, съ любовію артиста разглядывая это прекрасное твореніе, какъ разъ подходящее, по его мнѣнію, къ типу наипочтеннѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ.

— Какъ же не помните,—толковала попадья: — вы еще шли съ супругой... или кто она вамъ доводится, Катерина-то Астафьевна?.. Да! вы шли по двору, а мы съ генеральшей Александрой Ивановной сидѣли подъ окномъ, вишни чистили и вамъ кланялись.

— Не помню-съ.

— Какъ же-съ, а я помню: вы вотъ теперь въ штанахъ, а тогда были въ подштанахъ.

— Какъ въ подштанахъ-съ?—изумился майоръ.

— Такъ, въ этакихъ въ бѣлыхъ, со штрифами.

Майоръ засмѣялся, а отецъ Евангелъ, хохоча и ударяя себя ладонями по колѣнямъ, воскликалъ:

— Ахъ, Паинька! Паинька! проговорились вы, прелесть моя, проговорились!

Попадья слегка вспыхнула и хотѣла возражать мужу, но какъ тотъ махалъ на нее руками и кричалъ: «т-съ, т-съ, т-съ! молчи, Пайка, молчи, а то хуже скажешь», то она быстро выбѣжала вонъ и начала хлопотать о закускѣ.

— Какая чудесная женщина!—сказалъ, глядя вслѣдъ ей, майоръ.

— То-есть превосходнѣйшая-съ, а не только чудесная,— согласился съ нимъ Евангелъ. — Видите, всѣхъ хочетъ въ

царство небесное помѣстить: мы будемъ въ своемъ царствѣ небесномъ, а вы въ своемъ.

Евангелъ расхохотался.

— Вы давно женаты?—спросилъ майоръ.

— Семь лѣтъ женатъ, да-съ, семь лѣтъ, но въ томъ числѣ она три года была въ гусара влюблена, а однако еще я всякій день въ ней открываю новыя достоинства

— Гмъ!.. а въ гусара-таки была влюблена?

— Ужасно-съ! Какихъ это ей, бѣдненькой, мукъ стоило, если бы вы знали? Я ей студентомъ нравился, а въ рясѣ разнравился, потому что онѣ очень танцы любили, да! А тутъ гусары пришли, ну, шнурочки, усики, глазки... Она, бѣдняжка, однимъ и плѣнилась... Изсохла вся, до горловой чахотки чуть не дошла, и все у меня на груди плакала. «Зачѣмъ, бывало, говоритъ, Панька, я не могу тебя любить, какъ я его люблю?»

— Ну, а вы же что?

— Стыдно сказать, право.

— Однакоже?

— Да что-съ? сижу, бывало, глажу ее по головкѣ, да и реву вмѣстѣ съ нею. И даже, что-съ? — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и отводя майора къ окну: — Я уже разъ совсѣмъ порѣшилъ: уйди, говорю, коли со мной такъ жить тяжело, но она, услыхавъ отъ меня объ этомъ, разрыдалась и вдругъ улыбается: «Нѣтъ, говоритъ,—Панька, я никуда не хочу: я послѣ этого теперь опять тебя больше люблю». Она влюбчива, да-съ. Это одинъ, одинъ ея порокъ: восторженна и въ восторгѣ сейчасъ влюбляется.

— Однакоже, чортъ возьми, позвольте мнѣ васъ уважать!—закричалъ зычно майоръ.

— Нѣтъ-съ; это ее надо за это уважать: скудельный сосудъ, а совладала съ собою, и все для меня!.. А вотъ и она, Панька; а что же, душка, водочки-то?—вопросилъ онъ входящую жену, увидѣвъ, что на подносѣ, который она несла, не было ни графина, ни рюмки.

— А кто же станетъ водку пить?

— А вотъ они, Филетеръ Ивановичъ.

— Вы пьете развѣ? — отнеслась попадья къ майору, и получивъ отъ него короткій, но утвердительный отвѣтъ, принесла графинъ и рюмку и, поставивъ ихъ на столъ, сказала:—Не хорошо кто пьетъ вино.

— Отчего-съ?—спросилъ, принимаясь за рюмку, майоръ.

— Такъ... мысли дурныя отъ вина приходятъ.

— Ну, мнѣ не приходятъ.

— Какъ не приходятъ; а вонъ вы почему же до сихъ поръ не женитесь?

Майоръ пересталъ закусывать и съ удивленіемъ смотрѣлъ на сидѣвшую у стола съ подпертымъ на руку подбородочкомъ попадью; но ту это нимало не смутило, и она спокойно продолжала:

— Что вы на меня такъ смотрите-то? Развѣ же это хорошо такъ женщину конфузить?

— Послушайте, моя милая!—ласково заговорилъ съ ней майоръ, но она его тотчасъ же перебила.

— Ничего, ничего, «моя милая»!—передразнила его попадья: — не знаю я, что-ль? А мнѣ вашей Катерины Астафьевны жалко,—вотъ вамъ и сказъ, и я насчетъ васъ своему Панькѣ давно сказала, что вы недобрый и жестокій человѣкъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Да позвольте же-съ: я вѣдь Катерину Астафьевну все равно люблю-съ.

— Да-а! Нѣтъ, это не все равно: если вы такъ, не обвѣнчавшись, прежде ея умрете, она не будетъ за васъ пенсіона получать.

Попадья говорила все это съ самымъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ и съ глубочайшею заботливостью о Катеринѣ Астафьевнѣ. Ее не развлекалъ ни веселый смѣхъ мужа, наблюдавшаго траги-комическое положеніе Форова, ни удивленіе самого майора, который былъ пораженъ простотой и оригинальностью приведеннаго ею довода въ пользу брака, и наконецъ, обтеревъ салфеткой усы и подойдя къ попадьѣ, попросилъ у нея ручку.

— Зачѣмъ же это?—спросила она.

— Я женюсь и васъ матерью посаженою прошу.

— Непремѣнно?

— Всенепремѣнно и какъ можно скорѣе; а то, дѣйствительно, пенсіонъ можетъ пропасть.

— Ну, за это вы умникъ, и я не жалѣю, что мы познакомились,—отвѣчала ему весело попадья, съ радостью подавая свою руку.

— А я такъ буду сожалѣть объ этомъ, — отвѣчалъ, громко чмокнувъ ея ручонку, Форовъ. — Теперь мнѣ въ

первый разъ завидно, что у другого человѣка будетъ жена лучше моей.

— О, не завидуйте, не завидуйте, ваша добрѣе.

— Почему же вы это знаете?

— Да, вѣдь, она васъ цѣлуетъ? Ужъ навѣрно цѣлуетъ?

— Случается; рѣдко, но случается.

— Ну, вотъ видите! А ужъ я бы не поцѣловала.

— Это почему?

— Потому что отъ васъ водкой пахнетъ.

— Покорно васъ благодарю-съ, — отвѣчалъ, комически поклонясь и шаркнувъ ногой, майоръ, и затѣмъ еще разъ поцѣловалъ на прощанье руку у попадьи и откланялся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Свадьба Форовыхъ.

У калитки, до которой Евангелъ провожалъ Форова, майоръ на минутку остановился и сказалъ:

— Да какъ же-съ это... того...

— Вы насчетъ свадьбы?

— Да.

— Что-жъ, приходите, я перевѣнчаю и денегъ за вѣнецъ не возьму. Приходите вечеркомъ въ воскресенье чай пить: я на сихъ дняхъ огласку сдѣлаю, а въ воскресенье и перевѣнчаемся.

— А не очень это скоро?

— Нѣтъ; чѣмъ же скоро? чѣмъ скорѣе, тѣмъ оно вѣрнѣе, а то вѣдь Панька правду говоритъ: знаете, вдругъ крапкенъ, а женщина останется ни при чемъ.

— Хорошо-съ; я приду въ воскресенье вѣнчаться. А жена у васъ, чортъ возьми, все-таки удивительная!

— Да вѣдь я и говорилъ, что вы на нее будете удивляться и не поймете ее. Я все время за вами наблюдалъ, какъ вы съ нею говорили, и думалъ: «ахъ, какъ бы этотъ ея не понялъ!» Но нѣтъ, вижу, и вы не поняли.

— Почему же вы это такъ думаете? А можетъ быть я ее и понялъ?

— Нѣтъ; гдѣ вамъ ее понять! Ее одинъ я понимаю. Ну, говорите: кто такая она по-вашему, если вы ее поняли?

— Она?.. она... положительная и самая реальная натура.

Евангелъ, что называется, закисъ со смѣху.

— Чего же вы помираете?—вопросилъ майоръ.

— А того, что она совсѣмъ не положительная и не реальная натура. А она... позвольте-ка мнѣ взять васъ за ухо.

И Евангелъ, пригнувъ къ себѣ слегка голову майора, прошепталъ ему на ухо:

— Моя жена дурочка.

— То-есть вы думаете, что она не умна?

— Она совершенная дурочка.

— А чѣмъ же она разсуждаетъ?

— А вотъ этимъ вотъ!—воскликнулъ Евангелъ, тронувъ майора за ту часть груди, гдѣ сердце.—Какъ же вы этого не замѣтили, что она, гдѣ хочетъ быть умною дамой, сейчасъ глупость скажетъ,—какъ о вашихъ бѣлыхъ панталонахъ вышло; а гдѣ по естественному своему чувству говоритъ, такъ что твой министръ юстиціи. Вы ея, пожалуйста, не слушайтесь, потому что я вамъ это по опыту говорю, что ужъ она какъ разсудитъ, такъ это непремѣнно такъ надо сдѣлать.

Майоръ посмотрѣлъ на священника, и видя, что тотъ говоритъ съ нимъ совершенно серьезно, провелъ себя руками по груди и громко плюнулъ въ сторону.

— Ага! вотъ значитъ видите, что промахнулись! Ну, ничего, ничего: въ самомъ дѣлѣ не все сразу. Приходите-ка прежде вѣнчаться.

Майоръ еще разъ повторилъ обѣщаніе прійти, и дѣйствительно пришелъ въ назначенный вечеръ къ Евангелу вмѣстѣ съ Катериной Астафьевной, которой майоръ ничего не разсказалъ о своихъ намѣреніяхъ, и потому она была только удивлена, увидя, что невѣрующій Филетеръ Иванычъ, при звонѣ къ вечернѣ, прошелъ вмѣстѣ съ Евангеломъ въ церковь и сталъ въ алтарѣ. Но когда окончилась вечерня и среди церкви поставили аналой, зажгли предъ нимъ свѣчи и вынесли вѣнцы, сердце бѣдной женщины сжалось отъ невѣдомаго страха, и она, оборотясь къ Евангеловой попадьѣ и къ стоявшимъ съ нею Синтянпной и Ларисѣ, залепетала:

— Дружочки мои, а кто же здѣсь невѣста?

— Вѣрно ты,—отвѣчала ей Синтянина.

Катерина Астафьевна потеряпно защипала свою верхнюю губу, что у нея было знакомъ высшаго волненія, и страшно испугалась, когда майоръ взялъ ее молча за руку

и повелъ къ аналою, у котораго уже стоялъ облаченный въ ризу Евангелъ и возглашалъ:

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно.

Во все время вѣнчальнаго обряда Катерина Астафьевна жарко молилась и плакала, обтирая слезы рукавомъ своего поношеннаго, кущаго коричневаго шерстяного платья, межъ тѣмъ какъ гривенниковая свѣча въ другой ея рукѣ выбивала дробь и поджигала скрещенную на ея груди темную шелковую косыночку.

Обрядъ былъ конченъ, и Евангелъ первый поздравилъ майора и Катерину Астафьевну мужемъ и женой.

Затѣмъ ихъ поздравили и остальные друзья, а потомъ всѣ пили у Евангела чай, ходили съ нимъ на его просо и наконецъ вернулись къ скромному ужину и тутъ только хватились: гдѣ же майорша?

Исчезновеніе ея удивило всѣхъ, и всѣ бросились отыскивать ее, кто куда вздумалъ. Искали ее и на кухнѣ, и въ сѣняхъ, и въ саду, и на рубежахъ на полѣ, и даже въ темной церкви, гдѣ, думалось нѣкоторымъ, не осталась ли она незамѣтно для всѣхъ помолиться и не заперъ ли ее тамъ сторожъ? Но всѣ эти поиски были тщетны, и гости, и хозяева впали въ немалую тревогу.

А Катерина Астафьевна межъ тѣмъ сидѣла въ небольшой темной пасѣкѣ отца Евангела и, прислонясь спиной и затылкомъ къ пчелиному улью, въ которомъ изрѣдка раздавалось тихое жужжаніе пчелъ, глядѣла неподвижнымъ взглядомъ въ усѣянное звѣздами небо.

Въ такомъ положеніи отыскалъ ее здѣсь майоръ и, назвавъ ее по имени, укорялъ за безпокойство, которое она надѣлала всѣмъ своею отлучкой.

Катерина Астафьевна, не перемѣняя положенія, только перевела на мужа глаза.

— Пойдемъ ужинать!—звалъ ее майоръ.

— Форовъ! — проговорила она тихо въ отвѣтъ ему: — скажи мнѣ правду: самъ ли ты это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, не самъ.

— Я такъ и думала.

— Да; это попадья меня принудила.

— Не самъ... попадья принудила, — повторила за нимъ съ разстановкой жена, и съ этимъ вдругъ громко всхлипнула, нагнула лицо въ колѣни и заплакала.

— Что же, тебѣ это обидно, что ли? — освѣдомился майоръ.

— Конечно, обидно... очень обидно, Форовъ! — отвѣчала, качая головой, майорша. — Ты самъ въ семь лѣтъ нашей жизни никогда, никогда про меня не вспомнилъ.

— Да я никогда и не позабывалъ про тебя, Тора.

— Нѣтъ, забывалъ; всегда забывалъ. Вѣрно я скверная женщина: не умѣла я заслужить у тебя вниманія.

— Полно тебѣ, Торочка! Какого же еще больше вниманія, когда ты теперь моя жена!

— Нѣтъ, это все не то: это не ты сдѣлалъ, а Богъ такъ черезъ добрыхъ людей учинилъ, чтобы сократить число грѣховъ моихъ, а ты самъ... до сихъ поръ башмаковъ мнѣ не купилъ.

— Что за вздоръ такой? Какіе тебѣ нужны башмаки? Развѣ не у тебя всѣ мои деньги? Я вѣдь въ нихъ отчета не спрашиваю: покупай на нихъ себѣ что хочешь.

— Нѣтъ, это все не то — «покупай», а ты долженъ помнить, когда у тебя въ Крыму въ госпиталѣ на ногѣ рожа была, я тебѣ изъ моего саквояжа большіе башмаки сшила.

— Ну, помню; что жъ далѣе?

— Ты сказалъ мнѣ тогда, что первый разъ какъ выйдешь, купишь мнѣ башмаки.

— Ну?

— Ну, и я вотъ семь лѣтъ этихъ башмаковъ прождала, когда ты ихъ принесешь, и ты ихъ мнѣ не принесъ.

— Э! полно, мать моя, глупости-то такія припоминать! Вставай-ка, да пойдемъ ужинать.

И майоръ взялъ жену за руку и потянулъ ее, но она не поднималась: она продолжала сѣтовать, что ей до сихъ поръ не куплены и не принесены тѣ башмаки, обѣщаніе которыхъ напоминало пожилой Катеринѣ Астафьевнѣ тоже не совсѣмъ молодое и уже давно минувшее время, предшествовавшее безповоротному шагу въ любви ея къ майору.

Филетеръ Ивановичъ, чтобъ утѣшить жену, поцѣловалъ ее въ ея полусѣдую голову и сказалъ:

— Куплю, Тора! честное слово, куплю и принесу!

— Нѣтъ, я знаю, что не принесешь; ты обо мнѣ не можешь думать, какъ другіе о женщинѣ думаютъ... Да, ты не можешь; у тебя не такая натура, и это мнѣ больно

за тебя... потому что ты объ этомъ будешь горько и горько тужить.

— Ну, такъ что жъ, развестись, что ли, хочешь, если я такой подлый?

— Какъ развестись?

— Какъ? Развѣ ты забыла, что вѣдь мы обвѣнчались?

Катерина Астафьевна въ послѣднія минуты своего меланхолическаго настроенія дѣйствительно позабыла объ этомъ, и при теперешнемъ шуточномъ напоминаніи мужа о разводѣ сердце ея внезапно вскипѣло, и она, обхвативъ обѣими руками лохматую голову Форова, воскликнула, глядя на небо:

— Боже мой! Боже мой! за что же Ты послалъ мнѣ, грѣшной, такъ много такого хорошаго счастія?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Языкъ сердца.

Майорша плакала и тужила совсѣмъ не о тѣхъ башмакахъ, о которыхъ она говорила: и башмаки, и бракъ, и все прочее было съ ея стороны только придиркой, предлогомъ къ сѣтованію: душа же ея рвалась къ иному утѣшенію, о которомъ она до сегодняшняго вечера не думала и не заботилась. Зато эта беззаботность теперь показалась ей ужасною и страшною: она охватила все ея существо въ эти минуты ея уединенія и выражалась въ ней тѣми прихотливыми переходами и переливами разнообразныхъ чувствъ и ощущеній, какіе она проявляла въ своей бесѣдѣ съ мужемъ.

— Одного, — говорила она: — одного только теперь я бы желала, и радость моя была бы безмѣрна...—и на этомъ словѣ она остановилась.

— Чего же это?

— Нѣтъ, Форъ, ты этого не поймешь.

— Да попробуй, пожалуйста.

— Нѣтъ, мой Форъ, не зачѣмъ, не зачѣмъ: этого говорить нельзя, если ты самъ не чувствуешь.

— Рѣшительно не чувствую и не знаю, что̀ надо чувствовать,—отвѣчалъ майоръ.

— Ну, и прекрасно: ничего не надо. Встань съ травы, росно,—и вонъ всѣ сюда идутъ.

Съ этимъ майорша приподнялась и пошла навстрѣчу шедшимъ къ ней Евангелу, его попадьѣ, Синтяниной и Ларисѣ.

Въ походкѣ, которою майорша приближалась къ пришедшимъ, легко можно было замѣтить наплывъ новыхъ, овладѣвшихъ ею волненій. Она тронулась тихо и шагомъ неспѣшнымъ, но потомъ пошла шибче и наконецъ побѣжала и, схвативъ за руку попадью, остановилась, не зная, что̀ дѣлать далѣе.

Попадья поняла ее своимъ сердцемъ и заговорила:

— Это не я, душка, не я!

— Ну, такъ ты!—кинулась майорша къ Синтяниной.

— И не я, Катя,—отвѣчала генеральша.

— Ангелы небесные!—воскликнула майорша и, прижавъ къ своимъ губамъ руки попадьи и Синтяниной, впилася въ нихъ нервнымъ, прерывистымъ и страстнымъ поцѣлуемъ, который, вѣроятно, длился бы до новаго истерическаго припадка, если бъ отецъ Евангелъ не подсунулъ шутя своей бороды къ лицамъ этихъ трехъ скученныхъ женщинъ.

Увидавъ предъ собою эту мягкую свѣтлорусую бороду и пару знакомыхъ веселыхъ голубыхъ глазъ, Катерина Астафьевна выпустила руки обѣихъ женщинъ и, кинувшись къ Евангелу, прошептала:

— Ахъ, батюшка... мнѣ такъ досадно: я хотѣла бы предъ этимъ... исповѣдаться... но...

— Но отпущаются тебѣ всѣ грѣхи твои, чадо,—отвѣчалъ добродушный Евангелъ, кладя ей на оба плеча свои руки, которыя Катерина Астафьевна схватила такъ же внезапно, какъ за минуту предъ симъ руки дамъ, и такъ же горячо ихъ поцѣловала.

Потомъ они съ Евангеломъ поцѣловали другъ друга и при этомъ перешепнулись: Форова сказала: «Батюшка, простится ли мнѣ?» а Евангелъ отвѣтилъ: «И не помянется-съ».

И съ этимъ онъ перехватилъ ея руку себѣ подъ руку, а подъ другую взялъ генеральшу и, скомандовавъ: «разъ, два и три!» пустился рѣзвымъ бѣгомъ къ дому, гдѣ на чистомъ столѣ готовъ былъ скромный, даже почти бѣдный ужинъ. Но было за этимъ ужиномъ шумно и весело и раздавались еще послѣ него оживленныя рѣчи, которыя не

всѣ переговорились подъ кровлей Евангела до поздней ночи, и опять возобновились въ саду, гдѣ гости и провожавшій ихъ хозяинъ остановились на минуту полюбоваться тихимъ покоемъ деревьевъ, травъ и цвѣтовъ, облитыхъ блѣдно-желтымъ свѣтомъ луны.

Тутъ, по знаку, данному Евангеломъ, всѣ въ молчаніи стали прислушиваться къ таинственнымъ звукамъ полуночи: то что-то хрустнетъ, то вздохнетъ, шепчетъ и таетъ, и таетъ долго и чуть слышимо уху...

— Люблю эти звуки,—тихо молвилъ Евангелъ:—и ухожу часто сюда послушать ихъ; а на поляхъ и у лѣсовъ, на опушкахъ, они еще чище. Гдѣ дальше человѣческая злоба, тамъ этотъ языкъ сейчасъ и звучнѣе.

Форову это дало случай возразить, что онъ этой сентиментальности не понимаетъ.

— А вотъ Гёте понималъ, — замѣтилъ Евангелъ: — а Іоаннъ Дамаскинъ еще больше понималъ. Припомните-ка поэму Алексѣя Толстого; Іоаннъ говоритъ: «Неодолимый ихъ призывъ меня влечетъ къ себѣ все болѣ... о, отпусти меня, калифъ, дозволь дышать и пѣть на волѣ». Вотъ что говорятъ эти звуки: они выманиваютъ насъ на волю пѣть изъ-подъ сарая.

— Наплевать на этакую волю, чтобы пѣть да дышать только: мнѣ больше нравятся звуки Марсельезы въ рабочихъ улицахъ Парижа,—отвѣчалъ Форовъ.

— Парижъ! городъ! — воскликнулъ съ кроткимъ предостереженіемъ Евангелъ. — Нѣтъ, нѣтъ, не ими освятится вода, не они раскуютъ мечи на орала! Первый городъ на землѣ сгородилъ Каинъ; онъ первый и брата убилъ. Замѣтьте, — создатель города есть и творецъ смерти: а Авель стадо пасъ, и кроткіе наслѣдятъ землю. Нѣтъ, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите въ нее сѣмена, а не башенье стройте, ибо съ башенъ смѣшенье идетъ.

— А въ саду дьяволъ убѣдилъ человѣка не слушаться Бога,—перебилъ майоръ.

— Да; это въ Эдемскомъ саду; но зато въ Геосиманскомъ саду случилось другое: тамъ Богъ самъ себя предалъ страданьямъ. Впрочемъ, вы стоите на той степени развитія, на которой говорится «пѣсть Богъ», и жертвы этой понять

лишены. Спросимъ лучше дамъ. Кто съ майоромъ и кто за меня?

— Всѣ съ вами, — откликнулись попадья, генеральша и майорша.

Лариса вертѣла въ рукѣ одуванчикъ и молчала.

— Ну, а вы, барышня?—отнесся къ ней Евангелъ.

— Не знаю,—отвѣчала она, покачавъ головой, и, обдувъ пушокъ стебелька, бросила его въ траву и сказала: — Не пора ли намъ въ городъ?

Это напоминанье было не особенно пріятно для гостей, но всѣ стали прощаться съ сожалѣніемъ, что поздно, и что надо прощаться съ поэтическимъ попомъ.

Пылкая Катерина Астафьевна даже прямо сказала, что она съ радостью просидѣла бы тутъ до утра и всю жизнь прослушала бы Евангела, но попадья отвѣтила ей:

— А я его никогда не слушаю.

— Господи, какъ всѣ пары курьезно подтасовываются!— воскликнула, смѣясь и усаживаясь въ экипажъ, генеральша.

— Превосходно подтасовываются-съ, превосходно-съ, — отвѣчалъ ей Евангелъ. — Единомысліе недаромъ не даровано, да-съ! Тогда бы *стопъ* вся машина; тоска, скука и сонъ согласія, и заслуги миролюбія нѣтъ. Все кончено! Нѣтъ-съ, а вы тяготы другъ друга носите, такъ и исполните законъ Христовъ.

— А какъ же «возлюбимъ другъ друга»? — замѣтилъ майоръ.

— А такъ: прежде «возлюбимъ другъ друга» и тогда «единомыслiемъ исповѣмы», — отвѣчалъ ему Евангелъ, пожимая руку майора и подставляя ему свою русую бороду.

— Да я уже тебя и люблю, — отвѣчалъ, обнимая его, майоръ.

И они поцѣловались, и съ тѣхъ поръ, обмолвясь на «ты», сдѣлались тѣми неразрывнѣйшими друзьями, какими мы ихъ видѣли въ продолженіе всей нашей исторіи.

Эта дружба противомышленниковъ, соединившихся въ единомыслiи любви, была величайшею радостью Катерины Астафьевны, видѣвшей въ этомъ новую прекрасную черту въ характерѣ своего мужа и залогъ того, что онъ когда-нибудь измѣнитъ свои сужденія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Горшокъ сталкивается съ горшкомъ.

Супружеская жизнь Форовыхъ могла служить явнымъ опроверженіемъ пословицы, выписанной надъ этою главой: у нихъ никогда не было разлада; они не только никогда другъ съ другомъ не ссорились, но даже не умѣли и дуться другъ на друга.

«Стоитъ ли это того, чтобы не ладить?»—говорила себѣ майорша при какихъ-нибудь несогласіяхъ съ мужемъ, и несогласія ихъ ладу не мѣшали.

«Наплевать!» думалъ себѣ майоръ, если не удавалось ему въ чемъ-нибудь убѣдить жену, и тоже не находилъ въ этомъ никакихъ поводовъ къ разладу.

Катерина Астафьевна помнила слова Евангела, что такъ даже и необходимо; да и въ самомъ дѣлѣ, не всѣ ли близкіе и милые ей люди несли тяготы другъ друга? Много начитанный, поэтическій и глубоко проникавшій въ самую суть вещей, Евангелъ проводилъ свою жизнь съ доброю дурочкой и сдѣлалъ изъ нея Пашньку, отъ которой его, однако, потягивало въ поля, помечтать среди ночныхъ звуковъ; Форовъ смирился предъ лампадами Катерины Астафьевны и ѣлъ ради нея цѣлые посты огурцы и картофель, а она... она любила Форова больше всего на свѣтѣ, отнюдь не считая его лучшимъ человѣкомъ и даже скорбя объ его заблужденіяхъ и слабостяхъ. Синтянина... но эта уже несла тяготу, съ которой не могла сравниться тягота всѣхъ прочихъ; всѣ онѣ жили съ добрыми людьми, которыхъ, вдобавокъ къ тому, любили, а та отдала себя человѣку, который былъ мстителенъ, коваренъ, холоденъ...

Глядя на Евангела, Катерина Астафьевна благословляла жизнь въ ея благѣ; сливаясь душой съ душой Синтяниной, она благоговѣла предъ могуществомъ воли, торжествующимъ въ святой силѣ терпѣнія, и чувствовала себя исполненной удивленія и радости о ихъ совершенствѣ, до котораго сама не мечтала достигнуть, не замѣчая, что иногда ихъ даже превосходитъ.

Жизнь ея была такъ полна, что она никуда не хотѣла заглядывать изъ этого мірка, гдѣ предъ нею стояли драгоцѣнные сосуды ея вѣры, надежды и любви.

Но ей былъ нуженъ и еще одинъ сосудъ, сосудъ, въ ко-

торый бы лился фіалъ ея горести: этотъ сосудъ была безсодержательная Лариса.

Мы видѣли, какъ майорша хлопотала то устроить, то разстроить племянницыну свадьбу съ Подозеровымъ и какъ ни то, ни другое ей не удавалось и шло какъ разъ противъ ея желаній. Когда свадьба эта была уже рѣшена, Катерина Астафьевна подчинилась судьбѣ, и даже мало-помалу опять начала радоваться, что племянница устраивается и выходитъ замужъ за честнаго человѣка. Она даже рвалась помогать Ларисѣ въ ея свадебныхъ сборахъ и, смиряя свое кипучее сердце, переносила холодное устраненіе ея отъ этихъ хлопотъ; но того, что она увидѣла на свадебномъ пиру Ларисы, Катерина Астафьевна уже не могла перенесть. Никѣмъ не замѣченная, она ушла домой ни съ кѣмъ не простясь; сняла, разорвавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свое новое шерстяное платье и, легши въ постель, послала кухарку за гофманскими каплями.

Такое поведеніе майорши удивило возвратившагося, черезъ часъ послѣ ея прихода, мужа.

— Ночью посылать женщину за пустыми каплями!.. какая глупость!—заговорилъ онъ, начиная разоблачаться.

Майорша какъ-будто этого только и ждала. Она вскочила и начала майору рацею о томъ, что для него жена не значитъ ничего, и онъ, можетъ-быть, даже былъ бы радъ ея смерти.

— Нѣтъ; я только былъ бы радъ, если бы ты немножечко замолчала,—отвѣчалъ спокойно майоръ.

— Никогда я теперь не замолчу.

— Ну, и очень глупо: ты будешь мѣшать мнѣ спать.

— А ты можешь спать?

— Отчего же мнѣ не спать?

— Ты можешь... ты можешь спать?

— Да, конечно могу! А ты почему не можешь?

— Потому, что я не могу спать отъ мысли, какое несчастіе несходная пара.

— Ну, вотъ еще!.. Наплевать.

И майоръ поставилъ на стулъ свѣчу, взялъ книгу и повалился на диванчикъ.

Майорша дергалась, вздыхала, майоръ читалъ и потомъ вдругъ дунулъ на свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ, но не надолго.

Услышавъ, что мужъ спитъ, Катерина Астафьевна сначала заплакала, и потомъ мало-по-малу разошлась и зарыдала истерически.

— Что, что, что такое съ тобой?—спрашивалъ спросонья майоръ.

Она все рыдала.

— Ну, на вотъ капли,—проговорилъ онъ, вставъ и подавая женѣ принесенный изъ аптеки флаконъчикъ.

Катерина Астафьевна нетерпѣливо отодвинула его руку.

— И изъ-за чего? Изъ-за чего?—ворчалъ онъ.—Люди женились, да что намъ до этого? Не хорошо они будутъ жить, опять-таки это не наше же дѣло. Но чтобъ изъ-за этого не спать ночи...

Но майорша вдругъ снова вскочила и, передразнивая мужа, заговорила:

— «Не спать ночи! Не спать ночи!» Эка невидаль какая, не спать ночь! Вамъ это ничто: подѣломъ вамъ, что вы не спите, а за что вы людямъ-то добрымъ дни и ночи испортили?

— Кто это мы?

— Всѣ вы, вотъ этакіе говоруны!.. Это все ты, сѣдой нигилистъ, да братецъ ея Іосафушка-дурачокъ, да его пріятели такъ Ларочку просвѣтили.

— Попъ Евангелъ же вѣдь ей другое благовѣствовалъ. Отчего же ты съ него за нее не взыскиваешь?

— Попъ Евангелъ! Нечего вамъ про попа Евангела. Вамъ до него далеко; а тутъ ни попъ, ни архіерей ничего не подѣлаютъ, когда на одного попа стало семь жидовинъ. Что отецъ добрый въ душу посадитъ, то лихой гость за одинъ разъ выдернетъ.

— Ну, ты кончила?—вопросилъ, поворачиваясь въ своей постели, майоръ.

— Нѣтъ, не кончила. Вы десятки лѣтъ изъ двора въ дворъ ходите да вездѣ свое мерзкое сомнѣніе во всемъ разносите, а вамъ начнешь говорить,—такъ сейчасъ въ минуту и кончи! Вѣрно, правда глазъ колетъ.

— Я спать хочу.

— А я тебѣ, сѣдой нигилистъ, говорю, что ты не долженъ спать, что ты долженъ стать на колѣни, да плакать, да молиться, да говорить: отпусти, Боже, безуміе мое и положи храненіе моимъ устамъ!

— Ну, ужъ этого не будетъ.

— Нѣтъ будетъ, будетъ, если ты не загрубѣлая тварь, которой не касается человѣческое горе, будетъ, когда ты увидишь, что̀ у этой пары за жизнь пойдетъ, и вспомнишь, что во всемъ этомъ твой вкладъ есть. Да, твой, твой,— нечего головой мотать, потому что если бы не ты, она либо братцевымъ ходомъ пошла, и тогда намъ не было бы до нея дѣла; либо она была бы простая добрая мать и жена, и создала бы и себѣ, и людямъ счастіе, а теперь она что такое?

— Чортъ ее знаетъ что?

— Именно чортъ ее знаетъ что: всякаго сметья по лопатѣ и отъ всѣхъ воротъ поворотъ; а отцы этому дѣлу вы. Да, да, нечего глаза-то на меня лупить; вы не сорванцы, не мерзавцы, а добрые болтуны, неряхи словесные! Вы хуже негодяевъ, вреднѣе, потому что тѣхъ какъ познаютъ, такъ въ три-шеи выпроводятъ, а васъ еще жалѣть будутъ.

— Кончила?

— Нѣтъ, да ты и не надѣйся, чтобъ я кончила.

— А, это другое дѣло!—сказалъ майоръ и, присѣвши на свой диванъ, началъ обуваться.

— Что это: ты хочешь уйти?—вопросила его майорша.

— Да, больше ничего не остается.

— И уходи, батюшка,—не испугаешь; а что̀ сказано, то свято.

— Ты сумасшедшая баба.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, а я знаю о чемъ я сокрушаюсь. Я сокрушаюсь о томъ, что васъ много, что во всякомъ поганомъ городишкѣ дома одного не осталось, куда бы такой короткобрюхій сверчокъ, въ родѣ тебя, съ рацеями не бѣгалъ, да не чирикалъ бы изъ-за печки съ малыми дѣтями!—напирала майорша на Филетера Ивановича, вставъ съ своего ложа.—Ну, куда ты собрался!—и майорша сама подала мужу его фуражку, которую майоръ нетерпѣливо вырвалъ изъ ея рукъ и ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

— А на дворѣ дождь,—сказала, возвратясь назадъ, кухарка, запиравшая за майоромъ калитку.

— Дождь? зимой дождь? Да, правда, весь день была оттепель и моросило.

Катерина Астафьевна присѣла и стала слушать, какъ

капли дождя тихо стучали по ставнямъ, точно гдѣ-то невдалекѣ просо просѣвали.

Въ такомъ положеніи засталъ ее и возвратившійся черезъ часъ, весь измокшій, майоръ.

Онъ вошелъ нѣсколько запыхавшись и, снявъ съ себя мокрое пальто и фуражку, прямо присѣлъ на край женниной постели и проговорилъ:

— Знаешь, Торочка, какія дѣла?

— Нѣтъ, Фоша, не знаю; но только говори скорѣй, Бога ради, а то сердце не на мѣстѣ. Ты *тамъ* былъ?

— Да, почти...

— Сними, дружокъ, скорѣе сапоги, а то они, небось, мокры.

— Нѣтъ, ты слушай, что̀ было. Я вышелъ злой и хотѣлъ пройти вокругъ квартала, какъ вдругъ мнѣ навстрѣчу синтянинскій кучеръ: пожалуйте, говоритъ, къ генералу,— очень просятъ.

— Ну! что у нихъ?

— Ничего.

— Да что ты врешь: какъ ничего?

— Нѣтъ, ты слушай. Я былъ у Синтянина, и выхожу, а дождь какъ изъ ведра, и вѣтеръ, и темь, и снѣгъ мокрый вмѣстѣ съ дождемъ—словомъ халепа, а не погода.

— Бѣдный!

— Нѣтъ, ты слушай: не я самый бѣдный. Выхожу я на улицу, а впереди меня идетъ человѣкъ... мужчина...

— Ну, мужчина?

— Да; въ шинели, высокій... идетъ тихо и вдругъ подошелъ къ углу и этакъ «фю-фю-фю», посвисталъ. Я смотрю, что это такое?.. А онъ еще прошелъ, да на другомъ углѣ опять: «фю-фю-фю», да и на третьемъ такъ же, и на четвертомъ. Кой, думаю себѣ, чортъ: кто это такой и чего ему нужно? да за нимъ.

— Ахъ, Форовъ, зачѣмъ ты это?

— А что?

— Онъ могъ тебя убить.

— Ну, вотъ же не убилъ, а только удивилъ и потѣшилъ. Вижу я, что онъ вошелъ на висленевскій дворъ, и я за нимъ, и хапъ его за полу: что, молъ, вамъ здѣсь угодно? А онъ... однимъ словомъ, узнаешь кто это былъ?

— Боюсь, что узнаю.

— И я боюсь, что ты узнала: это былъ Андрей Подозеровъ.

Катерина Астафьевна только рукой хлопнула по постели.

— Поняла?—спросилъ ее мужъ.

— Да, да, я все поняла, на своемъ пиру да безъ послѣдняго блюда.

— Я ему сказалъ, что если онъ не возьметъ ее отсюда и не уѣдетъ съ нею въ такое мѣсто, гдѣ бы она была съ нимъ одна и гдѣ бы онъ могъ ее перевоспитать...

Но майорша на этомъ словѣ зажала мужу ротъ и сказала:

— Замолчи, сдѣлай свое одолженіе: я не могу этого слушать. Какое перевоспитаніе? Когда мужу перевоспитывать? Это вздоръ, вздоръ, вздоръ! Хорошо перевоспитывать женъ князьямъ да графамъ, а не бѣднымъ людямъ, которымъ надо хребтомъ хлѣба кусокъ доставать.

— Да и уѣхать-то еще на горе нельзя!

— И слава Богу.

— Нѣтъ; бѣда!

— Да говори, пожалуйста, сразу!

— Синтянинъ получилъ изъ Питера важныя вѣсти. Очень важныя, очень важныя. Я всего не знаю, и того, что онъ мнѣ сообщилъ, сказать не могу, но вотъ тебѣ общее очертаніе дѣлъ: Синтянинъ не простилъ своего увольненія.

— Я такъ и думала.

— Нѣтъ, не простилъ! Онъ какъ кротъ копался и, лежа долго на постели, прокопалъ удивительные ходы. Ты знаешь, кто ему ногу подставилъ, что онъ полетѣлъ? Это сдѣлалъ Гордановъ! Теперь понимаешь, какой гусь сей мерзавецъ Гордановъ? Но они ужъ очень заручились и зазнались: Бодростина изъ Парижа въ Петербургъ святою пріѣхала: Данішла пророка вызываетъ къ себѣ, мужъ ея чуть въ Сибирь не угодилъ, и въ этой святой да въ Гордановѣ своихъ спасителей видитъ, а Гордановъ... Да онъ тоже слишкомъ уже полагается на свое, такъ сказать, сверхъестественное положеніе... Синтянина не надуешь; онъ все пронюхалъ и онъ правъ: они не могли все это даромъ дѣлать, по любви къ искусству, нѣтъ; ихъ манитъ преступленіе, большое, страшное и выгодное...

— Да говори, Форочка, говори: вѣдь я не болтунья.

— Синтянинъ думаетъ... что они хотятъ извести Бодростина и...

— И что еще?

— И не своими руками, а...

— Шепни, дружокъ, шепни.

— Тутъ Іосафъ и Лариса должны быть на смѣтѣ.

— Іосафъ и Лариса!.. и Лара!

— Ну, такъ онъ говоритъ.

— О! онъ старый воробей: его не обманешь; но если Гордановъ то, что ты сказалъ, такъ они все совершатъ, и его не уловишь.

— Гордановъ то самое, что я сказалъ. Но ждать не долго. Бодростина, Бодростинъ, Гордановъ и дурачокъ Іосафъ всѣ завтра будутъ сюда, и мы посмотримъ, кто кого: мы ихъ, или они насъ?

— Да ты что же, Форовъ?.. Неужто ты съ Синтянинымъ вмѣстѣ?

— Фуй!.. Богъ меня оборони!—И майоръ перекрестился и добавилъ:—Нѣтъ, теперь нѣтъ союзовъ, а всѣ на ножахъ!

Но Катерина Астафьевна не слыхала этихъ послѣднихъ словъ. Она только видѣла, что ея мужъ перекрестился и, погруженная въ свои мысли, не спала всю ночь, ожидая утра, когда можно будетъ идти въ церковь и потомъ на смертный бой съ Ларисой.

Оглавленіе

XXV ТОМА.

НА НОЖАХЪ.

Романъ въ 6 частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Кровь.

	стр.
VII. Краснѣютъ стѣны	5
VIII. Не краснѣющіе	11
IX. Подъ крыломъ у темной ночи	18
X. Послѣ скобеля топоромъ	24
XI. Крестъ	33
XII. Лариса не узнаетъ себя	37
XIII. Въ ожиданіи худшаго	39
XIV. Въ ожиданіи смерти	43
XV. Секретъ	47
XVI. Ходитъ сонъ и дрема говоритъ	60
XVII. Черный день	63
XVIII. Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыплются шишки.	66
XIX. Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла	71

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Мертвый узелъ.

I. Тикъ и такъ	76
II. Гдѣ обрѣтается Форовъ	78
III. Каково поживаютъ другіе.	80
IV. Кошка и мышка	83
V. Nota bene на всякій случай	85

стр.
VI. Итогъ для новой смѣты 87
VII. Черная немочь. 90
VIII. Нѣмая исповѣдь 95
IX. Безъ покаянія 97
X. Съ толку сбила 99
XI. Брильянтъ и янтарь 104
XII. Указъ объ отставкѣ 107
XIII. Собака и ея тѣнь 110
XIV. Раненаго берутъ въ плѣнъ 116
XV. Роза изъ сугроба. 121
XVI. На курьерскихъ 127
XVII. Еще шибче 131
XVIII. Майоръ и Катерина Астафьевна 137
XIX. О тѣхъ же самыхъ 143
XX. Еще о нихъ же 147
XXI. Свадьба Форовыхъ. 152
XXII. Языкъ сердца 156
XXIII. Горшокъ сталкивается съ горшкомъ 160

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Невскій пр., № 29.

НА НОЖАХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ТЕМНЫЯ СИЛЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Два Вавилона.

Пока въ маленькомъ городкѣ люди оживали изъ мертвыхъ, женились и ссорились, то улаживая, то разстраивая свои маленькія дѣлишки, другіе герои нашего разсказа заняты были дѣлами если не болѣе достойными, то болѣе крупными. Парижъ дѣятельнѣйшимъ образомъ сносился съ Петербургомъ объ окончаніи плана, въ силу котораго Бодростина должна была овдовѣть, получить всю благопріобрѣтенную часть мужнина состоянія и наградить Горданова своею рукой и богатствомъ.

Бель-этажъ большого дома на Литейной, гдѣ жилъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ и Павелъ Николаевичъ Горденовъ, почти ежедневно корреспондировалъ съ небольшимъ, но удобнымъ и хорошо меблированнымъ отдѣленіемъ маленькаго Hôtel de Marc въ rue de Seine, гдѣ обитала Глафира Васильевна, и наверху, двумя этажами выше надъ нею, мѣстился въ крошечной мансардѣ Іосафъ Платоновичъ Висленевъ.

Формы постоянныхъ сношеній этихъ двухъ ложементовъ разнообразны и многоразличны, но по характеру ихъ было ясно, что Парижъ играетъ, а Петербургъ пляшетъ подъ звуки волшебной флейты. Писалъ ли изъ Петербурга въ

Парижъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ или Гордановъ, или, вѣроятно многими позабытый, счастливый чухонецъ Генрихъ Ропшинъ, все выходило одно и то же: рѣзкія и шутливыя, даже полунасмѣшливыя письма Бодростина, короткіе и загадочные рапорты Горданова и точныя донесенія Ропшина,—все это были матеріалы, при помощи которыхъ Глафира Васильевна подготовляла постановку послѣдней драмы, которую она сочинила для своего бенефиса, сама расписавъ въ ней роли. Все шло къ тому, что надо было три раза хлопнуть въ ладоши и занавѣсъ взовьется, и предъ зрителемъ совершится актъ хитраго и далеко разсчитаннаго злодѣйства безъ наказанія порока и безъ торжества правды.

Всеобщее нетерпѣніе по ту и по другую сторону завѣсы давно тихо шепчетъ слово «пора» и, наконецъ, это слово громко произносится самимъ геніемъ всей исторіи, Глафирой.

Въ самомъ дѣлѣ, ей пора восторжествовать и успокоиться: ей, можетъ-быть, болѣе чѣмъ всѣмъ надоѣли всѣ эти осторожные подходы, личины и маскарадъ.

Кто не видалъ Глафиру Васильевну съ той поры, какъ она разсталась съ Гордановымъ въ Москвѣ, тотъ непремѣнно долженъ былъ бы крайне удивиться перемѣнѣ, происшедшей въ ней въ теченіе ея полугодового отсутствія изъ Россіи. Житье въ Парижѣ до такой степени ее измѣнило, что человѣку, не очень пристально въ нее вглядывающемуся, даже вовсе не легко было бы ее узнать. Сверкающая красота ея померкла; глаза, вмѣсто прежняго пламеннаго, обдающаго жаромъ взгляда, смотрятъ только тревожно, остро и подозрительно; у угловъ губъ пролегла тонкая морщинка; подъ глазами замѣтны темноватые круги, и вся кожа, такъ недавно вызывавшая у стараго Бодростина комплименты ея свѣжести и аромату, подцвѣтилась желтоватымъ янтарнымъ отливомъ.

Глафира была теперь янтарь, но янтарь забытый, залежавшійся и какъ-будто утратившій всю свою электрическую силу отъ долгаго бездѣйствія. Однако, это, можетъ-быть, такъ только казалось. Взглянемъ на нее поближе.

Парижское утро начинается очень рано въ томъ, далеко не аристократическомъ кварталѣ, гдѣ среди rue de Seine мѣстился незамѣчательный Hôtel de Magot, избранный по

особымъ соображеніямъ Бодростиной для ея жительства. На зарѣ звонкія плиты узкихъ тротуаровъ оглашаются громкимъ хлопаньемъ тяжелой обуви работниковъ, рано покидающихъ свои постели и поспѣшающихъ къ дѣлу. Вслѣдъ затѣмъ раздаются звонки и слышится стукъ желѣзныхъ скобъ у дверей лавченокъ, гдѣ эти же рабочіе добиваются получить свою утреннюю порцію мутнаго абсенту; затѣмъ гремятъ фуры перевозчиковъ мебели, бѣгутъ комиссіонеры съ своими носилками, кухарки со своими саками, гризетки со своими корзинками и кошками, и... день насталъ со всею его суетой: спать невозможно.

Лучшее помѣщеніе, которое занимала въ скромномъ отелѣ Глафира Васильевна Бодростина, въ этомъ отношеніи было самое худшее, потому что оно выходило на улицу, и огромныя окна ея невысокаго бель-этажа нимало не защищали ее отъ ранняго уличнаго шума и треска. Поэтому Бодростина просыпалась очень рано, почти одновременно съ небогатымъ населеніемъ небогатаго квартала; Висленевъ, комната котораго была гораздо выше надъ землей, имѣлъ больше покоя и могъ спать дольше. Но о немъ рѣчь впереди.

Кварталъ уже болѣе получаса тому назадъ простучалъ и прогремѣлъ свою утреннюю тревогу, и подъ окнами Hôtel de Marc уже закурилась жаровня жарильщицы каштановъ, когда въ одномъ изъ оконъ бель-этажа зашевелилась густая занавѣса, и Глафира Васильевна, стуча деревянными каблучками изящныхъ туфель, потянула шнуры оконной шторы и, взявъ съ камина небольшой, старинной работы, ящичекъ изъ сердолика съ янтаремъ и бирюзой, снова легла въ свою постель.

Часъ былъ еще ранній, и Бодростина, не желая звать прислугу, открыла свой античный ящикъ и стала перебирать аккуратно сложенныя въ немъ письма.

Солнце, не смотря на ранній часъ утра, уже тепло освѣщало комнату, меблированную высокою старинною мебелью, и въ нишѣ, гдѣ помѣщалась кровать Глафиры, было столько свѣта, что наша героиня могла свободно пробѣгать открытый ею архивъ. Она этимъ и занималась, она его пробѣгала, безпрестанно останавливаясь и задумываясь то надъ тѣмъ, то надъ другимъ листкомъ, и затѣмъ опять брала новые.

По сосредоточенному выраженію ея лица нельзя было усомниться, что предъ ней лежали не бальныя записочки

и не родственныя письма о бабушкиномъ здоровьѣ, а переписка дѣловая и строгая, требующая провѣрки прошлому, обозрѣнія настоящему и рѣшенія въ будущемъ.

Вотъ въ ея рукахъ бѣлый листокъ толстой бумаги съ переплетеннымъ вензелемъ «М. Б.» Это первое письмо, полученное Глафирой за границей отъ ея мужа. Письмо не длинно,—оно начинается на одной страницѣ и кончается на другой. Въ немъ Михаилъ Андреевичъ отвѣчаетъ женѣ на ея, полное негодованія, письмо, по поводу дошедшихъ до нея слуховъ о его романѣ съ княгиней Казимирой Антоновной Вахтерминской. Михаилъ Андреевичъ извиняется предъ женой, что онъ отвѣчаетъ ей не скоро, потому что долго былъ очень занятъ однимъ весьма выгоднымъ предпріятіемъ и потомъ, не опровергая слуха о княгинѣ Казимирѣ, отшучивается довольно наглою шуткой, добавляя:

— А что касается до вашихъ предостереженій меня насчетъ ея предательскаго нрава, то будьте, chère amie, спокойны и на мой, и на свой счетъ, потому что je la tiens hors de vue.

Вотъ другіе листки иной, совсѣмъ ординарной бумаги, иногда короткіе и не дописанные, иногда же исписанные вдоль и поперекъ твердымъ, ровнымъ почеркомъ: это письма Горданова. Ихъ много, даже можно бы сказать ихъ слишкомъ много, если бы число ихъ пришлось сравнивать съ короткими письмами Бодростина, но довольно многочисленныя письма Горданова исчезали среди цѣлаго вороха высыпанныхъ Глафирой на колѣни скромныхъ листковъ синеватой клѣтчатой бумаги, исписанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ Ропшина. Чухонецъ былъ вѣрнѣе всѣхъ и писалъ Глафирѣ аккуратно почти всякій день въ теченіе всего ея отсутствія.

Два остальныхъ письма Бодростина, изъ которыхъ одно послѣдовало чрезъ три мѣсяца послѣ перваго, а другое—совсѣмъ на-дняхъ, были очень коротки и лаконичны. Въ первомъ изъ нихъ Бодростинъ опять извинялся предъ женой, что онъ ей за недосугомъ не пишетъ; говорилъ о своихъ обширныхъ и выгодныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, которыя должны его обогатить и, наконецъ, удивлялся женѣ, чего она сидитъ въ Парижѣ и еще, вдобавокъ, въ этомъ отвратительномъ кварталѣ гризетъ и студентовъ. «Я этого не могу понять,—добавлялъ онъ:—если бы ты была старѣе

пятнадцатью или двадцатью годами, я бы готовъ былъ повѣрить, что ты *заинтересовалась* юношескою любовью какого-нибудь студіозуса; но ты еще молода для такой глупости. Спиритизму же твоему, я признаюсь тебѣ, что ты хочешь дѣлай, не вѣрю, и когда Гордановъ недавно сказалъ мнѣ съ чьихъ-то словъ, что ты живешь въ Hôtel de Marc, потому что тамъ близко обитаетъ какой-то генералъ вашего ордена, котораго посѣщаетъ *самъ* Алланъ Кардекъ, мнѣ это даже сдѣлалось смѣшно. Hôtel de Marc и Алланъ Кардекъ—конечно, даже одно соединеніе этихъ звуковъ имѣетъ нѣчто внушающее, но что касается до генерала, то у тебя не можетъ быть такого дурного вкуса... Кстати здѣсь, гдѣ теперь такъ много, очень много даже, можетъ-быть слишкомъ много молодыхъ генераловъ, мною замѣчено, что какъ бы ни былъ молодъ генералъ, отъ него непремѣнно начинаетъ пахнуть старыми фортепіано. Особый и необъяснимый въ естествознаніи законъ... Да неужто же, ma chère, ты въ самомъ дѣлѣ еще склонна во что-нибудь вѣрить и особенно вѣрить въ такую чепуху, какъ спиритизмъ? А впрочемъ, ma foi, всѣ вѣры одинаково нелѣпы, и потому дѣлай что хочешь», заканчивалъ Михаилъ Андреевичъ, и въ post-scriptum освѣдомлялся о Висленевѣ, называя его «рыцаремъ печальнаго образа и эсклавомъ, текущимъ за колесницей своей побѣдительницы».

Третье, самое недавнее письмо говорило, что Михаилъ Андреевичъ на сихъ лишь дняхъ едва свалилъ съ шеи большія и совершенно непредвидѣнныя хлопоты, и очень радъ будетъ вырваться домой въ деревню, гдѣ, по его распоряженію, быстро идутъ постройки фабрики и заводовъ, на конхъ будутъ выдѣлываться въ обширномъ размѣрѣ разные животные продукты.

Глафира Васильевна знала всѣ эти «большія и совершенно непредвидѣнныя обстоятельства», о которыхъ такъ коротко извѣщалъ ее мужъ, и знала даже и то, что онъ еще вовсе не свалилъ ихъ съ шеи и что ему не уѣхать изъ Петербурга безъ ея помощи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нимфа и Сатиръ.

Изъ обстоятельныхъ донесеній Горданова, заплетавшаго узлы вокругъ престарѣлаго Бодростина, и изъ подробнѣй-

ихъ отчетовъ Ропшина, шпіонившаго за Гордановымъ съ усердіемъ ревниваго влюбленнаго, всячески старающагося опорочить и унизить своего соперника (каковымъ Ропшинъ считалъ Горданова), Глафира знала все и могла повѣрить всякую математическую выкладку дѣйствіемъ обратнымъ. Ропшинъ зорко слѣдилъ и за Гордановымъ, и за Кишенскимъ, который входилъ въ компанію съ Бодростинымъ въ качествѣ капиталиста и предалъ его, при посредствѣ жены Висленева, въ руки ловкой княгини Казимиры. Неблазный чухонецъ доносилъ Глафирѣ на всю эту компанію, обвиняя ее въ такихъ козняхъ и каверзахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ заключали въ себѣ много возмутительнаго, но тѣмъ не менѣе не возмущали Глафиры. Для нея ничто не было ново: ни подлость Горданова, ни дряблая, старческая вѣтреность мужа, ни характеръ продѣлокъ Казимиры, и отчеты Ропшина ей были нужны только затѣмъ, чтобы повѣрять образъ дѣйствій Павла Николаевича, которымъ Глафира теперь имѣла основаніе быть совершенно довольною. Гордановъ велъ дѣло именно такъ, какъ было нужно Глафирѣ. Пользуясь слабостью Бодростина къ его уму и талантамъ, онъ тотчасъ же, по прибытіи въ Петербургъ, возобладалъ и двумя другими его слабостями. Онъ раздражилъ и раздулъ въ немъ духъ промышленной предпріимчивости, игравшій въ Михаилѣ Андреевичѣ всегда, и особенно возбужденный въ послѣдніе годы при безобразномъ разгарѣ всеобщей страсти къ быстрой наживѣ. Но особенно посчастливилось Павлу Николаевичу сблизиться съ мужемъ Глафиры, благодаря княгинѣ Казимирѣ, которая очаровала Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго, залучившаго къ себѣ Михаила Андреевича для ознакомленія съ одною изъ тѣхъ аферъ, которыми ловкіе столичные люди какъ сѣтями улавливаютъ заѣзжихъ въ столицу предпріимчивыхъ людей провинціальныхъ. Волокитство старика за Казимирой началось съ первыхъ же дней ихъ встрѣчи, и Ципри-Кипри очень мало преувеличивала положеніе дѣлъ, описанныхъ ею въ извѣстномъ намъ письмѣ ея къ Подозерову. Но ухаживанье Бодростина за великолѣпною княгиней до пріѣзда Горданова ограничивалось стороной чисто художественной. Михаилъ Андреевичъ, изжившій весь свой вѣкъ то въ доморощенномъ помѣщичьемъ развратѣ, то въ легкихъ побѣдахъ надъ легкими же дамами губернскаго бомонда, гдѣ вниманіе Бодро-

стина всегда высоко цѣнилось, сохранилъ очень много охоты къ дѣламъ этого сорта и, встрѣтивъ красивую и шикарную княгиню, почувствовалъ неодолимое влеченіе поклоняться ея красотѣ. Кишенскій замѣтилъ это и не далъ этой искрѣ погаснуть. Онъ немедленно же появился въ небогатомъ нумерѣ, куда Казимира пріѣхала съ желѣзной дороги вмѣстѣ съ польскимъ скрипачомъ и съ золотою рыбкой, которую привезла въ маленькомъ изящномъ акваріи. Кишенскій, окинувъ взоромъ занимаемое Казимирой помѣщеніе и ея необременительный багажъ и выждавъ минуту, когда скрипачъ оставилъ ихъ вдвоемъ tête-à-tête, прямо и безцеремонно спросилъ:

— Вы вся тутъ, ваше сіятельство?

— Вся,—отвѣчала княгиня.

— Такъ надо, значитъ, у кого-нибудь перехватить.

— Ну, у кого же?—полюбопытствовала княгиня.—У васъ вѣдь не перехватишь, не дадите.

— У меня!.. про меня и говорить нечего: я и не дамъ, да у меня и нѣтъ суммъ, которыя были бы достойны такой дамы, какъ вы, а вотъ вчерашняго барина у меня вы не запримѣтили ли?

— Да это, кажется, Бодростинъ?

— Кажется, — повторилъ, улыбаясь, Кишенскій. — Ахъ, матушка, ваше сіятельство: развѣ можно такъ говорить про такой кусочекъ?

— А что такое?

— Да какъ же-съ: это *именно* Бодростинъ; то есть *онъ самъ*, настоящій.—Бодростинъ, старой подруги вашей Глафиры Акатовой законный супругъ и обладатель ея прелестей, которыя, между нами говоря, всѣ одного вашего мизинчика не стоятъ и... кромѣ того обладатель цѣлыхъ двутьму динаріевъ, пенязей, злотницъ и вороховъ зерна бурмитскаго.

— Что же ему здѣсь нужно?

— Да вотъ подите же: еще богаче быть хочетъ. Это ужъ такова человѣческая алчность вообще, а у него въ особенности. Онъ на все жаденъ, и его за это Богъ накажетъ.

— А что такое?

— Да какъ же, развѣ вы вчера ничего не замѣтили?

— Рѣшительно ничего. А что же такое, скажите пожалуйста?

— Какъ вы вчера не замѣтили, какъ онъ въ васъ стрѣлялъ взорами?

— Ну, ужъ это сочиненіе!—молвила, закраснѣвшись, Казимира. Она живо сознавала и чувствовала, что Кишенскій говоритъ правду и что онъ замѣтилъ именно то самое, что она и сама замѣтила, и идетъ именно прямо къ тому, что ее занимало въ ея затруднительнѣйшемъ положеніи, безъ гроша денегъ и со скрипачомъ, и золотою рыбкой.

Кишенскому не было ни малѣйшаго труда прочесть и истолковать себѣ смущеніе Казимиры, и онъ, нимало не медля, тронулъ ее слегка за руку и сказалъ самымъ коротким тономъ:

— Ну, такъ, матушка-княгиня, и прекрасно. Этой первой мысли, теперь васъ посѣтившей, и не перемѣняйте. Такъ и будетъ сдѣлано. Понимаете: сдѣлано честно, безкорыстно, безъ всякаго куртажа.

Казимира еще болѣе покраснѣла и пролепетала:

— Что вы это такое?.. почему вы знаете мои теперешнія мысли?

— Знаю-съ,—отвѣчалъ смѣло жидъ.

— Я вовсе и не думаю о Бодростинѣ, и что онъ мнѣ такое?

— Онъ?.. онъ ничего, дрянь, старый мѣшокъ съ деньгами, а... ваше сіятельство—женщина съ сердцемъ, и тотъ, кого вы любите, бѣденъ и сиръ... Правду я говорю? Надо *чѣмъ-нибудь* пожертвовать,—это лучше, чѣмъ все потерять, матушка-княгиня.

Матушка-княгиня не возражала, но благодарно пожала мошенническую руку Кишенскаго, а тотъ позже внушалъ Михаилу Андреевичу, что для пріобрѣтенія настоящаго апломба въ средѣ крупныхъ дѣльцовъ Петербурга надо не пренебрегать ничѣмъ, на чемъ можно основать свою силу и значеніе. Перечисляя многоразличные атрибуты такой обстановки, Кишенскій дошелъ и до совѣта Бодростину блеснуть блестящею женщиной.

— Эта статья нынче много вѣситъ и заставляетъ говорить о человѣкѣ,—рѣшилъ онъ, и затѣмъ смѣло посовѣтовалъ Бодростину не пренебрегать этою статьей, тѣмъ болѣе, что она можетъ доставлять пріятное развлеченіе.

— Согласенъ, батюшка, съ вами,—отвѣчалъ ему Бодростинъ: —но, во-первыхъ, я старъ...

— Ну, это не резонъ, — перебилъ его Кишенскій: — старому утѣха нужнѣе, чѣмъ молодому.

— Пожалуй, что вы и правы, но вѣдь я, какъ знаете, женатъ.

— Ну, помилуйте, кто же въ наше время изъ порядочныхъ людей съ женами живетъ? У насъ въ Петербургѣ ужъ и приказные нынче это за мовстонъ считаютъ.

— Канальи!

— Да; что канальи, не они въ томъ виноваты, а это ужъ таковъ вѣкъ. А къ тому же вѣдь я это совѣтую вамъ не въ серьезъ, а только для блезиру и притомъ имѣя въ виду одно случайное обстоятельство.

— Случайное обстоятельство?

— Да.

— Въ этомъ родѣ?

— Да, въ этомъ родѣ.

— Что же это такое: ужъ не ту ли вы француженочку хотите отбить у графа, что была съ нимъ вчера на пуантѣ?

— Ну, вотъ: нашли что отбивать: — француженку! Что она такое значитъ?

— Ну, нѣтъ, вы этого не говорите: она хороша.

— Хороша-съ, чортъ ее знаетъ что̀ она такое; безъ рода, безъ племени. Нѣтъ, надо изловить знаменитость.

— Пѣвицу или танцовщицу что-ль?

— Ну, что за танцовщицы! Нѣтъ, надо блеснуть дамочкой изъ свѣта, съ именемъ и, пожалуй, съ титуломъ, и я въ томъ смыслѣ веду съ вами и рѣчь. Вы видѣли у меня вчера княгиню Вахтерминскую?

— Прелесть!

— Надѣюсь, что прелесть, а у нея, кажется, дорожный баулъ пустенекъ и...

— Да будто вы это считаете возможнымъ? — вопросилъ въ недоумѣніи Бодростинъ.

— То-есть я ничего особеннаго не считаю возможнымъ, но вполнѣ увѣренъ въ одной возможности крайне обязать и разодолжить ее при ея нынѣшнихъ обстоятельствахъ и сдѣлать ее своею attachée, бывать съ нею, гдѣ съ такими дамами принято быть; принимать въ ея домѣ...

— Но, позвольте, — возразилъ Бодростинъ: — я замѣтилъ, что при ней этотъ польскій скрипачъ.

— Ага, вы это замѣтили! Я тоже замѣтилъ, что вы это взяли на примѣчаніе. О, да вы ходокъ по этой части!

— Да какъ же не замѣтить: вѣдь это сейчасъ видно.

— Ну, и пускай себѣ будетъ видно: этими господами стѣсняться нечего, да и это,-наконецъ, ужъ ея дѣло или ихъ общее дѣло, а не наше. Мы же свое начнемъ по порядку, оно у насъ порядкомъ тогда и пойдетъ. Вотъ она теперь третью недѣлю живетъ въ нумеркѣ, и вѣдь она же, не видя этому никакого исхода, конечно о чемъ-нибудь думаетъ.

— Конечно.

— То-то-съ что «конечно». А о чемъ въ такомъ положеніи думаютъ дамы, у которыхъ нить благодатнаго притока оборвалась,—это вамъ тоже должно быть извѣстно.

— По крайней мѣрѣ догадываться можно.

— Да-съ, можно даже и не ошибаться. Такъ вотъ у нея теперь первое и даже самое страстное, пожалуй, желаніе имѣть свой ложементъ, то-есть хорошенькую уютную квартирку и пару сѣренькихъ лошадокъ съ колясочкой, хоть не очень сердитой цѣны. И все это она, разумѣется, приметъ съ нѣжнѣйшею благодарностью.

— Вы думаете?

— Да непремѣнно такъ-съ, приметъ и еще съ нѣжнѣйшею благодарностью и обязательствомъ, чтобъ этотъ ея скрипачъ поселился отдѣльно, и она вошла бы въ приготовленный нами для нея уголокъ съ одною золотою рыбкой. И мы будемъ навѣщать ее въ одиночествѣ и любоваться, какъ ея золотая рыбка плещется, потомъ иногда прокатимся съ ней на ея коняшкахъ попросту: вы рядкомъ съ ней, а я на передней лавочкѣ.

— Что же, это все ничего... то-есть это очень пріятно.

— Да и воистину-съ, чтобы вы знали, пріятно и вамъ и мнѣ, потому что я по всѣмъ этимъ мѣстамъ рыщу по своей обязанности фельетониста. Знаете, вѣдь «эпиграмма-хохотунья трется, вьется средь народа, и тутъ, увидѣвши урода, ему и вцѣпится въ глаза». Таковъ нашъ хлѣбъ, и вотъ какъ собакѣ снится хлѣбъ, а рыбка—рыбаку, я и проектирую наши будущія parties de plaisir: мнѣ хлѣбъ, а вамъ рыбка. Идетъ, что ли? Надо пользоваться обстоятельствами и временемъ, иначе, извините меня, я знатокъ въ такихъ дѣлахъ: этакая женщина, какъ Казимира. съ ея наруж-

ностью, именемъ и ласками, долго въ запамяти въ Пстербургѣ не останется и далеко пойдетъ.

Бодростинъ, которому Казимира нравилась безмѣрно и который млѣлъ отъ одной мысли завладѣть ею на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, разрѣшилъ Кишенскому пользоваться и временемъ, и обстоятельствами, и не прошло недѣли, какъ прекрасная Казимира пріѣхала къ Михаилу Андреевичу на своихъ лошадяхъ и въ своей коляскѣ просить его о какомъ-то ничтожномъ совѣтѣ и тутъ же пригласила его въ свой салонъ и при этомъ нѣжно, нѣжно и крѣпко пожала его руку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба—рыбаку.

Съ сихъ поръ Михаилъ Андреевичъ сдѣлался хозяиномъ Казимирныхъ апартаментовъ и опекуномъ жизни «маленькой княгини»; но все это ограничивалось для него лишь правомъ бесѣдовать съ нею вдвоемъ, цѣловать ея ручки, щекотать перышкомъ ея шейку и платить ея большіе, большіе расходы по счетамъ, шедшимъ чрезъ руки Кишенскаго и непомѣрно возраставшимъ отъ его прикосновенія.

Механика, устроенная Кишенскимъ, шла прекрасно: Бодростинъ не успѣлъ оглянуться, какъ Казимира сдѣлалась его потребностью: онъ у нея отдыхалъ отъ хлопотъ, она его смѣшила и тѣшила своею граціозною игривостью и остроуміемъ, взятыми на память изъ Парижа; у нея собирались нужные Бодростину люди, при посредствѣ которыхъ старикъ одновременно раскидывалъ свои широкіе коммерческіе планы и въ то же время молодѣлъ душой и тѣломъ.

Скрипачъ не мѣшалъ ничему. Кишенскій, бывшій душой всего этого дѣла, все обставилъ безукоризненно, и самъ пилъ, ѣлъ, золотилъ руки и наслаждался, лелѣя дальновидный планъ обобрать Бодростина въ конецъ. Плана этого Кишенскій, разумѣется, не открывалъ никому, а тѣмъ менѣе Казимирѣ, которая съ перваго же шага смѣтила, что верткій фельетонистъ, шпіонъ, соціалистъ и закладчикъ, хлопочетъ не даромъ и не изъ-за того, чтобы только попить и поѣсть у нея на Бодростинскій счетъ. Но она не шла далѣе предположенія, что Кишенскій устроилъ ея карьеру съ тѣмъ, чтобы поживиться отъ счетовъ и расходовъ. Она легко смекнула, что если это дѣло пойдетъ такимъ тече-

ніемъ на годъ, на два, то Кишенскій можетъ нажить съ этой сдѣлки шесть-семь тысячъ рублей. Казимирѣ было жаль этихъ денегъ, но съ другой стороны она не могла разсчитывать, чтобъ исторія эта потянулась на годъ, на два. Она понимала, что какъ ни очаровался ею Бодростинъ и какъ заботливо ни станетъ она охранять это очарованіе, старикъ все-таки не поставитъ ради ея на карту все свое положеніе, и недалеко время, когда сѣрымъ лошадямъ станетъ нечего ѣсть и нечѣмъ будетъ платить за роскошный ложементъ, и не на что станетъ жить бѣдному скрипачу, изгнанному изъ квартиры княгини и удостоивавшемуся отъ нея ласки и утѣшенія въ уютныхъ двухъ комнаткахъ, нанятыхъ имъ отдѣльно vis-à-vis съ квартирой Казимиры.

Скрипачъ, взирая по вечерамъ на освѣщенныя окна княгининыхъ апартаментовъ, тоже смекалъ, что все это непрочно, что все это можетъ кончиться прежде, чѣмъ успѣешь спохватиться.

При такомъ согласіи во взглядѣ влюбленныхъ они нашли случай другъ съ другомъ объясниться, и результатомъ ихъ переговоровъ у Казимиры явилось рѣшеніе попросить у Бодростина тысячу рублей взаймы безъ посредства Кишенскаго. Рѣшеніе это удалось безъ малѣйшаго затрудненія и притомъ съ соблюденіемъ полнѣйшаго достоинства. Черезъ мѣсяцъ заемъ повторился еще на одну тысячу, а немного спустя встрѣтился еще экстренный случай, по которому потребовалось три тысячи... Бодростинъ все давалъ, но наконецъ и ему наскучило давать, да и Казимирѣ стало неловко просить. Тогда въ одинъ прелестный день Кишенскій, посѣтивъ свои редакціи, гдѣ въ одной онъ гремѣлъ противъ распущенности современныхъ нравовъ, а въ другой — настрочилъ сквозной намекъ о нѣкоей очаровательной княгинѣ В., возвратился домой и, сидя за ширмой въ закладной комнатѣ, слышалъ, какъ кто-то толкнулся съ просьбой ссуды подъ вексель г. Бодростина.

Кишенскаго это изумило. Никакъ не думая, чтобы Бодростинъ могъ нуждаться въ наличныхъ деньгахъ, Кишенскій принялъ изъ рукъ дамы-посредницы вексель, списалъ его въ памятную книжечку и возвратилъ съ отказомъ въ дисконтѣ.

Ему, можетъ-быть, слѣдовало бы извѣстить объ этомъ Бодростина, но долговременная жизнь на ножахъ отуманила его прозорливость и отучила его отъ всякой искренности.

«Чего добраго, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Бодростинъ совсѣмъ не такъ благонадеженъ, какъ говорятъ»,—думалъ Кишенскій и продолжалъ помалчивать.

Время шло. Михаилъ Андреевичъ расходовался самъ на свои предпріятія и платилъ расходы Казимиры, платилъ и расходы Кишенскаго по отыскиванію путей къ осуществленію великаго дѣла освѣщенія городовъ удивительно дешевымъ способомъ, а Кишенскій грѣлъ руки со счетовъ Казимиры и рвалъ куртажи съ тѣхъ ловкихъ людей, которымъ предавалъ Бодростина, расхваливая въ газетахъ и ихъ самихъ, и ихъ геніальные планы, а между тѣмъ земля, полнящаяся слухами, стала этимъ временемъ доносить Кишенскому вѣсти, что то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, еще и еще проскальзываютъ то собственные векселя Бодростина, то бланкированные имъ векселя Казимиры.

Кишенскій заподозрилъ, что дѣло что-то нечисто, и сообщилъ о томъ женѣ Висленева, которая поэкзаменовала Казимиру и, замѣтивъ въ ней нѣкоторое смущеніе, пришла къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, что и Кишенскій. Тутъ непремѣнно должна была крыться какая-нибудь темная штука. Тихонъ Ларіоновичъ понялъ, что княгиня хотѣла его одурачить, и рѣшился наказать ее. Онъ могъ бы наказать ее и больно, открывъ всю эту исторію Бодростину, но этимъ бы все разстроилось, и самъ Кишенскій лишился бы хорошихъ доходовъ. Онъ предпочелъ только *проучить* «маленькую княгиню» и, удалясь подъ различными предлогами отъ участія въ ея дѣлахъ съ Бодростинымъ, поговорилъ о своихъ подозрѣніяхъ при Ципри-Кипри, результатомъ чего явилось извѣстное письмо послѣдней къ Подозерову. Кишенскій думалъ пугнуть ихъ Глафирой и промахнулся,—той это было только на-руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Другой рыбакъ съ иною отвагой.

Командированный въ силу этихъ извѣстій Гордановъ засталъ дѣло въ тяжкомъ кризисѣ. Кишенскій прятался и писалъ въ своихъ фельетонахъ намеки на то самое мошенничество, которое самъ устроилъ; Михаилъ Бодростинъ былъ смущенъ полученными имъ по городской почтѣ анонимными письмами, извѣщавшими его, что указываемое въ такой-то газетѣ дѣло о фальшивыхъ векселяхъ непосредственно ка-

сается его. Съ одной стороны угрожающій по этому случаю скандалъ, а съ другой — подрывъ кредита раздражалъ его безмѣрно, и смущенный старикъ довѣрялъ свою досаду одной Казимирѣ, но та на эту пору тоже не находила у себя для него запаса утѣшеній.

Внезапное прибытіе Горданова въ Петербургъ въ эти смятенные дни было для Михаила Андреевича величайшею радостію. Онъ все разсказалъ Горданову и попросилъ его разыскать, въ чемъ можетъ заключаться дѣло, и вывести все на чистую воду, если можно, однако, безъ всякой огласки.

Гордановъ взялся все обдѣлать и поскакалъ. Онъ побывалъ, гдѣ зналъ, въ разныхъ мѣстахъ и потомъ у Кишенскаго, который, при видѣ его, улыбнулся, сгасъ и напомнилъ ему о долгѣ.

— Мой долгъ будетъ красенъ платежомъ,—отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ Гордановъ: — а вы вотъ скажите мнѣ: что за слухи ходятъ о Бодростинскихъ бланкахъ и векселяхъ?

Кишенскій отозвался болѣзнью и полнымъ объ этомъ невѣдѣніемъ, но присовѣтовалъ, однакоже, Горданову толкнуться къ начальнику сыскной полиціи, или къ оберъ-полицеймейстеру, а также поговорить съ Казимирой и кстати подумать о долгѣ. Гордановъ на первый совѣтъ, куда ему толкнуться, ничего не отвѣтилъ, а о долгѣ обѣщалъ поговорить послѣзавтра, и прямо отправился къ княгинѣ Казимирѣ.

Конфиденціи, которыя имѣлъ Павелъ Николаевичъ съ очаровательною, безпаспортною княгиней, повели къ тому, что Михаилъ Андреевичъ видѣлъ ея милыя слезы, пріялъ ея раскаяніе въ увлеченіи недостойнымъ человѣкомъ и, разжалобясь, остался самъ ея единственнымъ утѣшителемъ, тогда какъ Гордановъ отправился немедленно перемѣстить скрипача, такъ чтобы не было и слѣда. Съ этихъ поръ отношенія Бодростина къ красавицѣ-княгинѣ вступили въ совершенно новую фазу, причемъ не мало значенія имѣли усердіе и талантъ Горданова.

Княгиня ни за что не хотѣла разстаться съ своимъ скрипачомъ. Даже сознавшись, подъ страшными угрозами Горданова, въ томъ, что фальшивые векселя отъ имени Бодростина фабриковалъ скрипачъ и что онъ же дѣлалъ отъ его имени ручательныя подписи на обязательствахъ, которыя

она сама писала по его просьбамъ, княгиня ни за что не хотѣла оставить своего возлюбленнаго.

— Мы лучше бѣжимъ оба изъ Россіи,—сказала она Гордanову, ломая свои руки.

— Постойте, постойте! — отвѣчалъ ей спокойно, соображая и обдумывая, Гордановъ.—Бѣжать хорошо, но именно, какъ вы сказали, надо «лучше бѣжать», а не кое-какъ.

И онъ предложилъ ей короткій и ясный планъ выпроводить артиста одного.

Княгиня отвѣчала отрицательно.

— Отчего же-съ?—допрашивалъ Гордановъ. — Если любите его, такъ и будете любить: пусть онъ подождетъ васъ гдѣ-нибудь за границей, а вы пока здѣсь... хорошенько подкуетесь на золотыя подковки.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Ревнуете, что ли, вы его?

— Да, и ревную, и...

— Вы, пожалуйста, договаривайте, а то вѣдь время дорого, и каждую минуту на слѣдъ этой продѣлки можетъ накинуться полиція. Почему вы не можете съ нимъ разлучиться?

Княгиня молчала.

— Залогъ его любви, что ли, вы, можетъ-быть, храните?— отбилъ безцеремонно Гордановъ.

Княгиня вспыхнула и взглянула на дѣльца умоляющимъ взглядомъ.

— Понимаю васъ, понимаю,—успокоилъ ее Гордановъ.— Но, вѣроятно, еще не скоро?.. Ну, такъ мы вотъ что... Что у васъ есть залогъ его любви, это даже прекрасно, но самъ онъ здѣсь теперь не у мѣста и дѣлу мѣшаетъ: онъ васъ тоже вѣрно ревнуетъ?

— Ну, конечно... развѣ ему пріятно? — отвѣчала сквозь слезы княгиня.

— Да, да; разумѣется, я такъ и думалъ, но, впрочемъ, это ужъ всегда такъ бываетъ. Оттого все у васъ до сихъ поръ такъ вяло и шло, что вы связаны его мученіями.

Княгиня вдругъ вздрогнула и зарыдала.

— Ну-съ, не убивайтесь,—утѣшалъ ее Гордановъ: — положитесь на меня. Я такъ устрою, что вамъ никакого труда не будетъ стоить приласкать старичка. Что въ самомъ дѣлѣ: онъ вѣдь то же что дитя... чѣмъ тутъ терзаться-то?

Княгиня молчала.

— Да, приласкайте его; родственно, но хорошенько, — повторилъ Гордановъ: — такъ, чтобы у него ушки на макушкѣ запрыгали, и всю эту бѣду съ векселями мы сбудемъ и новую добудемъ... а того молодца мы пока припрячемъ отъ глазъ подалѣе. Хорошо?.. ну и прекрасно! А вы тѣмъ временемъ позакрѣпитесь, позаручитесь капитальцемъ на свою и на младенцеву долю...

Княгиня не выдержала и произнесла съ омерзѣніемъ:

— Фуй, Гордановъ, что вы говорите!

— Дѣло говорю-съ, дѣло. И главное, все это будетъ сдѣлано безъ посредства этого подлаго жида Тишки.

— Ахъ, да! ужъ Бога ради только безъ него!

— Да ужъ объ этомъ вы не хлопочите: я его самъ ненавижу, повѣрьте, не менѣе вашего.

— Онъ такой негодяй!.. мнѣ даже одинъ видъ его вселяетъ отвращеніе.

— Конечно, видъ его прегнусный.

— Ну, ужъ я не знаю, но я его всегда терпѣть не могла, а въ теперешнемъ моемъ положеніи...

— Да, въ теперешнемъ вашемъ положеніи это совсѣмъ не годится. Но, вы его зато болѣе и не увидите. А во всемъ остальномъ прошу васъ не того... не возмущаться. Что дѣлать, судьба! помните какъ это говоритъ прекрасная Елена: «Судьба!»

Княгиня покачала головой и хрустнула энергически пальцами, оглянулась по сторонамъ покоя и тяжело вздохнула, какъ бы отъ нестерпимой боли.

— Что-съ?—шепнулъ ей въ это время Гордановъ.

— Да ничего... «судьба... судьба!»

Гордановъ всталъ и проговорилъ:

— А судьбѣ благоразуміе велитъ покориться.—Онъ протянулъ княгинѣ руку.

— Я покоряюсь,—молвила въ отвѣтъ княгиня.

Затѣмъ, когда былъ доставленъ Бодростинъ и когда онъ былъ оставленъ при требующей прощенія и утѣшенія княгинѣ, Павелъ Николаевичъ въ самые часы ихъ нѣжныхъ изліяній другъ предъ другомъ предался неожиданному коварству.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Рыбакъ рыбака видитъ.

Гордановъ обѣщалъ княгинѣ, что спрячетъ ея скрипача гдѣ-нибудь неподалеку за чертой Петербурга, но спрячетъ такъ удобно, что для влюбленныхъ останется еще возможность хотя рѣдкихъ свиданій, но устроилъ все иначе.

Вмѣсто того, чтобы хлопотать о перевозѣ счастливаго артиста за городскую черту, Гордановъ, явясь къ нему на другое утро, предъявилъ ему бумагу, по силѣ которой всякая полицейская власть обязана была оказывать Павлу Николаевичу содѣйствіе въ поимкѣ названнаго въ ней артиста.

Тотъ оторопѣлъ и, растерявшись, только осматривалъ Горданова съ ногъ до головы. Онъ, очевидно, никогда не видалъ птицъ такого полета.

— Вы не выдумайте, однако, защищаться,—заговорилъ тихо Гордановъ, замѣтивъ, что артистъ, собравшись съ мыслями, озирается по сторонамъ: — это будетъ безполезно, потому что, во-первыхъ, я не позволю вамъ сойти съ мѣста и у меня въ карманѣ револьверъ, а во-вторыхъ, я совсѣмъ не то, за что вы меня принимаете. Вамъ этого не понять; я Ѳедотъ, да не тотъ: я пришелъ васъ спасти. Поняли теперь?

— Н...н...ѣ...т...ъ,—беззвучно уронилъ потерявшійся артистъ.

— Нѣтъ? очень жаль, а мнѣ разъяснять вамъ это некогда, но, впрочемъ, странно, что вы, будучи полякомъ, этого не понимаете: я иду дорогой, проложенною вашими же соотчичами, служу и вашимъ, и нашимъ. Бѣгите пока можете: я васъ отпускаю, но бѣгите ловко, не попадайтесь подъ мой слѣдъ, за вами могутъ пуститься другіе охотники, не изъ нашихъ... Тѣ ужъ не будутъ такъ милостивы, какъ я.

— Но за что же вы ко мнѣ такъ милостивы?

— Ну, ужъ это мое дѣло. Я знаю, что вамъ меня вознаграждать нечѣмъ.

— Совершенно нечѣмъ.

— Но, однако, вы мнѣ отдадите что̀ у васъ есть готоваго?

— То-есть, что же такое вы желаете получить?

— То-есть я желаю получить векселя княгини съ Бодростинскими надписями.

Артистъ началъ было увѣрять, что у него ничего подобнаго нѣтъ, но когда Гордановъ пугнулъ его обыскомъ, то онъ струсилъ и смятенно подалъ два векселя, которые Павелъ Николаевичъ прочелъ, посмотрѣлъ и объявилъ, что работа въ своемъ родѣ совершеннѣйшая, и затѣмъ спряталъ векселя въ карманъ, а артисту велѣлъ какъ можно скорѣе убираться, о чемъ тотъ и не заставлялъ себѣ болѣе повторять.

Онъ одѣвался, лепеча Горданову, что, ѣдучи въ Россію, онъ никакъ не думалъ заниматься здѣсь подобными дѣлами, но что его неудачи шли за неудачей, музыки его никто не хотѣлъ слушать и вотъ...

Гордановъ этому даже пособолѣзновалъ и сказалъ, что наша петербургская публика въ музыкальномъ отношеніи очень разборчива, и что у насъ не мало европейскихъ знаменитостей проваливалось, а затѣмъ далъ артисту нотацію не бросаться ни на одну желѣзную дорогу, ибо тамъ ему угрожалъ бы телеграфъ, а посовѣтовалъ ему сѣсть на финляндскій пароходъ и благополучно удирать въ Стокгольмъ, а оттуда въ любое мѣсто, гдѣ могутъ найтись охотники слушать его музыку.

Артистъ такъ и сдѣлалъ. О княгинѣ онъ было заикнулся, но Гордановъ такъ вѣско и внушительно помахалъ пальцемъ, что тотъ и языкъ потерялъ.

— Вы объ этомъ и думать не смѣйте! И писать ей не смѣйте, иначе вы погибли,—наказывалъ Гордановъ.

— А она?

— О ней не безпокойтесь. Развѣ вы не понимаете, въ чемъ дѣло и почему васъ только высылаютъ?

Артистъ при всемъ горестномъ своемъ положеніи осклабился.

— Она остается здѣсь, потому что ея присутствіе тутъ доставляетъ удовольствіе...—Тутъ Гордановъ пригнулся и шепнулъ что-то на ухо артисту. Тотъ даже присѣлъ. Черезъ часъ онъ уже плылъ подъ густымъ дымомъ финляндскаго парохода.

Выпроводивъ артиста съ такими напутствіями, Павелъ Николаевичъ стройно установлялъ отношенія Бодростина съ княгиней Казимирой, которая хватилась скрипача на

другой день, но, пометавшись всюду, убѣдилась, что его нѣтъ и искать его негдѣ. Кризисъ разрѣшился у ней обиліемъ нервныхъ слезъ и припадкомъ отчаянной раздражительности, которую Бодростинъ не зналъ какъ успокоить и искалъ въ этомъ случаѣ помощи и содѣйствія Горданова, но тоже искалъ напрасно, потому что и Ропшинъ, и слуги, разосланные за Павломъ Николаевичемъ, нигдѣ его не могли отыскать.

Его лишь случайно нашелъ Кишенскій на станціи Варшавской желѣзной дороги. Они оба столкнулись, отвернулись другъ отъ друга и разошлись, но потомъ снова столкнулись и заговорили, когда поѣздъ отъѣхалъ и они остались на платформѣ.

— Вы вѣрно кого-нибудь хотѣли проводить? — спросилъ Кишенскій, здравствуясь съ Гордановымъ.

— Да-съ, я-съ хотѣлъ-съ кого-то проводить; а вы тоже проводить желали?—отвѣчалъ не безъ насмѣшки въ голосѣ Гордановъ.

— Да, и я.

— Только не удалось?

— Не удалось.

— Представьте, и мнѣ тоже! Какъ вы думаете, гдѣ онъ теперь, каналья?

— Вы о комъ же говорите?

— Да все о немъ же, о немъ.

— То-есть...

— То-есть о томъ, кого вы хотѣли встрѣтить, или проводить, да не проводили и не встрѣтили. Скажите, дорого вамъ платятъ за вашу службу по этой части?

— Я думаю столько же, сколько и вамъ.

— Столько же!.. ну, этого быть не можетъ.

— А отчего вы такъ думаете?

— Да вы не стоите столько, сколько я.

— Вотъ какъ!

— Конечно! Я о васъ полюбопытствовалъ: вы вѣдь употребляетесь для дѣлъ грязненькихъ, грубыхъ этакихъ... да?

— Да-съ; я языковъ не знаю, — отвѣчалъ спокойно Кишенскій.

— Ну, не одно это только, что вы языковъ не знаете, а у васъ... вообще, я думаю, очень многаго недостаетъ для тонкихъ сношеній.

— Напримѣръ-съ, чего же бы это еще мнѣ недостаетъ?

— Напримѣръ? нечего тутъ напримѣръ! Напримѣръ, вы вотъ совсѣмъ для хорошаго общества не годитесь.

— Да я и не гонюсь-съ за этимъ обществомъ-съ, и не гонюсь-съ; но вы напрасно тоже думаете, что васъ озолотятъ. Надуютъ-съ! Ужъ много такихъ же, какъ вы, франтовъ разлетались: думали тоже, что имъ за ихъ бонъ-тонъ нивѣсть сколько отсыпятъ. Вздоръ-съ! и здѣсь есть кому деньги-то забирать...

— Да вы много понимаете! — отвѣтилъ съ презрѣніемъ Гордановъ.

— Я-то понимаю. Я знаю изъ-за чего вы сюда ударились.—При этихъ словахъ Кишенскій побагровѣлъ отъ досады и молвилъ:—но вы не безпокойтесь, кто бы васъ ни защищалъ за ваши обѣщанія открыть что-то важное, вы мнѣ все-таки отдадите деньги, потому что вы ихъ должны.

— Да, долженъ, не спорю, но отдамъ не скоро, — отвѣчалъ, насмѣхаясь надъ нимъ, Гордановъ.

— Да-съ, отдадите.

— Только не скоро.

— И это же подло. Чѣмъ же вы хвастаетесь? Тѣмъ, что вамъ удалось представиться важнымъ дѣятелемъ, способнымъ обнаружить невѣдомо какія махинаціи, и что я принужденъ долгъ вамъ отсрочить, какъ нужному человѣку, я отсрочу-съ, отсрочу; но... но мы съ вами, господинъ Гордановъ, все-таки сочтемся.

— Какъ же, какъ же: непремѣнно сочтемся: я вотъ удостовѣрюсь, правду ли вы мнѣ все это сказали, и тогда сочтемся.

— Да, сочтемся-съ, потому, знаете ли, что̀ я вамъ скажу: я видѣлъ много всякихъ мошенниковъ и плутовъ, но со всѣми съ ними можно вести дѣло, а съ такими людьми, какіе теперь пошли...

— И плутовать нельзя?

— Именно.

— Это значитъ, близка кончина міра.

— И я то же думаю.

— Ну, такъ совѣтую же вамъ прочее время живота вашего скончать въ мирѣ и покаяніи,—сказалъ ему насмѣшливо Гордановъ и, крикнувъ кучера, уѣхалъ, взметая пыль въ глаза оставшемуся на тротуарѣ ростовщику.

«Ослушаться и представить на него ко взысканію?—думалъ, идучи въ одну изъ своихъ редакцій, Кишенскій, — но... во-первыхъ, у него ничего нѣтъ и онъ отсидится въ долговомъ, да и только, и кромѣ того... бѣды наживешь: разорвать всѣ эти связи, станутъ на каждомъ шагу придираться по кассѣ... Вотъ, чортъ возьми, что страшно-то и скверно, а впрочемъ, дьяволъ меня дернулъ разоблачать предъ нимъ тайны учрежденія! Все это несдержанное зло закипѣло, а онъ этимъ можетъ воспользоваться и перессоритъ меня съ начальствомъ... Да! Какъ бы не такъ: сейчасъ и перессоритъ? Да кто же ему повѣритъ?.. Кто же у насъ кому-нибудь вѣритъ? и мнѣ не вѣрятъ, и ему не повѣрятъ, какъ я самъ никому не вѣрю... Кругомъ пошло!»

Но мы оставимъ на время и Кишенскаго, какъ оставили артиста, и поспѣшимъ къ позабытой нами Глафирѣ Васильевнѣ, которая во все это время, какъ мы окидывали бѣглымъ взоромъ операціи нашихъ достойныхъ дѣятелей, продолжаетъ оставаться сидя въ своей постели предъ ларцомъ, изъ котораго на ея колѣни высыпана куча пестрыхъ листковъ почтовой бумаги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отбой.

Глафира Васильевна имѣла предъ собою обстоятельную лѣтопись всѣхъ петербургскихъ событій и притомъ съ различныхъ сторонъ. Помимо вѣсти отъ Горданова, Рошпина и самого Бодростина, были еще письма Ципри-Кипри (она получала по десяти рублей за каждое письмо съ доносомъ на Горданова), и наконецъ вчера Глафира получила два письма, изъ которыхъ одно было написано почеркомъ, заставившимъ Висленева затрепетать.

Бодростина это замѣтила и спросила Жозефа о причинѣ его замѣшательства, но онъ могъ только молча указать рукой на пакетъ.

Глафира разорвала конвертъ и, прочтя внизу исписаннаго листка имя «Кишенскій», махнула Висленеву рукой, чтобъ онъ вышелъ.

Это было часъ за полночь по возвращеніи Бодростиной и состоявшаго при ней Висленева со спиритской бесѣды у Аллана Кардека, куда Бодростина учащала съ неизмѣннымъ постоянствомъ и гдѣ давно освоилась со всѣми при-

бывающими медіумами, видящими, слышащими, пишущими, рисующими или говорящими, и со всѣми «философами», убѣжденными въ истинѣ спиритской системы, но ничего необыкновеннымъ путемъ не видящихъ, не слышащихъ и не говорящихъ. Глафира Васильевна принадлежала къ послѣднимъ, то-есть къ спиритамъ, не одареннымъ необыкновенными способностями, а только «убѣжденнымъ въ ученіи спиритизма и въ способности медіумовъ». Висленевъ же былъ медіумъ видящій, слышащій, пишущій и говорящій. Способности эти обнаружились въ немъ быстро и внезапно, сначала предчувствіями, которыя онъ имѣлъ, поджидая Бодростину въ пограничномъ городишкѣ, откуда послѣ своего побѣга прислалъ Горданову письмо, подписанное псевдонимомъ Espérance, а потомъ... потомъ духи начали писать его рукой увѣщанія Бодростиной полюбить Іосафа Платоновича. Глафира Васильевна читала эти «общенія» духа, и, повидимому, внимала имъ и вѣрила, но... но для Висленева все еще не наступало счастливаго времени, когда подобныя увѣщанія духа были бы излишними.

Такъ было во все время состоянія Висленева за границей при особѣ Бодростиной и такъ стояло дѣло и въ минуту, когда Глафира, прочтя подпись Кишенскаго подъ полученнымъ ею письмомъ, дала Висленеву рукой знакъ удалиться.

Кто (какъ мы), долго не видя Висленева, увидалъ бы его въ эту минуту, или вообще увидалъ бы его съ тѣхъ поръ, какъ онъ выскочилъ изъ фіакра, подавъ руку траурной Бодростиной, и сопровождалъ ее, неся за нею шаль, тотъ нашелъ бы въ немъ ужасную перемѣну: темя его еще болѣе порѣдѣло, носъ вытянулся, и на блѣдныхъ щекахъ обозначались красноватыя, какъ будто наинъекцированныя карминомъ жилки; глаза его точно сейчасъ только проснулись, и въ нихъ было какое-то смущеніе, смѣшанное съ робостью и рискомъ на «авось вынесетъ», на «была не была». Вся его фигура носила отпечатокъ снѣдавшихъ его безпокойства, страсти и нерѣшимости.

Увидѣвъ противный для него почеркъ Кишенскаго и вслѣдъ затѣмъ мановеніе руки, которымъ Бодростина удаляла его изъ своей комнаты, онъ не осмѣлился возражать ей, но и не тронулся къ двери, не вышелъ, а помялся на одномъ мѣстѣ, робко присѣлъ на стулъ и поникъ головой долу.

Бодростина внимательно читала письмо Кишенскаго и, дочитавъ его до конца, оборотила листокъ и начала читать наново. Затѣмъ она положила письмо на колѣни и, разорвавъ другой конвертъ, принялась читать посланіе Горданова.

Въ это время Висленевъ всталъ и тихо заходилъ по устланной толстымъ зеленымъ сукномъ комнатѣ. Онъ шагалъ изъ угла въ уголъ, то закидывая голову назадъ и глядя въ потолокъ, то быстро опуская ее на грудь и какъ бы о чемъ-то задумываясь. Во все это время уста его что-то шептали, иногда довольно слышно, а руки дѣлали вздрагивающія движенія, межъ тѣмъ какъ самъ онъ приближался по діагонали къ Бодростиной и вдругъ, внезапно остановясь возлѣ ея кресла, тихо и какъ будто небрежно взялъ съ ея колѣнъ письмо Кишенскаго и хотѣлъ его пробѣжать, но Глафира, не прекращая чтенія другого письма, молча взяла изъ рукъ Висленева похищенный имъ листокъ и положила его къ себѣ въ карманъ.

Висленевъ, не смущаясь, отошелъ; еще нѣсколько разъ прошелся изъ конца въ конецъ комнаты и потомъ, тихо приблизясь къ двери, осторожно вышелъ и побрелъ по темной лѣстницѣ въ свою мансарду.

«Черный царь» изъ поэмы Фрейлиграта, уходя въ палатку съ своимъ барабаномъ, въ который онъ билъ, находясь въ позорномъ плѣну, не былъ такъ жалокъ и несчастливъ, какъ Висленевъ — этотъ вождь разбѣжавшагося воинства, состоящій нынѣ на хлѣбахъ изъ милости,

Бодростина не обратила на него никакого вниманія и продолжала читать и перечитывать полученныя ею письма, морщила лобъ и болѣзненно оживлялась. Да и было отъ чего.

Кишенскій, котораго она презирала и съ которымъ давно не хотѣла имѣть никакихъ сношеній, зная всю непріязнь къ нему Глафиры, рѣшился писать ей объ обстоятельствахъ важныхъ и притомъ такихъ, которыя онъ, при всей своей зоркости, почиталъ совершенно неизвѣстными Бодростиной, межъ тѣмъ какъ они были ей извѣстны, но только частями, и становились тѣмъ интереснѣе при разъясненіи ихъ съ новой точки зрѣнія. Кишенскій имѣлъ тѣ же взгляды, что и Ропшинъ, служившій шпіономъ Глафиры за одинъ поцѣлуй, купленный цѣной предательства и подлога. Онъ видѣлъ, что Гордановъ путаетъ и запутываетъ старика Бод-

ростина съ самыми темными предпринимателями, отбивая тѣмъ практику у самого Кишенскаго, который имѣлъ въ виду сдѣлать все это самъ съ непосредственною выгодой для себя. Не сознаваясь, разумѣется, въ этой послѣдней мысли, Кишенскій становился предъ Глафирой на нѣкоторую нравственную высоту, и чувствуя, что ему не совсѣмъ ловко стоять предъ этою умною женщиною въ такой неестественной для него позиціи, оправдывался, что «хотя ему и не къ лицу проповѣдывать мораль, но что есть на свѣтѣ вещи, которыя все извиняютъ». Такимъ образомъ извинившись предъ Глафирой въ томъ, что онъ позволяетъ себѣ стать за какую-то честность и обличать какое-то зло, онъ перешелъ къ изложенію болѣе или менѣе извѣстной намъ исторіи сближенія Михаила Андреевича Бодростина съ княгиней Казимирой, указывалъ несомнѣнно участіе во всемъ этомъ Павла Горданова, который опутывалъ Бодростина съ помощью разной сволочи, собирающейся на рауты и ужины Казимиры, и... Тутъ г. Кишенскій опять встрѣтилъ необходимость извиняться и подкрѣплять себя различными наведеніями и сопоставленіями. Онъ писалъ Бодростиной, чтобъ она пріѣзжала «спасать мужа или его состояніе, потому что сношенія съ гнуснѣйшими негодяями, вовлекающими его въ отчаянныя предпріятія, угрожаютъ ему несомнѣнною бѣдой, то-есть разореніемъ». Но, выдавая Горданова, Кишенскій хорошо понималъ, что Глафира, зная его, конечно, станетъ доискиваться: какія выгоды имѣетъ онъ предостерегать ее и вредить Горданову? А Кишенскій не могъ указать никакихъ такихъ выгодъ, чтобъ онѣ показались Глафирѣ вѣроятными, и потому прямо писалъ: «Не удивляйтесь моему поступку, почему я все это вамъ довожу: не хочется вамъ лгать, я дѣйствую въ этомъ случаѣ по мстительности, потому что Гордановъ мнѣ сдѣлалъ страшныя непріятности и защитился такими путями, которыхъ нѣтъ на свѣтѣ презрѣннѣе и хуже, а я на это даже не могу намекнуть въ печати, потому что, какъ вы знаете, Гордановъ всегда умѣлъ держаться такъ, что онъ ничѣмъ не извѣстенъ и о немъ нѣтъ повода говорить; во-вторыхъ, это не безопасно, потому что его протекторы могутъ меня преслѣдовать, а въ-третьихъ, что самое главное, наша петербургская печать въ этомъ случаѣ уподобилась тому пастуху въ баснѣ, который, шутя, кричалъ: «волки,

волки!» когда никакихъ волковъ не было, и къ которому никто не вышелъ на помощь, когда дѣйствительно напалъ на него волкъ. Такъ и съ нами: помните, бывало, мы отъ скуки, шутя себѣ, выкрикиваемъ: «шпіонъ, шпіонъ!» и всѣ думали, что это ничего, а между тѣмъ вышло, что мы этою легкомысленностію надѣлали себѣ ужасный вредъ, и нынче, когда таковые вправду изъ нашего лагеря размножились, мы уже настоящаго шпіона обличить не можемъ, ибо всякій подумаетъ, что это не болѣе какъ по-старому: со злости и понапрасну. Не только печатать, а даже и дружески предупреждать стало безполезно, и я прекрасно это чувствую въ сію минуту, дописывая вамъ настоящія строки; но вѣрьте мнѣ, что я вамъ говорю правду, вѣрьте... вѣрьте хоть ради того, чортъ возьми, что, стоя этакъ на ножахъ другъ съ другомъ, какъ стали у насъ другъ съ другомъ всѣ въ Россіи, приходится вѣрить, что безъ довѣрія жить нельзя, что... однимъ словомъ, *надо вѣрить*».

«И это пишетъ Кишенскій», подумала Глафира и, отбросивъ его листокъ, съ несравненно большимъ вниманіемъ обратилась ко второму письму. Это было коротенькое письмо, въ которомъ Павелъ Николаевичъ выписалъ шутя извѣстныя слова Диккенса въ одной изъ блестящихъ главъ его романа «Домби и Сынъ», именно въ главѣ, гдѣ описывается рожденіе этого сына. «Священнѣйшее таинство природы совершилось: за всколыхнувшимися завѣсами кровати послышался плачъ новаго пришельца въ этотъ міръ скорби». Далѣе онъ прибавлялъ, что непосредственно затѣмъ исполнено таинство велѣній Глафиры, то-есть, что «новый пришлецъ въ міръ скорби» изнесенъ изъ комнаты, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, на рукахъ Михаила Андреича и *имъ же* переданъ женщинѣ, которая благополучно сдала его въ Воспитательный Домъ. «Теперь,—кончалъ Гордановъ,—не имѣя чести знать далѣе вашихъ плановъ, заключаю мое сказаніе тѣмъ, что «cela vous concerne, madame».

Прочитавъ эти письма по возвращеніи съ Висленевымъ изъ спиритической бесѣды, Глафира Васильевна уже не спала, и шумъ рано просыпающагося квартала не обезпокоилъ ее, а напротивъ, былъ ей даже пріятенъ: живая натура этой женщины требовала не сна, а дѣятельности, и притомъ, можетъ-быть, такой кипучей, какой Глафира Бодростина до сихъ поръ не оказывала ни разу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Monsieur Borné.

Переглядѣвъ наскоро всѣ письма, за которыми мы ее оставили, Глафира торопливо свалила весь этотъ архивъ назадъ въ античный ларецъ и, накинувъ на себя темный пеплумъ на мягкой индійской подкладкѣ, позвонила служанку и велѣла ей позвать monsier Borné.

Дѣвушка отвѣтила «oui, madame» и, возвратясь черезъ минуту назадъ, объявила, что требуемая особа сейчасъ явится.

Особа эта была не кто иной, какъ нашъ пріятель Іосафъ Платоновичъ Висленевъ.

Несмотря на то, что Жозефъ, чуждый тревогъ своей принципальши, спалъ крѣпкимъ сномъ, когда его разбудили, онъ успѣлъ встать и одѣться такъ проворно, что Глафира Васильевна, дѣлавшая въ это время свой туалетъ, испугалась и воскликнула:

— Боже мой! ma chère, сюда идетъ мужчина!

Но служанка, выглянувъ изъ-за двери, которую хотѣла запереть, тотчасъ же отмѣнила это намѣреніе и отвѣчала:

— Mais non, madame. C'est monsieur Bornè.

Но Глафиру Васильевну это все-таки не успокоило, и она, приказавъ служанкѣ опустить портьеру, сказала Висленеву по-русски, чтобъ онъ подождалъ ее въ коридорѣ.

— Хорошо-съ; я пробѣгу газеты *здѣсь*,—отозвался Жозефъ.

— Нѣтъ, пробѣгите ихъ гораздо лучше *тамъ*,—отвѣчала изъ-за драпировки Глафира.

— То-есть гдѣ это тамъ?.. Опять идти къ себѣ наверхъ?

— Нѣтъ, присядьте просто на лѣстницѣ или походите по коридору.

— Да, присядьте на лѣстницѣ,—недовольно пробурчалъ себѣ подъ носъ Висленевъ, и, выйдя за дверь, въ самомъ дѣлѣ присѣлъ на окнѣ и задумался, глядя на бродившую по двору пеструю цесарскую насѣдку привратницы. Онъ думалъ и имѣлъ, повидимому, не сладкую думу, потому что опущенныя книзу вѣки его глазъ, несмотря на недавнее утреннее омовеніе ихъ при утреннемъ туалетѣ, начинали видимо тяжелѣть и, наконецъ, на одной рѣсницѣ его проступила и повисла слеза, которую онъ тщательно

заслонилъ газетнымъ листомъ отъ пробѣгавшей мимо него въ ту минуту горничной, и такъ въ этомъ положеніи и остался.

«Боже, Боже!»—думалъ онъ, припоминая цесарку и ея цыплятъ:—когда мы пріѣхали сюда съ Сѣверной желѣзной дороги и я вошелъ къ привратницѣ спросить: нѣтъ ли здѣсь помѣщенія, меня встрѣтила вотъ эта самая пестрая курочка и она тогда сама мнѣ казалась небольшимъ цыпленочкомъ, и вотъ она уже нанесла яицъ и выводитъ своихъ дѣтей, а... меня тоже все еще водятъ и водятъ, и не вѣдаю я, зачѣмъ я хожу»...

Онъ припомнилъ все, что онъ вынесъ,—конечно не во всю свою жизнь,—нѣтъ; это было бы слишкомъ много, да и напрасно, потому что все претерпѣнное имъ въ Петербургѣ, до бѣгства по оброку въ провинцію, онъ уже давно позабылъ и, вѣроятно, даже считалъ не существовавшимъ, какъ позабылъ и считалъ никогда не существовавшимъ происшествіе съ гордановскимъ портфелемъ, до сихъ поръ ничѣмъ не оконченное и какъ будто позабытое самимъ Гордановымъ; и зеленое платье... странное зеленое платье, которое бросило въ окно выпавшій изъ рукъ его ножъ... Какъ человѣкъ, ведущій постоянную большую игру, онъ давно пустилъ все это на смарку; но неудачъ, которыя преслѣдовали его съ той поры, какъ онъ встрѣтилъ въ чужихъ краяхъ Графиру, онъ не могъ забыть ни на минуту. Въ его страданіяхъ была уже та старческая особенность, что онъ не чувствовалъ крупнѣйшихъ ударовъ, нанесенныхъ ему нѣсколько времени назадъ, но нервно трепеталъ и замиралъ отъ всякаго булавочнаго укола въ недавнемъ; а они, эти уколы, были часты и жгли его какъ моксы гальванической щетки. Они всѣ у него на счету и всѣ составляютъ рядъ ступеней, по которымъ онъ дошелъ до нынѣшняго своего положенія съ кличкой monsieur Borné.

Вотъ краткій, но грустный перечень этихъ несчастій: бѣды начались съ самаго начала, или, лучше сказать, онѣ и не прерывались. Самая встрѣча Жозефа съ Глафирой была совсѣмъ не такою, какой онъ ожидалъ: Бодростина даже не остановилась въ томъ городкѣ, гдѣ онъ ее ждалъ, и не опочила въ нанятой Жозефомъ садовой бесѣдкѣ, которую Висленевъ на послѣднія деньги убралъ цвѣтами и пр. Нѣтъ, эта холодная женщина едва кое-какъ наскоро

повидалась съ нимъ чрезъ окно вагона и, велѣвъ ему догонять ее съ слѣдующимъ же поѣздомъ въ Прагу, понеслась далѣе. Это, разумѣется, было очень непріятно и само по себѣ, потому что добрый и любящій Жозефъ ожидалъ совсѣмъ не такого свиданія; но сюда примѣшивалась еще другая гадость: Глафира пригласила его *на лету* ѣхать за нею въ Прагу, что Жозефъ, кочечно, охотно бы и исполнилъ, если бъ у него были деньги, или была, по крайней мѣрѣ, наглость попросить ихъ тутъ же у Глафиры; но какъ у Іосафа Платоновича не было ни того, ни другого, то онъ не могъ выѣхать, и вмѣсто того, чтобы летѣть въ Прагу съ слѣдующимъ поѣздомъ, какъ желало его влюбленное сердце, онъ долженъ былъ еще завести съ Глафирой Васильевной переписку о займѣ трехсотъ гульденовъ. Наконецъ онъ получилъ отъ нея эти деньги, но не прямо изъ ея рукъ, а чрезъ контору, и съ наказомъ, для вящшаго маскированія этихъ отношеній, расписаться въ полученіи этихъ денегъ, какъ мажордомъ Бодростиной, что Висленевъ въ точности и исполнилъ, хотя и улыбался женскому капризу Глафиры, наименовавшей его въ переводномъ векселѣ своимъ мажордомомъ... Помнитъ онъ далѣе, какъ онъ летѣлъ въ Прагу, какъ онъ, задыхаясь, вбѣжалъ въ номеръ отеля, гдѣ пребывала Глафира и... и потерялъ съ этой минуты свое положеніе равноправнаго съ нею человѣка. Онъ помнитъ Глафиру, окруженную какимъ-то чехомъ, двумя южными славянами съ греческимъ типомъ и двумя пожилыми русскими дамами съ сѣдыми пуклями; онъ помнитъ всѣ эти лица и помнитъ, что, прежде чѣмъ онъ рѣшилъ себѣ, чему приписать ихъ присутствіе въ помѣщеніи Бодростиной, она, не давъ ему вымолвить слова и не допустивъ его поставить на полъ его бѣдный саквояжъ, сказала:

— А вотъ, наконецъ, и мой мажордомъ; теперь, chère princesse, мы можемъ ѣхать. Вы не развязывайте вашихъ вещей, monsieur Joseph: мы сегодня же выѣзжаемъ. Вотъ вамъ деньги, отправьтесь на желѣзную дорогу и заготовьте семейное купэ для меня съ баронессой и съ княгиней, и возьмите мѣсто второго класса себѣ.

— Возьмите, любезный, тамъ также мѣсто и моему стряпчему,—добавила сѣдая баронесса, вынимая изъ портмонэ двумя пальцами австрійскую ассигнацію.

— Да, возьмите мѣсто стряпчему баронессы,—приказала ему Глафира, и обратила свой слухъ и все свое вниманіе къ рѣчамъ чеха, говорившаго объ утратѣ славянами надежды на Россію.

Глафира, казалось, была вся поглощена рѣчами этого единоплеменника, но человѣкъ, болѣе Висленева наблюдательный, не могъ бы не замѣтить, что она искоса зорко и даже нѣсколько тревожно слѣдила за всѣми дѣйствіями и движеніями Жозефа, и когда онъ вышелъ, даже подавила въ себѣ вздохъ отраднаго успокоенія.

Висленевъ могъ гордиться, что онъ въ точности понялъ камертонъ Глафиры и въ совершенствѣ запѣлъ подъ него; Глафира могла быть покойна, что съ этой поры Висленевъ уже не выйдетъ изъ своей лакейской роли.

Такъ и сталось: въ Прагѣ Іосафъ Платоновичъ не имѣлъ минуты, чтобы переговорить съ Глафирой наединѣ; путешествуя до Парижа въ сообществѣ стряпчаго баронессы, онъ совсѣмъ почти не видалъ Глафиры, кромѣ двухъ исключительныхъ случаевъ, когда она звала его и давала ему порученія при таможенномъ досмотрѣ вещей. Съ баронессинымъ стряпчимъ, своимъ компаньономъ по второклассному вагону, новый мажордомъ говорилъ мало и неохотно: его унижало въ его собственныхъ глазахъ это сообщество съ человѣкомъ, возведеннымъ къ званіе стряпчаго, очевидно, единственно ради важности, а въ самомъ дѣлѣ бывшаго просто грамотнымъ дворецкимъ, которому было поручено веденіе дорожныхъ расходовъ и счетовъ и переписки по требованію денегъ отъ управителей домовъ и земель баронессы. Принужденное сообщество съ такимъ человѣкомъ, разумѣется, и не могло приносить Висленеву особаго удовольствія, тѣмъ болѣе, что Іосафъ Платоновичъ съ первыхъ же словъ своего попутчика убѣдился, что тотъ стоялъ на самой невысокой степени умственнаго развитія и, по несомнѣнному преобладанію въ немъ реализма, добивался только сравнительныхъ выводовъ своего положенія при баронессѣ и положенія Висленева при его госпожѣ Бодростиной. Онъ жаловался ему на безпокойство характера и причудливость баронессы и описывалъ трудность своего положенія, весьма часто низводимаго безпокойною принципалкой до роли чисто лакейской. Висленевъ, не желая продолжать этого разговора, отвѣчалъ, что въ его положеніи ничего подобнаго нѣтъ, да

и быть не можетъ, какъ по характеру госпожи Бодростиной, такъ особенно по его личному характеру, о которомъ онъ отозвался съ большимъ почтеніемъ, какъ о характерѣ, не допускающемъ ни малѣйшей приниженности. Баронессинъ стряпчій ему позавидовалъ, и эта зависть еще увеличилась въ немъ, когда онъ, сообщивъ Весленеву цифру своего жалованія, узналъ отъ Іосафа Платоновича, что Бодростина платитъ ему гораздо дороже,—именно сто рублей въ мѣсяцъ. Висленевъ никакъ не могъ оцѣнить себя дешевле этой круглой цифры и столь раздражилъ этимъ хвастовствомъ баронессинаго стряпчаго, что тотъ рѣшилъ во что бы то ни стало немедленно же требовать себѣ прибавки «въ сравненіи съ сверстниками», и, перенося въ Кельнѣ сакъ своей баронессы, уже достаточно сгрубилъ ей и далъ ей почувствовать свое неудовольствіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Парижскія бѣды monsieur Borné.

Въ Парижѣ съ Жозефомъ сдѣлалось нѣчто еще болѣе мудреное. Снося свою унизительную роль дорогой, Висленевъ надѣялся, что онъ въ первый и послѣдній разъ разыгрываетъ роль мажордома, и твердо ступилъ на землю Парижа. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ у самаго амбаркадера былъ приглашенъ Глафирой въ экипажъ, сѣлъ съ нею рядомъ, надулся и промолчалъ во все время переѣзда, пока карета остановилась предъ темнымъ подъѣздомъ Hôtel de Marоc въ rue Seine.

Это притворное, капризное дутье на Глафиру было новымъ неблагоразуміемъ со стороны Жозефа. Отмалчиваясь и дуясь, онъ нисколько не затруднялъ положенія Глафиры, которая равнодушно смотрѣла на дома улицъ и не думала о Висленевѣ. Это дутье даже дало Глафирѣ поводъ поставить его въ Парижѣ на еще болѣе обидную ногу, чѣмъ прежде. Глафира заняла въ Hôtel de Marоc лучшее отдѣленіе и потребовала une petite chambre отдѣльно для своего секретаря. Висленевъ, слыша эти распоряженія, усугублялъ свое молчаливое неудовольствіе, не захотѣлъ окинуть глазомъ открытую предъ нимъ мансарду верхняго этажа и зато былъ помѣщенъ въ такой гадостной лачугѣ, что и Бодростина, при всей своей пренебрежительности къ нему, не оставила бы его тамъ ни на одну минуту, если бъ она ви-

дѣла эту жалкую клѣтку въ одно низенькое длинное окошечко подъ самымъ склономъ косого потолка. Но Глафира никогда здѣсь не была, никогда не видала помѣщенія своего несчастнаго секретаря и мажодорма, и онъ такъ и завалялся тутъ, въ этомъ никому не потребномъ чуланишкѣ.

Помнитъ онъ первые свои дни въ Парижѣ, тѣ дни, когда онъ еще устанавливался и дулся, какъ бы имѣя право на что-то претендовать. Онъ упорно оставался въ своей конурѣ и ничего въ ней не приводилъ въ порядокъ, и не шелъ къ Глафирѣ. Онъ хотѣлъ показать ко всему полное презрѣніе и заставить Бодростину это замѣтить, но это положительно не удавалось. Глафира Васильевна не только не роптала на него за его отсутствіе, но въ пять часовъ вечера прислала ему пакетикъ, въ которомъ былъ стофранковый билетъ и лаконическая записка карандашомъ, извѣщавшая его, что онъ здѣсь можетъ располагать своимъ временемъ какъ ему угодно и кушать, гдѣ найдетъ удобнѣе, въ любую пору, такъ какъ стола дома не будетъ. О назначеніи приложенныхъ ста франковъ не было сказано: это было дано на хлѣбъ насущный. Висленевъ, впрочемъ, думалъ было возвратить эти деньги, или намѣревался хоть поговорить, что принимаетъ ихъ на благородныхъ кондиціяхъ взаймы, но дверь Бодростиной была заперта, а затѣмъ, когда голодъ заставилъ его почать ассигнацію, онъ уже не думалъ о ней разговаривать. Теперь онъ только соображалъ о положеніи, въ которомъ очутился, и о томъ, какое взято самою Глафирой, конечно, по собственной своей волѣ. По его мнѣнію, ей, разумѣется, совсѣмъ не такъ слѣдовало бы жить, и Висленевъ объ этомъ очень резонно разсуждалъ.

— Я бѣжалъ, я ушелъ отъ долговъ и отъ суда по этой скверной исторіи Горданова съ Подозеровымъ, мнѣ уже такъ и быть... мнѣ простительно скитаться и жить какъ попало въ такомъ мурьѣ, потому что я и бѣденъ, и боюсь обвиненія въ убійствѣ, да и не хочу попасть въ тюрьму за долги; но ей... Я этого рѣшительно не понимаю; я рѣшительно не понимаю и не могу понять, зачѣмъ она такъ странно ведетъ себя? Что за выходки такія, и для чего она нырнула прямо сюда, въ этотъ гадостный кварталъ и... и возится съ какими-то старухами и стариками... тогда какъ мы могли жить... могли жить... совсѣмъ иначе и безъ

всякихъ стариковъ... Да что это, наконецъ, за глупость въ самомъ дѣлѣ!

Висленеву стало такъ грустно, такъ досадно, даже такъ страшно, что онъ не выдержалъ и въ сумерки второго дня своего пребыванія въ Парижѣ сбѣжалъ съ своей мансарды и толкнулся въ двери Бодростиной. Къ великому его счастію, двери эти на сей разъ были не заперты, и Іосафъ Платоновичъ, получивъ разрѣшеніе взойти, очутился въ пріятномъ полумракѣ предъ самой Глафирой, которая лежала на мягкомъ оттоманѣ предъ тлѣющимъ каминомъ и граціозно куталась въ волнистомъ пледѣ.

Здѣсь было такъ хорошо, тепло, уютно; темно-пунцовый цвѣтъ раскаленныхъ угольевъ нерѣшительно и томно сливался на срединѣ комнаты съ сѣрымъ свѣтомъ сумерекъ, и въ этомъ сліяніи какъ бы на самой чертѣ его колебалась тонущая въ мягкихъ подушкахъ дивана Глафира.

Она была очень хороша и въ эти минуты особенно напоминала одну изъ фей Шехеразады: вокругъ нея были даже клубы какого-то куренія, или это, можетъ-быть, только казалось.

Увидавъ въ такой обстановкѣ свою очаровательницу, Висленевъ позабылъ всѣ неудовольствія и пени, и, швырнувъ куда попало фуражку, бросился къ оттоману, сталъ на колѣни и, схвативъ руку Глафиры, прильнулъ къ ней страстнымъ и долгимъ поцѣлуемъ. Разумъ его замутился.

Мягкій шелковый пеплумъ Глафиры издавалъ тончайшій запахъ свѣжаго сѣна,—запахъ, сообщенный ему, въ свою очередь, очень причудливыми духами. Все болѣе и болѣе сгущающійся сумракъ, наступая сзади ея темною стѣной, точно придвигалъ ее къ огню камина, свѣтъ котораго ограничивался все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ. Остальной міръ весь былъ теменъ, и въ маленькомъ пятнѣ свѣта были только *онъ* и *она*.

Висленевъ вскинулъ голову и взглянулъ въ ярко-освѣщенное лицо Глафиры. Она глядѣла на него спокойными, задумчивыми глазами и, медленно поднявъ руку, стала тихо перебирать его волосы.

Это произвело на Іосафа Платоновича особенное, какъ бы магнетическое, дѣйствіе, подъ вліяніемъ котораго онъ, припавъ устами къ другой рукѣ Глафиры, присѣлъ на полъ и положилъ голову на край дивана. Прошло нѣсколько ми-

нутъ, и темнота еще гуще скутала эту пару, и магнетизмъ шевелившейся на головѣ Висленева нѣжной руки, вмѣстѣ съ усыпляющимъ тепломъ камина, помутилъ ясность представленій въ его умѣ до того, что онъ изумился, увидя надъ своимъ лицомъ лицо Глафиры. Бодростина, облокотясь на руку и склонясь, смотрѣла на него черезъ лобъ.

— Вы, кажется, спите? — спросила она его бодрымъ и свѣжимъ голосомъ, внезапно разогнавшимъ всю таинственность и всѣ чары полумрака.

— Да, я было задремалъ,—отвѣчалъ Висленевъ, разсчитывая огорчить этими словами женское самолюбіе Глафиры; но Бодростина повернула эту сонливость въ укоръ ему и добавила съ усмѣшкой:

— Хорошо, очень хорошо! Два дня дулся, а на третій пришелъ да и спитъ... Нѣтъ, если вы такой, то я не хочу идти за васъ замужъ!

Висленевъ, боясь попасть въ рѣшительный тонъ, отвѣчалъ лишь съ легкимъ неудовольствіемъ, что онъ не понимаетъ даже, къ чему тутъ рѣчь о бракѣ, когда она замужемъ и онъ женатъ, но положеніе его таково, что и безъ брака заставляетъ желать не малаго.

— Ничего меньше, — отвѣчала Глафира: — или все, или ничего.

— Да я имѣю одно «ничего»,—обиженно молвилъ Висленевъ. — Я вѣдь вамъ по правдѣ скажу, я ровно ничего не понимаю, что̀ такое вы изъ меня строите. Это какое-то вышучиванье: что же я шутъ, что ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы слыть мажордомомъ?

— А вамъ развѣ не все равно, чѣмъ вы слывете и какъ называетесь?

— Извините меня; но мнѣ это совсѣмъ не все равно.

— Въ такомъ случаѣ, конечно... я очень сожалѣю, что я прибѣгла къ этимъ небольшимъ хитростямъ... Но я вѣдь въ простотѣ моей судила по себѣ, что дѣло не въ названіи вещи, а въ ея сути.

— Да вѣдь у меня же нѣтъ никакой и сути?

— А-а! если такъ, если для васъ суть заключается не въ томъ, чтобы видѣть меня и быть вмѣстѣ со мною, то, разумѣется, это не годится, и вы свободны меня оставить.

При этихъ словахъ она быстро отняла свою руку отъ его головы и начала зажигать спичку, держа ее въ такомъ

отдаленіи между собою и Висленевымъ, что послѣдній долженъ былъ посторониться и сѣлъ поодаль, ближе къ камину.

— Быть при васъ,—повторилъ онъ, вздыхая.—Да, суть въ томъ, чтобы быть при васъ, но *чѣмъ быть*? Вотъ въ чемъ дѣло! Гм... вы говорите о своей простотѣ, а между тѣмъ вы сдѣлали меня вашимъ слугой.

— А вы хотите, чтобъ я себя компрометировала, чтобы вы слыли моимъ любовникомъ. Васъ унижаетъ быть моимъ слугой?

— Да-съ, унижаетъ, потому что дѣло въ томъ, *какимъ* слугой быть! Слугой, да не дворецкимъ.

— Да, ну это, можетъ-быть, мой промахъ; но что дѣлать, надо поступать такъ, какъ позволяютъ обстоятельства.

— Такихъ обстоятельствъ нѣтъ, которыя бы заставляли человѣка унижать другого равнаго до подобной низкой роли, до какой низведенъ я, потому что это остается на всю жизнь.

Бодростина расхохоталась и возразила:

— Какой вздоръ вы говорите! Почему же это останется на всю жизнь? Развѣ всѣ рыцари не бывали, въ свою очередь, прежде оруженосцами?

— То рыцари и тогда былъ вѣкъ, а теперь другой, и кто видѣлъ меня при васъ въ этомъ шутовскомъ положеніи лакея, для того уже я вѣчно останусь шутомъ.

— А я вамъ говорю, что это неправда.

— Нѣтъ-съ, это правда, и мнѣ очень не весело, что я въ этомъ водевилѣ изъ господъ попалъ въ лакеи.

— А вы были господиномъ? Это для меня новость.

Глафира лихо засмѣялась и снова добродушно коснулась рукой его головы.

— Если я и не былъ особеннымъ господиномъ, то... все-таки до сихъ поръ я никогда не былъ и лакеемъ,—проговорилъ смущенный Висленевъ.

— Ну, такъ успокойтесь же, вы и теперь никакъ не лакей, а если уже вамъ непремѣнно хочется приравнивать свое положеніе къ водевильнымъ ролямъ, то вы «Стряпчій подъ столомъ».

Глафира опять разсмѣялась и затѣмъ серьезнѣйшимъ и спокойнымъ тономъ прочитала своему собесѣднику нотацію за его недовѣріе къ ней и недальновидность. Она разъ-

яснила ему всѣ самомалѣйшія его сомнѣнія съ такою ясностію, что Іосафъ Платоновичъ навсегда и прочно убѣдился не только въ цѣлесообразности, но даже и въ необходимости всѣхъ ея плановъ и предначертаній. Висленевъ безъ большого труда увѣровалъ, что Бодростина не могла и не можетъ выдавать его иначе, какъ выдаетъ, то-есть за ея мажордома, потому что баронесса и графиня, доводясь родственницами Михаила Андреевича, не преминули бы сдѣлать своихъ заключеній насчетъ пребыванія Іосафа при ея особѣ и не только повредили бы ей въ Россіи, но и здѣсь, на мѣстѣ, въ Парижѣ, не дали бы ступить шага въ тотъ кругъ, гдѣ она намѣрена встрѣтить людей, способныхъ разъяснить томящіе ее отвлеченные вопросы. Однимъ словомъ, она прямо объявила, что главнѣйшая цѣль ея прибытія въ Парижъ есть сближеніе съ Алланомъ Кардекомъ и другими вліятельнѣйшими лицами спиритическихъ кружковъ.

— Ваша роль, — добавила она, поднимаясь съ дивана и становясь предъ Висленевымъ:—ваша роль, пока мы здѣсь и пока наши отношенія не могутъ быть иными, какъ они есть, вполнѣ зависитъ отъ васъ. Назвать васъ тѣмъ, чѣмъ вы названы, я была вынуждена условіями моего и вашего положенія, и отъ васъ зависитъ все это даже и здѣсь сдѣлать или очень для васъ тяжелымъ, какъ это было до сей минуты, или же... эта фиктивная разница можетъ вовсе исчезнуть. Какъ вы хотите?

— Разумѣется, я бы хотѣлъ, чтобъ она исчезла.

— Въ такомъ случаѣ... я не помню, право... мнѣ кажется, когда мы были тамъ... на хуторѣ, у Синтяниной...

— Да-съ.

— Когда мы были тамъ послѣ послѣдняго раза, какъ былъ у меня Сумасшедшій Бедунъ и разсказывалъ про своего Испанскаго Дворянина...

— Предъ самою дуэлью Горданова?

— Да, предъ самымъ убійствомъ Подозерова.

— Вы говорите убійствомъ?

— Да, я говорю «убійствомъ». Предъ самымъ этимъ событіемъ вы говорили, что вы порой нѣчто такое чувствуете... что на васъ какъ будто что-то такое находило или находитъ?

— Ахъ, да... вы про это! Да, я иногда нѣчто этакое какъ будто ощущалъ.

— Что же именно такое?

— То-есть, какъ вамъ сказать: что такое именно, этого я вамъ разсказать не могу, но ощущалъ и именно что-то странное.

— На что же это, напримѣръ, хоть похоже?

— Рѣшительно, что ни на что не похоже, а совсѣмъ что-то такое... понять нельзя!

— Эту способность въ васъ слѣдовало бы опредѣлить. Я подозрѣваю въ васъ способность сдѣлаться медіумомъ, а если вы медіумъ, то поздравляю: вы можете доставить безконечную пользу и себѣ, и обществу.

— Что же, я готовъ,—отвѣтилъ Висленевъ.

— Но только я говорю: васъ надо испытать.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ.

— И тогда, если окажется, что вы медіумъ и, какъ я полагаю, сильный медіумъ...

— Непремѣнно сильный, я это чувствую.

— Тогда, каково бы ни было ваше положеніе, оно не только не помѣшаетъ намъ быть всегда вмѣстѣ въ полномъ равенствѣ, но общество само станетъ у васъ заискивать и вы ему станете предписывать.

Бодростина замолчала; Висленевъ тоже безмолвствовалъ. Онъ что-то прозрѣвалъ въ напущенномъ Глафирой туманѣ, и вдали для него уже гдѣ-то мелодически рокотали привѣтные колокольчики, на звуки которыхъ онъ готовъ былъ спѣшить, какъ новый Вадимъ. Въ ушахъ у него тихо звонило, опущенныя руки тяжелѣли, подъ языкомъ становилось солоно,—онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ теперь право сказать, что ощущаетъ нѣчто неестественное, и естественнымъ путемъ едва могъ прошипѣть:

— А что же такое, напримѣръ, я буду послѣ обществу предписывать?

— Взгляды, мнѣнія, мало ли что!

— Да, да, да, понимаю.

— Какъ посредникъ высшихъ силъ, вы можете сдѣлать очень много, можете реформировать нравственность, разъяснять неразрѣшимыя до сихъ поръ дилеммы... ну, вообще обновлять, освѣжать, очищать человѣческое мышленіе.

— Да, да, понимаю: обновлять мышленіе, и только.

— Какъ и только!—удивилась Глафира.

— Да; то-есть можно только предписывать, обновлять

мышленіе... реформировать мораль и тому подобное, а ничего практическаго, реальнаго предписывать нельзя?

— Ничего реальнаго?.. Гм!—Глафира разсмѣялась и добавила:—а вамъ, вѣрно, думалось, что вы можете дать предписаніе перевезти къ вамъ кассы Ротшильда или Томсона Бонара?

— Нѣтъ, я знаю, что этого нельзя.

— Напрасно вы это знаете такимъ образомъ, потому что это, весьма напротивъ, не нельзя, а возможно.

У Висленева даже горло внутрь въ грудь потянуло.

— Какъ же возможно велѣть привезти къ себѣ кассы?

— Отчего же, если это будетъ внушено хорошимъ умомъ...

— Позвольте! позвольте!—перебилъ, вскочивъ съ мѣста, Висленевъ.—Теперь я понимаю.

— Едва ли?

— Нѣтъ-съ, понимаю, совершенно понимаю.

При этомъ онъ раскатился веселымъ смѣхомъ и заходилъ по комнатѣ.

Глафира молча зажгла свѣчи и пересѣла на другой диванъ.

— Теперь я понимаю все, — заговорилъ, остановясь съ таинственнымъ видомъ, Висленевъ.—Я понимаю васъ, понимаю ваше отступничество отъ прежнихъ идей, и я васъ оправдываю.

— Благодарю, — уронила Бодростина, начиная разрѣзывать новый томъ «Revue Spirite».

— Да; я не только васъ оправдываю, но я даже пойду по вашимъ стопамъ смѣлѣе и далѣе. Извольте-съ, извольте! увѣренный отнынѣ, что разрушеніе традицій и морали путемъ ласковаго спиритизма гораздо удобнѣе въ нашъ вѣкъ, чѣмъ путемъ грубаго матеріализма, я... я не только съ свободною совѣстью перехожу на вашу сторону, но... но я съ этой минуты дѣлаюсь ревностнѣйшимъ гонителемъ всякаго грубаго матеріализма, кромѣ...

— Конечно, кромѣ матеріализма въ любви,—перебила съ улыбкой Бодростина.

— И то нѣтъ; я вовсе не то хотѣлъ сказать, а я хотѣлъ бы, кромѣ всего этого, еще гдѣ-нибудь разразиться противъ матеріализма жестокою статьей и поставить свое имя въ числѣ его ярыхъ враговъ.

— Мѣсто готово.

— Гдѣ же?

— Идите переодѣньтесь и ѣдемъ.

Висленевъ всталъ, переодѣлся и поѣхалъ, и отъ этого ему сдѣлалось хуже.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Онъ теряетъ свое имя и получаетъ имя Устина.

Итакъ, они вышли, сѣли въ фіакръ и поѣхали. Ѣхали много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, и остановились: сердце у Іозефа упало какъ предъ экзаменомъ, и онъ перекрестился въ потемкахъ.

Теперь они уже не ѣхали, а шли.

Припоминаетъ Висленевъ, что онъ былъ введенъ Глафирой въ почтенное собраніе, гдѣ встрѣтилъ очень много самыхъ разнообразныхъ и странныхъ лицъ, съ именами и безъ именъ, съ слѣдами искры Божіей и безъ этого божественнаго знака, но всѣ были равны, безъ чиновъ и безъ различій положенія. Однако, при всей своей ненаблюдательности, Висленевъ усмотрѣлъ, что и здѣсь есть свои дѣленія, свой «естественный подборъ», своя аристократія и свой плебсъ,—первыхъ меньше, послѣднихъ цѣлая масса; физіономіи первыхъ спокойны и свидѣтельствуютъ о savoir faire; лица плебса дышатъ поэтическимъ смущеніемъ и тревогой простодушныхъ пастушковъ, пришедшихъ къ волшебницѣ отыскивать слѣды отогнанныхъ ночью коней и воловъ своего стада.

По своей ненаходчивости и запуганности Висленевъ всего легче склоненъ былъ примкнуть къ искателямъ стадъ, но Глафира, вошедшая при содѣйствіи своей графини и баронессы въ аристократію спиритизма, выдвинула своего печальнаго рыцаря впередъ и дала ему помазаніе savoir faire. Висленевъ началъ пророчествовать, въ чемъ ему не мало помогли давнія упражненія въ этомъ родѣ въ нигилистическихъ кружкахъ Петербурга. Кромѣ того, священнодѣйствіе это здѣсь ему было облегчено необыкновенно ловкимъ пріемомъ Глафиры, которая у подъѣзда сказала ему, что онъ не долженъ говорить по-французски, чтобы не стѣсняться своимъ тяжелымъ выговоромъ, и, введя, тотчасъ отрекомендовала русскимъ человѣкомъ, совсѣмъ не понимающимъ французскаго языка, но одареннымъ замѣчательными медіумическими способностями, и, въ доказа-

тельство его несвѣдущности въ языкѣ, громко сказала по-французски:

— Cet homme est *borné*, mais il donne souvent des reponses aux questions les plus profondes.

Всѣ блажные и блаженные окинули Висленева внимательнымъ взглядомъ и въ дальнихъ рядахъ, гдѣ разслышана была только часть этой рекомендаціи, прокатило имя *monsieur Borné*, новаго медіума, новаго адепта великаго новаго ученія.

Такимъ образомъ съ Висленевымъ здѣсь на первомъ же шагу повторилось то же самое, чѣмъ онъ такъ обижался въ Петербургѣ, гдѣ люди легкомысленно затеряли его собственное имя и усвоили ему названіе «Алинкина мужа». Теперь здѣсь, въ спиритскомъ кружкѣ Парижа, онъ дѣлался monsieur Borné, что ему тоже, конечно, не было особенно пріятно, но на что онъ вначалѣ не могъ возразить по обязанности притворяться непонимающимъ французскаго языка, а потомъ... потомъ ему некогда было съ этимъ возиться: его заставили молиться «невѣдомому богу»; онъ удивлялся тому, что̀ чертили медіумы, слушалъ, вдохновлялся, уразумѣвалъ, что все это и самъ онъ можетъ дѣлать не хуже добрыхъ людей, и наконецъ, получивъ порученіе, для пробы своихъ способностей, вопросить духовъ: кто его геній-хранитель? начерталъ безтрепетною рукой: «Благочестивый Устинъ».

Это было первое несчастіе, котораго никто не можетъ понять и оцѣнить, если мы не скажемъ въ чемъ дѣло! А дѣло было въ томъ, что Іосафъ Платоновичъ дѣйствительно не хотѣлъ записать себѣ въ покровители никакого Устина. Изо всѣхъ именъ христіанскихъ писателей Жозефъ съ великою натугой могъ припомнить одно имя Блаженнаго Августина и хотѣлъ его объявить и записать своимъ покровителемъ, но... но написалъ, вмѣсто Блаженный Августинъ, «Благочестивый Устинъ», то-есть вмѣсто почтеннаго авторитетнаго духа записалъ какого-то незнакомца, который Богъ вѣсть кто и ни вѣсть отъ кого названъ «благочестивымъ».

Это до такой степени разсердило и смутило Жозефа, что онъ сейчасъ же хотѣлъ зачеркнуть Благочестиваго Устина и написать себѣ иного генія; но Глафира остановила его

рѣшительнымъ движеніемъ и объявила, что это невозможно, что духи не ошибаются.

Потомъ она взглянула на бумагу, одобрительно кивнула Висленеву и перевела собранію имя генія-покровителя новаго медіума, при чемъ поставила на видъ и его смущеніе, и то, что онъ написалъ имя, вовсе о немъ не думая.

— О, это прекрасно! Вдохновенно! Божественно! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Это такъ и должно быть, — произнесъ, возведя къ небу рѣзко очерченные темною каемочкой глаза, тихій отецъ парижскихъ спиритовъ и, заложивъ по своей привычкѣ лѣвую руку за бортъ доверху застегнутаго длиннополаго коричневаго сюртука, положилъ два пальца правой руки на руку тощаго молодого человѣка съ зеленовато-желтымъ лицомъ и нѣкоторымъ намекомъ на бакенбарды.

Тотъ сію же секунду взялъ со стола перо съ длинною ручкою изъ розоваго коралла, развернулъ золотообрѣзную книгу въ темномъ сафьянѣ и начерталъ на надлежащемъ мѣстѣ, противъ имени Monsieur Borné, наименованіе его патрона: «Pieux Justin».

Имя и значеніе Жозефа было составлено, и ему оставалось теперь только работать на этомъ амплуа сообщителя откровеній Благочестиваго Устина. Онъ въ этомъ и подвизался, подвизался много, упорно и съ постоянствомъ, пріобрѣлъ навыкъ вѣщать поученіями и отвѣчать на вопросы открытые и закрытые, и дѣлалъ это ловко, и слылъ медіумомъ отличнымъ, но собственныя дѣла его по снисканію фавора у Бодростиной не подвигались. Она была вѣчно окружена сторонними людьми, у ея скромнаго отеля всегда можно было видѣть чей-нибудь экипажъ изъ именитыхъ иностранцевъ и не менѣе именитыхъ заѣзжихъ соотечественницъ: она была, по всеобщему мнѣнію, образцовая спиритка и добродѣтельнѣйшая женщина, а онъ... онъ былъ медіумъ и monsieur Borné.

Въ такомъ положеніи были дѣла ихъ до самой той минуты, когда Глафира Васильевна попросила Жозефа подождать ее за ея дверью, и онъ, сидя на лѣстничномъ окнѣ, перепустилъ предъ своими мысленными очами ленту своихъ невеселыхъ воспоминаній. Но вотъ сердце Жозефа встрепенулось; онъ услыхалъ сзади себя бодрый го-

лось Глафиры, которой онъ приготовилъ сегодня эффектнѣйшій, по его соображеніямъ, сюрпризъ, вовсе не ожидая, что и она тоже, въ свою очередь, не безъ готовности удивитъ его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Устинъ не помогъ.

Дверь, за которою сидѣлъ на окошечкѣ Висленевъ, тихо отворилась и на площадку лѣстницы вышла Глафира Васильевна, по обыкновенію, вся въ черномъ, съ чернымъ антука въ рукахъ и съ лицомъ, завѣшеннымъ до подбородка черною вуалеткой съ вышитыми мушками.

Стройная и сильная фигура ея была прекрасна: все на ней было свѣжо, чисто и необыкновенно ловко, и, вдобавокъ, все, что было на ней, точно съ нею сливалось: ея скрипящій башмачокъ, ея шелестящее платье, этотъ прыгающій въ ея рукѣ тонкій антука и эта пестрая вуалетка, изъ-подъ которой еще ярче сверкаютъ ея страстные глаза и которая прибавляетъ столько нѣжности открытой нижней части лица,—все это было прекрасно, все увеличивало ея обаяніе и давало ей еще новый шикъ. Гордановъ, разжигая Висленева, сравнивалъ генеральшу Синтянину съ Гибралтаромъ. Это шло къ Александрѣ Ивановнѣ, если сравнивать ее съ Гибралтаромъ въ настоящемъ его положеніи, въ рукахъ англійской націи, сынамъ которой, къ чести ихъ, такъ мало свойственна измѣна. Глафиру тоже можно было сравнить съ Гибралтаромъ, но только съ измѣнникомъ-комендантомъ въ цитадели. Этотъ неуловимый запахъ, эта неопредѣленная атмосфера измѣнничества, растлѣвающіе и деморализующіе гарнизонъ и сбивающіе съ толку силы осаждающей арміи, носились и вѣяли вокругъ ея, и пахнули изъ ея глазъ на оторопѣвшаго Жозефа, проходя мимо котораго, она сказала:

— Пойдемте!

Тонкій, долгій, бѣлый и волокнистый Висленевъ соскочилъ съ окна и засѣменилъ за нею.

Сойдя внизъ на улицу, они взяли фіакръ. Въ первомъ же домѣ, гдѣ они очутились, Висленевъ былъ удивленъ, услыхавъ, что Глафира прощается и говоритъ о какихъ-то своихъ внезапныхъ, но тягостныхъ предчувствіяхъ и о не-

медленномъ выѣздѣ въ Россію. Іосафъ Платоновичъ рѣшительно не могъ вѣрить ни словамъ спутницы, ни своимъ собственнымъ ушамъ, но тѣмъ не менѣе обтекалъ съ нею огромный кругъ ея спиритскаго знакомства, посѣтилъ съ ней всѣхъ ея бѣдныхъ, видѣлъ своими собственными глазами, какъ она отсчитала и отдала въ спиритскую кассу круглую сумму на благотворительныя дѣла, и наконецъ, очутясь послѣ всей этой гоньбы, усталый и изнеможенный, въ квартирѣ Глафиры, спросилъ ее: неужто они въ самомъ дѣлѣ уѣзжаютъ назадъ? и получилъ отвѣтъ: «да, я уѣзжаю».

— Когда же мы ѣдемъ?—освѣдомился Висленевъ и получилъ въ отвѣтъ: «сегодня».

— Фу, чортъ возьми!—Но это невозможно сегодня!—возразилъ онъ, и на это уже вовсе не удостоился отвѣта, между тѣмъ какъ приготовленія къ отъѣзду видимо довершались, и monsieur Borné былъ даже вытѣсненъ ради этихъ сборовъ изъ удобнаго помѣщенія Глафиры къ себѣ на душную вышку, гдѣ онъ едва могъ стоять выпрямясь.

Нежданная вѣсть о столь внезапномъ и быстромъ отъѣздѣ срѣзала Висленева, и быстрыя ноги его зашатались: возвратясь въ свою конурку, онъ забѣгалъ по ней, изогнувшись, изъ угла въ уголъ и, наконецъ, всталъ посреди нѣ, уперъ перстъ въ лобъ и стоялъ, держа на плечахъ своихъ потолокъ, какъ Атласъ держитъ землю. Monsieur Borné пришла счастливая мысль удержать Бодростину отъ немедленнаго выѣзда, доказавъ ей неосновательность ея предчувствій, и онъ тотчасъ же подсѣлъ, согнувши ноги, къ окошечку и написалъ къ себѣ письмо отъ Благочестиваго Устина. На этотъ разъ Благочестивый Устинъ предостерегалъ «желающую выѣхать», чтобъ она не выѣзжала, пока пройдетъ опасность, о которой Благочестивый Устинъ обѣщался заблаговременно извѣстить, а въ другомъ... въ другомъ онъ философствовалъ о бракѣ и отвѣчалъ на выставленный Висленевымъ вопросъ о томъ, какъ смотрятъ на бракъ въ высшихъ мірахъ. Благочестивый Устинъ говорилъ о бракѣ, какъ объ учрежденіи божественномъ въ смыслѣ союзи любви, и отрицалъ его значеніе гражданское,—выводомъ изъ всего этого выходило отрицаніе брака съ достовѣрнымъ ручательствомъ, что въ высшихъ областяхъ нѣтъ никакихъ положеній ни о какомъ бракѣ, въ полномъ смыслѣ этого понятія, и что потому понятія эти суетны, вздорны

и не стоятъ вниманія. Благочестивый Устинъ ручался, что всѣ нарушенія условной морали въ сношеніи половъ есть только земная выдумка и притомъ самая несостоятельная, ибо въ существѣ всякая нарушительница этой морали, даже въ самой крайней мѣрѣ, менѣе преступна, чѣмъ дитя, сорвавшее стручокъ гороха изъ чужого огорода, «ибо снабдить чѣмъ бы то ни было своимъ собственнымъ гораздо добродѣтельнѣе, чѣмъ взять что-нибудь чужое».

Послѣднее сравненіе и силлогизмъ, которымъ Іосафъ Висленевъ придавалъ особенное значеніе, онъ почерпнулъ изъ «*Корана*» Стерна, нѣсколько томиковъ котораго, будучи пріобрѣтены Жозефомъ, составили его избранную библіотеку, вмѣстѣ съ «*Парижскимъ Цырюльникомъ*» Поль де-Кока, «*Хромымъ Бѣсомъ*» Лесажа и «*Книгой Духовъ*», собранною изъ сверхъестественныхъ сочиненій Аланомъ Кардекомъ. Жозефъ почерпнулъ изъ Стерна оригинальность для своихъ сужденій, изъ Поль де-Кока—веселость и игривость, изъ Лесажа—способную предпріимчивость, изъ Алана Кардека — смѣлость говорить вѣщимъ языкомъ ветхій вздоръ спиритской философіи. Всѣмъ этимъ онъ заряжался какъ темная фокусная бутылка съ различными напитками и разливалъ по рюмочкамъ, что̀ кому требовалось, но... но хмель его не туманитъ той, для которой вызывались всѣ эти туманныя картины: спиритка Глафира была къ одной части откровеній равнодушна, а къ другой — даже относилась съ обиднымъ и схизматическимъ недовѣріемъ. Къ послѣдней области относились всѣ либеральныя сообщенія Благочестиваго Устина о бракѣ. Глафира крѣпко стояла за бракъ по формѣ, какъ онъ принятъ, и не убѣждалась никакими, ни естественными, ни сверхъестественными доводами въ пользу признанія его только по сущности. Не признавая революціи, проповѣдуемой Висленевымъ при содѣйствіи Благочестиваго Устина и другихъ духовъ, она оказалась непреклонною рабой законовъ европейскаго общества и приводила Іосафа въ отчаяніе. Доживъ до такого возраста, въ которомъ любовь уже начинаетъ повиноваться разуму, и притомъ преслѣдуя цѣли совсѣмъ не любовныя и имѣя предъ глазами столь жалкаго соблазнителя, какъ Висленевъ, Глафира небрегла словами любви и стала въ извѣстномъ смыслѣ plus royaliste que le roi. Она сказала Висленеву разъ и навсегда, что она уже не ребенокъ и зна-

етъ, что̀ такое значитъ любовь человѣка къ чужой женѣ, и потому повѣритъ только въ любовь *своего мужа*.

— Того, который васъ не любитъ и обманываетъ? — поставилъ ей на видъ Висленевъ.

— А развѣ женщину менѣе обманываетъ тотъ, кто говоритъ ей, что любитъ ее, и между тѣмъ ничего не дѣлаетъ, чтобы дать законное значеніе этой любви,—отвѣчала Глафира.

— Что же для этого надо сдѣлать?

— Надо быть моимъ мужемъ.

— Но вы замужемъ.

— По русскимъ законамъ допускается не одинъ бракъ.

— Да, я знаю, что можно выйти замужъ и во второй разъ.

— И даже въ третій.

— Прекрасно-съ; но вѣдь все это, конечно, не вдругъ?

— О, разумѣется, не вдругъ.

— Такъ вѣдь, стало-быть, нужно, чтобы прежде мужъ вашъ умеръ.

— Можетъ-быть.

— А какъ это сдѣлать? Это не отъ насъ зависитъ, и онъ можетъ прожить очень долго.

— Ну, ужъ я вамъ не могу отвѣчать, какъ это сдѣлать, и отъ кого это зависитъ, и сколько онъ еще можетъ прожить,—небрежно молвила Глафира, и съ тѣхъ поръ не сказала Висленеву болѣе ни одного положительнаго слова, а только, по его выраженію, все «упорно стояла на бракѣ».

Нимало не измѣнили ея настроенія и послѣднія откровенія, полученныя Іосафомъ въ его каморкѣ отъ Благочестиваго Устина и другихъ духовъ, переселенныхъ за свои совершенства въ высшія обители. Просмотрѣвъ предъявленныя Висленевымъ предостереженія насчетъ выѣзда, Глафира, которую Іосафъ засталъ за уборкой своихъ дорожныхъ вещей, спокойно взялъ этотъ листокъ и, сунувъ его въ объемистый портфель, набитый такою же литературой monsieur Borné, продолжала свое дѣло.

Іосафа это обидѣло, и онъ, дождавшись конца Глафириной работы, спросилъ ее:

— Неужто она и послѣ этого ѣдетъ?

— Непремѣнно ѣду,—отвѣчала Глафира. — А что такое можетъ помѣшать?

— А это общеніе!

— О, что могутъ значить эти пустяки!

— Какъ пустяки? Такъ вы, значитъ, этому не вѣрите?

— Не вѣрю.

— На какомъ же это основаніи?

— Я имѣю основаніе.

— Да вы что же... вы, можетъ-быть, отвергаете весь спиритизмъ?

— Нѣтъ, я его не отвергаю.

— Такъ... вы отвергаете его опытную часть: отвергаете вѣроятность общеній? Это значитъ отвергаете все.

— Нисколько; напротивъ, я не только не отвергаю общеній, но я ими-то теперь и руководствуюсь.

— А если руководствуетесь, то вамъ въ такомъ случаѣ нельзя ѣхать.

— Нѣтъ, именно потому-то мнѣ и должно ѣхать,—отвѣчала Глафира и, выдвинувъ мизинцемъ изъ кучи неубранныхъ еще со стола бумагъ листокъ, проговорила:

— Вотъ, не хотите ли это прослушать?

На листкѣ собственнымъ почеркомъ Глафиры было написано всего только два слова «revenez bientôt».

— Что жъ это такое!—воскликнулъ Висленевъ, который смекнулъ, что тутъ нѣчто скрывается, и въ рукахъ котораго эта страшная бумажка затрепетала.—Что это?—повторилъ онъ.

— Это? Развѣ вы не видите? Это общеніе.

— Но вѣдь это вы сами написали?

— Да, я сама. А что такое?

— Да ничего-съ... Но вы вѣдь не имѣете медіумическихъ способностей.

— То-есть я ихъ не имѣла до сегодняшняго дня, но когда вы прислали мнѣ ваше запрещеніе ѣхать, я была этимъ смущена и, начавъ томиться, вдругъ почувствовала въ рукѣ какое-то млѣніе.

— А-а! Я это знаю: это обманъ, это просто судороги.

— Нѣтъ, извините, совсѣмъ не судороги, а этакое совершенно особенное тяготѣніе... потребность писать, и только что взяла карандашъ, какъ вдругъ на бумагѣ, безъ всякаго моего желанія, получились вотъ эти самыя слова.

Висленевъ очутился въ положеніи самомъ затруднительномъ: онъ понялъ, что Глафира наконецъ посягнула и на

послѣднее его достояніе, на его даръ пророчества. Онъ рѣшилъ биться за это до послѣднихъ силъ.

— Позвольте,—пролепеталъ онъ:—я не отвергаю, что это, пожалуй, могло быть, и могло быть именно точно такъ, какъ вы разсказываете, но вѣдь вы позабываете самое главное, что въ этихъ вещахъ нужны опытность и осторожность. Вы должны знать, что вѣдь между дѹхами есть очень много вчерашнихъ людей.

— Я это знаю.

— Да-съ; есть дѹхи шаловливые, легкіе, вѣтреные, которымъ не только ничего не значитъ врать и паясничать, которые даже находятъ въ томъ удовольствіе и нарочно, для своей потѣхи, готовы Богъ вѣсть что внушать человѣку. Бывали вѣдь случаи ужасныхъ ошибокъ, что слушались долго какого-нибудь великаго духа, а потомъ вдругъ выходило, что это гаерничалъ какой-нибудь самозванецъ, бродяжка, дрянь.

— Ахъ, знаю, знаю! Я, къ сожалѣнію, это очень хорошо знаю и должна сказать вамъ очень не отрадную вѣсть.

— Именно-съ?—вопросилъ Висленевъ, предчувствуя, что ему готовится ударъ еще болѣе тяжкій.

— Извѣстно вотъ что, что вашъ Благочестивый Устинъ...

— Ну, ужъ что касается Благочестиваго Устина, то его не надо безпокоить,—перебилъ Висленевъ.

— Нѣтъ; да что тутъ о безпокойствѣ! А дѣло вотъ въ чемъ, что никакого Благочестиваго Устина не было и нѣтъ.

— Какъ нѣтъ-съ! Какъ не было и нѣтъ-съ никакого Устина! Покорно васъ благодарю за такое сообщеніе! А кто же это, по-вашему, мой геній-хранитель?

— Не знаю, совершенно не знаю.

— Значитъ, по-вашему, у меня нѣтъ, что ли, совсѣмъ генія?

— Не знаю.

— Но кто же тогда столько времени писалъ моею рукой?

— Ахъ! это ужасная мошенница, которую, когда она была на землѣ, звали Ребекка Шарпъ.

— Вздоръ-съ! не вѣрю, это вздоръ: я никакой Ребекки Шарпъ не знаю вовсе.

— Да вамъ и не нужно ее знать, а она вами дѣйствовала... гадкая бездѣльница: вы были ея игрушкой.

— Но кто же она такая-съ?

— Она?.. она лицо довольно извѣстное: она героиня романа Теккерея «*Ярмарка Тщеславія*». О, она извѣстная, извѣстная плутовка!

— Кто вамъ это открылъ?

— Самъ Теккерей.

— Это, можетъ-быть, не вѣрно: это, можетъ-быть, легкій и шаловливый духъ надъ вами потѣшается.

— Ну, нѣтъ.

— Нѣтъ-съ; это надо повѣрить. Мы сейчасъ это повѣримъ,—и Висленевъ засуетился, отыскивая по столу карандашъ, но Глафира взяла его за руку и сказала, что никакой повѣрки не нужно: съ этимъ она обернула предъ глазами Висленева бумажку, на которой онъ за нѣсколько минутъ прочелъ «revenez bientôt», и указала на другія строки, въ которыхъ рѣзко отрицался Благочестивый Устинъ и всѣ сообщенія, сдѣланныя отъ его имени презрѣнною Ребеккой Шарпъ, а всего горестнѣе то, что открытіе это было подписано авторитетнымъ духомъ, именемъ котораго, по спиритскому катихизису, не смѣютъ злоупотреблять духи мелкіе и шаловливые.

— Ну, да,—произнесъ Висленевъ сквозь зубы, кладя на столъ бумажку: — да, все это прекрасно, и на это нельзя возражать, но только скажите: до чего мы дойдемъ, наконецъ, такимъ образомъ?

Онъ не замѣчалъ, что въ своей потерянности онъ велъ разговоръ о томъ, о чемъ думалъ, и вовсе не о томъ, о чемъ хотѣлъ говорить.

Мало обращавшая на него вниманіе, Глафира замѣтила это и, улыбнувшись, спросила:

— А какъ вы думаете: до чего мы дойдемъ?

— Да что же,—продолжалъ разсуждать Висленевъ:—мы прежде все отвергали, и тогда насъ звали нигилистами, теперь за все хватаемся и надо всѣмъ сами смѣемся... и... чортъ знаетъ, какъ насъ назвать?

Бодростина глядѣла на него молча и по лицу ея бѣгала улыбка.

— Право,—продолжалъ Висленевъ:—вѣдь это все выходитъ какое-то поголовное шарлатанство всѣмъ: и безвѣріемъ, и вѣрой, и матеріей, и духомъ. Да что же такое мы сами? Нѣтъ. Я васъ спрашиваю: что же мы? Всякая сволочь имѣетъ

себѣ названіе, а мы... мы какія-то темныя силы, изъ которыхъ невѣдомо что̀ выйдетъ.

— Вы дѣлаете открытіе,—уронила Глафира.

— Да что же-съ? я говорю истину.

— И я съ вами не спорю.

— Всѣ этакъ другъ съ другомъ... на ножахъ, и во всемъ безъ удержа... разойдемся, и въ концѣ другъ друга перерѣжемъ, что ли?

— На ножахъ и безъ удержа,—повторила за нимъ Глафира:—и другъ друга перерѣжемъ. А что же далѣе? Я васъ съ любопытствомъ слушаю: оказывается, что вы тоже и говорящій медіумъ.

— Да-съ, «говорящій», я говорящій... Благодарю васъ покорно! Заговоришь, заговоришь разными велѣніями и разными языками, какъ...

Но съ этимъ Висленевъ всталъ и, отойдя отъ Бодростиной, прислонился къ косяку окна.

Межъ тѣмъ Глафира позвала хозяина маленькаго отеля и, не обращая никакого вниманія на Висленева, сдѣлала расчетъ за свое помѣщеніе и за каморку Жозефа. Затѣмъ она отдала приказаніе приготовить ее къ вечеру фіакръ и отвезти на желѣзную дорогу ея багажъ. Когда все это было сказано, она отрадно вздохнула изъ полной груди, взяла книгу и стала читать, какъ будто ничего ея не ожидало.

Ей наконецъ надоѣло это скитанье, надоѣли эти долгіе сборы къ устройству себя на незыблемомъ основаніи, съ полновластіемъ богатства, и она теперь чувствовала себя прекрасно, какъ дитя, въ окнѣ котораго уже занялась заря его именинnаго дня.

Она не замѣтила, какъ Висленевъ, тотчасъ по выходѣ хозяина отеля, обернулся къ ней и лепеталъ: «какъ же я? что же теперь будетъ со мной?» и когда онъ въ десятый разъ повторилъ ей этотъ вопросъ и несмѣло коснулся ея руки, она еще разъ вздохнула и, какъ бы что-то припоминая, проговорила:

— Да, въ самомъ дѣлѣ: какъ же вы и что̀ будетъ теперь съ вами?

— Я рѣшительно не знаю этого: вы совсѣмъ сбили меня съ толку; я совсѣмъ потерялся.

— Постойте!.. Какъ же это я въ самомъ дѣлѣ... такъ разсѣянно?.. Спросите скорѣе Устина!

Висленевъ взглянулъ на нее, потомъ покачалъ укоризненно головой и, наконецъ не выдержавъ, отвернулся и разсмѣялся.

Когда онъ оборотился полуоборотомъ къ Глафирѣ, желая взглянуть на нее искоса и съ тѣмъ вмѣстѣ скрыть отъ нея такъ некстати прорвавшійся смѣхъ, онъ увидалъ, что Бодростина тоже смѣется и... оба вдругъ сняли свои маски и оба искренно расхохотались въ глаза другъ другу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Въ шутовскомъ колпакѣ.

Никто въ такой мѣрѣ, какъ Висленевъ, не представлялъ собою нагляднаго примѣра, какъ искренно и неудержимо способенъ иногда человѣкъ хохотать надъ самимъ собою и надъ своимъ горемъ. Іосафъ Платоновичъ просто катывался со смѣху: повиснувъ на одномъ мѣстѣ, онъ чуть только начиналъ успокаиваться, какъ, взглянувъ на Бодростину, быстро перескакивалъ на другой стулъ и заливался снова.

— Бога ради!..—умолялъ онъ:—не смѣшите меня болѣе, а то я... умру.

— Упаси Богъ отъ такого несчастія,—отвѣчала серьезно Глафира.—Съ кѣмъ же я тогда останусь?

Висленевъ опять покатился, закашлялся и, отбѣжавъ въ уголъ, застоналъ и заохалъ. Въ состояніи его было что-то истерическое, и Глафира, сжалясь надъ нимъ, встала и подала ему стаканъ воды.

Жозефъ пилъ эту воду съ такою же жадностію, съ какою нѣкогда отпивался этимъ напиткомъ у Горданова отъ истерики, возбужденной въ немъ притѣсненіями его жены и немилосерднаго Кишенскаго. Разница заключалась только въ томъ, что та давняя истерика вела его къ потерѣ чувствъ и къ совершенному разслабленію и упадку жизненности, межъ тѣмъ какъ теперь съ каждымъ глоткомъ воды, поданной ему бѣлыми, античными руками Глафиры, въ него лилась сила безотчетной радости, упованія и надеждъ. Онъ схватилъ руки Бодростиной и припалъ къ нимъ своими устами.

— Не покидайте меня!—шепталъ онъ между поцѣлуями.

— Я и не думала васъ покидать,—отвѣчала, не отнимая у него своихъ рукъ, Глафира.

— Но вѣдь вы знаете, что мнѣ нельзя возвращаться въ Россію.

— Отчего нельзя?.. Нѣтъ, я этого не знала.

— Да какъ же не знали! Меня тамъ схватятъ.

— За долги?

— Ну, разумѣется. Чуть я только появлюсь въ Петербургѣ, сейчасъ и пожалуйте въ Tarasen Garten, это порядокъ извѣстный.

— Пустяки, у васъ есть дѣти: васъ нельзя сажать въ долговую тюрьму.

Висленевъ замоталъ головой.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—вы это говорите на общихъ основаніяхъ, а мое положеніе особенное, ножевое, меня не защититъ и то, что у меня есть дѣти, то-есть я хотѣлъ сказать, что... ко мнѣ приписаны дѣти.

Бодростина выразила недоумѣніе, но Висленевъ, сверхъ всякаго чаянія, очень обстоятельно разъяснилъ особенныя преимущества своего положенія. Оказывалось, что они состояли въ томъ, что вообще претензіи бываютъ предъявляемы отъ стороннихъ лицъ, а его можетъ посадить собственная, по его выраженію, «родная жена» и мать тѣхъ самыхъ дѣтей, которыми онъ могъ бы нѣсколько защищаться отъ иска лица посторонняго. Онъ здраво выводилъ, что, при представленной имъ роковой комбинаціи, всякое правительственное попеченіе о дѣтской судьбѣ естественно сдѣлается излишнимъ, и вотъ въ этомъ-то и заключалась привилегія его положенія.

Глафира Васильевна не ожидала отъ Іосафа такой далекой и тонкой казуистической предусмотрительности. Такая комбинація, какую вывелъ Висленевъ, ей не приходила въ голову и, по своей крайней курьезности и новости, поставила ее въ невозможность обнять и разъяснить ее себѣ сразу.

«Что же въ самомъ дѣлѣ,—подумала Глафира:—вѣдь оно совершенно логично, что если сама мать дѣтей скажетъ: я не требую содѣйствія моего мужа въ содержаніи ребятъ, а прошу посадить его за долгъ мнѣ въ тюрьму, то, кажется, и взаправду едва ли найдутся логическія причины отказать ей въ такой справедливости».

Глафира едва сдержала на своемъ лицѣ улыбку, вызванную этими соображеніями о логикѣ юридической справед-

ливости вексельнаго права, и, желая успокоить злополучнаго Висленева, сказала, что предполагаемая имъ комбинація такъ нова, что едва ли предусмотрѣна закономъ и, вѣроятно, еще составитъ вопросъ, который можетъ разрѣшиться въ благопріятномъ для Іосафа смыслѣ. Но Жозефъ едва далъ окончить Бодростиной ея утѣшительныя слова и заговорилъ:

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ; я слуга вашъ покорный, чтобъ я сталъ на это полагаться! Знаю я-съ, какъ тамъ въ Петербургѣ на это смотрятъ. Гм!.. Покорно васъ благодарю!.. Нѣтъ; тамъ нашему брату мужчинѣ пощады не ждать: тамъ этотъ женскій вопросъ и всѣ эти разные служебные якобинцы и разные пунцовые филантропы... Куда тамъ съ ними мужчинѣ!.. Они сейчасъ все повернутъ въ интересахъ женскаго вопроса и... мое почтеніе, мужа поминай какъ звали.

— Бѣдныя женщины! все на нихъ; даже и друзьямъ женскаго вопроса—и тѣмъ достается.

— Да-съ, друзья... Знаемъ мы этихъ друзей. Нужно равноправіе, а я во всѣ газеты посылалъ статьи объ открытіи мужского вопроса и нигдѣ не печатаютъ. Будто мы тѣмъ и виноваты, что мы родимся мужчинами, и за то женщины имѣютъ привилегію на всеобщее послабленіе къ нашимъ обидамъ, межъ тѣмъ какъ мы даже вопроса о себѣ поднять не можемъ нигдѣ, кромѣ духовныхъ журналовъ, которыхъ никто не читаетъ... Это тоже прекрасно! Нѣтъ-съ; ужъ я лучше сгину, пропаду здѣсь на чужбинѣ, за границей, но въ Россію, гдѣ женскій вопросъ, — не поѣду. Ни за что, ни за что на свѣтѣ не поѣду!

— Какой вы, однако, злой!

— Нѣтъ-съ, извините меня. Это не я золъ, а скорѣе другіе злы,—отвѣчалъ онъ запальчиво, и развилъ, что если въ Россіи все такимъ образомъ пойдетъ, то это непремѣнно кончится ни больше, ни меньше какъ тѣмъ, что оттуда всѣ мужчины убѣгутъ въ Англію или въ Германію, и надъ Невой и Волгой разовьется царство амазонокъ.

— Ну, а если бы тамъ наконецъ рѣшились въ уровень съ женскимъ вопросомъ поднять мужской вопросъ?—спросила Глафира.

— Ни за что этого не будетъ,—отвѣчалъ со вздохомъ Висленевъ.

— Ну, а если бы?

— Нечего невозможнаго и предполагать, когда у нашихъ монгольскихъ выродковъ все такіе инстинкты, что они все на свѣтѣ готовы для женщинъ сдѣлать. И оно и понятно: въ женщинъ влюбляются и поддѣлываются къ ихъ волѣ и желаніямъ, а мы, мужчины, что̀ такое?.. Мы постоянно нуждаемся въ женской ласкѣ, въ привѣтѣ; чувствуемъ любовь, привыкаемъ къ женщинамъ, наконецъ... противъ насъ все, противъ насъ наконецъ сама природа! Мы такъ несовершенно и мерзко созданы, что одни жить не можемъ. Ну, что ужъ тутъ еще остается толковать? Гибель, гибель, гибель нашему полу въ Россіи, и болѣе ничего!

Бодростина весело разсмѣялась и замѣтила своему собесѣднику, что онъ неосторожно богохульствуетъ, порицая совершенство творенія, чего ему, какъ спириту, дѣлать не надлежитъ; но онъ категорически опровергъ это обвиненіе и доказалъ, что именно какъ спиритъ-то онъ и правъ, потому что признаетъ планету и обитающіе на ней организмы еще въ періодѣ самаго ранняго развитія и вѣритъ, что въ далекомъ или въ недалекомъ будущемъ воспослѣдуютъ усовершенствованія, при которыхъ нынѣшняя и все болѣе и болѣе усиливающаяся власть женщинъ надъ мужчинами упразднится.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы мнѣ говорите столько времени, что вы меня любите?—промолвила Бодростина.

— Говорю, потому что люблю васъ,—отвѣчалъ, всплеснувъ руками, Висленевъ.

— Нѣтъ, а вы гораздо лучше отъ этого эманципируйтесь.

— А что дѣлать, когда не могу.

— Значитъ, кто же надъ вами деспотствуетъ: женщина или вы сами?

— Самъ, я самъ, я знаю, что я самъ.

— Ну, такъ эманципируйтесь отъ себя.

— Не могу-съ, въ томъ-то все и дѣло, что не могу, такъ скверно созданъ.

Собесѣдники снова вмѣстѣ засмѣялись, и Бодростина, не отрицая настояній Жозефа, что онъ «скверно созданъ», отвѣчала, что женщины гораздо покорнѣе мужчинъ волѣ Промысла, устроившаго все такъ, какъ оно устроено, и затѣмъ прямо поворотила рѣчи къ насущному вопросу дня, то-есть къ тому, какъ быть съ собою злополучному Іосафу?

По ея мнѣнію, ему не оставалось ничего иного, какъ ѣхать съ нею назадъ въ Россію, а по его соображеніямъ это было крайне рискованно, и хотя Глафира обнадеживала его, что ея братъ Грегуаръ Акатовъ (котораго зналъ въ старину и Висленевъ) теперь предсѣдатель чуть ли не полусотни самыхъ невѣроятныхъ комиссій и комитетовъ, и ему не будетъ стоить особаго труда поднять въ одномъ изъ этихъ серьезныхъ учрежденій интересующій Іосафа мужской вопросъ, а можетъ быть даже нарядить для этого вопроса особую комиссію, съ выдѣленіемъ изъ нея особаго комитета, но бѣдный Жозефъ все моталъ головой и твердилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Но шутить довольно: какъ бы то ни было, я въ Россію ѣхать не могу.

— Но гдѣ же вы будете жить за границей?

— И за границей мнѣ жить негдѣ.

— Такъ какъ же быть?

— Я опять-таки и этого не знаю.

— Но кто же это долженъ знать?

— И того не знаю.

Глафира улыбнулась и пожала плечами. Висленевъ тоже улыбался: дѣла его, какъ мы видимъ, были не хороши; но онъ былъ увѣренъ, что въ его положеніи начинаетъ дѣйствовать какое-то облегчающее обстоятельство, — его въ этомъ убѣждало его предчувствіе, и онъ не ошибался: Глафира Васильевна не хотѣла его покинуть, ибо приближались уже лукавые дни, когда волокнистый Borné спиритскихъ собраній Парижа долженъ былъ совершить на родинѣ разбойничьи дѣла, къ которымъ онъ давно предназначался...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ дыму и въ искрахъ.

Глафирѣ немного стоило, однако, труда показать Висленеву всю безцѣльность его дальнѣйшаго пребыванія за границей послѣ ея отъѣзда. Висленевъ самъ зналъ, что онъ остается ни при чемъ, и хотя страхъ долговой тюрьмы въ Россіи былъ такъ великъ, что испепелялъ въ немъ даже самый недугъ любви къ Глафирѣ, когда Глафира, принявъ серьезную мину, сказала ему, что всѣ эти страхи въ су-

ществѣ не очень страшны, и что она даетъ ему слово не только провезти его благополучно чрезъ Петербургъ, но даже и увезти къ себѣ въ деревню, то Іосафъ выразилъ полное желаніе ее слушать и сказалъ:

— Конечно, я понимаю, что возможно и спастись, потому что въ Петербургѣ я могу никуда не выходить и сидѣть, запершись, въ какой-нибудь комнатѣ, а въ вашей деревнѣ—тамъ всѣ эти становые и все прочее въ вашей волѣ, да и къ тому же я могу переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, и меня моя драгоцѣнная супруга не изловитъ.

Онъ даже предался мечтамъ по этому случаю, какъ онъ будетъ перебѣгать изъ бодростинскаго имѣнія въ одномъ уѣздѣ въ другое, его же имѣніе, находящееся въ другомъ уѣздѣ, и сдѣлается такимъ образомъ неуловимымъ для безпощадной жены своей и ея друга Кишенскаго; и Іосафъ Платоновичъ, уносясь такими мечтами, сдѣлался даже веселъ и началъ трунить надъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое онъ поставитъ этимъ коварствомъ несчастныхъ становыхъ; но Глафира неожиданно разбила весь этотъ хитрый планъ и разрушила его счастливую иллюзію. Она назвала все это ребяческою полумѣрой и на мѣсто невинной затѣи Висленева докончить дни свои въ укрывательствѣ отъ тюрьмы, сказала, что ужъ пора его совсѣмъ освободить отъ всѣхъ этихъ утѣсненій и эманципировать его такимъ благонадежнымъ способомъ, чтобы онъ вездѣ свободно ходилъ и всѣмъ показывался, но былъ бы неуязвимъ для своихъ недруговъ.

Мысль эта, разумѣется, представилась Висленеву очаровательною; но онъ, считая ее слишкомъ невѣроятною, опять требовалъ объясненія, а Глафира ему этого объясненія не давала.

— Я вамъ не могу этого разсказать, какъ я думаю это сдѣлать, но я это сдѣлаю,—отвѣчала она на его вопросъ.

— Вы это такъ думаете только, или вы въ этомъ увѣрены?

— Это иначе не можетъ быть, какъ я вамъ говорю.

— Но въ такомъ случаѣ почему же вы не хотите ничего сказать мнѣ: какъ вы это сдѣлаете?

— Потому что вамъ этого не нужно знать, пока это сдѣлается.

— Вотъ тебѣ и разъ: но вѣдь я же долженъ быть въ чемъ-нибудь увѣренъ!

— Ну, и будьте увѣрены *во мнѣ*.

— Гм!.. въ васъ.. Я это слышалъ.

— Что?.. развѣ вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ; нѣтъ; не то... не то... я вамъ вѣрю, но вѣдь... позвольте-съ... вѣдь это все меня довольно близко касается и ужъ по тому одному я долженъ... поймите, я *долженъ* знать, что̀ вы со мной намѣрены дѣлать?

— Нѣтъ, вы именно этого *не должны*.

— Почему-съ? скажите мнѣ разумную причину: почему?

— Потому что вы... «скверно сотворены».

— Гмъ! шутка не отвѣтъ.

— Я и не шучу и мнѣ даже нѣкогда съ вами шутить, потому что я сейчасъ уѣзжаю, и вотъ, я вижу, идутъ комиссіонеры за моими вещами и приведенъ фіакръ. Хотите положиться на меня и ѣхать со мною назадъ въ Россію съ твердою вѣрой, что я васъ спасу, такъ идите, забирайте свой багажъ и поѣдемъ, а не надѣетесь на меня, такъ надѣйтесь на себя съ Благочестивымъ Устиномъ и оставайтесь.

Въ это время въ комнату вошли комиссіонеры, и Глафира имъ указала на свои упакованныя вещи, которыя тѣ должны были взять и доставить на желѣзную дорогу.

— Подождите же. я сейчасъ притащу свой сакъ-вояжъ, пусть они и его захватятъ,—произнесъ скороговоркой Висленевъ.

— Только, пожалуйста, поскорѣй, а то мы можемъ опоздать на поѣздъ,—торопила его Глафира.

— О, не бойтесь, не бойтесь: я въ одну минуту! — воскликнулъ на быстромъ бѣгу Висленевъ и дѣйствительно не болѣе какъ черезъ пять минутъ явился съ пустымъ сакъ-вояжемъ въ одной рукѣ, съ тросточкой, зонтикомъ и пледомъ—въ другой, и съ бархатною фуражкой на головѣ.

Сдавъ вещи комиссіонерамъ, онъ самъ сѣлъ съ Глафирой въ фіакръ и черезъ часъ уже ѣхалъ съ нею въ первоклассномъ вагонѣ по Сѣверной желѣзной дорогѣ.

До Берлина они нигдѣ не останавливались, и Жозефъ повеселѣлъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ѣдетъ съ Глафирой рядомъ въ одномъ и томъ же классѣ, и предавался размышленіямъ насчетъ того, что̀ съ нимъ должно произойти въ ближайшемъ будущемъ.

Онъ уже давно потерялъ всякую надежду овладѣть любовью Глафиры, «поддавшейся, по его словамъ, новому

тяготѣнію на бракъ», и даже не вѣрилъ, чтобъ она когда-нибудь вступила съ нимъ и въ бракъ, «потому что какая ей въ этомъ выгода?» Но, размышлялъ онъ далѣе: кто знаетъ, чѣмъ чортъ не шутитъ... по крайней мѣрѣ въ романахъ, надъ которыми я послѣднее время поработалъ, всѣ говорятъ о женскихъ капризахъ, а ея поведеніе по отношенію ко мнѣ странно... Ужъ тамъ какъ это ни разбирай, а оно странно! Она все-таки принимаетъ во мнѣ участіе... Зачѣмъ же, почему и для чего это ей, если бъ она мною не интересовалась? Гмъ! Нѣтъ, во всемъ этомъ я вижу... я вижу ясные шансы, позволяющіе мнѣ надѣяться; но только одно скверно, что я женатъ, а она замужемъ и намъ невозможно жениться. Развѣ тайно... въ Молдавіи, чтобы попъ обвѣнчалъ и въ книжку нигдѣ не записывалъ?

Эта блестящая мысль его посѣтила ночью, и онъ тотчасъ же поспѣшилъ сообщить ее Глафирѣ, съ предложеніемъ повернуть изъ Берлина въ Молдавію и обвѣнчаться, но Глафира не соблазнилась этимъ и отвѣчала:

— Что же это будетъ за бракъ такой?

— Да отчего же: вѣдь если это для совѣсти, такъ тамъ тоже православный священникъ насъ будетъ вѣнчать.

— Прекрасный планъ,—замѣтила ему, отворачиваясь, Глафира.

— Ну, а если для положенія,—бурчалъ Висленевъ:—такъ тогда уже разумѣется...

— Что?—уронила, глядя въ окно, Бодростина.

— Тогда ничего сдѣлать нельзя, пока Михаилъ Андреевичъ живъ,—отвѣтилъ, вздохнувъ, Висленевъ.

— Ну, вотъ то-то и есть, а есть вещи и еще важнѣйшія, чѣмъ положеніе: это деньги.

— Да, деньги, деньги очень важны и дѣлаютъ большой эффектъ въ жизни,—повторилъ Жозефъ слова, нѣкогда сказанныя въ губернской гостинницѣ Гордановымъ.

— А всѣ эти деньги могли бы и должны... быть ваши... то-есть ваши, если только...

При этихъ словахъ Глафира еще больше подалась въ окно и тотчасъ же увидала возлѣ своего лица любопытный ликъ Жозефа, неотступно желавшаго знать: въ чемъ дѣло? какое «если» можетъ разрушить замрѣявшій передъ очами души его «большой эффектъ въ жизни?»

Онъ такъ неотступно приставалъ съ этимъ вопросомъ

къ Глафирѣ, что она наконецъ сказала ему, какъ бы нехотя, что «если» заключается въ томъ, что значительнѣйшая доля состоянія ея мужа можетъ достаться его племяннику Кюлевейну.

— Этому кавалерійскому дураку-то?—воскликнулъ съ сознаніемъ огромныхъ своихъ преимуществъ Висленевъ.

— Да; этому дураку.

— Ну, ужъ это глупость.

— Глупость, да весьма вѣроятная и возможная, и притомъ такая, которой нельзя отвратить.

— Нельзя?

— Я думаю.

Они замолчали и продолжали попрежнему сидѣть другъ противъ друга, глядя въ открытое окно, мимо котораго свистѣлъ вѣтеръ и неслись красныя искры изъ трубы быстро мчавшагося локомотива.

Поѣздъ летѣлъ, грохоталъ и подскакивалъ на смычкахъ рельсовъ: Висленевъ все смотрѣлъ на дымъ, на искры и началъ думать: почему не предотвратятъ этихъ искръ? Почему на трубѣ локомотива не устроятъ какого-нибудь искрогасителя? И вдругъ встрепенулся, что ему до этого совсѣмъ нѣтъ никакого дѣла, а что гораздо важнѣе найти средство, какъ бы не доставалось все Кюлевейну, и чуть только онъ пораздумалъ надъ этимъ, какъ сейчасъ же ему показалось, что искомое средство есть и что онъ его даже нашелъ.

Жозефъ откашлянулся, крякнулъ разъ, крякнулъ еще и, взглядывая на Глафиру, произнесъ:

— А что... если...

Она молча устремила на него свои глаза и, казалось, желала помочь ему высказываться; но Жозефъ ощущалъ въ этомъ нѣкоторое затрудненіе: ему казалось, что его голосъ упалъ и не слышенъ среди шума движенія, да и притомъ вагонъ, покачивая ихъ на своихъ рессорахъ, постоянно мѣняетъ положеніе ихъ лицъ: они трясутся, вздрагиваютъ и точно куда-то уносятся, какъ Каинъ и его тѣнь.

«Что же, все это вздоръ, почему не сказать», — думалъ Висленевъ и, набравъ храбрости, молвилъ:

— А что если этого Кюлевейна не станетъ? Онъ единственный прямой наслѣдникъ Михаила Андреевича, или есть еще и другіе?

— Я никого другого не знаю,—отвѣчала грубымъ контральтомъ Глафира:—но я не понимаю васъ, почему это его вдругъ не станетъ?

— А если его... того?

И Висленевъ, сложивъ кисть лѣвой руки чайничкомъ, сдѣлалъ видъ, какъ будто что-то наливаетъ: но въ это время колесо вагона подпрыгнуло и запищало на переводной стрѣлкѣ, и собесѣдники, попятясь назадъ, подались вглубь своихъ мягкихъ креселъ.

Въ вагонѣ, кромѣ ихъ двухъ, всѣ спали. Когда поѣздъ остановился у платформы станціи, Глафира встала съ мѣста. Она оправила юбку своего суконнаго платья и, насупя брови, сказала Висленеву: «вы начинаете говорить странныя глупости».

Съ этимъ она вышла, и не смѣвшій слѣдовать за нею Жозефъ видѣлъ изъ окна, какъ она быстро, какъ темный духъ, носилась, ходя взадъ и впередъ по платформѣ. Несмотря на то, что на дворѣ еще стояли первыя числа марта и что ночной воздухъ подъ Берлиномъ былъ очень влаженъ и прохладенъ, Бодростина обмахивалась платкомъ и жадно впивала въ себя холодныя струи свѣжей атмосферы.

Висленевъ это видѣлъ и понималъ, что путешественница чѣмъ-то сильно взволнована, но онъ этого не приписывалъ своимъ словамъ, — до того онъ самъ привыкъ къ ихъ ничтожеству,—не соединялъ онъ этого и съ рѣзкимъ отвѣтомъ, съ которымъ Глафира вышла изъ вагона, — это тоже для него была не новость и даже не рѣдкость; но онъ очень испугался, когда послышался послѣдній звонокъ и вслѣдъ затѣмъ поѣздъ тронулся одновременно съ кондукторскимъ свисткомъ, а Глафира не входила.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

На краю погибели.

Это обстоятельство чуть не стоило жизни бѣдному Висленеву. Почувствовавъ, что поѣздъ тронулся и покатился, Іосафъ Платоновичъ заметался, затрясся, кинулся внутрь вагона, наступивъ на ноги двумъ спавшимъ пассажирамъ, потомъ метнулся назадъ, высунулся въ окно, взалъ, кричалъ и наконецъ, быстро оторвавшись отъ окна, кинулся опрометью къ двери и едва былъ удержанъ на вагонной

ступени кондукторомъ: иначе онъ непремѣнно слетѣлъ бы внизъ и былъ бы или разрѣзанъ на рельсахъ, или сдавленъ между буферами. Но, къ счастію для него и для насъ, этого несчастія не случилось, благодаря бдительности и нѣмецкой аккуратности кондуктора, который не ограничился тѣмъ, что изловилъ Висленева на краю пропасти, но неотступно усадилъ его на мѣсто и, въ виду его необъяснимаго волненія, присѣлъ возлѣ него самъ, чтобы не допустить его возобновить свою попытку броситься подъ вагонъ. А что Висленевъ имѣлъ намѣреніе найти смерть на рельсахъ, въ этомъ не сомнѣвался ни самъ кондукторъ, ни тѣ изъ пассажировъ, которыхъ Жозефъ разбудилъ, наступивъ на ихъ мозоли. Къ тому же, на несчастье путешественника, онъ, будучи рьянымъ врагомъ классицизма, не зналъ тоже никакихъ и новыхъ языковъ и могъ говорить только на своемъ родномъ. Мѣшая русскія слова съ нѣмецкими, онъ высказывалъ свои опасенія за судьбу оставшейся на станціи своей сопутницы, но его никто не понималъ и въ отвѣтъ на всѣ его моленія, жалобы и порывы вскочить, нѣмецкій кондукторъ, съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на гороховую колбасу, присаживалъ его мощною рукой на мѣсто и приговаривалъ: «Seien Sie ruhig!» и затѣмъ продолжалъ вести вполголоса бесѣду съ тѣми изъ пассажировъ, которые проснулись и любопытно наблюдали эту сцену.

Плохо понимавшій по-нѣмецки, Висленевъ не обращалъ вниманія на ихъ разговоръ, въ которомъ до ушей его еще чаще другихъ словъ долетало слово verrückt, и къ отягченію своего положенія оставался въ безвѣстности о томъ, что его считаютъ сумасшедшимъ. Въ его разстроенномъ воображеніи мелькнула мысль, что Глафира на него донесла и выдала его, а сама скрылась, а ему уже нѣтъ спасенія. Это было ужасное состояніе, и Висленевъ, потерявъ надежду вырваться изъ-подъ присмотра или объясниться съ суровымъ кондукторомъ, ѣхалъ въ полномъ отчаяніи. Онъ считалъ себя погибшимъ, видѣлъ себя уже разстрѣляннымъ, повѣшеннымъ, затерянным, пропавшимъ безъ вѣсти и... упавъ духомъ, проклиналъ Глафиру. Иногда только ему входило въ голову, что она, можетъ-быть, и въ мысли не имѣла доносить на то, что онъ сдѣлалъ чайникомъ руку, а просто упустила поѣздъ. Но онъ не хотѣлъ ее жалѣть, онъ и тутъ хотѣлъ клясть и клялъ, если не за предательство и

коварство, то за «проклятыя женскія фантазіи», ради которыхъ она вышла изъ вагона и пошла расхаживать.

«Чего? чего она вышла? — вопрошалъ онъ самого себя и, сжимая кулакъ свободной отъ кондукторскаго ареста руки, цѣдилъ сквозь зубы: — ухъ, какъ бы я, съ какимъ то-есть я удовольствіемъ всѣхъ этихъ женщинъ выпоролъ! Чудесно бы это было, и мужья бы меня даже навѣрно похвалили».

Но въ то самое время, когда онъ, изнывая въ своемъ безсиліи, въ сотый разъ повторялъ это невинное желаніе, подъ колесомъ вагона раздался опять визгъ переводной стрѣлки, ходъ поѣзда сталъ умѣреннѣе, и очамъ страдающаго Жозефа представилась живая, цвѣтущая красотою и здоровьемъ Глафира.

Такъ какъ въ этомъ романѣ читателямъ уже не разъ приходилось встрѣчать сцены, относительно которыхъ, при поверхностномъ на нихъ взглядѣ, необходимо должно возникнуть предположеніе, что въ разыгрываніи ихъ участвуютъ невѣдомыя силы незримаго міра,—тогда какъ ученымъ реалистамъ нашего времени достовѣрно извѣстно, что нѣтъ никакого иного живого міра, кромѣ того, вѣнцомъ котораго мы имѣемъ честь числить насъ самихъ, — то необходимо сказать, что внезапное появленіе Бодростиной въ вагонѣ не должно быть относимо къ ряду необъяснимыхъ явленій въ родѣ зеленаго платья, кираспрскаго мундира съ разрѣзанною спинкой, гордановскаго секрета разбогатѣть, синтянинскаго кольца съ соскобленною надписью, болѣзненнаго припадка Глафиры и другихъ темныхъ явленій, разъясненіе которыхъ остается за авторомъ въ недоимкѣ. Теперь мы уже не такъ далеки отъ всѣхъ этихъ разгадокъ; но разъясненіе появленія Бодростиной на всемъ ходу вагона не станемъ даже откладывать ни на минуту и займемся имъ тотчасъ же,—дадимъ его какъ задатокъ къ тѣмъ расплатамъ, какія за нами числятся и которыя мы въ свое время надѣемся произвести самою натуральною и ходячею монетой.

Дѣло было весьма просто и могло показаться страннымъ и невѣроятнымъ не по существу своему, а по взгляду, который имѣлъ на него смотрящій.

Глафира Бодростина, издавна начертавъ себѣ планъ завладѣть огромнымъ состояніемъ своего мужа, ускользавшимъ

отъ нея по ея же собственной винѣ, по ея неспособности совладать съ собою въ первые годы своего замужества и лицемѣрно или искренно составить себѣ прочную репутацію, взялась за это дѣло нѣсколько поздно; но она, какъ мы видѣли, не теряла надежды привести все къ такому концу, какой для нея былъ нуженъ. Все это она вела исподволь, медленно и разсчетливо соединяя множество лицъ и ихъ страстей и влеченій къ одному фокусу стекла, чрезъ которое желала показать міру актъ своего торжества. Простой планъ известь мужа и овладѣть его состояніемъ былъ извѣстенъ, кромѣ ея самой, одному Горданову, но Гордановъ недаромъ додумывался въ Москвѣ до того, что это не весь планъ, а не болѣе какъ только намекъ на то, чего желаетъ и къ чему стремится Глафира. Гордановъ не ошибался, что если бы дѣло шло только о томъ, чтобы убить Бодростина, то это можно было бы давно сдѣлать и ядомъ, и кинжаломъ, но Глафира чего-то, повидимому, выжидала. Это путало соображенія Горданова. Онъ не ошибался: она путала многихъ и не безъ умысла, и въ числѣ этихъ многихъ его болѣе, чѣмъ кого-нибудь другого. Глафира сама опасалась, что Гордановъ это прозрѣлъ и насторожилъ вниманіе, но она была твердо увѣрена, что онъ не можетъ разгадать ея плана въ его цѣломъ. Цѣлое это было извѣстно только ей одной и притомъ часто измѣнялось то въ той, то въ другой детали, отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

По непонятному влеченію контрастовъ, Глафира страстно любила Подозерова: это продолжалось уже цѣлые два года, и къ концу того періода, съ котораго началась наша исторія, чувства Глафиры дошли до неодолимой страсти. Она нѣкогда ухаживала за Подозеровымъ и искала сближенія съ нимъ по тому стереотипному способу, которымъ не брезгаютъ многія; но Подозеровъ, вѣчно занятый дѣлами крестьянъ, недаромъ слылъ чудакомъ. Чувствуя омерзѣніе къ разносторонней «направленской» лжи, съ такимъ избыткомъ переполняющей въ наше время жизнь такъ-называемыхъ «мыслящихъ дѣятелей» того или другого закала, онъ съ чувствомъ глубокой и нервной гадливости удалялся отъ битыхъ ходовъ и искалъ своей доли въ безыскусственномъ и простомъ выполненіи своихъ обязанностей, изъ которыхъ первѣйшею считалъ заботу о своемъ собственномъ усовер-

шенствованіи. Умная и начитанная Глафира часто съ нимъ бесѣдовала и полюбила его умъ, взгляды и правила, а потомъ, увидавъ, что и самая жизнь его строго гармонируетъ съ этими правилами, полюбила и его самого... по контрасту; но онъ не могъ, или не хотѣлъ быть ея любовникомъ. Это она видѣла и остановилась охотиться за нимъ на этомъ полѣ. Даже болѣе: поразмыславъ, она поняла, что онъ и не хорошъ былъ бы любовникомъ, что, измѣнивъ въ этомъ случаѣ своимъ правиламъ, онъ потерялъ бы весь свой букетъ и пересталъ бы походить на самого себя. Тогда онъ пересталъ бы быть интереснымъ, и всякій гусаръ, всякій безпардонный враль, даже всякій нигилистъ въ этой роли были бы интереснѣе его. Но другое дѣло, если бъ онъ былъ ея мужъ... На этомъ она останавливалась съ сладостнѣйшими мечтами; она впадала въ самую пасторальную сентиментальность, доходя даже до того, что воображала его какимъ-то ребенкомъ, а себя—его нѣстуньей, строила планы, какъ бы она лелѣяла его покой, окружа его довольствомъ, любовію, вниманіемъ. Она уносилась такъ далеко, что, подобно тому какъ сказочная невѣста ссорилась съ своимъ женихомъ по поводу выбора мужа для ихъ будущей дочери,—она негодовала на себя, когда ей приходила въ голову мысль, что воображаемый мужъ ея Подозеровъ наскучитъ ей, и она ему измѣнитъ... и какъ онъ это снесетъ? Испанскимъ Дворянином, Гораціемъ, благословляющимъ за то и за другое, или... холодно пренебрежетъ ею и броситъ ее безъ вниманія? Броситъ ее... красавицу... богачку? А что же: она, вѣдь, не Лариса, она знаетъ, что это возможно. Она это предвидѣла, негодовала на это и даже готова была плакать. Пусть психологи объяснятъ, почему любовь порочныхъ людей бываетъ такою сентиментальною и противорѣчащею всѣмъ другимъ чертамъ ихъ характера; но это бываетъ такъ и это такъ было съ Глафирой и съ ея любовью къ Подозерову. Вызвавъ изъ блужданья въ пространствѣ Горданова, она хотѣла его рукой освободиться отъ мужа и тогда... обмануть Горданова и выйти за Подозерова, если онъ женится... Если?.. Но почему же нѣтъ? И наконецъ самая забота объ этомъ приносила уже ей удовольствіе; но все это рушилось, сначала благодаря смазливому личику и какой-то таинственной прелести Лары. Потомъ эта дуэль, въ которой Гордановъ настолько превзо-

шелъ самого себя въ предательствѣ и слѣпой наглости, что Глафира этого даже не ожидала, а потомъ... потомъ все докончило извѣстіе о свадьбѣ Лары, сообщенное Гордановымъ въ томъ же самомъ письмѣ, при которомъ была прислана въ Парижъ прекрасная фотографическая карточка, изображающая генеральшу Синтянину въ нѣжнѣйшей позѣ съ Павломъ Николаевичемъ. Сентиментальная любовь Глафиры была съ корнемъ вырвана этимъ извѣстіемъ, и съ нею откинуты всѣ затѣи по сердечной части. но:.. нѣчто, впрочемъ, осталось. Главное дѣло теперь было исправить репутацію. При помощи спиритизма и денегъ это было устроено такъ легко, что Глафира черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда въ Парижъ была принята самыми суровыми ревнительницами добродѣтели, получила отъ нихъ выраженія вниманія и дружбы и даже свободно могла бы дѣлать втайнѣ какія угодно тайныя дѣла, и въ свѣтѣ ей нашлась бы поддержка, и всякій намекъ на ея прошедшее почитался бы не иначе, какъ злонамѣренною клеветой. Но Глафира не спѣшила пользоваться этою легкою побѣдой, она выждала извѣстій о появленіи и о сдачѣ новорожденнаго младенца княгини Казимиры. Между тѣмъ, бѣдный кварталъ, въ которомъ она жила, заговорилъ о ея святости, добротѣ и христіанскомъ милосердіи. Какъ актрисы собираютъ нумера газетъ, въ которыхъ съ похвалой отзываются объ ихъ дебютахъ, такъ Бодростина собирала нумера, гдѣ парижскіе фельетонисты мелкихъ газетъ писали напыщенный вздоръ о ея благодѣяніяхъ. Все это, разумѣется, стоило денегъ, но Глафира на это не скупилась. По мѣрѣ выхода этихъ газетныхъ мадригаловъ, Глафира посылала ихъ въ Петербургъ, гдѣ Гордановъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ ее въ газетахъ бранили за благодѣянія, расточаемыя иностранцамъ. Другія газеты спѣшили услужливо оспаривать эти нападки, и имя Глафиры дѣлалось предметомъ разговоровъ и толковъ. Она пріобрѣла нѣсколько безсильныхъ враговъ и множество друзей, имѣющихъ вѣсъ и значеніе въ сферахъ, гдѣ космополитизмъ Глафиры давалъ ей наилучшую рекомендацію.

Такимъ образомъ она возвращалась на родину съ цѣлою батареей презервативовъ, долженствовавшихъ охранять ее отъ заболѣваній недугами, которые должна была породить ея собственная злая воля. Но приближеніе къ развязкѣ запутанныхъ ею узловъ все-таки дѣйствовало на нее не-

пріятно... Натура въ ней, противъ воли ея, возмущалась и въ сердцѣ ея шевелилось нѣчто въ родѣ молитвы: да идетъ сія чаша мимо. Ея душевное состояніе было подобно состоянію деспота, который стремится къ абсолютному тиранству, опираясь на содѣйствіе низкихъ клевретовъ и предателей: она противъ воли своей презирала тѣхъ, на кого опиралась, и съ неудовольствіемъ уважала тѣхъ, кого ненавидѣла. Отсюда получило свое начало, можетъ-быть не всегда умѣстное, ея полупрезрительное отношеніе ко всѣмъ ея темнымъ ангеламъ, не исключая самаго старшаго изъ нихъ, Павла Николаевича Горданова. Когда эти люди слѣпо исполняли ея волю, она еще сносила свое положеніе, но когда тотъ или другой изъ ея пособниковъ неосторожно давалъ чувствовать, что онъ проникаетъ въ ея планъ и даже самъ можетъ ей его подсказывать, то ею овладѣвало чувство нестерпимой гадливости. Поэтому, когда Висленевъ, коснувшись въ разговорѣ съ нею опасности, какую имѣетъ для нея пребываніе въ живыхъ племянника ея мужа, ничего незначащаго кавалериста Кюлевейна, выговорилъ: «а если его... того?» и при этомъ сдѣлалъ выразительный знакъ кистью руки, согнутой въ видѣ чайничка, Глафирѣ сдѣлалось невыносимо противно, что ее проникъ и понялъ этотъ глубоко презираемый ею monsieur Borné, сохраняемый и приготовляемый ею хотя и на самую рѣшительную, но въ то же время на самую низкую послугу.

Эта гадливость была поводомъ къ тому, что Глафира, во-первыхъ, далеко откинулась отъ Висленева въ глубину своего дивана; во-вторыхъ, что она назвала слова его глупостью, несмотря на то, что они выражали ея собственное мнѣніе, и, въ-третьихъ, что она выбѣжала, ища воздуху, вѣтру, чтобъ онъ обдулъ и освѣжилъ ее отъ тлетворной близости жалкаго Жозефа. Глафира оставалась на платформѣ станціи до послѣдней минуты, и потомъ, давъ кондуктору въ руку талеръ, ѣхала стоя на площадкѣ у двери вагона. Висленеву этого не пришло въ голову, и онъ жестоко страдалъ, то порываясь бѣжать, то пытаясь сообщить попутчикамъ свое затруднительное положеніе. Онъ лепеталъ, подбирая черезъ пятое на десятое нѣмецкія слова о своей спутницѣ, объ ихъ разговорѣ насчетъ одного больного, который будто бы не хотѣлъ принимать лѣкарствъ и которому онъ совѣтовалъ дать это лѣкарство обманомъ.

При этомъ Висленевъ опять изображалъ изъ свободной руки чайничекъ и прихлебывалъ воздухъ, но всѣмъ этимъ только потѣшалъ не понимавшихъ его нѣмцевъ и наконецъ распотѣшилъ и Глафиру, которая съ прибытіемъ въ Берлинъ взошла въ вагонъ.

Ея появленіе чрезвычайно сконфузило Жозефа, онъ залепеталъ было какія-то объясненія, но та, не слушая его, поблагодарила кондуктора, что онъ поберегъ ея спутника, и велѣла ему отпустить руку Жозефа, а тому дала знакъ помогать ей собирать находившіяся при ней дорожныя мелочи ея багажа.

Пассажиры толпились у выхода, и въ толпѣ можно было замѣтить спокойное и даже веселое лицо Бодростиной и робкій, тревожный зракъ Висленева. Приближеніе къ Россіи наполняло безпокойное воображеніе Жозефа неописанными страхами, и Іосафъ Платоновичъ уже млѣлъ и терялся въ Берлинѣ, а завтра ждалъ его еще большій страхъ и ужасъ: завтра онъ будетъ въ отечествѣ, «котораго и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ», и увидитъ наконецъ свою жену и ея малютокъ, которыя, безъ сомнѣнія, выросли и похорошѣли въ это время, какъ онъ находился въ бѣгахъ изъ Петербурга.

«Да и сколько ихъ тоже теперь у меня? это интересно»,— думалъ онъ, поспѣшая за Бодростиной и закрывая себѣ лицо коробкой съ ея шляпой. «Ухъ, отцы мои родные, жутко мнѣ, жутко! Ухъ, матушка святая Русь, если бы ты была умница, да провалилась бы въ таръ-тарары и вмѣстѣ съ моею женой, и съ дѣтьми, и со всѣми твоими женскими и не женскими вопросами! То-то бы я благословилъ за это Господа!»

И Висленевъ началъ часто креститься рукой по груди подъ бортомъ своего пальтишка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ черномъ цвѣтѣ.

Несмотря на то, что Берлинъ — городъ не только не русскій, но даже не особенно расположенный къ Россіи, всѣ русскіе свободомыслленники, къ числу которыхъ по привычкѣ причислялъ себя и Жозефъ Висленевъ, останавливаясь въ Берлинѣ на обратномъ пути изъ Лондона или Па-

рижа, обыкновенно предвкушали и предвкушаютъ здѣсь нѣчто отечественное, или, лучше сказать, петербургское. Этому, можетъ-быть, много содѣйствуетъ и внѣшнее сходство обѣихъ столицъ. Тѣ же прямыя, широкія улицы, тѣ же зданія казенно-казарменнаго характера, тѣ же стоячіе воротники, тѣ же нѣмецкія вывѣски и та же нѣмецкая рѣчь и паспортная строгость, однимъ словомъ, многое и многое напоминающее, что человѣкъ уже находится въ преддверіи русской столицы.

Висленевъ ощущалъ все это съ чуткостью самаго тонкокожаго инсекта, и чуть только они съ Глафирой пристали въ гостинницѣ, онъ тотчасъ выразилъ чрезвычайную дѣятельность. Нимало не заботясь о томъ, гдѣ его помѣстятъ и какъ будутъ трактовать въ краткое время пребыванія въ Берлинѣ, онъ бросилъ свой сакъ-вояжъ въ передней нумера, гдѣ расположилась отдохнуть Глафира, и попросилъ у нея взаймы десять талеровъ. (Онъ давно забылъ, какъ имѣютъ свои собственныя деньги, и постоянно бралъ у всѣхъ, у кого могъ, взаймы, и всегда маленькими суммами, и притомъ, къ чести его, всегда выпрашивалъ ихъ съ большимъ смущеніемъ и на самый кратчайшій срокъ).

Бодростина никогда ему не отказывала въ ссудѣ, но и никогда не давала ему болѣе, чѣмъ онъ просилъ, да и поступи она иначе, онъ бы этимъ ужасно обидѣлся. Такъ и на этотъ разъ она дала ему требуемые десять талеровъ и, отпуская его изъ дому, наказала, чтобъ онъ не забалтывался и помнилъ, что они сегодня же вечеромъ выѣзжаютъ.

— О, не безпокойтесь, не безпокойтесь, ужъ я не опоздаю, — отвѣчалъ Жозефъ: — я иду по дѣлу, и вы увидите, что я эти нѣсколько часовъ пребыванія въ Берлинѣ употреблю для себя съ большою пользой.

Съ этими словами онъ бросился за двери и убѣжалъ.

Глафира осталась одна и, улегшись, одѣтая, въ довольно жесткое кресло, думала и дремала, дремала и думала. Съ тѣхъ поръ какъ она получила, оказавшееся потомъ ложнымъ, извѣстіе о смерти Подозерова, будто бы убитаго Гордановымъ на дуэли, къ ней рѣдкими, но смѣлыми приступами начало подкрадываться одно странное чувство, нѣсколько общее съ тѣмъ, что ощущала во всѣ знаменательныя минуты своей жизни Лариса. При первомъ из-

вѣстіи, что Подозеровъ убитъ, Глафира не столько сожалѣла о немъ, сколько затруднялась опредѣлить: зачѣмъ же теперь ей все то, что она затѣяла и что совершаетъ? Она находила, что все это напрасный трудъ и рискъ, что для нея почти все равно, пусть все идетъ своимъ порядкомъ, что она теперь ни къ кому уже не чувствуетъ особенной нѣжности. Это былъ тотъ же разломъ, съ тѣмъ же ощущеніемъ своей духовной нищеты, то же самое «нечѣмъ жить», которое томило и обращало Богъ вѣсть во что красавицу Лару. Бодростина выѣхала изъ деревни на окончаніе дѣла неохотно: она даже чувствовала лѣнь все это додѣлывать и даже охотно бы все это бросила, если бы не исторія съ завѣщаніемъ, которую нельзя было оставить, потому что не ровенъ часъ: Бодростинъ самъ могъ пожелалъ взять это завѣщаніе для какой-нибудь перемѣны, чухонецъ Роппшинъ могъ взревновать и измѣнить ей... Всего этого можно было опасаться. Это и подвигло Глафиру ѣхать поправлять свою репутацію съ цѣлью освободиться отъ мужа и стать полновластною госпожей. Извѣстіе о выздоровленіи и женитьбѣ Подозерова не измѣнило ея настроенія. Впрочемъ, въ Парижѣ разломъ и лѣнь еще щадили ее; но дорогой, когда она скрылась отъ Висленева изъ вагона и ѣхала на площадкѣ, обдуваемая вѣтромъ и осыпаемая искрами, она опять ощутила подступъ этого внутренняго татя. Внутренній голосъ зашепталъ ей подъ свистъ вѣтра: «Брось! На что тебѣ все это? Твоему мужу и безъ того недолго остается жить... Онъ старъ; онъ самъ скоро умретъ своею естественною смертью... На что тебѣ этотъ грѣхъ его насильственной кончины?»

«Ни на что, — рѣшительно отвѣчала она сама себѣ, и чувствовала, что разломъ овладѣваетъ ею все сильнѣе, и даже испугалась.—Какъ же теперь оставить: чѣмъ удовлетворить и куда дѣть всю эту несытую сволочь? Всѣ они, стоя на ножахъ другъ съ другомъ, переревнуются, перессорятся, и кто сдуру, кто изъ мстительности, всѣ выдадутъ другъ друга и ее въ томъ числѣ». Тяжелыя эти мысли ея и соображенія не разогналъ, а только разсѣялъ на минуту своими представленіями въ вагонѣ Висленевъ, и зато, какъ только онъ ушелъ, оставивъ ее одну въ нумерѣ берлинской гостиницы, всѣ онѣ снова повисли предъ нею въ воздухѣ и качались скучно и безотвязно.

«Надо додѣлывать,—опять шептало ей ея соображеніе.— Ну, пусть такъ; ну, пусть надо; допустимъ даже, что все это удастся и благополучно сойдетъ съ рукъ: ну, что же тогда далѣе? *Чѣмъ жить?...* Умомъ? Господи, но вѣдь не въ акушерки же мнѣ поступать! Умомъ можно жить, живучи полною жизнью и сердцемъ... Стало-быть надо жить сердцемъ?»

Глафира положила руку на грудь и покачала головой.

«Нѣтъ, — проговорила она себѣ: — нѣтъ, довольно этого, довольно: я уже не могу любить... Довольно, довольно: мнѣ нравился чистый, нравственный контрастъ самой меня, но... но я не могу быть любима своимъ чистымъ, нравственнымъ контрастомъ, да и... я чувствую, что и я его мало, очень мало любила...» А все остальное ей было безразлично противно. Ей даже стало мерзко играть въ ту игру, которую она ведетъ съ Висленевымъ, Ропшинымъ и Гордановымъ, изъ которыхъ каждый втайнѣ одинъ отъ другого разсчитываетъ быть ея мужемъ... Какой позоръ! Эта мизерія Висленевъ, или, еще гаже, этотъ чухонецъ Ропшинъ... О, спаси Боже, какая гадость!.. А Гордановъ?.. этотъ холодный злодѣй и мерзавецъ, наглый, самонадѣянный, злой, коварный предатель и ся пагубникъ...

Глафира при этомъ воспоминаніи даже вся покраснѣла, сжала кулаки и, скрипнувъ зубами, почувствовала неодолимое и страстное желаніе впиться своими пальцами въ его шею и задушить его, какъ она едва этого не сдѣлала полгода тому назадъ въ Москвѣ, при воспоминаніи, что онъ не только убилъ душевно ее самоё, но и старался физически убить Подозерова, единственнаго человѣка, чья нравственная чистота влекла ее порой къ примиренію съ оскорбленнымъ ею и отворачивающимся отъ нея человѣческимъ міромъ. Она глубоко ненавидѣла одного Горданова и ему одному... одному ему на свѣтѣ она хотѣла отомстить за себя тяжело и больно, и это было въ ея рукахъ. На этомъ она вела игру, которая вся теперь была роздана и которую уже насталъ часъ разыгрывать.

«Въ ничью,—опять подсказалъ ей смущающій голосъ.— Въ ничью, потому что... что же ты сдѣлаешь послѣ всего этого съ самою собою?»

— Я буду богата,—утѣшала себя Глафира.

— Ну, а далѣе?—переговаривался голосъ.

— А далѣе?.. А далѣе?.. Я не знаю, что далѣе...

И она лежала, кусая себѣ губы, и досадливо вглядывалась въ ту страшную духовную нищету свою, которая грозила ей послѣ осуществленія ея плана обладать громаднымъ вещественнымъ богатствомъ, и въ эти минуты Глафира была *человѣкъ,* болѣе чѣмъ всѣ ея партнеры. Она видѣла и мысленно измѣряла глубину своего паденія и слала горькія пени и проклятія тому, кто оторвалъ ее отъ дающихъ опору преданій и опрокинулъ предъ ней всѣ идеалы простого добра и простого счастія...

Съ ней и надъ ней загодя совершалась казнь отрицанія, неотразимая для всякаго отрицателя, посягнувшаго на все святое души, но не лишеннаго того, что называется *натурой.* Она вкушала муки духовнаго нищенства, и въ этомъ было ея преимущество предъ Гордановымъ и братіей, и въ этомъ же заключалось и сугубое несчастіе, ибо естественная природа зла, порождающая одно зло изъ другого, не пускала ее назадъ.

Всѣ тяжкіе выводы духовнаго прозрѣнія вдаль не помогали ей нимало: выходило, что она должна довершить то, что затѣяла, хотя бы только для того, чтобъ отдѣлаться отъ стаи воронов, которыхъ она вызвала сама и которыхъ видъ ей столько теперь досадливъ и непріятенъ.

Она вздохнула, оглянулась вокругъ по пустому покою и, хрустнувъ пальцами схваченныхъ рукъ, бросила ихъ съ досадой на колѣни и, закрывъ глаза, опустила голову и задремала.

Сѣрый сумракъ густѣлъ, по коридорамъ гостиницы, вдали, раздавались шаги и смолкали, въ комнатѣ же была ненарушимая тишь, среди которой слышалось глубокое сонное дыханіе Глафиры. Она спала неспокойно, — нѣтъ, спокойный сонъ тоже давно ее оставилъ, но дремота ея была тяжелая и крѣпкая, соотвѣтствующая большой потребности отдыха и большому желанію хоть на время уйти отъ себя и позабыться.

Потребность въ отдыхѣ удовлетворялась вполнѣ, желаніе позабыться — лишь въ самой малой степени: могучій, прочный и выносливый организмъ Глафиры довольствовался самымъ незначительнымъ физическимъ отдыхомъ, и ея силы возрождались и нервы становились спокойны и крѣпки; но забытье, котораго она жаждала, ее позабыло. Оно носилось

гдѣ-то выше, лишь нижнимъ краемъ своей туманной одежды сокрывая отъ Глафиры головы и лица фигуръ, наполнившихъ ея дорожный пріютъ; но она узнавала ихъ темные контуры. Они шевелились и все ближе и ближе выдвигались изъ глубины покоя къ ея креслу, и тутъ вдругъ все затряслось, спуталось, упало на полъ тяжелою длинною куклою и застонало.

Глафира вздрогнула, обвела комнату полудремотнымъ взглядомъ и замѣтила, что по полу комнаты прокатились одинъ за другимъ два мягкіе клубка сѣрой пряжи. Бодростина догадалась, что это были двѣ нѣмецкія мыши, но она не могла понять, что̀ за коричневый черепъ киваетъ ей, вылѣзая изъ полу въ темномъ углу? Она всматривается и видитъ, что это въ самомъ дѣлѣ черепъ, и вотъ, когда движенія его стали тише, вотъ видны ясно два бѣлые глаза.

Бодростина встала, направилась къ этому таинственному предмету и, толкнувъ его ногой, равнодушно отошла и стала предъ окномъ, въ которое были видны берлинскія кровли и вспыхнувшіе вдали рожки газа.

Предметъ, казавшійся кивающею адамовой головой, былъ полукруглый кожаный баулъ, который мыши столкнули съ дорожнаго сундука, а что такое были два бѣлые глаза, это даже и не занимало Глафиру: она знала, что это двѣ замаскировывавшія замки перламутровыя пуговицы. Она чувствовала себя теперь свѣжею и бодрою, и относилась къ недавнему своему разлому какъ къ слабости, которую надо откинуть, и только торопила время.

«Скорѣй бы, скорѣй!—думала она:—скорѣе ѣхать и все бы скорѣе... Но уже пора ѣхать! гдѣ же запропастился Висленевъ?»

Она вынула изъ-за корсажа часы, поднесла ихъ къ самымъ глазамъ и, отличивъ черную стрѣлку на бѣломъ циферблатѣ, нетерпѣливо молвила про себя:

«Гдѣ можетъ до сихъ поръ оставаться этотъ дуракъ?»

Но прежде чѣмъ она успѣла составить себѣ какую-нибудь догадку въ отвѣтъ на это пытанье, ее поразилъ странный шорохъ за дощатою перегородкой, отдѣляющею переднюю.

«Что это?» подумала Глафира и громко крикнула:

— Эй! кто тамъ?

Отвѣта не было.

— Aber sagen Sie doch: wer ist da?—спросила она еще настойчивѣе и громче, но отвѣта снова не было, а только шорохъ послышался еще яснѣе и торопливѣе.

«Какъ это, однако, глупо, что я оставила незапертою дверь за этимъ болваномъ!» подумала Бодростина, и хотя не струсивъ, однако немного покраснѣвъ отъ мысли, что во время дремоты къ ней очень легко могъ забраться воръ, или даже дерзкій грабитель, который, будучи теперь захваченъ ею на мѣстѣ преступленія, можетъ ни за что, ни про что пырнуть ее ножомъ и дать всей судьбѣ ея такое заключеніе, какого она сама никакъ не выводила ни изъ своего прошлаго, ни изъ настоящаго.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Удивилъ!

Опасенія Глафиры, однакоже, были напрасны: шорохъ за перегородкой не заключалъ въ себѣ ничего страшнаго и угрожающаго, а напротивъ, обѣщалъ нѣчто смѣшное. Въ этомъ Бодростина удостовѣрилась въ ту же минуту, когда, пожелавъ разрѣшить свое недоумѣніе, черкнула зажигательною спичкой о стоявшую на столѣ плитку опиленнаго песчаника.

— Не зажигайте, не зажигайте, Бога ради, огня!—прокричалъ ей изъ-за перегородки знакомый голосъ Висленева, и шорохъ оберточною бумагой сталъ слышенъ еще рѣзче и торопливѣе.

— Что это за вздоръ еще? — спросила Глафира, опустивъ незажженную спичку.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это не вздоръ: пожалуйста, не зажигайте.

— Да что вы, съ ума, что ли, сошли?

— Нѣтъ; только одну минуточку; еще одну только минуточку не зажигайте, а потомъ можно.

Глафира вмѣсто отвѣта черкнула новою спичкой; но та, вѣроятно, отсырѣла и не загорѣлась; другая тоже, у третьей отскочила головка; зажигая четвертую, Бодростина уронила на полъ весь зажигательный снарядъ и стала подбирать его.

Во все это время Висленевъ усиленно ворочался, кряхтѣлъ и пыжился.

Но вотъ Глафира зажгла огонь, и въ ту же самую секунду Жозефъ сдѣлалъ самодовольное «у-у-фъ», и добавилъ: «фу ты, Господи, какъ я вспотѣлъ!»

— Что даже находите нужнымъ объявить объ этомъ,— отозвалась Бодростина, зажигая отъ одной свѣчи другую на подзеркальной доскѣ.—Но пожалуйте-ка сюда.

— Сейчасъ-съ.

И затѣмъ прошла еще минута, а Висленевъ не появлялся, между тѣмъ какъ въ узкій просвѣтъ подъ дверью Глафирѣ были видны висленевскіе сапоги.

— Да идите же скорѣе, а то мы изъ-за васъ еще опоздаемъ,—крикнула Глафира.

— Иду-съ. иду.

И сапоги засуетились около двери, но опять ни съ мѣста.

Глафира подошла скорыми шагами къ двери, быстро отмахнула ее однимъ движеніемъ, но отмахнула не безъ труда и не безъ усилія, потому что за дверью цѣпко держался за ручку и наконецъ вылетѣлъ на средину комнаты... кто?.. Какъ назвать это лицо? Глафира отступила два шага назадъ. Вмѣсто Жозефа предъ ней стоялъ... чужой человѣкъ, брюнетъ, съ лицомъ, тщательно закрытымъ ладонями.

— Да что же это, наконецъ, такое? — воскликнула Глафира и, однимъ движеніемъ отведя руки незнакомца отъ его таинственнаго лица, расхохоталась.

Предъ нею стоялъ Висленевъ, но не Висленевъ бѣлый и волокнистый, а жгучій, пламенный брюнетъ, съ темною родинкой на лбу у правой брови и съ другою такою же наперекосъ посерединѣ лѣвой щеки.

Лишь фигура да взоръ напоминали прежняго Висленева: онъ также мялся на мѣстѣ, и то тушилъ глаза внизъ, то хотѣлъ ихъ поднять и разсмѣяться, что ему, наконецъ, и удалось. Видя недоумѣніе Глафиры, онъ вдругъ принялъ изъ несмѣлой и потерянной позы самую развязную, и шаркнувъ и размашисто поклонясь предъ Бодростиной, отнесъ въ сторону руку и произнесъ:

— Какъ вы находите?

— Довольно отвратительно. Объяснитесь, пожалуйста, что это за маскарадъ? Для чего это вы изволили окраситься въ эту вороную масть и расписали себѣ родимыми бородавками фронтонъ?

— Такъ... совершенно такъ, потому что это такъ нужно,— отвѣчалъ Висленевъ.

— Трусъ!—произнесла, презрительно покачавъ на него головой, Глафира.—Ахъ, какой трусъ, и жалкій, презрѣнный трусъ, теряющій сознаніе и невѣдающій, что онъ дѣлаетъ.

— Можете говорить что вамъ угодно, а всякій борется за существованіе какъ онъ умѣетъ, — отвѣчалъ, обижаясь, Жозефъ.—Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правѣ женщины не трусилъ, и никогда бы не струсилъ и не побоялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болѣе должень; но когда мы въѣзжаемъ въ Россію, гдѣ на сторонѣ женщинъ законы, тутъ... я, какъ мужчина, обязанъ сберечь свою свободу отъ женином власти; да-съ, я это обязанъ!

Глафира не возражала ни слова и, глядя молча на перекрашеннаго Висленева, размышляла: какъ ей съ нимъ быть? Удобно ли ей везти его съ собою далѣе, послѣ его предусмотрительной, но неожиданной выходки? Ее вдругъ посѣтила мысль: не сдѣлалъ ли онъ это еще въ какихъ-нибудь иныхъ цѣляхъ?.. Кто его знаетъ: онъ что-то долго ходилъ, могъ зайти куда-нибудь въ богатый магазинъ и... пожалуй, чего добраго, что-нибудь стянулъ? Что же удивительнаго для человѣка, который рѣшился уже однажды подрѣзать пріятельскій портфель, довѣренный ему на сохраненіе? Но она еще посмотрѣла и рѣшила, что это подозрѣніе не можетъ имѣть мѣста, потому что гдѣ ему рѣшиться и что-нибудь сдѣлать самому! Но про всякій случай... про всякій случай она сказала, что она съ нимъ рядомъ въ одномъ вагонѣ не поѣдетъ.

— Это почему?—полюбопытствовалъ Жозефъ.

— А потому, что тотъ же цырюльникъ, который васъ раскрашивалъ, конечно могъ заподозрить ваше поведеніе и вѣроятно уже до сихъ поръ указалъ на васъ полиціи.

Іосафъ Платоновичъ затрясся и лепеталъ, что онъ красился у самаго простого мастера, въ глухой улицѣ, и что нынче красятся многіе очень порядочные люди, а что родинки онъ самъ сдѣлалъ себѣ ляписомъ. Впрочемъ, онъ не сопротивлялся Глафириному рѣшенію и, схвативъ свой сакъ-вояжъ, побѣжалъ на желѣзную дорогу, чтобы взять себѣ мѣсто во второклассномъ вагонѣ. Тутъ онъ забился ранѣе

всѣхъ въ темный уголъ и, замирая со страха, дожидалъ отхода поѣзда, межъ тѣмъ какъ выѣхавшая позже него изъ нумера Бодростина спокойно помѣстилась въ купэ перваго класса.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Висленевъ въѣзжаетъ въ Петербургъ.

Во всю послѣднюю путину Жозефъ не покидалъ своего угла и показался Глафирѣ лишь въ Эйдкуненѣ, у таможеннаго прилавка; но затѣмъ, переѣхавъ русскую границу, онъ началъ ей досаждать на каждой станціи, подбѣгая къ окну ея вагона и прося ее «серьезно» сказать ему: имѣетъ ли она средство спасти его? Глафира нѣсколько разъ отвѣчала ему на это утвердительно, но потомъ ей надоѣло повторять ему одно и то же, и Висленевъ, не получая новыхъ подтвержденій на свои докучанья, сталъ варьировать вопросы. Теперь онъ добивался, скоро ли, по прибытіи въ Петербургъ, надѣется Глафира улучить минуту, чтобы заняться его дѣломъ.

— Скажите мнѣ это, Бога ради, потому что это мнѣ очень важно... это меня безпокоитъ,—говорилъ онъ.—Успокойте же меня, скажите: когда вы начнете?

— Въ первую же минуту, какъ только сниму въ Петербургѣ мою дорожную шляпку,—отвѣчала Глафира.

— Ахъ, не шутите, пожалуйста: мнѣ не до шутокъ.

— Я не шучу и даю вамъ слово, что я прежде всего займусь вашимъ дѣломъ. Вы будете первою моею заботой въ Россіи.

— Честное слово?

— Честнѣйшее, какое только я могу дать.

— Я вамъ вѣрю!

И онъ крѣпко пожималъ и встряхивалъ руку, которую ему нехотя подавала Бодростина, и убѣгалъ въ свой вагонъ, но на слѣдующей остановкѣ опять появлялся возлѣ окна и вопрошалъ:

— Такъ честное слово?

— Да,—отвѣчала коротко Бодростина, и при дальнѣйшихъ остановкахъ не стала открывать своего окна и притворялась спящею.

Жозефъ не осмѣливался ее безпокоить и довольствовался

тѣмъ, что бродилъ возлѣ ея вагона, жалостно засматривая и вздыхая, и затѣмъ исчезалъ до новой остановки.

Чѣмъ ближе они подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ злополучный Жозефъ становился все смущеннѣе и жалче, и когда за три послѣднія станціи на стеклѣ окна показался двигающійся серебряный пятачокъ, что выходило отъ прижатаго Висленевымъ къ стеклу кончика своего носа, то Глафира даже сжалилась надъ нимъ и, открывъ окно, сказала ему самымъ искреннимъ и задушевнымъ тономъ, что она бдитъ надъ нимъ, проситъ его успокоиться и увѣряетъ его, что ему ровно нечего бояться.

— Ваше смущеніе и тревога могутъ гораздо болѣе вамъ вредить, чѣмъ все на свѣтѣ, потому что оно выдастъ васъ на первомъ же шагу. Оставьте это и будьте веселы,—посовѣтовала Бодростина; но Висленевъ отвѣчалъ, что онъ перваго шага отнюдь не боится, ибо первый шагъ для него уже достаточно обезопасенъ, но зато слѣдующіе шаги, слѣдующіе дни и минуты... вотъ что его сокрушало!

Но въ этомъ онъ уже не получилъ утѣшенія: Глафира не слушала его словъ. Но мѣрѣ окончательнаго приближенія къ Петербургу, гдѣ она готовилась дать большое генеральное сраженіе мужу, Казимирѣ и всѣмъ ихъ окружающимъ, Бодростина и сама была неспокойна и, сосредоточенно углубляясь въ свои соображенія, кусала свои алыя губы и не слушала дребезжанья своего партнера.

Висленевъ едва добился отъ нея на послѣдней остановкѣ отвѣта на вопросъ: не будетъ ли ихъ кто-нибудь встрѣчать?

Глафира успокоила его, что о ея пріѣздѣ никто не можетъ знать; что для нея самой необходимо, чтобы пріѣздъ ея въ Петербургъ былъ для всѣхъ неожиданностію и что потому ихъ никто не встрѣтитъ.

— Ну, а если это случайно случится, что кто-нибудь будетъ на станціи, напримѣръ моя жена?—продолжалъ онъ въ тревогѣ.

— Ну, случайность чѣмъ же можно предотвратить? Впрочемъ, вѣдь теперь уже вечеръ и вы перекрашены.

— Да; но по васъ могутъ догадаться, вѣдь вы въ своемъ видѣ выѣзжаете.

— Ну, ужъ я, разумѣется, перекрашиваться не буду; но вы, какъ остановится поѣздъ, берите свой сакъ, сади-

тесь въ первую карету и подъѣзжайте къ подъѣзду: я сяду и васъ никто не увидитъ.

Это была послѣдняя ихъ умолвка на дорогѣ, и черезъ нѣсколько минутъ ѣзды передъ ними завиднѣлись вдали блудящія звѣздочки петербургскихъ огней, а наконецъ вотъ онъ и самъ «полнощныхъ странъ краса и диво».

Суматоха, обыкновенно происходящая при выходѣ изъ вагоновъ, поглотила вниманіе Глафиры настолько, что она, не ожидая помощи Висленева, почти и позабыла о немъ, но онъ самъ напоминалъ ей о себѣ и удивилъ ее еще болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Въ то время, какъ носильщики несли за нею къ выходу ея багажъ, къ ней подскочилъ высокій человѣкъ, съ огромною, длинною и окладистою черною бородою и усами, и прошепталъ:

— Скорѣй, скорѣй... все готово, карета у подъѣзда и вотъ ея нумеръ, а я бѣгу, потому что... видите сколько женщинъ. И съ этимъ незнакомецъ сунулъ ей жестянку нанятой имъ кареты, а самъ юркнулъ въ толпу и исчезъ.

Излишне было бы говорить, что этотъ чернобородый усачъ былъ опять не кто иной, какъ тотъ же Висленевъ. Но когда же успѣла вырасти у него борода? Гдѣ онъ нашелъ мѣсто поддѣть ее: неужто тамъ же въ вагонѣ, или гдѣ-нибудь за угломъ, отыскивая карету? Глафира, однако, не имѣла времени останавливаться надъ разрѣшеніемъ этого курьезнаго вопроса и, сѣвъ въ карету, была поражена новымъ страннымъ явленіемъ: бородачъ очутился у ея дверецъ, захлопнулъ ихъ и, взвившись змѣемъ, уже красовался на козлахъ рядомъ съ кучеромъ и притомъ въ вязаномъ, полосатомъ британскомъ колпачкѣ на головѣ.

— Фу, Боже мой, что дѣлаетъ этотъ дуракъ, является въ городъ такимъ полосатымъ шутомъ? — воскликнула съ негодованіемъ Глафира и, опустивъ переднее стекло экипажа, дернула Жозефа за руку и спросила его по-французски: на что это онъ дѣлаетъ?

— Ахъ, оставьте, Бога ради, оставьте меня,— отвѣтилъ ей, робко озираясь по сторонамъ, Висленевъ.

— Зачѣмъ же вы, какъ шутъ, сидите на козлахъ? Велите остановиться и идите, спрячьтесь въ карету.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Мнѣ здѣсь лучше; пусть меня считаютъ лакеемъ: такъ безопаснѣй.

— Но гдѣ вы это все взяли?

— Въ Берлинѣ купилъ, въ табачной лавкѣ.

— Какъ глупо!

— Ничего-съ, ничего не глупо: меня никто не видалъ, какъ я покупалъ, какъ везъ и какъ надѣлъ въ темномъ углѣ, за дровами, когда бѣгалъ нанимать карету.

— Ну, оставайтесь гдѣ хотите,—рѣшила Глафира, опуская стекло.

Карета ѣхала, ѣхала и наконецъ, заворачивая изъ улицы въ улицу, остановилась у подъѣзда большого дома на Литейной: здѣсь жили Бодростинъ, Гордановъ и Ропшинъ

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Потопъ.

Какъ только экипажъ остановился, Висленевъ соскочилъ съ козелъ. Бодростина думала, что онъ хочетъ открыть ей дверцы, но она ошиблась: его не было. Она вышла сама, и полагая, что Жозефъ снова удралъ куда-нибудь за уголъ, чтобы снять съ себя бороду и усы, стала всходить по освѣщенной лѣстницѣ, приготовляясь, въ какомъ тонѣ встрѣтить мужа, Павла Николаевича и Ропшина, если они дома. Но приготовленія эти были напрасны, потому что тѣхъ, кого она ожидала увидѣть, не было дома, и квартира представляла нѣчто странное: парадная дверь была распахнута настежь и открывала большую, свѣтлую переднюю, гдѣ, въ различныхъ позахъ недоумѣнія, находились три лакея на ногахъ и четвертый, самый младшій, лежалъ у самой двери на полу, съ разинутымъ въ нѣмомъ удивленіи ртомъ.

Все это представляло живую картину, которую, однакоже, Глафира не остановилась разсматривать, а, вступивъ въ комнату, спросила:

— Гдѣ баринъ?

Отвѣта не было; картина продолжалась.

Когда она повторила вопросъ, одинъ изъ лакеевъ кое-какъ процѣдилъ ей:

— Ихъ дома нѣтъ-съ,—и съ этимъ схватилъ лампу и побѣжалъ вглубь помѣщенія.

— Дома ли г. Гордановъ?

— Нѣтъ-съ; ихъ тоже нѣтъ, — отвѣчалъ другой лакей, схватилъ изъ-за шкапа половую щетку и побѣжалъ за первымъ.

Глафира спросила о Рошшинѣ и получила опять такой же отвѣтъ, послѣ котораго третій лакей убѣжалъ, схвативъ желѣзную кочережку отъ пылающаго камина.

Все это имѣло видъ какого-то погрома или партизанскаго сбора на рекогносцировку, и Бодростина потребовала объясненія этимъ странностямъ у послѣдняго, четвертаго лакея, все еще остававшагося на полу, но и этотъ, опомнясь, быстро вскочилъ, заперъ на задвижку дверь и, взявъ въ обѣ руки стоячую, тяжелую ясеневую вѣшалку, устремился съ нею по тому же направленію, куда поскакали его товарищи.

Глафира не могла понять, что̀ такое происходитъ, и пошла въ полутьмѣ амфиладой незнакомыхъ комнатъ въ ту сторону, куда помчались ополченные лакеи. Ее руководилъ долетавшій до нея шумъ, вдругъ обратившійся въ гвалтъ настоящей осады.

Глафира удвоила шаги, путаясь о мебель, и завидѣла наконецъ отраженную полосу свѣта. Она оглядѣлась. Покой, гдѣ она находилась, былъ застланъ пушистымъ ковромъ и уставленъ мягкою, бархатною мебелью. Это былъ кабинетъ старика; влѣво за драпированными дверями видиѣлась его спальня, а правѣе—продолговатая комната или широкій коридоръ, совсѣмъ безъ мебели, и въ концѣ-то этой комнаты запертая дверь, у которой теперь толпились всѣ четыре лакея, суетясь, споря, не соглашаясь и въ то же время штурмуя эту дверь и кочергой, и щеткой, между тѣмъ какъ четвертый, позже всѣхъ прибывшій съ ясеневою вѣшалкой, дѣйствовалъ ею, какъ стѣнобойною машиной.

Бодростина взяла одного изъ осаждавшихъ за плечо и отвела въ сторону.

— Что это вы дѣласте? Что здѣсь за шумъ и за гвалтъ у васъ?

Лакей былъ нѣкоторое время въ замѣшательствѣ, но потомъ отвѣчалъ:

— Господъ нѣту дома; мы всѣ сидимъ и въ шашки занимаемся, а Петръ правительственную газету читалъ, а онъ позвонилъ вотъ точно такъ, какъ изволите слышать кто-то теперь звонитъ. Я Петру Аѳанасьеву говорю: отопри, говорю, Петръ Аѳанасьевъ, а Петръ Аѳанасьевъ какъ отодвинулъ задвижку, да только хотѣлъ спросить — кого ему нужно? А онъ какъ сиганетъ впередъ, да прямо черезъ

Петра Аѳанасьева. Петръ Аѳанасьевъ, непосдержавшись, упалъ, да и съ ногъ... Ахъ, какъ кто-то звонитъ!.. А онъ прямо черезъ Петра Аѳанасьева, да вотъ какъ изволите видѣть... черезъ всѣ комнаты проскочилъ, въ баринову ванну попалъ, сѣлъ и заперся.

— Да кто же, кто же такой?—добивалась Глафира, начиная опасаться, не набредаетъ ли она на разгадку необъяснимаго событія.

— Неизвѣстно-съ,—отвѣчалъ лакей:—больше нельзя полагать какъ или турокъ, или въ родѣ славянскихъ братій, что въ каретахъ возили... Ахъ, какъ звонитъ, проклятый!

И съ этимъ лакей, позвавъ съ собою двухъ другихъ своихъ сотоварищей, бросились отпирать двери, не покидая своихъ орудій, на случай, если бы звонокъ возвѣщалъ новое вторженіе. У двери ванной комнаты остался одинъ дѣйствовавшій вѣшалкой, который при новой суматохѣ остановился и, будучи отстраненъ Глафирой отъ двери, обтиралъ потъ, выступавшій крупными каплями на его лицѣ.

Глафира межъ тѣмъ припала глазами къ замочной скважинѣ и видя, что въ комнатѣ темно, позвала Висленева.

— Это вы здѣсь?—крикнула она сердито.

— Я,—робко и едва слышно отозвался у самой двери Висленевъ.

— Отпирайте скорѣй!

— Ни за что на свѣтѣ!

Зная трусливое упрямство Жозефа, Глафира и не настаивала. Она обратилась снова къ предстоявшимъ ей въ сборѣ слугамъ и сказала, кто она такая и кто незнакомецъ, запершій себя въ ванной комнатѣ Михаила Андреевича.

— Это одинъ нашъ знакомый, сумасшедшій. Не трогайте его, пусть онъ сидитъ, гдѣ ему хочется, онъ пріѣхалъ со мною, и я сейчасъ напишу его роднымъ, чтобы его взяли.

Съ этимъ она, обойдя съ огнемъ всю квартиру, распорядилась внести свои вещи въ кабинетъ мужа, а сама наскоро умылась, сдѣлала безъ всякой сторонней помощи довольно скромный туалетъ и, пославъ человѣка за новою каретой, присѣла у мужниного письменнаго стола и написала: «Я ѣду къ брату Григорію и черезъ часъ возвращусь. Если вы ранѣе меня возвратитесь отъ княгини Казимиры, то распорядитесь избрать мнѣ въ вашей квартирѣ уголокъ для моего пріюта».

Глафира хотѣла оставить этотъ листокъ на письменномъ столѣ, но вдругъ передумала; разорвала бумажку въ клочки и написала на другой слѣдующее: «Осмотрѣвъ вашу квартиру, я избираю себѣ для помѣщенія вашъ кабинетъ и прошу возлѣ помѣстить мою горничную, о выборѣ которой для меня прикажите позаботиться monsieur Ропшину. Глафира».

Написавъ эту записочку, она вложила ее въ конвертъ и велѣла другому лакею немедленно отнести ее къ Михаилу Андреевичу въ квартиру Казимиры.

Потомъ Бодростина еще написала короткую, но обстоятельную и вѣжливую записку къ женѣ Висленева, давно потерянной нами изъ виду, рыжей и статной Алинѣ. Глафира извѣщала ее, что ея мужъ Жозефъ, давно страдая какими-то непонятными душевными недугами, наконецъ совсѣмъ сошелъ въ Парижѣ съ ума, и что она, Глафира, не желая оставить его въ такомъ положеніи на чужбинѣ, привезла его съ собою въ Россію. Но такъ какъ онъ иногда бываетъ довольно безпокоенъ и требуетъ постояннаго за собою надзора, то она просила Алину, нимало не медля, пріѣхать за Жозефомъ и получить его въ свое распоряженіе.

Этого письма уже не съ кѣмъ было отправить сію же минуту, потому что всѣ люди были въ разгонѣ, и Глафира, поручивъ его отнести оставшемуся единственному слугѣ, уѣхала въ приведенной ей извозчичьей каретѣ, межъ тѣмъ какъ вслѣдъ за ея отъѣздомъ пошли звонокъ за звонкомъ, и одинъ за другимъ появились: Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и наконецъ даже Кишенскій. Всѣ они были довольно разнообразно смущены неожиданнымъ и внезапнымъ прибытіемъ Глафиры и суетились и метались по квартирѣ.

Одинъ, кто могъ бы сообщить имъ какія-нибудь свѣдѣнія, былъ Висленевъ, но о немъ не было и помину, онъ сидѣлъ крѣпко-накрѣпко запершись въ ванной и хранилъ глубочайшее молчаніе. Наконецъ слуги, замѣчая смятеніе господъ, сказали, что съ барыней еще пріѣхалъ сумасшедшій высокій, черный баринъ, съ огромною бородой и въ полосатой шапкѣ.

— Это вѣрно онъ!—воскликнулъ Ропшинъ.

— Кто *онъ*? кто *онъ*? — суетливо и съ неудовольствіемъ спрашивалъ старикъ Бодростинъ.

— Кто же, какъ не Висленевъ? Мы отъ него сейчасъ можемъ узнать, куда поѣхала Глафира Васильевна.

— Да, какъ не онъ! — отрицалъ старикъ: — вы изъ ума выжили: Висленевъ бѣлобрысый, а этотъ, слышите вы, говорятъ, огромный, черный и бородастый, и потомъ еще сумасшедшій... Это не кто иной, какъ Водопьяновъ... то-есть я хотѣлъ сказать «Сушасшедшій Бедуинъ».

— Но гдѣ же они могли встрѣтиться?

— А вотъ мы это сейчасъ узнаемъ. Люди! всѣ сколько васъ есть, скорѣе сюда слесаря и отмычками отпереть дверь въ ванную.

Разгонъ слугъ послѣдовалъ еще сильнѣйшій, а въ то время какъ Бодростинъ, Ропшинъ, Гордановъ и Кишенскій остались одни, послѣдній вспомнилъ, что съ нимъ въ пальто есть связка ключей, и кинулся за ними, чтобы попробовать отпереть загадочную дверь. Черезъ минуту желѣзо ключа застучало около замочной скважины, и въ то же мгновеніе въ ванной послышался странный гулъ: тамъ хлынула изъ крана вода, что-то застучало и загремѣло внизъ по открытой спускной мѣдной трубѣ.

— Великій Боже! что же это тамъ за чортъ такой сумасшедшій?—воскликнулъ Бодростинъ, сообщавшій свое смятеніе прочимъ, а чортъ, распоряжавшійся въ ванной, тоже былъ не въ лучшемъ положеніи. Заслышавъ у двери злѣйшаго своего врага Кишенскаго, Жозефъ съ силой отчаянія хватался за все, что нащупывалъ подъ руками и наконецъ, осязавъ кранъ, дернулъ его такъ усердно, что тотъ совсѣмъ выскочилъ вонъ, и вода засвистала черезъ край ванны на средину комнаты и черезъ минуту уже стремилась отсюда быстрыми потоками подъ дверь въ другіе покои, угрожая наводненіемъ всей квартирѣ.

— Запирайте кранъ! запирайте кранъ!—кричали ему всѣ, стуча кулаками въ крѣпкія двери ванной, но—увы!—заключенный не могъ исполнить этого требованія, потому что выдернутый кранъ упалъ въ сточную трубу. Совершенно потерянный Жозефъ стоялъ какъ мраморный дельфинъ, окатываемый брызгами фонтана, межъ тѣмъ какъ Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и Кишенскій, запруживая притокъ воды изъ-подъ дверей скомканнымъ ковромъ, насѣли на этотъ коверъ и старались сколько возможно препятствовать распространенію потопа.

— Боже мой! Боже! ну, день, ну... ну, что же это такое: сто тысячъ требовать за дитя, которое сама же она про-

сила меня передать акушеркѣ? Гдѣ я возьму ей сто тысячъ и притомъ къ завтрашнему дню? А между тѣмъ она завтра подастъ просьбу... уголовный судъ, скамья подсудимыхъ, улики прислуги и... Сибирь, Сибирь, и... въ эту-то пору жена!

Такъ, сидя вмѣсто пресса на коврѣ, разсуждалъ Бодростинъ и уныло водилъ глазами по лицамъ своихъ сотоварищей, которые казались ему еще унылѣе и хранили молчаніе.

Въ этомъ положеніи и застали ихъ набѣжавшіе слуги и слесари, подоспѣвшіе сюда какъ разъ въ то время, когда карета Глафиры остановилась у большого роскошнаго дома на одной изъ петербургскихъ набережныхъ.

Оставивъ видѣнную нами глупую и шутовскую суматоху въ домѣ мужа, Глафира спокойно всходила по широкой лѣстницѣ темнаго камня въ апартаменты, откуда она хотѣла пустить туманъ и смятеніе по направленіямъ, хватающимъ далѣе предѣловъ ея семейнаго круга.

Замѣчательная красота ея и умъ скрывали волненіе, которое она ощущала, идучи съ непреклонною волей и съ хорошо обдуманнымъ намѣреніемъ, но и съ полнымъ сознаніемъ, что она начинаетъ играть огнемъ.

Подойдя къ двери, она на минуту остановилась и, прежде чѣмъ взяться за ручку, насупила брови и еще разъ продумала: хорошо ли она дѣлаетъ? Но, вѣроятно, по ея расчетамъ выходило хорошо, потому что она сказала въ успокоеніе себѣ:

— Вздоръ! всѣ они здѣсь на ножахъ, и въ ложкѣ воды готовы потопить другъ друга. Куражъ, Глафира, куражъ, и хотя вы, Павелъ Николаевичъ, загарантировались, но на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты!—И съ этимъ она смѣлою рукой пожала бѣлую пуговку звонка.

Воодушевившейся, разсчетливой Бодростиной и въ умъ не приходило въ эту минуту, что поученіе ея о простотѣ, нападающей на мудрецовъ, можетъ-быть, ни для кого не имѣетъ столько подходящаго значенія, какъ для нея самой, съ которой не спускаетъ очей своего мщенія униженный и оскорбленный и въ жизни никогда не прощавшій ни одной своей обиды генералъ Синтянинъ. Бѣлоусый, сухой старикъ, снявъ съ себя съ обидой мундиръ, затаплъ на сердцѣ всю злобу своего униженія и, сидя, по отставному положе-

нію, въ мерлушечьемъ архалучкѣ, зорко прозиралъ вдаль и вглубь своими безцвѣтными глазами и кое въ чемъ жестоко ошибался... Синтянинъ считалъ Глафиру женщиной черною и коварною и предчувствовалъ давно задуманный ею преступный замыселъ, но онъ былъ увѣренъ, что Глафира безъ памяти любитъ Горданова и ведетъ все къ тому, чтобы быть его женой. Эта ошибка была причиной того, что Синтянинъ, преслѣдуя одну мысль — отмстить Горданову, безъ прямого намѣренія разставилъ погибельныя сѣти Глафирѣ. Въ эти-то сѣти она и заносила теперь ногу...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Проба пера и чернилъ.

За порогомъ двери, у которой мы оставили Глафиру Васильевну Бодростину, не жилъ ни чародѣй, ни волхвъ, ни заклинатель, а была квартира брата ея, Григорія Васильевича или Грегуара. Это достойное небольшого вниманія лицо до сихъ поръ еще почти не появлялось въ нашей повѣсти, хотя имя его упоминали и Глафира, и Гордановъ, и Подозеровъ; послѣдній даже обращался однажды къ Григорію Васильевичу съ просьбой «принять его на какую-нибудь службу, хоть, напримѣръ, въ писаря, въ его департаментъ». Глафира Васильевна еще ранѣе вспоминала о старшемъ братѣ со вздохомъ, а Гордановъ на вопросы, предложенные о немъ когда-то Глафирой, отвѣчалъ съ смущеніемъ.

Грегуаръ управлялъ департаментомъ и слылъ человѣкомъ отмѣнныхъ дарованій, разсчитывалъ или, по крайней мѣрѣ, мечталъ на директорствѣ не остановиться.

Съ сестрой они были въ открытомъ разладѣ съ тѣхъ поръ, какъ она, воспламененная идеями до-дарвинской эпохи петербургской культуры, принесла Горданову свою молодую и беззавѣтную любовь. Грегуаръ не особенно строго осудилъ поведеніе сестры и, оставаясь хорошимъ сыномъ для покинутыхъ родителей и примѣрнымъ чиновникомъ для начальства, онъ даже навѣщалъ инкогнито Глафиру въ ея маленькой коммунѣ; но, когда сестра покинула Горданова и сдѣлалась Бодростиной, Грегуара это возмутило и въ немъ заиграли служебно-якобинскія симпатіи петербургскаго соціальнаго чиновника. Ему болѣе нравилось видѣть

сестру коммунисткой, чѣмъ предводительшей, ибо онъ «свято вѣрилъ», что самое спасительное дѣло для Россіи «пустить ей кровь и повыдергать зубы». Затѣмъ во все то время, какъ сестра его портила, поправляла, и опять портила, и снова поправляла свое общественное положеніе, онъ поднимался по службѣ, схоронилъ мать и отца, благословившихъ его у своего гроба; женился на состоятельной дѣвушкѣ изъ хорошей семьи и, мѣтя въ сладкихъ мечтахъ современемъ въ министры, шелъ вѣрною дорогою новѣйшихъ карьеристовъ, то-есть засѣдалъ въ двадцати комитетахъ, отличался искусствомъ слагать фразы и блисталъ проповѣдью прогресса и гуманности, доводящею до сонной одури.

Отъ природы онъ былъ гораздо глупѣе своей сестры и сознавалъ это безъ всякой зависти и желчи: напротивъ, онъ любилъ Глафиру, гордился ею и порой даже находилъ удовольствіе ею хвастаться. Онъ былъ убѣжденъ и готовъ былъ другихъ убѣждать, что его сестра—весьма рѣдкая и замѣчательная женщина, что у нея ума палата и столько смѣлости, силы, сообразительности и энергіи, что она могла бы и должна бы блистать своими талантами, если бы не недостатокъ выдержанности, который свелъ ее на битую тропинку.

Съ Михаиломъ Андреевичъ Бодростинымъ Грегуаръ былъ знакомъ и считалъ его дуракомъ, котораго его сестра непремѣнно должна была водить за носъ. Михаилъ Андреевичъ, въ свою очередь, не высоко ставилъ Грегуара. Они изрѣдка дѣлали другъ другу визитъ, и тѣмъ оканчивались всѣ ихъ сношенія. Впрочемъ, въ нынѣшній свой пріѣздъ въ Петербургъ, Бодростинъ, затѣявъ торговыя предпріятія, въ которыя втравливали его Кишенскій и Гордановъ, имѣлъ дѣла по департаменту Грегуара, и они видались другъ съ другомъ нѣсколько чаще.

Въ глубинѣ чиновничьей души, Грегуаръ, впрочемъ, даже чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе числиться родственникомъ такого родовитаго барина, какъ Бодростинъ, и это обстоятельство было извѣстно его женѣ, умной и нѣсколько ядовитой женщинѣ, сохранившей себя безъ пятна и порока и почитавшей себя въ правѣ казнить всякую язю въ людяхъ, начиная съ извѣстной ей суетной мелочности ея мужа.

Въ семьѣ Грегуара отчасти было то же самое, что и въ семьѣ Бодростиныхъ: жена его была умнѣе его самого, обладала несравненно большею противъ него проницательностію, опиралась на свое хорошее родство и привыкла довольно безцеремонно не скрывать предъ мужемъ своего превосходства. Отсюда миръ семьи ихъ не былъ миръ вожделѣнный, а, напротивъ, довольно натянутый, и съ возрастомъ единственнаго сына ихъ, котораго мать любила безъ памяти, а отецъ, занятый своими комитетами, довольно безстрастно, супруги незамѣтно раздвинулись на большую дистанцію. Признавъ волей-неволей несомнѣнныя преимущества своей жены, Грегуаръ не входилъ съ ней ни въ какую борьбу и даже былъ очень радъ, что она вся предалась воспитанію сына, съ которымъ ему не было ни времени, ни охоты заниматься. Грегуаръ отецъ и Грегуаръ сынъ едва были знакомы другъ съ другомъ, и войти въ ближайшія отношенія имъ даже не предвидѣлось повода: Грегуаръ младшій привыкъ считать себя вполнѣ зависимымъ отъ одной матери, а отца считалъ не болѣе какъ за милаго гостя и даже слегка надъ нимъ подтруниваль, отчего, впрочемъ, мать его обыкновенно воздерживала, не замѣчая, что сама первая его всему обучила своимъ живымъ примѣромъ.

Родители столкнулись на вопросѣ о судьбѣ сына только при выборѣ заведенія, гдѣ младшій Грегуаръ долженъ былъ получить образованіе. Отецъ, разумѣется, желалъ видѣть въ сынѣ современнаго реалиста, руководясь теоріями, къ которымъ мать питала отвращеніе. Но мать возстала рѣшительно и побѣдила.

— Я хочу вести моего сына тѣмъ путемъ, который дастъ вѣдомые результаты, и, какъ мать, не позволю дѣлать надъ нимъ опытовъ,—рѣшила она твердо и неуклонно.

Грегуаръ на это было возразилъ, что и онъ, «какъ отецъ», тоже имѣетъ свои права и можетъ пробовать, но, получивъ отвѣтъ, что онъ «не отецъ, а только родитель», отступилъ и, махнувъ рукой, оставилъ женѣ дѣлать съ сыномъ что ей угодно. Съ этихъ поръ онъ еще болѣе предался комитетамъ, укрѣплялъ связи, завязывалъ связишки и утвердилъ за собою въ обществѣ репутацію добрѣйшаго человѣка, а дома, въ глазахъ жены и одиннадцатилѣтняго сына, былъ существомъ, къ которому жена относилась съ

обидною снисходительностью, а иногда даже и съ легкою тѣнью презрѣнія.

Въ эту-то семью постучалась Глафира съ цѣлію помириться съ давно невиданнымъ братомъ, познакомиться съ его женой, о которой она имѣла довольно смутное понятіе, и заставить Грегуара старшаго тряхнуть его связями въ пользу предпринятаго ею плана положить къ своимъ ногамъ Михаила Андреевича Бодростина и стать надъ нимъ во всеоружіи силы, какую она теперь должна получить надъ нимъ, какъ женщина достойнаго почтенія образа жизни, надъ мужемъ безнравственнымъ, мотомъ и аферистомъ, запутаннымъ въ скандальную исторію съ проходимкой, угрожающею ему уголовнымъ судомъ за похищеніе ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ Глафира надѣялась прослѣдить съ помощію брата: не предалъ ли ее гдѣ-нибудь Гордановъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Свой своему поневолѣ другъ.

Когда Глафира вступила въ квартиру брата, Грегуара старшаго не было дома.

Бодростину это не остановило: она прошла въ залъ и велѣла доложить о себѣ невѣсткѣ, которая сидѣла въ это время въ смежной гостиной и проходила съ сыномъ его завтрашній урокъ.

Глафира видѣла тѣни обѣихъ фигуръ матери и сына, слышала какъ человѣкъ произнесъ ея имя, слышала какъ хозяйка потребовала отъ человѣка повторенія этого имени, и вслѣдъ затѣмъ молча встала и вышла куда-то далѣе, а слегка сконфуженный лакей, выйдя на цыпочкахъ, прошепталъ, что Григорія Васильевича нѣтъ дома.

— Хорошо, я подожду,—отвѣтила ему Бодростина:—а вы зажгите свѣчи въ его кабинетѣ и подайте мнѣ туда чаю.

Ея смѣлость и твердость подѣйствовали воодушевляющимъ образомъ на лакея, который тотчасъ же пошелъ исполнять ея приказанія, межъ тѣмъ какъ сама Глафира, бросивъ на диванъ шаль, плавною походкой вошла въ освѣщенную комнату, гдѣ сидѣлъ надъ книгой ея племянникъ.

Подойдя къ мальчику, она обняла его и, поцѣловавъ въ

голову, назвала себя его теткой и спросила о его отцѣ и о матери; но прежде чѣмъ ребенокъ собрался ей отвѣтить, изъ дверей внутренней комнаты вышла сама его мать.

Невѣстка Бодростиной была небольшая и не особенно красивая женщина, лѣтъ тридцати, блондинка, съ тонкими губами, прямымъ носомъ и сѣрыми острыми глазами.

Увидѣвъ сына близъ Глафиры, которая, сидя въ креслѣ, держала его у своего плеча, дама эта слегка передернулась и, измѣнясь въ лицѣ, сказала:

— Если не ошибаюсь, вы сестра моего мужа?

— Да; хоть поздно, но позвольте намъ родными счесться,— отвѣчала Глафира.

Онѣ пожали другъ другу руки, причемъ жена Грегуара тотчасъ же сказала сыну,—чтобъ онъ убиралъ свои книги и шелъ къ себѣ, а сама попросила гостью въ кабинетъ мужа.

Глафира видѣла и понимала, что ее здѣсь глубоко презираютъ и какъ отъ чумы прибираютъ отъ нея дитя, чтобъ она не испортила его своимъ прикосновеніемъ, и она удвоила осторожность и любезность.

Зная, что ничѣмъ нельзя такъ расположить въ свою пользу любящую мать, какъ мѣткимъ словомъ о ея ребенкѣ, Глафира прямо заговорила о замѣтной съ перваго взгляда скромности и выдержанности младшаго Грегуара.

— Да,—отвѣтила мать:—онъ не худой мальчикъ; но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы дѣлать о немъ заключенія.

— Вы какъ хотите его воспитывать?

— Какъ Богъ приведетъ: онъ теперь учится въ хорошей школѣ.

Глафира почувствовала, что ей не удается разговориться съ невѣсткой, потому что та, не продолжая рѣчей о воспитаніи, быстро поднялась съ мѣста и сказала:

— Мужъ мой долженъ тотчасъ вернуться.

— Ахъ, вы за нимъ вѣрно послали?—догадалась Глафира.

— Да, онъ сейчасъ будетъ.

И дѣйствительно, въ эту минуту послышался звонокъ: это былъ Грегуаръ.

— Вотъ и онъ!—проговорила Грегуарова жена и тотчасъ же вышла.

Братъ Глафиры сильно измѣнился въ теченіе многихъ лѣтъ, въ которыя они не видались съ сестрой. Теперь ему

было за-сорокъ; высокая, нѣкогда стройная его фигура сдѣлалась сухощавою, угловатою; голубые глаза обезцвѣтились, сѣдыя бакенбарды и назадъ закинутые порѣдѣвшіе волосы на головѣ придавали ему стереотипный видъ петербургскаго чиновника.

Глафирѣ было не трудно замѣтить, что Грегуаръ съ неудовольствіемъ взглянулъ вслѣдъ своей удалявшейся женѣ.

Братъ и сестра встрѣтились довольно спокойно, но привѣтливо.

Грегуаръ, давно пріучившій себя, ради прогресса и гуманности, равнодушно и безразлично относиться къ добру и злу, подалъ сестрѣ руку и началъ со стереотипной фразы о томъ, что они давно не видались.

— Да, давно,—отвѣчала ему Глафира: — но тѣмъ не менѣе я всегда была увѣрена, что мы съ тобой не разошлись.

— Изъ-за чего же? Полно, сдѣлай милость: я очень радъ тебя видѣть.

— Да, и потому теперь, когда мнѣ нужна была твоя помощь, я рѣшила къ тебѣ прямо обратиться.

— И прекрасно сдѣлала. Чѣмъ могу служить?

Глафира сообщила брату о доходившихъ до нея въ Парижъ странныхъ слухахъ насчетъ ея мужа, о его безумныхъ, рискованныхъ предпріятіяхъ и еще болѣе о его странной связи съ княгиней Казимирой, связи, которая стоила старику чудовищныхъ денегъ и, наконецъ, угрожала теперь скандаломъ по случаю пропажи ребенка.

— Слышалъ, слышалъ,—отвѣтилъ Грегуаръ: — это значитъ: послѣ старости пришедшей былъ припадокъ сумасшедшій.

— Да ужъ какъ знаешь, но это надо остановить; я тебя прошу помочь мнѣ какъ-нибудь въ этомъ случаѣ.

— Очень радъ, очень радъ, но какъ же помочь?

Глафира пожала плечами и проговорила:

— Что жъ дѣлать? Мнѣ бы не хотѣлось, но обстоятельства такого рода, что я вынуждена поступить противъ моихъ желаній; я рѣшила обратиться къ властямъ.

— Это очень просто.

Глафира не ожидала такого согласія и продолжала:

— Очень просто, если ты мнѣ поможешь: одинъ изъ наиболѣе вредныхъ людей, стоящихъ около моего мужа, конечно, Гордановъ.

— Очень умный человѣкъ,—перебилъ Грегуаръ.

Этотъ отзывъ еще болѣе удивилъ Глафиру.

— Да; онъ умный, но вредный. Это темный человѣкъ,— проговорила она и прибавила, что хотѣла бы прежде всего знать о немъ Грегуарово мнѣніе; такъ какъ говорятъ, что Гордановъ пользуется какимъ-то особеннымъ положеніемъ.

— Я не знаю; нынче такъ много говорятъ про особенныя положенія, что не разберешь, кто чѣмъ пользуется,— отвѣчалъ Грегуаръ.—Во всякомъ случаѣ ты можешь отнестись...

Грегуаръ назвалъ одного изъ должностныхъ лицъ, къ которому и совѣтовалъ обратиться Глафирѣ.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Если хочешь, я завтра повидаюсь и предупрежу, а ты поѣзжай.

— Да согласится ли онъ принять во мнѣ участіе, если въ самомъ дѣлѣ Гордановъ имѣетъ покровителя? Не связаны ли они чѣмъ?

— Связаны, какъ всѣ у насъ въ Петербургѣ связаны— враждой другъ къ другу. Здѣсь, душа моя, всѣ на ножахъ. Да ты давно въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, только что пріѣхала, и первый шагъ мой былъ къ тебѣ, а потому и спѣшу домой.

Глафира приподнялась съ мѣста.

— Надѣюсь, мы будемъ видѣться?

— Да, да, конечно, мы будемъ видѣться, — отвѣтилъ Грегуаръ.—Но куда же ты такъ спѣшишь?

— Мнѣ пора; я еще не успѣла оправиться: притомъ твоя жена, кажется, меня не долюбливаетъ.

Грегуаръ махнулъ рукой.

— Что?—переспросила его, улыбнувшись, Глафира.

— Да Богъ съ ней,—отвѣтилъ Грегуаръ.

— У васъ, кажется, дѣйствительно всѣ другъ съ другомъ на ножахъ.

— По крайней мѣрѣ на ножичкахъ,—отшутился, пожавъ руку сестры, Грегуаръ, и тихо пошелъ вслѣдъ за нею къ двери.

— Такъ я не буду ее безпокоить и прощаться съ ней: ты передай ей мой поклонъ. А завтра мы съ тобой въ которомъ часу увидимся?

— Мы съ тобой увидимся, если хочешь, часа въ четыре.

- Прекрасно; ты ко мнѣ пріѣзжай обѣдать.

— Пожалуй; а туда я съѣзжу утромъ и дамъ тебѣ знать.

На этомъ они разстались. Глафира сѣла въ свой экипажъ и возвратилась въ квартиру мужа, гдѣ застала описанный нами въ послѣдней главѣ безпорядокъ: потопъ, произведенный Висленевымъ.

Появленіе Глафиры еще болѣе увеличило этотъ безпорядокъ, но къ прекращенію его послужило письмо, которое вручилъ Глафирѣ Васильевнѣ человѣкъ, посланный ею часъ тому назадъ съ запиской къ Алинѣ.

Алина, извѣстясь о привозѣ ея сумасшедшаго мужа, не замедлила отвѣтить Бодростиной, что она сама нездорова и пріѣхать не можетъ, что помѣщеніе ея въ настоящее время очень тѣсно и неудобно для пріема больного, находящагося въ такомъ положеніи, въ какомъ находится Жозефъ, и что потому она проситъ охранить его до завтрашняго дня, пока она распорядится: или помѣстить Жозефа въ домѣ умалишенныхъ, или устроить его какъ-нибудь иначе.

Прочитавъ это письмо тотчасъ послѣ короткаго и быстраго свиданія съ мужемъ, Гордановымъ, Ропшинымъ и Кишенскимъ, Глафирѣ не было особеннаго труда убѣдить ихъ, что вытащенный изъ ванной комнаты и безмолвствовавшій мокрый Жозефъ возвратился въ умономѣшательствѣ, во имя котораго ему должны быть оставлены безнаказанно всѣ его чудачества и прощены всѣ безпокойства, причиненныя имъ въ домѣ.

Съ мужемъ Глафира держалась довольно холодно. Она отговорилась усталостью, головною болью и прежде всего пожелала успокоиться.

Доставленная, по ея распоряженію, Ропшинымъ горничная устроила ей спальню въ кабинетѣ Бодростина, и Глафира уснула.

Кишенскій ушелъ къ себѣ; Михаилъ Андреевичъ помѣстился въ спальнѣ, а Висленевъ былъ взятъ Гордановымъ.

Іосафъ Платоновичъ нисколько не протестовалъ противъ данной ему клички человѣка сумасшедшаго, даже болѣе: онъ содѣйствовалъ укрѣпленію установившагося мнѣнія, ибо, не желая притворяться сумасшедшимъ, былъ какъ

нельзя болѣе похожъ на помѣшаннаго, и Гордановъ, поговоривъ съ нимъ немного, убѣдился, что Жозефъ въ самомъ дѣлѣ не въ здравомъ разсудкѣ: онъ ничего не сообщалъ, и только хлопоталъ объ одномъ: чтобы находиться въ комнатѣ, постоянно запертой на замокъ, ключъ отъ котораго былъ бы у него въ карманѣ. Когда это было для него сдѣлано, онъ вздохнулъ и освѣдомился:

— Правда ли, что скопцы даютъ деньги?

— Кому?—спросилъ его Гордановъ.

— Ну тѣмъ, кто идетъ въ ихъ вѣру.

— Да, говорятъ, что даютъ. А что такое? Не хочешь ли ты въ скопцы идти? Прекрасно бы, братецъ мой, сдѣлалъ, и мнѣ бы деньжонокъ далъ. Скопцы богатые.

— Нѣтъ; я это такъ,—уронилъ Жозефъ и, спрятавъ ключъ, укутался въ одѣяло и вздыхалъ всю ночь, а къ утру забредилъ скопцами.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Ошибка.

Глафира еще спала, когда ей былъ доставленъ чрезъ курьера конвертъ; Грегуаръ извѣщалъ сестру, что онъ уже видѣлся съ генераломъ, который можетъ оказать ей защиту противъ хищниковъ, опутавшихъ ея мужа, и совѣтовалъ ей, не теряя времени, тотчасъ ѣхать къ его превосходительству.

Одѣться и собраться для Глафиры было дѣломъ одной минуты, и черезъ полчаса ея наемный экипажъ остановился у небольшого каменнаго дома, гдѣ жилъ генералъ. Едва Глафира вступила въ переднюю главнаго помѣщенія этого дома, человѣкъ въ полуформенномъ платьѣ, спросивъ ея фамилію, тотчасъ же пригласилъ ее наверхъ и сказалъ, что генералъ ее ждетъ.

На верхней террасѣ лѣстницы фамилія ея другимъ такимъ же человѣкомъ была передана третьему, и Глафиру Васильевну провели черезъ небольшую гостиную въ комнату, раздѣленную на-двое драпировкою.

Здѣсь, спиной къ драпировкѣ, а лицомъ къ двери, за небольшимъ письменнымъ столомъ, покрытымъ въ порядкѣ разложенными кипами бумагъ, сидѣлъ генералъ: онъ былъ немного лысъ, съ очень добрыми, не привыкшими гнѣваться

сѣрыми глазками. При входѣ Бодростиной, генералъ читалъ и подписывалъ бумаги, не приподнялся и не тронулся съ мѣста, а только окинулъ гостью проницательнымъ взглядомъ и, протянувъ ей лѣвую руку, проговорилъ:

— Добро пожаловать. Чѣмъ могу вамъ служить?

И съ этимъ онъ указалъ ей на кресло, стоявшее противъ него по другую сторону стола.

— Генералъ, моя просьба страннаго свойства, — начала Глафира:—я иду противъ мужа съ тѣмъ, чтобы защитить его и выпутать изъ очень странной исторіи.

— Это я знаю-съ,—отвѣтилъ генералъ, не прерывая ни на минуту чтенія и подписыванія бумагъ.—Что же далѣе?

— Мой мужъ—богатый человѣкъ; онъ всегда имѣлъ слабость вѣрить въ свои коммерческія соображенія и имъ овладѣлъ духъ крайней предпріимчивости, несвойственной ни его лѣтамъ, ни его положенію: онъ разстраиваетъ свое состояніе.

— Это теперь сплошь и рядомъ со многими, но я ничего не могу тутъ сдѣлать,—отвѣчалъ генералъ съ привычною ясностью и скоростью настоящаго дѣлового человѣка.

— Но онъ находится въ рукахъ такихъ людей, которые просто спекулируютъ на его довѣрчивость и увлеченіе.

— Мошенниками полонъ свѣтъ,—перебилъ генералъ:—но пока эти мошенники не попадаются, на нихъ при нынѣшнихъ порядкахъ нѣтъ управы. Я вижу, что я знаю все, что вы мнѣ хотите сказать; я давно знаю эту клику, которая донтъ вашего мужа, но все это безполезно; другое дѣло, если бы вы могли мнѣ дать какія-нибудь доказательства.

Глафирѣ прежде всего, разумѣется, хотѣлось знать, дѣйствительно ли Гордановъ успѣлъ заручиться какимъ-либо покровительствомъ. Постоянно вращаясь въ мірѣ интригъ и не имѣя права разсчитывать ни на какую преданность со стороны Горданова, она опасалась, что и онъ, не довѣряя ей, точно такъ же, можетъ статься, предпочелъ устроиться инымъ способомъ и, можетъ-быть, выдалъ ея намѣренія. Поэтому Глафира прямо спросила своего собесѣдника: что ему извѣстно о Павлѣ Николаевичѣ?

Генералъ, не выпуская пера, только взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

Бодростина поняла, что она сдѣлала неловкость. Къ тому же она ясно видѣла, что генералъ принимаетъ ее не съ аттенціей, на какую она имѣла бы, кажется, право по своему положенію. Это нехорошо дѣйствовало на Глафиру, и она, оставивъ свое намѣреніе выспросить о Гордановѣ, прямо перешла къ другому.

— Мнѣ кажется, генералъ,—сказала она:—что здѣсь есть еще одна особа, противъ которой я тоже не могу вамъ представить никакихъ уликъ юридическихъ, но которой поведеніе настолько явно, что, мнѣ кажется, необходимо остановить ее отъ азартныхъ покушеній на моего мужа.

— Про кого вы говорите?

— Я говорю про княгиню Казимиру Вахтерминскую.

— Въ чемъ же дѣло?

— Она требуетъ съ моего мужа пятьдесятъ или даже сто тысячъ рублей за то, что онъ имѣлъ неосторожность отослать въ Воспитательный домъ рожденнаго ею назадъ тому два мѣсяца ребенка, котораго она ставитъ на счетъ моему мужу.

— Да, но это ея сіятельство можетъ ставить на счетъ кому ей угодно.

— Но она ставитъ именно мужу моему, а не кому-нибудь другому.

— Ну-съ,—продолжалъ генералъ:—такъ чѣмъ же я тутъ могу вамъ помочь?

— Сдѣлайте что вы хотите, генералъ, но я обращаюсь къ вашей милости и на васъ однихъ надѣюсь.

Генералъ ни слова не отвѣтилъ и продолжалъ молча читать и подписывать одну за другою бумаги.

Глафира находила свое положеніе затруднительнымъ и, помолчавъ, начала излагать свои подозрѣнія насчетъ самаго способа выдачи векселей ея мужа, причемъ упомянула и объ исчезнувшемъ артистѣ.

— Да вѣдь то-то и есть, что онъ исчезъ, — проворчалъ генералъ, не прерывая своего писанія и чтенія.

— Но какъ же могъ онъ исчезнуть?

— А вотъ отгадайте! — отвѣчалъ генералъ, опять занимаясь своимъ дѣломъ.

Дальше не могло быть никакого разговора.

Глафира поднялась и спросила:

— Что же, могу ли я на что-нибудь надѣяться, генералъ?

— Я могу ее пугнуть, если она пуглива, и больше ничего.

Бодростина раскланялась, генералъ опять подалъ ей лѣвую руку и сказалъ ей на дорогу доброе пожеланіе, но на сей разъ не удостоилъ уже взгляда.

Глафира вышла и уѣхала весьма недовольная своимъ сегодняшнимъ утромъ и рѣшила забыть объ этой незадачѣ и дѣйствовать самой, тѣмъ болѣе, что это ее и не пугало.

Но въ чемъ же здѣсь ошибка?

Большую ошибку въ чемъ-то здѣсь видѣлъ генералъ: онъ, оставшись, по выходѣ Глафиры, одинъ въ своей комнатѣ, подписалъ еще нѣсколько бумагъ и затѣмъ, вскочивъ вдругъ съ мѣста, отперъ несгораемый шкафъ, помѣщавшійся за драпировкой. Здѣсь онъ безъ затрудненія нашелъ среди множества бумагъ письмо, писанное въ довольно короткомъ тонѣ генераломъ Синтянинымъ, съ просьбой обратить вниманіе на Горданова, который, по догадкамъ Ивана Демьяновича, имѣлъ замыслы на жизнь Бодростина съ тѣмъ, чтобы жениться на его вдовѣ.

«Чортъ возьми, не можетъ же быть, чтобы старикъ Синтянинъ такъ ошибался! А между тѣмъ, если она его любитъ и за него невѣстится, то съ какой стати ей его выдавать и даже путать? Нѣтъ; тутъ что-то не чисто, и я *ихъ* на этомъ баринѣ накрою»,' рѣшилъ генералъ и подавилъ электрическую пуговку на своемъ столѣ.

— Перушкина!—сказалъ онъ вошедшему дежурному чиновнику.

Почти въ это же самое мгновеніе передъ нимъ появился неслышными шагами пожилой человѣкъ, остриженный по-купечески, въ скобку, и одѣтый въ простой, длинополый, купеческій сюртукъ.

— Андрей Парфенычъ!—сказалъ ему генералъ:—поглядѣло ли твое степенство на эту барыню, которая сейчасъ вышла?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство, поглядѣлъ,—отвѣчалъ вошедшій.

— Эта она?

— Такъ-съ.

— Григорья Васильевича Акатова сестрица?

— Слышалъ-съ.

— Ее надо изловить: сумѣешь ли?

Андрей Парфеновичъ тряхнулъ головой, вздохнулъ и произнесъ:

- Службу свою должно исполнять, ваше превосходительство.

— То-то! Я на тебя надѣюсь. Ты одинъ эту механику прослѣдить можешь; тутъ дѣло темное: воръ на вора въ доносъ идетъ.

Андрей Парфеновичъ покачалъ головой.

— Что?

— Ученые-съ, говорю:—бѣда съ ними.

— Да, но смотри, не суди объ этой барынѣ по Григорію Васильевичу, у этой подъ каблукомъ больше ума, чѣмъ у ея брата во лбу. Горданова ты тоже знаешь?—И генералъ вскинулъ острый взглядъ на Андрея Парфеновича.

— Довольно о нихъ извѣстны.

— И понимаешь, чѣмъ онъ держится?

— Помилуйте, какъ не понимать-съ.

— Такъ ты долженъ понимать и то, сколько я тебѣ вѣрю въ этомъ дѣлѣ. Поймай мнѣ этого Горданова!

Андрей Парфеновичъ молчалъ.

— Можешь?

— Постараюсь.

Генералъ хлопнулъ его по плечу и проговорилъ съ разстановкой на ухо:

— Поймай его, и я этого не забуду.

— Изловлю-съ.

— Тутъ есть еще княгинька Вахтерминская.

— Знаю-съ.

— Дѣйствительно ли ты ее знаешь?

Андрей Парфеновичъ развелъ руками и отвѣтилъ:

— Какъ бы не знать! Да вѣдь онѣ тоже при тѣхъ самыхъ дѣлахъ, что и господинъ Гордановъ.

— Изловя ихъ, и я тебя озолочу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старые пріятели.

Возвратясь домой, Глафира Васильевна не застала мужа.

Встревоженный угрозой судомъ, которую сдѣлала ему вчерашній день княгиня Казимира, Михаилъ Андреевичъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ положеніи своихъ дѣлъ: онъ даже не думалъ о женѣ и хлопоталъ только объ одномъ: какъ бы разойтись съ Казимирой. Подъ неотступнымъ да-

вленіемъ этой заботы, онъ, какъ только всталъ, бросился рыскать по городу, чтобъ искать денегъ, нужныхъ для сдѣлки съ Казимирой. Онъ даже завернулъ въ департаментъ къ Грегуару и просилъ его, не можетъ ли тотъ помочь ему въ этомъ случаѣ.

Грегуаръ, разумѣется, ничѣмъ ему помочь не могъ и отдѣлался только общими сожалѣніями, которыя потерявшійся Бодростинъ склоненъ былъ теперь принимать какъ нѣкоторую, хотя малоцѣнную, но все-таки пріятную монету.

— Нѣтъ, за что же-съ? За что же?—жалостно вопіялъ онъ къ Грегуару: — ну, скажите, Бога ради, ну кто же въ свою жизнь былъ Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Ну, она очень хорошенькая женщинка, даже милая женщинка, съ талантами, съ лоскомъ, ну, я бывалъ, но помилуйте, чтобы подвести меня подъ такую глупую штуку, какъ покража ребенка... Ну, зачѣмъ мнѣ было его сбывать?

— Совершенно вѣрю.

— Да какъ же-съ! Спроси она у меня на его обезпеченіе три, пять тысячъ, я бы далъ-съ, охотно бы далъ. Я даже все это предлагалъ, но она стояла за свое гепотте́е... Ну, я поддался: въ самомъ дѣлѣ она молода, княгиня; она говорила, что боится, чтобы какъ-нибудь не прозналъ объ этомъ князь и не затѣялъ развода. Какъ я ни предлагалъ ей секретно устроить ребенка, какъ это дѣлается и какъ и мнѣ доводилось въ старину дѣлывать съ женщинами стараго закала, но она ни за что не хотѣла. Стояла на томъ, что ребенка этого не должно быть слѣда. И тутъ совершенная случайность... Она говоритъ: «вынесите», я только вынесъ, и остальное все было сдѣлано мимо моей воли. Куда его дѣвали? Чортъ все это знаетъ! И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, угрожать уголовнымъ судомъ за покражу ребенка... Ну, скажите, вѣдь это ума помраченіе! А между тѣмъ меня, въ мои года, женатаго человѣка, сведутъ на скамью подсудимыхъ!..

Бодростинъ ужасался и ерошилъ свои беранжеровскія сѣдыя кудри.

Грегуаръ пробовалъ заговорить о выгодахъ современнаго суда: защитѣ адвокатовъ и т. п., но Бодростинъ этимъ не могъ успокоиться. Всѣ выгоды современнаго судопроизводства мало его обольщали, и онъ говорилъ:

— Прекрасно-съ, я не отчаиваюсь, что при даровитомъ

адвокатѣ, можетъ-быть, меня и оправдаютъ, все это очень можетъ быть, но все-таки я буду на скамьѣ подсудимыхъ.

— Быть подъ судомъ это еще не стыдно.

— Какъ, скажите пожалуйста, не стыдно! Какъ не стыдно-съ? мнѣ шестьдесятъ семь лѣтъ...

— Будто вамъ уже столько?

— Да-съ, какъ разъ столько, и въ эти-то годы попасть въ такое дѣло и слушать, какъ при всѣхъ будутъ вылетать такія слова, къ какимъ прибѣгаютъ эти ваши хваленые адвокаты: «связь», «волокитство въ такіе годы», и всякія сему подобныя дрязги, и все это наружу, обо всемъ этомъ при тысячѣ ушей станутъ разсказывать, и потомъ я долженъ приводить всякія мелочи, а газеты ихъ распечатаютъ... Нѣтъ, Бога ради, вѣдь этого перенести нельзя! А потомъ, потомъ, кромѣ того, я вамъ скажу, что я и не ручаюсь, что меня и не обвинятъ; во-первыхъ, вы говорите—современный судъ и улики, но для меня этотъ современный судъ и система внутренняго убѣжденія, а не формальныхъ уликъ даже гораздо хуже. Да тутъ, покорно васъ благодарю, съ внутренними убѣжденіями и съ этою слабостью общества къ женскому вопросу, тутъ-съ она, каналья, будетъ всегда права: она заплачетъ, и ради ея прекрасныхъ глазъ...

— Вы заплачьте,—пошутилъ безстрастно Григорій Васильевичъ.

— Вы очень остроумно шутите, но я буду очень некрасивъ-съ, когда я буду плакать. Нынче Любимы Торцовы не въ модѣ, а въ ходу «самопомощь» Смайльса.

— Въ такомъ случаѣ надо стараться уладить это дѣло миромъ.

— Да я уже просилъ ее и умолялъ, но ничего не успѣлъ.

— Представьте ей, что и для нея этотъ скандалъ также невыгоденъ.

— Все представлялъ-съ, все представлялъ, но она на всѣ доводы одно отвѣчаетъ: что для нея пятьдесятъ тысячъ болѣе принесутъ выгоды, чѣмъ сколько невыгоды принесетъ скандалъ. Мнѣ наконецъ начинаетъ сдаваться, что она даже совсѣмъ и не на судъ надѣется, а на нѣсколько особенныя власти.

— Очень можетъ быть.

— Да-съ; она... она что-то такое особенное, и потому

я васъ прошу,—это, разумѣется, съ моей стороны маленькая неловкость, такъ какъ я мужъ вашей сестры, но въ нашъ вѣкъ кто же безгрѣшенъ?

— Да это что и говорить!

— Да; я знаю, что вы человѣкъ толерантный и къ тому же вы обладаете счастливымъ даромъ слова: я слыхалъ какъ вы говорите въ ученыхъ обществахъ (Грегуаръ немного сконфузился).

— Нѣтъ, право, право, я это безъ лести говорю, вы удивительно умѣете владѣть словомъ: ради Бога, съѣздите вы къ ней, пусть это будетъ еще одна послѣдняя проба; поговорите, упросите ее какъ-нибудь кончить, и потомъ гдѣ-бы-нибудь мы съ вами увидались.

— Я буду у васъ сегодня обѣдать, я далъ слово сестрѣ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Такъ Бога ради!

— Я съ своей стороны съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ когда же?—вопроснлъ, приподнимаясь, Бодростинъ: — вамъ вѣдь некогда; все эта служба проклятая.

— Да, «все оды пишемъ, и ни себѣ, ни имъ похвалъ не слышимъ», но я поѣду, я поѣду.

— А между тѣмъ вѣдь это нужно бы скоро, очень скоро! петерпѣливая она, чортъ ее возьми.

— Кипитъ?

— Какъ Гейзеръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ служба не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, а я поѣду къ ней, когда вы хотите.

— Пожалуйста! поѣзжайте и предложите ей... десять, ну наконецъ пятнадцать тысячъ: болѣе не могу. Ей-Богу не могу.

— Да когда она встаетъ?

— Теперь самое время, вотъ теперь.

Дѣловой Грегуаръ обѣщалъ тотчасъ же ѣхать, и они разстались.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Объясненіе.

Въ это самое время Глафира Васильевна, затворившись въ кабинетѣ Бодростина, бесѣдовала съ Гордановымъ. Она выслушала его отчетъ о ихъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ во время ея отсутствія, о предпріятіяхъ ея мужа, о его

сношеніяхъ съ княгиней Казимирой, о векселяхъ, о Кишенскомъ и проч. Глафира была не въ духѣ послѣ свиданія съ генераломъ, но докладъ Горданова ее развлекъ и даже началъ забавлять, когда Павелъ Николаевичъ представлялъ ей въ комическомъ видѣ любовь ея мужа и особенно его предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ только не было: и аэростаты, и газодвигатели, и ступоходы по землѣ, и времясчислители, и музыкальныя ноты-самоучки, и уборные кабинеты для дамъ на улицахъ и наконецъ пружинныя подошвы къ обуви, съ помощью которыхъ человѣку будетъ стоить только желать идти, а уже пружины будутъ переставлять его ноги.

Глафира надо всѣмъ этимъ посмѣялась и потомъ сразу спросила Павла Николаевича о его особенномъ служеніи.

— Ты, кажется, ужъ очень бравируешь своимъ положеніемъ,—замѣтила она.—Это не безопасно!

— Нимало. Да обо мнѣ рѣчь впереди, скажи-ка лучше, что ты за птица. Мнѣ это становится очень неяснымъ. То мы съ тобой нигилистничали...

— То-есть, это вы нигилистничали,—перебила его Глафира.

— Ну ты, вы, мы, они,—ты даже всѣ мѣстоименія въ своемъ разговорѣ перемѣшала, но кто бы ни нигилистничалъ, все-таки, я думаю, что можно было отдать голову свою на отсѣченіе, что никто не увидитъ тебя въ этой черной рясѣ, въ усменномъ поясѣ, вѣрующею въ Господа Бога, пророчествующею, вызывающею духовъ, чертей и дьяволовъ. И попался я, скажу тебѣ откровенно, Глафира. Когда ты меня выписала, ты мнѣ сказала, что у меня есть своя каторжная совѣсть. Да, у меня именно есть моя каторжная совѣсть; я своихъ не выдаю, а ты... во-первыхъ, ты меня больше не любишь, это ясно.

— А во-вторыхъ?—спросила Глафира.

— А во-вторыхъ, ты имѣешь какое-то влеченіе, родъ недуга, къ этому Подозерову.

— Ну-съ, въ-третьихъ?

— Въ-третьихъ, ты все путаешь и напутала чего-то такого, въ чемъ нѣтъ ни плана, ни смысла.

— Вы, мой другъ, очень наблюдательны.

— А что, развѣ это не правда?

— Нѣтъ; именно это все правда: я перехитрила и спуталась.

— Ну да, лукавь какъ знаешь, а дѣло въ томъ, что, видя все это, я готовъ сказать тебѣ: «Прости, прощай, пріютъ родимый», и позаботиться о себѣ самъ.

— То-есть уѣхать къ Ларѣ?

— Нѣтъ: не уѣхать къ Ларѣ. Это могло годиться прежде, но я былъ такой дуракъ, что позволилъ тебѣ и въ этомъ помѣшать мнѣ.

— Повѣрь, не стóитъ сожалѣнія.

— Ну, это мнѣ лучше знать, стóитъ это или не стóитъ сожалѣнія, но только я вѣдь не Висленевъ; я до конца такимъ путемъ не пойду; ты должна мнѣ дать вѣрное ручательство: хочешь или не хочешь ты быть моей женой?

— Для этого, Павелъ Николаевичъ, прежде всего нужно, чтобъ я могла быть чьею-нибудь женой. Вы забываете, что я въ нѣкоторомъ родѣ замужемъ,—проговорила Бодростина, пародируя извѣстныя слова изъ реплики Анны Андреевны въ пьесѣ «*Ревизоръ*».

Но Гордановъ отвѣчалъ ей, что это разумѣется само собою, что онъ очень хорошо понимаетъ необходимость прежде покончить съ ея мужемъ, но не понимаетъ только того, для чего предпринята была эта продолжительная спиритская комедія: поѣздка въ Парижъ, слоняніе по Европѣ и наконецъ выдуманная Глафирой путаница въ сношеніяхъ ея мужа съ Казимирой.

Глафира насупила брови.

— Я ничего не перемудрила, я иду такъ, какъ мнѣ должно идти, — отвѣчала она: — и повѣрьте, Павелъ Николаевичъ, что у меня совѣсти во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у васъ, — я говорю, конечно, о той совѣсти, о которой намъ съ вами прилично говорить.

— Вѣрю; но скажи мнѣ, когда же ты желаешь сдѣлаться вдовой?

— Какой нескладный вопросъ: развѣ мое дѣло выражать эти желанія.

— Но во всякомъ случаѣ теперь уже можно?

— Разумѣется; и какъ можно скорѣй.

— Здѣсь?

— Ни въ какомъ случаѣ; мы уѣдемъ туда, къ себѣ, и тамъ...

— Да, тамъ.

— А ты можешь ли ѣхать?

— Мои дѣла именно туда-то меня и зовутъ.
— Что же это такое, можно узнать?
— Отчасти можно.
— Я слушаю.
— Я только боюсь, что ты расчувствуешься.
— Пожалуйста, не бойся.
— Я имѣю планъ кое-что сварганить изъ этого неудовольствія крестьянъ, изъ ихъ тяжбы со мною. Понимаешь, тутъ участіе въ этомъ Форова, попа Евангела, покровительство всему этому Подозерова и разныя, разныя такія вещи... Все это въ ансамблѣ имѣетъ демократическій оттѣнокъ и легко можетъ быть представлено подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Притомъ же и дѣло наше о дуэли еще не окончено: я докажу, что меня хотѣли убить, здѣсь знаютъ объ этомъ,—наконецъ, что не успѣлъ я повернуться, какъ меня ранили, и потомъ Висленевъ, онъ будетъ свидѣтельствовать.
— Да, ну на Висленева не надѣйся; сумасшедшій свидѣтель не большая помощь.
— Но вѣдь онъ не настоящій сумасшедшій.
— Не знаю, какъ тебѣ сказать, я психіатріей не занималась; но это дѣло второстепенной важности. Достаточно того, что мы можемъ ѣхать и кончить; а между тѣмъ я думаю, что ты по своей каторжной совѣсти все-таки услужилъ же мнѣ какою-нибудь службой?
— Надѣюсь.
— Я вамъ позволила ограбить и запутать моего мужа, но вы ужъ очень поусердствовали. Скажи же пожалуйста, неужто въ самомъ дѣлѣ должно этой госпожѣ Казимирѣ отдать пятьдесятъ тысячъ, или видѣть Михаила Андреевича на скамьѣ подсудимыхъ?
— Нѣтъ, я этого не думаю.
— Ты, конечно, помнишь, что я не хотѣла доводить дѣла до такой крайности, да это и разстроило бы всѣ наши планы.
— У меня есть на нее узда,—проговорилъ Гордановъ, и вынувъ изъ кармана бумажникъ, досталъ оттуда тотъ вексель, который онъ отобралъ у польскаго скрипача, отправляя его за границу.

Глафира пробѣжала эту бумажку, покраснѣвъ, положила ее въ карманъ своего платья и протянула Павлу Николаевичу руку.

— Поль! — прошептала она, привлекая слегка къ себѣ Горданова:—я буду твоя, твоя, если ты...

— Условіе,—произнесъ съ улыбкой, наклоняясь къ ней, Гордановъ.

— Да; условіе: если ты вѣренъ мнѣ, Поль.

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ Горданова.

Глафира это замѣтила, а ея лѣвый глазъ сдѣлался круглымъ и забѣгалъ:

— Ты измѣнилъ мнѣ?! — вскричала она, быстро сорвавшись съ мѣста.

Гордановъ спокойно покачалъ, въ знакъ отрицанія, головой. Глафира прочла по его лицу, что онъ ее не выдалъ, и, обнявъ его голову, проворковала ему радостныя надежды.

— Теперь,—сказала она:—мы можемъ дѣйствовать смѣло, никакія отсрочки намъ больше не нужны и никто намъ не страшенъ: Синтянинъ безвластенъ; его жена замарана интригой съ тобою: фотографія, которую ты прислалъ мнѣ, сослужитъ намъ свою службу; Форовъ и Евангелъ причастны къ дѣлу о волненіи крестьянъ; Висленевъ сумасшедшій; Подозеровъ зачеркнутъ вовсе. Остается одно: чтобы намъ не мѣшалъ Кюлевейнъ. Съ него надо начать.

— Это пустяки,—отвѣчалъ Гордановъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Висленевъ вмѣсто хожденія по оброку отпускается на волю, безъ выкупа.

Въ тотъ моментъ, когда окончился вышеупомянутый разговоръ Павла Горданова съ Глафирой, къ дому подъѣхала карета и изъ нея вышелъ Бодростинъ, пасмурный и убитый, а вслѣдъ за нимъ Грегуаръ. Они долго и медленно входили по лѣстницѣ, останавливались, перешептывались, и наконецъ вступили въ апартаменты.

Былъ часъ обѣда. Въ столовой уже была подана закуска.

Злополучный старикъ Михаилъ Андреевичъ былъ такъ растерянъ, что ничего не замѣчалъ. Онъ едва поздоровался съ женой, мимоходомъ пожалъ руку Горданову и началъ ходить по комнатѣ, останавливаясь то у одного, то у другого стола, передвигая и переставляя на нихъ безцѣльно

разныя мелкія вещи. Глафира видѣла это, но бесѣдовала съ братомъ.

Братъ и сестра, не смотря на долговременную ихъ разлуку другъ съ другомъ, ничего не находили особенно живого сообщить одинъ другому: чиновникъ говорилъ въ насмѣшливомъ тонѣ о Петербургѣ, о Россіи, о русскомъ направленіи, о нѣмцахъ, о политикѣ, о банкахъ, о женщинахъ, о женскомъ трудѣ, то сочувственно, то иронически, но съ постояннымъ соблюденіемъ особаго извѣстнаго ему секрета— какъ все это передѣлать по новому.

Среди этихъ его разговоровъ, которыхъ никто съ особеннымъ вниманіемъ не слушалъ, глазамъ присутствовавшихъ представалъ Кишенскій.

Онъ былъ нѣсколько взволнованъ и, расшаркавшись впопыхахъ исключительно предъ одною Глафирой Васильевной, вручилъ ей маленькій конвертикъ, въ которомъ былъ листокъ, исписанный рукой Алины.

Глафира пробѣжала этотъ листокъ и потомъ лукаво улыбнулась и сказала:

— Вотъ, господа, препитересное дѣло и прекрасный образчикъ современныхъ петербургскихъ нравовъ! Вы, господинъ Кишенскій, позволите мнѣ не дѣлать секрета изъ этого письма?

Кишенскій покраснѣлъ и, немного замявшись, отвѣтилъ:

— Я не смѣю вамъ запретить поступать какъ вамъ угодно съ письмомъ, которое къ вамъ адресовано.

— Да, вы правы,—и Глафира, возвысивъ голосъ, обратилась къ присутствовавшимъ:—Здѣсь рѣчь идетъ, господа, о несчастномъ Іосафѣ Висленевѣ, котораго я кстати нынче съ утра не видала: гдѣ онъ? Живъ ли онъ, бѣдняжка?

— Онъ сидитъ запершись въ моей комнатѣ, — отвѣтилъ на ея вопросъ вошедшій въ это время бѣлобрысый секретарь Ропшинъ.

— Мегсі,—молвила ему съ ласковымъ наклоненіемъ головы Глафира.—Не потяготитесь имъ ради Бога: онъ такъ жалокъ и несчастенъ.

Ропшинъ поклонился, Глафира продолжала:

— Этотъ злосчастный Жозефъ, какъ вамъ всѣмъ вѣроятно извѣстно, много долженъ своей женѣ или господину Кишенскому, я, признаюсь, не знаю, кому и какъ приходится этотъ долгъ.

— Онъ долженъ своей женѣ, а совсѣмъ не мнѣ,—отвѣчалъ Кишенскій.

— Ну, да. Въ такомъ положеніи этотъ бѣдный человѣкъ года полтора тому назадъ прибѣжалъ, скрываясь отъ долговъ, къ своей сестрѣ Ларисѣ, та заложила для него свой домъ. Онъ повертѣлся съ этими деньгами, хотѣлъ заплатить, но съ нимъ что-то случилось. Богъ его знаетъ: не ручаюсь, можетъ-быть, его за границей обыграли, или просто обокрали, что было вовсе и не трудно, такъ какъ онъ вообще давно очень плохо за себя отвѣчаетъ; но какъ бы тамъ ни было, а въ концѣ концовъ я его встрѣтила за границей почти полупомѣшаннаго: это было въ маленькомъ городишкѣ, въ Саксоніи.

— А ему, кажется, не съ чего было и съ ума сходить,— вставилъ Грегуаръ.

— Какъ бы тамъ ни было, но онъ былъ въ такомъ состояніи, въ какомъ нельзя бросить человѣка, котораго мы когда-нибудь знали, и я взяла его съ собою, потому что отправить его назадъ не было возможности. Живучи въ Парижѣ, я старалась, сколько могла, его разсѣять, и признаюсь, много разсчитывала на это разсѣяніе, но ему ничто не помогло, и только, мнѣ кажется, онъ сталъ еще хуже.

— Какое у него помѣшательство? —спросилъ Грегуаръ:— мрачное или розовое?

— Пестрое,—отвѣтила Глафира:—и потому самое опасное, за него нельзя отвѣчать ни одну минуту: дорогой онъ чуть не бросился подъ вагонъ; въ Берлинѣ ему вздумалось выкраситься, и вотъ вы увидите, на что онъ похожъ; вчера онъ ѣхалъ въ Петербургѣ на козлахъ, въ шутовскомъ колпакѣ; потомъ чуть не залился въ ванной; теперь сидитъ запертый въ комнатѣ Генриха. Между тѣмъ я со вчерашняго дня веду переписку съ его супругой. Я просила Алину Дмитріевну исполнить прямой ея долгъ: взять ея сумасшедшаго мужа; но она вчера отказала мнѣ въ этомъ подъ предлогомъ своей болѣзни и тѣсноты своего помѣщенія, а сегодня письмо, въ которомъ она вовсе отказывается принять его.

Бодростина засмѣялась и добавила:

— Алина Дмитріевна Висленева великодушно предоставляетъ намъ позаботиться о ея сумасшедшемъ мужѣ; эта

добрая женщина намъ довѣряетъ: или посадить его въ сумасшедшій домъ, для чего г. Кишенскій уполномоченъ вручить намъ отъ нея и просьбу объ освидѣтельствованіи; или же взять его къ себѣ въ деревню, гдѣ, по ея соображеніямъ, природа, свѣжій воздухъ и простые нравы могутъ благодѣтельно подѣйствовать на разстройство его душевныхъ способностей.

Глафира пожала плечами, взвела глаза къ небу и, улыбнувшись, произнесла:

— Это прелестно!

— Это чортъ знаетъ что, — возмутился незлобивый Грегуаръ:—я его могу отдать на счетъ какого-нибудь общества въ частную лѣчебницу сумасшедшихъ.

— Да, это все совсѣмъ не потому-съ, — вмѣшался Кишенскій:—Алина Дмитріевна дѣйствительно больна, Алину Дмитріевну дѣйствительно лѣчатъ лучшіе доктора въ городѣ, и потомъ Алина Дмитріевна и безъ того много теряетъ.

— Въ мужѣ?—пошутилъ Грегуаръ.

— Да-съ; съ его помѣшательствомъ Алина Дмитріевна теряетъ на немъ до тридцати тысячъ рублей.

— Великій Боже, да когда же у него были такія деньги?

— Я не знаю-съ, но онъ долженъ по законнымъ документамъ. Вѣдь вотъ онъ и за сестринъ домъ деньги взялъ, и ихъ тоже, говорятъ, нѣтъ.

Глафира встала и, окинувъ презрительнымъ взглядомъ Кишенскаго, проговорила:

— Но вы, можетъ-быть, еще напрасно тужите, можетъ-быть онъ еще излѣчимъ, и, наконецъ, можетъ-быть, онъ даже совсѣмъ не сумасшедшій.

Съ этимъ она вышла и, пройдя чрезъ нѣсколько комнатъ къ двери Рошшина, тронулась за замочную ручку, но замокъ былъ запертъ.

— Отопритесь, Жозефъ,—позвала она.

— Извините, я этого не могу,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Но я вамъ принесла радость.

— Ни за что на свѣтѣ не могу.

— Вы свободны, поймите вы: я говорю вамъ — вы свободны.

— Нѣтъ-съ, и не говорите лучше, ни за что на свѣтѣ!

— Отопрись, болванъ, — прошипѣлъ внушительно подошедшій къ нимъ въ эту минуту Гордановъ.

— Ты самъ болванъ и скотина, — азартно отозвался Жозефъ.

— На-те же читайте, несчастный, — молвила Глафира и подсунула въ щель подъ дверь полученное ею письмо Алины.

И не прошло минуты, какъ за запертою дверью послышался неистовый визгъ; ключъ повернулся въ замкѣ, дверь съ шумомъ распахнулась; Іосафъ Висленевъ вылетѣлъ изъ нея кубаремъ, смѣясь и кривляясь, черезъ всѣ комнаты предъ изумленными глазами Бодростина, Грегуара, Ропшина и Кишенскаго.

Ни при какихъ уговорахъ онъ не могъ бы поступить съ такимъ разсчитаннымъ тактомъ: лучшаго доказательства его сумасшествія ужъ было не нужно.

Кишенскій посмотрѣлъ на него и, когда растрепанный Висленевъ остановился, подумалъ, какъ бы онъ его съ сумасшедшихъ глазъ чѣмъ не хватилъ.

— Ну, такъ владѣйте же имъ сами,—сказалъ онъ, юркнулъ и исчезъ за дверью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Зато дѣлается очень худо Бодростину.

Увидѣвъ бѣгство Кишенскаго, Іосафъ Платоновичъ не зналъ уже мѣры своимъ восторгамъ: онъ кидался на шею Бодростину и другимъ мужчинамъ, лобызалъ ихъ, и наконецъ, остановившись предъ Глафирой, поклонился ей чуть не до земли и воскликнулъ:

— Глафира Васильевна, вы такое сдѣлали, что послѣ этого вы великій магъ и волшебникъ.

— А ты, братецъ, совершенно гороховый шутъ, — отвѣтилъ ему смущенный его курбетами Бодростинъ, едва оторвавшись отъ своихъ тяжелыхъ мыслей на минуту. — Помилуй скажи, только Богъ знаетъ что надѣлалъ намъ здѣсь вчера и уже опять продолжаешь дѣлать сегодня такое же самое, что я въ жизнь не видалъ.

— Я свободенъ,—отвѣчалъ ему немного спокойнѣе Висленевъ.

— Ну такъ что же, неужели и съ ума сходить отъ того, что ты свободенъ?

— Да-съ, я свободенъ, вы этого не можете понимать, а я понимаю.

— Ты, вѣрно, понимаешь такъ, что ты теперь свободенъ дѣлать глупости.

— Я свободенъ-съ, свободенъ-съ, и нечего вамъ больше мнѣ объ этомъ говорить,—опять отвѣтилъ Висленевъ, и снова продолжалъ вертѣться, разсказывая Грегуару, въ какихъ онъ былъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ его заѣлъ въ Россіи женскій вопросъ, который онъ самъ поддерживалъ, и какъ онъ отъ этого ужаснаго вопроса гибъ и страдалъ, и совершенно погибъ бы, если бъ его не спасла Глафира Васильевна, самому ему невѣдомо какими путями.

Этотъ оживленный и оригинальный разговоръ занималъ все общество во время закуски и продолжался за обѣдомъ, и его, вѣроятно, еще стало бы надолго, если бы во время обѣда не произошло одного новаго, весьма страннаго обстоятельства.

Когда было подано четвертое кушанье, въ передней послышался звонокъ. Никто на это не обратилъ вниманія, кромѣ Михаила Андреевича, но и тотъ, смѣшавшись на минуту, тотчасъ же поправился и сказалъ:

— Это вѣрно Кюлевейнъ, онъ всегда опаздываетъ.

Но это совсѣмъ не былъ Кюлевейнъ—Михаилъ Андреевичъ ошибся.

Прошло двѣ-три минуты послѣ звонка, а въ комнату никто не являлся.

— Что же это? газеты, письма? что это такое можетъ быть? — спросилъ, обращаясь къ одному изъ слугъ, снова начинавшій терять спокойствіе, Бодростинъ. Ему было не по себѣ, потому что Грегуаръ, ѣздившій по его порученію къ Казимирѣ, привезъ дурныя вѣсти. Княгиня ничего не уступала изъ своихъ требованій, и шесть часовъ сегодняшняго вечера были послѣднимъ срокомъ, до котораго она давала льготу престарѣлому обожателю. Казимирѣ было некогда ждать и она хотѣла во что бы то ни стало кончить дѣло безъ суда, потому что она спѣшила выѣхать за границу, гдѣ ждалъ ее давно оторгнутый отъ ея сердца скрипачъ.

Смущеніе, выразившееся на лицѣ Михаила Андреевича, становилось всеобщимъ. Въ передней слышался какой-то

шумъ: кто-то о чемъ-то спорилъ, кто-то приказывалъ и наконецъ требовалъ.

Михаилъ Андреевичъ взглянулъ на висѣвшіе на стѣнѣ часы: стрѣлка какъ разъ стояла на роковомъ мѣстѣ: было шесть часовъ и нѣсколько минутъ.

— Это она! Она, проклятая! Ее даже не удержало то, что здѣсь моя жена.

Глафира тоже понимала, что̀ значитъ этотъ звонокъ.

— Да ободритесь, — сказала она, не безъ ироніи, мужу.

Михаилъ Андреевичъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ потребность ободриться и, возвысивъ голосъ, сказалъ остававшемуся слугѣ:

— Выйди, братецъ, узнай, что̀ тамъ такое?

Слуга пріотворилъ дверь и въ эту минуту до слуха присутствовавшихъ долетѣли слѣдующія слова, произнесенныя молодымъ и сильнымъ, звучнымъ контральто:

— Скажи твоему барину, что я здѣсь и не выйду отсюда безъ его отвѣта.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ голосъ княгини Казимиры: ея польскій акцентъ былъ слишкомъ знакомъ присутствующимъ для того, чтобъ еще осталось какое-нибудь сомнѣніе, что это была она. Въ этомъ хотѣлъ бы усомниться, но тщетно, одинъ Михаилъ Андреевичъ, которому вошедшій человѣкъ подалъ на подносѣ большой незапечатанный конвертъ.

Михаилъ Андреевичъ тревожно глядѣлъ на человѣка, на присутствующихъ, взялъ трепетною рукой этотъ конвертъ, и, раскрывъ его, вынулъ оттуда листокъ и, растерявшись, началъ читать вслухъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ показать, что онъ не боится этого письма, и нѣсколько затушевать свое неловкое положеніе; но первыя слова, которыя онъ прочелъ громко, были: «Милостивый государь, вы подлецъ!»

— Это, вѣрно, къ вамъ или къ тебѣ,—обратился онъ къ Ропшину и къ Горданову, суя имъ это письмо и надѣясь такимъ образомъ еще на какую-то хитрость; онъ думалъ, что Гордановъ или Ропшинъ его поддержатъ. Но Гордановъ взялъ изъ рукъ Михаила Андреевича роковое письмо и прочиталъ дальше: «Вы подлецъ! Куда вы дѣли моего ребенка? Если вы сейчасъ не дадите мнѣ извѣстное удовлетвореніе, то я сію же минуту ѣду отсюда къ прокурору».

— Нѣтъ, это, должно-быть, не ко мнѣ, а къ кому-нибудь другому, — сказалъ Гордановъ, передавая съ хладнокровнымъ видомъ этотъ листокъ Ропшину, но тотъ смѣшался, покраснѣлъ и отвѣчалъ, что къ нему не можетъ быть такого письма.

— Такъ къ кому же это?

— Во всякомъ случаѣ не ко мнѣ, — проговорилъ Грегуаръ.

— И тоже не ко мнѣ-съ, не ко мнѣ, — отчурался Висленевъ.

— Ну, такъ отдайте назадъ и скажите, что это не сюда слѣдуетъ, — молвилъ Гордановъ, протягивая письмо къ лакею, но Михаилъ Андреевичъ перехватилъ листокъ, всталъ съ нимъ и заколебался.

Остальные сотрапезники сидѣли за столомъ въ недоумѣніи. Бодро встала одна Глафира. Она показала мужу рукой на дверь кабинета и, взявъ письмо изъ его рукъ, сказала по-французски:

— Идите туда.

Затѣмъ, бросивъ на приборъ свою салфетку, спокойнымъ шагомъ вышла въ переднюю и пригласила за собою въ залъ ожидавшую въ передней Казимиру.

— Вотъ положеніе,—протянулъ, по выходѣ сестры, Грегуаръ.

Ропшинъ молчалъ, Гордановъ тоже, но Висленевъ весело расхохотался и, вскочивъ, началъ бѣгать по комнатѣ и, махая руками, восклицалъ:

— Нѣтъ-съ, это женскій вопросъ! вотъ вамъ что̀ такое женскій вопросъ!

— Перестаньте срамиться, — остановилъ его Грегуаръ, но Жозефъ бойко его отпарировалъ и отвѣчалъ:

— Никогда не перестану-съ, никогда, потому что я много отъ этого пострадалъ и своему полу не измѣню!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Двѣ кометы.

Аудіенція Глафиры съ княгиней Казимирой не была полною неожиданностію ни для той, ни для другой изъ этихъ почтенныхъ дамъ. Павелъ Николаевичъ Гордановъ, по указанію Глафиры, еще утромъ научилъ Казимиру

произвести скандалъ, пользуясь кратковременнымъ пребываніемъ здѣсь Бодростиной. Ему не трудно было убѣдить княгиню, что такимъ образомъ она поставитъ старика въ крайнее положеніе, и что, находясь подъ сугубымъ давленіемъ страха и скандала, онъ вѣрно употребитъ послѣднія усилія удовлетворить ея требованія.

Казимира находила это практичнымъ и потому ни на минуту не поддалась убѣжденіямъ Грегуара, а напротивъ была непреклонна и явилась въ домъ къ Бодростину именно въ обѣденный часъ, когда вся семья и гости должны были быть въ сборѣ. Разумѣется, не было это неожиданностью и для Глафиры, которая ждала княгиню во всеоружіи своей силы и ловкости. И вотъ наконецъ двѣ кометы встрѣтились.

Закрывъ дверь въ столовую и внутреннія комнаты, Глафира Васильевна, явясь черезъ залъ, открыла дверь въ переднюю, гдѣ княгиня Казимира ожидала отвѣта на свое письмо. Одѣтая въ пышное черное платье и въ бархатную кофту, опушенную чернобурой лисицей, она стояла въ передней, оборотясь лицомъ къ окнамъ и спиной къ зальной двери, откуда появилась Глафира Васильевна.

— Княгиня, я васъ прошу не отказать мнѣ въ минутѣ свиданія,—пригласила ее Глафира Васильевна.

Казимира, не ожидавшая такого оборота дѣла, на мгновеніе смѣшалась, но тотчасъ же смѣло вскинула голову и бойко пошла за Глафирой. Та сѣла у фортепіано и показала гостьѣ на кресло противъ себя.

— Вы пришли не ко мнѣ, а къ моему мужу?

— Да,—отвѣчала Казимира.

— И по дѣлу, въ которое мнѣ, какъ женѣ его, можетъ-быть, неудобно было бы вмѣшиваться, но (Глафира едва замѣтно улыбнулась) съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, свѣтъ пошелъ наизнанку, и я нахожу себя вынужденной просить васъ объясниться со мною.

— Для меня все равно,—отвѣчала Казимира.

— Я такъ и думала, тѣмъ болѣе, что я все это дѣло знаю и вамъ не будетъ стоить никакого труда повторить мнѣ вашу претензію: вы хотите отъ моего мужа денегъ.

— Да.

— За вашего пропавшаго ребенка?

— Да.

— Мой мужъ такъ неловко поставилъ себя въ этомъ дѣлѣ, что онъ долженъ удовлетворить васъ;—это безспорно, но дѣло можетъ казаться нѣсколько спорнымъ въ отношеніи цѣны: вы сколько просите?

— Пятьдесятъ тысячъ.

— Вы хотите пятьдесятъ тысячъ: это дорого.

Казимира бросила гнѣвный взглядъ и сказала:

— Я не знаю, во сколько вы хотите цѣнить честь женщины моего положенія, но я меньше не возьму; притомъ это уголовное дѣло.

— Да, да, я очень хорошо понимаю, это, дѣйствительно, уголовное дѣло; но, княгиня, тутъ вѣдь куда ни глянь, вокругъ все уголовныя дѣла. Это модный цвѣтъ, который нынче носятъ, но я все-таки хочу это кончить. Я вамъ рѣшилась предложить кончить все это нѣсколько меньшею суммой.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, я вамъ могу дать пятьсотъ рублей.

Казимира вспыхнула и грозно встала съ мѣста.

— Позвольте, княгиня, я вѣдь еще не кончила; я согласна, что пятьсотъ рублей это огромная разница противъ того, что̀ вы желаете получить съ моего мужа, но зато я вамъ дамъ въ прибавокъ вотъ этотъ вексель.

Глафира, стоя въ эту минуту по другую сторону фортепіано, развернула и показала княгинѣ фальшивый вексель отъ имени Бодростина, писанный ея рукой.

Казимира смѣшалась, и чтобы не выдать своего замѣшательства, защуривъ глаза, старалась какъ бы убѣдиться въ достоинствахъ предъявленной ей бумаги.

— Вы, ваше сіятельство, не безпокойтесь, — проговорила, опуская въ карманъ бумажку, Глафира:—вексель этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, онъ такое же уголовное дѣло, какъ то̀, которымъ вы угрожаете моему мужу, но съ тою разницей, что онъ составляетъ дѣло болѣе доказательное, и чтобы убѣдить васъ въ томъ, что я прочно стою на моей почвѣ, я попрошу васъ не выходить отсюда прежде, чѣмъ вы получите удостовѣреніе. Вы сію минуту убѣдитесь, что для насъ съ вами обоюдно гораздо выгоднѣе сойтись на миролюбивыхъ соглашеніяхъ.

— Откуда это могло взяться?—прошептала потерявшаяся Казимира.

Но въ это время Глафира Васильевна, пріотворивъ дверь въ столовую, громко крикнула:

— Гордановъ, ayez la bonté, на одну минутку.

Павелъ Николаевичъ, обтирая салфеткой усы, вошелъ твердой и спокойной поступью и слегка кивнулъ Казимирѣ, которая стояла теперь въ концѣ фортепіано, опершись рукой о деку.

— Помогите мнѣ кончить съ княгиней,—начала Глафира.

— Съ удовольствіемъ-съ.

— Княгиня Казимира Антоновна, угодно вамъ получить тысячу рублей и этотъ вексель? Съ тысячью рублей вы можете спокойно уѣхать за границу.

— Но мое будущее,—сказала Казимира.

— О, княгиня, оно достаточно обезпечено вашимъ новымъ положеніемъ и во всякомъ случаѣ о немъ не мѣсто здѣсь говорить. Угодно вамъ или не угодно?

Казимира взглянула на Горданова и, укусивъ свою алую губку, отвѣчала:

— Хорошо-съ.

— Павелъ Николаевичъ,—молвила ласково Глафира:—потрудитесь написать въ кабинетѣ маленькую записочку отъ княгини...

Княгиня было запротестовала противъ писанія какихъ бы то ни было записокъ, но дѣло было уже такъ на мази, что Глафирѣ Васильевнѣ не стоило большого труда уговорить ее согласиться и на это. Шансы такъ перемѣнились, что теперь Глафира угрожала, и княгинѣ не осталось ничего больше, какъ согласиться.

Гордановъ въ одну минуту составилъ маленькую мировую записочку, въ которой княгиня въ самыхъ ясныхъ и не совсѣмъ удобныхъ для нея выраженіяхъ отрекалась отъ начатія когда бы то ни было своей претензіи противъ Бодростина. И записочка эта была подписана трепетною рукою Казимиры, причемъ Глафира вручила ей честнымъ образомъ и обѣщанную тысячу рублей, и вексель. Схвативъ въ свои руки этотъ листокъ, Казимира быстро разорвала его на мелкіе кусочки и, вспыхнувъ до ушей, скомкала эти клочки въ рукѣ и со словомъ «подлецъ» бросила ихъ въ глаза Горданову и, никому не поклонясь, пошла назадъ въ двери.

Гордановъ было сдѣлалъ вслѣдъ за нею нетерпѣливое движеніе, но Глафира удержала его за руку и сказала:

— Останьтесь, она имѣетъ достаточную причину волноваться.

Такимъ образомъ въ этотъ великій день было совершено два освобожденія: получили право новой жизни Висленевъ и Бодростинъ, и оба они были обязаны этимъ Глафирѣ, акціи которой, давно возвышенныя на свѣтской биржѣ, стали теперь далеко выше пари и на базарѣ домашней суеты. Оба они были до умиленія тронуты; у старика на глазахъ даже сверкали слезы, а Висленевъ почти плакалъ, а черезъ часъ, взойдя въ кабинетъ Бодростина, фамильярно хлопнулъ его по плечу и шепнулъ:

— А что, дядя: вѣдь мы свободны!

Михаилъ Андреевичъ вспомнилъ, что онъ сумасшедшій, и не разсердился, а Жозефъ, еще похлопавъ ободрительно Бодростина, пошелъ къ Глафирѣ и спросилъ:

— Можно ли мнѣ пойти погулять?

— Куда?—довольно строго спросила его Глафира.

— Ну... такъ немножко... провѣтриться.

— Можете, только прошу васъ никуда не заходить.

— Нѣтъ; куда же заходить?

— Богъ васъ знаетъ: можетъ быть вы вздумаете показаться брюнетомъ женѣ.

— Нѣтъ; что вы это! Я скорѣй бы съ удовольствіемъ зашелъ на минутку къ Ванскокъ, потому что я эту высокую женщину вполнѣ уважаю...

— Нѣтъ, нѣтъ: этого нельзя.

— Отчего же? Она вѣдь очень, очень честная.

— Ну, просто нельзя.

Висленевъ стоялъ: ему страсть хотѣлось побывать у Ванскокъ! и онъ ждалъ разрѣшенія: почему же ему этого не позволяютъ?

Глафира это поняла и отвѣчала ему на его безмолвный вопросъ:

— Да неужто вы даже этого не понимаете, почему женщина можетъ не желать, чтобы человѣкъ былъ у другой женщины, которую онъ еще, къ тому же, хвалитъ?

— Нѣтъ, понимаю, понимаю!—воскликнулъ въ восторгѣ Висленевъ, и убѣжалъ, отпросившись въ театръ, но съ намѣреніемъ забѣжать по дорогѣ къ Ванскокъ.

Владѣя натурой быстрой, поднимавшейся до великаго разгара страстей и вслѣдъ затѣмъ падавшей до совершеннаго безстрастія, Глафира никогда не предполагала такого измельчанія характеровъ, какое увидѣла при первыхъ же своихъ столкновеніяхъ и побѣдахъ. Все это дѣлало въ ея глазахъ еще болѣе мелкими тѣхъ людей, съ которыми она сталкивалась, и она теперь еще больше не жалѣла о своемъ утреннемъ визитѣ къ генералу. Въ ней мелькнула увѣренность, что если Гордановъ ее еще до сихъ поръ и не выдалъ, то непремѣнно выдастъ въ минуту опасности, если дѣло убійства пойдетъ не ладно.

Въ Петербургѣ теперь ничто болѣе ее не задерживало, а Михаилъ Андреевичъ, послѣ тѣхъ передрягъ, какія онъ перенесъ здѣсь, самъ радъ былъ разстаться съ Сѣверною Пальмирой. Бодростина рѣшила, что имъ нужно уѣхать въ деревню.

Рѣшеніе это не встрѣтило ни малѣйшаго противорѣчія, и день отъѣзда былъ назначенъ вскорѣ.

Въ три-четыре дня, которые Глафира провела въ Петербургѣ, она видѣлась только съ братомъ и остальное время все почти была дома безвыходно. Одинъ разъ лишь, предъ самымъ отъѣздомъ, она была опять у генерала, благодарила его за участіе, разсказала ему, что все дѣло кончено миролюбиво, и ни о чемъ его больше не просила.

Казимира уѣхала изъ Петербурга въ тотъ же день, что и было совершенно умѣстно, потому что Глафира Васильевна, сообщая генералу о своемъ успѣхѣ въ этой сдѣлкѣ, улыбаясь, передала ему клочки разорваннаго Казимирой векселя.

«Это большая шельма, это тонкая барыня», подумалъ генералъ, и оставилъ эти клочки у себя, причемъ Глафирѣ показалось, и совершенно не безосновательно, что его превосходительство не безъ цѣли завладѣлъ этими клочками, потому что онъ обмолвился при ней, сказавъ про себя:

— Таковы-то и всѣ у нихъ слуги вѣрные.

Висленевъ, прослушавъ оперу «*Русланъ*», забѣжалъ-таки къ честнѣйшей Ванскокъ и сообщилъ ей, что онъ спиритъ и ведетъ подкопъ противъ новѣйшихъ перевертней, но та выгнала его вонъ. Въ день отъѣзда онъ раньше всѣхъ впрыгнулъ въ карету, которая должна была отвезть ихъ на

желѣзную дорогу, и раньше всѣхъ вскочилъ въ отдѣльное первоклассное купэ.

Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ посреди дивана, обитаго бѣлымъ сукномъ: онъ былъ въ легкомъ, свѣтломъ пиджакѣ, въ соломенной шляпѣ, а вокругъ него, не сводя съ него глазъ, какъ черные вороны, усѣлись: Глафира, Гордановъ и Висленевъ. Съ ними же до Москвы выѣхалъ и наслѣдникъ Бодростина Кюлевейнъ.

Въ Москвѣ они остановились на три дня; но въ эти три дня случилось небольшое происшествіе.

Желая вознаградить себя за сидѣніе въ Петербургѣ, Жозефъ, признанвъ у Глафиры Васильевны двадцать пять рублей, носился по Москвѣ: сдѣлалъ визиты нѣсколькимъ здѣшнимъ гражданамъ, обѣдалъ въ «Эрмитажѣ», былъ въ театрѣ и наконецъ въ одинъ вечеръ посѣтилъ вмѣстѣ съ Гордановымъ и Кюлевейномъ «Грузины»; слушалъ тамъ цыганъ, пилъ шампанское, напился до-пьяна и на возвратномъ пути былъ свидѣтелемъ одного непріятнаго событія. Кюлевейнъ, котораго вмѣстѣ съ Висленевымъ едва посадили въ карету, вдругъ началъ икать, какъ-то особенно корчиться и извиваться червемъ и на полдорогѣ къ гостиницѣ умеръ.

Событіе было самое непріятное, страшно поразившее Бодростина, тронувшее, впрочемъ, и Глафиру; однако тронувшее не особенно сильно, потому что Глафира, узнавъ о томъ, гдѣ были молодые господа прежде трагическаго конца своей гулянки, отнеслась къ этому съ крайнимъ осужденіемъ. Висленевъ же былъ болѣе смущенъ, чѣмъ пораженъ: онъ не могъ никакъ понять, какъ это все случилось, и, проснувшись на другое утро, прежде всего обратился за разъясненіями къ Горданову, но тотъ ему отвѣчалъ только:

— Ты ужъ молчи по крайней мѣрѣ, а не разспрашивай.

— Нѣтъ, да я-то что же такое тутъ, Паша; я-то что же? отчего же мнѣ не разспрашивать?

— Отчего тебѣ не разспрашивать? будто ты не знаешь, что ты сдѣлалъ?

— Я сдѣлалъ, что такое?

— Ты сдѣлалъ, что такое? Не ты развѣ давалъ ему содовые порошки?

— Ну я, ну такъ что жъ такое! Но я вообще самъ былъ немножко, знаешь, того.

— Да, немножко того, но, однако, дѣло свое сдѣлалъ. Нѣтъ, я, чортъ тебя возьми, съ тобой больше пьянымъ быть не хочу. Съ тобой не дай Богъ на одной дорогѣ встрѣчаться, пшь ты, каналья, какой сталъ рѣшительный...

Висленевъ испугался; однако не безъ нѣкотораго удовольствія повѣрилъ, что онъ рѣшительный.

Между тѣмъ Кюлевейна схоронили; поѣзжане еще пробыли въ Москвѣ по этому поводу лишнихъ три дня, употребленные частью на хлопоты о томъ, чтобы тѣло умершаго кавалериста не было вскрыто, такъ какъ смерть его казалась всѣмъ очевидною. Врачъ далъ свидѣтельство, что онъ умеръ отъ удара, и концы были брошены, если не въ воду, то въ могилу Ваганькова кладбища.

Михаилъ Андреевичъ оставался безъ наслѣдника и заговорилъ съ Ропшинымъ о необходимости взять изъ Опекунскаго Совѣта духовное завѣщаніе.

Крылатыя слова, сказанныя объ этомъ старикомъ, исполнили глубочайшаго страха Глафиру. Она давно не казалась такою смятенною и испуганною, какъ при этой вѣсти. И въ самомъ дѣлѣ было чего бояться: если только Бодростинъ возьметъ завѣщаніе и увидитъ, что тамъ написано, то опять всѣ труды и заботы, всѣ хлопоты и злодѣянія, все это могло пойти на вѣтеръ.

Гордановъ по этому поводу заявилъ мысль, что надо тутъ же кончить и съ Бодростинымъ, но двѣ смерти разомъ имѣли большое неудобство: Глафира признала это невозможнымъ и направила дѣло иначе: она умолила мужа подождать и не возмущать теперь души ея заботами о состояніи.

— На что оно мнѣ? на что?—говорила она, вздыхая:— мнѣ ничего не нужно, я все отжила и ко всему равнодушна,— и въ этихъ ея словахъ была своя доля правды, а такъ какъ они высказывались еще съ усиленною задушевностью, то имѣли свое вѣское впечатлѣніе.

— Не узнаю, не узнаю моей жены,—говорилъ Бодростинъ.—А впрочемъ,—сообщилъ онъ по секрету Ропшину:— я ей готовлю сюрпризъ, и ты смотри не проговорись; восьмого ноября, въ день моего ангела, я передамъ ей все, понимаешь, все какъ есть. Она этого стоитъ.

— О, еще бы!—воскликнулъ Ропшинъ и, разумѣется, все это сообщилъ Глафирѣ Васильевнѣ.

Положеніе секретаря было ужасное: два завѣщанія могли встрѣтиться, и третій документъ, о которомъ замышлялъ Бодростинъ, долженъ былъ писаться въ отмѣну того завѣщанія, которое сожжено, но которое подписывалъ въ качествѣ свидѣтеля Подозеровъ... Все это составляло такую кашу, въ которой очень не мудрено было затонуть съ какою хочешь изворотливостью.

— Но вы, Генрихъ, развѣ непремѣнно будете свидѣтельствовать, что вы подписывали не то завѣщаніе, которое лежитъ въ конвертѣ?

— Я не знаю; я падаю духомъ при одной мысли, что все откроется.

— Мы поддержимъ вашъ духъ,—прошептала, сжавъ его руку, Глафира.—За вашу преданность мнѣ, Генрихъ, я заплачу всею моею жизнью. Только подождите, — дайте мнѣ освободиться отъ всѣхъ этихъ узъ.

— Да; пора,—отвѣчалъ смѣлѣе, чѣмъ всегда, Ропшинъ.

Глафирѣ это показалось очень непріятно, и она прекратила разговоръ, сказавъ, что противъ свидѣтельства Подозерова она приметъ вѣрныя мѣры, и долго совѣщалась объ этомъ съ Гордановымъ.

Висленевъ же, чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ роднымъ мѣстамъ, тѣмъ становился бойче и живѣе: пестрое помѣшательство у него переходило въ розовое: онъ обѣщалъ Горданову устроить рандевушку съ сестрой, пробравъ ее предварительно за то, что она вышла за тряпку, а самъ постоянно пѣлъ схваченную со слуха въ «Руслянѣ» пѣсню Фарлафа:

Близокъ ужъ часъ торжества моего,
Могучій соперникъ теперь мнѣ не страшенъ.

— Да; только гляди, Фарлафъ, не сфарлафь въ рѣшительную минуту, — говорилъ ему Гордановъ, понимая его пѣсню.

— О, не сфарлафлю, не сфарлафлю, братъ,—мнѣ ужъ надоѣло. Пора, пора: мнѣ Глафира и ея состояніе. а тебѣ моя сестра, и я дамъ вамъ десять тысячъ. Помогай только ты мнѣ, а ужъ я тебѣ помогу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Маланьина свадьба.

Одинъ извѣстный французскій рецензентъ, дѣлая обзоръ русскаго романа, далъ самый восторженный отзывъ о дарованіяхъ русскихъ беллетристовъ, но при томъ ужаснулся «бѣдности содержанія» русскаго романа. Онъ полагалъ, что усмотрѣнная имъ «бѣдность содержанія» зависитъ отъ сухости фантазіи русскихъ романистовъ, а не отъ бѣдности самой жизни, которую долженъ воспроизводить въ своемъ трудѣ художникъ. Между тѣмъ, справедливо замѣченная «бѣдность содержанія» русскихъ повѣстей и романовъ находится въ прямомъ соотношеніи къ характеру русской жизни. Романы, сюжеты которыхъ заимствованы изъ временъ Петра Великаго, Бирона, Анны Ивановны, Елизаветы и даже императора Александра Перваго, далеко не безупречные въ отношеніи мастерства разсказа, отнюдь не страдаютъ «бѣдностью содержанія», которая становится удѣломъ русскаго повѣствованія въ то время, когда, по чьему-то характерному выраженію, въ романѣ и повѣсти у насъ варьировались только два положенія: «влюбился да женился, или влюбился да застрѣлился». Эта пора сугубо-бѣдныхъ содержаніемъ беллетристическихъ произведеній въ то же самое время была порой замѣчательнаго процвѣтанія русскаго искусства и передала намъ нѣсколько именъ, славныхъ въ лѣтописяхъ литературы по искусству живописанія. Воспроизводя жизнь общества, отстраненнаго порядкомъ вещей отъ всякаго участія въ вопросахъ, выходящихъ изъ рамъ домашняго строя и совершенія карьеръ, романисты указанной поры, дѣйствуя подъ тяжкимъ цензурнымъ давленіемъ, вынуждены были избрать одно изъ оставшихся для нихъ направленій: или достиженіе занимательности произведеній посредствомъ фальшивыхъ эффектовъ въ сочиненіи, или же замѣну эффектовъ фабулы высокими достоинствами выполненія, экспрессіей лицъ, тончайшею разработкой самыхъ мелкихъ душевныхъ движеній и микроскопическою наблюдательностью въ области физіологіи чувства. Къ счастію для русскаго искусства и къ чести для нашихъ писателей, художественное чутье ихъ не позволило имъ увлечься на вредный путь фальшиваго эффектничанья, а обратило ихъ на второй изъ указанныхъ путей, и при «бѣдности содер-

жанія» у насъ появились произведенія, достойныя глубокаго вниманія по высокой прелести своей жизненной правды, поэтичности выведенныхъ типовъ, колориту внутренняго освѣщенія и выразительности обликовъ. У насъ между художниками-повѣствователями явились такіе мастера по отдѣлкѣ, какъ въ живописи Клодъ Лорренъ—по солнечному освѣщенію, Яковъ Рюисдаль — по безотчетной грусти тихихъ сценъ, Поль-Поттеръ—по умѣнію соединять въ поэтическія группы самыхъ непоэтическихъ домашнихъ животныхъ, и т. п. Если исторія живописи указываетъ на безпримѣрную законченность произведеній Жерарда-Дова, который выдѣлывалъ чешуйки на селедкѣ и, написавъ лицо человѣка, изобразилъ въ зрачкахъ его отраженіе окна, а въ немъ прохожаго, то и русская словесность имѣла представителей въ работахъ, которыхъ законченность подробностей поразительна не менѣе, чѣмъ въ картинахъ Жерарда-Дова. Большая законченность рисунка стала у насъ необходимымъ условіемъ его достоинствъ. Картины съ композиціей болѣе обширною, при которой уже невозможна такая отдѣлка подробностей, къ какой мы привыкли, многимъ стали казаться оскорбленіемъ искусства, а между тѣмъ развивающаяся общественная жизнь новѣйшей поры, со всею ея правдой и ложью, мимо воли романиста, начала ставить его въ необходимость отказаться отъ выдѣлки чешуекъ селедки и отраженія окна въ глазу человѣка. Въ обществѣ проявилось желаніе имѣть новыя картины, захватывающія большіе кругозоры и представляющія на нихъ разомъ многообразныя сцены современной дѣйствительности съ ея разнообразными элементами, взбаломученными недавнимъ цѣлебнымъ возмущеніемъ воды и нынѣ осѣдающими и кристаллизующимися въ ту или другую сторону. Новѣйшая литература сдѣлала нѣсколько опытовъ представить такія картины, и онѣ приняты обществомъ съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ недоумѣніемъ. Публика всматривалась въ нихъ и видѣла на полотнѣ общій знакомый видъ, но ей не нравилась неровность отдѣлки. Ей хотѣлось соединенія широкихъ комбинацій съ мелочами выполненія на всѣхъ планахъ. Явились и въ этомъ родѣ опыты, которые и были встрѣчены неравнодушно, но мелкость отдѣлки наводила скуку: и вмѣсто жизни и колорита являлась одна пестрота, уничтожавшая картину.

Когда въ русской печати, послѣ прекрасныхъ произведеній, «бѣдныхъ содержаніемъ», появилась повѣсть съ общественными вопросами («*Наканунѣ*»), читатели находили, что это интересная повѣсть, но только «нѣтъ такихъ людей, какіе описаны». Съ тѣхъ поръ почти каждое беллетристическое произведеніе, намекающее на новыя кристаллизаціи элементовъ, встрѣчалось съ бо́льшимъ или меньшимъ вниманіемъ, но съ постояннымъ недовѣріемъ къ изображенію новаго кристалла. Въ немъ узнавали только нѣчто похожее на дѣйствительность, но гнѣвались на недостатки, неполноту и недоконченность изображенія и потомъ черезъ нѣсколько времени начинали узнавать въ немъ родовыя и видовыя черты.

Это же самое происходитъ отчасти съ изображаемыми въ этомъ романѣ двумя лицами: Подозеровымъ и его женой Ларисой, и особенно съ послѣдней. По отношенію къ первому, снисходительнѣйшіе читатели еще милостиво извиняютъ автора приведеніемъ въ его оправданіе словъ Гоголя, что «хорошаго русскаго человѣка будто бы рельефно нельзя изображать»; но зато по отношенію къ Ларѣ судъ этотъ гораздо строже: авторъ слышитъ укоризны за неясность нравственнаго образа этой женщины, напоминающей, по словамъ нѣкоторыхъ судей, такихъ извѣстныхъ имъ лицъ, которыя, «не называясь умопомѣшанными, поступаютъ какъ сумасшедшія».

Въ этомъ сходствѣ, которое находятъ между Ларой и знакомыми читателямъ съ извѣстной стороны лицами, авторъ видитъ для себя достаточное успокоеніе.

Дѣйствуя подъ неотступнымъ давленіемъ сомнѣній, безъ сильныхъ влеченій и антипатій, при безмѣрности довольно мелкаго самолюбія и крайнемъ безпокойствѣ воображенія, Лариса въ теченіе года своего замужества съ Подозеровымъ успѣла пройти большую драму безъ дѣйствія, съ однимъ лишь глухимъ, безмолвнымъ протестомъ противъ всего и съ оскорбляющимъ жизнь безстрастіемъ. Между тѣмъ утромъ, предъ наступленіемъ котораго Катерина Астафьевна Форова, отпировавъ «Маланьину свадьбу», уснула съ намѣреніемъ идти на другой день на смертный бой съ Ларой, и между нынѣшнимъ днемъ, когда мы готовы снова встрѣтить Ларису, лежитъ цѣлая бездна, въ которой нѣтъ ничего ужасающаго, а только одна тягость и томленіе, уничтожающія всякую цѣну жизни.

Пробѣжимъ вскользь это грустное существованіе, пріостанавливаясь лишь на минуты на главныхъ его эпизодахъ.

Первое утро медоваго мѣсяца Лары было началомъ новыхъ несогласій между ею и людьми, принимавшими въ ней живое участіе. Катерина Астафьевна, проспавъ въ это утро нѣсколько долѣе обыкновеннаго, очень удивилась, когда, придя къ новобрачнымъ, застала все въ полномъ порядкѣ, но въ такомъ порядкѣ, который былъ бы умѣстенъ въ обыкновенной порѣ жизни, а не на второй день супружества. Подозеровъ занимался въ кабинетѣ, а Лара, совсѣмъ одѣтая, сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ гостиной, и читала книгу. Катеринѣ Астафьевнѣ не съ чего было начать войны, въ цѣляхъ которой она сюда прибыла. Это еще болѣе разсердило майоршу и, походивъ изъ угла въ уголъ предъ сидящею Ларисой, она, наконецъ, остановилась и спросила:

— Ну, что же, ты счастлива?

— Очень, — отвѣчала съ тихимъ наклоненіемъ головы Лара.

— Что же ты такъ отвѣчаешь?

— Какъ же вамъ отвѣчать, ma tante?

— Какъ?.. Тетка ее спрашиваетъ: счастлива ли она?.. а она жантильничаетъ. — Катерина Астафьевна вздохнула, встала и добавила: — пойду къ твоему мужу: такъ ли онъ счастливъ, какъ ты?

Придя къ Подозерову, она, къ удивленію своему, увидала, что и онъ ничѣмъ не смущенъ, а, напротивъ, какъ будто только еще болѣе сосредоточенъ и занятъ дѣломъ, за которымъ она его застала.

— Что это такое, что и въ такой день васъ занимаетъ?— спросила она.

— А это женины дѣла по залогу ея дома, — отвѣчалъ Подозеровъ, подавая стулъ теткѣ.

— Что же въ нихъ, въ этихъ дѣлахъ?

— Гм!.. ну, я надѣюсь, что можно будетъ кое-какъ вывернуться.

— Можно?

— Да; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Что же, это хорошо,— отвѣтила, не думая, что говоритъ, Форова, и, худо скрывая свое неудовольствіе, очень

скоро ушла къ Синтяниной, къ которой явилась оживленная искусственною веселостью и, комически шаркая и присѣдая, принесла генеральшѣ поздравленія.

— Съ чѣмъ?—спросила та.

— Ни съ чѣмъ, — отвѣчала ей майорша, и разсказала, что она застала у новобрачныхъ, скрывъ, впрочемъ, то, что мужъ ея видѣлъ ночную прогулку Подозерова подъ дождемъ и снѣгомъ. Это было такъ непріятно Катеринѣ Астафьевнѣ, что она даже, злясь, не хотѣла упоминать объ этомъ событіи и, возвратясь домой, проспла майора точно такъ же ничего никогда не говорить объ этомъ, на что Филетеръ Ивановичъ, разумѣется, и изъявилъ полное согласіе, добавивъ, что ему «это наплевать».

Но чѣмъ кротче это всѣми принималось, тѣмъ болѣе Форова обнаруживала безпокойства и желанія проникнуть въ тайну семейнаго быта новобрачной племянницы и изобрѣтала въ своей головѣ планы, какъ бы за это взяться, и сердилась, когда Синтянина, кротко выслушивая эти планы, или разбивала ихъ, или шутила и говорила, что майоршѣ просто нечего дѣлать.

— Люди поженились и живутъ, и пусть ихъ живутъ, — говорила Синтянина; но Форова думала не такъ: «Маланьина свадьба» казалась ей не бракомъ, а какою-то глупостью, которая непремѣнно должна имѣть быстрый, внезапный и грустный конецъ; но самимъ новобрачнымъ майорша этого, разумѣется, не высказывала, да вскорѣ перестала говорить объ этомъ и Синтяниной, и своему мужу, такъ какъ первая въ отвѣтъ на ея пророчества называла ее «сорокой», а второй, не дослушивая рѣчей жены, отвѣчалъ:

— Оставь, пожалуйста, матушка: мнѣ это наплевать.

— Это вы на бракъ-то, господинъ Форовъ, плюете?

— Да.

— Ну, такъ вы дуракъ!

— Ну, такъ что же такое, что дуракъ?

— То, что бракъ—это наша святыня жизни.

— Ну, такъ что же такое, и наплевать.

Форова нетерпѣливо сердилась на эти отзывы, но потомъ перестала обращать на нихъ вниманіе, и зато еще болѣе усердно занималась шпіонствомъ за племянницей и заботой, дабы вмѣсто форменнаго союза ея съ мужемъ между ними возникъ крѣпкій союзъ сердечный.

Къ осуществленію такихъ хлопотъ Катеринѣ Астафьевнѣ не замедлилъ представиться случай: финансовыя дѣла Ларисы, да и собственная хлопотливость Подозерова не давали ему пребывать въ покоѣ. Оставивъ службу по неудовольствію съ Бодростинымъ, онъ теперь, женившись, не могъ ѣхать и въ Петербургъ, тѣмъ паче, что братъ Глафиры Грегуаръ, значительно перемѣнившійся съ тѣхъ поръ, какъ зналъ его Подозеровъ, не отозвался на его письмо, да Подозерову, въ его новомъ положеніи, уже невозможно было ограничиваться тѣми безсребренническими желаніями, какія онъ высказывалъ въ своемъ письмѣ къ Грегуару, когда просилъ взять его хоть въ писаря. Надо было думать о хлѣбѣ болѣе питательномъ, и въ этомъ случаѣ Подозерову оказалъ непрошенную, но очень важную услугу генералъ Синтянинъ.

Мужъ Александры Ивановны въ эту пору сдѣлался особенно пріязненъ съ Катериной Астафьевной, охотнѣе всѣхъ выслушивалъ ея неудовольствія на «глупый характеръ» Ларисы и, дѣйствительно, сочувствовалъ положенію Подозерова.

— Да-съ, — говорилъ онъ: — мнѣ Андрей Ивановича жаль-съ: я всегда говорилъ, что Лариса Платоновна—особа очень поэтическая-съ, а всѣ эти поэтическія особы очень прозаичны-съ. Да-съ, имъ надо угождать, да угождать.

— Да вѣдь неизвѣстно, Иванъ Демьянычъ, въ чемъ имъ и угождать-то-съ.

— Все знаю-съ: такимъ поэтическимъ барышнямъ надо за старичковъ выходить, тѣ угодливѣе: она будетъ капризничать, а онъ предъ ней на колѣночкахъ стоять.

— Или, еще лучше, за казачьихъ офицеровъ, — вмѣшался майоръ Форовъ: — потому что казакъ какъ разъ за нагайку возьмется, и поэтическое недовольство получитъ исходъ.

Оригинальное мнѣніе майора заставило генерала разсмѣяться, а Катерина Астафьевна вспыхнула и, сказавъ мужу, что нагайка была бы умѣстнѣе на тѣхъ, кто разсуждаетъ такъ, какъ онъ, выжила его изъ комнаты, гдѣ шла эта бесѣда.

Предпочтеніе, которое Катерина Астафьевна оказывала въ эту пору разговорамъ съ генераломъ, подвигнуло и его принять участіе въ заботахъ о судьбѣ новобрачныхъ, и

Иванъ Демьяновичъ, вытребовавъ въ себѣ въ одно прекрасное утро майоршу, сообщилъ ей, что одинъ петербургскій генералъ, именно тотъ самый, у котораго Глафира искала защиты отъ Горданова, Кишенскаго и компаніи, купилъ въ ихъ губерніи прекрасное имѣніе и по знакомству съ Иваномъ Демьяновичемъ просилъ его рекомендовать изъ мѣстныхъ людей основательнаго и честнаго человѣка и поставить его немедленно въ томъ имѣніи управителемъ.

— Такъ что же, батюшка Иванъ Демьянычъ, Андрюшу туда поставьте!—воскликнула Форова.

— Да я такъ-съ было и думалъ ему предложить.

— Ему, ему, непремѣнно ему, потому что, во-первыхъ, честнѣй его человѣка нѣтъ, а потомъ онъ и основательный, да ему это теперь и нужно.

— Что жъ; я очень радъ служить, если это ему будетъ по вкусу.

— Помилуйте, отчего же не по вкусу: онъ любитъ уединеніе и пусть живетъ въ деревнѣ, да и она тамъ скорѣе одумается.

Катерина Астафьевна побѣжала посломъ къ Подозерову и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ его согласіемъ и благодарностію, а черезъ два дня Андрей Ивановичъ уже уѣхалъ на свой новый постъ принимать имѣніе и устраивать себѣ тамъ жилье.

Этимъ временемъ Катерина Астафьевна, безъ всякаго приглашенія со стороны Ларисы, явилась къ ней погостить и слегка бунтовала, нарушая учрежденный Ларисой порядокъ жизни. Майорша, подъ предлогомъ разсѣянности, безпрестанно перетаскивала изъ кабинета Подозерова въ комнату Лары разныя мелкія вещи, но Лара тихо, но тщательно возвращала ихъ опять въ кабинетъ; Катерина Астафьевна постоянно заговаривала съ Ларой о ея мужѣ и о ея дѣлахъ, но та уклонялась отъ этихъ разговоровъ и старалась читать. Кончалось это тѣмъ, что тетка съ племянницей ссорились, выражая, впрочемъ, свой гнѣвъ разными способами: майорша — язвительными словами, а Лариса — упорнымъ молчаніемъ и кажущеюся нечувствительностью.

Наконецъ Катерина Астафьевна не выдержала и спросила:

— Ты, кажется мнѣ, вовсе не любишь своего мужа?

Лара промолчала.

— Слышишь, о чемъ я съ тобой говорю?—загорячилась, толкая свой чепецъ, Форова.

— Слышу; но не знаю, почему это вамъ такъ кажется.

— А отчего же ты про него ничего не говоришь?

— Какая странная претензія!

— Нисколько не странная: я сама женщина и сама любила и знаю, что про любимаго человѣка говорить хочется. А тебѣ вѣрно нѣтъ?

— Нѣтъ; я не люблю словъ.

— Не любишь словъ, да и живешь скверно.

— Какъ же я живу?

— «Какъ живу!» Скверно, сударыня, живешь! У васъ скука, у васъ тоска, у васъ дутье да молчанка: эта игра не ведетъ къ добру. Лариса! Ларочка! я тебѣ, отъ сердца добра желая, это говорю!

И Форова закрыла ладонями рукъ страницы книги, которую читала Лариса.

— Ахъ, какъ это несносно!—воскликнула Лара и встала съ мѣста.

Майорша вспыхнула.

— Лариса!—сказала она строго, отбросивъ книжку:—ты мнѣ не чужая, а своя, я сестра твоей матери.

Но Лара перебила ее нетерпѣливымъ вопросомъ.

— Чего вы отъ меня, тетушка, хотите? Мужъ мой, что ли, прислалъ васъ ко мнѣ съ этими переговорами?

— Нѣтъ; твой мужъ ничего не говорилъ мнѣ, а я сама... ты знаешь, какая исторія предшествовала твоей свадьбѣ...

Лара покраснѣла и отвѣчала:

— Никакой я не знаю исторіи и никакой исторіи не было.

— Лара, ты должна постараться, чтобы твоего мужа ничто не смущало, чтобъ онъ, закрывъ вѣнцомъ твой неосторожный шагъ, былъ увѣренъ что ты этого стоишь.

— Надѣюсь, что стою.

— Да что же ему-то изъ этого проку, что ты стоишь, да только молчишь, супишься, да губы дуешь: велика ли въ этомъ радость, особенно въ самомъ началѣ!

— Ну, что же дѣлать, когда я такая: пусть любятъ такую, какая я есть.

— Капризовъ нельзя любить.

— Отчего же: кто любитъ, тотъ все любитъ.

— Ну, извини меня, а ужъ скажу тебѣ, что если бы такія комедіи на первыхъ порахъ, да на другой нравъ...

— Ничего бы не было точно такъ же.

— Ни до чего нельзя договориться! — вскричала, схватясь съ мѣста, Катерина Астафьевна и начала собираться домой, что было привычнымъ ея пріемомъ при всякомъ гнѣвѣ.

Лариса молчала и не останавливала тетку, что ту еще болѣе бѣсило.

— Тупица, капризница и безчувственная! — произнесла на прощанье Форова и, хлопнувъ дверью, вышла, слегла дома и занемогла отъ крайней досады, что не только не можетъ ничего уладить, но даже не въ состояніи сама себѣ уяснить, почему это такъ скверно началось житье у племянницы съ мужемъ.

Безтолковая «Маланьина свадьба» сокрушала Катерину Астафьевну, да и недаромъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Куда кривая выноситъ.

Подозеровъ былъ весь поглощенъ занятіями по своимъ новымъ обязанностямъ. Вступивъ въ управленіе и упорядочивъ кое-какъ на скорую руку давно заброшенный флигелекъ, онъ пріѣхалъ въ городъ на короткое время и тутъ же, уладивъ отсрочку по закладу Ларисинаго дома, успокоилъ жену, что домъ ея будетъ цѣлъ и что она можетъ жить, не измѣняя никакимъ своимъ привычкамъ, и самъ снова уѣхалъ въ деревню. Дѣло поглощало все его время, такъ что онъ, возвращаясь къ ночи домой, падалъ и засыпалъ какъ убитый и, пріѣхавъ къ женѣ послѣ двухъ недѣль такой жизни, былъ неузнаваемъ: лицо его обвѣтрило, поступь стала тверже, голосъ рѣшительнѣе и спокойнѣе, что, очевидно, было въ прямомъ соотношеніи съ состояніемъ нервовъ.

Онъ опять пробылъ въ городѣ сутки, справился о состояніи и нуждахъ жены, все, что нужно, устроилъ и уѣхалъ.

Ларису это смутило.

«Что же это: неужто онъ хочетъ постоянно вести такую жизнь? Неужто онъ мною пренебрегаетъ?.. О, нѣтъ! Развѣ это возможно!»

Лариса вскочила, схватила зеркало и, разглядывая себя, повторяла:

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

«Да и за что же? — раздумывала она, ходя по своей одинокой залѣ. — За то, что я немножко капризна, но это мое воспитаніе виновато, но я не зла, я ничего дурного не сдѣлала... и Господи, какая скука!»

Она провела ночь безъ сна и нѣсколько разъ принималась плакать, а утромъ написала Форовой, прося ее прійти, съ тѣмъ, чтобы взять лошадей и прокатиться къ Подозерову, навѣстить его сюрпризомъ.

Вмѣсто отвѣта на это приглашеніе, къ Ларисѣ явились майоръ и Евангелъ, и первый изъ нихъ сейчасъ же полушутя, полусерьезно, сдѣлалъ ей выговоръ, зачѣмъ она писала.

— Во-первыхъ,—говорилъ онъ:—развѣ вы не знаете, что моя жена нездорова, а во-вторыхъ, у насъ нѣтъ людей для разноски корреспонденцій.

— Тетя больна!—воскликнула Лариса.

— А вы этого и не знали?

— Нѣтъ, не знала.

— Удивительно! А вы развѣ у генеральши не бываете?

— Да; я... какъ-то давно... снижу дома.

— Ага! Впрочемъ, это до меня не касается, а по предмету вашего посольства скажу вамъ свой совѣтъ, что никакіе провожатые вамъ не нужны, а возьмите-ка хорошую троечку, да и катните къ мужу.

— Да, конечно, но... одной скучно, дядя.

— Одной... къ мужу... скучно!

Майоръ шаркнулъ ногой, поклонился и проговорилъ:

— Благодарю-съ, не ожидалъ.

Онъ приставилъ ко лбу палецъ и началъ вырубать:

— Молоденькой, хорошенькой дамочкѣ одной къ мужу ѣхать скучно... Прекрасно-съ! А при третьемъ лицѣ, при провожатомъ въ родѣ старухи-тетки, вамъ будетъ веселѣй... Нѣтъ, нѣтъ, именно: благодарю, не ожидалъ. Мнѣ это напоминаетъ поль-де-коковскую няньку,—охранительницу невинности, или мадемуазель Жиро...

— Дядя! — воскликнула Лара, съ желаніемъ остановить майора отъ дальнѣйшихъ сравненій.

— Чего-съ?

— Какъ вы говорите!

— А какъ еще съ вами надо говорить? Вы чудиха, и больше ничего; васъ надо бы, какъ непосѣдливую курицу, взбрызнуть водой, да жигучею крапивкой пострекать.

— Вы циникъ.

— И что же такое?—я этимъ горжусь. Зато у меня нѣтъ никакихъ потаенныхъ безнравственныхъ мыслей и поступковъ: я не растлѣваю ничѣмъ моей головы, и знаете, что я вамъ скажу, мое милое дитя: и противъ васъ гораздо цѣломудреннѣе, даже я предъ вами сама скромность и добродѣтель.

— Дядя! Вы, кажется, не думаете, что̀ вы говорите.

— Нѣтъ, я думаю-съ, и по самому зрѣлому размышленію не вѣрю въ вашу добродѣтель. Тсс... тсс... тсс... позвольте мнѣ договорить. Я всегда имѣлъ большое довѣріе къ женщинамъ простого, естественнаго взгляда на жизнь и никогда въ этомъ не каялся. Брехливая собачка чаще всего только полаетъ, а молчаливая тяпнетъ тамъ, гдѣ и сама не думаетъ; а вы вѣдь весь свой вѣкъ все отмалчиваетесь и до сихъ поръ тупите глазки, точно находитесь въ томъ возрастѣ, когда вѣрятъ, что дѣтей нянька въ фартучкѣ приноситъ.

Лара молчала.

— Это прескверно-съ,—продолжалъ майоръ:—и если бы вы, выходя замужъ, спросили старика-дядю, какъ вамъ счастливѣе жить съ мужемъ, то я, по моей циницческой философіи, научилъ бы васъ этому вѣрнѣе всякой мадамъ Жанлисъ. Я бы вамъ сказалъ: не надѣйтесь, дитя мое, на свой умъ, потому что хоть это для васъ, можетъ-быть, покажется и обиднымъ, но я, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, имѣю очень невысокое мнѣніе о женскомъ умѣ вообще и о вашемъ въ особенности.

— Дядя! Да что же это наконецъ такое?

— Не сердитесь-съ, не сердитесь.

— Но вы уже говорите мнѣ невыносимыя дерзости.

— Я говорю вамъ только правду, сущую правду, которую подлецъ не скажетъ. Подлецъ будетъ вамъ напѣвать, что вы красавица и умница, что у васъ во лбу звѣзда, а подъ косой мѣсяцъ, а я вамъ говорю: вы не умны, да-съ; и вы сдѣлали одну ошибку, ставъ не изъ-за чего въ холодныя и натянутыя отношенія къ вашему мужу, котораго

я признаю большимъ чудакомъ, но прекраснымъ человѣкомъ, а теперь дѣлаете другую, когда продолжаете эту безкровную войну не тѣмъ оружіемъ, которымъ способны наилучше владѣть ваши войска. Извините меня, что я вамъ скажу: вы не должны ни о чемъ думать. Да-съ, положительно такъ! Умъ... умъ не всѣмъ дается-съ, и это штука, сударыня моя, довольно серьезная; это орудіе, которымъ нужно владѣть съ тонкимъ расчетомъ, тутъ нужны хорошо обученные артиллеристы; но вамъ это и не нужно, и именно потому, что у васъ пейзажъ очень хорошъ: вы рисункомъ берите. Да-съ; пусть умъ остается на долю дурнушекъ, которымъ, чтобы владѣть человѣкомъ, нужны чортъ знаетъ какія пособія высшей школы: и умъ, и добродѣтели, и характеръ; а вы и женщины, вамъ подобной живописи, имѣете привилегію побѣждать злополучный мужской полъ, играя на низшемъ регистрѣ. То-есть я это все говорю въ разсужденіи того, что вы вѣдь очень хороши собою...

— Да; но я клянусь, что едва ли какая-нибудь красивая женщина слыхала такіе странные комплименты своей красотѣ.

— Ну, вотъ видите ли: я веду серьезный разговоръ, а вы называете мои слова то дерзостями, то комплиментами, тогда какъ я не говорю ни того, ни другого, а просто проповѣдую вамъ великую вселенскую правду, которая заключается въ томъ, что когда красивая женщина не хочетъ сдѣлать своей красоты источникомъ привязанности избраннаго человѣка, а расплывается въ невѣдомо какихъ соображеніяхъ, то она не любитъ ни этого человѣка, ни самоё себя, то-есть она, по-просту говоря, дура.

— Тсс... полно ты, полно грубіянить, — остановилъ его Евангелъ.

— А что жъ; развѣ я не правъ? Красота—сила, и такая здоровенная, что съ нею силы, гораздо ся совершеннѣйшія, часто не справятся.

Евангелъ молчалъ и созерцалъ тоже молчавшую и морщившую свой бѣлый лобъ Ларису, а Форовъ, скрутивъ и раскуривъ новую папиросу, продолжалъ:

— Повѣрьте мнѣ, прекрасная племянница, что тысячи и тысячи самыхъ достойнѣйшихъ женщинъ не разъ втайнѣ завидуютъ легкости, съ которою красавицамъ дается овла-

дѣвать привязанностями самыхъ серьезныхъ и честныхъ людей. Что тамъ ни говорите, женщинъ добродѣтельныхъ люди уважаютъ, а красивыхъ—любятъ. Это очень несправедливо, но что дѣлать, когда это всегда ужъ такъ было, есть и будетъ! Вонъ еще въ библейской древности Іаковъ Лію не любилъ, а Рахиль любилъ, а я Рахиль не уважаю.

— Ты этого не смѣешь,—прошепталъ Евангелъ.

— Нѣтъ, очень смѣю: она, какъ всѣ красавицы, была и своенравна, и не умна.

— Ты этого не знаешь.

— Напротивъ, знаю, а это вы, батюшка, по своему іезуитству, изволите это отрицать.

— Ты врешь.

— Прекрасно! Значитъ, вы одобряете, какъ она мужа въ наемъ отдавала?

Евангелъ махнулъ молча рукой.

— Ага!—продолжалъ Форовъ:—и всѣ красавицы таковы, и потому-то справедливая природа такъ и раздѣляетъ, что однимъ даетъ красоту, а другимъ—умъ и добродѣтель.

— Дядя, но вѣдь это уже въ самомъ дѣлѣ... по крайней мѣрѣ рѣзкость: вы во второй разъ называете меня дурой.

— Да, ты постоянно рѣзокъ, даже ужъ очень рѣзокъ,— вмѣшался Евангелъ и пояснилъ мягко, что хотя замѣченный Форовымъ раздѣлъ дѣйствительно какъ будто существуетъ, но въ этомъ виновата не природа, для которой нѣтъ основаній обдѣлять прекрасное тѣло добрыми свойствами, а виноваты въ томъ люди, потому что они красавицамъ больше прощаютъ, больше льстятся и тѣмъ кружатъ имъ головы и портятъ сердца, дѣлаютъ ихъ своенравными, запосчивыми, и тогда ужъ плохо тѣмъ, кому придется съ такою женщиной жить.

— Все это ложь, все расточаемая ложь виновата,—твердилъ онъ: — и таковыхъ испорченныхъ красавицъ надо обильно жалѣть, потому что какъ бы онѣ могли быть прекрасны, сколько бы онѣ счастья могли принести и себѣ, и семьѣ, а между тѣмъ какъ онѣ часто живутъ только на горе себѣ и на горе другимъ. Вѣдь это предосадно-съ, преобидно и прескорбительно! И вы, Лариса Платоновна, когда вамъ Богъ даруетъ дочку, подобную вамъ своей красой, блюдите, Бога ради, сей прелестный цвѣтокъ отъ дыханія лести и, сдѣлайте милость, воспрепятствуйте этому грубому

мнѣнію, которое имѣетъ насчетъ красоты вашъ циникъ-дядя: онъ вретъ, что красотой успѣшнѣе играть на низшихъ регистрахъ; нѣтъ-съ, красота, какъ совершенство природы, должна брать могучіе и гармоничные аккорды на самыхъ высшихъ регистрахъ. Развѣ не Агнесса Сорель воскресила чувство чести въ Карлѣ Седьмомъ? Развѣ не Ментенонъ поселила въ Людовикѣ Четырнадцатомъ любовь къ ученымъ? Развѣ красота не совершала Данилловыхъ чудесъ укрощенія звѣрей; развѣ не показала этого, напримѣръ, прелестная Дивке надъ датскимъ Христіаномъ; Настасья Романовна—надъ нашимъ Грознымъ?..

— Ну, пошелъ причитать!—сказалъ, смѣясь, Форовъ.

— Именно причитаю, именно причитаю, потому что я долго слушалъ твою грубость, а въ моихъ устахъ дрожитъ хвала Творцу въ Его прелестнѣйшихъ твореніяхъ, и я... я на себѣ испыталъ возвышающее дѣйствіе красоты на высшіе регистры моихъ способностей. Да-съ; область красы— это самый высокій регистръ, она всегда на меня дѣйствуетъ. Не могу я видѣть вашихъ затрудненій: пусть Филетеръ остается при женѣ, а я васъ сопровожду къ супругу. Да, сейчасъ сопровожду.

И Евангелъ сбѣгалъ, нанялъ бодрую тройку ямскихъ коней и черезъ часъ катилъ въ сумеречной мглѣ, населяя мрѣющую даль образами своей фантазіи, въ которой роились истина, добро и красота, и красота во всемъ: въ правдѣ, въ добрѣ, въ гармоніи. Онъ всячески старался развлекать молчаливую Лару и все вдохновлялся, все говорилъ и все старался оправдать, всему найти извиненіе. Время пролетѣло незамѣтно.

— А вотъ что-то сѣрѣетъ, — замѣтилъ Евангелъ: — и я слышу собачій лай: неужто мы это уже пріѣхали?

— Пріѣхали,—отвѣчалъ ямщикъ.

— Фу, какъ скоро!

— Лошадокъ не пожалѣлъ, да и ты, батюшка, больно ужъ складно говоришь и время крадешь.

Евангелъ на это ничего не отвѣчалъ: онъ съ предупредительною угодливостью высаживалъ Лару, и они, пройдя чрезъ небольшія темныя сѣни, вошли въ обиталище Подозерова, но не застали его. Андрей Ивановичъ уѣхалъ въ городъ.

Это непріятно поразило Лару: она не хотѣла и взглянуть

на помѣщеніе мужа и пожелала тотчасъ же возвратиться назадъ.

Обратный путь уже не былъ такъ оживленъ, потому что Евангелъ точно что-то почуялъ и молчалъ подъ-стать Ларѣ, а ямщикъ пробовалъ было завести раза два пѣсню, но обрывалъ ее ударами кнута по шеѣ лошади и тоже умолкалъ. Такъ они и пріѣхали, но не вмѣстѣ, потому что Евангелъ всталъ на поворотѣ къ своему жилью, а Лариса вбѣжала во дворъ и еще болѣе удивилась: окна ея флигеля были темны.

— Гдѣ же это онъ? У Синтяниныхъ свѣтится на мезонинѣ и въ кабинетѣ... неужели онъ тамъ?

Ревность защемила Ларису.

Она выбѣжала на крыльцо и, встрѣтивъ горничную дѣвушку, узнала отъ нея, что въ кабинетѣ сидитъ генералъ и Форовъ, а на мезонинѣ—глухонѣмая Вѣра, а генеральши совсѣмъ нѣтъ дома.

— Нѣтъ дома!.. гдѣ же она?

— У Катерины Астафьевны.

У Ларисы словно холодная змѣя обвилась вокругъ сердца.

— Это свиданіе,—сказала она себѣ: — они всѣ противъ меня, они возстановляютъ противъ меня моего мужа и, можетъ-быть, теперь, въ эти самыя минуты, тамъ строятся козни... Но я жена, я имѣю право... пока еще это не пустило корней.

И Лара торопливыми шагами вышла за ворота, взяла извозчика и велѣла ѣхать къ Форовымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Тѣ же раны.

Переступивъ порогъ коротко знакомой ей калитки Форовскаго домика, Лара остановилась: сквозь отворы неплотныхъ ставенъ ей была видна комната, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣли Катерина Астафьевна, и возлѣ нея, другъ противъ друга, Подозеровъ и Синтянина.

Объятому ревностью сердцу Лары показалось, что эти два лица помѣщаются слишкомъ близко другъ къ другу, что лица ихъ черезчуръ оживлены и что особенно ея мужъ находится въ возбужденномъ состояніи. На каждое слово Синтяниной онъ отвѣчаетъ цѣлыми длинными репликами и то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

Лара употребила всѣ усилія, чтобы подслушать эту бесѣду: разговоръ шелъ о ней.

— Нѣтъ, ни вы, тетушка, ни вы, Александра Ивановна, не правы,—говорилъ ея мужъ.

— Ахъ, батюшка: я уже молчу, молчу, — отвѣчала Форова. — Я говорила-говорила, да и устала, умъ помутился и языкъ притупился, а все одно и то же: тебя спросишь,— выходитъ, что ты доволенъ женой и что вы будто живете прекрасно, и жена твоя тоже своею жизнью не нахвалится, а на нашъ взглядъ жизнь ваша самая отвратительная.

— Чѣмъ-съ? вы скажите же, чѣмъ?

— Тѣмъ, что она самая скучная, что же тутъ похвалить?

— Мы не ссорились и, вѣроятно, никогда не поссоримся.

— Ахъ, милый племянникъ, извини, пожалуйста: я стара, меня этимъ не обманешь: лучше бы вы ссорились, да, поссорившись, сладко мирились, а то... нечему, нечему радоваться.

— Маленькая ссора часто то же самое, что гроза: послѣ нея воздухъ чище и солнце свѣтитъ ярче,—молвила генеральша.

Подозеровъ вспыхнулъ.

— Вѣдь вы меня просто пытаете,—сказалъ онъ.—Я цѣлый часъ пробылъ здѣсь въ цензурѣ, какой не ожидалъ. Вы уясняли меня себѣ при мнѣ самомъ. Это очень оригинальное положеніе. По-вашему, я виноватъ въ томъ, что моя жена не весела, не счастлива и... и, можетъ-быть, не знаетъ, чего ей надо. Вы дѣлаете мнѣ намеки, прямой смыслъ которыхъ, если позволите прямо выразиться, заключается въ томъ, что продолженіе жизни въ такомъ порядкѣ, какимъ она началась, можетъ повести къ бѣдамъ. То-есть къ какимъ же это бѣдамъ? Я помогу вамъ объяснить это: вы пугаете меня охлажденіемъ ко мнѣ моей жены и... и всѣмъ, что за этимъ можетъ слѣдовать при ея красотѣ и молодости. Долженъ признать, что вы правы; но такъ какъ мы здѣсь всѣ друзья и ведемъ разговоръ не для того, чтобы спорить и пререкаться, а для того, чтобы до чего-нибудь договориться, то я вамъ, если угодно, выскажу, что у меня на душѣ. Лара не въ правѣ требовать отъ меня горячей и пылкой любви.

— Тогда для чего же вы на ней женились?

— Потому что она этого хотѣла

Обѣ женщины невольно переглянулись.

— Позвольте,—молвила генеральша:—но вѣдь вы Лару любили?

— У меня была къ ней привязанность, доходившая до обожанія.

— И отчего же она вдругъ исчезла? — подхватила Форова.

— Нѣтъ, не вдругъ, Катерина Астафьевна, но, впрочемъ, довольно быстро.

— По какой же это причинѣ?

— Причина?—повторилъ Подозеровъ. — А причина та, что Александра Ивановна дала мнѣ очень хорошій урокъ.

Генеральша покраснѣла и, нагнувшись къ работѣ, проговорила:

— Что? что? Я вамъ давала урокъ противъ Лары?

— Нѣтъ, за Лару.

— Гдѣ и когда?

— Вечеромъ, наканунѣ дуэли, въ вашемъ осиновомъ лѣсочкѣ.

Подозеровъ припомнилъ Синтянину, что въ томъ разговорѣ она убѣждала его, что штудировать жизнь есть вещь ненормальная, что молодой дѣвушкѣ нѣтъ дѣла до такого штудированья, а что ей надо жить, и человѣку, который ее любитъ, нужно «добываться» ея любви.

— Я въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что это справедливо и что у такой женщины, какъ Лара, любви надо добиваться. Но чтобы добиваться ея, значитъ жертвовать своими убѣжденіями, свободой мысли, свободой отношеній къ честнымъ людямъ, а я этимъ жертвовать не могу, потому что тогда во мнѣ не осталось бы ничего.

— Но вы, однако, отъ ея руки не отказывались?

— Зачѣмъ же, когда она мнѣ сама прежде отказала?

— Ну ты, батюшка мой, за нее свой лобъ подставлялъ.

— Что же такое? И кромѣ того, я не за нее одну стрѣлялся.

Произошла маленькая пауза, послѣ которой Форова, вздохнувъ, произнесла:

— Худо же тебѣ будетъ жить, моя бѣдная Лара!

— Напрасно вы ее оплакиваете. Повѣрьте, что если она ввѣрила мнѣ свою свободу, то я ничѣмъ не злоупотре-

блю. Какъ она поставила свою жизнь, такъ она и будетъ стоять, и я не ворохну ее и буду ей всегда преданнѣйшимъ другомъ.

— Только другомъ?

— Да; только тѣмъ, чѣмъ она хочетъ меня видѣть.

— А полна отъ этого ея жизнь?

— Я не знаю; впрочемъ, не думаю.

— Ну, а вы же допускаете, что не теперь, такъ современемъ она можетъ пожелать ее восполнить?

— Очень можетъ быть.

— Кто же будетъ виноватъ въ томъ, что можетъ произойти?

— Произойти?.. Я не знаю, о чемъ вы говорите? Если она полюбитъ кого-нибудь, въ этомъ никто не будетъ виноватъ, а если она меня обманетъ, то въ этомъ, разумѣется, она будетъ виновата.

— А не вы?

— Я!.. съ какой же стати? Она мнѣ ввѣрила свою свободу, я вѣрю ей. Кто обманетъ, тотъ будетъ жалокъ.

— Это значитъ, что ты ее не любишь,—молвила Форова.

— Думайте какъ вамъ угодно, я запретить не властенъ; но я властенъ жить для жены и для того, что̀ я считаю достойнымъ заботъ честнаго человѣка.

— Съ обоими съ вами, господа, пива не сваришь,—проговорила генеральша, и, начавъ собираться домой, добавила:—Оставимъ все это своему теченію.

Вслѣдъ за нею поднялся и Подозеровъ.

Катерина Астафьевна молчала; но когда Подозеровъ подалъ ей руку, она покачала головой и проговорила:

— Нѣтъ; кончено все: не она тебя не любитъ, а ты, Андрюша, къ ней равнодушенъ. Иначе бы такъ не разсуждалъ. Жалко мнѣ васъ, жалко; очень ужъ вы оба себя уважаете, лучше бы этого немножко поменьше.

— И главное, что все это не такъ,—неосторожно молвила, совсѣмъ прощаясь, генеральша.

— И именно не такъ: охъ, я вижу, вижу, что тебя что-то другое дѣлаетъ такимъ неуязвимымъ и спокойнымъ.

— Вы отчасти правы; но знаете ли что̀ это такое?

— То-то не знаю, а хотѣла бы знать.

— Я васъ удовлетворю. Въ жизни моей я пламенно добивался одного: господства надъ собою, и нынѣшняя

жизнь моя даетъ обильную пищу этому труду; другого же я ничего не ищу, потому что мнѣ ничего искать не хочется.

Катерина Астафьевна еще разъ качнула головой, и гости вышли.

Лариса видѣла, какъ они сошли со двора и пошли рядомъ, и слышала какъ Синтянина сказала Подозерову:

— Вы, Андрей Ивановичъ, совершеннѣйшій чудакъ, и Катя вѣрно отгадываетъ, что вы ужъ черезъ мѣру себя уважаете.

— Да, это быть-можетъ; но это единственное средство быть достойнымъ того, что̀ дороже обрывковъ ничтожнаго счастія.

Лара вернулась домой почти одновременно съ мужемъ, который ее встрѣтилъ, испугался немножко ея блѣдности и никакъ не могъ добиться, гдѣ она была.

Она сидѣла блѣдная и, держа въ своихъ рукахъ руки мужа, глядѣла на него острымъ лихорадочнымъ взглядомъ.

— Что съ тобой, Лариса?—молвилъ мужъ.—Ты, можетъ-быть, больна?

— Нѣтъ; но... я видѣла тебя...

— Ахъ, да, я былъ у Форовыхъ и проводилъ оттуда генеральшу.

Лариса изо всѣхъ силъ сжала руки мужа и прошептала:

— Бога ради... оставь ее.

— Что̀ за просьба, Лара?

— Я умоляю тебя!—и Лара заплакала.

— Мой милый другъ,—отвѣчалъ Подозеровъ:—я тебя не понимаю, ты видишь, я постоянно занятъ и живу, никого не видя, одинъ въ деревнѣ... За что же ты хочешь лишить меня старыхъ друзей?

— Я буду жить съ тобою въ деревнѣ.

— Ты соскучишься.

— О, нѣтъ, нѣтъ, я не соскучусь.

— Ну, прекрасно; это можно будетъ только лѣтомъ, когда я устрою что-нибудь болѣе чѣмъ двѣ комнаты, въ которыхъ мѣщуся; но и тогда, Лариса, я не могу оставить моихъ друзей.

— Не можешь?

— Нѣтъ, не могу, да и для чего тебѣ это?

Былъ моментъ, удобный для самыхъ задушевныхъ объясненій, но Лариса имъ не воспользовалась: она встала, ушла къ себѣ и заперлась.

Такъ и продолжалась жизнь нашихъ супруговъ въ теченіе цѣлаго года: со стороны мужа шла ровная предупредительность, а со стороны Лары—натянутое молчаніе, прерывавшееся для разнообразія лишь вспышками въ родѣ описанной и заключавшееся тоже внезапнымъ обрывомъ на недоговоренномъ словѣ. Одинъ мотивъ неудовольствія оставался неизмѣннымъ: это ревность къ генеральшѣ, и какъ скоро это разъ прорвалось наружу и изъ тайны Лары и ея мужа сдѣлалось извѣстно всему дому, съ нею уже не было мирной справы. Александра Ивановна смутилась этимъ извѣстіемъ, стала тщательно удаляться отъ встрѣчъ съ Ларой и еще болѣе съ ея мужемъ; генералъ, отъ вниманія котораго не могло укрыться это охлажденіе, только улыбнулся и назвалъ Лару «дурой», сказавъ:

— Она судитъ, вѣрно, по себѣ-съ.

Форовъ сказалъ «наплевать», а Катерина Астафьевна, которая была первою изъ набредшихъ на мысль о существованіи такой ревности и послѣднею изъ отрицавшихъ ее на словахъ, наконецъ разошлась съ племянницей далѣе всѣхъ. Это послѣдовало послѣ отчаянной схватки, на которую майорша наскочила съ азартомъ своей кипучей души, когда убѣдилась, что племянница считаетъ своею соперницей въ сердцѣ мужа нѣжно любимую Катериной Астафьевной Синтянину, да и самоё ее, Форову, въ чемъ-то обвиняетъ.

— Матушка!—воскликнула, внезапно появясь къ Ларисѣ, едва поправившаяся майорша:—ты что это еще за чудеса откидываешь? Сама съ мужемъ жить не умѣешь, а чище себя людей мараешь!

И, начавъ на эту тему, она отчитала ей все, что принесла на сердцѣ, и заключила:

— Стало-быть, вотъ ты какая новѣйшая женщина; добрая жена радовалась бы, что ея мужъ не съ какими-нибуть вертопрашными женщинами знакомъ, а дружитъ съ женщиной честнѣйшею и прекрасною, съ такою женщиной, у которой не было, да и нѣтъ и не можетъ быть супирантовъ, а тебѣ это-то и скверно. Дура ты, сударыня!.

— Да,—уронила Лариса:—мнѣ надоѣли ужъ всѣ эти причитанья. Я, можетъ-быть, и гадкая, и скверная, но не могу же я поддѣлываться подъ образецъ Александры Ивановны. Это для меня недостижимо. Я простая женщина и хочу простого съ собою обращенія.

— Ахъ, оставь, пожалуйста: какая ты простая и какое съ тобою простое обращеніе возможно, когда къ тебѣ на козѣ не подъѣдешь: утромъ спитъ, въ полдень не въ духѣ, вечеромъ нервы разстроены. Не хотѣла тебя бранить, но выбранила, тьфу! пусто тебѣ будь совсѣмъ! Прощай и не зови меня теткой.

Этимъ окончилось объясненіе съ Ларой, продолжавшей выжидать благого поворота въ своей скучной жизни отъ капризовъ случая, и случай поспѣлъ ей на помощь: случай этотъ былъ возвращеніе Бодростиной со свитой въ мирныя палестины отчаго края.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Неожиданныя событія.

Жозефъ не возвратился къ сестрѣ, а прямо поселился у Бодростиныхъ и долго не показывался въ городѣ. Ему было совѣстно ѣхать туда по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ не зналъ, что отвѣтить сестрѣ о деньгахъ, которыя взялъ подъ залогъ ея дома съ обѣщаніемъ возвратить ихъ; а, во-вторыхъ, выкрашенные въ Берлинѣ волосы его отросли и у него была теперь двуцвѣтная голова: у корня волосъ бѣлокурая, а ниже—черная. Послѣднему горю онъ, впрочемъ, надѣялся помочь при помощи публикуемыхъ «Вальдегановскихъ щетокъ для отрожденія волосъ въ натуральный ихъ цвѣтъ»; но какъ сказать сестрѣ, что всѣ деньги, взятыя за ея домъ, онъ проигралъ въ рулетку, еще въ ожиданіи Бодростиной за границу?

Онъ долго думалъ, и наконецъ рѣшилъ, что скажетъ, будто его обокрали. Не хорошо это немножко, что его все постоянно обворовываютъ, ну да что же дѣлать?

Прибыли изъ Петербурга и растворъ, и щеточка, которою Жозефъ хотѣлъ «отродить» свои волосы; но тутъ онъ спохватился, что отъ этой смази волосы его почернѣютъ, тогда какъ ему, чтобы «отродиться», надо быть блондиномъ.

Приходилось долго жданыя Вальдегановскія щетки бросить и ждать всего отъ времени: но тѣмъ часомъ начиналось дѣло о дуэли, затянувшееся за отсутствіемъ прикосновенныхъ лицъ, и произошло маленькое qui pro quo, вслѣдствіе котораго Глафира настойчиво требовала, чтобы Жозефъ повидался съ сестрой, и какъ это ни тяжело, а постарался привести, при ея посредствѣ, Подозерова къ соглашенію не раздувать дуэльной исторіи возведеніемъ большихъ обвиненій на Горданова, потому что иначе и тотъ съ своей стороны поведетъ кляузу.

— Я согласенъ, совершенно съ вами согласенъ,—отвѣчалъ Висленевъ:—я не люблю его, но разъ что уже Подозеровъ мужъ моей сестры, я долженъ его оберегать. Только, вотъ видите, мнѣ нельзя ѣхать: я весь пестрый.

— Пустяки, мы выпишемъ Лару сюда.

— Но знаете, я все-таки..., не хотѣлъ бы... и здѣсь ей въ этомъ видѣ предъявляться. Они, провинціалы, еще чортъ знаетъ какъ на все на это смотрятъ.

— Вы скажитесь больнымъ; сляжете въ постель и обвяжете голову.

— Да; вотъ развѣ въ самомъ дѣлѣ такъ, обвязать голову, это отлично.

— А то можете и обриться.

— Какая мысль! Это еще лучше! Я именно лучше обреюсь и слягу, а вы напишите сестрѣ, что я боленъ. Только какую бы мнѣ изобрѣсть болѣзнь?

— Да не все ли равно: ну, хоть геморой.

— Геморой?

Висленевъ сдѣлалъ гримасу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ: — мнѣ гораздо болѣе нравятся нервы.

— Геморой, геммороѣ, вы потому и обреетесь отъ головной боли.

— Ну, пожалуй.

Все это такъ и исполнилось: одинъ обрилъ голову, другая написала письмо къ Ларѣ. Та получила это письмо безъ мужа и стала втупикъ: ѣхать ей, или не ѣхать въ тотъ домъ, гдѣ бываетъ Гордановъ?

Малое благоразуміе Лары сказало ей, что этого не слѣдовало бы дѣлать, и голосъ этотъ былъ до того внушите-

ленъ, что Лариса, не видаясь съ Синтяниной и съ теткой, позвала на совѣтъ майора.

Филетеръ Ивановичъ подумалъ минуту и отвѣчалъ, что и по его мнѣнію лучше не ѣздить.

— Ну, а если мой братъ очень боленъ?

— Не можетъ этого быть.

— Почему же, развѣ онъ не человѣкъ?

— Не человѣкъ-то онъ это уже положительно не человѣкъ, а кромѣ того, я вижу явную несообразность въ письмѣ: не можетъ быть никакихъ поврежденій въ томъ, чего нѣтъ.

— Я васъ не понимаю.

— Тутъ госпожа Бодростина пишетъ, что у вашего брата страшно болитъ голова, а развѣ у него была голова?

— Ахъ, вы, дядя, всегда только злословите.

— А вамъ, вѣрно, хочется ѣхать? такъ вы въ такомъ случаѣ дѣлайте, что вамъ нравится. О чемъ же спорить?

— Нѣтъ, я вовсе не хочу.

— Ну, да это потому, что я сказалъ сейчасъ, что вамъ «хочется», такъ вамъ и расхотѣлось, а если я скажу «вамъ не хочется», такъ вы опять захотите. Я не понимаю, зачѣмъ вы спрашиваете у кого-нибудь совѣта

— И дѣйствительно, лучше не спрашивать.

— Да, конечно-съ: вамъ вѣдь, чтобы давать благой совѣтъ, надо все говорить въ противную сторону. Чтобы вы не утопились, вамъ надо говорить: «утопитесь», Лариса Платоновна», а сказать вамъ: «не топитесь», такъ вы непремѣнно утопитесь. Это, положимъ, штука не мудреная, говорить и такимъ образомъ ума хватитъ, но вѣдь для этого надо быть немножко вашимъ шутомъ или подлецомъ, въ родѣ тѣхъ, кто вамъ льститъ за вашъ рисунокъ, а мнѣ ничто это не по плечу.

— Извините, что я васъ побезпокоила: я не знала, что и вы также требовательны, и хотите, чтобы всѣ съ вами только соглашались.

— Нѣтъ-съ, я вовсе, вовсе этого не хочу: я люблю и уважаю въ человѣкѣ его независимое мнѣніе, но когда спорятъ не для того, чтобъ уяснить себѣ что-нибудь и стать ближе къ истинѣ, а только для того, чтобы противорѣчить,—этого я терпѣть не могу, этимъ я тягощусь и даже обижаюсь.

— Но я вамъ, впрочемъ, и не противорѣчила.

— И прекрасно, и я не буду вамъ противорѣчить, потому что все равно вы никого не слушаетесь.

Лара промолчала: ей было очень тяжело, она чувствовала, что расходится съ послѣднимъ изъ всѣхъ нѣкогда близкихъ ей людей, и все это ни за что, ни про что, за одно желаніе быть самой по себѣ.

— Что же дѣлать?—«Покориться, смириться», говорилъ ей ея внутренній голосъ. Она чувствовала, что дядя Форовъ говоритъ ей правду, она и сама понимала, что она легко могла всѣмъ надоѣсть своимъ тяжелымъ, непріятнымъ характеромъ, и она даже оплакала это несчастіе и почувствовала неодолимое влеченіе поѣхать къ Бодростиной, видѣть брата и Глафиру, которая никогда не говорила съ нею сурово и всегда ею любовалась.

Въ тотъ же вечеръ Лариса сидѣла въ комнатѣ, гдѣ предъ открытымъ окномъ въ садъ помѣщался въ глубокомъ креслѣ Жозефъ, покрытый легкимъ шелковымъ шлафрокомъ, изъ отставного гардероба Бодростина, и въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, позаимствованномъ оттуда же.

Жозефъ не говорилъ сестрѣ о деньгахъ, а она его о нихъ не спрашивала. Къ тому же, братъ и сестра почти не оставались наединѣ, потому что Глафира Васильевна считала своею обязанностію ласкать «бѣдную Лару». Лариса провела ночь въ смежной съ Глафирой комнатѣ и долго говорила о своемъ житьѣ, о мужѣ, о теткѣ, о Синтяниной, о своемъ неодолимомъ отъ послѣдней отвращеніи.

— Я не понимаю, что это такое, — передавала она: — я знаю, что она очень честная и добрая женщина, но въ ней есть что-то такое... что я не могу переносить.

— Въ ней слишкомъ много самоувѣренности и гордости собою.

— Нѣтъ; она ко мнѣ всегда была добра; но... я все это приписываю тому, что о ней такъ много, много мнѣ говорятъ: ну, я хуже ея, ну, я не могу быть такимъ совершенствомъ, но... не убить же мнѣ себя за это.

— Полно, Лара, ты не знаешь себѣ цѣны! — перебила Бодростина.—Ты вездѣ и всегда будешь отличена и замѣчена.

На Ларису повѣяло пріятнымъ ароматомъ этой нехитрой лести, и она начала снисходительно великодушничать, настаивая, что во всякомъ случаѣ признаетъ за Синтянп-

ной достоинства, но... что ей съ нею тяжело, и гораздо легче съ людьми простыми, грѣшными и отпускающими чужія прегрѣшенія.

Бодростина одобрила ея чувства, и Лара, проснувшись утромъ, почувствовала себя прекрасно; день провела весело, хотя и волновалась слегка, что не пріѣхалъ бы мужъ и не было бы ему очень непріятно, что она остается въ бодростинскомъ обществѣ. Но Глафира, замѣтивъ это, выразила готовность не удерживать Ларису, чтобъ избавить ее отъ непріятностей и перетолковъ. Лара сейчасъ же это отвергла и провела день и вечеръ съ братомъ и съ Глафирой, а ночь—исключительно съ одною послѣднею, и на второе утро почувствовала себя еще бодрѣе и веселѣе. Добраго настроенія ея духа нимало не испортила даже откровенность Жозефа, который, наконецъ, рѣшился признаться сестрѣ, что онъ прогусарилъ ея деньгами, но только уже не оправдывался тѣмъ, что его обокрали, какъ онъ думалъ сказать прежде, а прямо открылся, что, переѣхавъ границу, куда долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованія за дуэль, онъ въ первомъ же городѣ попалъ на большую игру и, желая поправить трудныя обстоятельства, рискнулъ, и сначала очень много выигралъ, но увлекся, не умѣлъ вовремя забастовать и проигрался въ пухъ.

Лара не разспрашивала его, какъ и чѣмъ онъ намѣренъ жить далѣе и въ какомъ положеніи его дѣла; но Жозефъ былъ любопытнѣе и искренно подивился, что сестринъ домъ до сихъ поръ не проданъ.

— Какъ это ты извернулась?—спросилъ онъ, и получивъ въ отвѣтъ, что Подозеровъ какъ-то сдѣлался съ кредиторами, похвалилъ зятя и сказалъ, что онъ человѣкъ аккуратный и дѣловой и въ буржуазной честности ему отказать невозможно.

Но часъ спустя послѣ этого мнѣніе Жозефа о Подозеровѣ жестоко измѣнилось. Поводомъ къ этому послужило маленькое обстоятельство, котораго Висленевъ никакъ не ожидалъ. Дѣло заключалось въ томъ, что Глафира Васильевна, получивъ согласіе Ларисы погостить у нея еще нѣсколько дней, посылала въ городъ нарочнаго съ порученіемъ извѣстить, что Лара остается у Бодростиныхъ и что если мужъ ея пріѣдетъ въ городъ, то она проситъ его дать ей знать. Посланный засталъ Подозерова въ городѣ и воз-

вратился къ вечеру съ двумя письмами: однимъ къ Ларѣ, другимъ — къ ея брату. Въ первомъ Андрей Ивановичъ просилъ жену не безпокоиться и гостить сколько ей погостится, а во второмъ онъ сообщалъ Жозефу, что онъ пріискалъ человѣка, который согласенъ ссудить ему на неособенно тяжкихъ условіяхъ сумму денегъ, необходимую для выкупа Ларисинаго дома, но что этотъ заимодавецъ, довѣряя деньги Подозерову подъ его личное обязательство, желаетъ только, чтобы вексель подписали два лица съ взаимною другъ за друга порукой. Подозеровъ говорилъ, что онъ находитъ неловкимъ вовлекать въ это семейное дѣло чужихъ людей, и потому обращается къ Іосафу Платоновичу съ просьбой, не угодно ли ему будетъ соблюсти требуемую заимодавцемъ формальность? «Она васъ не привлечетъ ни къ какой отвѣтственности, потому что я вѣрно расчелъ мои средства, — писалъ Подозеровъ, — но если бъ и встрѣтилась какая-нибудь неточность въ моемъ расчетѣ, то кому же ближе васъ пособить поправить это дѣло вашей сестры?»

Висленевъ, прочитавъ это письмо, вспылилъ и, разорвавъ листокъ въ мелкіе кусочки, воскликнулъ:

— Каковъ-съ господинъ Подозеровъ! что онъ мнѣ предлагаетъ: ручаться за него; подписывать съ нимъ вексель? Да что у насъ съ нимъ общаго, кромѣ того, что моя сестра съ нимъ вокругъ налоя походила? Нѣтъ, это ужъ очень ловко!

Слушатели пожелали знать въ чемъ дѣло, и Жозефъ разсказалъ содержаніе письма, кое-что утаивъ и кое-что прибавивъ, но все-таки не могъ измѣнить дѣло настолько, чтобъ и въ его изложеніи весь поступокъ Подозерова пересталъ быть свидѣтельствомъ заботливости о Ларисѣ, и потому въ утѣшеніе Жозефу никто не сказалъ ни одного слова, и онъ одинъ безъ поддержки разъяснялъ, что это требованіе не что иное, какъ большое нахальство, удобное лишь съ очень молодыми и неопытными людьми; но что онъ не таковъ, что у него, къ несчастію, въ подобныхъ дѣлахъ уже есть опытность, и онъ, зная что такое вексель, впередъ ни за что никакого обязательства не подпишетъ, да и признаетъ всякое обязательство на себя глупостью, потому что, во-первыхъ, онъ имѣетъ болѣзненные припадки, съ которыми его нельзя посадить въ долговую тюрьму, а во-вторыхъ,

это, по его выводу, было бы то же самое, что убить курицу, которая несетъ золотыя яйца.

— Положительно такъ, это положительно такъ,—говорилъ онъ:—потому что я въ этомъ случаѣ до болѣзненности щекотливъ, и чуть я знаю, что кто-нибудь имѣетъ на меня юридическія права, я сейчасъ теряюсь, падаю духомъ и не могу ничего сочинять, и слѣдовательно и теряю шансы вознаградить сестру. Это я и называю убить курицу, которая можетъ несть золотыя яйца.

Его оставили въ его гнѣвѣ и въ его самообожаніи. Бодростина все свое вниманіе перенесла исключительно на одну Ларису, которая видимо была смущена и равнодушіемъ мужа къ ея отсутствію, и его благородными хлопотами о ея дѣлахъ.

Глафира Васильевна все это повыспросила и, открывъ, что Ларѣ хочется быть любимою мужемъ, или, по крайней мѣрѣ, что ее мучитъ недостатокъ восторженнаго обожанія съ его стороны, пустила въ чашу ея бѣдъ каплю новаго остраго яда.

— Ma chère,—сказала она:—такова всегдашняя судьба хорошей и честной женщины. Что бы кто ни говорилъ, мужчины по преимуществу—порода очень завистливая: все, что имъ принадлежитъ по праву, ихъ уже не занимаетъ. Пословица очень вѣрно говоритъ, что «хороша та дѣвушка, которая другимъ засватана», и дѣйствительно, плохой женихъ всегда торитъ дорогу лучшему. Тутъ у господъ мужчинъ нѣтъ гордости и лучшій не обижается, что ему предшествовалъ худшій.

— Это не у всѣхъ одинаково,—отвѣчала Лариса, насупивъ брови, подъ непріятными воспоминаніями, что мужъ ея былъ нечувствителенъ ни къ какимъ ея пріемамъ; но Бодростина ее опровергла.

Глафира Васильевна обстоятельно доказывала мелочность мужской натуры; говорила о преимуществахъ, которыя имѣютъ надъ ними легкія женщины, потому лишь, что онѣ, маня ихъ наслажденіемъ, не даютъ имъ надъ собою никакихъ правъ и завѣдомо не принимаютъ на себя никакихъ обязанностей, и вдругъ неожиданно произнесла имя Горданова.

Лара вздрогнула при этой внезапности и, взявъ Глафиру за руку, прошептала:

— Бога ради, ни слова объ этомъ человѣкѣ.

— О, будь покойна: то, что я скажу, не составляетъ ничего важнаго: я просто припомнила въ примѣръ, что этотъ человѣкъ, повидимому, столь холодный и самообладающій, при извѣстіи о твоей свадьбѣ, сталъ такая кислая дрянь, какъ и всѣ,—точно такъ же одурѣлъ, точно такъ же злился, корчился, не ѣлъ и не находилъ смысла въ своемъ существованіи. Онъ даже былъ глупѣе, чѣмъ другіе, и точно гусаръ старинныхъ временъ проводилъ цѣлые дни въ размышленіи, какъ бы тебя похитить. Я ужъ не знаю, что̀ можетъ быть этого пошлѣе.

Но Ларѣ эта пошлость не показалась такою пошлою, и она только прошептала:

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь?

— Затѣмъ, что я увѣрена, что въ тебѣ этотъ разсказъ только можетъ усилить твое справедливое негодованіе противъ этого злого человѣка и укрѣпить уваженіе, какое ты питаешь къ твоему достойному мужу.

Лариса промолчала и всю ночь пугалась во снѣ похищенія. Гордановъ ей былъ страшенъ какъ демонъ, и она даже должна была проснуться съ отчаяннымъ крикомъ, потому что видѣла себя лежащею на рукѣ Павла Николаевича и надъ собою его черные глаза и смуглый обликъ, который все разгорался и дѣлался сначала мѣднымъ, потомъ красноогненнымъ и жегъ ее, не говоря ей ни слова.

Пробужденная отъ этого тяжелаго сновидѣнія Глафирой, Лара разсказала ей свой страшный сонъ, а та ее обласкала, успокоила и сказала, что она еще ребенокъ, и ей спятся дѣтскіе сны.

Но сама Бодростина про себя помышляла, что если Лару такъ смущаетъ сновидѣнье, то какъ же должна подѣйствовать на нее приготовленная ей дѣйствительность?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Убѣжденія храбраго майора колеблются.

Пребываніе Ларисы у Бодростиной не оставалось тайной ни для Катерины Астафьевны, ни для Синтяниной, которыя, разумѣется, и разойдясь съ Ларой, не переставали ею интересоваться. Обѣихъ этихъ женщинъ новое

сближеніе Ларисы съ Глафирой поразило чрезвычайно непріятно. Съ тѣхъ поръ, какъ Бодростина укатила за границу, ни та, ни другая изъ названныхъ нами двухъ дамъ не имѣли о ней никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній; но съ возвращеніемъ Глафиры Васильевны въ свои палестины, молва быстро протрубила и про ея новую славу, и про ея полную власть надъ мужемъ, и про ея высокія добродѣтели и спиритизмъ.

Катерина Астафьевна и генеральша приняли эти вѣсти съ большимъ сомнѣніемъ: первая, толкнувъ на себѣ чепецъ и почесавъ въ сѣдыхъ волосахъ вязальнымъ прутком, сказала, что «это ничего болѣе, какъ котъ посхимился», а вторая только качнула головой и улыбнулась.

Съ тѣмъ же недовѣріемъ встрѣтили эту вѣсть и генералъ, и Форовъ, явившійся на этотъ случай въ чрезвычайномъ раздраженіи.

— Тому-съ, что она забрала въ руки-съ Михаила Андреевича, я готовъ-съ вѣрить,—сказалъ генералъ:—да это и не мудрено-съ, если правда, что онъ въ Петербургѣ такъ попался съ какою-то барынькой...

— А она этимъ, конечно, воспользовалась.

— А зачѣмъ бы ей не воспользоваться? — вставилъ нетерпящій сплетенъ майоръ, и сейчасъ развилъ, что Глафира Васильевна «баба ловкая и лѣвою рукой не крестится».

— Ни лѣвою, ни правою она не крестится, а это пребываніе Горданова въ милости у Бодростина, да еще и вступленіе его въ компаньонство и въ должность главноуправителя дѣлами... все это... ея штуки-съ, штуки, штуки!

— Ну, Гордановъ старику и самому нравится.

— А старушкѣ еще болѣе? Вотъ это-то и скверно-съ, что ей-то онъ нравится еще болѣе.

— Что же тутъ скверно? Я ничего не вижу скверная. Вещь самая естественная. Благородный англійскій лордъ и поэтъ Байронъ, котораго такъ терпѣть не можетъ ваша супруга, удостовѣряетъ насъ, что даже:

— при темпераментѣ
Весьма холодномъ, дамы нѣтъ
Которая бъ не промѣняла
На ротмистра здоровыхъ лѣтъ
Едва живого генерала.

Генералъ обидѣлся: ему не понравились приведенные Форовымъ стихи, и онъ, сверкнувъ своими бѣлесоватыми глазами, прошипѣлъ:

— Чего моя супруга терпѣть не можетъ, то всегда и скверно, и мерзко,—и съ этимъ онъ поцѣловалъ два раза кряду руку помѣщавшейся за рабочимъ столикомъ жены и, надувшись, вышелъ въ другую комнату.

Форовъ остался на жертву двумъ женщинамъ: своей женѣ и генеральшѣ, изъ которыхъ первая яростно накинулась на него за его безтактность въ только что оконченномъ разговорѣ, между тѣмъ какъ другая молчала, давая своимъ молчаніемъ согласіе на слова Катерины Астафьевны.

Майоръ храбро отбивался отъ нападокъ жены и внушалъ ей, что въ его словахъ не было никакой безтактности.

— Другое дѣло,—барабанилъ онъ:—если бъ я на слова его превосходительства, что все не терпимое Александрой Ивановной скверно или мерзко, отвѣтилъ ему, что и терпимое ею не всегда вполнѣ превосходно, чему онъ самъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, но я вѣдь этого не сказалъ.

Катерина Астафьевна поблѣднѣла, зашикала и бросилась запирать дверь, за которыя удалился генералъ, а Александра Ивановна, поднявъ лицо отъ работы, тихо разсмѣялась.

— Вы, Филетеръ Иванычъ, въ своемъ родѣ совершенство,—проговорила она.

— Скажи, золъ ты, что ли, на что-нибудь: чего ты это ко всѣмъ придираешься?—спросила Катерина Астафьевна.

— Ни на что я не золъ, а ужъ очень долго бесѣдовалъ съ благороднымъ человѣкомъ.

Обѣ дамы посмотрѣли на него молча.

— Что-съ,—продолжалъ майоръ:—васъ удивляетъ, что мнѣ хорошіе люди опротивѣли? Истинно, истинно говорю такъ-съ, и потому я чувствую желаніе заступаться и за добрую барыню Глафиру Васильевну, и за господина Горданова. Да что, въ самомъ дѣлѣ, эти, по крайней мѣрѣ, не дремлютъ, а мы сидимъ.

— Кто жъ тебѣ не велитъ идти на службу: ты еще здоровъ и можешь служить, чтобъ у жены были крѣпкіе башмаки,—вмѣшалась Форова.

— Не въ томъ дѣло-съ, моя почтенная, не въ томъ.

— А въ чемъ же?

— А хоть бы въ томъ, напримѣръ, что нѣкоторыя убѣжденія мои начинаютъ летѣть «кувыркомъ», какъ въ нѣкоторомъ родѣ честь изображаемой нынѣ на театрахъ Прекрасной Алены.

— Ну да: твои убѣжденія! какія тамъ у тебя убѣжденія?

Майоръ не обидѣлся, но попросилъ такъ не говорить и старался внушить, что у него есть или, по крайней мѣрѣ, были убѣжденія и даже очень послѣдовательныя, во главѣ которыхъ, напримѣръ, стояло убѣжденіе, что родъ людской хоть понемножечку все умнѣетъ, тогда какъ онъ глупѣетъ. Майоръ разсказалъ, что ихъ зовутъ на судъ за дуэль, и что Андрей Ивановичъ Подозеровъ ни болѣе, ни менѣе какъ желаетъ, чтобы, при слѣдствіи о дуэли его съ Гордановымъ, не выдавать этого негодяя съ его предательствомъ и оставить все это втуне.

— Такъ, дескать, была дуэль, да и только.

— Что же это за фантазія еще?

— А вотъ извольте спросить, а я это понимаю: достопочтенная племянница моей жены, Лариса Платоновна, пребывая у господъ Бодростиныхъ, имѣла свиданіе съ господиномъ Гордановымъ...

— Ты врешь!—прибавила майорша.

— Ничего я не вру-съ, она имѣла съ господиномъ Гордановымъ свиданіе и объясненіе; она убѣдилась во всей его предъ всѣми правотѣ и невинности; была тронута его великодушіемъ...

— Ты врешь, Форовъ!

— Да, фу, чортъ возьми совсѣмъ: не вру я, а правду говорю! Она была всѣмъ, всѣмъ тронута, потому что я иначе не могу себѣ объяснить письма, которое она прислала своему мужу съ радостною вѣстью, что Гордановъ оказался вовсе ни въ чемъ предъ ней невиноватымъ, а у Подозерова проситъ извиненія и не хочетъ поддерживать того обвиненія, что будто мы въ него стрѣляли предательски.

— Она съ ума сошла!

— Нѣтъ-съ, не сошла, а это совсѣмъ другое: эта дама желаетъ имѣть своего Адама, который плясалъ бы по ея дудкѣ, и вотъ второе мое убѣжденіе полетѣло кувыркомъ: я былъ убѣжденъ, что у женщинъ взаправду идетъ дѣло о

серьезности ихъ положенія, а имъ нужна только лесть, чему-нибудь, это все равно: ихъ уму, или красотѣ, или добродѣтели, умѣнью солить огурцы, или «работать надъ Боклемъ». Лишь бы лесть, и отнынѣ я убѣжденъ, что, ловко льстя добродѣтели женщины, легко можно овладѣть добродѣтелью самой добродѣтельнѣйшей. Я даже имѣю одинъ такой примѣръ.

— Далѣе?

— А далѣе то, что я былъ убѣжденъ въ расширеніи чувства строгой справедливости въ человѣчествѣ и разубѣдился и въ этомъ: я вижу, что теперь просто какое-то царство негодяевъ, ибо ихъ считаютъ своею обязанностью щадить тѣ самые черные люди, которыхъ тѣ топятъ. Господинъ Подозеровъ не моего романа, но я его всегда считалъ отличнымъ буржуа, и вдругъ этотъ буржуа становится на рыцарскія ходули и вѣщаетъ мнѣ, что онъ ни одного слова не скажетъ противъ Горданова, что онъ *не можетъ* позволить ему превзойти себя въ великодушіи; что онъ не можетъ заставить себя стоять на одной доскѣ съ этимъ... прощелыгой; что онъ мститъ ему тѣмъ, что его презираетъ-съ.

— Однимъ словомъ, цѣлая комедія: одинъ великодушнѣе другого, а другой великодушнѣе одного.

— Если презрѣніе есть великодушіе, то будь по-твоему; но тутъ нѣтъ мѣста никакому великодушію, тутъ именно одно презрѣніе и гордость, сатанински воспрянувшая при одномъ сближеніи, которое его жена сдѣлала между нимъ и Гордановымъ. Я васъ, милостивыя государыни, предупреждаю, что дѣло кончено! Понимаете-съ; я говорю не о дѣлѣ съ дуэлью, которое теперь кончится, разумѣется, вздоромъ, а о дѣлѣ брака Ларисы Платоновны. Онъ конченъ, пошабашенъ и крестъ на немъ водруженъ.

Обѣ дамы остро смотрѣли на майора, подъ грубыми словами котораго давно слышали огорчавшую его тяжелую драму.

Филетеръ Ивановичъ постоялъ, отворотясь, у окна и, съ большими хитростями стянувъ на усы слезу, быстрымъ движеніемъ обтеръ рукавомъ щеку и, оборотясь къ женѣ, проговорилъ мягкимъ, сострадательнымъ голосомъ:

— Да, мой другъ Лара,—это кончено.

— Развѣ онъ тебѣ это сказалъ?

— Нѣтъ, не сказалъ. Это-то и скверно. Я не вѣрю тѣмъ, кто говоритъ, что онъ разстанется: эти разводятся и сводятся, какъ петербургскіе мосты, но кто молча это задумалъ, какъ Подозеровъ, тотъ это сдѣлаетъ крѣпко.

— Ты, Форъ, вѣдь можешь ошибаться?

— Нѣ-ѣтъ; нѣтъ, я не ошибаюсь! Онъ это рѣшилъ.

— Этому надо помочь; это надо уладить.

— Этому невозможно помочь.

— Онъ долженъ же пожалѣть самого себя, если не ее.

— Нѣтъ, онъ себя не пожалѣетъ.

— Разбитая жизнь...

— Что ему разбитая жизнь? Пусть возьметъ меня господинъ чортъ, если я не видѣлъ, какъ въ его глазахъ сверкнулъ Испанскій Дворянинъ, когда пришлось сблизить имя Горданова съ именемъ его жены! Нѣтъ, ей нѣтъ теперь спасенья. Этотъ бракъ расторгнутъ—и четвертое мое убѣжденіе «кувыркомъ»! Я видѣлъ, какъ этотъ кроткій пейзажъ прорѣзало тихою молоньей, и убѣдился, что испанскіе дворяне — народъ страшный и прекрасный, а вслѣдъ затѣмъ «кувыркомъ» пошло пятое убѣжденіе, что свободу женщинъ состроятъ не ораторы этого слова, а такія благодатныя натуры, какъ мой попъ Евангелъ, который плакалъ съ своею женой, что она влюблена, да совѣтовалъ ей отъ него убѣжать. А за этимъ шестое: я разубѣдился, чтобы могли заставить серьезно относиться къ себѣ женщинъ моралисты и эмансипаторы; нѣтъ, это опять-таки тѣ же испанскіе дворяне сдѣлаютъ. Наконецъ, если вамъ угодно, я получилъ новое убѣжденіе. Я убѣдился, что и эту силу испанскаго дворянства создала тоже женщина, то-есть высокій, высокій идеалъ женщины, при которомъ всѣ низшія комбинаціи безсильны ни восторгать, ни огорчать. Глядя на этого Подозерова, съ какимъ онъ достоинствомъ встрѣтилъ нанесенное ему оскорбленіе, и какъ гордо, спокойно и высоко сталъ надъ нимъ, я понялъ, что идеалъ есть величайшая сила, что искренній идеалистъ непобѣдимъ и что я всю жизнь мою заблуждался и говорилъ вздоръ, ибо я самъ есмь пламеннѣйшій идеалистъ, скрывшійся подъ чужою кличкой. Да-съ; этакія перстурбаціи надъ собою, милостивыя государыни, перенести не легко, а я ихъ только что перенесъ, и вотъ я почему золъ.

И майоръ замолчалъ. Ему никто не отвѣчалъ: жена сто

сидѣла глядя на генеральшу, а та скоро и скоро метала иголкой, стараясь опахнуть рукой свое зардѣвшееся лицо. Внутреннее волненіе, которое ощущали обѣ эти женщины, отняло у нихъ охоту къ слову; но зато онѣ въ это время обѣ безъ рѣчей понимали, *въ комъ* эта сила, обезсиливающая всѣ низшія комбинаціи въ человѣкѣ, для котораго любовь не одно лишь обладанье, а неодолимая тяга къ постиженію высшаго счастія въ соревнованіи существу, насъ превышающему въ своей силѣ правды, добра и самоотверженія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Чего достигъ Ропшинъ.

Лариса, пробывъ четыре дня у Бодростиной и притомъ оскорбясь на то, что она здѣсь гостила въ то самое время, когда мужъ ея былъ въ городѣ, не могла придумать, какъ ей возвратиться съ наибольшимъ сохраненіемъ своего достоинства, сильно страдавшаго, по ея мнѣнію, отъ той невозмутимости, съ которою мужъ отнесся къ ея отсутствію. Наблюдательное око Глафиры это видѣло и предусматривало все, чѣмъ можно воспользоваться изъ этого недовольства.

Глафирѣ, стоявшей уже на самомъ рубежѣ исполненія ея давняго замысла — убить мужа и овладѣть его состояніемъ, была очень невыгодна молва, что между нею и Гордановымъ есть какой-либо остатокъ привязанности. Гордановъ же былъ ей, конечно, необходимъ, потому что, кромѣ него, она ни на кого не могла положиться въ этомъ трудномъ дѣлѣ, за которое, не желая ничѣмъ рисковать, сама взяться не хотѣла, точно такъ же, какъ не намѣренъ былъ подвергать себя непосредственному риску и Гордановъ, предоставившій къ завершенію всего плана омраченнаго Жозефа. Но Жозефъ безъ Горданова то же, что тѣло безъ души, а Гордановъ, подозрѣваемый въ сердечной интимности съ Глафирой, опять неудобенъ и опасенъ. Всякая неловкость съ его стороны ее компрометировала бы, а его неудача прямо выдала бы ее. Глафира никогда не упускала этого изъ вида и потому ревностно заботилась о такъ-называемыхъ «ширмахъ». Замѣтивъ, что Лара въ дѣвушкахъ начала серьезно нравиться Горданову, Бодростина испуга-

лась, чтобы Павелъ Николаевичъ какъ-нибудь не женился и тогда, съ утратой выгодъ отъ вдовства Глафиры, не охладѣлъ бы къ «общему дѣлу»; но теперь замужняя Лариса была такими прелестными ширмами, разставить которыя между собою и своимъ браво Глафира желала и даже считала необходимымъ, особенно теперь, когда она впала въ новое безпокойство отъ изъявленнаго Михаиломъ Андреевичемъ намѣренія передать ей все состояніе по новому духовному завѣщанію, въ отмѣну того, которое нѣкогда сожгла Глафира передъ глазами Ропшина, подмѣнивъ фальшивымъ. Теперь было ровно не за что убивать Михаила Андреевича, и между тѣмъ теперь-то и настала необходимость его убить, и эта необходимость росла и увеличивалась ежесекундно. Чѣмъ старикъ рѣшительнѣе говорилъ съ Ропшинымъ о своемъ намѣреніи немедленно взять прежде отданное завѣщаніе, тѣмъ гибель его становилась ближе и неотвратимѣе. Это призналъ даже самъ Ропшинъ, изнемогавшій отъ страха при мысли о томъ, что произойдетъ, когда пакетъ будетъ взятъ и Бодростинъ увидитъ, какъ онъ былъ предательски и коварно обманутъ.

— Тогда всѣ мы погибнемъ, — говорилъ онъ Глафирѣ, только что сообщивъ предъ этимъ, что уже написано новое завѣщаніе и что Михаилъ Андреевичъ хочетъ немедленно замѣнить имъ то, которое хранится въ Москвѣ.

Бодростиной настала новая забота успокоивать Ропшина, что въ эту пору уже было далеко не такъ легко, какъ во время оно, потому что теперь Ропшинъ страшился не того, что его прогонятъ съ мѣста, а ему грозила серьезная опасность повозить тачку въ Нерчинскихъ рудникахъ. Правда, Глафира въ тайной аудіенціи клялась ему, что, въ случаѣ несчастія, она все возьметъ на себя, но онъ видимо мало вѣрилъ ея клятвамъ и плохо ими успокоивался. Неприступной Глафирѣ Васильевнѣ оставалось одно: опоить его, какъ дурманомъ, страстію и усыпить его тревоги; но... Глафира не могла принудить себя идти съ этимъ человѣкомъ далѣе кокетства, а этого уже было мало. Ропшинъ сталъ для нея самымъ опаснымъ изъ преданныхъ ей людей: она замирала отъ страха, что онъ въ одну прелестную минуту кинется въ ноги ея мужу и во всемъ повинится, такъ какъ въ этомъ Ропшинъ имѣлъ слабую надежду на пренебрежительное прощеніе со стороны Бодростина. Зная барскія за-

машки Михаила Андреевича, лойяльный юноша уповалъ, что Бодростинъ плюнетъ ему въ лицо, выгонитъ его вонъ, можетъ-быть дастъ сгоряча пинка ногой, и все это будетъ одинъ на одинъ и тѣмъ и кончится, хотя, разумѣется, кончится далеко не такъ, какъ нѣкогда мечталъ этотъ чухонецъ, тоже возлелѣявшій въ себѣ надежду обладать и роскошною вдовой, и ея милліонами.

Ропшинъ предавался этимъ мечтамъ не такъ, какъ Гордановъ или Висленевъ: онъ думалъ свою думу безъ шуму и, однако, тѣмъ не менѣе не только надѣялся, но даже имѣлъ нѣкоторыя основанія думать, что его расчетъ повѣрнѣе и пообстоятельнѣе, чѣмъ у обоихъ другихъ претендентовъ, цѣну которыхъ во мнѣніи Бодростиной онъ понималъ прекрасно. Внезапная смерть въ Москвѣ Кюлевейна тоже не прошла у Ропшина безъ примѣчанія: онъ заподозрилъ, что это неспроста сталось, и получилъ еще новое понятіе о Гордановѣ и о Висленевѣ, да усмотрѣлъ кое-что и въ Глафирѣ, наружная строгость и спиритизмъ которой было поставили его на нѣкоторое время въ сильное затрудненіе, но онъ вскорѣ же замѣтилъ, что все это вздоръ и что Глафира только рядится въ благочестіе. Страсть его разгоралась. Глядя на Глафиру съ робкимъ замираніемъ сердца днемъ, онъ не освобождался отъ своего томленія ночью и думалъ о томъ блаженномъ часѣ, когда онъ, ничтожная «ревельская килька», какъ называлъ его Бодростинъ, считавшій для него высокою даже любовь женщиной горничной, завладѣетъ самою его женой и ея состояніемъ.

Ропшинъ зналъ, что онъ можетъ посягать на такое завладѣніе и, укрѣпляясь въ этой мысли, сталъ наконецъ въ ней такъ твердъ, что Глафира начала ощущать сильное безпокойство по поводу его притязаній, пренебречь которыми обстоятельства ей рѣшительно не позволяли.

Насталъ наконецъ день новаго и неожиданнаго для нея униженія, которое сначала носилось въ видѣ предчувствія необходимости ухаживать за Ропшинымъ и наконецъ явилось въ формѣ яснаго сознанія необходимости угождать ему. Приходилось идти нѣсколько далѣе, чѣмъ думалось...

Безстрашную Глафиру объялъ нѣкоторый страхъ и въ ней заговорило чувство гордости, которое надо было какъ-нибудь успокоить, а успокоенія этого не въ чемъ было искать.

Генрихъ Ивановичъ, въ одну изъ уединенныхъ прогулокъ Глафиры по парку, предсталъ ей неожиданно и, поговоривъ съ ней о своихъ постоянныхъ теперешнихъ опасеніяхъ, прямо сказалъ, что онъ поставленъ ею въ затруднительнѣйшее положеніе ни за что и ни про что: между тѣмъ какъ и Висленевъ, и Гордановъ гораздо болѣе его пользуются и ея сообществомъ, и ея вниманіемъ.

— Бѣдное дитя, вы ревнуете?—молвила никакъ не ожидавшая такой откровенности Глафира.

— Признаюсь вамъ, Глафира Васильевна, что какъ я ни ничтоженъ, но и у меня есть сердце, и я... я васъ люблю,—рѣшился отвѣтить Ропшинъ.

У Глафиры слегка сжало сердце, какъ будто при внезапномъ колебаніи палубы на суднѣ, которое до сихъ поръ ило не качаясь, хотя по разгуливающемуся вѣтру и давно уже можно было ожидать качки. Она поняла, что теперь ей, чтобы не сплошать и не сдаться ничтожному секретарю, котораго она должна была бояться, остается только одно: проводить его какъ-нибудь до тѣхъ поръ, пока смерть Кюлевейна немножко позабудется, и тогда Гордановъ научитъ и натравитъ Висленева покончить съ ея мужемъ. А до тѣхъ поръ... до тѣхъ поръ надо лавировать и дѣлать посильныя уступки Ропшину, ограждаясь лишь отъ уступокъ самыхъ крайнихъ, которыя возмущали ее какъ женщину. Она вѣрила въ свой умъ и надѣялась спустить съ рукъ это затрудненіе, пройдя его на компромиссахъ, которые, по ея соображеніямъ, должны были ей удаваться, а тамъ наступитъ и желанная развязка съ Бодростинымъ, и тогда можно будетъ выпроводить Ропшина за двери вмѣстѣ и съ Гордановымъ, и съ невиннѣйшимъ Висленевымъ.

Послѣдній и его сестра и понадобились Глафирѣ въ минуту соображеній, промелькнувшихъ у нея по случаю выраженной Ропшинымъ ревности. Глафира нашла удобнымъ построить на нихъ комбинацію, которая должна спутать Ропшина и провести его.

Выслушавъ его пени, она сказала:

— Вотъ вы какой ревнивецъ! Въ нашъ вѣкъ у насъ въ Россіи это рѣдкость.

— Я не русскій,—отвѣчалъ со смиреніемъ Ропшинъ.

— Это очень оригинально! мнѣ это нравится, что вы меня ревнуете, и хотя женщины, какъ я, привыкшія къ

полной свободѣ своихъ дѣйствій, считаютъ это неудобнымъ стѣсненіемъ, но chacun a son caprice, и я вамъ позволяю меня немножко ревновать.

— Я бы смѣлъ просить у васъ позволить мнѣ имѣть немножко права на нѣчто другое.

Глафира остановилась.

— То-есть что же это за просьба?—произнесла она своимъ густымъ контральто, съ отзвукомъ легкаго смѣха.

— Я просилъ бы позволить мнѣ быть немножко болѣе увѣреннымъ...

— Вѣра никогда не мѣшаетъ.

— Но трудно вѣрить, когда... нѣтъ спокойствія... нѣтъ ничего, что бы въ моемъ теперешнемъ положеніи хоть немножко ясно обозначалось. Повѣрьте, Глафира Васильевна, что я иногда переживаю такія минуты, что... готовъ не знаю что̀ съ собой сдѣлать.

— Vous me troublez!

И Глафира закинула голову, при чемъ по прекрасному лицу ея легъ красноватый оттѣнокъ заходящаго солнца.

— Я не знаю, насколько это васъ безпокоитъ,—отвѣчалъ Ропшинъ:—но... зачѣмъ вы меня такъ мучаете?

— Я! Васъ? Чѣмъ?

Глафира покраснѣла и независимо отъ солнца, но тотчасъ взяла другой тонъ и, возвысивъ голосъ, сказала:

— O-o! mon cher ami, c'est une chose insupportable, вы мнѣ все твердите я да я, какъ-будто все дѣло только въ однихъ васъ!

И съ этимъ она, кивнувъ головой, описала на землѣ кругъ хвостомъ своего шумящаго платья, и быстрымъ шагомъ тронулась впередъ.

Ропшинъ сробѣлъ, и ему она сугубо нравилась въ этой дерзости, и онъ, оставшись одинъ посреди дорожки, думалъ: «Терпѣніе, а потомъ справимся».

И онъ въ этотъ вечеръ все мечталъ о русской женщинѣ, и находилъ въ ней особенныя достоинства, особый шикъ, что-то еще полудикое и въ то же время мягкое, что-то такое, отъ чего припоминается и степь съ ковылемъ-травой, и златогривый конь русской сказки, и змѣя на солнцѣ.

Ропшинъ былъ въ поэтическомъ восторгѣ и, неожиданно посѣтивъ Висленева, отобралъ у него взятыя тѣмъ изъ би-

бліотеки сочиненія Пушкина и долго ходилъ по своей комнатѣ, тихо скандуя переложеніе сербской пѣсни: «Не косись пугливымъ окомъ; ногъ на воздухъ не мечи; въ полѣ гладкомъ и широкомъ своенравно не скачи».

Поздно онъ уже погасилъ свѣчу, подошелъ къ открытому окну въ садъ, надъ которымъ сверху стояла луна, и еще повторилъ особенно ему понравившуюся строфу: «Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю укороченной уздой».

Съ этимъ онъ юркнулъ въ постель, подъ свою шертинговую простыню, и рѣшилъ, что онъ велъ себя хорошо, что за симъ онъ пойдетъ еще смѣлѣе и въ концѣ концовъ все будетъ прекрасно.

Въ то время, какъ Ропшинъ уже былъ въ полуснѣ, и притомъ въ пріятнѣйшемъ полуснѣ, потому что ожившія его надежды дали ослабу томившей его страсти, онъ почувствовалъ, что его запертая дверь слегка колышется, и кто-то зоветъ его по имени.

Онъ вскочилъ, повернулъ ключъ и увидѣлъ предъ собою гордо относившуюся къ нему горничную Глафиры, которая прошептала ему:

— Сойдите тихо... барыня ждетъ васъ на балконѣ.

И съ этимъ скрылась, негодуя на его дезабилье, которое Ропшинъ привелъ въ порядокъ живою рукой, и какъ легкій мячъ неслышно скатился со второго этажа внизъ, прошелъ рядъ комнатъ и ступилъ на балконъ, на которомъ сидѣла закутанная въ большой черный кашмировый платокъ Глафира.

Она была замѣчательно неспокойна и при появленіи Ропшина окинула его тревожнымъ взглядомъ. Глафира уже чувствовала полный страхъ предъ этимъ человѣкомъ, а по развившейся въ ней крайней подозрительности не могла успокоить себя, что онъ не пойдетъ съ отчаянья и не начнетъ какъ-нибудь поправлять свое положеніе полною откровенностью предъ ея мужемъ.

— Послушайте, — сказала она, успокоенная веселымъ и счастливымъ выраженіемъ лица, которое имѣлъ представшій ей Ропшинъ:—вотъ въ чемъ дѣло: я гораздо скрытнѣе, чѣмъ вы думаете; но вы сегодня коснулись одной очень больной, очень больной моей струны... Мой мужъ, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ слабость все прощать Горданову и вѣрить въ него.

— Да; это большая слабость.

— Но я, терпя это, никогда не думала, чтобы люди и, тѣмъ болѣе вы, вѣрили, что для меня что-нибудь значитъ этотъ негодяй, которому, можетъ-быть, даже хочется показать, что онъ что-нибудь для меня значитъ.

— Это очень можетъ быть.

— Такъ помогите же мнѣ нарядить его въ дурацкій колпакъ.

— Съ удовольствіемъ, все, что могу...

— Я вышлю сюда сестру Висленева, Ларису...

— Это прекрасно.

— Да; тогда всѣ увидятъ, за кѣмъ онъ гнался здѣсь и за кѣмъ гонится. Избави меня Богъ отъ такой чести!

— Это превосходная мысль,—одобрилъ Ропшинъ:—но не помѣшалъ бы господинъ Висленевъ...

— Ахъ, полноте, пожалуйста: развѣ этотъ шутъ можетъ чему-нибудь мѣшать! Онъ можетъ только быть полезенъ... Но помогайте и вы,—прибавила Глафира, протягивая руку.

Ропшинъ съ жаромъ коснулся ея губами.

Глафира отвѣчала тихимъ пожатіемъ и, удаляясь, таинственно проговорила:

— Тогда будетъ гораздо свободнѣе.

— О-о, вы!—началъ было Ропшинъ, но, не находя болѣе словъ, только еще разъ чмокнулъ Глафирину руку и уснулъ на зарѣ, при воспоминаніи о шелестѣ ея платья, щелканьѣ каблучковъ ея туфель и при мечтѣ о томъ, что принесетъ съ собою то время, когда, по словамъ Глафиры, «будетъ свободнѣе».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

За ширмами.

Бодростиной не стоило особаго труда вызвать Ларису на новыя бесѣды о Гордановѣ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ своихъ сновъ и мечтаній о старомодномъ намѣреніи Горданова увезть ее, Лара часто склонялась къ тайнымъ думамъ о томъ, какъ же это онъ могъ бы ее увезть?

«Гдѣ же это онъ меня думалъ сокрыть — въ степи, на башнѣ или въ подземельѣ?.. И это послѣ тѣхъ наглостей и того нахальства?.. Неужто онъ еще смѣетъ думать, что я стала бы съ нимъ говорить и могла бы его простить и даже забыть для него мой долгъ моему честному мужу?..»

Лара даже покраснѣла, сколько отъ негодованія и гнѣва, столько же и отъ досады, что никакъ не могла представить себя похищаемою, и сама искала случая молвить Бодростиной, что ее безмѣрно удивляетъ гордановская наглость.

Наконецъ это ей удалось: представился случай, и Лара весьма кстати высказала, насколько она изумлена переданнымъ ей слухомъ о Гордановѣ,—вообще весьма нелѣпымъ во всякое время, но уже превосходящимъ все на свѣтѣ, если принять во вниманіе наглое письмо, какое онъ прислалъ ей изъ Москвы.

Глафира по поводу этого письма выразила изумленіе, а когда Лара разсказала ей въ чемъ дѣло, она позволила себѣ считать это невѣроятнымъ, страннымъ и даже просто невозможнымъ.

— Я, къ сожалѣнію, очень хорошо знаю Горданова,— сказала она:—и знаю все, что онъ способенъ сдѣлать: онъ можетъ убить, отравить, но писать такія письма... нѣтъ; я не могу этому вѣрить.

— Но это такъ было!

— Здѣсь должна быть какая-нибудь ошибка.

Лариса въ самомъ дѣлѣ стала находить, что здѣсь было бы очень умѣстно предполагать ошибку, потому что можно ли, чтобъ ей, такой красавицѣ, было оказано такое пренебреженіе?..

Соглашаться съ Глафирой Ларисѣ было тѣмъ пріятнѣе, что согласіе это было въ противорѣчіи съ мнѣніемъ, сложившимся о Гордановѣ въ обществѣ людей, родныхъ ей по крови или преданныхъ по чувству, а это и было то, что требовалось ея натурой. Сутки Лара укрѣплялась въ этомъ убѣжденіи, а къ концу этихъ сутокъ и всякій слѣдъ сомнѣнія въ виновности Горданова исчезъ въ душѣ ея. Поводомъ къ этому было письмо Павла Николаевича, принесенное Ларѣ въ конвертикѣ, надписанномъ рукой ея брата. Письмо было утонченно-вѣжливое и грустное. Гордановъ начиналъ съ того, что онъ находится въ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ для его чести и потому проситъ, какъ милосердія, прочесть его строки. Потомъ онъ передавалъ, что до его свѣдѣнія дошелъ ужасный слухъ о письмѣ, полученномъ Ларой. Этой случайности онъ придавалъ ужасающее значеніе и едва въ силахъ былъ со

изъяснить однимъ намекомъ, такъ какъ распространяться объ этомъ ему не позволяетъ скромность. По намекамъ же дѣло въ томъ, что то письмо, которое попало въ руки Лары, назначено было для другой женщины, между тѣмъ какъ письмо, писанное къ Ларѣ, получено тою.

Кто эта женщина, очевидно страшно докучавшая собой Горданову? — это такъ заняло Лару, что она не положила никакого заключенія о томъ, насколько вѣроятно объясненіе Горданова. Предъявивъ вечеромъ письмо, какъ удивительную вещь, Глафирѣ, Лариса прямо потребовала ея мнѣнія: кого бы могъ касаться гордановскій намекъ. У Лары достало духа выразить свое подозрѣніе, не касается ли это Синтяниной.

Глафира сначала подумала, потомъ пожала плечами и улыбнулась.

Лариса продолжала провѣрять эти подозрѣнія; приводила недавно слышанныя ею слова Форова о женщинахъ крѣпкихъ и молчаливыхъ, но кусающихся, и, причисляя Синтянину къ этой категоріи, нашла много подозрѣній, что это непремѣнно она была втихомолку ея соперницей въ любви Горданова.

Подозрѣнія Лары перешли въ увѣренность, когда ей, подъ большою, конечно, клятвой, была показана Глафирой фотографія, изображающая генеральшу вмѣстѣ съ Гордановымъ. Ей было страшно и гадко, глядя на это изображеніе; она видѣла его и ему не довѣряла, но это не мѣшало ей чаще и чаще размышлять о Гордановѣ. А между тѣмъ Гордановъ, получавшій обо всемъ этомъ добрыя свѣдѣнія отъ Глафиры, просилъ Жозефа пособить ему оправдаться предъ его сестрой и сказалъ, что онъ ждетъ отъ нея отвѣта на его письмо.

Жозефъ передалъ это Ларѣ и, узнавъ отъ нея, что она не намѣрена отвѣчать Горданову, сообщилъ объ этомъ сему послѣднему, съ добавленіемъ, что, по его мнѣнію, Горданову было бы необходимо лично видѣться и объясниться съ Ларисой.

— О, я бы дорого за это далъ,—отвѣчалъ Гордановъ.

— А сколько именно?—весело вопросилъ Висленевъ.

— Очень дорого.

— Да говори, говори сколько? я, можетъ-быть, что-нибудь бы придумалъ. Дашь пятьсотъ рублей?

— Больше дамъ.

— Тысячу?

— Больше.

Висленевъ смутился, покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Ты врешь.

— Нимало: я говорю истинную правду. Я не пожалѣю цѣлой крупной статьи на то, чтобъ имѣть случай лично оправдаться предъ твоею сестрой.

— О какой ты говоришь статьѣ?

— О твоемъ мнѣ долгѣ въ тысячу восемьсотъ рублей.

Висленевъ покраснѣлъ еще болѣе и, смѣшавшись, произнесъ, что ему показалось, будто Гордановъ написалъ какую-нибудь статью.

— Ну, вотъ еще вздоръ, стану я статью писать, — отвѣтилъ Гордановъ: — я цѣню только дѣйствительныя цѣнности.

— А у тебя моя расписка развѣ цѣла?

— Да какъ же иначе.

— А я, право, про нее было совсѣмъ и позабылъ, потому что уже это давно...

— Да, я жду долго.

Висленевъ хотѣлъ было сказать, что и самый долгъ-то этотъ чортъ знаетъ какого происхожденія, да и расписка писана вдвое, но, подумавъ, нашелъ это и неблагороднымъ, и безполезнымъ, и потому, вздохнувъ, молвилъ:

— Хорошо, пріѣзжай ко мнѣ послѣзавтра, я тебѣ устрою свиданіе съ сестрой.

— Спасибо.

— Только ужъ прихвати съ собой и росписку.

— Ладно.

— Да, пожалуйста... потому что я про нее позабылъ, а я хочу все покончить, чтобъ у меня ни съ кѣмъ никакихъ счетовъ не было.

— Гутъ, гутъ,—шутилъ, прощаясь, Гордановъ.

— То-то; пожалуйста привези ее, а то я теперь, вспомнивши про нее, буду неспокоенъ.

— Будь увѣренъ.

— Да ты ужъ лучше того... если хочешь, пріѣзжай завтра.

— Пожалуй.

— Да, гораздо лучше завтра, а то... у меня такой про-

клятый характеръ, что я терпѣть не могу знать, что я долженъ, а между тѣмъ я всякій день убѣждаюсь, что мнѣ просто нѣтъ средствъ знать, кому я не долженъ.

— Да, ты-таки позапутался,—сказалъ Гордановъ:—вотъ и по конторскимъ бодростинскимъ счетамъ я встрѣтилъ—за тобою значатся частенькія записи.

— Значатся?

— Да.

— Это чортъ знаетъ что! И какія тамъ могутъ быть записи? все мелочь какая-нибудь: на квартиру въ Парижѣ, или на карманный расходъ,—на обувь, да на пару платья, а то ужъ я себѣ вѣдь ровно ничего лишняго не позволяю. Развѣ вотъ недавно вальдегановскія щеточки и жидкость выписалъ, такъ вѣдь это же такіе пустяки: всего на десять съ чѣмъ-то рублей. Или тамъ что на дорогѣ для меня Глафира Васильевна издержала и то записано?

— Нѣтъ, этого не записано.

— То-то, потому что...—Висленевъ чуть не проговорился, что онъ путешествовалъ въ качествѣ метрдотеля, но спохватился и добавилъ:—потому что это тогда было бы ужасно.

— А главное гадко, что ты все это какъ-то берешь часто, по мелочамъ и все черезъ женщинъ. Это тебѣ ужасно вредитъ.

— Охъ, да не говори же этого, Бога ради!—воскликнулъ Жозефъ:—все это я самъ отлично знаю, но не могу я занимать крупными кушами... Я и самъ бы очень радъ брать тысячами, но у меня таланта на это нѣтъ, а что касается того, что я все беру черезъ женщинъ, то вѣдь это случайность. Больше ничего какъ случайность: мужчины не даютъ, — женщины въ этомъ случаѣ гораздо добрѣе, и потомъ, я признаюсь тебѣ, что я никогда не думалъ, чтобы Глафира Васильевна передала мои записочки въ контору. Ты ей это не говори, но по-моему съ ея стороны не совсѣмъ хороша такая мелочность... Пустые десятки или сотни рублей и ихъ записывать!.. Не хорошо.

— Другъ любезный, изъ мелочей составляются неоплатные долги.

— Ну, вотъ ужъ и неоплатные!

— А какъ ты думаешь, сколько ты долженъ Бодростинымъ?

— Рублей тысячу.

— Нѣтъ, болѣе четырехъ.

— Тьфу, чортъ возьми! Это она на меня приписала, ей-Богу приписала.

— А ты для чего же не считаешь, а потомъ удивляешься? Тамъ твои расписки есть.

— Что же, мой дорогой Паша, считать, когда все равно... Нѣтъ притоковъ, да и полно.

Висленевъ, вскочивъ съ мѣста и швырнувъ перышко, которымъ ковырялъ въ зубахъ,—воскликнулъ съ досадой:

— Собой бы, кажется, пожертвовалъ, чтобы со всѣми расплатиться. Придетъ время, увидишь, что я честно раздѣлаюсь и съ тобой, и съ Бодростиными, и со всѣми, со всѣми.

Онъ даже пообѣщалъ, что и Кишенскому, и женѣ своей онъ со временемъ заплатитъ.

— Вотъ съ тобою, — высчитывалъ онъ: — я уже сдѣлываюсь, съ Бодростинымъ тоже сдѣлаюсь.

— Надо сдѣлываться съ Бодростиною, а не съ Бодростинымъ,—перебилъ его Гордановъ.

Висленевъ не понялъ и переспросилъ.

— Надо просто прикончить старика, да и квитъ, а потомъ женись на его вдовѣ и владѣй и ею самою, и состояніемъ.

Висленевъ поморщился.

— Что? она тебя любитъ.

— Страшно,—прошепталъ онъ.

— Чего же?

— Такъ, знаешь... убивать-то... нѣтъ привычки.

— Хвастаешься, что свободенъ отъ предразсудковъ, а мѣшокъ съ костями развязать боишься.

— Да, братъ, говори-ка ты... «мѣшокъ съ костями». Нѣтъ, оно, ей-Богу, страшно.

Висленевъ задумался.

— Волка бояться и въ лѣсъ не ходить,—проповѣдывалъ ему Гордановъ.

— Да, вѣдь хорошо не бояться, Поль, но чортъ его знаетъ почему, а всѣ преступленія имѣютъ почему-то свойство обнаруживаться.

— Кровь, что ли, завопіетъ? — засмѣялся Гордановъ, и сталъ язвительно разбирать ходячее мнѣніе о голосѣ крови и о томъ, что будто бы всѣ преступленія рано или поздно открываются. Онъ говорилъ доказательно и съ успѣхомъ

убѣдилъ Жозефа, что цѣлыя массы преступленій остаются неоткрытыми, и что они и должны такъ оставаться, если дѣлаются съ умомъ и съ расчетомъ, а главное, безъ сентиментальничанья, чему и привелъ въ доказательство недавнюю смерть Кюлевейна.

Это Жозефа ободрило, и онъ заспорилъ только противъ одного, что Кюлевейна отравилъ не онъ, а Гордановъ.

— Ну, и что же такое,—отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ:—говоря между четырехъ глазъ, я тебѣ, пожалуй, и скажу, что дѣйствительно его я отравилъ, а не ты, но вѣдь я же никакого угрызенія по этому случаю не чувствую.

— Будто не чувствуешь?

— Рѣшительно не чувствую.

— Таки ни малѣйшаго?

— Ни крошечнаго.

— Это бы хорошо! — воскликнулъ Жозефъ и самъ весь сладострастно пожался, зажмурился и, протянувъ пальцы, проговорилъ:—я чувствую, что надо только начать.

— Все дѣло за началомъ.

— Такъ постой же! — вскричалъ, вскакивая съ мѣста, Жозефъ:—спрячься вотъ здѣсь за ширмы, я сейчасъ приведу сюда сестру.

— Зачѣмъ же сейчасъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ, сію минуту: я хочу непремѣнно сейчасъ это начать, чтобъ еще какъ-нибудь не передумать. Вѣдь ты меня не обманешь: ты отдашь мнѣ мою расписку?

— То-есть тебѣ я ее не отдамъ, а я вручу ее твоей сестрѣ, когда ее увижу.

— Ну такъ, тогда тѣмъ болѣе вамъ надо сейчасъ видѣться; сію минуту!

И Висленевъ бросился, какъ угорѣлый, изъ комнаты, оставивъ одного Горданова, а черезъ пять минутъ невдалекѣ послышались быстрые, торопливые шаги Жозефа и легкіе шаги Лары и шорохъ ея платья.

Гордановъ схватилъ свой хлыстъ съ тонкимъ трехграннымъ стилетомъ въ рукояткѣ и фуражку и сталъ за ширмами у висленевской кровати.

Сестра и братъ подошли къ двери: Лара какъ бы что-то предчувствовала и, остановясь, спросила:

— Что это за таинственность: зачѣмъ ты меня зовешь къ себѣ?

— Нужно, Ларочка, другъ мой, нужно, — и Висленевъ, распахнувъ предъ сестрой дверь, добавилъ:—видишь, здѣсь нѣтъ никого, входи же, Бога ради.

Лариса переступила порогъ и оглядѣлась. Потомъ она сдѣлала шагъ впередъ и, робко заглянувъ за ширму, остолбенѣла: предъ нею стоялъ Гордановъ, а ея братъ въ то же мгновеніе заперъ дверь на замокъ и положилъ ключъ въ карманъ.

Лара въ изумленіи отступила шагъ назадъ и прошептала: «что это?»—Гордановъ выступилъ съ скромнѣйшимъ поклономъ и заговорилъ, что онъ не виноватъ, что онъ не смѣлъ бы просить у нея свиданія, но когда это такъ случилось, то онъ проситъ не отказать ему въ милости выслушать его объясненіе.

— Я не хочу ничего, ничего, — проговорила Лариса и, порываясь къ двери, крикнула брату: — ключъ? гдѣ ключъ?

Но Жозефъ вмѣсто отвѣта сжалъ на груди руки и умолялъ Лару ради его выслушать, что̀ ей хочетъ сказать Гордановъ.

— Ради меня! ради меня! — просилъ онъ, ловя и цѣлуя сестрины руки. — Ты не знаешь: отъ этого зависитъ мое спасеніе.

Лариса не знала, что̀ ей дѣлать, но братъ ея былъ въ такомъ отчаяніи, а Гордановъ такъ кротокъ,—онъ такъ заботился облегчить ея смущеніе, и самъ, отстраняя Жозефа, сказалъ ему, что онъ ему дѣлаетъ большую непріятность, подвергая этому насилію Ларису. Онъ говорилъ, что, видя ея нынѣшнее къ нему отвращеніе, онъ не хочетъ и безпокоить ее никакимъ словомъ. Съ этимъ онъ вырвалъ у Жозефа ключъ, отперъ дверь, вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ.

Лара была страшно смущена и страшно недовольна на брата, а тотъ находилъ основательныя причины къ неудовольствію на нее. Онъ сообщилъ ей свои затруднительныя дѣла, открылся, что̀ онъ претерпѣлъ въ Парижѣ, проговорился, въ какихъ онъ отличался роляхъ и какъ въ Петербургѣ былъ на волосъ отъ погибели, но спасенъ Глафирой отъ рукъ жены, а теперь вдругъ видитъ, что все это напрасно, что онъ опять въ томъ же положеніи, изъ какого считалъ себя освобожденнымъ, и даже еще хуже, такъ какъ будетъ имѣть врагомъ Горданова, который всегда можетъ его погубить.

— Неужто же ты, Лара, будешь смотрѣть спокойно, какъ меня, твоего брата, повезутъ въ острогъ? Пожалѣй же меня наконецъ,—приставалъ онъ:—не губи меня вдосталь: вѣдь я и такъ всю мою жизнь провелъ Богъ знаетъ какъ, то въ тюрьмѣ, то въ ссылкѣ за политику, а потомъ очутился въ такихъ жестокихъ комбинаціяхъ, что отъ женскаго вопроса у меня весь мозгъ высохъ и уже сердце перестаетъ биться. Еще одна какая-нибудь напасть, и я лишусь разсудка и, можетъ-быть, стану такое что-нибудь дѣлать, что тебѣ будетъ совѣстно и страшно.

Лара нетерпѣливо пожелала знать, чего онъ отъ нея хочетъ.

— Ангелъ, душка, лапочка моя, Лара: возьми у него мою расписку. Онъ сказалъ, что онъ тебѣ ее отдастъ. Мнѣ больше ничего не нужно: мнѣ онъ ее не отдастъ, а тебѣ онъ все отдастъ, потому что онъ въ тебя страстно влюбленъ.

— Ты говоришь нестерпимый вздоръ, Жозефъ: съ какой стати онъ мнѣ подаритъ твой долгъ?

— Онъ мнѣ это самъ сказалъ, Ларочка, самъ вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ! Онъ влюбленъ въ тебя.

— Онъ наглецъ, о которомъ я не хочу ничего слышать.

— Не хочешь слышать! Лара, и это ты говоришь брату! А тебѣ будетъ пріятно, когда твоего братишку поведутъ въ тюрьму? Лара! я, конечно, несчастливъ, но вспомни, что я тебѣ вѣдь все, все уступалъ. Правда, что я потомъ все это взялъ назадъ, но человѣка надо судить не по поступкамъ, а по намѣреніямъ, а вѣдь намѣренія мои все-таки всегда были хорошія, а ты теперь...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, схватилъ руки сестры и, обливая ихъ слезами, молилъ:

— Спаси, спаси меня, Лара!

— Чѣмъ?.. своимъ безславіемъ?

— Нѣтъ, просто, просто... Никакого безславія не надо; онъ пріѣдетъ и привезетъ мой документъ, а ты возьми его. Ларочка, возьми! Ради Господа Бога, ради покойнаго отца и мамы возьми! А я вотъ тебѣ крестъ, если я послѣ этого хоть когда-нибудь подпишу на бумагѣ свое имя!

Лара просила день подумать объ этомъ.

Въ этотъ день Жозефъ слеталъ къ Горданову съ вѣстями,

что капризъ его, вѣроятно, непремѣнно будетъ удовлетворенъ.

— Я стараюсь, Паша,—говорилъ онъ:—всячески для тебя стараюсь.

— Да, ты старайся.

— Не знаю, что̀ выйдетъ, но надѣюсь, и ты будь покоенъ. Жди, я тебя извѣщу.

Гордановъ обѣщалъ ждать, а Жозефъ все убивался предъ сестрой, и добился, что она наконецъ рѣшилась посовѣтоваться съ Бодростиной.

— Я не вижу въ этомъ ничего особеннаго,—отвѣчала Глафира.

— Во всякомъ случаѣ это очень непріятно.

— Немножко, да; но чтобы очень... Почему же? Онъ въ тебя влюбленъ.

— Тѣмъ хуже.

Но Глафира сдѣлала благочестивую мину и разсказала, какъ много иногда приходится благотворительнымъ дамамъ точно такихъ столкновеній и какъ часто ихъ красота и обаяніе служатъ великую службу самымъ святымъ дѣламъ.

— Разумѣется,—заключила она:—въ сношеніяхъ такого рода нужны тактъ и умѣнье себя держать, но, кажется, тебѣ этого не занимать стать. А если ты боишься и не надѣешься на себя, тогда, конечно, другое дѣло.

Бояться! не надѣяться на себя!.. Развѣ Лариса могла что-нибудь подобное чувствовать, а тѣмъ болѣе сознаваться въ этомъ?

Она отвергла это категорически, а засимъ уже не оставалось поводовъ отказываться выручить брата изъ его петли, и Лара наконецъ рѣшилась сказать Жозефу:

— Ну, отстань только, пожалуйста, хорошо: я выйду!

Вслѣдъ-же сейчасъ же покатилъ къ Горданову и пригласилъ его къ себѣ завтра предъ вечеромъ, заключивъ это свиданіе небольшимъ торгомъ, чтобы къ векселю въ тысячу восемьсотъ рублей Гордановъ накинулъ ему сто рублей наличностью.

Павелъ Николаевичъ не постоялъ за эту надбавку, а на другой день, вечеромъ, онъ имѣлъ вполнѣ благопріятный случай опровергнуть предъ Ларой всѣ подозрѣнія и коснуться той темной власти, которая руководила всѣми его поступками.

Не дѣлая формальнаго признанія, онъ ей открылся въ самой жгучей страсти, и она его выслушала. Затѣмъ они стали появляться вмѣстѣ и въ гостиной, и въ столовой. Внсленевъ всячески содѣйствовалъ ихъ сближенію, которое, впрочемъ, не переходило предѣловъ простого дружества, о чемъ Жозефъ, можетъ-быть, и сожалѣлъ, въ чемъ, можетъ-быть, и сомнѣвался, такъ какъ тотчасъ же послѣ устроеннаго имъ свиданія Лары съ Гордановымъ въ своей комнатѣ, началъ писать Павлу Николаевичу записочки о ссудѣ его деньгами, по одной стереотипной формѣ, постоянно въ такихъ выраженіяхъ: «Поль, если ты любишь мою бѣдную сестренку Лару, пришли мнѣ, пожалуйста, столько-то рублей».

Гордановъ смѣялся надъ этими записками, называлъ Жозефа въ глаза Калхасомъ, но деньги все-таки давалъ, въ размѣрѣ десяти процентовъ съ выпрашиваемой суммы, въ виду чего Жозефъ долженъ былъ сильно возвышать цифру своихъ требованій, такъ какъ, чтобы получить сто рублей, надо было просить тысячу. Но расписокъ опытный и хитрый Жозефъ уже не давалъ и не употреблялъ словъ ни «заемъ», ни «отдача», а просто держался формулы: «если любишь, то пришли».

Лара ничего про это не знала, хотя учредившійся порядокъ не былъ тайной не только для бодростинскаго дома, но также и для Подозерова, до котораго, мимо его воли, дошли слухи о запискахъ, какія шлетъ Горданову Жозефъ. Андрей Ивановичъ написалъ женѣ коротенькое приглашеніе повидаться. Лара показала его Глафирѣ, и та удивилась.

— Я полагала, что по крайней мѣрѣ хоть этого Горація страсть не дѣлаетъ рабомъ, но вѣрно и его, если не любовь, то ревность сводитъ съ рельсовъ.

— Ты думаешь, что это онъ меня ревнуетъ?

— О Боже, да что же иное? Ты, Лара, можешь прекрасно употребить это въ свою пользу: онъ теперь подогрѣтъ настолько, насколько нужно; ты знаешь его слабую струну и, стало-быть, понимаешь, что̀ нужно дѣлать. Ступай же, ma chère. Успокой и мужа, и Синтянину.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Во всей красотѣ.

Глафира не напрасно, отпуская Лару, не давала ей никакихъ подробныхъ совѣтовъ: одной зароненной мысли о

необходимости играть ревностью мужа было довольно, и варіаціи, какія Лариса сама могла придумать на этотъ мотивъ, конечно, должны были выйти оригинальнѣе, чѣмъ если бы она дѣйствовала по наученію.

Прибывъ домой послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, Лара встрѣтила ожидавшаго ее въ городѣ мужа съ надутостью и даже какъ будто съ гнѣвомъ, что онъ ее потревожилъ.

Оправясь въ своей комнатѣ, она вошла къ нему и прямо спросила, зачѣмъ онъ ее звалъ?

— Я хотѣлъ поговорить съ тобою, Лара,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— О чемъ?

Онъ пододвинулъ ей кресло и сказалъ:

— А вотъ присядь.

Лариса сѣла и опять спросила:

— Ну, что такое будете говорить?

— Я считалъ своимъ долгомъ предупредить тебя, про всякій случай, насчетъ твоего брата...

— Что вамъ помѣшалъ мой бѣдный братъ?

— Мнѣ ничего, но тебѣ онъ вредитъ.

— Я этому не вѣрю.

— Онъ занимаетъ у Горданова деньги и пишетъ ему записки, чтобы тотъ далъ ему, «если любитъ тебя».

— Этого не можетъ быть.

— И мнѣ такъ казалось, но про это вдругъ заговорили, и мнѣ это стало очень непріятно.

— Вамъ непріятно?!

Лариса сдѣлала гримасу.

— Что же тебя удивляетъ, что мнѣ это непріятно? Ты мнѣ не чужая, и мнѣ твое счастіе близко.

— Счастіе! — воскликнула Лара и, разсмѣявшись, добавила: — да кто это все доноситъ: тетушка Форова, или ваша божественная Александра Ивановна? О, я ее знаю, я ее знаю!

— То-то и есть, что ни та, ни другая.

— Нѣтъ; вѣрно ужъ если не та, такъ другая: Александрѣ Ивановнѣ, можетъ-быть, больно, что не всѣ предъ нею благоговѣютъ и не ея именемъ относятся къ Гордапову.

— Лара, къ чему же тутъ, мой другъ, имя Александры Ивановны?

— Къ тому, что я ее ненавижу.

Подозеровъ всталъ съ мѣста и минуту молчалъ. Лариса не сводила съ него глазъ и тихо повторила:

— Да, да; ненавижу.

— Вы безсовѣстно обмануты, Лара.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что она хитрая, предательница и водитъ васъ за носъ.

— Вы безумная женщина, — произнесъ Подозеровъ и, отбросивъ ногой стулъ, началъ ходить по комнатѣ.

Лара, просидѣвъ минуту, встала и хотѣла выйти.

— Куда же вы?—остановилъ ее мужъ.

— А о чемъ намъ еще говорить? — Вы шпіоните за мною,—продолжайте же, я вамъ желаю успѣха.

— Говорите все, я васъ не стану останавливать и не оскорблю.

— Еще бы! вы жалуетесь, что вы на мнѣ женились нехотя, безъ любви; что я васъ упросила на мнѣ жениться; вы полагаете, что ужъ вы мнѣ сдѣлали такое благодѣяніе, котораго никто бы, кромѣ васъ, не оказалъ.

— Представьте же себѣ, что я ничего этого не думаю, и хотя немножко успокойте свое тревожное воображеніе.

— Нѣтъ, вы это говорили! Вы хотите показать, что я даже не стою вашего вниманія, что вы предоставляете мнѣ полную свободу чувствъ и поступковъ, а между тѣмъ требуете меня чуть не черезъ полицію, когда люди оказываютъ мнѣ малѣйшее уваженіе и ласку. Вы фразеръ, и больше ничего какъ фразеръ.

Подозеровъ старался успокоить жену, представляя ей ея неправоту предъ нимъ и особенно предъ Синтянинной. Онъ доказалъ ей, что дѣйствительно не желалъ и не станетъ стѣснять ея свободы, но, какъ близкій ей человѣкъ, считаетъ своею обязанностью сказать ей свой дружескій совѣтъ.

— А я въ немъ не нуждаюсь, — отвѣчала Лара. — Если вы уважаете мою свободу, то вы должны не принуждать меня слушать ваши совѣты.

— А если это поведетъ къ несчастіямъ?

— Пусть; но я хочу быть свободна.

— Къ большимъ несчастіямъ, Лара.

— Пусть.

— Вы говорите какъ дитя. Мнѣ жаль васъ; я не же-

лаю, чтобы это случилось съ вами. Лара! ты когда-то хотѣла ѣхать ко мнѣ въ деревню: я живу очень тѣсно и, зная твою привычку къ этому удобному домику, я не хотѣлъ лишать тебя необходимаго комфорта; я не принялъ тогда твоей жертвы, но нынче я тебя прошу: поѣдемъ въ деревню! Теперь лѣто; я себя устрою кое-какъ въ чуланчикѣ, а ты займешь комнату, а тѣмъ временемъ кончится постройка, и къ зимѣ ты будешь помѣщена совсѣмъ удобно.

Ларисса покачала отрицательно головой.

— Ты не хочешь?

— Да, не хочу.

— Почему же, Лара?

— Потому что вы меня станете стѣснять сообществомъ лицъ, которыхъ я не хочу видѣть, потому что вы мнѣ будете давать совѣты, потому что... я ненавижу все, что вы любите.

— Лара, Лара! Какъ вы несчастливы: вы принимаете своихъ друзей за враговъ, а враговъ—за друзей.

Ларисса отвѣчала, что, во-первыхъ, это не ея вина въ томъ, что друзья бываютъ хуже враговъ, а во-вторыхъ, это и неправда, и затѣмъ, добавила она и съ нетерпѣніемъ:

— Оставьте, потому что я все равно сдѣлаю все наперекоръ тому, какъ вы мнѣ скажете!

Мужъ не настаивалъ болѣе и уѣхалъ, а Ларисса осталась въ городѣ и упорно затворницей просидѣла дома цѣлый мѣсяцъ, едва лишь по вечерамъ выходя въ цвѣтникъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Ни Синтянина, ни Форовы ее не безпокоили; отъ Бодростиныхъ тоже не было никакихъ засыловъ, а мужъ хотя и пріѣзжалъ раза три, но они уже не находили предмета для разговора, что, однакоже, вовсе не мѣшало Ларисѣ находить тему для противорѣчій по поводу всякаго слова, произносимаго Подозеровымъ. Если мужъ говорилъ, что сегодня жарко, Ларисса отвѣчала, что вовсе не жарко; если онъ говорилъ, что прохладно, у нея, наоборотъ, выходило жарко. О близкихъ лицахъ Подозеровъ уже вовсе не заговаривалъ.

Такъ кончалось лѣто. Въ послѣдней половинѣ августа Глафира Васильевна тихо праздновала день своего рожденія и прислала за Ларисой экипажъ. Лара подумала и поѣхала, а пріѣхавъ, осталась и загостилась долго.

Въ бодростинскомъ домѣ пользовались послѣдними погожими днями. Устраивались безпрерывныя прогулки на лошадяхъ и катанья по водѣ. Гордановъ былъ въ качествѣ главноуправителя безотлучно здѣсь, потому что теперь они съ Михаиломъ Андреевичемъ усиленно хлопотали о скорѣйшей отстройкѣ и открытіи завода мясныхъ консервовъ, который строился въ пяти верстахъ, въ томъ селѣ, къ которому примыкалъ собственный хуторъ Горданова. Дѣло о дуэли было кончено ничтожнымъ взысканіемъ въ видѣ короткаго ареста, и въ бодростинскомъ домѣ всѣ этому очень радовались и занимались по утрамъ своими дѣлами, а вечерами катались, играли и пѣли. Однимъ словомъ, здѣсь шла жизнь, безъ всякаго сравненія болѣе заманчивая, чѣмъ та, какую Ларисса создала себѣ въ своемъ домѣ, и Ларѣ не мудрено было загоститься долѣе, чѣмъ хотѣла. Обитатели дома сходились только къ обѣду, а утромъ всѣ работали, даже не исключая Висленева, который, не имѣя занятій, купилъ себѣ трехъ орлятъ, заперъ ихъ въ холодный подвалъ и хотѣлъ пріучить садиться къ его ногамъ или летать надъ его головой.

Такую задачу Жозефъ поставилъ себѣ съ особенною цѣлью, къ которой подвелъ его Гордановъ, вперивъ ему мысль, что онъ можетъ «устранить» Бодростина очень хитро, не самъ, а чужими руками: попросту сказать, Гордановъ училъ его возбудить безпорядки между крестьянами и, доведя дѣло до сумятицы, черкнуть Михаила Андреевича подъ бокъ.

— Это превосходная мысль, — отвѣчалъ Висленевъ: — но только какъ же... на чемъ это замутить?

— Надо ждать случая и пользоваться всякимъ пустякомъ, самое главное—суевѣріемъ. Вотъ ты теперь извѣстный спиритъ; съ тобою сносятся духи, у тебя были необыкновенные пестрые волосы, ты себѣ и укрѣпляй пока этакую необычайную репутацію.

Висленевъ рѣшился ее укрѣплять, но не зналъ, что бы такое придумать, а тутъ ему попался мальчишка, продававшій орлиный выводокъ. Жозефъ купилъ за полтинникъ орлятъ и началъ ихъ школить: это ему доставляло большое удовольствіе. Посадивъ птицъ въ темный прохладный подвалъ, онъ аккуратно всякое утро спускался туда съ мальчикомъ, который несъ на доскѣ кусочки сырого мяса.

Жозефъ, вооруженный двумя палками, сначала задавалъ на орлятъ сердитый окрикъ, а потомъ одною палкой дразнилъ ихъ, а другою—билъ, и такимъ образомъ не безъ удовольствія проводилъ въ прохладѣ цѣлые часы, то дразня бѣдныхъ своихъ заключенныхъ, то валяясь на холодномъ каменномъ выступѣ стѣны и распѣвая арію Фарлафа: «Близокъ ужъ часъ торжества моего».

Онъ здѣсь такъ обжился, что сюда приходили звать его къ столу, здѣсь навѣщали его и Бодростинъ, и Глафира, и Гордановъ, и Жозефъ задавалъ предъ ними свои представленія съ орлами, изъ которыхъ одинъ, потерявъ въ сраженіяхъ глазъ, все косился и, дѣйствуя на отчаянность, рисковалъ иногда налетать на Висленева, несмотря на жестокіе удары палкой.

— Чортъ знаетъ, чѣмъ ты, любезный другъ, занимаешься!—говорилъ ему Бодростинъ.

Но Висленевъ только кивалъ головой: дескать «ничего, ничего, посмотримъ» и онять, накидываясь на орла, повторялъ: «Близокъ ужъ часъ торжества моего».

— Да, я не сомнѣваюсь болѣе, что онъ, бѣдный, навсегда останется сумасшедшимъ,—рѣшилъ Бодростинъ, и это рѣшеніе стало всеобщимъ.

А между тѣмъ ушли и послѣдніе лѣтніе дни; на деревьяхъ замелькали желтые листья, подулъ вѣтерокъ, и Лариса вдругъ явилась назадъ въ городъ.

Подозерова не было; Жозефъ посѣщалъ сестру немножко воровски и не часто. Съ Подозеровымъ они встрѣтились только однажды, и Жозефъ было вначалѣ сконфузился, но потомъ, видя, что зять съ нимъ вѣжливъ, пріободрился и говорилъ сестрѣ:

— Благовѣрный-то твой грибъ съѣлъ!

— А что такое?

— Такъ, ничего, очень ужъ вѣжливъ со мною.

Прошло еще двѣ недѣли: вѣтеръ сталъ еще рѣзче, листьевъ половина опала и въ огородахъ застучалъ заступъ.

Александра Ивановна давно рѣшила оставить свою городскую квартиру въ домѣ Висленева, какъ потому, что натянутыя отношенія съ Ларисой дѣлали жизнь на одномъ съ нею дворѣ крайне непріятною, такъ и потому, что, за полученіемъ генераломъ отставки, квартира въ городѣ, при ихъ ограниченномъ состояніи, дѣлалась совершеннымъ из-

лишествомъ. Они рѣшили совсѣмъ поселиться у себя на хуторѣ, гдѣ къ двумъ небольшимъ знакомымъ намъ комнаткамъ была пригорожена третья, имѣвшая назначеніе быть кабинетомъ генерала.

Мебель и вещи Синтянинныхъ почти уже всѣ были перевезены, и генералъ съ женой оставались на бивакахъ. Въ домъ уже готовились перебраться новые жильцы, которымъ Подозеровъ сдалъ синтянинскую квартиру на условіи—заплатить за шесть лѣтъ впередъ, чтобы такимъ оборотомъ сдѣлаться съ залогодателемъ.

Былъ шестой часъ сѣраго сентябрьскаго дня: генеральша и майоръ Форовъ стояли въ огородѣ, гдѣ глухонѣмая Вѣра и двѣ женщины срѣзали ножницами головки сѣменныхъ овощей и цвѣтовъ. И Синтянина, и майоръ оба были не въ духѣ: Александрѣ Ивановнѣ не легко было покидать этотъ домъ, гдѣ прошла вся ея жизнь, а Форову было досадно, что они теперь будутъ далѣе другъ отъ друга и, стало-быть, станутъ рѣже видѣться.

— Спасибо вамъ за это,—говорила ему генеральша.

— Совершенно не за что: я не о васъ хлопочу, а о себѣ. Я тоже хочу продать домишко и поѣду куда-нибудь, куплю себѣ хуторишко надъ Днѣпромъ.

— Зачѣмъ же такъ далеко?

— Тамъ небо синѣе и водка дешевле.

— Не водка манитъ васъ, Филетеръ Ивановичъ. Что вамъ за охота всегда представлять себя такимъ циникомъ?

— А чѣмъ же мнѣ себя представлять? Не начать же мнѣ на шестомъ десяткѣ лѣтъ врать или сплетничать? Вы развѣ не видите, что мою старуху это извело совсѣмъ?

Какой ангелъ эта Катя!

— Заказная, готовыхъ такихъ не получите; одно слово: мать Софья обо всѣхъ сохнетъ.

— А вы нѣтъ?

— Я?.. А мнѣ что такое? По мнѣ наплевать, но я не хочу, чтобъ она все это видѣла и мучилась, и потому мы съ нею махнемъ туда къ Кіеву: она тамъ будетъ по монастырямъ ходить, а я... къ студентамъ имѣю слабость... заведу знакомства.

— И мы къ вамъ пріѣдемъ.

— Пожалуй, пріѣзжайте, только я вамъ не обѣщаю, что вы меня не возненавидите.

— Это отчего?

— Такъ; я связи со всѣмъ прошедшимъ разрываю. Надоѣло мнѣ здѣсь все и всѣ; я хочу новаго мѣста и новыхъ людей, которые не смѣялись бы надо мной, когда я стану перемѣняться. А здѣсь я жить не могу, потому что безпрестанно впадаю въ противорѣчія. И это на каждомъ шагу; вотъ даже и сейчасъ: иду къ вамъ, а по улицѣ Гордановъ ѣдетъ, да Ларисѣ Платоновнѣ кланяется. Какое мнѣ до этого дѣло? А я сержусь. Іосафъ Платонычъ въ бодростинскомъ домѣ дурака представляетъ: что мнѣ до этого? Наплевать бы, хоть бы онъ и на головѣ ходилъ, а я сержусь. Увидалъ его сейчасъ на дворѣ—оретъ, что не позволитъ зятю такъ распоряжаться сестринымъ домомъ, потому что самъ нашелъ жильца, который предлагаетъ на двѣсти рублей въ годъ болѣе. Онъ дѣло говоритъ, а я сержусь, зачѣмъ онъ говоритъ противъ Подозерова. Висленевъ хочетъ сдать домъ подъ контору для бодростинскихъ фабрикъ, и это очень умно, потому что и беретъ дорого, и сдаетъ исправнымъ плательщикамъ, а, главное, мнѣ ни до чего этого дѣла нѣтъ, а я сержусь. И спросите меня, изъ-за чего? Изъ-за того, что здѣсь Гордановъ будетъ вертѣться. А что мнѣ до всего этого за дѣло! Да хоть онъ внѣдрись тутъ...

— Т-съ!—остановила его, потянувъ его за руку, Александра Ивановна и, указавъ глазами на дорожку, по которой шибко шла къ бесѣдкѣ Лариса, сама начала стричь головки сѣменниковъ.

Лара не шла, а почти бѣжала прямо къ уединенной старой бесѣдкѣ съ перебитыми окнами.

— Что это съ нею?—пробурчалъ Форовъ, но сейчасъ же добавилъ: матушки мои, какой срамъ!

За Ларисой смѣло выступалъ Гордановъ, котораго сопровождалъ Жозефъ, остановившійся на половинѣ дороги и быстро повернувшій назадъ.

— Послушайте, что же это такое?—прошепталъ Форовъ и проворно запрыгалъ черезъ гряды къ бесѣдкѣ, сокрывшей Горданова и Ларису, но вдругъ повернулъ и пошелъ, смущенно улыбаясь, назадъ.

Ничего, — сказалъ онъ: — не безпокойтесь: надо же намъ быть умнѣе всего этого.

Но въ эту же минуту послышался шелестъ платья, и Лара, съ расширенными зрачками глазъ, прямо неслась по направленію къ майору и генеральшѣ и бросилась послѣдней на шею.

— Бога ради! — процѣдила она. — Я этого не хотѣла, я отказалась принять этого человѣка, и когда братъ привелъ его, я бросилась чернымъ ходомъ, но Жозефъ... Ахъ! ахъ!

Она закрыла руками глаза и спрятала лицо на плечѣ Синтянинной: на порогѣ садовой калитки стоялъ въ дорожномъ тулупчикѣ Подозеровъ, а возлѣ него, размахивая руками, горячился Жозефъ и юля все хотѣлъ заслонять собою мало потерявшагося Горданова.

— Я не позволю,—кричалъ Жозефъ:—сестра женщина, она не понимаетъ, но я понимаю, какая разница между семью стами рублей въ годъ, за которые отдаете вы, или девятью стами, какъ я отдалъ.

Подозеровъ не отвѣчалъ ему ни слова. Онъ глядѣлъ то на жену, то на Горданова, какъ будто не вѣрилъ своимъ глазамъ, и, наконецъ, оборотясь къ Форову, спросилъ:

— Какъ это могло случиться?

— Они, кажется, осматриваютъ домъ.

— Да, именно домъ,—подхватилъ Висленевъ и хотѣлъ опять сказать что-то обстоятельное о цѣнѣ найма, но Форовъ такъ стиснулъ его за руки, что онъ только взвизгнулъ и, отлетѣвъ назадъ, проговорилъ:

— А я все-таки сестры обижать не позволю...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало конца.

Форовъ могъ сдѣлать Висленеву что-нибудь худшее, но Подозеровъ отвлекъ его за руку и, шепнувъ: «не марайте руки, Филетеръ Иванычъ», добавилъ, что онъ ѣдетъ сію же минуту назадъ въ деревню и проситъ съ собой Форова. Майоръ согласился. Онъ цѣлые два дня и двѣ ночи провелъ съ Подозеровымъ, приводя въ порядокъ хозяйственныя бумаги по имѣнію, и не спросилъ, зачѣмъ это дѣлается? На третій день они оба вмѣстѣ поѣхали на хуторъ къ Синтянинымъ, которые только что окончательно туда пере-

ѣхали. Подозеровъ казался совершенно спокойнымъ и самообладающимъ: онъ, извиняясь предъ Синтянинымъ, объявилъ ему, что по своимъ обстоятельствамъ долженъ непремѣнно немедленно же оставить мѣсто и ѣхать въ Петербургъ, и потому представляетъ всѣ счеты и проситъ его уволить, а вмѣсто себя рекомендовалъ Форова, но Филетеръ Иванычъ поблагодарилъ за честь и объявилъ, что онъ ни за что на себя никакого управительства не приметъ, потому что онъ слабъ и непремѣнно всѣхъ перебалуетъ.

Синтянинъ не возражалъ ни слова: онъ деликатно предложилъ только Подозерову рекомендовать его тому генералу, къ которому недавно притекали Глафира и княгиня Казимира и еще прежде ихъ и, можетъ-быть, прямѣе ихъ ничтожный камень, которымъ небрегутъ зиждущіе описываемыя событія, но который тихо, тихо поднимается, чтобы стать во главу угла.

Подозеровъ поблагодарилъ и принялъ отъ Синтянина карточку, а вслѣдъ затѣмъ Иванъ Демьяновичъ обѣщалъ написать и особое письмо и пожелалъ знать, о чемъ собственно ему просить? въ чемъ болѣе всего Подозеровъ можетъ нуждаться?

— Я считалъ бы излишнимъ указывать это въ письмѣ,— отвѣчалъ Подозеровъ:—но если ужъ это надо, то онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ можетъ оказать огромное одолженіе: я хочу, чтобы моя жена получила право на разводъ со мною, и вину готовъ принять на себя.

— Но васъ тогда обрекутъ на безбрачіе.

— Что-же такое? тѣмъ лучше: я убѣдился, что я вовсе неспособенъ къ семейной жизни.

— Вы благороднѣйшій человѣкъ,—отвѣтилъ ему, пожимая руку, Синтянинъ, и освѣдомясь, что Подозеровъ намѣренъ ѣхать завтра же, обѣщалъ пріѣхать съ женой проводить его.

— Пожалуйста,—попросилъ его Подозеровъ.

— Непремѣнно-съ, достойнѣйшій Андрей Ивановичъ, непремѣнно пріѣдемъ-съ,—говорилъ генералъ, провожая и желая тѣмъ ему заявить свою особенную аттенцію.

На другой день, часа за полтора до отхода поѣзда желѣзной дороги, домъ Ларисы наполнился старыми, давно не бывавшими здѣсь друзьями: сюда пришли и Синтянины, и Катерина Астафьевна, и отецъ Евангелъ, а Филетеръ Ивановичъ не разлучался съ Подозеровымъ со вчерашняго

вечера и ночевалъ съ нимъ въ его кабинетѣ, гдѣ Андрей Ивановичъ передалъ ему всѣ домашнія бумаги Ларисы и сообщилъ планы, какъ онъ что думалъ повесть и какъ, по его мнѣнію, надо бы вести для спасенія заложеннаго дома.

— Впрочемъ,—добавилъ онъ:—все это я говорю вамъ, Филетеръ Иванычъ, только про всякій случай, а я думаю, что ничего такъ не будетъ, какъ я предполагалъ.

Майоръ отвѣтилъ, что онъ въ этомъ даже увѣренъ, но продолжалъ все выслушивать и замѣчать у себя въ книжечкѣ, находившейся при просаленномъ и пустомъ бумажникѣ.

О Ларѣ они другъ съ другомъ не проронили ни одного слова; Подозеровъ и самъ съ женой не видѣлся съ той самой поры, когда онъ ее будто не замѣтилъ на огородѣ.

Лара сидѣла одна въ своей комнатѣ: она провела ночь безъ сна и утромъ не выходила. Мужъ постучалъ къ ней предъ обѣдомъ: она отперла дверь и снова сѣла на мѣсто.

— Лара, я уѣзжаю,—началъ Подозеровъ.

— Куда и зачѣмъ?—уронила она едва слышно, и въ голосѣ у нея зазвучали слезы.

— Я не совсѣмъ точно выразился, Лариса: я долженъ вамъ сказать, что мы разстаемся.

— Какая къ этому причина?—и она докончила едва слышно:—вы меня можете обвинять во всемъ, но я ничего дурного до сихъ поръ противъ васъ не сдѣлала. У меня, можетъ-быть, дурной характеръ, но неужели этого нельзя простить?

Подозеровъ заколебался: слезы жены и слово «простить» ослабляли его рѣшимость.

— Лара, дѣло не въ прощеніи: я вамъ простилъ и отпустилъ все, но дѣло и не въ характерѣ вашемъ, а въ томъ, что у насъ съ вами нѣтъ того, что̀ можетъ сдѣлать жизнь пріятною и плодотворною: мы можемъ только портить ее одинъ другому и дѣйствовать другъ на друга огрубляющимъ образомъ, а не совершенствующимъ.

— Ахъ, ужъ мнѣ это совершенствованіе! Берите, Андрей Иванычъ, жизнь проще, не ищите идеаловъ.

— Извините, Лара, я такъ жить не могу.

— Ну, такъ вы никогда не будете счастливы.

— Это всего вѣроятнѣе, но дѣло рѣшенное, и вы, я

думаю, съ тѣмъ согласитесь, что у насъ единства вкусовъ нѣтъ.

— Нѣтъ.

— Единомыслія и единства убѣжденій тоже нѣтъ.

— Да, ихъ нѣтъ.

— Взгляды на жизнь и правила у насъ разные.

— Да, и мои вѣрно хуже?

— Я этого не говорю.

— Но друзья ваши, конечно, такъ вамъ это разъяснили.

— Оставимте моихъ друзей, но ваши и мои правила не сходятся, — значитъ намъ единомыслить не о чемъ, укрѣплять другъ друга не въ чемъ, стремиться къ одному и тому же по одной дорогѣ некуда; словомъ, жить вмѣстѣ, уважая другъ друга, нельзя, а жить, не уважая одинъ другого, это... это ни къ чему хорошему не ведетъ, и мы разстаемся.

— Только ужъ, пожалуйста, совсѣмъ.

— О, непремѣнно! Къ сожалѣнію, разводы у насъ трудны и стоятъ денегъ, но тѣмъ не менѣе я употреблю всѣ усилія дать вамъ средства вести противъ меня процессъ.

— Хорошо.

И супруги разошлись и болѣе не видѣлись до самой той поры, когда друзья пріѣхали проводить отъѣзжающаго.

При этомъ случаѣ опять не было никакихъ ни разговоровъ, ни урезониваній: всѣ знали, въ чемъ дѣло, и скорбѣли, но хранили молчаніе.

Вещи отъѣзжающаго были уложены и до отъѣзда оставалось уже нѣсколько минутъ, а Лара не выходила.

Отецъ Евангелъ бродилъ по комнатѣ и, заходя въ углы, кусалъ свою бороду и чмокалъ сожалительно губами; Катерина Астафьевна ломала руки; генеральша была блѣдна какъ платъ; а майоръ, по общему замѣчанію, вдругъ похудѣлъ.

Настало время отъѣзда. Подозеровъ подошелъ къ двери жениной спальни и сказалъ, что онъ желаетъ проститься. Дверь отворилась, и онъ вошелъ къ Ларисѣ.

— Ахъ, змѣя!—прошептала Катерина Астафьевна: — да неужто же она даже не выйдетъ его проводить?

— И не должна,—отвѣчалъ стоявшій возлѣ жены лицомъ къ окну Форовъ.

— Это почему?

— Потому что онъ этого не стóитъ. Если бъ у нея мужъ былъ какой ей нуженъ, такъ она бы его и встрѣчала, и провожала.

— То-есть это въ родѣ тебя бы что-нибудь.

— Нѣтъ, что-нибудь въ родѣ меня ее давно бы бросилъ...

— И вамъ ихъ не жаль?—проронила Синтянина.

— Ни малешенько.

— А отчего же это вы похудѣли?

— Овса мало получаю,—отвѣтилъ майоръ, но слыша, что Подозеровъ одинъ выходитъ въ залу изъ комнаты жены, нетерпѣливо дернулъ носомъ и заплакалъ.

Всѣ встали и начали прощаться, а Синтянина этимъ временемъ обтерла молча своимъ платкомъ лицо майора, чему тотъ нимало не препятствовалъ, но когда генеральша прошептала: «Вы, Филетеръ Ивановичъ, святой», онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Чего же вы ко мнѣ не прикладываетесь!—и съ этимъ юркнулъ и убѣжалъ изъ дома и уже объявился у вагона, гдѣ поджидалъ свою компанію съ сильно наплаканными глазами.

Лары такъ и не было: въ то время, какъ мужа ея уносилъ быстрый поѣздъ, она въ сильнѣйшемъ разстройствѣ скакала въ деревню къ Бодростиной, которой стремилась излить свою душу и получить отъ нея укрѣпленіе.

Но тутъ произошла вещь самая неожиданная, поразившая Лару жестоко и разразившаяся цѣлою цѣпью самыхъ непредвидѣнныхъ событій: столь милостивая къ Ларисѣ Глафира встрѣтила ее сухо, выслушала съ изумленіемъ и, сильно соболѣзнуя объ исходѣ, какой приняло дѣло, совѣтовала Ларѣ немедленно же послать въ догонку за мужемъ депешу или даже ѣхать вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ и стараться все поправить.

— Судите сами, chère Lara,—говорила она: — какое же будетъ ваше положеніе: вы такъ молоды, такъ хороши и... припомните стихъ Пушкина: «свѣтъ не караетъ преступленій, но тайны требуетъ у нихъ», межъ тѣмъ какъ вы все начали оглаской и... я боюсь, какъ бы вы себѣ не заперли повсюду двери.

Гордость Лары страшно возмутилась этимъ наставленіемъ, и она, посидѣвъ очень короткое время у Бодрости-

ной, уѣхала, захвативъ съ собой въ качествѣ утѣшителя Жозефа, а на другой день прибылъ къ нимъ и другой утѣшитель — самъ Павелъ Николаевичъ Гордановъ, котораго потерявшаяся Лариса приняла и выслушивала его сужденія съ братомъ о лицемѣріи провинціальномъ и о толерантности столицъ.

— А всего лучше, — говорилъ ей Жозефъ: — валяй-ка, сестренка, за границу.

— Да, проѣхаться въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣло великое,—поддержалъ Гордановъ, и описалъ прелести заграничнаго вояжа, пока Подозеровъ настроитъ въ Петербургѣ дѣло о разводѣ.

— Прекрасно, Лара: ей-Богу, ступай ты отъ этихъ дураковъ за границу,—уговаривалъ Лару братъ по отъѣздѣ Горданова:—а тамъ освободишься отъ своего Фалелея Трифоновича и выходи замужъ за Горданова, а я тоже женюсь, и заживемъ.

Лариса возразила брату только противъ того, что онъ уже женатъ и что ему жениться не совсѣмъ удобно; но когда объ этомъ зашелъ разговоръ другой разъ, то Гордановъ поддержалъ Жозефа, сказавъ, что развестись у насъ трудно, но жениться два раза гораздо легче, какъ и два раза замужъ выйти—тоже.

Лару это заняло и она съ любопытствомъ слушала, какъ Гордановъ доказывалъ ей, что если никто изъ родныхъ не вмѣшается въ бракъ, то кому же какое дѣло протестовать. Онъ привелъ ей въ примѣръ нѣсколько дамъ, благополучно вышедшихъ замужъ отъ живыхъ мужей, и Лара согласилась, что это хорошее средство для поправленія фальшивыхъ положеній въ глазахъ свѣта, «не карающаго преступленій, но требующаго для нихъ тайны». А черезъ недѣлю Лара взяла деньги, назначавшіяся на выкупъ ея дома, и въ одинъ день собралась за границу.

Объ этомъ случайно узналъ Форовъ, а жена его даже не хотѣла этому и вѣрить, но, гуляя вечеромъ и придя на станцію желѣзной дороги, она, къ крайнему своему удивленію, увидѣла Ларисину дѣвочку съ багажемъ.

— Послушай, матушка Зинка, или, какъ тебя... Малаша: куда ѣдетъ твоя барыня?

— Неизвѣстно-съ, Катерина Астафьевна.

— Полно врать!

— Ей-Богу неизвѣстно.

— Къ барину небось спѣшитъ?

— Ничего не знаю-съ.

— Врешь; знаешь, да не хочешь сказать,—кинула ей Форова, отходя въ сторону и тщетно отыскивая въ толпѣ Ларису. Ея, однако, нигдѣ не было видно, и чѣмъ майорша больше суетилась и толкалась, тѣмъ только чаще попадались ей въ глаза одни и тѣ же лица, съ неудовольствіемъ створачивавшіяся отъ ея засмотровъ и отвѣчавшія ей энергическими толчками на ея плавательныя движенія, съ помощію которыхъ она подвигалась наугадъ въ этой сутолокѣ.

Но вотъ прозвонилъ звонокъ, все хлынуло къ дверямъ, ринулось за рѣшетку, а ее не пускаютъ.

— Нельзя, нельзя, не велѣно безъ билета!—внушаетъ ей, отводя ее рукой, жандармъ.

— Позволь, любезнѣйшій, хоть на минутку, — упрашиваетъ Катерина Астафьевна, распаляемая самой ей непонятнымъ жаромъ томительнаго предчувствія.—Позволь, голубчикъ, позволь, батюшка.

Но жандармъ былъ непреклоненъ.

— Возьмите билетъ, тогда, говоритъ,—пущу.

Вотъ прозвучалъ и второй звонокъ: всѣ усѣлись по мѣстамъ; платформа пустѣетъ, только изрѣдка пробѣгаютъ поѣздные, поправляя сигнальный шнуръ; вотъ и всѣ двери вагоновъ заперты, и Катерина Астафьевна бѣжитъ вдоль рѣшетки, проницая взоромъ каждое окно, какъ вдругъ ее кто-то толкнулъ и, перескочивъ за рѣшетку, стремглавъ вскочилъ въ вагонъ.

— Великій Боже, это Гордановъ!

Катерина Астафьевна не взвидѣла свѣта и, окомъ прозрѣнія замѣтивъ за опущенною шторой одного вагоннаго окна черный глазъ Ларисы, бросилась къ кассѣ.

— Билетъ мнѣ, билетъ!—шипѣла она, колотя рукой въ закрытую форточку кассирской будки, но форточка не отпиралась, а между тѣмъ на платформѣ прозвенѣлъ третій звонокъ.

Отчаянная Форова съ воплемъ бросилась назадъ къ поѣзду, но предъ нею уже только мелькнулъ красный флагъ задняго вагона, и въ воздухѣ звучало бафъ-тумъ, бафъ-тумъ...

Но наконецъ затихло и это.

Катерина Астафьевна швырнула на полъ чепецъ и зарыдала, воя:

— Лара! дитя мое! моя дѣвочка! что ты надѣлала? Куда тебя повезъ этотъ злодѣй?

Но прошли первые истерическіе порывы, и Катерина Астафьевна, вставъ на ноги, подошла, шатаясь, къ кассѣ, съ вопросомъ: когда она можетъ ѣхать? Ей отвѣчали, что слѣдующій поѣздъ пойдетъ завтра.

— Завтра!.. Это ужасно. А какъ же я видѣла тамъ сейчасъ собираютъ опять какіе-то вагоны... Я видѣла.

— Да; это черезъ часъ пойдетъ товарный поѣздъ,—отвѣчалъ ей кассиръ,—но,—добавилъ онъ,—на этихъ поѣздахъ пассажировъ не возятъ.

— Батюшка, какъ-нибудь!—умоляла майорша, но требованіе ея не могло быть удовлетворено: ей разсказали, что при товарныхъ поѣздахъ люди только принимаются со скотомъ,

— Какъ со скотомъ? Разскажите же мнѣ толкомъ: какъ это со скотомъ? Я поѣду со скотомъ.

— Если у васъ будетъ лошадь, или корова, или другая скотина, вы можете ее провожать.

Катерина Астафьевна подхватила чепецъ, исчезла, и менѣе чѣмъ черезъ часъ снова явилась на станцію съ узелочкомъ, въ сопровожденіи майора, который держалъ подъ рукой визжавшаго поросенка.

— Стой здѣсь,—сказалъ Форовъ женѣ:—а я пойду сдамъ этого путешественника и запишу при немъ тебя.

И черезъ десять минутъ Катерина Астафьевна уже мчалась по тому самому направленію, по которому часъ тому назадъ унеслась Лариса. На дворѣ уже была ночь, звѣзды сіяли во все небо, вѣтеръ несся быстрою струей вокругъ открытой платформы и прохлаждалъ горячечный жаръ майорши, которая сидѣла на полу между ящиками и бочками, въ колѣняхъ у нея помѣщался поросенокъ и она кормила его булочкой, доставая ее изъ своего узелочка одною рукой, межъ тѣмъ какъ другою ударяла себя въ грудь, и то порицала себя за гордыню, что сердилась на Лару и не видалась съ нею послѣднее время и тѣмъ дала усилиться Жозефу и проклятому Гордашкѣ, то, поднявъ глаза къ звѣздному небу, шептала вслухъ восторженныя молитвы. Она не замѣчала, какъ мимо мелькали полустанціи и станціи и какъ лучъ восходящаго солнца освѣтилъ ее на бѣгущей

платформѣ колѣнопреклоненную съ развѣвающимися по вѣтру до-бѣла посѣдѣвшими косами и устами, шепчущими крылатыя мольбы Богу милосердія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Близокъ ужъ часъ торжества.

Ненавистный соперникъ Ропшина умчался далеко. Все это сдѣлалось чрезвычайно быстро и неожиданно и совершенно противъ всякаго желанія и всѣхъ расчетовъ Глафиры. Она никакъ не ожидала отъ Горданова такой глупой безразсчетливости въ такое кипучее время. Кромѣ того, она была оскорблена этимъ побѣгомъ не только какъ заговорщица, но и какъ женщина. Она поняла, что чары ея уже уходятъ и даже совсѣмъ отошли; что она только дѣйствуетъ на юность, да на глупость, — на Ропшина, да на Висленева, а разборчивый Гордановъ уже нагло и дерзко манкируетъ ея тридцатилѣтнею красой, открыто предпочитая ей юную прелесть молодой Лары, за которою онъ бросился, покинувъ всѣ дѣла и всѣ замыслы, и умчался очертя голову.

Ропшинъ довольно близко отгадывалъ то, что должна была чувствовать Бодростина, получивъ доставленное имъ извѣстіе о побѣгѣ Горданова съ Ларисой.

Сообщивъ это Глафирѣ, секретарь доложилъ ей почтительно, что Гордановъ пропасть не можетъ, что онъ далъ слово вернуться изъ отлучки черезъ мѣсяцъ, чему Ропшинъ и совѣтовалъ вѣрить.

— Но,—прибавилъ онъ со вздохомъ:—намъ это все мало поможетъ.

Глафира поглядѣла ему въ глаза и спросила: что онъ хочетъ этимъ сказать?

— Въ теченіе мѣсяца, Глафира Васильевна, много можетъ случиться: я не отвѣчаю, что въ это время все не откроется Михаилу Андреичу про завѣщаніе.

— Но кто же ему можетъ это открыть?

Ропшинъ поднялъ голову такъ, какъ онъ ее никогда еще не поднималъ предъ Глафирой, и смѣло произнесъ:

— Я самъ.

«Ага! вотъ въ чемъ дѣло!» — подумала та и, покачавъ головой, добавила, что она этому не вѣритъ.

— Нѣтъ-съ, я увѣряю васъ, что долѣе ждать нельзя.

Глафира закусила губу и послѣ минутной паузы отвѣтила, что онъ и не будетъ ожидать долѣе, и съ этимъ она сдѣлала шагъ въ глубину комнаты и спросила съ легкой улыбкой:

— Говорите прямо: чего вы хотите? Что вамъ нужно за ваше молчаніе?

Ропшинъ оробѣлъ и пролепеталъ, что его смущаетъ страхъ, что онъ не можетъ быть покоенъ и даже не спитъ, потому что ему по цѣлымъ ночамъ чудится, что его запираютъ въ его комнатѣ и хотятъ взять.

— Приходите сюда, ко мнѣ, когда вамъ сдѣлается очень страшно.

— Я не шучу-съ: мнѣ страшно... и я не сплю; какъ ночь, я въ страхѣ.

— Ну, приходите сюда: у меня здѣсь горитъ лампада.

Ропшинъ кинулся предъ ней на колѣна и, схвативъ ея руку, прильнулъ къ ней устами.

— Черезъ часъ, когда разойдемся, моя дверь будетъ отперта, — проговорила, отстраняя его отъ себя, Бодростина и, возвратясь въ свою половину, послѣ того какъ семейство разошлось по своимъ спальнямъ, она отпустила свою горничную, стала противъ окна и, глядя на тѣ самыя звѣзды, которыя свѣтили теперь ѣдущей майоршѣ Форовой, задумалась и потомъ разсмѣялась и сказала себѣ:

— Я все, все предвидѣла, но никогда не думала, чтобы мнѣ пришлось играть такую роль. Но неужто же на этомъ остановиться и потерять все, все, что уже сдѣлано? Нѣтъ, нѣтъ, впередъ!

Въ это время дверь тихо отворилась и на порогѣ появился Ропшинъ.

— Вы аккуратны какъ часовая стрѣлка,—встрѣтила его улыбкой Глафира.

— Какъ нѣмецъ-съ, — отвѣчалъ ей Ропшинъ, пожирая ее глазами, и, осторожно положивъ на стулъ ключъ отъ своей комнаты, подошелъ къ столу и завернулъ кранъ лампы.

— Такъ,—сказалъ онъ:—будетъ гораздо безопаснѣе, потому что хотя къ вамъ и никто не смѣетъ взойти, но все-таки свѣтъ.

Впрочемъ, опасенія Ропшина были не совсѣмъ излишни,

потому что Жозефъ, обрадованный отъѣздомъ Горданова, не спалъ и, видя изъ своего окна свѣтъ въ окнѣ Глафиры, сошелъ заглянуть подъ штору, но трудъ его былъ напрасенъ, и тяжелыя шторы не позволили ему ничего видѣть, да и огонь стухъ при самомъ его приближеніи.

Слегка подвыпившій за ужиномъ Жозефъ долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что посидѣлъ подъ окномъ своего кумира и, распѣвая: «Близокъ ужъ часъ торжества моего», — напугалъ суевѣрныхъ сторожей, которые разсказывали потомъ, что слышали какъ завываетъ коровья смерть, о которой тогда толковали, будто она ходитъ по селамъ.

Висленевъ, узнавъ объ этомъ чрезъ слугъ, былъ чрезвычайно радъ, что его принимаютъ за коровью смерть: это, съ одной стороны, возвышало въ его глазахъ его мистическое значеніе, а съ другой—онъ набрелъ на мысль: нельзя ли взбудоражить мужиковъ, что скотскій падежъ пошелъ по селамъ отъ скота, нагнаннаго Бодростинымъ на его невиданную и неслыханную консервную фабрику? Жозефъ положилъ агитировать въ этомъ смыслѣ и, припоминая поученіе Горданова, не пренебрегать ничѣмъ, началъ свою агитацію, внушая встрѣчному и поперечному изъ крестьянъ злые намеки, съ надеждой, что авось что-нибудь изъ этого да разыграется.

Александра Ивановна Синтянина едва только черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія узнала объ исчезновеніи Ларисы и Форовой, и то вѣсть объ этомъ пришла на хуторъ чрезъ отца Евангела, который, долго не видя майора, ходилъ освѣдомляться о немъ, но его не видалъ, а только узналъ о томъ, что всѣ разъѣхались, и что самъ майоръ какъ ушелъ провожать жену, съ той поры еще не бывалъ назадъ.

Гдѣ онъ могъ быть? Куда онъ дѣлся въ то время, когда онъ одинъ могъ сообщить интереснѣйшія свѣдѣнія?

Это чрезвычайно занимало и священника, и генеральшу, но отвѣта на это ни откуда не слышалось.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день майоръ явился, какъ съ неба, къ Синтяниной и прямо началъ со словъ:

— Жена вамъ кланяется!

— Боже, что это такое: гдѣ Катя? Что съ нею?

— Я получилъ отъ нея письмо,—отвѣчалъ майоръ, вру-

чая ей листочекъ, на которомъ Катерина Астафьевна извѣщала, что она, доѣхавъ до Москвы, искала здѣсь Ларису совершенно понапрасну и потомъ отправилась въ Петербургъ, гдѣ надѣялась отыскать племянницу, но тоже опять ошиблась. Ни ея, ни Горданова нѣтъ и слѣда.—Я же,—добавляла майорша:—вчера вспомнила, что я уже недѣлю не обѣдала, и присѣла въ Гостиномъ дворѣ у саечника поѣсть теплаго супцу и горько заплакала, вспомнивъ, что всѣ деньги протратила даромъ и мнѣ не на что вернуться, а между тѣмъ ты, мой бѣдный Форушка, сидишь безъ гроша и безъ хлѣба.

— Какъ же это, Филетеръ Ивановичъ, почему не обратились вы къ намъ?—остановилась генеральша.

— Читайте, читайте далѣе.

Синтянина далѣе вычитала, что здѣсь подъ навѣсами Гостинаго двора плачущая Катерина Астафьевна неожиданно увидала Подозерова и была имъ утѣшена, какъ будто ангеломъ, и поселилась у него вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, открыла ему все и старается его утѣшить и разыскать Ларису.

— Аминь,—рѣшилъ Форовъ, и на вопросъ генеральши: что будетъ дальше? отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ.

Генералъ слегка осудилъ майоршу за привязанность къ Ларѣ, но Форовъ заступился за жену и сказалъ:

— Что жъ васъ тутъ удивляетъ? она ее любитъ, а коли любитъ, и толковать нечего.

— Это вы-съ виноваты,—шутилъ генералъ:—вы должны были внушать, что недостойное уваженія любить не слѣдуетъ?

— Ну, да, какъ разъ! тогда я прежде всего долженъ бы внушать ей, чтобъ она перваго меня не любила.

— Развѣ вы себя не уважаете?

— А вы себя уважаете?

— Конечно, уважаю.

— Ну, а я себя нисколько.

— Вотъ какъ!

— Да разумѣется-съ! Да и за что же мнѣ себя уважать, когда я дожилъ до старости и не сдѣлалъ ничего достойнаго моихъ знаній, побужденій и способностей, а только слонялся, да разговоры разговаривалъ? Прощайте-съ.

— Куда же вы? оставайтесь, поговоримъ,—упрашивали

его Синтянины, но Филетеръ Ивановичъ наотрѣзъ отказался и отвѣчалъ, что онъ столько въ свою жизнь наговорилъ, что какъ вспомнитъ все наговоренное и что изъ этого всего могло лечь на юныя души, то ему противно всякое мѣсто, гдѣ нужно говорить.

— Прощайте, — добавилъ онъ: — я люблю осенніе дни и мнѣ теперь пріятно и хочется поговѣть и поисповѣдываться государынѣ широкой пустынѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Гдѣ Лара?

Неподалеку отъ Яссъ, въ Молдавіи, на невысокомъ, но крутомъ глинистомъ берегу стоитъ безобразный, но довольно большой домъ, частію сложенный изъ мѣстнаго широкаго кирпича, частію сбитый изъ глины и покрытый мѣстами черепицей, мѣстами соломой. Въ немъ два этажа и еще небольшая, совершенно раскрытая вышка. Общій характеръ постройки самый странный: домъ смахиваетъ немножко на корчму, немножко на развалившійся замокъ, его точно застраивалъ рыцарь и докончилъ жидъ, тѣмъ не менѣе онъ ни замокъ и ни корчма, а боярскій домъ, принадлежащій довольно богатой усадьбѣ. Онъ почти пустъ и не меблированъ, и въ его окнахъ много выбитыхъ стеколъ, особенно на второмъ этажѣ. Внизу нѣсколько крѣпче, но и то не совсѣмъ крѣпко, вѣтеръ ходитъ по всѣмъ покоямъ, гудитъ въ трубахъ и хлопаетъ дверями.

Былъ шестой часъ вечера; на дворѣ совсѣмъ смерклось, когда у развалившихся воротъ этого дворца остановилась пара лошадей, и изъ забрызганной грязью каруцы выскочилъ человѣкъ въ шубѣ и мѣховой шапочкѣ и, пролѣзши подъ своды низкой калитки, постучался въ крошечное окошечко, гдѣ едва мерцалъ свѣтъ плошки.

Ему отперла дверь старая, черная молдаванка, съ заросшею сѣдыми волосами бородавкой, и снова юркнула въ свою яму.

Путникъ, ощупью держась стѣны, а потомъ веревки, протянутой вдоль высокой покривившейся лѣстницы, сталъ подниматься наверхъ.

Въ это самое время въ большой, круглой, темной и сырой казармѣ второго этажа, изъ угла, встала легкая фигура

и, сдѣлавъ шагъ впередъ, остановилась и начала прислушиваться.

Все, казалось, было тихо.

Робкая фигура, дрожа, нащупала стѣну, пошла вдоль нея и, ощупавъ подъ ногами какую-то упругую, колючую мягкоть, забрала ее дрожащими отъ холода руками и сунула въ большое черное отверстіе.

Черезъ минуту она нашла спичку и, черкнувъ ею по стѣнѣ, начала зажигать верескъ.

Блѣдная искра спички коснулась смолистыхъ иголъ и красный огонь прыгнулъ по кучѣ вереска, но тотчасъ же захлебнулся густымъ, желтымъ дымомъ, который было поползъ сначала въ трубу, но потомъ внезапно метнулся назадъ и заслонилъ всю комнату; послышался раздирающій пискъ, множество мелкихъ существъ зарѣяли, описывая въ воздухѣ косыя линіи.

Это были летучія мыши, расположившіяся зимовать въ трубѣ нежилого дома и обезпокоенныя такъ неожиданно несноснымъ имъ куревомъ. Цѣлое гнѣздо ихъ, снявшись съ своихъ крючьевъ, упали внизъ и, вырываясь изъ огня, носились, цѣпляясь за что попало.

Особа, которая зажигала каминъ, бросилась въ уголъ и, облѣпленная потерявшими сознаніе животными, вскрикнула и закрыла руками глаза.

Въ эту самую минуту нижній гость отворилъ дверь и, недоумѣвая, крикнулъ:

— Лара!

— Боже! Кто здѣсь? Спасите меня!—отвѣчала, бросаясь къ нему въ совершенномъ отчаяніи, Лариса.

— Ты видишь: я тебя нашелъ, — проговорилъ знакомый голосъ Горданова.

Лариса дрожала и молча искала рукой, не держится ли гдѣ-нибудь за ея волосы мышь.

Гордановъ вынулъ изъ кармана свѣчу и зажегъ ее.

— Ѣдемъ, — сказалъ онъ. — Я совсѣмъ на пути; ты мнѣ надѣлала хлопотъ: я потерялъ ноги, искавши тебя цѣлыя двое сутокъ, но, наконецъ, ѣдемъ.

— Въ Россію?

— Да; но на самое короткое время.

— Ни за что, ни на одинъ часъ!

— Лариса, оставь этотъ тонъ! развѣ ты не знаешь, что

я этого не люблю? Или ты забыла, что̀ я могу съ тобою сдѣлать?

Лара молчала.

— Ѣдемъ, ѣдемъ сейчасъ, безъ всякихъ разговоровъ, или я не пожалѣю себя и накажу твое упрямство!

— О, дѣлайте что хотите! Я знаю все, на что вы способны; я знаю, кто вы и что вы хотите дѣлать. Я отъ васъ не скрою: я васъ любила, и васъ однихъ, однихъ на цѣломъ свѣтѣ; вамъ я была бы преданною, покорною женой, и я преступница, я вышла за васъ здѣсь замужъ отъ живого мужа; я надѣялась, что вы сдержите ваши обѣщанія, что вы будете здѣсь работать и... я перенесла бы отъ васъ все. Но когда вы снова поворачиваете меня туда, гдѣ совершился мой позоръ, гдѣ я не могу ни въ чьихъ глазахъ имѣть другого имени, какъ вашей любовницы, и должна буду оставаться въ этомъ званіи, когда вы вздумаете жениться...

— Это возможно; но вы знаете, что этого никогда не будетъ.

— О, теперь я понимаю, зачѣмъ вы были страстны и не хотѣли дожидаться моего развода съ мужемъ, а обвѣнчали меня съ собою.

— Я всегда тебѣ говорилъ, что у насъ развестись нельзя, а жениться на двухъ можно: я такъ сдѣлалъ, и если мнѣ еще разъ вздумается жениться, то мы будемъ только квиты: у тебя два мужа, а у меня будетъ двѣ жены, и ты должна знать и молчать объ этомъ или идти въ Сибирь. Вотъ тебѣ все на чистоту: ѣдешь ты теперь или не ѣдешь?

— Я лучше умру здѣсь.

— Пожалуй, я упрашивать не люблю, да мнѣ и некогда: ты и сама пріѣдешь.

И онъ спокойно поворотился, кивнулъ ей и уѣхалъ.

Ему, дѣйствительно, было некогда: одна часть его программы была исполнена удачно: онъ владѣлъ прелестнѣйшею женщиной и увѣренъ былъ въ нерасторжимости своего права надъ нею. Оставалась другая часть, самая важная: сочинить бунтъ среди невозмутимой тишины святого своимъ терпѣніемъ края; сбыть въ этотъ бунтъ Бодростина, завладѣть его состояніемъ и потомъ однимъ смѣлымъ секретомъ взять такой кушъ, предъ которымъ должны разинуть отъ удивленія рты великіе прожектеры.

Селадонничать было некогда, и чуть только восторги насыщенной страсти немножко охладѣли, въ Гордановѣ закипѣла жажда довершить свои предпріятія, распустивъ всѣ препятствія какъ плетенку, вытягиваемую въ одну нитку. Овладѣвъ Ларой, онъ не могъ упустить изъ виду и Глафиру, такъ какъ она была альфа и омега, начало и конецъ всего дѣла.

Гордановъ несся въ Россію, какъ дерзкій коршунъ на недоѣденную падаль, и немножко боялся только одного: не подсѣлъ ли тамъ кто-нибудь еще похищнѣе.

Оглавленіе

XXVI ТОМА.

На ножахъ.

Романъ въ 6 частяхъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Темныя силы.

		стр.
I.	Два Вавилона	5
II.	Нимфа и Сатиръ	9
III.	Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба—рыбаку	15
IV.	Другой рыбакъ съ иною отвагой	17
V.	Рыбакъ рыбака видитъ	21
VI.	Отбой	25
VII.	Monsieur Borné	30
VIII.	Парижскія бѣды monsieur Borné	34
IX.	Онъ теряетъ свое имя и получаетъ имя Устина	42
X.	Устинъ не помогъ	45
XI.	Въ шутовскомъ колпакѣ	53
XII.	Въ дыму и въ искрахъ	57
XIII.	На краю погибели	62
XIV.	Въ черномъ цвѣтѣ	69
XV.	Удивилъ!	75
XVI.	Висленевъ въѣзжаетъ въ Петербургъ	78
XVII.	Потопъ	81
XVIII.	Проба пера и чернилъ	87
XIX.	Свой своему поневолѣ другъ	90

стр.

XX. Ошибка 95
XXI. Старые пріятели 99
XXII. Объясненіе 102
XXIII. Висленевъ вмѣсто хожденія по оброку отпускается на волю, безъ выкупа 106
XXIV. Зато дѣлается очень худо Бодростину 110
XXV. Двѣ кометы. 113
XXVI. Маланьина свадьба 122
XXVII. Куда кривая выноситъ. 130
XXVIII. Тѣ же раны. 136
XXIX. Неожиданныя событія 142
XXX. Убѣжденія храбраго майора колеблются 149
XXXI. Чего достигъ Ропшинъ. 155
XXXII. За ширмами 161
XXXIII. Во всей красотѣ 171
XXXIV. Начало конца 179
XXXV. Близокъ ужъ часъ торжества 187
XXXVI. Гдѣ Лара? 191

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

НА НОЖАХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть шестая.

ЧЕРЕЗЪ КРАЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣсти о Гордановѣ.

Была вторая половина октября. Поля, запорошенныя пушистымъ снѣжкомъ, скрипѣли послѣ долгой растопки и глядѣли весело. Изъ оконъ маленькаго домика Синтянинскаго хутора было видно все пространство, отдѣляющее хуторъ отъ бодростинской усадьбы. Вечеромъ, въ одинъ изъ сухихъ и погожихъ дней, обитатели хуторка были осчастливлены посѣщеніемъ, которое ихъ очень удивило: къ нимъ пріѣхалъ старикъ Бодростинъ.

Михаилъ Андреевичъ вздумалъ навѣстить стараго генерала въ его несчастіи, каковымъ имѣлъ основаніе считать его внезапную и непрошенную отставку, но Бодростинъ самъ показался и хозяевамъ, и бывшему у нихъ на этотъ разъ Форову, гораздо несчастнѣе генерала. Бѣднымъ, запоздавшимъ на свѣтѣ русскимъ вольтерьянцемъ, очевидно, совсѣмъ овладѣла шарлатанская клика его жены, и Бодростинъ плясалъ подъ ея дудку: онъ болѣе получаса читалъ предъ Синтяниной похвальное слово Глафирѣ Васильевнѣ, расточалъ всякія похвалы ея уму и сердцу; укорялъ себя за несправедливости къ ней въ прошедшемъ и благоговѣйно изумлялся могучимъ силамъ спиритскаго ученія, сдѣлавшаго Глафиру столь образцово-нравственною, что рав-

ной ей теперь какъ бы и не было на свѣтѣ. Правда, онъ, по старой привычкѣ, позволялъ себѣ слегка подтрунивать надъ ея «общеніями» съ духами, которые послѣ ея знакомства съ Алланомъ Кардекомъ избрали ее своимъ органомъ для передачи смертнымъ ихъ безсмертныхъ откровеній, но, при всемъ томъ, видѣлъ несомнѣнное чудо въ происшедшемъ въ Глафирѣ нравственномъ переворотѣ и слегка кичился ея новыми знакомствами въ свѣтскомъ кругѣ, котораго онъ прежде убѣгалъ, но который все-таки былъ ему болѣе по кости и по нраву, чѣмъ тотъ, откуда онъ восхитилъ себѣ жену, плѣнясь ея красотой и особеннымъ, въ то время довольно любопытнымъ, жанромъ.

Киченье Бодростина слегка задѣло плебейскія черты характера Синтянина, и онъ ядовито замѣтилъ, что ни въ чемъ произошедшемъ съ Глафирой чуда не видитъ и ничему не удивляется, ибо Глафирѣ Васильевнѣ прошли годы искать въ жизни только однихъ удовольствій, а названнымъ Бодростинымъ почтеннымъ дамамъ-аристократкамъ вообще нечего дѣлать и онѣ отъ скуки рады пристать ко всему, что съ виду нравственно и даетъ какую-нибудь возможность докукой морали заглушать голосъ совѣсти, тревожимой старыми грѣхами.

Старики поспорили, и генералъ, задѣтый за живое значеніемъ, какое Бодростинъ придавалъ дамамъ свѣтскаго круга, а можетъ-быть и еще чѣмъ-нибудь инымъ, такъ расходился, что удивилъ свою жену, объявясь вдругъ такимъ яростнымъ врагомъ завезеннаго Бодростиной спиритизма, какимъ онъ не былъ даже по отношенію къ нигилизму, привезенному нѣкогда Висленевымъ. Синтянинъ удивилъ жену еще и тѣмъ, что онъ въ спорѣ съ Бодростинымъ обнаружилъ начитанность, которую пріобрѣлъ, проведя годъ своей болѣзни за чтеніемъ духовныхъ книгъ, и помощію которой забилъ волтерьянца въ уголъ, откуда тотъ освободился лишь, представивъ самое вѣское, по его мнѣнію, доказательство благого вліянія своей жены на «растлѣнныя души погибающихъ людей».

— Вы вѣдь, напримѣръ, конечно, знаете Горданова,— сказалъ Бодростинъ:—и знаете его умъ и находчивость?

— Да-съ, имѣю-съ это-съ удовольствіе-съ,—отвѣчалъ генералъ со своими—*съ*, что выражало уже высокую степень раздраженія.

— Да, я знаю, что вы его знаете и даже знаю, что вы его не любите, — продолжалъ Бодростинъ: — и я его самъ немножко не люблю, но и немножко люблю. Я не люблю его нравственности, но люблю его за неутомимую энергію и за смѣлость и реальность; такіе люди намъ нужны; но я, конечно, не одобряю всѣхъ его нравственныхъ качествъ и поступковъ, особенно противъ Подозерова... Его жена... ну да... что дѣлать: кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ; но пусть ужъ, что стряслось, то пусть бы и было. Поволочился и довольно. Имѣлъ успѣхъ, ну и оставь ее; но сбить молоденькую бабочку совсѣмъ съ толку, разссорить ее и заставить разстаться съ мужемъ, подвергнуть ее всѣмъ тягостямъ фальшиваго положенія въ обществѣ, гдѣ она имѣла свое мѣсто,—я этого не одобряю...

— Гордановъ-съ закоренѣлый-съ негодяй-съ,—отвѣчалъ, засверкавъ своими бѣлыми глазами, генералъ Синтянинъ.

— И противъ этого я, пожалуй, не возражаю: онъ немножко ужъ слишкомъ реальная натура.

— Я бы его разстрѣлялъ, а потомъ бы-съ повѣсилъ-съ, а потомъ бы...

— Что же бы потомъ еще сдѣлали? Разстрѣляли или повѣсили, ужъ и конецъ, болѣе уже ничего не сдѣлаете, а вотъ моя Глафира его гораздо злѣе расказнила: она совершила надъ нимъ нравственную казнь, вывернула предъ нимъ его совѣсть и заставила отречься отъ самого себя и со скрежетомъ зубовнымъ оторвать отъ себя то, что было мило. Короче, она однимъ своимъ письмомъ обратила его на путь истинный. Да-съ, полагаю, что и всякій долженъ признать здѣсь силу.

Эффектъ, произведенный этою новостью, былъ чрезвычайный: генералъ, жена его, майоръ и отецъ Евангелъ безмолвствовали и ждали поясненія съ очевиднымъ страхомъ. Бодростинъ имъ разсказывалъ, что обращенный на правую стезю Гордановъ возгнушался своего безнравственнаго поведенія и въ порывѣ покаянія оставилъ бѣдную Лару, самъ упрашивая ее вернуться къ ея законнымъ обязанностямъ.

Повѣствователь остановился, слушатели безмолвствовали.

Бодростинъ продолжалъ. Онъ разсказалъ, что Лара versa des larmes amères, однакоже, оказалась упорною, и Гордановъ былъ вынужденъ оставить ее за границей, а самъ воз-

вратился на-днях̀ъ одинъ въ свою деревушку, гдѣ и живетъ затворникомъ, оплакивая свои заблужденія и ошибки.

Когда Бодростинъ кончилъ, присутствовавшіе продолжали хранить молчаніе.

Это показалось Михаилу Андреевичу такъ неловко, что, ни къ кому исключительно не относясь, спросилъ:

— Что же вы, господа, на все это скажете?

Но онъ не скоро дождался отвѣта, и то, какъ слушатели отозвались на его вопросъ, не могло показаться ему удовлетворительнымъ. Майоръ Форовъ первый изъ выслушавшихъ эту повѣсть Гордановскаго обращенія, всталъ съ мѣста и, презрительно плюнувъ, отошелъ къ окну. Бодростинъ повторилъ ему свой вопросъ, но получилъ въ отвѣтъ одно коротенькое: «наплевать». Потомъ, сожалительно закачавъ головой, поднялся и молча направился въ сторону Евангелъ. Бодростинъ и его спросилъ, но священникъ лишь развелъ руками и сказалъ:

— Это по-нашему называется: украшши Часовникъ, «услыши Господи правду мою» воспѣвать. Этакъ не идетъ-съ.

Бодростинъ перевелъ вопрошающій взглядъ на генерала, но тотъ сейчасъ же всталъ и, закуривъ трубку, проговорилъ:

— Тутъ всего интереснѣе только то: зачѣмъ все это дѣлается съ такой помпой?

— Какая же помпа, mon cher Иванъ Демьянычъ? Въ чемъ тутъ помпа? Я не его партизанъ, но... il faut avoir un peu d'indulgence pour lui.

Но на это слово изъ-за стола быстро встала Синтянина и, вся негодующая, твердо произнесла:

— Нѣтъ никакого снисхожденія человѣку, который имѣлъ духъ такъ поступить съ женщиной.

— Сжечь его?—пошутилъ Бодростинъ.—А? сжечь? Аутодафе, съ раздуваньемъ дамскими опахалами?

Но шутка вышла не у мѣста: блуждавшая по лицу Синтяниной тѣнь смущенія исчезла, и Александра Ивановна, уставивъ свой прямой взглядъ въ лицо Бодростина, проговорила:

— Я удивляюсь вамъ, Михаилъ Андреевичъ, какъ вы, несомнѣнно образованный человѣкъ, находите удобнымъ говорить въ такомъ тонѣ при женщинѣ о другой женщинѣ и еще, вдобавокъ, о моей знакомой, болѣе... о моемъ другѣ...

да прошу васъ знать, что я считаю бѣдную Лару моимъ другомъ, и если вы будете имѣть случай, то прошу васъ не отказать мнѣ въ одолженіи, гдѣ только будетъ удобно говорить, что Лара мой самый близкій, самый искренній другъ, что я ее люблю нѣжнѣйшимъ образомъ и сострадаю всею душой ея положенію. Я какъ нельзя болѣе сочувствую ея упрямству и... употреблю всѣ мои усилія быть ей полезною.

Несмотря на большой свѣтскій навыкъ, Бодростинъ плохо отшутился и уѣхалъ крайне недовольный тѣмъ, что онъ въ этомъ визитѣ вышелъ какъ бы неловкимъ подсыльнымъ вѣстовщикомъ, въ каковой должности его признала Синтянина своимъ порученіемъ трубить о ея дружбѣ и сочувствіи ко всѣмъ покинутой Ларѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Синтянина беретъ на себя трудную заботу.

Такъ почти и вышло, какъ предполагалъ Бодростинъ: простясь съ нимъ, ему не слали вослѣдъ благожеланій, а кляли его новость и были полны нехорошихъ чувствъ къ нему самому.

Старый генералъ былъ въ духѣ и заговорилъ первый: его утѣшало, что его жена такъ отбрила и поставила въ такое незавидное положеніе «этого аристократишку», а объ остальномъ онъ мало думалъ. По отъѣздѣ Бодростина, онъ подошелъ къ женѣ и, поцѣловавъ ея руку, сказалъ:

— Благодарю-съ васъ, Сашенька-съ; благодарю. Ничего-съ, ничего, что вы назвались ея другомъ: поганое къ чистому не пристаетъ.

Александру Ивановну отъ этого одобренія слегка передернуло и она, покусавъ губы, сухо сказала:

— Никто не можетъ гордиться своею чистотой: весь бѣлый свѣтъ довольно черенъ.

— Э, нѣтъ-съ, извините-съ, кромѣ васъ-съ, кромѣ васъ-съ!

И съ этимъ генералъ отправился въ свой кабинетикъ писать одну изъ тѣхъ своихъ таинственныхъ корреспонденцій, къ которымъ онъ издавна пріобрѣлъ привычку и въ которыхъ и теперь упражнялся по любви къ искусству, а можетъ-быть и по чему-нибудь другому, но какъ на это въ домѣ не обращали никогда вниманія, то еще менѣе было

повода остановиться на этомъ теперь, когда самымъ жгучимъ вопросомъ для генеральши сдѣлалась судьба Ларисы. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ она, бѣдняжка? На чьихъ рукахъ осталось это бѣдное, слабое, самопадѣянное и безсильное существо?.. Отъ одного размышленія объ этомъ Синтяниной становилось страшно, тѣмъ болѣе, что Бодростинъ, сообщивъ новость о Гордановскомъ покаяніи, ничѣмъ не умѣлъ пояснить и дополнить своихъ сказаній насчетъ Лары. Александра Ивановна, такъ же, какъ ея мужъ, нимало не вѣрила сказкѣ, сложенной на сей случай о Гордановѣ. Они допускали, что задавленный Висленевъ могъ подчиниться Глафирѣ и вѣрить, что съ нимъ сообщается «Благочестивый Устинъ», но раскаявшійся Гордановъ, Гордановъ спиритъ... Это превосходило всякое вѣроятіе. Генералъ, со свойственною ему подозрительностью, клялся женѣ, что это не что иное какъ новая ловушка, и та чувствовала, что въ этомъ подозрѣніи много правды. Генеральшѣ было, впрочемъ, не до Горданова.

Пораженная участью бѣдной Лары, она прежде всего хотѣла разузнать о ней и съ этою цѣлью упросила Филетера Ивановича съѣздить къ Бодростинымъ и выспросить что-нибудь отъ Висленева. Форовъ въ точности исполнилъ эту просьбу: онъ былъ въ бодростинскомъ имѣніи, видѣлъ Глафиру, видѣлъ Висленева и не принесъ ровно никакихъ извѣстій о Ларѣ. И благочестивая Глафира, и жалкій медіумъ равнодушно отвѣчали, что они не разспрашивали Горданова о Ларисѣ, и что это до нихъ не касается, причемъ Висленевъ послѣ разговора съ майоромъ надумался обидѣться, что Форовъ такъ безцеремонно обратился къ нему послѣ того, что̀ между ними было при Гордановской дуэли, но Форовъ не счелъ нужнымъ давать ему объясненій.

Тѣмъ не менѣе первая попытка Синтяниной разыскать Лару осталась безъ всякихъ результатовъ, и генеральша рѣшилась прямо обратиться къ Глафирѣ. Александра Ивановна написала Бодростиной письмо, въ которомъ прямо попросила ее, въ величайшее для нея одолженіе, узнать отъ Горданова, гдѣ и въ какомъ положеніи онъ оставилъ Лару. Бодростина на это не отвѣтила, но Синтянина не сконфузилась и послала ей другое письмо, что̀ было потребностью и для самой генеральши, такъ какъ ея тревога за Ларису усилилась до такой степени, что она не могла

спать и не умѣла ни одной строки написать объ этомъ Форовой въ Петербургъ. Глафира наконецъ отвѣтила, но отвѣтила вздоръ, что ей неловко допрашивать Горданова, и она «объ извѣстной особѣ» ничего навѣрное не знаетъ, а полагаетъ, что *они* разстались навсегда, такъ какъ *та* осталась глуха къ убѣжденіямъ совѣсти, которыя ей представилъ Гордановъ. Эта безцеремонная наглость и лицемѣріе до того возмутили Синтянину, что она въ негодованіи разорвала письмо Бодростиной въ мелкіе клочки и упросила мужа, чтобъ онъ, пользуясь послѣдними погожими днями и тѣмъ, что ему теперь нѣсколько полегче, съѣздилъ отдать визитъ Бодростину и добился, что̀ они знаютъ о Ларисѣ.

Иванъ Демьяновичъ исполнилъ эту просьбу: онъ ѣздилъ въ Рыбацкое, съ непремѣннымъ намѣреніемъ разузнать о Ларисѣ какъ можно болѣе. Его самого тоже очень интересовала ея судьба, хотя совсѣмъ по другимъ побужденіямъ, чѣмъ жену, но и онъ, однако, вернулся тоже ни съ чѣмъ, если не считать усилившагося кашля и крайняго раздраженія, въ какомъ онъ давно не бывалъ. Все, что онъ могъ сообщить, заключалось въ томъ, что Бодростина не спиритка, а Тартюфъ въ женской юбкѣ и должна имѣть какіе-нибудь гнуснѣйшіе планы; но какъ Александра Ивановна была и сама того мнѣнія, то она могла только подивиться вмѣстѣ съ мужемъ, что этого никто, кромѣ ихъ, какъ будто не видитъ. Тѣмъ не менѣе дѣло все-таки не подвигалось, и Синтянина задумалась. — Гдѣ же, наконецъ, эта бѣдная Лара съ ея молодостью, красотой, испорченною репутаціей, капризнымъ характеромъ, малымъ умомъ и большою самонадѣянностью? Отъ однѣхъ мыслей, которыя приходили по этому поводу въ голову молодой, но искушенной въ жизни женщины, ее бросало въ жаръ и въ ознобъ.

Послѣ двухъ сутокъ мучительнаго раздумья, Александра Ивановна наконецъ пришла къ невѣроятному рѣшенію: она положила подавить въ себѣ всѣ непріязненныя чувства и сама ѣхать къ Бодростиной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Превыше міра и страстей.

Свиданіе свое съ Бодростиной генеральша не откладывала и поѣхала къ ней на другой же день. Для этого ви-

зита ею было выбрано предобѣденное время, съ тою цѣлью, чтобы въ эти часы застать Глафиру одну, безъ гостей, и узнать какъ можно болѣе въ возможно короткое время. Но Александра Ивановна ошиблась: у Глафиры еще съ утра были ея графиня и баронесса, и Синтянина волей и неволей должна была оставаться въ ихъ обществѣ, чѣмъ она, впрочемъ, и не очень тяготилась, ибо нашла въ этомъ для себя очень много занимательнаго. Во-первыхъ, она не узнала самой Глафиры и была поражена ею. Хотя Синтянина всегда многаго ожидала отъ разностороннихъ способностей этой женщины, но тѣмъ не менѣе она была поражена отчетливостью произведенной Глафирой надъ собою работы по выполненію роли и должна была сознаться, что при всѣхъ своихъ волненіяхъ залюбовалась ею. Ничего прошлаго и слѣда не было въ нынѣшней Глафирѣ. Синтянина увидала предъ собою женщину, чуждую всего земного, недоступную земнымъ скорбямъ и радостямъ,—однимъ словомъ, существо превыше міра и страстей. Какую она себѣ усвоила безстрастную, мягкую рѣчь, какія тихія, спокойныя движенія, какой у нея установился на все оригинальный взглядъ, мистическій и въ то же время институтски-мечтательный!.. И все это у нея выходило такъ натурально, что хотѣлось любоваться этою артистическою игрой, на что генеральша и истратила гораздо больше времени, чѣмъ слѣдовало. Она со вниманіемъ слушала очень долгій разговоръ, который шелъ у этихъ дамъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, объ абсолютномъ состояніи духа, о средствахъ примиренія неладовъ между нравственной и физической природой человѣка, о тайныхъ стремленіяхъ души и т. п.

Графиня и баронесса обѣдали у Бодростиной, и потому у Синтяниной была отнята всякая надежда пересидѣть ихъ, и она должна была прямо просить Глафиру Васильевну о минутѣ разговора наединѣ, въ чемъ та ей, разумѣется, и не отказала. Онѣ взошли въ маленькій, полутемный будуаръ, и Синтянина прямо сказала, что она находится въ величайшей тревогѣ по случаю дошедшихъ до нея извѣстій о Ларисѣ и во что бы то ни стало хочетъ добиться, гдѣ эта бѣдняжка и въ какомъ положеніи?

Глафира была такъ умна, что, очутясь наединѣ съ Синтяниной, сейчасъ же сбавила съ себя значительную долю духовной строгости и заговорила о Ларисѣ съ величайшимъ

участіемъ, не упустивъ, однако, сказать, что Лара «очень милое, но, по ея мнѣнію, совершенно погибшее созданіе, которое, сдѣлавши ложный шагъ, не находитъ въ себѣ силъ остановиться и выйти на другую дорогу». Укорять или порицать людей за нежеланіе перемѣниться и исправиться стало любимой темой Глафиры съ тѣхъ поръ, какъ она сама рѣшилась считать себя и измѣнившеюся, и исправившеюся, благо ей это было такъ легко и такъ доступно.

Но приговоръ о неисправимости Лары показался Синтяниной обиднымъ, и она отвѣтила своей собесѣдницѣ, что нравственные переломы требуютъ времени, и къ тому же, на свѣтѣ есть такіе ложные шаги, отъ которыхъ поворотъ назадъ иногда только увеличиваетъ фальшь положенія. Бодростина увидѣла здѣсь пищу, и между двумя дамами началась легкая перепалка. Глафира сказала, что она не узнаетъ Синтянину въ этихъ словахъ и никогда бы не ожидала отъ нея такихъ сужденій.

— А я между тѣмъ была всегда точно такая и всегда думала такъ, какъ говорю въ эту минуту,—спокойно отвѣчала Синтянина.

Бодростина, желая запутать свою собесѣдницу, замѣтила, что она думаетъ такимъ образомъ, конечно, потому, что не знаетъ, какъ тяжело женщинѣ переносить фальшивое положеніе.

— Это правда,—отвѣчала Синтянина:—я, слава Богу, не имѣла въ моей жизни такого опыта, но... я кое-что видѣла и знаю, что обо всемъ этомъ всякой женщинѣ надо думать прежде, чѣмъ съ нею что-нибудь случится.

— А если бы съ вами что-нибудь такое случилось прежде, чѣмъ вы получили опытъ и стали такъ разсуждать? Неужто вы не спѣшили бы, по крайней мѣрѣ, хоть поправить вашу ошибку?

— Если бы... Я вамъ скажу откровенно: я не могу думать, чтобъ это сталось, потому что я... стара и трусиха; но если бы со мною случилось такое несчастіе, то, смѣю васъ увѣрить, я не захотѣла бы искать спасенія въ поворотѣ назадъ. Это проводится въ иныхъ романахъ, но и тамъ это въ честныхъ людяхъ производитъ отвращеніе и отъ героинь, и отъ автора, а въ жизни... не дай Богъ мнѣ видѣть женщины, которую, какъ Катя Форова говорила: «повозятъ, повозятъ, назадъ привезутъ».

— Другими словами: вы оправдываете упорство Ларисы оставаться въ связи съ Гордановымъ?

— Я одобряю, что она предпочитаетъ муки страданія малодушному возвращенію. Пусть мужъ Лары проститъ ее и позоветъ къ себѣ, — это ихъ дѣло; но самой ей возвращаться послѣ того, что было... это невозможно безъ потери послѣдняго къ себѣ и къ нему уваженія. Притомъ же она еще, можетъ-быть, любитъ Горданова.

Бодростина покачала головой и томно проговорила:

— Къ чему можетъ вести такая любовь? Только къ вѣчной гибели, къ аду, гдѣ нѣтъ ни раскаянія, ни исправленія.

Александра Ивановна прервала потокъ краснорѣчія Глафиры, замѣтивъ, что она высказалась не противъ раскаянія, а противъ перевертничества и отступничества и, такъ сказать, исканія небесныхъ благъ земными путями; изъ чего выходило, что Синтянина, вовсе не желая бросить камней въ огородъ Бодростиной, безпрестанно въ него попадала. Лѣвый глазъ Глафиры потерялъ спокойствіе и забѣгалъ какъ у кошки: она не выдержала и назвала правила Синтяниной противными требованію общественной нравственности, на что та въ свою очередь сказала, что требованіе переходовъ и возвратовъ противно женской натурѣ и невыполнимо въ союзѣ такого свойства, какъ супружество. Короче, эти двѣ дамы посчитались до того, что Бодростина наконецъ сказала, что теорія Синтяниной, конечно, выгоднѣе и пріятнѣе, ибо жить безнаказанно съ кѣмъ *хочешь* вмѣсто того, чтобы жить съ кѣмъ *должно*, это все, чего можетъ пожелать современная разнузданность.

Генеральшѣ кровь слегка стукнула въ виски, она удержала себя и отвѣтила только, что безнаказанно жить съ кѣмъ должно для честной женщины невозможно, потому что такая жизнь всегда болѣе или менѣе сама въ себѣ заключаетъ казнь, и свѣтъ, исполняющій въ такихъ случаяхъ роль палача, при всѣхъ своихъ лицемѣріяхъ, отчасти справедливъ.

— И вы бы его спокойно несли, этотъ судъ?—воскликнула Бодростина.

— Конечно, несла бы, если была бы его достойна.

— И несли бы безропотно!

— На кого же и за что могла бы роптать?

— И вы не пожелали бы сбросить съ себя этой фальши?

— Сбросить? Но зачѣмъ же я могла бы пожелать сбросить то, чего мнѣ гораздо проще было не брать?

— А если бъ это было нужно для блага того... ну того, кого вы любите, что ли?

Этотъ неловкій вопросъ бросилъ нѣкоторый свѣтъ на то, что сдѣлано съ бѣдной Ларой. Александра Ивановна поспѣшила отвѣтить, что она объ этомъ не думала, но что, вѣроятно, если бъ оказалось, что ее Богъ наказалъ человѣкомъ, который, принявши отъ нея любовь, еще готовъ принять и даже потребовать ея отреченія отъ любви къ нему для его счастія, то она бы... пропала.

— Такъ пусть она...—начала-было Бодростина и чуть не договорила: «пусть она пропадетъ», но тотчасъ спохватилась и молвила:—пусть она скрывается пока... пока это все уляжется...

— Это никогда не уляжется въ сердцѣ ея мужа, которое она разбила, какъ дѣвчонка бьетъ глиняную куклу.

— Время,—начала-было Бодростина банальную фразу о всесглаживающемъ времени, но Синтянина нетерпѣливо перебила ее замѣчаніемъ, что есть раны, для которыхъ нѣтъ исцѣленія ни во времени, ни въ возвратѣ къ прежнему образу жизни.

Болѣе ничего не могла обездоленная своею неудачей Александра Ивановна выпытать о томъ, гдѣ находится Лариса. На прощаньи она сдѣлала послѣднюю попытку: скрѣпя сердце, она, во имя Бога, просила Глафиру серьезно допросить объ этомъ Горданова; но та отвѣтила, что она его уже наводила на этотъ разговоръ, но что онъ уклоняется отъ отвѣта.

— Я васъ прошу не «наводить» его, а просто спросить, чтобы онъ отвѣтилъ прямо,—добивалась генеральша, но Бодростина только изумилась: развѣ это возможно!?..

— Вѣдь au fond мы все-таки не имѣемъ права говорить объ ихъ отношеніяхъ, — замѣтила она, и когда Синтянина возразила ей на то, что онѣ не дѣти, чтобы не знать этого, то она очень игриво назвала ее циникомъ.

Но тѣмъ не менѣе Александра Ивановна все-таки отъ нея не отстала и, чтобы не смущать строгаго цѣломудрія Глафиры, умоляла ее спросить Горданова письмомъ, такъ какъ бумага и перо не краснѣютъ.

— О, ma plume ne vaut rien,—отвѣтила ей рѣшительно Бодростина.

Послѣ этого добиваться было нечего, и дамы простились, но Синтянина, выѣхавъ отъ Бодростиной, не поѣхала домой, а повернула въ городъ, съ намѣреніемъ послать немедленно денешу Форовой. Но тутъ ее освѣтила еще одна мысль: не скрывается ли Лара у самого Горданова, и нѣтъ ли во всемъ этомъ просто-на-просто игры въ жмурки... Изъ-за чего же тогда она встревожитъ Петербургъ и расшевелитъ больныя раны Форовой и Подозерова?

— Но какъ быть: черезъ кого въ этомъ удостовѣриться? Ни мужъ, ни Форовъ не могутъ ѣхать къ этому герою... Евангелъ... но его даже грѣхъ просить объ этомъ. И за что подвергать кого-нибудь изъ нихъ такому униженію? Да они и не пойдутъ: мужчины мелочны, чтобы смирить себя до этого... Нечего раздумывать: я *сама поѣду* къ Горданову, сама все узнаю! Рѣшено: я должна къ нему ѣхать.

И Синтянина круто поворотила лошадь и, хлеснувъ коня, понеслась по тряскому, мерзлому проселку къ деревушкѣ Горданова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдъ.

Синтянина не давала отдыха своей лошади, она спѣшила, да и старалась шибкою ѣздой заглушить заговорившій въ ней непріятный голосъ сомнѣнія: хорошо ли она дѣлаетъ, что ѣдетъ въ усадьбу Горданова? Она сама сознавала, что тутъ что-то неладно, что ей ни въ какомъ случаѣ не должно было отваживаться на это посѣщеніе. Но Синтянина старалась не слыхать этого голоса и успокоивала себя тѣмъ, что въ постункѣ ея нѣтъ никакого особаго риска; она надѣялась встрѣтить кого-нибудь изъ людей, дать денегъ и вывѣдать, нѣтъ ли тамъ Лары. Съ небольшимъ въ полчаса она доѣхала до гордановской усадьбы и встрѣтила... самого Павла Николаевича.

Гордановъ въ мѣховомъ архалучкѣ прогуливался съ золотистою борзою собакой. Онъ увидѣлъ Синтянину ранѣе, чѣмъ она его замѣтила, и встрѣтилъ Александру Ивановну въ упоръ, на поворотѣ узкой дорожки.

При приближеніи ея, онъ приподнялъ фуражку. Синтя-

пина нѣсколько смѣшалась, но остановила лошадь и сдѣлала знакъ, что хочетъ съ нимъ говорить.

Гордановъ перепрыгнулъ черезъ канаву и подошелъ къ ея тюльбюри.

— Васъ можетъ нѣсколько удивить, если я вамъ скажу, что я пріѣхала къ вамъ,—начала генеральша.

— Нимало, — отвѣчалъ Гордановъ: — очень радъ, чѣмъ могу вамъ служить?

— Я хочу знать, гдѣ Лара?

— Пожалуйста, войдемте ко мнѣ.

«Ага! Такъ вотъ гдѣ она! Мои догадки меня не обманули!»—подумала Синтянина.

Они тронулись рядомъ къ дому: генеральша ѣхала по дорогѣ, а Гордановъ шелъ по окраинѣ. Онъ казался очень грустнымъ и задумчивымъ; они другъ съ другомъ ничего не говорили.

У крыльца онъ велѣлъ человѣку принять лошадь Синтянниной и, введя ее въ маленькую гостиную, попросилъ подождать. Генеральша осталась одна. Прошло нѣсколько минутъ. Это ей было непріятно, и у нея мелькнула мысль велѣть подать свою лошадь и уѣхать, но въ эту самую минуту въ комнату вошелъ переодѣтый Гордановъ. Онъ извинился, что заставилъ себя ждать, и спросилъ, чѣмъ можетъ служить.

— Гдѣ же Лара?—обратилась къ нему нетерпѣливо Синтянина.

— Присядьте на одну минут

Генеральша опустилась на диванъ и снова повторила свой вопросъ.

— Мнѣ не легко отвѣчать вамъ на это, — началъ тихо Гордановъ.

— Какъ! развѣ ея здѣсь нѣтъ?

— Здѣсь?.. Съ какой же стати?

— Съ какой стати? — воскликнула, вскочивъ съ мѣста, Синтянина и, вся покраснѣвъ отъ гнѣва и досады, строго спросила:—Что жъ это значитъ, господинъ Гордановъ?

— А что такое-съ?

— Зачѣмъ же вы пригласили меня взойти въ этотъ домъ?

— Извините, я не имѣю обычая говорить у порога съ тѣми, кто ко мнѣ пріѣзжаетъ. Вы пріѣхали, я васъ вѣжливо принялъ, и только.

— И только,—повторила, отворотясь отъ него, генеральша и пошла къ двери, но здѣсь на минуту остановилась и сказала:—будьте по крайней мѣрѣ великодушны: скажите, гдѣ вы ее оставили?

— Не имѣю причинъ скрываться. Я оставилъ ее въ Яссахъ.

— Въ Яссахъ?

— Да.

— Вы... это серьезно говорите?

— Къ чему мнѣ лгать? — отвѣчалъ, ножавъ плечами, Гордановъ.

Синтянина ничего болѣе не добилась, вынла, спросила себѣ свою лошадь и уѣхала.

На дворѣ уже было около пяти часовъ, и осеннее небо начало темнѣть, но Синтянина разсчитывала, что она еще успѣетъ до темноты доѣхать до города и послать телеграмму Форовой въ Петербургъ, а затѣмъ возьметъ съ собою Филетера Ивановича и возвратится съ нимъ къ себѣ на хуторъ.

Выѣхавъ съ этимъ расчетомъ изъ гордановской усадьбы, она повернула къ городу и опять не жалѣла лошади, но сумерки летѣли быстрѣе коня и окутали ее темнымъ туманомъ прежде, чѣмъ она достигла того брода, у котораго читатель нѣкогда видѣлъ ее въ началѣ романа бесѣдовавшею съ Катериной Астафьевной.

Молодая женщина ѣхала въ большомъ смущеніи и отъ пріема Горданова, и отъ раскаянія, что она сдѣлала этотъ неосторожный визитъ, и отъ извѣстія объ Яссахъ. Какая цѣль оставаться Ларисѣ?

— Это невѣроятно, это невозможно! Тутъ непремѣнно должна скрываться какая-то темная тайна; но какая?

Подъ вліяніемъ своихъ мыслей, Александра Ивановна и не замѣтила какъ совсѣмъ смерклось, и была очень испугана, когда ея опытный конь, достигнувъ брода и продавивъ передними ногами покрывавшій рѣку тонкій ледокъ, вдругъ испугался, взвился на дыбы и чуть не выронилъ ее, а въ эту же минуту предъ нею точно вынлылъ изъ морознаго тумана Свѣтозаръ Водопьяновъ.

Синтянина раздѣляла со многими нѣкоторое безпокойство при видѣ этого чудака ли, шута, или ясновидящаго, но вообще страннаго и тяжело, словно магнетически дѣй-

ствующаго человѣка. Тѣмъ болѣе не принесъ онъ ей особаго удовольствія теперь, когда такъ внезапно выдѣлился изъ тумана, крикнулъ на ея лошадь, крикнулъ самой ей «берегись» и опять сникъ, точно слился съ тѣмъ же туманомъ.

— Онъ ли это, то-есть самъ ли это Сумасшедшій Бедуинъ, или это мнѣ показалось? Фу! а нервы между тѣмъ такъ и заговорили и по всей потянуло холодомъ.

Синтянина хлеснула вожжей и, переѣхавъ рѣку, остановилась у знакомаго намъ форовскаго домика: она хотѣла посовѣтоваться съ майоромъ, напиться у него теплаго чаю, составить депешу и, отправивъ ее съ помощію Филетера Ивановича, уѣхать съ нимъ вмѣстѣ домой. Но, къ сожалѣнію, она не застала майора дома: служанка майора сказала ей, что за нимъ часъ тому назадъ приходилъ слуга изъ Борисоглѣбской гостиницы. Эта самая обыкновенная вѣсть подѣйствовала на Синтянину чрезвычайно странно, и она тотчасъ же, какъ только ей подали самоваръ, послала въ эту гостиницу просить Форова немедленно придти домой, но посланная женщина возвратилась одна съ клочкомъ грязной бумажки, на которой рукой Филетера Ивановича было написано: «Не могу идти домой,—спѣшите сами сюда, здѣсь слово и дѣло».

Записка эта еще больше увеличила безпокойство генеральши: лаконизмъ, хотя и свойственный манерѣ Филетера Ивановича, показался ей въ этотъ разъ какъ-то необычаенъ и многозначителенъ: не могъ же Форовъ вызвать ее въ гостиницу для пустяковъ!

«Это непремѣнно должно касаться Ларисы», рѣшила Синтянина и, закутавшись вуалемъ, пошла въ сопровожденіи служанки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лара отыскана и устроена.

Дойдя подъ порывами осенняго вѣтра до темнаго подъѣзда гостиницы, Синтянина остановилась внизу, за дверью, и послала пришедшую съ нею женщину наверхъ за майоромъ, который сію же минуту показался наверху тусклоосвѣщенной лѣстницы и сказалъ:

— Скорѣе, скорѣе идите: здѣсь Лара!

Генеральша вбѣжала на лѣстницу и бросилась въ указанную ей Форовымъ слабо освѣщенную узкую комнатку.

Лариса сидѣла на кровати, предъ печкой, которая топилась, освѣщая ея лицо неровными пятнами; руки ея потерянно лежали на колѣняхъ, глаза смотрѣли устало, но спокойно. Она перемѣнилась страшно: это были какіе-то останки прежней Лары. Увидя Синтянину, она черезъ силу улыбнулась и затѣмъ осталась безчувственною къ волненію, обнаруженному генеральшей: она давала ласкать и цѣловать себя, и сама не говорила ни слова.

— Боже! какъ ты здѣсь и зачѣмъ ты здѣсь?—наконецъ спросила ее Синтянина.

— Гдѣ же мнѣ теперь быть? — отвѣчала, затрудняясь, Лара.

Синтянина поняла, что она сказала нѣкоторую неловкость, и очень обрадовалась, когда Форовъ заговорилъ противъ намѣренія Ларисы оставаться въ этой гадкой гостиницѣ и пожеланія ея перейти къ нему, въ спальню Катерины Астафьевны; но Лариса въ отвѣтъ на все это только махала рукой и наконецъ сказала:

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ, оставьте объ этомъ... Мнѣ вездѣ хорошо: я уже ко всему привыкла. И ты, Alexandrine, тоже не безпокойся,—добавила она и, нѣжно пожавъ ея руку, заключила:—комната сейчасъ согрѣется и я усну: мнѣ очень нуженъ покой, а завтра меня навѣстятъ, и вы, дядя, тоже зайдите ко мнѣ... Я вамъ дамъ знать, когда вы можете ко мнѣ придти.

Синтянину она не пригласила къ себѣ и даже не спросила у нея ни о комъ и ни о чемъ... Глядя на Лару, по ея лицу нельзя было прочесть ничего, кромѣ утомленія и нѣкоторой тревоги. Она даже видимо выживала отъ себя Синтянину, и когда та съ Форовымъ встали, она торопливо пожала имъ на порогѣ руки и тотчасъ же повернула въ двери ключъ.

— Хотѣла или не хотѣла она меня видѣть?—спросила Синтянина у Филетера Ивановича, очутясь съ нимъ на улицѣ.

— Да, когда я сказалъ ей, что вы меня зовете и что не лучше ли позвать васъ къ ней, она отвѣчала: «пожалуй», и вслѣдъ затѣмъ Форовъ разсказалъ, что Лариса пріѣхала вечеромъ, выбрала себѣ эту гадкую гостиницу сама, прислала за нимъ полового и просила его немедленно

же, сегодня вечеромъ, извѣстить о ея пріѣздѣ брата или Горданова.

— Къ кому же вы поѣдете?

— А ужъ, конечно, возьму сейчасъ извозчика и поѣду въ Рыбацкое къ Висленеву, пусть онъ самъ извѣщаетъ своего друга.

— Да, не ѣздите къ Горданову.

— Еще бы, онъ, подлецъ, меня собаками затравитъ, да скажетъ, что это случай. Висленевъ, по крайней мѣрѣ, гадина беззубая, а впрочемъ, я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобъ одинъ изъ нихъ былъ повѣшенъ на кишкахъ другого.

Майоръ и генеральша рѣшили не посылать депеши, чтобы не смущать Подозерова, а написали простое извѣщеніе Форовой, предоставляя ея усмотрѣнію сказать или не сказать мужу Лары о ея возвращеніи, и затѣмъ уѣхали. Филетеръ Ивановичъ ночевалъ въ кабинетѣ у генерала и рано утромъ отправился къ Бодростинымъ для переговоровъ съ Висленевымъ, а къ вечеру возвратился съ извѣстіемъ, что онъ ѣздилъ не по что и привезъ ничего.

По его разсказу выходило, что внезапное прибытіе Ларисы никого не удивило и не тронуло.

— Даже посылать, — говорилъ онъ:—не хотѣли, и я ничего бы не добился, если бы не секретарь Роншинъ, который, провожая меня, далъ слово немедленно послать Горданову извѣщеніе о пріѣхавшей. Форовъ утверждалъ, что бѣдный чухонецъ чрезвычайно радъ этому случаю и видитъ въ Ларисѣ громоотводъ отъ Павла Николаевича.

Прошла недѣля, въ теченіе которой Синтянина волновалась за Лару, но уже не рѣшалась нытаться ни на какое съ нею сближеніе, и на хуторѣ появился Форовъ съ новыми и странными новостями: у Горданова оказалась въ городѣ очень хорошая квартира, въ которой онъ, однакоже, не жилъ. Въ ней-то, ко всеобщему удивленію, и помѣстилась Лариса.

Синтянину не поразило, что разойтись съ Ларой было противно планамъ Горданова, но она не могла постичь, какъ онъ и Лара признали удобнымъ поселиться maritalement здѣсь, въ губернскомъ городѣ, гдѣ подобное положеніе для женщины должно быть гораздо несноснѣе, чѣмъ въ столицѣ. Но тѣмъ не менѣе Филетеръ Ивановичъ не

шутилъ: Гордановъ дѣйствительно устроился вмѣстѣ съ Ларой.

Это произвело на Синтянину самое непріятное впечатлѣніе, и она изъ-за этого поспорила съ майоромъ, который находилъ, что это все равно, какъ они теперь будутъ жить...

— Совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Зачѣмъ они вернулись сюда, въ этотъ городишко? Зачѣмъ они не остались за границей или въ Петербургѣ, гдѣ ей было бы гораздо легче?.. Зачѣмъ онъ ее притащилъ сюда напоказъ... Да, да, именно напоказъ!—горячилась Александра Ивановна.

Черезъ нѣсколько дней она узнала отъ майора, что *Гордановы* (то-есть Гордановъ и Лара) живутъ прекрасно, что дѣлали вечерокъ, на которомъ были кой-кто изъ служебной знати, и Лариса держалась открыто хозяйкой.

— И что васъ это такъ удивляетъ?—сказалъ Филетеръ Ивановичъ, замѣтивъ смущеніе на лицѣ Синтяниной: — развѣ же она на самомъ дѣлѣ не хозяйка? Не все ли равно, «и съ трубами свадьба, и безъ трубъ свадьба». Но эта «безтрубная свадьба» не успокоила его собесѣдницу, и та только пытала себя: зачѣмъ они бравируютъ? Гордановъ, повидимому, просто *щеголяетъ Ларой*, но она...

Синтяниной хотѣлось знать: неужто Лара спокойно принимаетъ обидное снисхожденіе своихъ мужскихъ гостей? Майоръ этого не умѣлъ разсказать, но зато онъ сообщилъ, что Висленевъ тоже былъ на пиру «безтрубной свадьбы» сестры и, говорятъ, очень всѣхъ забавлялъ и дѣлалъ различныя спиритскія прорицанія.

«Бѣдный Жозефъ! — подумала Александра Ивановна:— скоро его, должно быть, ужъ заставятъ для общей потѣхи подъ бильярдомъ лазить... И какъ все это быстро идетъ съ нимъ, и невозможно, чтобъ это скоро не пришло къ какой-нибудь рѣшительной развязкѣ».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Битый небитаго везетъ.

Александра Ивановна каждый день ждала новостей, и онѣ не замедлили. Черезъ недѣлю она услыхала, что Лариса покинула свою городскую квартиру и спѣшно уѣхала къ Бодростинымъ, гдѣ съ Гордановымъ случилось несчастіе: онъ ходилъ на охоту и, перелѣзая гдѣ-то черезъ пле-

тень, зацѣпилъ куркомъ ружья за хворостину и выстрѣлилъ себѣ въ руку. Еще три дня спустя рано утромъ, крестьянскій мальчикъ изъ Рыбацкаго доставилъ генеральшѣ записку, писанную карандашомъ незнакомою рукой, но подписанную именемъ Ларисы. Въ запискѣ этой Лара умоляла немедленно посѣтить ее, потому что умираетъ и хочетъ что-то сказать. Подписано имя Лары, но рука не ея. Это поставило Синтянину въ затрудненіе. Но наводить справки было некогда, Александра Ивановна сейчасъ же послала лошадь за Форовымъ, и какъ только майоръ пріѣхалъ, вмѣстѣ отправились въ Рыбацкое. Одна она не могла рѣшиться туда ѣхать. Ее вводилъ въ сомнѣніе незнакомый почеркъ, очевидно торопливо и едва ли не подъ страхомъ тайны писаннаго письма, и ей про всякій случай необходимою казалась помощь мужчины.

Когда они доѣхали до Рыбацкаго, короткій осенній день уже началъ меркнуть. Въ окнахъ бодростинскаго дома свѣтились огни. На крыльцѣ пріѣзжіе встрѣтились со слугами, которые бѣжали съ пустою суповою вазой: господа кушали. Въ передней, гдѣ они спросили о здоровьѣ Ларисы, изъ столовой залы былъ слышенъ говоръ многихъ голосовъ, между которыми можно было отличить голосъ Висленева. О пріѣзжихъ, вѣроятно, тотчасъ доложили, потому что въ залѣ мгновенно стихло и послышался голосъ Глафиры: «проводить ихъ во флигель».

Этотъ странный пріемъ не обѣщалъ ничего добраго. Да и чего добраго можно было ожидать для Лары въ этомъ домѣ, куда привелъ ее злой случай?

— Гдѣ она? въ какомъ флигелѣ? — настойчиво спрашивала у слугъ Синтянина, и, получивъ отвѣтъ, что Лара въ тепличномъ флигелѣ, вышла назадъ на крыльцо, обошла полукругъ, образуемый небольшою домовою теплицей, составлявшею зимній садъ при домѣ, и вступила въ совершенно темный подъѣздъ двухъэтажной пристройки, въ концѣ теплицы. Генеральша знала, что эта пристройка и называется тепличнымъ флигелемъ. Ей было извѣстно расположеніе этого высокаго, островерхаго домика, построеннаго павильономъ, въ смѣшанномъ и прихотливомъ вкусѣ. Здѣсь внизу были сѣни, передняя и зала съ широкими окнами. Въ этомъ залѣ была когда-то устроена водолѣчебная для сумасшедшаго брата Бодростина, котораго тутъ лѣчили обли-

ваньями и который здѣсь же и умеръ въ припадкахъ бѣшенства. Синтянина знала эту залу, когда она уже была обращена въ кегельную. Но въ потолкѣ ся еще оставался круглый прорѣзъ, черезъ который во время дно изъ соотвѣтствующей комнаты верхняго этажа лили на больного съ высоты воду. Въ верхнемъ этажѣ было пять комнатъ, и всѣ онѣ были теперь заняты библіотекой, съ которою Синтянина была хорошо знакома, потому что, пользуясь позволеніемъ Михаила Андреевича, она даже въ его отсутствіе часто сама брала себѣ отсюда разныя книги. Въ этихъ пяти комнатахъ, расположенныхъ вокругъ залы, той самой, гдѣ оставался незадѣланный прорѣзъ, никогда никто не жилъ, и, кромѣ книжныхъ шкаповъ, нѣсколькихъ столовъ и старинныхъ, вышедшихъ изъ моды креселъ, табуретокъ, здѣсь не было никакой мебели. Зная все это, Синтянина сообразила, что Ларѣ, да еще больной, здѣсь рѣшительно негдѣ было помѣщаться, и усомнилась, не ослышалась ли она. Но человѣкъ велъ се и Форова именно въ этотъ флигель. Онъ велъ ихъ чрезъ темную нижнюю переднюю и такую же темную лѣстницу въ первую библіотечную комнату, гдѣ на старинномъ мраморномъ столѣ горѣла одинокая свѣча въ огромномъ бронзовомъ подсвѣчникѣ съ широкимъ подонникомъ. Въ комнатѣ налѣво дверь была полуотворена и тамъ виднѣлся огонь и слышался стукъ ложки о тарелку. Синтянина было направилась къ этой двери, но слуга остановилъ ее и шепнулъ, что «здѣсь баринъ».

— Какой баринъ?

— А Павелъ Николаевичъ Гордановъ-съ,—отвѣчалъ слуга.

— А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Онѣ вотъ тутъ-съ,—и съ этимъ онъ показалъ на темную залу, по полу которой изъ дальней комнаты тянулась слабая полоса закрытой зонтикомъ свѣчи.

Синтянина начала быстро снимать верхнюю одежду, чтобы не входить къ больной въ холодномъ платьѣ. Когда она отдавала на руки слугѣ свои вещи, изъ комнаты Павла Николаевича вышелъ другой слуга съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояла посуда, и въ отворенную дверь предъ нею мелькнулъ самъ Гордановъ; онъ былъ одѣтъ въ томъ мѣховомъ архалучкѣ, въ которомъ она его встрѣтила у его усадьбы и, стоя посреди устилавшаго всю комнату пушистаго ковра, чистилъ лѣвою рукой перышкомъ зубы,

между тѣмъ какъ правая его рука очень интересно покоилась на бѣлой перевязи черезъ грудь и лѣвое плечо.

Синтянина прошла чрезъ комнату, гдѣ горничная дѣвушка, нагнувшись надъ тазомъ, набивала рубленымъ льдомъ гуттаперчевый пузырь, — дальше была комната, въ которой лежала Лариса... Боже, но Лариса ли это? Даже противъ того, какою Синтянина видѣла ее нѣсколько дней тому назадъ, ее нельзя узнать: только глаза да очертанія, но ни свѣжести, ни молодости нѣтъ и тѣни... Она лежала навзничь съ неподвижно уложенною среди подушки головой, съ лицомъ и глазами, устремленными въ ту сторону, откуда должна была войти гостья, и хотѣла привѣтствовать ее улыбкой, но улыбки не вышло, и она поспѣшила только попросить у Александры Ивановны извиненія, что ее безпокоила.

— Что ты, Богъ съ тобою, Лара, есть ли о чемъ говорить!—отвѣчала Синтянина, подавая ей обѣ руки, изъ которыхъ она только до одной коснулась слабою, дрожащею рукой, вытянувъ ее съ усиліемъ изъ-подъ одѣяла.

— Нѣтъ, я виновата, потому что я Богъ знаетъ изъ-за чего испугалась и все преувеличила.

— Но что же такое съ тобою: чѣмъ ты больна?

— Пустяки; я хотѣла сбѣжать съ лѣстницы, спотыкнулась, упала и немножко зашибла себѣ плечо... а потомъ...— Она вдругъ потянула къ себѣ Синтянину за руку и прошептала:—Бога ради не говори, что я за тобой посылала, но ночуй здѣсь со мной, Бога ради, Бога ради!

Синтянина въ отвѣтъ сжала ея руку.

Здороваясь съ Форовымъ, Лариса повторила, что она упала съ лѣстницы.

— И вывихнули плечо? — договорилъ майоръ. — Гм!.. обыкновенно при этихъ случаяхъ ломаютъ руки или ноги, иногда ребра, но плечо... это довольно удивительно.

Лара слегка смѣшалась, а Форовъ, вертя себѣ толстую папироску, продолжалъ развивать, гдѣ, въ какихъ мѣстахъ обыкновенно всего чаще и всего естественнѣе бываютъ вывихи и переломы при паденіяхъ съ лѣстницъ, и затѣмъ добавилъ, что о вывихѣ плеча при подобномъ казусѣ онъ слышитъ первый разъ въ жизни.

Въ моментъ заключенія этихъ разсужденій въ комнату вошла горничная съ пузыремъ льда, который надо было

положить Ларисѣ на больное мѣсто, и Форовъ съ своею толстою папиросой долженъ былъ удалиться въ другую комнату, а Синтянина, ставъ у изголовья, помогла горничной приподнять голову и плечи больной, которая рѣшительно не могла ворохнуться, и при всей осторожности горничной глухо застонала, закусивъ губу.

Было ясно, что съ нею случилось нѣчто необычайное, что̀ она скрывала, сваливая на паденіе съ лѣстницы.

Не успѣли уложить Лару, какъ въ комнату ея вошла Бодростина: она очень ласково повидалась съ Синтяниной, поинтересовалась здоровьемъ Ларисы и, выходя, дала понять Александрѣ Ивановнѣ, что желала бы съ нею говорить. Та встала, и онѣ вышли въ сосѣднюю комнату.

— Она, слава Богу, безопасна,—начала Бодростина.

— Да, но я и Филетеръ Ивановичъ рѣшились не оставлять Ларису, пока ей будетъ лучше; надѣюсь, вы позволите.

Бодростина благодарила въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, и разсказала, что она не знаетъ, какъ упала Лара, потому что это какъ-то случилось ночью: она хотѣла что-то принесть или кого-то позвать снизу къ больному, и оступилась; но, добавила она,—гораздо опаснѣе самъ Гордановъ, и что всего хуже, онъ раненъ и не хочетъ лѣчиться.

— Отчего же?

— Богъ ихъ знаетъ: они оба стали какіе-то чудаки. Я имѣю нѣкоторыя подозрѣнія... мнѣ кажется, что этотъ выстрѣлъ не случайность. Тутъ не безъ причины со стороны этой Ларисы. Она не ужилась со своимъ первымъ мужемъ и, кажется, не уживется и со вторымъ.

Генеральша хотѣла остановить Бодростину: почему она называетъ Горданова *вторымъ* мужемъ Лары, но оставила это и спросила: что̀ же такое было?

— Я ничего навѣрное не знаю; но у нихъ въ городѣ былъ вечеръ, на которомъ были очень многіе и, между прочимъ, какой-то пріѣзжій художникъ или что-то въ этомъ родѣ, и я думаю, что они поссорились за Лару.

— Другими словами, вы думаете, что это была дуэль?

— Быть-можетъ. Признаюсь, Лариса удивительно не ловка въ своихъ дѣлахъ.

И Бодростина съ этимъ вышла.

На прощаньи она добавила, что ей все это очень не-

пріятно видѣть въ своемъ домѣ, но что, конечно, пока Синтянина здѣсь, разстоянія между домомъ и флигелемъ не существуетъ.

Изъ этого генеральша легко могла заключить, что безъ нея между домомъ, гдѣ обитаетъ чистая Глафира, и флигелемъ, гдѣ мѣстится порочная Лара, ископана цѣлая пропасть... Бѣдная Лара!

Александра Ивановна съ нетерпѣніемъ ожидала ночной тишины, надѣясь, что Лариса ей что-нибудь разскажетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бесѣды Сумасшедшаго Бедуина.

Синтянина не ошиблась: Лара сама искала объясненія, и чуть только Синтянина появилась въ ея комнатѣ, она закивала ей головой и зашептала:

— Слушай, слушай, Саша! это все ложь, все неправда, что они хотятъ сочинять.

Лара была въ волненіи, и Синтянина просила ее успокоиться, но та продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, я должна это сказать: я упала не съ лѣстницы... Это было другое, совсѣмъ другое; я не скажу этого, но ты сама... я слышала... тсъ-тсъ... Тутъ какія-то говорящія стѣны... Здѣсь сегодня-завтра будутъ... убивать.

— Убивать! что ты? Богъ съ тобою.

— Да!

— Кого же? кого?

Лара схватила ее рукой и, привлекши къ себѣ, прошептала: «Придвинься ближе. Онъ говоритъ, стрѣлялся за меня, все вздоръ... Его рука здорова, какъ моя, я это видѣла, и вотъ...»

Лара просунула дрожащую руку подъ изголовье, достала оттуда отрѣзанный рукавъ мужской сорочки и, подавая его своей собесѣдницѣ, молвила: «вотъ она, кровь, за меня пролитая».

Эта «кровь» была обыкновенное красное чернило: въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Лара отвернулась въ сторону и не смотрѣла.

Синтянина держала рукавъ и недоумѣвала: для чего нужна Горданову эта фальшивая рана?.. Прежде чѣмъ она успѣла придти къ какому-нибудь заключенію, ее пришли

звать къ чаю. Такъ какъ она отказалась идти въ домъ, то Глафира приказала сказать, что, желая быть вмѣстѣ съ Александрой Ивановной, она велѣла подать чай въ одной изъ залъ павильона.

Какъ это ни было непріятно для генеральши, но уклониться уже было невозможно, и черезъ полчаса она должна была выйти въ ярко освѣщенную библіотечную комнату, окна которой были завѣшаны темными коленкоровыми шторами.

Тутъ былъ сервированъ чай и собралось общество, состоящее изъ самого Михаила Андреевича, Горданова съ подвязанною рукой, Висленева и Сумасшедшаго Бедуина, котораго Синтянина никакъ не ожидала встрѣтить и который, раскланиваясь съ нею, объявилъ, что очень радъ увидѣть ее предъ своимъ воскресеніемъ.

Несмотря на близкое присутствіе больной, гости и хозяева были довольно спокойны; а Висленевъ казался даже нѣсколько искусственно оживленъ и, не глядя въ глаза Синтянинои, все заводилъ рѣчь о какомъ-то извѣстномъ ему помѣщикѣ, который благословилъ дочь-дѣвушку за женатаго и самъ ихъ выпроводилъ.

Жозефъ этимъ хотѣлъ, повидимому, оправдать свои отношенія къ сестрѣ и Горданову, но его трудъ былъ вотще: ни Синтянина и никто другой его не слушали. Разговоръ держался то около дѣлъ завода, устраиваемаго Бодростинымъ и Гордановымъ, то около водопьяновскаго «воскресенія изъ мертвыхъ», о которомъ тотъ говорилъ нынче съ особенною пріятностью.

Синтянина менѣе слушала, чѣмъ наблюдала, и ее особенно занимало, какъ Гордановъ, будучи утонченно холоденъ къ ней, въ то же время интересничалъ съ своею подвязанною рукой.

Межъ тѣмъ общій шуточный разговоръ свернулъ на нешуточный предметъ, на который чаще всего сбивались всѣ рѣчи при Водопьяновѣ: заговорили о смерти.

Синтянина находила этотъ разговоръ нѣсколько неудобнымъ для слуха больной и, вставъ, опустила тихонько дверныя портьеры. Глафира поняла это и, чтобы дать иной тонъ рѣчи, шутливо просила Водопьянова, потчуя его чаемъ, «попробовать передъ смертью положить себѣ въ этотъ чай рому», а онъ отвѣчалъ ей, что онъ «попробуетъ предъ смертью чаю безъ рому».

Глафира относилась къ Водопьянову нѣсколько свысока и вызывала его на споры о его спиритскихъ вѣрованіяхъ съ ироніей. Она какъ будто давала ему чувствовать, что *она* здѣсь настоящая спиритка, а онъ не спиритъ, а просто какой-то блажной дурачокъ. Сумасшедшій Бедуинъ нимало на это не гнѣвался, но отвѣчалъ на слова Бодростиной неохотно и болѣе говорилъ съ Филетеромъ Ивановичемъ, который, находясь здѣсь почти поневолѣ и постоянно отворачиваясь отъ Жозефа и отъ Горданова, былъ очень радъ спорить о вещахъ отвлеченныхъ и, въ качествѣ «грубаго матеріалиста и нигилиста», не обинуясь, называлъ спиритизмъ вздоромъ и химерой. Они спорили жарко, касаясь самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Водопьяновъ ловко подбиралъ доводы къ своимъ положеніямъ; исторія гражданская и библейская давали ему бездну примѣровъ участія неизвѣстныхъ намъ силъ въ дѣлахъ смертныхъ, при чемъ онъ съ удивительною памятливостью перечислялъ эти явленія; въ философіи разныхъ эпохъ онъ черпалъ доказательства вѣчности духа и неземного его происхожденія; въ религіяхъ находилъ сходство со спиритскими вѣрованіями. Говоря о естествовѣдѣніи, намѣчалъ усовершенствованія и открытія, которыя, по его мнѣнію, уже становились на очередь: утверждалъ, что скоро должны произойти великія открытія въ аэронавтикѣ, что разъяснится сущность электрической и магнитной силъ, послѣ чего человѣческое слово сдѣлается лишнимъ, и всѣ позднѣйшіе люди будутъ понимать другъ друга безъ словъ, какъ теперь понимаютъ только влюбленные, находящіеся подъ особенно сильнымъ тяготѣніемъ противоположныхъ токовъ. Окончивъ съ землей, онъ пустился путешествовать по мірамъ и носилъ за собою слушателей; соображалъ, гдѣ какая организація должна быть пригодною для воплощеннаго тамъ духа; хвалилъ жизнь на Юпитерѣ; мечталъ, какъ онъ будетъ переселяться на планеты, и представлялъ это для человѣка такимъ высокимъ блаженствомъ, что Синтянина невольно воскликнула:

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо бы, если бъ это было такъ!

— Это непремѣнно такъ,—утвердилъ Водопьяновъ:—мы воскреснемъ и улетимъ-съ!

— И если бъ умирать было легко,—вставилъ Бодростинъ.

— Умирать совершенно легко,—отвѣчалъ ему Свѣтозаръ.

— А зачѣмъ же болѣзнь?

— Болѣзнь это хорошо: это узелъ развязывается,—худо, если онъ рвется.

И съ этимъ онъ заговорилъ туманными фразами о томъ, что душа оставляетъ тѣло ранѣе видимой смерти; что ея уже нѣтъ съ тѣломъ во время агоніи, и что потому-то умирать очень не трудно.

— А потомъ... потомъ,—заговорилъ онъ:—если связь духа разорвана мгновенно, какъ при насильственной смерти, то онъ не знаетъ, куда ему дѣться, и стоитъ надъ своимъ тѣломъ, слушаетъ молитвы, смотритъ на свой гробъ и сопровождаетъ свою погребальную процессію и всѣхъ безпокоитъ и самъ себя не можетъ понять.

— Онъ этакъ можетъ кого-нибудь испугать,—пошутилъ Гордановъ.

— А можетъ,—отвѣчалъ, вздыхая и закативъ глаза, Водопьяновъ:—очень можетъ, ужасно можетъ. Ему даже есть до этого дѣло.

Въ эту минуту на фронтонѣ дома пробило 8 часовъ. Висленевъ при первомъ звукѣ этого боя поблѣднѣлъ и хотѣлъ вынуть свои часы, но, взглянулъ на Бодростину, остановился, удержавъ руку у сердца. Въ это же мгновеніе и въ комнатѣ Лары послышался тревожный, дребезжащій звонъ колокольчика.

Синтянина бросилась къ больной, и застала ее разбросавшею ледъ и одѣяло.

— Что... было восемь часовъ?—заговорила, порываясь съ постели, Лариса и, получивъ подтвержденіе, спросила Синтянину:—гдѣ братъ? гдѣ Іосафъ?

— Тамъ сидитъ, гдѣ и всѣ... за чаемъ...

— Бога ради иди же туда... иди, иди скорѣе туда, и пусть онъ будетъ тамъ, гдѣ и всѣ.

Синтянина хотѣла что-то возразить, хотѣла помочь Ларисѣ снова улечься, но та нетерпѣливо замахала рукой, и, задыхаясь, показала ей на двери.

Генеральша повиновалась и вышла, но когда она воротилась къ оставленному ею на минуту обществу, Іосафа Висленева тамъ уже не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Свѣтозарово воскресенье.

Исчезновеніе Жозефа смутило Александру Ивановну, но

она ничего не могла сдѣлать. Не идти же ей въ самомъ дѣлѣ тревожить больную Лару. Разговоръ и безъ него продолжался не прерываясь. Бодростинъ съ Гордановымъ толковали о ихъ фабрикѣ бульона и мясныхъ консервовъ, которая служила нугаломъ для крестьянъ, приписывавшихъ пагнанному скоту начавшійся коровій падежъ.

Бодростинъ кряхтѣлъ отъ этого скотскаго падежа и съ неудовольствіемъ слушалъ разсказъ, что мужики колдуютъ, и самъ говорилъ, что когда онъ возвращался прошедшею ночью съ фабрики, его страшно перепугали бабы, которыя, несмотря на теперешніе холода, были обнажены и, распустивъ волосы, со стономъ и крикомъ опахивали деревню.

— Вотъ и нынче та же комедія: староста просилъ меня не выѣзжать въ это время.

— Отчего же?

— Чортъ ихъ знаетъ: онъ говоритъ: «не ровенъ часъ». Случай, говоритъ, гдѣ-то былъ, что бабы убили приказчика, который имъ попался навстрѣчу: эти дуры думаютъ, что «коровья смерть» прикидывается мужчиной. Вотъ вы, любезный Свѣтозаръ Владеновичъ, какъ спеціалистъ по этой части... Ага! да онъ спитъ.

Водопьяновъ молчалъ и сидѣлъ, закрывъ глаза и опустивъ на грудь голову.

Бодростинъ громко назвалъ Водопьянова по имени.

Сумасшедшій Бедуинъ поднялъ съ сонныхъ глазъ вѣки и, взглянувъ на всѣхъ точно онъ проспалъ столѣтіе, какъ славный Потокъ-богатырь, всталъ и пошелъ въ смежную круглую залу.

— Онъ непремѣнно исчезнетъ,—пошутила Глафира и, поднявшись, пошла за нимъ слѣдомъ, но, подойдя съ улыбкой къ порогу круглой залы, внезапно отступила съ смущеніемъ назадъ и воскликнула:

— Что это такое?

Вся зала была освѣщена черезъ свой стеклянный куполъ ярко пунцовымъ свѣтомъ. Водопьянова не было, но зато старинныя кресла отъ стѣнъ пошли на средину вмѣстѣ съ ковромъ, покрывавшимъ комнату и, ударяясь другъ о друга, быстро летѣли съ шумомъ одно за другимъ внизъ.

— Великій Боже! онъ провалился въ люкъ!—воскликнула Бодростина и, въ сопровожденіи подбѣжавшихъ къ ней мужа и гостей, кинулась къ прорѣзу, черезъ который увидала

внизу освѣщенную тѣмъ же краснымъ освѣщеніемъ какую-то фантастическую кучу, изъ которой выбивался Сумасшедшій Бедуинъ, и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на зовъ его сверху, вышелъ въ двери смежной комнаты нижняго этажа. Онъ все это сдѣлалъ очень быстро и съ какою-то борьбой, межъ тѣмъ какъ на ярко освѣщенномъ лицѣ его сверкали рѣзкія огненныя линіи.

— Я вамъ ручаюсь, что онъ ушелъ,—воскликнула, оборотясь къ мужу, Глафира, но тотъ, вмѣсто отвѣта, обратилъ вниманіе на страшное освѣщеніе комнаты.

— Это непремѣнно пожаръ!—воскликнулъ онъ, бросясь къ завѣшаннымъ окнамъ, и отдернулъ занавѣсу: въ открытое окно ярко свѣтило красное зарево пожара.—И сейчасъ за рощей: это горитъ наша фабрика! Лошадь, скорѣе мнѣ лошадь!

Глафира его удерживала, но онъ ея не послушалъ, и чрезъ минуту всѣ мужчины, за исключеніемъ Горданова, бросились внизъ, а Синтянина пошла въ комнату, сосѣднюю съ той, гдѣ лежала Лариса, и, ставъ у окна за занавѣсу, начала наблюдать разгоравшійся пожаръ. Зарево становилось все ярче; и дворъ, и лѣсъ, и паркъ, — все было освѣщено какъ при самой блестящей иллюминаціи. Синтянина видѣла, какъ Михаилу Андреевичу подали бѣговыя дрожки и какъ онъ пустилъ въ карьеръ лошадь съ самаго мѣста, и въ то же самое мгновеніе она услыхала шорохъ въ круглой залѣ. Это была Бодростина и Гордановъ. Глафира пріотворила дверь и, увидавъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ, такъ какъ Синтянина стояла за шторой, сказала Горданову:

— Я трепещу, что этотъ дуракъ все испортитъ.

— Нѣтъ, онъ на все рѣшился и хорошо наученъ. Ужъ если удался поджогъ, то что за мудрость выскочить и стать на мосту: онъ увѣренъ, что это безопасно.

Глафира не отвѣчала.

Синтянина стояла ни жива, ни мертва за шторой: она не хотѣла ихъ подслушивать, но и не хотѣла теперь себя обнаружить, да къ этому не было уже времени, потому что въ эту минуту въ воздухѣ раздался страшный трескъ и вслѣдъ за тѣмъ такой ужасающій ревъ, что и Глафира, и Гордановъ бросились въ разныя стороны: первая—въ большой домъ, второй—въ свою комнату.

Александра Ивановна выскользнула изъ-за занавѣсы и, тщательно притворивъ дверь въ комнату больной, открыла настежь окно и въ нѣмомъ ужасѣ прислушивалась къ неописанному реву и треску, который несся по лѣсу. Ей смутно представлялись слышанныя полуслова и полунамеки; она не могла дать себѣ отчета, долго ли пробыла здѣсь, какъ вдругъ увидала бѣгущую изо всѣхъ силъ къ дому человѣческую фигуру съ крикомъ: «Убился, упалъ съ моста... наповалъ убитъ!»

Въ этомъ вѣстникѣ Синтянина узнала Висленева. Его окружили нѣсколько человѣкъ и стали разспрашивать: онъ вертѣлся, вырывался и говорилъ торопливымъ голосомъ: «Да, да; я видѣлъ: всѣ кости какъ въ мѣшкѣ».

И съ этимъ онъ вырвался и побѣжалъ въ домъ, а изъ лѣса показалась толпа людей, которые несли что-то тяжелое и объемистое.

У Синтяниной замерло дыханіе.

«Кончено,—думала она,—конечно! Вотъ эти намеки: Бодростина нѣтъ болѣе на свѣтѣ!»

Но она ошиблась: изъ толпы, несшей тяжелую ношу, выдѣлился Форовъ и кричалъ навстрѣчу бѣжавшимъ изъ дома людямъ и встревоженной Глафирѣ:

— Успокойтесь, успокойтесь! Есть бѣда, но не та: здѣсь вышла ошибка.

— Какъ, что? Какая ошибка! Это вздоръ; не можетъ быть ошибки! — отвѣчалъ ему Висленевъ, увлекая впередъ подъ руку дрожащую Глафиру.

— Господа, это ошибка! — повторилъ Форовъ:—Михаилъ Андреевичъ живъ, а это упалъ съ моста и до смерти расшибся Водопьяновъ. Его лошадь чего-то испугалась и слетѣла съ нимъ вмѣстѣ подъ мостъ на камни съ восьмисаженной высоты. И вотъ онъ: смотрите его: да, онъ и лошадь мертвы, но его мальчишка даетъ еще признаки жизни.

Между тѣмъ это «темное и объемистое», что несли за Форовымъ, пронесли за самымъ окномъ, и это былъ трупъ Свѣтозара Владеновича.

Вслѣдъ за этимъ ѣхалъ сзади самъ живой Бодростинъ и, громко крича на людей, приказывалъ «нести *это* въ контору».

— Болванъ! — послышалось съ зубнымъ скрежетомъ сбоку Синтяниной.

Она оглянулась и увидѣла въ смежномъ окнѣ голову Горданова, который тотчасъ же хлопнулъ рамой и спрятался.

Какъ и что такое случилось?

Говорили, что покойникъ, выйдя изъ дому, позвалъ своего мальчика, сѣлъ на дрожки и поѣхалъ по направленію къ горящей фабрикѣ, гдѣ ему лежала дорога домой, и благополучно достигъ узкаго моста черезъ крутой, глубочайшій оврагъ, усѣянный острыми камнями. Но здѣсь лошадь его чего-то испугалась, взвилась на дыбы, кинулась въ сторону; перила ея не удержали, и она слетѣла внизъ и убилась, и убила и сѣдоковъ.

— Да и какъ не убиться,—разсуждали объ этомъ люди:— когда оттуда камень кинешь, такъ чуть не сто перечтешь, пока онъ долетитъ до низу.

— Но чего же могла испугаться лошадь?

Бабы, которыя, колдуя, опахивали коровью смерть на полѣ, откуда мостъ былъ какъ на ладони, видѣли, что на мостъ выбѣжало что-то бѣлое и затѣмъ все уже оставалось покрыто мракомъ.

Въ домѣ повторяли: «какой ужасный случай!»

И это, дѣйствительно, былъ случай, но не совсѣмъ случайный, какъ думала Синтянина и какъ еще тверже знала Лариса: это была только *ошибка*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дѣло темной ночи.

Внезапная смерть Водопьянова произвела самое тягостное впечатлѣніе не только на весь бодростинскій домъ, но и на все село. Это была словно прелюдія къ драмѣ, которая ждалась издавна и представлялась неминучею. Въ селѣ опять были вспомянуты всѣ злыя предзнаменованія: и раки, выползавшіе на берегъ, и куцый мундиръ Бодростина съ разрѣзанною спиной.

Всѣ становились суевѣрными, не исключая даже невѣрующихъ. Заразительный ужасъ, какъ волны, заходилъ по дому и по деревнѣ, на которую недавно налегла бѣда отъ коровьей смерти,—великаго несчастія, приписываемаго крестьянами нагону сборнаго скота на консервную фабрику и необычному за нимъ уходу. Ко всему этому теперь являлось подозрѣніе, что пожаръ—не случайность, что крестьяне,

вѣроятно, подожгли заводъ со злости и можетъ-быть нарочно разобрали перила моста, чтобы погубить такимъ образомъ Михаила Андреевича.

Висленевъ высчитывалъ все это какъ по писанному, и Бодростинъ находилъ эти расчеты вѣроятными.

Азартъ пророчества, овладѣвшій Висленевымъ, былъ такъ великъ, что Глафира даже сочла нужнымъ замѣтить, что вѣдь онъ сумасшедшій, но мужъ остановилъ ее, сказавъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего сумасшедшаго.

Въ городъ было послано немедленно извѣстіе о необычайномъ происшествіи. Тѣло Сумасшедшаго Бедуина положено въ конторѣ и къ нему приставленъ караулъ; въ домѣ и въ деревнѣ никто не спалъ. Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ съ женой и разсказывалъ, какъ, по его соображенію, могло случиться это ужасное несчастіе съ Водопьяновымъ. Онъ былъ увѣренъ, что лошадь покойнаго испугалась бабьяго обхода и, поднявшись на дыбы, бросилась въ сторону и опрокинулась за перила, которыя не были особенно крѣпки и которыя, какъ ему донесли, найдены тамъ же подъ мостомъ совершенно изломанными. Впрочемъ, Михаилъ Андреевичъ былъ гораздо болѣе занятъ своимъ сгорѣвшимъ заводомъ и пропажей разбѣжавшихся по лѣсамъ быковъ. Они сорвались во время пожара и въ перепугѣ и бѣшенствѣ ударились по лѣсамъ, что и было причиной того адскаго рева и треска, который несся, какъ ураганъ, предъ вѣстью о смерти бѣднаго Водопьянова.

Шумъ разбудилъ и успувшую-было Лару. Она проснулась и, будучи не въ силахъ понять причины слышанныхъ звуковъ, спросила о нихъ горничную. Та проговорилась ей о происшедшемъ. Лариса схватила свою голову и, вся трепеща, увѣряла, что ее покидаетъ разсудокъ и что она хочетъ приготовить себя къ смерти: она требовала къ себѣ священника, но желала, чтобъ о призывѣ его не знали ни Бодростины, ни братъ ея, ни Гордановъ. Форовъ взялся это устроить: онъ ушелъ очень рано и въ десятомъ часу утра уже вернулся съ Евангеліемъ.

«Поэтическій попъ», не подавая виду, что онъ пришелъ по вызову, пронесъ дароносицу подъ рясой; но какъ онъ ни былъ остороженъ, Гордановъ почуялъ своимъ тонкимъ чувствомъ, что отъ него что-то скрываютъ, и не успѣла Синтянина оставить больную со священникомъ въ комнатѣ,

какъ Павелъ Николаевичъ вдругъ вышелъ въ перепугѣ изъ своей комнаты и торопливо направился прямо къ Ларисиной двери. Это было очень неожиданно, странно и неловко. Синтянина, только что присѣвшая-было около работавшей здѣсь горничной, тотчасъ же встала и сказала ему по-французски: «вамъ туда нельзя взойти».

— Отчего это?—отозвался Гордановъ на томъ же языкѣ.

— Отъ того, что вы тамъ теперь лишній,—и съ этимъ генеральша заперла дверь на замокъ и, опустивъ ключъ въ карманъ своего платья, сѣла на прежнее мѣсто и стала говорить съ дѣвушкой о ея шитьѣ.

Гордановъ тихо отошелъ, но черезъ минуту снова появился изъ своей комнаты и сказалъ:

— Строго говоря, милостивая государыня, вы едва ли имѣете право дѣлать то, что̀ вы дѣлаете.

Синтянина не отвѣтила.

Онъ прошелся по комнатѣ и снова повторилъ то же самое, но гораздо болѣе рѣзкимъ тономъ и добавилъ:

— Вы вѣрно позабыли, что вашъ мужъ теперь уже не имѣетъ болѣе средствъ ни ссылать, ни высылать.

Синтянина посмотрѣла на него долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и сказала, подчеркивая свои слова, что она всегда дѣлаетъ только то, на что̀ имѣетъ право, и находитъ себя и теперь въ правѣ замѣтить ему, что онъ поступаетъ очень неосторожно, вынувъ изъ-за перевязи свою раненую руку и дѣйствуя ею, какъ здоровою.

Гордановъ смѣшался и быстро сунулъ руку за перевязь. Онъ былъ очень смѣшонъ: спесь и наглый видъ соскочили съ него, какъ позолота.

— Вы не знаете моихъ правъ на нее,—прошипѣлъ онъ.

— Я и не хочу ихъ знать,—отвѣтила сухо генеральша.

— Нѣтъ, если бы вы узнали *все*, вы бы со мною такъ не говорили, потому что я имѣю права...

Въ эту минуту отецъ Евангелъ постучался изъ Ларисиной комнаты. Синтянина повернула ключъ и, выпустивъ блѣднаго и разстроеннаго Евангела, сама ушла къ больной на его мѣсто.

Лариса казалась значительно успокоившеюся: она пожала руку Синтяниной, поблагодарила ее за хлопоты и еще разъ прошептала:

— Не оставляй меня, Бога ради, пока я умру или въ силахъ буду отсюда уѣхать.

Генеральша успокоила, какъ умѣла, больную и весь день не выходила изъ ея комнаты. Наступилъ вечеръ. Утомленная Александра Ивановна легла въ постель и уснула. Вдругъ ее кто-то толкнулъ. Она пробудилась и, къ удивленію, увидѣла Ларису, которая стояла предъ нею блѣдная, слабая, едва держась на ногахъ.

Вокругъ царствовала глубочайшая тишина, посреди которой Синтянина, казалось, слышала робкое и скорое біеніе сердца Лары. По комнатѣ слабо разливался свѣтъ ночной лампады, который едва позволялъ различать предметы. Молодая женщина всматривалась въ лицо Ларисы, прислушивалась и, ничего не слыша, рѣшительно не понимала, для чего та ее разбудила и заставляетъ ее знаками молчать.

Но вотъ гдѣ-то вдали глухо прозвучали часы. По едва слышному, но крѣпкому металлическому тону старой пружины, Синтянина сообразила, что это пробили часы внизу, въ той большой комнатѣ, куда въ приснопамятный вечеръ провалился Водопьяновъ, и только что раздался послѣдній ударъ, какъ послышался какой-то глухой шумъ. Лара крѣпко сжала руку Синтяниной и, приложивъ палецъ къ своимъ губамъ, шепнула: «слушай!» Синтянина привстала, приблизила ухо къ открытому отверстію печного отдушника, на который указала Лариса, и, напрягая слухъ, стала вслушиваться. Сначала ничего нельзя было разобрать, кромѣ гулу, отдававшагося отъ двухъ голосовъ, которые говорили между собою въ круглой залѣ; но мало-по-малу стали долетать членораздѣльные звуки и наконецъ явственно раздалось слово «ошибка».

Это былъ голосъ Висленева.

— Ну, такъ теперь терпи, если ошибся, — отвѣчалъ ему Гордановъ.

— Нѣтъ, я уже два года кряду терпѣлъ и болѣе мнѣ надоѣло терпѣть приходить въ роли сумасшедшаго.

— Надоѣло! ты еще не пивши говоришь уже, что кисло.

— Да, да, не пивши... именно, не пивши: мнѣ надоѣло стоять по уста въ водѣ и не смѣть напиться. Я одурѣлъ и отупѣлъ въ этой вѣчной истомѣ и вижу, что я служу только игрушкой, которую заводятъ то на спиритизмъ, то на сумасшествіе... Я, по ея милости, сумасшедшій... Пони-

маешь: кровь, голова... все это горитъ, сердце... у меня уже сдѣлалось хроническое трепетаніе сердца, пульсъ постоянно дрожитъ какъ струна, и все вокругъ мутится, все путается, и я какъ сумасшедшій; между тѣмъ какъ она загадываетъ мнѣ загадку за загадкой, какъ сказочная царевна Иванудурачку.

— Но нельзя же, милый другъ, чтобы такая женщина, какъ Глафира, была безъ своихъ капризовъ. Вѣдь всѣ онѣ такія, красавицы-то.

— Ну, лжешь, моя сестра не такая.

— А почему ты знаешь?

— Я знаю, я вижу: ты изъ нея что хочешь дѣлаешь, и я тебѣ помогалъ, а ты мнѣ не хочешь помочь.

— Какой чортъ вамъ можетъ помочь, когда вы другъ друга упрямѣе: она своею вѣрой прониклась, и любитъ человѣка, а не хочетъ его осчастливить безъ брака, а ты не умѣешь ничего устроить.

— Я устроилъ-съ, устроилъ: я жизнью рисковалъ: еслибъ это такъ не удалось, и лошадь не опрокинулась, то Водопьяновъ могъ бы меня смять и самого въ пропасть кинуть.

— Разумѣется, могъ.

— Да и теперь еще его мальчикъ живъ и можетъ выздоровѣть и доказать.

— Ну, зачѣмъ же это допустить?

— Да; я и не хочу этого допустить. Дай мнѣ, Паша, яду.

— Зачѣмъ? чтобы ты опять ошибся?

— Нѣтъ, я не ошибусь.

— Ну, то-то: Михаилу Андреевичу и безъ того недолго жить.

— Недолго! нѣтъ-съ, онъ такъ привыкъ жить, что, пожалуй, еще десять лѣтъ протянетъ.

— Да, десять-то, пожалуй, протянетъ, но ужъ не больше.

— Не больше! не больше, ты говоришь? Но развѣ можно ждать десять лѣтъ?

— Это смотря по тому, какова твоя страсть?

— Какова страсть!—воскликнулъ Висленевъ.—А вотъ-съ какова моя страсть, что я его этимъ на сихъ же дняхъ покончу.

— Ты дѣйствуешь очертя голову.

— Все равно, мнѣ все равно: я ужъ самъ себѣ надоѣлъ: я не хочу болѣе слыть сумасшедшимъ.

— Межъ тѣмъ какъ въ этомъ твое спасеніе: этакъ ты хоть и попадешься, такъ тебя присяжные оправдаютъ, но я тебѣ не совѣтую, и ядъ тебѣ далъ для мальчишки.

— Ладно, ладно,—твое дѣло было дать, а я распоряжусь, какъ захочу.

— Ну, чортъ тебя возьми,—ты въ самомъ дѣлѣ какая-то отчаянная голова.

— Да, я на все рѣшился.

Щелкнулъ дверной замокъ, и руки Ларисы вторили ему, щелкнувъ въ своихъ суставахъ.

— Ты поняла?—спросила она, сдѣлавъ надъ ухомъ Спиртяниной трубку изъ своихъ холодныхъ ладоней.

Та сжала ей въ отвѣтъ руки.

— Такъ слушай же,—залепетала ей на ухо Лара.—Точно такъ они говорили за четыре дня назадъ: братъ хотѣлъ взбунтовать мужиковъ, зажечь заводъ и выманить Бодростина, а мужики убили бы его. Потомъ третьяго дня онъ опять приходилъ въ два часа къ Горданову и говорилъ, что на мужиковъ не надѣется и хочетъ самъ привести планъ въ исполненіе: онъ хотѣлъ выскочить изъ куста навстрѣчу лошади на мосту и разсчитывалъ, что это сойдетъ ему, потому что его считаютъ помѣшаннымъ. Вчера жертвой этого сталъ Водоньяновъ, завтра будетъ мальчикъ, послѣзавтра Бодростинъ... Это ужасно! ужасно!

— Лара! скажи же мнѣ, зачѣмъ ты здѣсь: зачѣмъ ты съ ними?

Больная заломала руки и прошипѣла:

— Я не могу иначе.

— Почему?

— Это тайна: этотъ дьяволъ связалъ меня съ собою.

— Разорви эту тайну.

— Не могу: я низкая, гадкая женщина, у меня нѣтъ силы снести наказаніе и срамъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, отчего ты больна?

— Отъ страха, отъ ужасныхъ открытій, что я была женой честнаго человѣка и теперь жена разбойника.

— Жена!.. Ты сказала «жена»?

— Н....да, нѣтъ, но это все равно.

— Совсѣмъ не все равно.

— Ахъ, нѣтъ, оставь объ этомъ... Я испугалась, узнавъ, что онъ раненъ,—залепетала Лара, стараясь замять вопросы

Александры Ивановны, и разсказала, что она попала сюда по требованію Горданова. Здѣсь она убѣдилась, что онъ не имѣетъ никакой раны, потомъ услыхала переговоры Горданова съ братомъ, съ которымъ они были притворно враги и не говорили другъ съ другомъ, а ночью сходились въ нижней залѣ и совѣщались. Взволнованная Лариса кинулась, чтобы помѣшать имъ, и упала въ тотъ самый люкъ, куда тихо сползъ съ ковромъ Водопьяновъ, но она не была такъ счастлива, какъ покойный Свѣтозаръ, и сильно повредила себѣ плечо.

— И потомъ,—добавляла она:—они съ братомъ... угрожали мнѣ страшными угрозами... и я вызвала тебя и дядю... Они боятся тебя, твоего мужа, дядю и Евангела... Они васъ всѣхъ оклевещутъ.

— Пустяки,—отвѣчала генеральша:—пустяки: намъ они ничего не могутъ сдѣлать; но этого такъ оставить нельзя, когда людей убиваютъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Предъ послѣднимъ ударомъ.

Атмосфера бодростинскаго дома была Синтянинои невыносима, и она всячески желала разстаться съ этимъ гнѣздомъ. Утромъ горничная Глафиры Васильевны доставила Александрѣ Ивановнѣ записку, въ которой хозяйка, жалуясь на свое разстроенное состояніе, усердно просила гостью навѣстить ее. Отказать въ этомъ не было никакого основанія, и генеральша, приведя въ порядокъ свой туалетъ, отправилась къ Бодростиной. Лара тѣмъ временемъ также хотѣла привести себя въ порядокъ. Больной, казалось, было лучше, то-есть она была крѣпче на ногахъ и менѣе нервна, но зато болѣе пасмурна, несообщительна и тѣмъ сильнѣе напоминала собою прежнюю Лару.

Такъ отозвалась о ея здоровьѣ Бодростиной Синтянина, когда онѣ сѣли вдвоемъ за утренній кофе въ Глафириномъ кабинетѣ.

Бодростина казалась нѣсколько утомленною, что было и не диво для такого положенія, въ которомъ находились дѣла; однакоже, она дѣлала надъ собою усилія и въ своей любезности дошла до того, что, усаживая Синтянину, сама подвинула ей подъ ноги скамейку. Но предательскій лѣвый

глазъ Глафиры не хотѣлъ гармонировать съ мягкостью выраженія другого своего товарища и вертѣлся, и юлилъ, и шпилилъ собесѣдницу, стараясь проникать сокровеннѣйшіе углы ея души.

Глафира говорила о Ларѣ въ тонѣ мягкомъ и снисходительномъ, хотя и не безобидномъ; о Гордановѣ — съ презрѣніемъ, близкимъ къ ненависти, о Висленевѣ — съ жалостью и съ иронісй, о своемъ мужѣ — съ величайшимъ почтеніемъ.

— Одна его безконечная терпимость можетъ обернуть къ нему всякое сердце, — говорила она, давая сквозь эти слова чувствовать, что ея собственное сердце давно оборотилось къ мужу.

Безцѣльный и безсодержательный разговоръ этотъ докончилъ тягостное впечатлѣніе бодростинскаго дома на генеральшу, и она, возвратись къ Ларисѣ, объявила ей, что желаетъ непремѣнно съѣздить домой.

Къ удивленію Синтянинной, Лара ей нимало не противорѣчила: напротивъ, она даже какъ будто сама выживала се. Такія быстрыя и непостижимыя перемѣны были въ характерѣ Ларисы, и генеральшѣ оставалось воспользоваться новымъ настроеніемъ больной. Она сказала Ларѣ, что будетъ навѣщать ее, и уѣхала безъ всякихъ уговоровъ и удержекъ со стороны Ларисы. Съ той что-то подѣлалось въ тѣ полтора-два часа, которые Синтянина просидѣла съ Бодростиной. Въ этомъ и не было ошибки: тотчасъ по уходѣ Синтянинои, Лара, едва держась на ногахъ, вышла изъ комнаты и черезъ часъ возвратилась вся блѣдная, разстроенная и упала въ кресло, сжимая рукой въ карманѣ блузы небольшой бумажный сверточекъ. Это, по ея соображеніямъ, былъ тотъ самый ядъ, о которомъ братъ ея разговаривалъ ночью съ Гордановымъ. Лара похитила этотъ ядъ съ тѣмъ, чтобъ устранить преступленіе; но, рѣшась на этотъ шагъ, она не имѣла силы владѣть собою, и потому, когда къ ней заглянулъ въ двери Гордановъ, она сразу почувствовала себя до того дурно, что тотъ бросился, чтобы поддержать ее и безъ умысла взялъ ее за руку, въ которой была роковая бумажка.

Лара вскрикнула и, борясь между страхомъ и слабостью, пыталась взять ее назадъ.

— Отдай,—говорила она:—отдай мнѣ это... я уничтожу...

— А ты это взяла сама?

Лара молчала.

— Ты это сама взяла?.. Какъ ты узнала, что это такое?

— Это ядъ.

— Какъ ты узнала это, несчастная?

— Здѣсь все слышно.

Гордановъ торопливо высыпалъ за форточку порошокъ и, разорвавъ на мелкіе кусочки бумажку, пристально посмотрѣлъ на стѣны Ларисиной комнаты, и, поровнявшись съ мѣднымъ печнымъ отдушникомъ, остолбенѣлъ: черезъ этотъ отдушникъ слышно было тихое движеніе мягкой щетки, которою слуга мелъ круглую залу въ нижнемъ этажѣ павильона.

«Вотъ такъ штука», — подумалъ Гордановъ и спросилъ Ларису, гдѣ эту ночь спала Синтянина. Узнавъ, что она спала именно здѣсь, вблизи этого акустическаго отверстія, Гордановъ прошипѣлъ:

— Такъ и она слышала?

Лариса молчала.

— И кто же, она или ты рѣшили взять это?

Гордановъ указалъ на окно, за которое выбросилъ порошокъ.

Лара молчала.

— Она или ты? — повторилъ Гордановъ. — Что же, скажете вы или нѣтъ? Слышите, Лара?

— Она,—прошептала Лариса.

— Ага!

И Гордановъ вышелъ, вскорѣ смѣненный Александрой Ивановной, на которую Ларисѣ теперь было неловко и совѣстно смотрѣть и за которую она даже боялась.

Вотъ въ чемъ заключалась причина непонятной перемѣны въ Ларисѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Воръ у вора дубинку укралъ.

Александра Ивановна, рѣшивъ, что всего случившагося нельзя оставлять безъ вниманія, напрасно ломала голову, какъ открыть мужу то, что она слышала и чего боялась. Генералъ встрѣтилъ ее тѣмъ, что просилъ успокоиться и сказалъ, что ему все извѣстно. И съ этихъ поръ она убѣ-

дилась, что мужъ ея, дѣйствительно, все знаетъ. Прошелъ мѣсяцъ, Александра Ивановна наслаждалась тишиной своего домашняго житья-бытья, которое, ей казалось, стало тихимъ и пріятнымъ послѣ пребыванія въ бодростинскомъ домѣ, откуда порой лишь доходили до нея нѣкоторыя новости.

Но одно, повидимому, весьма простое обстоятельство смутило и стало тревожить Александру Ивановну. Вскорѣ по возвращеніи ея отъ Бодростиныхъ, Иванъ Демьяновичъ получилъ изъ Петербурга письмо, котораго, разумѣется, никому не показалъ, но сказалъ, что это пишетъ ему какой-то его старый другъ Семенъ Семеновичъ Ворошиловъ, который будто бы ѣдетъ сюда въ ихъ губернію, чтобы купить здѣсь себѣ на старость лѣтъ небольшое имѣньице на деньги, собранныя отъ тяжкихъ и честныхъ трудовъ своей жизни.

Въ извѣстіи этомъ, какъ видимъ, не было ничего необыкновеннаго, но оно смутило Александру Ивановну, частію по безотчетному предчувствію, а еще болѣе по тому особенному впечатлѣнію, какое письмо этого «нѣкоего Ворошилова» произвело на генерала, ожививъ и наэлектризовавъ его до того, что онъ, несмотря на свои немощи, во что бы то ни стало, непремѣнно хотѣлъ ѣхать встрѣчать своего друга въ городъ. Александрѣ Ивановнѣ стоило бы большого труда удержать мужа отъ этой поѣздки, да можетъ-быть она въ этомъ и вовсе не успѣла бы, если бы, къ счастію ея, подъ тотъ день, когда генералъ ожидалъ пріѣзда Ворошилова, у воротъ ихъ усадьбы позднимъ вечеромъ не остановился извозчичій экипажъ, изъ котораго вышелъ совершенно незнакомый человѣкъ. Гость былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, плотный, высокаго роста, гладко выбритый, въ старомодномъ картузѣ съ коричневымъ бархатнымъ околышемъ и въ старомодной шинели съ капюшономъ.

Онъ обратился съ вопросомъ къ встрѣтившему его на дворѣ работнику и затѣмъ прямо направился къ крыльцу.

— Кто бы это такой? — вопросила Александра Ивановна, глядя на дверь, въ которую долженъ былъ войти незнакомецъ.

Сидѣвшій тутъ же генералъ не могъ отвѣтить женѣ на этотъ вопросъ и только пожалъ плечами и всталъ съ мѣста.

Александрѣ Ивановнѣ показалось, что мужъ ея находится въ нѣкоторомъ смущеніи, и она не ошиблась. Когда гость появился въ передней и спросилъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ генерала, тотъ, стоя на порогѣ зальной двери, въ недоумѣніи отвѣтилъ:

— Я самъ-съ, къ вашимъ услугамъ. Съ кѣмъ имѣю честь видѣться?

— Карташовъ,—тихо произнесъ гость, глядя черезъ свои золотые очки.

Звукъ этой фамиліи толкнулъ генерала, какъ электрическая искра. Онъ живо протянулъ пріѣзжему руку и произнесъ:

— Я васъ ждалъ завтра.

— Я поторопился и пріѣхалъ ранѣе.

— Прошу васъ въ мой кабинетъ.

И гость, и хозяинъ скрылись въ маленькую комнату, куда генералъ потребовалъ свѣчи, и сюда же ему и гостю подавали чай.

Бесѣда ихъ продолжалась очень долго, и генеральша, посылая туда стаканы чая, никакъ не могла себѣ уяснить, что̀ это за господинъ Карташовъ, про котораго она ни когда ничего не слыхала.

Ближе видѣть этого гостя ей не удалось: онъ уѣхалъ поздно, прямо изъ кабинета, и въ залъ не входилъ.

На другое утро Александра Ивановна полюбопытствовала спросить о немъ и получила отъ мужа отвѣтъ, что это есть тотъ самый его пріятель, котораго онъ ожидалъ.

«Старый пріятель, и между тѣмъ они встрѣтились такъ, какъ будто въ глаза одинъ другого никогда не видали. Нѣтъ, это что-нибудь не такъ», — подумала генеральша, поглядѣвъ въ глаза мужу, спросила его:—какъ же это онъ называлъ своего пріятеля Ворошиловымъ, когда этотъ носитъ фамилію Карташовъ?

— Ну ужъ такъ-съ,—отвѣчалъ генералъ.—А впрочемъ я не помню, чтобъ онъ называлъ себя Карташовымъ?

— Но я это слышала.

— Могла ослышаться.

— Такъ какая же его настоящая фамилія: Карташовъ или Ворошиловъ?

— Ворошиловъ-съ, Ворошиловъ, Семенъ Семенычъ Ворошиловъ, прекраснѣйшій человѣкъ; онъ завтра у насъ б

детъ обѣдать, и съ нимъ пріѣдетъ еще его землемѣръ, простой очень человѣкъ.

— И у того двѣ фамиліи?

— Нѣтъ-съ, одна: его зовутъ Андрей Парфенычъ Перушкинъ.

Генеральша улыбнулась.

— Что же тутъ смѣшного?

— Такъ, я думаю объ этой фамиліи.

— Фамилія самая обыкновенная.

— Даже очень мягкая и пріятная. Я читала, что Крыловъ одинъ разъ нарочно нанялъ себѣ квартиру въ домѣ, хозяинъ котораго назывался Блиновъ. Ивану Андреевичу очень понравился звукъ этой фамиліи, и онъ рѣшилъ, что это непремѣнно очень добрый человѣкъ.

— А вышло что?

— А вышло, что это былъ большой сутяга и плутъ.

— Вотъ какъ! Ну, разумѣется, фамиліи Бодростинъ, или Гордановъ, или Висленевъ гораздо лучше звучатъ, — отвѣчалъ съ неудовольствіемъ генералъ, не отвыкшій ядовито досадовать на свою кантонистскую фамилію.

Этимъ разговоръ о новопріѣзжихъ гостяхъ и окончился, а на другой день они препожаловали сами, и большой Ворошиловъ въ своихъ золотыхъ очкахъ и въ шинели, и Андрей Парфеновичъ Перушкинъ, маленькій кубарикъ, съ крошечными, острыми коричневыми глазками, съ толстыми, выпуклыми пунцовыми щечками, какъ у рисованнаго амура. Они пріѣхали вмѣстѣ и привезли съ собой что-то длинное, завернутое въ рогожу, и прямо съ этою кладью проникли опять въ кабинетъ Ивана Демьяновича, гдѣ и оставались до самаго обѣда. Александра Ивановна увидала ихъ только за столомъ и не могла перестать удивляться, что ни Ворошиловъ вовсе не похожъ на помѣщика, а весь типичный петербургскій чиновникъ стариннаго закала, ни Перушкинъ не отвѣчаетъ приданной ему землемѣрской профессіи, а имѣетъ всѣ пріемы и замашки столичнаго мѣщанина изъ разряда занимающихся хожденіемъ по дѣламъ.

Впрочемъ, оба они были несомнѣнно люди умные, ловкіе и, что называется, «бывалые» и немножко оригиналы. Особенно такимъ можно назвать было Перушкина, который казался человѣкомъ беззаботнѣйшимъ и невиннѣйшимъ; зналъ бездну анекдотовъ, умѣлъ ихъ разсказывать; ядовито

острилъ простонароднымъ языкомъ и овладѣлъ вниманіемъ глухонѣмой Вѣры, показывая ей разные фокусы съ кольцомъ, которое то исчезало изъ его сжатой руки, то висѣло у него на лбу, то моталось на спаленной ниткѣ.

Генералъ послѣ бесѣды съ этими гостями былъ необыкновенно веселъ: румянецъ полосами выступалъ у него вверху щекъ, онъ точно скинулъ съ костей десять лѣтъ и даже бравировалъ, шаркая ногами и становясь предъ открытою форткой.

Ворошиловъ оказался тоже человѣкомъ крайне любезнымъ: онъ говорилъ съ генеральшей такъ, какъ будто давно зналъ ее, и просилъ у нея фотографическую карточку, чтобъ отослать своей женѣ, но Синтянина ему въ этомъ должна была отказать, потому что она съ прошлаго года не дѣлала своихъ портретовъ, и послѣдній отдала Ларѣ, которая желала его имѣть.

Послѣ обѣда гости снова заперлись въ кабинетѣ съ генераломъ, а вечеромъ Перушкинъ, для забавы Вѣры, магнетизировалъ пѣтуха, бралъ голою рукой раскаленную самоварную конфорку, показывалъ, какъ можно лить фальшивыя монеты съ помощью одной распиленной колодочки и, измявъ между ладонями мякишъ пеклеваннаго хлѣба, изумительно отчетливо оттиснулъ на клочкѣ почтовой бумажки водянистую сѣть ассигнаціи.

Наблюдая этого занимательнаго человѣка, Александра Ивановна совсѣмъ перестала вѣрить, что онъ землемѣръ, и имѣла къ тому основанія, хотя и Ворошиловъ, и Перушкинъ говорили при ней немножко объ имѣніяхъ и собирались съѣздить къ Бодростину, чтобы посовѣтоваться съ нимъ объ этомъ предметѣ: но явилось новое странное обстоятельство, еще болѣе убѣдившее Синтянину, что всѣ эти разговоры о покупкѣ имѣнія не болѣе какъ выдумка, и что цѣль пріѣзда этихъ господъ совсѣмъ иная.

Обстоятельство это заключалось въ томъ, что къ генеральшѣ на другой день пришелъ Форовъ, и, увидя Ворошилова и Перушкина, началъ ее увѣрять, что онъ видѣлъ, какъ эти люди въѣзжали съ разносчиками въ бодростинскую деревню.

— Что вы за вздоръ говорите, майоръ?

— Истина, истина: я самъ ихъ видѣлъ и не могу ихъ не узнать, несмотря на то, что они гримированы мастерски

и костюмировались такъ, какъ будто цѣлый вѣкъ проходили въ тулупахъ: эти лица были ваши гости Ворошиловъ и Перушкинъ. Я поздравляю васъ: мы въ средѣ самыхъ достопочтенныхъ людей.—И майоръ захохоталъ и добавилъ:— воръ у вора дубинку-съ крадетъ! Генеральша хотѣла спросить мужа, что значитъ этотъ непонятный маскарадъ, цѣль и значеніе котораго Иванъ Демьяновичъ непремѣнно зналъ, но рѣшила лучше не спрашивать, потому что все равно ничего бы не узнала.

Между тѣмъ всякій день приносилъ ей новыя подозрѣнія. Такъ, прислуга, отодвигая отъ стѣны на средину комодъ въ кабинетѣ генерала, набрела на тѣ палки, которыя привезли Ворошиловъ и Перушкинъ, и генеральша, раскрывъ машинально рогожу, въ которую онѣ были увернуты, открыла, что эти палки не что иное, какъ перила моста, съ котораго упалъ Водопьяновъ. Одни концы этихъ палокъ изломаны, другіе же — гладко отрѣзаны пилой и припечатаны тремя печатями, изъ которыхъ въ одной Александрѣ Ивановнѣ не трудно было узнать печать ея мужа. Далѣе въ этомъ же свертокѣ нашлась и маленькая ручная пила съ щегольскою точеною ручкой... Что все это за таинственности? Генеральша ждала со дня на день Форову, но та не пріѣзжала сама и ничего не писала изъ Петербурга.

Ворошиловъ и Перушкинъ два дня не являлись, но зато изъ бодростинскихъ палестинъ пришли вѣсти, что у крестьянъ совсѣмъ погибаетъ весь скотъ, и что они приходили гурьбой къ Бодростину просить, чтобъ онъ выгналъ изъ села остатки своего фабричнаго скота. Бодростинъ ихъ прогналъ; былъ большой шумъ, и въ дѣло вмѣшался чиновникъ, разслѣдовавшій причины смерти Водопьянова, и грозилъ послать въ городъ за военною командой. По селу, говорятъ, бродятъ какіе-то знахари и заговорщики и между ними будто бы видѣли Висленева, который тоже совсѣмъ присталъ къ чародѣямъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Огненный змѣй.

Вблизи бодростинской усадьбы есть Аленинъ Верхъ. Это большая котловина среди дремучаго лѣса. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ не отборный, а мѣшанный, и оттого, что ни дерево,

то и своя особая физіономія и фигура: тутъ коренастые серьезные дубы, пахучія липы, въ цвѣтахъ которыхъ лѣтомъ гудятъ рои пчелъ, косматая ива, осины, клены, березы, дикая яблонь, черемуха и рябина,—все это живетъ здѣсь рядомъ, и оттого здѣшняя зелень пестра, разнообразна и дробится на множество оттѣнковъ. Теперь, осенью, разумѣется, не то: суровые вѣтры оборвали и разнесли по полямъ и оврагамъ убранство деревьевъ, но и бѣлое рубище, въ которое облекла ихъ приближающаяся зима, на каждаго пала по-своему: снѣговая пыль, едва кое-гдѣ мелкими точками сѣвшая по гладкимъ вѣтвямъ липъ и отрогамъ дубовъ, сверкаетъ серебряною пронизью по сплетенію ивы; кучами лежитъ она на грушахъ и яблоняхъ, и длинною вожжей повисла вдоль густыхъ, тонкихъ прутьевъ плакучей березы. Совсѣмъ иначе разсеребрила эта бѣлая пороша поднизи елей и сосенъ, и еще иначе запорошила она мохнатые, зеленые кусты низкаго дрока и рослой орѣшины, изъ-за которыхъ то здѣсь, то тамъ выглядывали красныя кисти рябины.

Таковъ былъ этотъ лѣсъ тою порой, когда бодростинскіе крестьяне собрались добывать въ немъ *живой огонь*, который, по народному повѣрью, долженъ былъ *попалить коровью смерть*.

Добываніе огня, какъ послѣднее, крайнее и притомъ несомнѣнно дѣйствительное средство, было нѣсколько дней тому назадъ: мѣсто для этого было избрано на большой луговинѣ, гдѣ стояла лѣсничья избушка. Это было широкое, ровное мѣсто, окруженное съ трехъ сторонъ рослыми деревьями и кустами, тогда какъ съ четвертой его стороны шла проѣзжая дорога. За этимъ проселкомъ начинался пологій скатъ, за которымъ ниже разстилалась обширная ровная площадь, покрытая лѣтомъ густою шелковистою травой, а теперь заледенѣвшая и скрытая сплошь снѣжнымъ налетомъ: это бездонное болото, изъ котораго вытекаетъ рѣка.

Временемъ для добыванія огня назначался вечеръ Михайлова дня. Сельскіе знахари и звѣздочеты утверждаютъ, что огонь, добытый въ этотъ день чествованія перваго архангела небесныхъ воинствъ, непобѣдимъ и всемогущъ, какъ часть огненной силы покорныхъ великому стратигу ополченныхъ духовъ.

Пять дней тому назадъ, стариковскою радой, собравшеюся на задокъ за половнями, было рѣшено на Михай-

ловъ день уничтожить весь старый огонь и добыть новый, живой, изъ «непорочнаго дерева».

Тайнодѣйствіе это всѣмъ селомъ ждалось не безъ нетерпѣнія и не безъ священнаго страха: о немъ или тихія рѣчи вечерами въ избахъ, освѣщенныхъ лучиной, и такая же тихая, но плывучая молва объ этомъ обтекла окрестныя села. Вездѣ, куда ее доносило, она была утѣшительницей унавшихъ духомъ отъ страха коровьей смерти бабъ; она осѣняла особенною серьезностію пасмурныя лица унывшихъ мужиковъ и одушевляла нетерпѣливою радостью обоего пола подростковъ, которыхъ молодая кровь скучала въ дымныхъ хатахъ и чуяла раздольный вечеръ огничанья въ лѣсу, гдѣ должно собираться премного всякаго народа, и гдѣ при всѣхъ изъявится чудо: изъ холоднаго дерева закурится и полохнетъ пламенемъ сокрытый живой огонь.

Еще день спустя, старики вновь сошлись на маслобойнѣ у богатаго мужика, у котораго пали всѣ его восемь коровъ. Тутъ дѣды рядили: кому быть главаремъ, чтобъ огневымъ дѣломъ править? Не полагаясь на самихъ себя, они постановили привезть на то изъ далекой деревни стараго мужика, по прозванію Сухого Мартына, да дать ему въ подмогу кузнеца Ковзу, да еще Памфилку-дурачка, на томъ основаніи, что кузнецъ по своему ремеслу въ огнѣ толкъ знаетъ, а Памфилка дуракъ «Божій человѣкъ». Міру же этихъ возлюбленныхъ и призванныхъ къ дѣлу людей безперечь во всемъ слушаться.

Сталося по сказанному, какъ по писанному: привезенъ былъ изъ далекаго села высокій, какъ свая, бѣлый, съ бородой въ прозелень, столѣтній мужикъ Сухой Мартынъ, и повели его старики по дорогамъ мѣсто выбирать, гдѣ живой огонь тереть.

Сухой Мартынъ выбралъ для этого барскую березовую рощу за волокомъ, но Михаилъ Андреевичъ не позволилъ здѣсь добывать огня, боясь, что лѣсъ сожгутъ. Принасупилось крестьянство и повело Мартына по другимъ путямъ, и сталъ Мартынъ на взлобочкѣ за гуменникомъ и молвилъ:

— Вотъ тутотка тоже намъ будетъ, православные, Господу помолиться и на бродячую смерть живой огонь пустить.

Но Михаилъ Андреевичъ и здѣсь не дозволилъ этой радости: не ладно ему казалось сосѣдство огня съ скирдами сухой ржи и пшеницы.

Вдвое противъ прежняго огорчились мужики, и прошло сквозь нихъ лукавое слово, что не хочетъ баринъ конца бѣдѣ ихъ и горести, и что, напротивъ того, видно любо ему гореванье ихъ, такъ какъ и допрежь сего не хотѣлъ онъ ни мудренаго завода своего не ставить, ни выгнать накупной скотъ, отъ котораго вокругъ моръ пошелъ.

И ворча про себя, повелъ народъ Сухого Мартына на третій путь: на сосѣднюю казенную землю. И вотъ сталъ Мартынъ на прогалинѣ, оборотясь согнутою спиной къ лѣсничьей хатѣ, а лицомъ—къ бездонному болоту, изъ котораго течетъ лѣсная рѣка; сорвалъ онъ съ куста три кисти алой рябины, проглотилъ изъ нихъ три зерна, а остальное заткнулъ себѣ за ремешокъ старой рыжей шляпы и, обведя костылемъ по воздуху вокругъ всего лѣса, топнулъ трижды лаптемъ по мерзлой грудѣ и, воткнувъ тутъ костыль, молвилъ:

— Здѣсь, ребята, сведемъ живъ огонь на землю!

Снялъ Мартынъ съ своей сѣдой головы порыжѣлый шлыкъ, положилъ на себя широкій крестъ и сталъ творить краткую молитву, а вокругъ него, крестяся, вздыхая и охая, зашевелились мужики, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ билъ въ груду Мартыновъ лапоть, высился уже длинный шестъ и на немъ наверху торчалъ голый коровій черепъ.

Мѣсто было облюбовано и занято, и было то мѣсто не барское, а на государевой землѣ, въ Божьемъ лѣсу, гдѣ, мнилося мужикамъ, никто имъ не можетъ положить зарока низвесть изъ древа и воздуха живой огонь на землю.

И повелѣлъ потомъ мужикамъ Сухой Мартынъ, чтобы въ каждой избѣ была жарко вытоплена подовая печь, и чтобъ и старъ и младъ, и парень и дѣвка, и старики и малые ребята, всѣ въ тѣхъ печахъ перепарились, а женатый народъ съ того вечера чтобы про женъ позабылъ до самой до той поры, пока сойдетъ на землю и будетъ принесенъ во дворъ новый живой огонь.

О сумеркахъ Ковза кузнецъ и дурачокъ Намфилка изъ двора во дворъ пошли по деревнѣ повѣщать народу мыться и чиститься, отерещися женъ и готовиться видѣть «Божье чудесо». Подойдутъ къ волоковому окну, стукнутъ палочкой, крикнутъ:

«Печи топите, мойтеся, правьтеся, женъ берегитеся: завтра огонь на коровью смерть!»—И пойдутъ далѣе.

Не успѣли они такимъ образомъ обойти деревню изъ двора во дворъ, какъ ужъ на томъ концѣ, съ котораго они начали, закурилася не въ урочный часъ лохматая, низкая кровля, а черезъ часъ все большое село, какъ китъ на морѣ, дохнуло: сизый дымъ взмылъ кверху какъ покаянный вздохъ о грѣховномъ роботѣ, которымъ въ горѣ своемъ согрѣшилъ народъ, и, разостлавшись облакомъ, пошелъ по поднебесью; изъ щелей и изъ оконъ поползъ на просторъ густой потный паръ, и изъ темныхъ дверей то одной, то другой избы стали выскакивать до-красна взгрѣтые мужики. Тутъ на морозцѣ терлись они горстями молодымъ, чуть покрывавшимъ землю снѣжкомъ и снова ныряли, какъ куклы, въ ящикъ.

Еще малый часъ, и все это стихло: село погрузилось въ сонъ. Въ воздухѣ только лишь пахло стынущимъ паромъ, да, глухо кряхтя, копали жизнь въ темныхъ хлѣвушкахъ издыхающія коровы. Да еще снилося многимъ сквозь крѣпкій сонъ, будто вдоль по селу прозвенѣла колокольцемъ тройка, а молодымъ бабамъ, что спали теперь, исполняя завѣтъ Сухого Мартына, на горячихъ печахъ, съ непривычки всю ночь до утра мерещился огненный змѣй: обвивалъ онъ ихъ своими жаркими кольцами; жегъ и путалъ цѣпкимъ хвостомъ ноги рѣзвыя; туманилъ глаза, вѣя на нихъ крыльями; не давалъ убѣгать, приплющивалъ крѣпкою чарой, медомъ, расписнымъ пряникомъ, и, ударяясь о сыру-землю, скидывался отъ разу стройнымъ молодцомъ, въ картузѣ съ козырькомъ на лихихъ кудряхъ, и ласкался опять и трясъ въ карманахъ серебромъ и орѣхами, и гдѣ силой, гдѣ ухваткой, улещалъ и обманывалъ.

И пронесся онъ, этотъ огненный змѣй, изъ двора во дворъ, вдоль всего села въ архангельскую ночь, и смутилъ онъ тамъ все, что было живо и молодо, и прошла о томъ вѣсть по всему селу: со стыда рдѣли, говоря о томъ одна другой говорливыя, и никли робкими глазами скромницы, никогда не чаявшія на себя такой напасти, какъ слетъ огненнаго змѣя.

Сухой Мартынъ самъ только головой трясъ, да послалъ ребятъ, чтобъ около коровьей головы въ Аленином Верху повѣсили сухую змѣиную сорочку, да двухъ сорокъ вниз головами, что и было исполнено.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Событія ближатся.

Михаилъ Андреевичъ узналъ случайно объ этомъ казусѣ отъ Висленева, спозаранку шатавшагося между крестьянами и къ утреннему чаю явившагося поздравить Бодростина съ наступившимъ днемъ его именинъ. Михаилъ Андреевичъ позабылъ даже о своей досадѣ по случаю сгорѣвшаго завода и о другихъ непріятностяхъ, въ число которыхъ входилъ и крестьянскій ропотъ на заносъ падежа покупнымъ скотомъ. Огненный змѣй, облетѣвшій вдругъ все село и смутившій разомъ всѣхъ женщинъ, до того разсмѣшилъ его, что онъ, расхохотавшись, не безъ удовольствія поострилъ насчетъ сельскаго цѣломудрія и неразборчивости демона. Висленевъ же объявилъ, что напишетъ объ этомъ корреспонденцію въ «*Revue Spirite*», какъ о случаѣ «эпидемическаго наважденія». Бодростинъ его отговаривалъ.

— Пригрѣло ихъ на печахъ-то, вотъ имъ Адонисы съ орѣхами и съ двугривенными и пошли сниться,— убѣждалъ онъ Жозефа; но тотъ, въ свою очередь, стоялъ на томъ, что это необъяснимо.

— Да и объяснять не стоитъ: однѣ и тѣ же у нихъ фантазіи и одни и тѣ же и сны.

— Нѣтъ-съ, извините, я только не помню теперь, гдѣ это я читалъ, но я непремѣнно гдѣ-то читалъ объ этакихъ эпидемическихъ случаяхъ... Ей-Богу читалъ, ей-Богу читалъ!

— Что жъ, очень можетъ быть, что и читалъ: вздору всякаго много написано.

— Нѣтъ, ей-Богу, я читалъ, и вотъ, позвольте вспомнить, или въ книжкѣ «*О явленіи духовъ*», или въ сборникѣ Кроу, о которомъ когда-то здѣсь же говорилъ Водопьяновъ.

При этомъ имени сидѣвшая въ кабинетѣ мужа Глафира слегка наморщила лобъ

— Да, да, именно или тамъ, или у Кроу, а впрочемъ, привидѣніе съ пёсьею головой, которое показывалось въ Фонтенеблоскомъ лѣсу, вѣдь видѣли всѣ,—спорилъ Висленевъ.

— Полно тебѣ, Бога ради, вѣрить такимъ вздорамъ!— замѣтилъ Бодростинъ.

— Да съ; чего же тутъ не вѣрить, когда и протоколы

объ этомъ составлены, и «слѣдствіе было», какъ говаривалъ покойный Водопьяновъ,—снова брякнулъ Жозефъ.

Глафира строго сверкнула на него лѣвымъ глазомъ.

— А вотъ, позвольте-съ, я еще лучше вспомнилъ,—продолжалъ Висленевъ: — дѣло въ томъ, что однажды цѣлый французскій полкъ заснулъ на привалѣ въ развалинахъ, и чтобъ это было достовѣрно, то я знаю и имя полка; это именно былъ полкъ латуръ-д'овернскій, да-съ! Только вдругъ всѣ солдаты, которыхъ въ полку, конечно, бываетъ довольно много, увидали, что по стѣнамъ ходило одно окровавленное привидѣніе, да-съ, да-съ, всѣ! И этого мало, но всѣ солдаты, которыхъ, опять упоминаю, въ полку бываетъ довольно много, и офицеры почувствовали, что это окровавленное привидѣніе пожало имъ руки. Да-съ; въ одно и то же время всѣмъ, и все это записано въ лѣтописяхъ латуръ-д'овернскаго полка. По крайней мѣрѣ я такъ читалъ въ извѣстной книгѣ бенедиктинца аббата Августина Калмета.

— Но извини меня, милый другъ, а я не знаю ничего на свѣтѣ глупѣе того, о чемъ ты ведешь разговоры,—воскликнулъ Бодростинъ.

— Почему же, другъ мой?—ласково молвила Глафира.

— Потому что я рѣшительно не думаю, чтобы кто-нибудь путный человѣкъ могъ не въ шутку разсуждать о такихъ вещахъ, какъ видѣнія.

— Покойный Водопьяновъ...—перебилъ Висленевъ.

Глафира вспыхнула: ей было ужасно непріятно трепанье этого имени человѣкомъ, совершившимъ съ нимъ то, что совершилъ Жозефъ.

— Ахъ, пощадите отъ этого разговора. Онъ вовсе не кстати, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно о дѣлѣ переговорить съ мужемъ,—замѣтила Глафира, выразительно смотря на Михаила Андреевича.

— Поди, любезнѣйшій, погуляй по воздуху,—обратился Бодростинъ къ Жозефу.

Висленевъ хлопалъ молча глазами.

— Поди же, поди, побѣгай.

— Помилуйте, зачѣмъ же мнѣ гулять, когда я этого совсѣмъ не хочу? Я не дитя и не комнатная собака, чтобы меня насильно гулять водить.

— Да мнѣ это нужно, братецъ, чтобы ты ушелъ! Какъ же ты этого не понимаешь, что я хочу поговорить съ своею женой.

— Вы бы прямо такъ и сказали,—отвѣчалъ Жозефъ и съ неудовольствіемъ началъ искать своей шапки.

— Да вотъ я теперь прямо тебѣ и говорю: ступай вонъ.

Висленевъ только нѣсколько громче чѣмъ слѣдовало затворилъ за собою дверь и молвилъ себѣ:

— Каково положеніе! И, небось, найдутся господа, которые стали бы увѣрять, что и это можно поправить?

Выйдя на крыльцо, Висленевъ остановился и вдругъ потерялъ нить своихъ мыслей при видѣ происходившей предъ нимъ странной сцены. Два молодые лакея, поднимая комки мерзлой земли, отгоняли ими Памфилку-дурака, который плакалъ и, несмотря ни на что, лѣзъ къ дому.

— Чего это онъ? — полюбопытствовалъ Жозефъ, и, къ крайнему своему удивленію, получилъ отвѣтъ, что дурачокъ добивается именно его видѣть.

— Что тебѣ нужно, Памфилъ?

Слюнявый заика Памфилъ подскочилъ къ Висленеву и заговорилъ картавя:

— Псь цейти бьются со мной: я пьисей тебя звать въ свайку игьять, а они бьются. Пойдемъ, дядя, пойдемъ съ тобой въ свайку игьять!—И онъ ухватилъ Висленева подъ локоть и не отпускалъ его, настаивая, чтобы тотъ шелъ съ нимъ играть въ свайку.

Сколько Жозефъ ни отбивался отъ дурака, какъ его ни урезонивалъ, что онъ не умѣетъ играть въ свайку, тотъ все-таки не отставалъ и, махая у него предъ глазами острымъ гвоздемъ, твердилъ:

— Ничего: пойдемъ, пойдемъ...

На счастье Жозефа показался конюхъ съ метлой, и испуганный дурачокъ убѣжалъ; но не успѣлъ Висленевъ пройти полверсты по дорожкѣ за садъ, гдѣ онъ хотѣлъ погулять и хоть немножко размыкать терзавшія его мысли, какъ Памфилъ предъ нимъ снова какъ изъ земли выросъ и опять пошелъ приставать къ нему своею свайкой.

Висленевъ рѣшительно не могъ отвязаться отъ этого дурака, который его тормошилъ, совалъ ему въ руки свайку и наконецъ затѣялъ открытую борьбу, которая ни вѣсть чѣмъ бы кончилась, если бы на помощь Жозефу не подоспѣли мужики, шедшіе дѣлать послѣднія приготовленія для добыванія живого огня. Они отвели дурака и зато узнали отъ Жозефа, что врядъ ли имъ удастся ихъ дѣло и тамъ,

гдѣ они теперь расположились, потому что Михаилъ Андреевичъ послалъ ночью въ городъ просить начальство, чтобъ ихъ прогнали изъ Алешина Верха.

Мужики со злости бросили въ землю топоры, которые несли на плечахъ, и заговорили:

— Да что онъ... попутало его, что ли?

— Музыки его за это вой какъ откостятъ!—вмѣшался дуракъ.

— Нѣтъ; этотъ баринъ грѣха надъ собой ждетъ,—прокатило въ народѣ.

Такъ послѣ ночи огненнаго змѣя въ селѣ Бодростинѣ начался архангельскій день.

Каково-то онъ кончится?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Послѣднія вспышки стараго огня.

Въ эти же часы генералъ Синтянинъ и жена его ѣхали парой въ крытыхъ дрожкахъ въ бодростинскую усадьбу, на именины Михаила Андреевича.

Осень опоздала, и день восьмого ноября былъ еще безъ санпаго пути, хотя земля вся сплошь была засѣяна рѣдкимъ снѣжкомъ. Утро было погожее, но безсолнечное. Экипажъ синтянинскій подвигался тихо,—больной генералъ не могъ выносить скорой ѣзды по мерзлымъ кочкамъ. Было уже около полудня, когда они подъѣхали къ старому лѣсу, въ двухъ верстахъ за бодростинскимъ барскимъ гумномъ, и тутъ замѣтили, что ихъ старый кучеръ вдругъ снялъ шапку и началъ набожно креститься. Генеральша выглянула изъ-ходъ верха экипажа и увидѣла, что на широкой полянѣ, насупротивъ лѣсниковой избушки, три человѣка съ топорами въ рукахъ ладили что-то въ родѣ обыкновенныхъ пильщичьихъ козелъ. Надъ этими козлами невдалекѣ торчалъ высокій колъ съ насаженнымъ на него рогатымъ коровьимъ черепомъ и отбитымъ горломъ глинянаго кувшина; на другомъ шестѣ моталась змѣиная кожа, а по вѣтвямъ деревъ висѣли пряди пакли. Синтянина никакъ не могла понять, для чего собрались здѣсь эти люди, и что̀ такое они здѣсь устраиваютъ; но кучеръ разъяснилъ ея недоразумѣніе, отвѣтивъ, что это готовится огничанье. Разговаривая о «непорочномъ огнѣ», генералъ съ женой не замѣ-

тили, какъ они доѣхали до гуменника, и здѣсь ихъ дрожки покренились набокъ. Кучеръ соскочилъ подвертывать гайку, а до слуха генерала и его жены достигли изъ группы запндившихъ деревьевъ очень странныя слова: кто-то настойчиво повторялъ: «вы должны, вы должны ему этого не позволять и требовать! Что тутъ такое, что онъ баринъ? Чортъ съ нимъ, что онъ баринъ—и въ немъ одно дыханіе, а не два, а государь и начальство всегда за васъ, а не за господъ».

Голосъ этотъ показался знакомымъ и мужу, и женѣ, и когда послѣдняя выглянула изъ экипажа, она совершенно неожиданно увидала Висленева, стоявшаго за большимъ скирдомъ въ сообществѣ четырехъ мужиковъ, которымъ Жозефъ внушалъ, а тѣ его слушали. Замѣтивъ Синтянинныхъ, Іосафъ Платоновичъ смутился и сначала вильнулъ за скирдъ, но потомъ тотчасъ же вышелъ и показался на дорогѣ, между тѣмъ какъ разговаривавшіе съ нимъ мужики быстро скрылись. Генеральша взглянула потихоньку на мужа и замѣтила острый, проницательный взглядъ, который онъ бросилъ въ сторону Висленева. Иванъ Демьяновичъ сталъ громко звать Жозефа.

Тотъ еще болѣе смутился и видимо затруднялся, идти ли ему на этотъ зовъ, или притвориться, что онъ не слышитъ, хотя не было никакой возможности не слыхать, ибо дорога, по которой ѣхали Синтянины, и тропинка, по которой шелъ Висленевъ, здѣсь почти совсѣмъ сходились. Синтянинной непріятно было, зачѣмъ Иванъ Демьяновичъ такъ назойливо его кличетъ, и она спросила: какая въ томъ надобность и что̀ за охота?

— А что-съ? ничего-съ, я хочу его подвезти-съ; онъ далеко отошелъ,—отвѣчалъ генералъ, не глядя въ глаза женѣ.

Висленевъ, наконецъ, долженъ былъ оглянуться и, повернувъ, подошелъ къ проѣзжавшимъ: онъ былъ непозволительно сконфуженъ и перепуганъ и озирался какъ заяцъ.

— Ничего-съ, ничего-съ,—звалъ генералъ:—не конфузьтесь! пожалуйте-ка сюда: прокатитесь съ нами.

И съ этимъ онъ снялъ свою запасную шинель съ передней лавочки дрожекъ и усадилъ тутъ Висленева прямо противъ себя и тотчасъ же началъ допрашивать, не сводя своихъ пристальныхъ, холодныхъ глазъ съ потупленнаго висленевскаго взора.

— Съ мужиками говорили-съ, а? Уменъ русскій мужичокъ, ухъ уменъ! О чемъ, позвольте знать, вы съ ними бесѣдовали-съ?

Генеральшѣ это было ужасно противно, а Висленеву даже жутко, но Иванъ Демьяновичъ былъ немилосердъ и продолжалъ допрашивать... Висленевъ болталъ какой-то вздоръ, къ которому генеральша не прислушивалась, потому что она думала въ это время совсѣмъ о другихъ вещахъ,—именно о немъ же самомъ, жалкомъ, замыканномъ Богъ вѣсть до чего. Онъ ей въ эти минуты былъ близокъ и жалокъ, почти милъ, какъ мило матери ея погибшее дитя, которому уже никто ничего не даритъ, кромѣ заслуженной имъ насмѣшки да укоризны.

Такъ они втроемъ доѣхали до самаго крыльца. Предъ крыльцомъ стояла куча мужиковъ, которые, при ихъ приближеніи, сняли шапки и низко поклонились. На ихъ поклонъ отвѣтили и генералъ, и его жена, но Висленевъ даже не притронулся къ своей фуражкѣ.

— Они вамъ кланяются-съ, а вы не кланяетесь-съ, — сказалъ генералъ. — Это не по-демократически-съ и не хорошо-съ не отвѣчать простому человѣку-съ на его вѣжливость.

Висленевъ покраснѣлъ, быстро оборотился лицомъ къ мужикамъ, поклонился имъ чрезвычайно скорымъ поклономъ и, ни съ того, ни съ сего, шаркнулъ ножкой.

Генералъ разсмѣялся.

Въ домѣ собралось много гостей, пріѣхавшихъ и изъ деревень, и изъ города поздравить Михаила Андреевича, который былъ очень любезенъ и веселъ, вертѣлся попрыгунчикомъ предъ дамами, отпускалъ bons mots направо и налѣво и трясъ своими бѣлыми беранжеровскими кудерьками.

Генералъ и его жена застали Бодростина, сообщавшаго кучкѣ гостей что-то необыкновенно курьезное: онъ то смѣялся, то ставилъ знаки восклицанія и при приближеніи генерала заговорилъ:

— А вотъ и кстати нашъ почтенный генералъ: отвѣтите ли, ваше превосходительство, на вопросъ: въ какое время люди должны обѣдать?

— Говорятъ, что какой-то классическій мудрецъ сказалъ, что «богатый—когда хочетъ-съ, а бѣдный—когда можетъ-съ».

— А вотъ и выходитъ, что вашъ мудрецъ классически соврал!—зачастилъ Бодростинъ:—у насъ бѣдный обѣдаетъ когда можетъ, а богатый—когда ему мужикъ позволитъ.

Генералъ этого не понялъ, а Бодростинъ, полюбовавшись его недоумѣніемъ, объяснилъ ему, что мужики еще вчера затѣяли добывать «живой огонь» и прислали депутацію просить, чтобы сегодня съ сумерекъ во всемъ господскомъ домѣ были потушены всѣ огни и залиты дрова въ печкахъ, такъ чтобы нигдѣ не было ни искорки, потому что иначе добытый новый огонь не будетъ имѣть своей чудесной силы и не попалитъ коровьей смерти.

— Я имъ, разумѣется, отказалъ, — продолжалъ Бодростинъ.—Помилуйте, сколько дней имъ есть въ году, когда могутъ себѣ дѣлать всякія глупости, какія имъ придутъ въ голову, такъ нѣтъ, — вотъ подай имъ непремѣнно сегодня, когда у меня гости. «Нонѣ, говорятъ, Михаилъ Архангелъ живетъ, онъ Божью огненную силу правитъ: намъ въ этотъ самый въ его день надыть».

— Ну, ужъ я слуга покорный, — по ихъ дудкѣ плясать не буду. Велѣлъ ихъ вчера прогнать, а они сегодня утромъ еще гдѣ тебѣ до зари опять собрались чуть не всею гурьбой, а теперь опять... Скажите пожалуйста, какая наглость и вѣдь какова настойчивость. Видѣли вы ихъ?

— Да-съ, видѣлъ-съ,—отвѣчалъ генералъ.

— Не отходятъ прочь да и баста. Три раза посылалъ отгонять—нѣтъ, опять сызнова тутъ. Вѣдь это... воля ваша, нельзя же позволять этимъ лордамъ продѣлывать всякія штуки надъ разжалованнымъ дворянствомъ!..

Въ эту минуту человѣкъ попросилъ Бодростина въ разрядную къ конторщику. Михаилъ Андреевичъ вышелъ и скоро возвратился веселый и, развязно смѣясь, похвалилъ практическій умъ своего конторщика, который присовѣтовалъ ему просто-на-просто немножко припадуть мужиковъ, давъ имъ обѣщаніе, что огней въ домѣ не будетъ, а между тѣмъ праздновать себѣ праздникъ, опустивъ шторы, какъ будто бы ничего и не было.

О планѣ этомъ никто не высказывалъ никакого мнѣнія, да едва ли о немъ не всѣ тотчасъ же и позабыли. Что же касается до генеральши, то она даже совсѣмъ не обращала вниманія на эту перемолвку. Ее занималъ другой вопросъ: гдѣ же Лариса? Она глядѣла на всѣ стороны и

видѣла всѣхъ: даже, къ немалому своему удивленію, открыла въ одномъ углу Ворошилова, который сидѣлъ, утупивъ свои золотые очки въ какой-то кипсекъ, но Лары между гостями не было. Это смутило Синтянину, и она подумала:

«Такъ вотъ до чего дошло: ее считаютъ недостойною порядочнаго общества! ее не принимаютъ! И кто же изгоняетъ ее? Глафира Бодростина! Бѣдная Лара!»

Синтянина пошла къ Ларисѣ.

Она застала Лару одну въ ея комнатѣ во флигелѣ, насупленную и надутую, но одѣтую чрезвычайно къ лицу и по-гостиному... Она ждала, что ее позовутъ, и ждала напрасно. Она поняла, что гостья это видитъ, и спросила ее:

— Ты была уже тамъ?

Синтянина молча кивнула ей утвердительно головой и тотчасъ же заговорила о сторонннхъ пустякахъ, но, увидавъ, что у Лары краснѣютъ вѣки и на рѣснцахъ накипаютъ слезы, не выдержала и, бросясь къ ней, обняла ее. Обѣ заплакали, склонясь на плечо другъ другу.

— Не жалѣй меня,—прошептала Лариса:—я этого стою, и они правы...

— Никто не правъ, обижая другого человѣка съ намѣреніемъ,—отвѣчала Синтянина, но Лара прервала ея слова и воскликнула съ жаромъ:

— О! если бы ты знала, какъ я страдаю!

Въ это время генеральшу попросили къ столу.

— Иди, ради Бога иди,—шепнула ей Лариса.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Красное пятно.

Обѣдъ шелъ очень оживленно и даже весело. Цѣлое море огня съ зажженныхъ во множествѣ бра, люстръ и канделябръ освѣщало большое общество, усѣвшееся за длинный столъ въ высокой бѣлой съ позолотой залѣ въ два свѣта. На хорахъ гремѣлъ хоръ музыки, звуки которой должны были долетать и до одинокой Лары, и до крестьянъ, оплакивавшихъ своихъ коровушекъ и собиравшихся на огничанье.

Этою стороной именинный обѣдъ Бодростина немножко напоминалъ «*Пиръ во время чумы*»: здѣсь шумъ и оживленное веселье, а тамъ за стѣнами одинокія слезы и мірское горе. Но ни хозяинъ, ни гости, никто не думалъ объ

этомъ. Именинникъ сіялъ и разсыпался въ любезностяхъ съ дамами, жена его, снявшая для сегодняшняго торжества свой обычный черный костюмъ и одѣтая въ бѣлое платье съ вѣткой мирты на головѣ, была очаровательна и, вдобавокъ, необыкновенно ласкова и внимательна къ мужу. Зоилы говорили, что этому и должно приписывать перемѣну въ характерѣ Бодростина. Онъ долго ухаживалъ за своею женой послѣ петербургской пертурбаціи съ Казимирой, и цѣломудренная Глафира наконецъ простила ему вѣтреную Казимиру. Она не скрывала этого и постоянно обращалась къ нему съ какимъ-нибудь ласковымъ словомъ при каждомъ антрактѣ музыки, и надо ей отдать справедливость,—каждое ея слово было умно, тонко, сказано у мѣста и въ самомъ дѣлѣ обязывало самыя нельстивыя уста къ комплиментамъ этой умной и ловкой женщинѣ. Старикъ Бодростинъ таялъ; Гордановъ, который сидѣлъ рядомъ съ Висленевымъ, обратилъ на это вниманіе Жозефа, въ которомъ и безъ того кипѣла ревность и опасеніе, что Глафира его совсѣмъ выгонитъ.

— Вижу,—прошепталъ Висленевъ и позеленѣлъ. Ревность душила его.

Обѣдъ уже приходилъ къ концу, какъ внезапно случилось не особенно значительное, но довольно непріятное обстоятельство: подавали шампанское двухъ сортовъ: бѣлое и розовое,—Глафира выбрала себѣ послѣднее.

Заиграли тушъ; всѣ начали поздравлять именинника, а хозяйка въ непзмѣнномъ настроеніи своей любезности встала съ своего мѣста и, обойдя столъ, подошла къ мужу съ намѣреніемъ чокнуться съ нимъ своимъ бокаломъ.

Увидавъ, что жена идетъ къ нему, Михаилъ Андреевичъ быстро схватилъ свой бокалъ и, порывшись въ боковомъ карманѣ своего фрака, поспѣшилъ къ ней навстрѣчу. Они сошлись какъ разъ за спиной Ропшина. Руки ихъ были протянуты другъ къ другу. Въ рукѣ Глафиры былъ бокалъ съ розовымъ шампанскимъ, а въ рукѣ ея мужа — сложенный листъ бумаги, подавая который, Бодростинъ улыбался. Но въ то самое мгновеніе, когда Глафира Васильевна съ ласковою улыбкой сказала: «живи много лѣтъ, Michel», она поскользнулась, и ея вино цѣликомъ выплеснулось на грудь Михаила Андреевича и, пѣнясь, потекло по гофрировкѣ его рубашки, точно жидкая, старческая, пѣнящаяся кровь. Ми-

хапъ Андреевичъ выронилъ бумагу, которую держалъ въ рукахъ. Сконфузившаяся на минуту Глафира взглянула на полъ и сказала:

— Это я поскользнулась о яблочное зерно.—И съ этимъ она быстро взяла полный бокалъ Ропшина, чокнулась имъ съ мужемъ, выпила его залпомъ и, пожавъ крѣпко руку Михаила Андреевича, поцѣловала его въ лобъ и пошла, весело шутя, на свое мѣсто, межъ тѣмъ какъ Бодростинъ кидалъ недовольные взгляды на сконфуженнаго метръ-д-отеля, поднявшаго и уносившаго зернышко, межъ тѣмъ какъ Ропшинъ поднялся и подалъ ему бумагу.

— Спрячь и отдай ей,—отвѣтилъ, не принимая бумаги, Михаилъ Андреевичъ, сидѣвшій съ заправленною за галстукъ салфеткой, чтобы не было видно его виномъ облитой рубашки.

— Что это за бумага?—полюбопытствовалъ послѣ обѣда у Ропшина Висленевъ.

— Отгадайте.

— Почему я могу отгадать?

— Спросите духовъ.

— Нѣтъ, я васъ прошу сказать мнѣ!

— А, если просите, это другое дѣло: это дарственная запись, которою Михаилъ Андреевичъ даритъ Глафирѣ Васильевнѣ все свое состояніе.

Висленевъ разинулъ ротъ.

Межъ тѣмъ Михаилъ Андреевичъ появился переодѣтый въ чистое бѣлье, но гнѣвный и страшно недовольный. Ему доложили, что мужики опять собираются и просятъ велѣть погасить огни. Глафира разсѣяла его гнѣвъ: она предложила прогулку въ Алешинъ Верхъ, гдѣ мужики добываютъ изъ дерева живой огонь, а на это время въ парадныхъ комнатахъ, окна которыхъ видны изъ деревни, погасятъ огни.

— Тѣхъ же господъ, кто не хочетъ идти смотрѣть на проказы нашей русской Титаніи надъ Оберономъ, — добавила она:—я приглашаю ко мнѣ на мою половину.

Но это было напрасно: всѣ хотѣли видѣть проказы русской Титаніи, и вереница экипажей понесла гостей къ Алешину Верху.

Огни въ большинствѣ комнатъ сгасли, и въ домѣ остались только сама госпожа, прислуга, да генеральша, ускользнувшая къ Ларѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Живой огонь

Таинодѣйствіе съ огнемъ началось гораздо ранѣе, чѣмъ гости въ господскомъ домѣ сѣли за праздничную трапезу. Убогій обѣдъ на селѣ у крестьянъ отошелъ на раняхъ, и къ полдню во всѣхъ избахъ былъ уже вездѣ залитъ огонь, и люди начинали снаряжаться на огничаніе. При дѣлѣ нужны были немалые распорядки, и потому Сухой Мартынъ, видя, что Ковза кузнецъ уже съ ногъ сбился, а въ Памфилкѣ-дурачкѣ нѣтъ ему никакой помощи, взялъ себѣ еще двухъ положайниковъ, десятскаго Дербака, да захожаго ружейнаго слесаря, который называлъ себя безъ имени Ермолаичемъ,—человѣка, всѣхъ удивлявшаго своимъ досужествомъ. Онъ всего съ недѣлю зашелъ откуда-то сюда и всѣмъ понравился. Кому завязанное ремнемъ ружьишко поправилъ, кому другою какою угодой угодилъ, а напаче бабъ обласкалъ своимъ досужествомъ: той замокъ на скрынѣ справилъ, той фольгой всю божницу расцвѣтилъ, той старую прялку такъ наладилъ, что она такъ и гремитъ его славу по всему селу.

Всѣ эти четыре человѣка: Ковза кузнецъ, дуракъ Памфилъ, Дербакъ десятскій и захожій слесарь Ермолаичъ, тотчасъ послѣ обѣда, раздѣлясь попарно, обошли все село и заглянули въ каждую печь и залили сами во всякомъ домѣ всякую искорку; повторили строго-на-строго всѣмъ и каждому, чтобы, Боже упаси, никто не смѣлъ ни сѣринки вздуть, ни огнивомъ въ кремень ударить, а напаче трубки не курить. Затѣмъ насталъ часъ запирать избы и задворки и всего осторожнѣе крѣпко-на-крѣпко защитить коровьи закуты, положивъ у каждой изъ нихъ предъ дверью крестомъ кочергу, помело и лопату. Это необходимая предосторожность, чтобы, когда сойдетъ живой огонь и мертвая мара взмечется, такъ нельзя было ей въ какой-нибудь захлѣвушкѣ спрятаться.

Наказовъ этихъ никому не надо было повторять: всѣ они исполнялись въ точности, и еще на дворѣ было довольно свѣтло, какъ все, что нужно было, въ точности выполнено: лопаты, кочерги были разложены, и крестьяне, и старъ и младъ, снаряжались въ путь.

Многіе мужики даже уже тронулись: нахлобучивъ шапки, они потянулись кучками черезъ зады къ Алешину Верху, а

за ними, толкаясь и подпрыгивая, плелися подростки обоего пола. Изъ послѣднихъ у каждаго были въ рукахъ у кого черенокъ, у кого старая черная корчажка,—у двухъ или у трехъ изъ наиболѣе зажиточныхъ дворовъ висѣли на кушакахъ фонари съ сальными огарками, а, кромѣ того, они волокли въ охапкахъ лучину и сухой хворостъ.

Короткій осенній день рано сумеречилъ, и только что чуть начало сѣрѣть, на порогѣ старостиной избы показался сѣдой главарь всей колдовской справы, Сухой Мартынъ, а съ нимъ его два положайника: прохожій Ермолаичъ съ балалайкой и съ дудкой, и Памфилка-дуракъ съ своею свайкой. Кузнеца Ковзы и десятскаго Дербака уже не было: они ранѣе ушли въ Аленинъ Верхъ съ топорами и веревками излаживать послѣднія приготовленія къ добычѣ живого огня. Съ ними ушло много и другихъ рукодѣльныхъ людей, а остальные сплошною вереницей выходили теперь вслѣдъ за главаремъ, который тихо шагалъ, неся предъ собою на груди образъ Архангела и читая ему шопотомъ молитву не каноническаго сложенія.

Въ послѣдней толпѣ было много и старухъ, и небольшихъ дѣвочекъ; взрослыя же дѣвки и всѣ молодыя женщины оставались еще на селѣ, но не для того, чтобы бездѣйствовать, — нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: имъ тоже была важная работа, и для наблюденія строя надъ ними, Сухимъ Мартыномъ была поставлена своя особая главариха, старая вдова Мавра, съ красными змѣиными глазами безъ вѣкъ и безъ рѣсницъ, а въ подмогу ей даны двѣ положайницы: здоровенная русая дѣвка Евдоха, съ косой до самыхъ ногъ, да бойкая гулевая солдатка Веретеница.

Чуть мужики съ своимъ главаремъ скрылись за селомъ, бабы поскидывали съ себя въ избахъ понявы, распустили по плечамъ косы, подмазали лица—кто тертымъ кирпичомъ, кто мѣломъ, кто сажей,—взяли въ руки что кому вздумалось изъ печной утвари и стали таковы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Черезъ полчаса вслѣдъ за мужиками выступали отрядомъ женщины, всѣ босыя, въ однѣхъ длинныхъ сорочкахъ, съ растрепанными волосами, съ испачканными кирпичомъ и сажей лицами и вооруженныя цѣпами, косами, граблями и вилами. Вышли онѣ на улицу по-семейно; здѣсь по одной изъ крайнихъ десяти дворовъ впряглись въ опрокинутую

кверху сошниками соху, а одиннадцатая сѣла верхомъ на сошныя обжи и захлестала громко длиннымъ пастушьимъ кнутомъ. На этотъ звукъ сейчасъ же изъ-за недалекаго угла выскакала верхомъ на маленькомъ бодромъ конькѣ гулевая солдатка Веретеница и протяжно заунывно аукнула.

— Ау! — отозвались ей въ стыломъ воздухѣ съ другого конца села, и на улицѣ, точно такъ же верхомъ на лохматой чалой лошади, показалась здоровенная русая дѣвка Евдоха.

Обѣ положайницы съѣхались, повернули коней головами къ воротамъ широкаго Кириллина задворка и обѣ разомъ завыли волчихами, да такъ зычно и жалостно, что даже кони ихъ со страху шарахнулись и ушами запряли, а пѣшія раздѣтыя бабы стали креститься и между собою шептаться:

— Точно ли это Евдоха съ солдаткой: не вѣдьмы ли?

Шабашъ начинался: только-что завывалы провыли свой первый сигналъ, ворота задворка скрипнули, и изъ-подъ его темныхъ навѣсовъ, мотая головой и хлопая длинными ушами, выѣхалъ бѣлый конь, покрытый широкимъ бѣлымъ веретьемъ, а на этомъ старомъ смирномъ конѣ сидѣла, какъ смерть худая, вдова Мавра съ красными глазами безъ вѣкъ, въ длинномъ мертвецкомъ саванѣ и лыкомъ подпоясанная. Не успѣлъ показаться крупъ ея бѣлаго коня, какъ изъ-за него, словно воробьи изъ гнѣзда, выпорхнули на разношерстныхъ пахотныхъ лошадкахъ цѣлымъ конным отрядомъ до полтора десятка бабъ, кто въ полушубкѣ навыворотъ, кто въ зипунѣ наопашь, иныя зашароварившись ногами въ рукава, другія сидя на одномъ конѣ по-двое, и у всякой въ рукѣ или звонкій цѣпъ съ дубиной, или тяжелыя, трезубыя навозныя вилы.

Непривычныя къ такому наѣзду лошаденки, не смотря на свое врожденное смиренство, храпнули и, замотавшись, разнеслись - было въ разныя стороны, но повода были крѣпки, и наѣздницы, владѣя ими своими сильными руками, скоро справились и собрались вокругъ Мавры въ длинномъ саванѣ.

Настала торжественная минута: вдова размахнула свой саванъ, подняла надъ головой широкую печную заслонку изъ листового желѣза и, ударивъ по ней жестянымъ ковшомъ, затряслась и крикнула:

— Сторонися, смерть, предъ бабьею ногой!

И заляскали вслѣдъ за нею о древки сухіе цѣпы, зако-

лотили емки и ухваты, зазвенѣли серпы и косы, задребезжали спицами трезубыя вилы; сотни звонкихъ, громкихъ голосовъ, кто во что гораздъ, взвизгнули, гаркнули, крикнули: «згинь, пропади отсюда, коровья смерть!», и, переливаясь, понеслись, то заглушаемые шумомъ, то всплывающіе поверхъ его вновь.

Село опустѣло, но еще не совсѣмъ: оставались старушки съ малыми внучками, но вотъ и онѣ показались. Одна за другою, онѣ тянули на поводкахъ остающихся въ живыхъ коровушекъ, а дѣвчонки сзади подхлестывали животинъ хворостинками. Все это потянуло къ тому же самому центру, на Аленинъ Верхъ, гдѣ надлежало добыть живой огонь, сжечь на немъ соломенную чучелу коровьей смерти или мары, перегнать черезъ ея пламя весь живой скотъ и потомъ опахать село, съ дѣвственнымъ пламенемъ, на раздѣтыхъ бабахъ.

Въ опустѣлыхъ избахъ остались только тѣ, кто ходить не могъ. Здѣсь темень; только изрѣдка можно было слышать дряхлый кашель недвижимой старухи да безнадежный плачъ понапрасну надрывавшихъ себя грудныхъ дѣтей, покинутыхъ безъ присмотра въ лубочныхъ зыбкахъ.

Все остальное какъ вымерло, и на пустую деревню съ пагорья свѣтили лишь праздничные огни двухъэтажныхъ господскихъ палатъ и оттуда же сквозь открытыя форточки оконъ неслись съ высокихъ хоръ звуки пиршественной музыки, исполнявшей на эту пору извѣстный хоръ изъ «*Роберта*»:

«Въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
«Для радости, для радости лишь жить».

Теперь это еще болѣе напоминало «*Пиръ во время чумы*» и придавало общей картинѣ зловѣщій характеръ, значеніе котораго вполнѣ можно было опредѣлить, лишь заглянувъ подъ нахлобученныя шапки мужиковъ, когда до ихъ слуха вѣтеръ доносилъ порой вздымающіе сердце звуки мейерберовскихъ хоровъ. Яркое, праздничное освѣщеніе дома мутило ихъ глаза и гнело разумъ досадой на невнятую просьбу ихъ, а настрадавшіяся сердца переполняло страхомъ, что ради этого непотушеннаго огня «живой огонь» или совсѣмъ не сойдетъ на землю, или же, если и сойдетъ, то будетъ недѣйствителенъ.

Тьмы-темъ злыхъ пожеланій и проклятій летѣли сюда на

эти звуки и на этотъ огонь изъ холоднаго Аленина Верха, гдѣ теперь одни впотьмахъ валяли изъ привезеннаго воза соломы огромнѣйшую чучелу мары, межъ тѣмъ какъ другіе путали и цѣпляли множество вожжей къ концамъ большой сухостойной красной сосны, спиленной и переложенной на козлахъ крестъ-накрестъ съ сухостойною же черною липой.

Барское пиршество и опасенія занесенной Висленевымъ тревоги, что и здѣсь того гляди барскимъ раченіемъ послѣдуетъ помѣха, измѣняли характеръ тихой торжественности, какую имѣло дѣло во время сборовъ, и въ души людей начало красться раздраженіе, росшее быстро. Мужики работали, супясь, озираясь, толкая другъ дружку и ворча какъ медвѣди.

Но вотъ наконецъ все налажено: высокая соломенная кукла мары поднята на большой камень, на которомъ надлежитъ ее сжечь живымъ огнемъ, и стоитъ она почти вровень съ деревьями; по древянымъ вѣтвямъ навѣшана длинная пряжа; въ кошелкѣ подъ разбитымъ громомъ дубомъ копошится бѣлый пѣтухъ-получникъ. Сухой Мартынъ положилъ образъ Архангела на бѣломъ ручникѣ на высокій пень спиленнаго дерева, снялъ шляпу и, перекрестясь, началъ молиться.

Мужики дѣлали то же самое, и сердца ихъ укрощались духомъ молитвы.

— Теперь все ли, робя?

— Все.

Сухой Мартынъ накрылся шляпой, за нимъ то же сдѣлали другіе.

— Бабы въ своемъ ли уповодѣ?

— За мостомъ стоятъ — огня ждутъ, — отвѣчали положайники.

— Сторожухи чтобы на всѣхъ дорогахъ глядѣли.

— Глядятъ.

— Никого чтобы не пускали, ни коннаго, ни пѣшаго, а напшаче съ огнемъ!

— По двѣ вездѣ стоятъ, не пустятъ.

— Кто силомъ попретъ, живому не быть!

— Не быть!

— Ну, и съ Господомъ!

Главарь и мужики опять перекрестились. Сухой Мартынъ сѣлъ верхомъ на стволъ сосны, положенной накрестъ утвер-

жденной на козлахъ липы, а народъ расхваталъ концы привязанныхъ къ дереву вожжей.

Сухой Мартынъ поблагословилъ воздухъ на всѣ стороны и, выхвативъ изъ-за пояса топоръ, воткнулъ его предъ собой въ дерево.

Народъ тихимъ, гнусливымъ унисономъ затянулъ:

Помоги, архангелы,
Помоги, святители,
Добыть огня чистаго
Съ древа непорочнаго.

По мѣрѣ того, какъ допѣвалось это заклинательное моленье, концы веревокъ натягивались какъ струны, и съ послѣднимъ звукомъ слился звукъ визжащаго тренія: длинное бревно челнокомъ заныряло взадъ и впередъ по другому бревну, а съ нимъ замелькалъ то туда, то сюда старый Сухой Мартынъ. Едва держась на своемъ полетѣ за воткнутый топоръ, онъ быстро началъ впадать отъ качанія въ шаманскій азартъ: ему чудились вокругъ него разныя руки: черныя, бѣлыя, мѣдныя и серебряныя, и всѣ онѣ тянули его и качали, и сбрасывали, а онъ имъ противился и выкликалъ:

— Вертодубъ! Вертогоръ! Трескунъ! Полоскунъ! Бодпякъ! Регла! Авсень! Таусень! Ухъ, бухъ, бухъ, бухъ! Слышу соломенный духъ! Стой, стой! Два супостата! Смерть и Животъ, борются и огнемъ мигаютъ!

И Сухой Мартынъ соскочилъ съ бревна и, воззрясь изъподъ рваной рукавицы въ далекую темь, закричалъ:

— Чуръ, всѣ ни съ мѣста! Смерть или Животъ!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Ларисина тайна.

Въ то самое время, какъ въ Аленинномъ Верхѣ происходили описанныя событія, Александра Ивановна Синтянина, пройдя темными переходами, отворила дверь въ комнату Лары и изумилась, что здѣсь была совершенная темнота.

Молодой женщинѣ вдругъ пришло въ мысль: не сдѣлала ли чего-нибудь съ собою Лариса, по меньшей мѣрѣ не покинула ли она внезапно этого непривѣтливаго и страшнаго дома и не ушла ли куда глаза глядятъ?

Пораженная этою мыслью, Александра Ивановна остано-

вилась на порогѣ. Въ комнатѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака жизни.

Александра Ивановна, безуспѣшно всматриваясь въ эту темь, рѣшилась позвать Ларису и, сдерживая въ груди дыханіе, окликнула ее тихо и нерѣшительно.

— Я здѣсь,—отозвалась ей такъ же тихо Лариса и сейчасъ же спросила:—что тебѣ отъ меня нужно, Alexandrine?

— Ничего не нужно, другъ мой Лара, но я устала и пришла къ тебѣ посидѣть,—отвѣчала генеральша, идя на голосъ къ окну, въ сѣромъ фонѣ котораго на морозномъ небѣ мерцали рѣдкія звѣзды, а внизу на подоконникѣ былъ чуть замѣтенъ силуэтъ Ларисы.

Александра Ивановна подошла къ ней и, заглянувъ ей въ лицо, замѣтила, что она плачетъ.

— Ты сидишь впотьмахъ?

— Да: мнѣ такъ лучше,—отвѣчала Лара.

— Тебѣ, можетъ-быть, непріятно, что я пришла?

— Нѣтъ; отчего же? мнѣ все равно.

— Можетъ-быть мнѣ уйти?

— Какъ хочешь.

— Такъ прощай,—молвила генеральша, протягивая ей руку.

— Прощай.

— Дай же мнѣ твою руку!

Лариса молча положила пальцы своей руки на руку Синтянинои и прошептала:

— Прощай и... не сердись, что я такая непривѣтливая...

И съ этимъ она не выдержала и неожиданно громко зарыдала.

— О, Боже мой, какое горе,—произнесла Синтянина и, поискавъ ногой стула и не найдя его, опустилась предъ Ларисой на колѣни, сжала ея руки и поцѣловала ихъ.

— Ахъ, Саша, что ты дѣлаешь!—отозвалась Лариса и поспѣшно сама поцѣловала ея руки.

— Лара,—сказала ей Синтянина:—позволь мнѣ быть съ тобою откровенною: я много старше тебя; я знаю тебя съ твоего дѣтства, я люблю тебя и мнѣ ясно, что ты несчастлива.

— Очень, очень несчастлива.

— Поговоримъ же, подумаемъ объ этомъ; совсѣмъ непоправимыхъ положеній нѣтъ.

— Мое непоправимо.

— Это ты все надумала въ своемъ одиночествѣ, а я хочу напомнить тебѣ о людяхъ, способныхъ христіански отнестись ко всякому несчастію...

Лариса быстро ее перебила:

— Ты хочешь мнѣ говорить о моемъ мужѣ? Я и такъ думала о немъ весь вечеръ подъ звуки этой музыки.

— И плакала?

— Да, плакала.

— О чемъ?

Лариса промолчала.

— Говори же: одолѣй себя, смирись, сознайся!

И Синтянина снова сжала ей руки.

— Что-жъ пользы будетъ въ этомъ,—отвѣчала Лариса.— Неужели же ты хотѣла бы, чтобъ я разыграла въ жизни одинъ изъ Авдѣевскихъ романовъ?

— Ахъ, Боже мой, да что тебѣ эти романы,—послушай своего сердца. Вѣдь ты еще его любишь?

— Да.

— Я вижу, тебя мучитъ совѣсть.

— О, да! Страшно, страшно мучитъ, и мнѣ мало всѣхъ моихъ мученій, чтобъ отстрадать мою вину: но я *должна* идти все далѣе и далѣе.

— Это вздоръ.

Лара покачала головой и, усмѣхнувшись, прошептала:

— Нѣтъ, не вздоръ.

— Ты должна положить конецъ своимъ униженіямъ.

— Я этого не могу, понимаешь — я *не могу*, я хочу и не могу.

— Я понимаю, что ты не можешь и не должна сдѣлать туръ, какой дѣлали героини тѣхъ романовъ, но если твой мужъ позоветъ тебя какъ добрый, любящій человѣкъ, какъ христіанинъ проститъ тебя и приметъ не какъ жену, а какъ несчастнаго друга...

— Для меня безсильно все, даже и религія.

— Дай мнѣ договорить: ты не права; христіанская религія не кладетъ никакихъ границъ великодушію. Конечно, есть чувства... есть вещи... которыми возмущается натура и... я понимаю твои затрудненія! Но пойми же меня: развѣ бы ты не рвалась къ Подозерову, если бъ онъ былъ въ несчастіи, въ горѣ, въ болѣзни?

— О, всюду, всюду, но... ты не понимаешь, что говоришь: *я не могу... Я не могу* ничего этого сдѣлать; я связана.

Синтянина возразила ей, что Подозеровъ ея законный мужъ, что его права такъ велики и сильны предъ закономъ, что ихъ никто не смѣетъ оспорить, и заключила она:

— Если ты позволишь, я напишу твоему мужу, и ручаюсь тебѣ за него...

Ларису передернуло.

— *Ты за него* ручаешься!

— Да, *я за него* ручаюсь, что онъ будетъ счастливъ, доставивъ тебѣ, разбитой, покой и отдыхъ отъ твоихъ несчастій,—тѣмъ болѣе, что онъ умѣетъ быть самымъ нетребовательнымъ другомъ, и ты еще можешь въ тишинѣ дожить вѣкъ съ нимъ.

Лариса сдѣлала еще болѣе рѣзкое, нетерпѣливое движеніе.

— Ты сердишься?

— Нѣтъ,—отвѣчала Лара:—нѣтъ; я не сержусь, но вотъ что, Alexandrine, я не могу сносить этого тона, какимъ ты говоришь о моемъ бывшемъ мужѣ. Мнѣ все это дорого стоитъ. Я уважаю тебя, ты хорошая, добрая, честная женщина; я нерѣдко сама хочу тебя видѣть, но когда мы свидимся... въ меня просто вселяется дьяволъ, и... прости меня, сдѣлай милость, я не хотѣла бы сказать тебѣ то, что сейчасъ, должно-быть, скажу: я ненавижу тебя за все и особенно за твою заботу обо мнѣ. Тетя Катерина Астафьевна права: во мнѣ бушуетъ Саулъ при приближеніи кротости Давида.

— Ты просто больна; тебя надо лѣчить.

— Нѣтъ, я не больна, а твои превосходства взяли у меня душу моего мужа.

— О, если тебя только это смущаетъ, то...

— Нѣтъ, молчи,—перебила ее Лара:—ты знаешь ли, что я сдѣлала? Я двумужница! Я вѣнчалась съ Гордановымъ!

Синтянина стояла какъ ошеломленная.

— Да, да, — повторила Лара: — съ тобой говоритъ двумужница, о которой ему стоитъ сказать слово, чтобы свести на каторгу, и онъ скажетъ это слово, если я окажу ему малѣйшее неповиновеніе.

— Ты шутишь, Лара?

— О, да, да; это шутка: они надо мною шутятъ, они безчеловѣчно шутятъ, но мнѣ это уже надоѣло, и я не шучу.

При этихъ словахъ она вскочила съ мѣста и, скрежеща зубами, вскричала:

— Онъ хочетъ убить Бодростина и, женясь тайно на мнѣ, жениться на Глафирѣ, но этого не будетъ, не будетъ! Я имъ отомщу, отомщу...

Она зашаталась на ногахъ и, произнеся: «я ихъ всѣхъ погублю!»—упала на прежнее мѣсто.

— Оставь ихъ, оставь этотъ домъ...

— Нѣтъ, никогда! — простонала Лара. — И теперь это поздно: я ихъ предала, а они уже все совершили.

— Бѣжимъ, Бога ради бѣжимъ!

— Бѣжать!.. Стой!.. Что это такое?

По лѣстницѣ слышались чьи-то шаги, кто-то спѣшилъ, падалъ, вскакивалъ и бѣжалъ снова, и наконецъ съ шумомъ растворилась дверь, и кто-то, ворвавшись, закричалъ:

— Лариса! Лара! Alexandrine! Гдѣ вы? откликнитесь Бога ради!

Это былъ голосъ Бодростиной.

Лариса и Синтянина остались какъ окаменѣвшія: на нихъ напалъ ужасъ, а вбѣжавшая Глафира металась впотьмахъ, наконецъ нащупала ихъ платья и, схватясь за нихъ дрожащими руками, трепеща, глядѣла въ непроглядную темень, откуда опять было слышались шумъ, шаги и паденья.

— Закройте меня!—простонала Глафира.

На Синтянину напалъ ужасъ. Ближе и ближе несся шумъ, и въ шумѣ въ этомъ было что-то страшное и зловѣщее. Межъ тѣмъ кто-то прежде ворвавшійся путался въ переходахъ, тяжко дышалъ, бился о двери и, спотыкаясь, шепталъ:

— Гдѣ ты! гдѣ же ты наконецъ... я наконецъ сдѣлалъ все, что ты хотѣла... ты свободна... вдова... наконецъ я тебя заслужилъ.

Холодныя мурашки, бѣгавшія по тѣлу генеральши, скипулись горячимъ пескомъ; ея горло схватила судорога, и она сама была готова упасть вмѣстѣ съ Ларисой и Бодростиной. Умъ ея былъ точно парализованъ, а слухъ пораженъ всеобщимъ и громкимъ хлопаньемъ дверей, такою бѣготней, такимъ содомомъ, отъ котораго трясся весь домъ. И весь этотъ потокъ лавиной стремился все ближе и ближе, и вотъ еще хлопъ, свистъ и шорохъ, въ узкихъ пазахъ двери сверкнули огненныя линіи... и изъ устъ Лары вырвался раздирающій вопль.

Предъ ними на полу вертѣлся Жозефъ Висленевъ, съ окровавленными руками и лицомъ, на которомъ была размазанная и смѣшанная съ потомъ кровь.

— Убійца!—вскрикнула страшнымъ голосомъ Лара.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Соломенный духъ.

Когда господа выѣхали смотрѣть огничанье, на дворѣ уже стояла свѣжая и морозная ночь. Ртуть въ термометрахъ на окнахъ бодростинскаго дома быстро опускалась, и изъ-за угловъ надворныхъ строеній порывало сухою студеною пылью. Можно было предвидѣть, что погода разыграется; но въ лѣсу, гдѣ крестьяне надрывались надъ добываніемъ огня, было тихо. Рѣдкія звѣзды чуть мерцали и замирали; ни одна снѣжинка не искрилась и было очень темно. Стороннему человѣку теперь не легко попасть сюда, потому что не только сама поляна, но и всѣ ведущія къ ней дороги тщательно оберегались отъ захожаго и заѣзжаго. Съ той минуты, какъ Сухому Мартыну что-то привидѣлось, досмотръ былъ еще строже. Въ морозной мглѣ, то тихо выплывали и исчезали, то быстро скакали взадъ и впередъ и чѣмъ-то размахивали какіе-то темные гномы — это были знакомыя намъ сторожевыя бабелины, вооруженныя тяжелыми цѣпами. Чѣмъ ближе къ Аленину Верху, тѣмъ патрули этихъ амазонокъ становились чаще и духомъ воинственнѣе и нетерпѣливѣе. Дѣло съ огнемъ не ладилось. Съ тѣхъ поръ, какъ Сухой Мартынъ зря перервалъ работу, терли они дерево часъ, трутъ другой, а огня нѣтъ. Засинѣетъ, будто, что-то на самой стычкѣ деревьевъ и даже сильно горячимъ пахнетъ, а огня нѣтъ. Мужики приналягутъ, силъ и рукъ не щадятъ, но все попусту... все сейчасъ же, какъ словно по злому наговору, и захолодинѣетъ: ни дымка, ни теплой струйки, точно все водой залито.

— Дѣло нечисто, тутъ что-то сдѣлано,—загудѣлъ народъ, и, посбросавъ послѣднее платье съ плечъ, мужики такъ отчаянно заработали, что на плечахъ у нихъ задымились рубахи; въ воздухѣ сталъ потный паръ, лица раскраснѣлись какъ рѣпы; набожныя восклицанія и дикая ругань перемѣшивались въ одинъ нестройный гулъ, но проку все нѣтъ; дерево не даетъ огня.

Кто-то крикнулъ, что не хорошо мѣсто.

Слово это пришлось по-сердцу: мужики рѣшили перенести весь снарядъ на другое мѣсто. Закипѣла новая работа: вся справа перетянулась на другую половину поляны: здѣсь опять пропѣли «помоги святители» и стали снова тереть, но опять безъ успѣха.

— Двѣ тому причины есть: либо промежъ насъ есть кто нечистый, либо всему дѣлу вина, что въ барскомъ домѣ старый огонь горитъ.

Нечистымъ себя никто не призналъ, стало-быть барскій домъ виноватъ, а на него власти нѣтъ.

— Это баре вредятъ,—проревѣло въ народѣ.

Сухой Мартынъ испатался и полуодурѣлый сошелъ съ дерева, а вмѣсто его мотался на бревнѣ злой Дербакъ. Онъ сидѣлъ неловко; бревно его безпрестанно щемило то за икры, то за голени, и съ досады онъ становился еще злѣе, надрывался, и не зная, что дѣлать, кричалъ, подражая перепелу: «быть-убить, драть-драть, быть-убить, драть-драть». Высокія ели и сосны, замыкавшія кольцомъ поляну, гудѣли и точно заказывали, чтобы звучное эхо не разносило лихихъ словъ.

Неподалеку въ сторонѣ, у корней старой ели, сидѣлъ на промерзлой кочкѣ Сухой Мартынъ. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и, опершись подбородкомъ на длинный костыль, молчалъ; вокругъ него, привалясь кто какъ попало на землю, отдыхали безуспѣшно оттершіе свою очередь мужики и раздраженно толковали о своей незадачѣ.

Мужики, ища виноватаго, метались то на того, то на другого; теперь они роптали на Сухого Мартына, что не гоже мѣсто взялъ. Они утверждали, что надо бы тереть на задворкахъ, но обезкураженный славарь все молчалъ и наконецъ, собравшись съ духомъ, едва молвилъ: что они бають не дѣло, что огничать надо на чистомъ мѣстѣ.

— Ну, такъ надо было стать на полѣ, — возразилъ ему какой-то щетинистый спорщикъ.

— На полѣ, разумѣется на полѣ: поле отъ лѣшаго дальше и Богу милѣе: оно христіанскимъ потомъ полито,—поддержалъ спорщика козелковатый голосъ.

— Лѣсъ Богу ближе, лѣсъ въ небо дыра, — едва дыша отвѣчалъ Сухой Мартынъ: — а противъ лѣшаго у насъ на сучьяхъ пряжа развѣшана.

— Лѣшій на пряжу никакъ не пойдетъ, — проговорилъ кто-то въ пользу Мартына.

— Ему нельзя, онъ если сюда ступитъ, сейчасъ въ пряжу запутается,—пропѣлъ второй голосъ.

— Ну такъ надо было стать посреди лѣсу, чтобы къ Божьему слуху ближе,—возразилъ опять спорщикъ.

— Божье ухо во весь міръ,—отвѣчалъ, оправляясь, Мартынъ и зачиталъ искаженный текстъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго».

Это всѣмъ очень понравилось.

Мужики внимали сказанію о необъятности Божіей силы и власти, а Сухой Мартынъ, окончивъ псаломъ, пустился своими красками изображать величіе Творца. Онъ описывалъ, какъ Господь облачается небесами, препоясуется зорями, а вокругъ него ангеловъ больше, чѣмъ просяныхъ зеренъ въ самомъ большомъ закромѣ.

Мужики, всегда любящіе бесѣду о грандіозныхъ вещахъ, поглотились вниманіемъ и пріумолкли: вышла даже пауза, въ концѣ которой молодой голосъ робко запыталъ:

— А правда ли, что Богъ старый мѣсяцъ на звѣзды крошитъ?

— Неправда,—отвѣчалъ Мартынъ.

— Чего Онъ ихъ станетъ изъ стараго крошить, когда отъ Него намъ всей новины не пересмотрѣть, а звѣзды окна: изъ нихъ ангелы вылетаютъ,—возразилъ начинавшій передаваться на Мартынову сторону спорщикъ.

— Ну, это врешь,—опровергъ его козелковатый голосъ.— На что ангелъ станетъ въ окно сигать? Ангелу во всемъ небеси вездѣ дверь, а звѣзда пламень, она на то поставлена, чтобъ горѣть, когда мѣсяцъ спать идетъ.

— Неправда; а зачѣмъ она порой и тогда свѣтитъ, когда мѣсяцъ яснитъ?

Астрономъ сбился этимъ возраженіемъ и, затрудняясь отвѣчать, замолчалъ, но вмѣсто его въ тишинѣ отозвался новый ораторъ.

— Звѣзда стражница,—сказалъ онъ:—звѣзда все видитъ, она видѣла, какъ Кавель Кавеля убилъ. Мѣсяцъ увидалъ, да испугался, какъ христіанская кровь брызнула, и сейчасъ спрятался, а звѣзда все надъ Кавелемъ плыла, Богу злодѣя показывала.

— Кавеля?

— Нѣтъ, Кавеля.

— Да вѣдь кто кого убилъ-то: Кавель Кавеля?

— Нѣтъ, Кавель Кавеля.

— Врешь, Кавель Кавеля.

Споръ становился очень затруднительнымъ, только было слышно: «Кавель Кавеля», «нѣтъ, Кавель Кавеля». На чьей сторонѣ была правда ветхозавѣтнаго факта — различить было невозможно, и дѣло грозило дойти до брани, если бы въ ту минуту неразрѣшаемыхъ сомнѣній изъ темной мглы на счастье не выплылъ маленькій положайникъ Ермоланчъ и, упадая отъ усталости къ пенушку, не заговорилъ сладкимъ, немного искусственнымъ голосомъ.

— Ухъ, усталъ я, рабъ Господень, усталъ, ребятушки: дайте присѣсть посидѣть, вашихъ умныхъ словъ послушать.

И онъ, перекатясь котомъ, помѣстился между мужиковъ, прислонясь спиной къ кочкѣ, на которой сидѣлъ Сухой Мартынъ.

— О чемъ, пареньки-братцы, спорили: о страшномъ или о божественномъ; о древней о бабушкѣ или о красной о дѣвушкѣ?—заговорилъ онъ тѣмъ же сладкимъ голосомъ.

Ему разсказали о лунѣ, о звѣздахъ и о Кавелѣ съ Кавелемъ.

— Ухъ, Кавели, Кавели, давніе люди, что̀ намъ до нихъ, братцы, Божіи работнички: ихъ Богъ разсудилъ, а насчетъ неба загадка есть: что стоитъ, молъ, поле полеванское и много на немъ скота гореванскаго, а стережетъ его одинъ пастухъ, какъ ягодка. И идетъ онъ, Божьи людцы, тотъ пастушокъ, лѣсомъ не хрустнетъ, и идетъ онъ плесомъ не всплеснетъ и въ сухой травѣ не зацѣпится, и въ рыхломъ снѣжку не увязнетъ, а кто мудренъ да досужъ разумомъ, тотъ мнѣ сейчасъ этого пастушка отгадаетъ.

— Это красное солнышко,—отозвались хоромъ.

— Оно и есть, оно и есть, молодцы государевы мужички, Божьи молитвенники. Ухъ да ребятки! я зову: кто отгадаетъ? а они въ одно, что и говорить: умудряетъ Господь, умудряетъ. Да и славно же вамъ тутъ; ишь полегли въ снѣжку какъ зайчики подъ сосенкой и потягиваются, да дѣдушку Мартына слушаютъ.

Сухой Мартынъ затрясъ бородой и, покачавъ головой, съ неудовольствіемъ отозвался, что мало его здѣсь слу-

шаютъ, что каждый тутъ про себя хочетъ большимъ главаремъ быть.

— А-а, ну это худо, худо... такъ нельзя, государевы мужички, невозможно; нельзя всѣмъ главарями быть.—И загадочный Ермоланчъ началъ разсказывать, что на Божіемъ свѣтѣ ровни нѣтъ; на что-де лѣсъ дерево, а и тотъ въ себѣ разный порядокъ держитъ.—Гляньте-ка, вонъ гляньте: видите небось: всѣ капралы поскидали кафтаны, а вонъ Божія сосеночка промежду всѣхъ другой законъ бережетъ: стоитъ вся въ листвѣ, какъ егарь въ мундирчикѣ, да командуетъ: кому когда просыпаться и изъ теплыхъ вѣтровъ одежду брать. Надо, надо, людцы, главаря слушаться.

— А что же его слушать, когда по его командѣ огня нѣтъ,—запротестовали мужики.

— Будетъ еще, Божьи дѣтки, будетъ. Сейчасъ нѣтути, а потомъ и будетъ: видите: грѣетъ, куритъ, а станутъ дуть, огня нѣтъ. Поры значитъ нѣтъ, а придетъ пора, будетъ.

— Говорятъ, что съ того, что въ барскихъ хоромахъ старый огонь сидитъ?

— Ну, какъ знать, какъ знать голуби, которы молоды.

Ермолапчъ все старался шутить въ ряду и вообще велъ рѣчь, отзывавшуюся искусственною выдѣланностію простонароднаго говора.

— Нѣтъ, это ужъ мы вѣрно знаемъ, — отвѣчалъ Ермоланчу спорливый мужикъ.

— Да; намъ баилъ самъ нѣгій баринъ, что помѣщикъ, баитъ, огонь нарочно не хочетъ гасить.

— Когда онъ это баилъ нѣгій баринъ? — переспросилъ Ермоланчъ и, въ десятый разъ съ величайшимъ вниманіемъ прослушавъ краткое изложеніе утренней бесѣды Висленева съ мужиками за гуменникомъ, заговорилъ:

— Ну его, ну его, этого нѣгаго барчука, что его слушать!

— А отчего и не послушать-то? Нѣтъ, онъ все за мужиковъ всегда разсуждаетъ.

— Онъ дѣло баитъ: побить, говоритъ, ихъ всѣхъ, да и на что того лучше?

— Ну дѣло! легка ли стать! Не слушайте его: ишь онъ какъ шелудовый торопится, когда еще и баня не топится. Глядите-ка лучше вонъ какъ мужички-то приналегли, ажно древо визжитъ! Ухъ! верти, верти круче! Ухъ! вотъ сей-

часъ возлетитъ орелъ во рту огонь, а по конецъ его хвоста и будетъ коровья смерть.

Народъ налегалъ; вожжи ходили какъ струны и бревно летало стрѣлой; но спорливый мужикъ у кочки и здѣсь ворчалъ подъ руку, что все это ничего не значитъ, хоть и добыли огонь: не поможетъ дегтярный крестъ, когда животворящій не помогъ.

Ермоланчъ и ему сталъ поддакивать.

— Ну да,—засластилъ онъ своимъ мягкимъ голоскомъ:— кто споритъ, животворный крестъ дегтярнаго завсегда старше, а знаешь присловье: «почитай молитву, не порочь ворожбы».

Это встрѣтило общее одобреніе и кто-то сейчасъ же завелъ, какъ гдѣ-то вдалекѣ съ коровьей смертью хотѣли одни попы крестомъ да молитвой справиться и не позволяли колдовать; бились они колотились, и ничего не вышло. И шелъ вотъ по лѣсу мужикъ, такъ плохенькій бѣднячокъ, и коровъ у него отъ роду ни одной не было, а звали его Аѳанасій и былъ онъ травкой подпоясанъ, а въ той-то травѣ была трава змѣино видище. Вотъ онъ идетъ разъ, видитъ сидитъ въ лѣсу при чищобѣ на пенечкѣ бурый медвѣдь и говоритъ: «Мужикъ Аѳанасій травкой подпоясанъ, это я самъ и есть коровья смерть, только мнѣ Божьихъ мужичковъ очень жаль стало: ступай, скажи, пусть они мнѣ выведутъ въ лѣсъ одну бѣлую корову, а черныхъ и пестрыхъ весь день за рога держатъ, я такъ и быть съѣмъ бѣлую корову и отъ васъ и уйду. Сдѣлали такъ по его, какъ онъ требовалъ, сейчасъ и моръ пересталъ.

— Да ужъ медвѣдь степенный звѣрь, онъ ни въ жизнь не обманетъ.

— А степененъ да глупъ: если онъ въ колоду лапу завязитъ, такъ не вытащитъ, все когти рветъ, а какъ выпуть, про то сноровки нѣтъ.

— Гдѣ же ему сноровки, медвѣдю, взять,—вмѣшался другой мужикъ:—вонъ я въ городѣ слона приводили,—видѣлъ: на что больше медвѣдя, а тоже булку ему дадутъ, такъ онъ ее въ себя не жевамши, какъ купецъ въ комодъ, положитъ.

— Медвѣдь думецъ,—поправилъ третій мужикъ:—онъ не глупъ, у него думъ въ головѣ страсть какъ много сидятъ, а только наружу ничего не выходитъ, а то бы онъ всѣхъ научилъ.

Но спорщикъ на все это отвѣтилъ сомнѣньемъ и даже не видалъ причины, для коей бы коровья смерть медвѣдемъ сидѣла. Съ этимъ согласились и другіе.

— Да; вѣдь смерть нежить, у нея лица нѣтъ, на что же ей скидываться,—поддержалъ козелковатый.

— Какъ же лица нѣтъ, когда она безъ глазъ видитъ и въ церкви такъ пишется?

— Да, у смерти лица нѣтъ, у нея обликъ,—вставилъ чужой мужикъ:—одинъ обликъ, вотъ все равно какъ у кикиморы. У той тоже вѣдь лица нѣтъ... такъ на мордочкѣ-то ничего не видать, даже никакой облики, вся въ кострику обвалена, а все прядетъ и напрядетъ себѣ въ зиму семьдесятъ семь одежекъ, а все безъ застежекъ, потому ужъ ей застежекъ пришить нечѣмъ.

— А кащей, вонъ хоть съ ноготь, обличье имѣетъ, у насъ дѣдъ одинъ его видѣлъ, такъ, говоритъ, личико махонькое-махонькое, какъ затертый пятиалтынникъ.

— Про это и попы не знаютъ, какое у нежити обличіе,— отозвался на эти слова звонкоголосый мужичокъ и сейчасъ же самъ заговорилъ, что у нихъ въ селѣ есть образъ пророка Писанія и при немъ списаны двѣнадцать сестеръ лихорадокъ, всѣ какъ есть просто голыми бабами наружу выставлены, а рожи имъ всѣ повыпечены, потому что какъ кто ставитъ пророку свѣчу, сейчасъ самымъ огнемъ бабу въ морду ткнетъ, чтобъ ея лица не значилось.

— Да и архангелъ ихъ, этихъ двѣнадцать сестеръ, тоже огненными прутьями страсть какъ поретъ, чтобъ онѣ народъ не трясли,—пояснилъ другой мужикъ изъ того же села и добавилъ, какъ онъ разъ замерзалъ въ пургу и самого архангела видѣлъ.

— Замерзалъ, говоритъ,—я, замерзалъ и все Егорью молился и сталъ вдругъ видѣть, что въ полугорьѣ недалече самъ Егорій середь бѣлаго снѣгу на бѣломъ конѣ стоитъ, позади его яснитъ широкъ бѣлъ шатеръ, а онъ самъ на ледяное копье опирается, а вокругъ его волки, которые на него бросились, всѣ ледянками стали.

— А я одинъ разъ холеру видѣлъ,—произнесъ еще одинъ голосъ, и вмѣшавшійся въ разговоръ крестьянинъ разсказалъ, какъ предъ тѣмъ года четыре назадъ у нихъ холерѣ быть, и онъ разъ пошелъ весной на дворъ, вилой навозъ ковырять, а на навозѣ, откуда ни возьмись, пѣтухъ, самъ

поетъ, а перья на немъ всѣ болтаются: это и была холера, которая въ ту пору, значитъ, еще только прилетѣла да сѣла.

Разговоръ сталъ сбиваться и путаться: кто-то заговорилъ, что на Волховѣ на рѣкѣ всякую ночь гробъ плыветъ, а мертвецъ реветъ, вокругъ свѣчи горятъ и ладанъ пышетъ, а покойникъ въ вѣчный колоколъ бьетъ и на Ивана царя грозится. Не умолкъ этотъ разсказчикъ, какъ другой сталъ сказывать, куда кони пропадаютъ, сваливая все это на вину живущей гдѣ-то на турецкой землѣ бѣлой кобылицы съ золотою гривой, которую если только конь заслышитъ какъ она по ночамъ ржетъ, то ужъ непремѣнно уйдетъ къ ней, хоть его за семью замками на цѣпяхъ держи. За этимъ пошла рѣчь о замкахъ, о разрывъ-травѣ и какъ ее узнавать, когда сѣно косятъ и косы ломятся, и о томъ, что разрывъ-трава одну кошку не разрываетъ, но что зато кошкѣ дана другая напасть: она если варенаго гороху съѣстъ, сейчасъ оглохнетъ. Оказалось, впрочемъ, что и ей еще не хуже всѣхъ, потому что мышь, если въ церкви подъ царскія врата шмыгнетъ, такъ за то летучей должна скинуться.

Бесѣда эта на всѣхъ, кто ее слушалъ, производила тихое снотворное впечатлѣніе, такое, что и строптивый мужикъ не возражалъ, а Ермоланчъ, зѣвая и крестя ротъ, проѣлъ: да, да, все всему гласъ подаетъ, и слушаетъ; дуброва, какъ вода говоритъ: «побѣжимъ, побѣжимъ», а бережки шопотятъ: «постоимъ, постоимъ», а травка зоветъ: «пошатаемся». Но съ этимъ разсказчикъ быстро всталъ, и за нимъ торопливо вскочили другіе. Великое таинодѣйствіе на полянѣ совершалось: красная сосна, врѣзаясь въ черную липу, пилила пилой, въ воздухѣ сильно пахло горячимъ деревомъ и смолой и прозрачная синеватая свѣтящаяся нитка мигала на одномъ мѣстѣ въ воздухѣ.

— Ну, ну, сынки-хватки, дочки-полизушки: наляжь! — крикнулъ, бросаясь къ добычникамъ, Ермоланчъ.

Еще секунда, и огонь добытъ; сынки-хватки, дымяся потомъ, еще сильнѣй налегли; дочки-полизушки сунулись къ дымящимся бревнамъ съ пригоршнями сухихъ стружекъ и съ оттопыренными губами, готовыми раздуть затлѣвшуюся искру въ полымя, какъ вдругъ натянутые безмѣрнымъ усердіемъ концы веревокъ лопнули; съ этимъ вмѣстѣ объ стѣны трущихъ огонь крестьянъ, оторвавшись, разомъ упали: рас-

шатанное бревно взвизгнуло, размахнулось и многихъ больно зашибло.

Послышались тяжкіе стоны, затѣмъ хохотъ, затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ адскій шумъ, воскликъ, зовъ на помощь и снова стонъ ужасный, отчаянный; и все снова затихло, точно ничего не случилось, межъ тѣмъ какъ произошло нѣчто замѣчательное: Михаила Андреевича Бодростина не стало въ числѣ живыхъ, и разрѣшить, кто положилъ его на мѣстѣ, было не легче, чѣмъ разрѣшить споръ о Кавелѣ и Кавелѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Коровья смерть.

Рядъ экипажей, выѣхавшихъ съ бодростинскими гостями посмотрѣть на проказы русскихъ Титаніи и Оберона, подвергшись неоднократнымъ остановкамъ отъ бабьихъ объѣздовъ, благополучно достигъ Аленина Верха. Патрули напрасно останавливали и старались удержать господъ,—ихъ не слушали, и рослые господскіе кони, взмахнувъ хвостами, оставляли далеко позади себя заморенныхъ крестьянскихъ клячъ и ихъ татуированныхъ всадницъ. Сторожевымъ бабамъ не оставалось ничего иного, какъ только гнаться за господами, и онѣ, нахлестывая своихъ кляченокъ, скакали, отчаянно крича и вопія о помощи.

Первыми на мѣсто огничанья примчались троечныя дрожки, на которыхъ ѣхали Бодростинъ, Гордановъ и Висленевъ. Михаилъ Андреевичъ чувствовалъ, что дѣло становится неладно и велѣлъ кучеру остановиться на углу поляны, за густою купой деревьевъ. Здѣсь онъ хотѣлъ подождать отставшихъ отъ него гостей, чтобы сказать имъ, что затѣю смотрѣть огничанье надо оставить и повернуть скорѣе другою дорогой назадъ. Но сзади по пятамъ гнались бабы: стукъ некованныхъ копытъ ихъ коней уже былъ слышенъ близехонько. Онѣ настигали, и какъ настигнутъ, можетъ произойти не вѣсть что. Гдѣ гости: впереди погони, или уже опережены, и погоня мчится только за Бодростинымъ? Въ этомъ, казалось, необходимо удостовѣриться. Опасность еще не представлялась особенно большою, но про всякій случай Бодростинъ, оставивъ дрожки на дорогѣ, самъ быстро спрыгнулъ и отошелъ съ тростью въ рукѣ подъ нависшія вѣтви ели. За нимъ послѣдовалъ Гордановъ. Висле-

певъ же остался на дрожкахъ и, спустясь на подножье крыла, притаился, какъ будто его и не было.

— Гдѣ онъ?.. гдѣ же этотъ нашъ бэбэ? — безпокоился о немъ Бодростинъ.—Возьмите его, пожалуйста, Гордановъ, а то его какая-нибудь Авдоха толкнетъ по макушкѣ, и онъ будетъ готовъ.

Гордановъ пригнулъ къ дрожкамъ, которыя кучеръ изъ предосторожности отодвинулъ къ опушкѣ подъ вѣтви, но Жозефа на дрожкахъ не было. Гордановъ позвалъ его. Жозефъ не отзывался: онъ сидѣлъ на подножьѣ крыла, спустя ноги на землю, и, весь дрожа, держался за бронзу козелъ и за спицы колесъ. Въ этомъ положеніи открылъ его Гордановъ и, схвативъ за руку, повлекъ за собою.

— Не могу, — говорилъ Жозефъ, но Гордановъ его тащилъ, и когда они были возлѣ Бодростина, Жозефъ вдругъ кинулся къ нему и залепеталъ:

— Михаилъ Андреевичъ, я боюсь!.. мнѣ страшно!..

— Чего же, любезный, страшно?

— Не знаю, но право... такъ страшно.

— Чего? чего?—повторилъ Гордановъ.—Гдѣ твоя сигара?

— Сигара?.. да, у меня горитъ сигара. Бога ради возьмите, Михаилъ Андреичъ, мою сигару!

И Жозефъ внезапно ткнулъ въ руку Бодростина огнемъ сигары, которую за секунду предъ этимъ всунулъ ему Гордановъ.

Бодростинъ громко вскрикнулъ отъ ожога; сигара полетѣла на землю, искры ея разсыпались въ воздухѣ по низу, а въ то же время по-верху надъ всею группой замелькали цѣпы, точно длинныя черныя змѣи. Раздался вой, бухнулъ во что-то тяжелый толкачъ и рѣзко вырвался одинъ раздирающій вскрикъ. Мимо пронеслась вереница экипажей и троечныя дрожки, на которыхъ ѣхалъ сюда Бодростинъ, неслись Богъ вѣсть куда, по ямамъ и рытвинамъ, но на нихъ теперь было не три, а два сѣдока; назадъ скакали, стоя и держась за кучера, только Гордановъ и Висленевъ. Бодростина уже не было.

Кучеръ, не могшій во всю дорогу справиться съ лошадьми, даже у подъѣзда барскаго дома не замѣтилъ, что барина нѣтъ между тѣми, кого онъ привезъ, и отсутствіе Бодростина могло бы долго оставаться необъяснимымъ, если бы Жозефъ, ворвавшись въ домъ, не впалъ въ странный ражъ.

Онъ метался по комнатамъ, то стоналъ, то шепталъ, то выкрикивалъ:

— Глафира! Глафира! Гдѣ вы? Я васъ освободилъ!

Неудержимо несясь съ этими кликами безумнаго изъ комнаты въ комнату, онъ стремительно обѣжалъ всѣ пункты, гдѣ надѣялся найти Глафиру Васильевну, и унять его не было никакой возможности. Гордановъ самъ былъ смущенъ и потерянъ. Онъ не ожидалъ такой выходки, пытался было поймать Жозефа и схватить его за руку, но тотъ отчаянно вырвался и, бросаясь впередъ съ удвоенною быстротой, кричалъ:

— Нѣтъ-съ; нѣтъ-съ; извините, это я, а не вы-съ... а не вы!

Гордановъ сообразилъ, что ему надо бросить попытку остановить это сумасшествіе, и Жозефъ, переполошивъ весь домъ, ворвался, какъ мы видѣли, въ комнату Лары.

Глафира слышала этотъ переполохъ и искала отъ него спасенія. Она была встревожена еще и другою случайностью. Когда, отпустивъ гостей, она ушла къ себѣ въ будуаръ, гдѣ, подъ предлогомъ перемѣны туалета, хотѣла наединѣ переждать тревожныя минуты, въ двери къ ней кто-то слегка стукнулъ, и когда Глафира откликнулась и оглянулась, передъ нею стоялъ монахъ.

У Глафиры морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Откуда могъ взяться этотъ странный пришлецъ? Кто могъ впустить и проводить его черезъ цѣлые ряды комнатъ?

— Что вамъ нужно?—спросила его, быстро двинувшись съ мѣста, Бодростина.

Монахъ улыбался и шатался какъ пьяный.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—повторила Глафира.

— Помолить о душѣ,—проговорилъ, запинаясь и при этомъ ужасно кривляя лицомъ, монахъ.

— О какой душѣ? прошу васъ выйти! Идите въ контору.

— Проводите.

Глафира бросилась къ звонку: ей показалось, что это не монахъ, а убійца... но когда она, дернувъ звонокъ, оглянулась, монаха уже не было, и ее поразила новая мысль, что это было видѣніе.

Глафира кинулась узнать, какимъ образомъ могъ появиться этотъ монахъ и куда онъ вышелъ, какъ вдругъ ей противъ воли вспомнился Водопьяновъ и ей показалось, что

это былъ именно онъ. Она бѣжала, не помня себя, и очувствовалась, когда метавшійся впотьмахъ Жозефъ былъ освѣщенъ вбѣжавшими вслѣдъ за нимъ людьми съ лампами и свѣчами.

При видѣ растрепанной фигуры, взволнованнаго и перепачканнаго кровью лица и обезумѣвшихъ глазъ Жозефа, который глядѣлъ, ничего не видя, и стремился къ самому лицу Глафиры, хватая ее окровавленными руками и отпихивая ногой Горданова, Глафира затрепетала и, сторонясь, крикнула: «прочь!»

— Это не онъ, не онъ, а я. Я все кончилъ,—лепеталъ Висленевъ.

Глафира, теряя силы, едва могла съ ужасомъ и омерзѣніемъ отпихнуть его и бросилась за Синтянину, межъ тѣмъ какъ Гордановъ, отбросивъ Жозефа, закричалъ:

— Ты съ ума сошелъ, бѣшеная тварь!

Но въ это же самое мгновеніе за плечами Горданова грянулъ выстрѣлъ, и пуля влипла въ стѣну надъ головой Павла Николаевича, а Жозефъ, колеблясь на ногахъ, держалъ въ другой рукѣ дымящійся пистолетъ и шепталъ:

— Нѣтъ; полно меня отбрасывать! Обѣщанное ждется-съ!

Все это было дѣломъ одного мгновенія, и ни Гордановъ, ни дамы, ни слуги не могли понять причины выстрѣла и въ болѣе безмолвномъ удивленіи, чѣмъ въ страхѣ, смотрѣли на Жозефа, который, водя вокругъ глазами, тянулся къ Глафирѣ.

— Боже мой, чего ему отъ меня нужно?—произнесла она, стараясь укрыться за Гордановымъ.

Но это ей не удалось, и серьезно помѣшавшійся Висленевъ тянулся къ ней и лепеталъ:

— Обѣщанное ждется-съ, обѣщанное ждется! Я сдѣлалъ все... все честно сдѣлалъ и требую расплаты!

Гордановъ пришелъ, наконецъ, въ себя, бросился на Висленева, обезоружилъ его однимъ ударомъ по рукѣ, а другимъ сшибъ съ ногъ и, придавивъ къ полу, велѣлъ людямъ держать его. Лакеи схватили Висленева, который и не сопротивлялся: онъ только тяжело дышалъ и, водя вокругъ глазами, просилъ пить. Ему подали воды, онъ жадно началъ глотать ее, и вдругъ, бросивъ на полъ стаканъ, отвернулся, поманилъ къ себѣ рукой Синтянину и, закрывъ лицо полосой ея платья, зарыдалъ отчаянно и громко.

— Боже мой, Боже мой, что я надѣлалъ! — Люди! всѣ, кто здѣсь есть, бѣгите!.. туда... въ Аленинъ Верхъ... тамъ Михаилъ Андреичъ... можетъ-быть онъ еще живъ!

При этихъ словахъ все поднялось, взмѣшалось, и кто бѣжалъ къ двери, кто бросался къ окнамъ; а въ окна чрезъ двойныя рамы врывался сплошной гулъ, и во тьмѣ, окружающей домъ, плыло большое огненное пятно, отъ котораго то въ ту, то въ другую сторону отдѣлялись свѣтлыя точки. Невозможно было понять, что это такое. Но вотъ все это приближается и становится кучей народа съ фонарями и пылающими головнями и сучьями въ рукахъ.

Это двигались огничане Аленина Верха: они, наконецъ, добыли огня, сожгли не немъ чучелу мары; набрали въ чугунки и корчажки зажженныхъ лучинъ и тронулись-было опахивать землю, но не успѣли завести борозды, какъ подъ ноги бабъ попалось мертвое и уже окоченѣвшее тѣло Михаила Андреевича. Эта находка поразила крестьянъ неописаннымъ ужасомъ; опахиванье было забыто и перепуганные мужики съ полунагими бабами въ недоумѣніи и страхѣ потащили на господскій дворъ убитаго барина.

Кортежъ былъ необычайный!

Полуобнаженныя женщины въ длинныхъ рубахахъ, съ разстегнутыми воротниками и лицами, размазанными мѣломъ, кирпичомъ и сажей; густой желтосизый дымъ пылающихъ головней и красныхъ угольевъ, свѣтящихъ изъ чугунковъ и корчажекъ, съ которыми огромная толпа мужиковъ ворвалась въ домъ, и среди этого дыма коровій черепъ на шестѣ, неизвѣстно для чего сюда попавшій, и тощая вдова въ саванѣ и съ глазами безъ вѣкъ; а на землѣ трупъ съ распростертыми окоченѣвшими руками, и тутъ же суетящіеся и незнающіе, что дѣлать, гости. Все это составляло фантастическую картину нѣмого и холоднаго ужаса. Здѣсь не было ни слезъ, ни воплей, ни укоризнъ и вздоховъ, а одинъ столбнякъ надъ трупомъ... И надъ *какимъ* трупомъ! Надъ трупомъ человѣка, который часъ тому назадъ былъ здоровъ и теперь лежалъ обезображенный, испачканный, окоченѣвшій, съ растопыренными, впередъ вытянутыми руками. Руки мертвеца окостенѣли обѣ въ напряженномъ положеніи; точно онъ на кого-то указывалъ или къ кому-то взывалъ о защитѣ и отмщеніи, или отъ кого-то отпихивался. Къ довершенію картины, трупъ имѣлъ правый глазъ остол-

бенѣлый, съ открытыми вѣками, а лѣвый — прищуренный, точно подсматривающій и подкарауливающій; языкъ былъ прикушенъ, темя головы совершенно плоско: оно раздроблено, и съ него, изъ-подъ сѣдыхъ, сукровицей, мозгомъ и грязью смоченныхъ волосъ, на самые глаза надулся багровый кровяной подтекъ. Ко всему этому, для полноты впечатлѣнія, надлежитъ еще прибавить бѣднаго Висленева, который, присѣдая, повисалъ на рукахъ схватившихъ его лакеевъ; такъ появился онъ на порогѣ и, водя вокругъ безумными глазами, беззвучно шепталъ: «обѣщанное ждется-съ; да, обѣщанное ждется».

Первая пришла въ себя Глафира: она сдѣлала надъ собою усиліе и со строгимъ лицомъ не плаксивой, но глубокой скорби прошла чрезъ толпу, остановилась надъ самымъ трупомъ мужа и, закрывъ на минуту глаза рукой, бросилась на грудь мертвеца и... въ ту же минуту въ замѣшательствѣ отскочила и попятилась, не сводя взора съ раскачавшихся рукъ мертвеца.

— Вы неосторожно его тронули,—проговорилъ ей на ухо малознакомый голосъ человѣка, къ которому она въ испугѣ прислонилась.

Она взглянула и увидала золотые очки Ворошилова.

— Вы испугались?—продолжалъ онъ шопотомъ.

— Нимало,—отвѣчала она громко, и сейчасъ же, оборотясь къ Горданову, сказала повелительнымъ тономъ:—Займитесь, пожалуйста, всѣмъ... сдѣлайте все, что надо... мнѣ не до того.

И съ этимъ она повернулась и ушла во внутреннія покои.

Сцена оживилась: столпившихся крестьянъ погнали вонъ; гости, кто какъ могъ, отыскали своихъ лошадей и уѣхали; трупъ Бодростина пока прикрыли скатертью, Гордановъ между тѣмъ не дремалъ: въ городъ уже было послано извѣстіе о крестьянскомъ возмущеніи, жертвой котораго палъ безчеловѣчно убитый Бодростинъ. Чтобы подавить возмущеніе, требовалось войско.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Нéжить мечется.

Къ смерти, какъ и ко всему на свѣтѣ, можно относиться различно: такъ созданъ свѣтъ, что гдѣ хоть два есть человѣка, есть и два взгляда на предметъ. Въ тѣ самыя минуты,

когда приговоренный Нероном къ смерти эпикуреецъ Люцій шутитъ, раздѣляющій судьбу его стоикъ Сенека говоритъ: «въ часъ смерти шутки неприличны,—смерть—шагъ великій, и есть смыслъ въ платоновскомъ ученьи, что смерть есть мигъ перерожденья», но оба они умираютъ со своими взглядами на смерть, и нѣтъ свидѣтельствъ, кто изъ нихъ болѣе правъ былъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, «небытіе ль насъ ждетъ» иль «мигъ перерожденья», смерть—шагъ слишкомъ серьезный, и мертвецъ, лежащій предъ нашими глазами, всегда производитъ впечатлѣніе тяжелаго свойства. Но и въ этотъ случаѣ человѣкъ видимо платитъ дань внѣшнимъ условіямъ и относится къ значенію лежащаго предъ нимъ «вещественнаго доказательства» его земной временности, подъ вліяніемъ обстановки и обстоятельствъ. Нагой трупъ, препарированный на столѣ анатомическаго театра, или трупъ, ожидающій судебно-медицинскаго вскрытія въ сараѣ съѣзжаго полицейскаго дома, и трупъ, положенный во гробѣ, покрытый парчой, окажденный ладаномъ и освѣщенный мерцаніемъ погребальныхъ свѣчъ,—это все трупы, все останки существа, бывшаго человѣкомъ, тѣ же «кожаныя ризы», покинутыя на тлѣнъ и разрушеніе; но чувства, ощущаемыя людьми при видѣ этихъ совершенно однокачественныхъ и однозначащихъ предметовъ, и впечатлѣнія, ими производимыя, далеко не одинаковы. *Трупъ* безгласенъ, *покойникъ* многовнушителенъ. Не только ученый анатомъ, проводящій всю жизнь въ работѣ надъ трупами въ интересахъ науки, но даже огрубѣлый палачъ не сохраняетъ полнаго равнодушія при видѣ трупа, положеннаго во гробъ и обставленнаго всѣмъ, чѣмъ крѣпка христіанская могила. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается, когда снаряженный къ погребенію трупъ вчера еще былъ человѣкъ, нами близко знаемый, вчера живой, нынче безгласный, съ измѣнившимся, обезображеннымъ ликомъ, каковъ былъ теперь Бодростинъ.

Суета, смѣнившаяся мертвою тишиной, какъ только Михаила Андреевича положили на столъ въ большой залѣ, теперь замѣнялась страхомъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ къ совершившемуся факту. Люди ощущали тягость присутствія мертвеца и въ то же время не довѣряли, что онъ умеръ. Онъ еще такъ недавно жилъ и дѣйствовалъ, что въ умахъ никакъ не укладывалась мысль, что его уже нѣтъ.

Притомъ же необыкновенная смерть его вела за собой и необычные порядки: мертвеца положили на столъ, покрыли его взятымъ изъ церкви покровомъ и словно позабыли о немъ. Не было заботы, чтобъ окружить его тою обстановкой, на какую онъ имѣлъ право по своему положенію и богатству. Гости разбѣжались во-свояси; вдова заключилась въ свои аппартаменты; управитель Гордановъ, позабывъ о своемъ нездоровьѣ, распоряжался окружить домъ и усадьбу утроеннымъ карауломъ и слалъ гонца за гонцомъ въ городъ, настаивая на скорѣйшей присылкѣ войскъ для подавленія крестьянскаго бунта; Ларису почти безъ чувствъ увезла къ себѣ Синтянина; слуги, смятенные, бродили, наступая другъ другу на ноги, и толкались, пока, наконецъ, устали и, не чуя подъ собою ногъ, начали зѣвать и сѣли... А о покойникѣ все-таки опять никто не позаботился: мѣстный церковный причтъ было толкнулся, но сейчасъ же отчалилъ и Богъ не былъ еще благословенъ надъ умершимъ. Впрочемъ, три церковныхъ подсвѣчника безъ свѣчъ, поставленные дьячкомъ въ углу зала, показывали, что церковь помнитъ свое дѣло, но не смѣетъ приступить къ нему безъ разрѣшенія начальства и власти. Одно, на что посягнули вокругъ трупа,—было чтеніе псалтиря. Къ этому тоже никто никого не приглашалъ, но за это безъ зова взялся старый дворовый, восьмидесятилѣтній Сидъ, знавшій покойнаго еще молодымъ человѣкомъ. Старый рабъ, услыхавъ о событіи, проникъ сюда съ книгой, которая была старше его самого, и, прилѣпивъ къ мѣдной пряжкѣ чернаго переплета грошовую желтую свѣчку, сталъ у мраморнаго подоконника и зашамшалъ беззубымъ ртомъ: «Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ».

Поздній совѣтъ этотъ раздался въ храминѣ упокоенія Бодростина уже о самой полуночи. Зала была почти совсѣмъ темна: ее едва освѣщала грошовая свѣчка чтеца, да одна позабытая и едва мерцавшая вдалекѣ лампа. При такой обстановкѣ одна изъ дверей большого покоя пріотворилась и въ нее тихо вошелъ Ворошиловъ.

Чтецъ оглянулъ исподлобья вошедшаго и продолжалъ шуршить своими беззубыми челюстями.

Ворошиловъ, приблизясь къ столу, на которомъ лежалъ покойникъ, остановился въ ногахъ, потомъ обошелъ вокругъ и опять всталъ. Чтецъ все продолжалъ свое чтеніе.

Прошло около четверти часа; Ворошиловъ стоялъ и внимательно глядѣлъ на мертвеца, словно изучалъ его или что-то надъ нимъ раздумывалъ и соображалъ, и наконецъ, оглянувшись на чтеца, увидалъ, что и тотъ на него смотритъ и читаетъ наизусть, по памяти. Глаза ихъ встрѣтились. Ворошиловъ тотчасъ же опустилъ на лицо убитаго покровъ и, подойдя къ чтецу, открылъ табакерку. Сидъ, не прерывая чтенія, поклонился и помоталъ отрицательно головой.

— Не нюхаете?—спросилъ его Ворошиловъ.

— Нѣтъ, не нюхаю, — вслъ чтецъ въ текстъ своего чтенія и продолжалъ далѣе.

Ворошиловъ постоялъ, понюхалъ табаку и со вздохомъ проговорилъ:

— А? Каковъ грѣхъ-то? Кто это могъ ожидать?

Чтецъ остановился и, поглядѣвъ чрезъ очки, отвѣчалъ:

— Отчего же не ожидать? Это ему давно за меня приназначено.

— За васъ? что такое: развѣ покойникъ...

Но Сидъ перебилъ его.

— Ничего больше, — сказалъ онъ: — какъ это онъ свое получилъ: какъ жилъ, такъ и умеръ, собакѣ — собачья и смерть.

Ворошиловъ внимательно воззрился на своего собесѣдника и спросилъ его, давно ли онъ зналъ покойника.

— Давно ли я зналъ его? А кто же его давнѣе меня зналъ? На моихъ рукахъ выросъ. Я его въ купели цѣловалъ и въ гробу завтра поцѣлую: я дядькой его былъ, и его, и брата его Тимоѳея Андреевича пѣстовалъ: такой же неблагодарный былъ, какъ и этотъ.

— Это вы про сумасшедшаго?

— Нѣтъ, тотъ былъ Иванъ Андреевичъ, и тотъ былъ аспидъ, да они, такъ сказать, и всѣ были злымъ духомъ обуяны.

— Вы не любили ихъ?

Чтецъ, помолчавъ, поплевалъ на пальцы и, сощипнувъ нагаръ со своей свѣчки, нехотя отвѣтилъ:

— Не любилъ, что такое значитъ не любить? Когда мое время было любить или не любить, я тогда, милостивый государь, крѣпостной рабъ былъ, а что крови моей они всѣ вволю попили, такъ это вѣрно. Я много обидъ снесъ.

— Который же васъ обижалъ, тотъ или этотъ?

— И тотъ, и этотъ. Этотъ еще злѣе того былъ.

— Ну, вотъ потому, значитъ, вы его и не долюбливаете?

Чтецъ опять подумалъ и, кивнувъ головой на мертвеца, проговорилъ:

— Что его теперь не долюбливать, когда онъ какъ колода валяется; а я ему всегда говорилъ: «Я тебя переживу», вотъ и пережилъ. Онъ еще на той недѣлѣ со мной встрѣтился, ажъ зубами заскрипѣлъ: «Чтобъ тебѣ, говоритъ, старому чорту, провалиться», а я ему говорю: «то-то, молъ, и есть, что земля-то твоя, да тебя, изверга, не слушается и меня не принимаетъ».

— Вы такъ ему и говорили?

— Какъ?—переспросилъ съ недоумѣніемъ чтецъ.—А то какъ бы я еще съ нимъ говорилъ?

— То-есть этими самыми словами?

— Да, этими самыми словами.

— Такъ извергомъ его и называли?

— Такъ извергомъ и называлъ. А то какъ еще его было называть? Онъ говоритъ: «когда ты, старый шакалъ, издохнешь?» а я отвѣчаю: «тебя переживу и издохну». А то что же ему спущать, что ли, стану? Ни въ жизнь никогда не спускалъ, — и старикъ погрозилъ мертвецу пальцемъ и добавилъ:—и теперь не надѣйся, я вѣрный рабъ и вѣренъ пребуду и теперь тебѣ не спущу: говорилъ я тебѣ, что «переживу» и пережилъ, и теперь предстанемъ предъ Судію и посудимся.

И беззубый ротъ старика широко раскрылся и потухшіе глаза его оживились.

— Да! — взывалъ онъ: — да! Пережилъ я тебя и теперь скоро позову тебя на судъ.

Ворошиловъ съ удивленіемъ глядѣлъ на этого «вѣрнаго раба» и тихо ему замѣтилъ, что такъ не идетъ говорить о покойникѣ, да еще надъ его тѣломъ.

— А что мнѣ его тѣло!—рѣзко отвѣтилъ старикъ, и съ этимъ отбросилъ отъ себя на подоконникъ книгу, оторвалъ отъ нея прилѣпленную свѣчонку и, выступивъ съ нею ближе къ трупу, заговорилъ:—А извѣстно ли кому, что это не его тѣло, а мое? Да, да! Кто мнѣ смѣетъ сказать, что это его тѣло? Когда онъ двѣнадцати лѣтъ тонулъ, кто его вытащилъ? Я! Кто его устыжалъ, когда онъ въ Бога не вѣрилъ?

Я! Кто ему говорилъ, что онъ собачьей смертью издохнетъ? Я! Кто его въ войнѣ изъ чужихъ мертвыхъ тѣлъ на спинѣ унесъ? Я! Я, все я, вѣрный рабъ Сидоръ Тимоѳеевъ, я его изъ могилы унесъ, моимъ дыханьемъ отдышалъ! — закричалъ старикъ, начавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присѣлъ на корточки и зашамкалъ: — Я ради тебя имя крестное потерялъ, а ты какъ Сидора Тимоѳеева злымъ псомъ называлъ? какъ ты по сусаламъ билъ? какъ ты его за дерзость на цѣпь сажалъ? За что, за правду! За то, что я вѣрный рабъ, я крѣпостной слуга, не наемщикъ скаредный, не за деньги тебѣ служилъ, а за побои, потому что я правду говорилъ, и говорилъ я тебѣ, что я тебя переживу, и я тебя пережилъ, пережилъ, и я на судъ съ тобой стану, и ты мнѣ поклонишься и скажешь: «прости меня, Сидъ», и я тебя тогда прощу, потому что я вѣрный рабъ, а не наемщикъ, а теперь ты лежи, когда тебя Богъ убилъ, лежи и слушай.

И съ этимъ оригинальный обличитель бросился къ своей книгѣ, перекрестился и быстро забормоталъ: «Услыши, Господи, правду мою и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ».

Ворошиловъ съ недоумѣніемъ оглянулся вокругъ и вздрогнулъ: сзади, за самыми его плечами, стоялъ и, безобразно раскрывъ широкій ротъ, улыбался молодой лакей съ масляным глупымъ лицомъ и безпечно веселымъ взглядомъ. Замѣтивъ, что Ворошиловъ на него смотритъ, лакей щелкнулъ во рту языкомъ, облизнулся и, проведя рукой по губамъ, молвилъ:

— Сидъ Тимоѳеичъ всѣхъ удивляетъ-съ,— съ этимъ онъ кивнулъ головой на чтеца и опять застылъ съ своею глупою улыбкой.

Ворошилова вдругъ ни съ того, ни съ сего стало подирать по кожѣ: предъ нимъ былъ мертвецъ и безуміе; все это давало поводъ заглядывать въ обыкновенно сокрытую глубину человѣческой натуры; ему показалось, что онъ въ какомъ-то страшномъ мірѣ, и человѣческое слово стоявшаго за нимъ лакея необыкновенно его обрадовало.

— Что вы сказали? — переспросилъ онъ, чтобы затѣять разговоръ.

— Я докладывалъ насчетъ Сида Тимоѳеича,—повторилъ лакей.

— Кто такой этотъ Сидъ? — прошепталъ Ворошиловъ, отведя въ сторону лакея.

— Старый дворовый, дядькой ихъ былъ, потомъ камердинеромъ; только впослѣдствіи онъ, Сидъ Тимоѳеичъ, ужъ очень старъ сталъ и оставленъ ни при чемъ.

— Онъ сумасшедшій, что ли?—прошепталъ Ворошиловъ.

— Кто его знаетъ: онъ со всѣми добродѣтельный старичокъ, а съ бариномъ завсегда вопиствовалъ,—отвѣчалъ вмѣсто глупаго лакея другой, старшій этого лѣтами, вышедшій сюда нетвердыми шагами и съ сильнымъ запахомъ водки.— У насъ всѣ такъ полагаютъ, что Сидъ Тимоѳеичъ на барина слово зналъ, потому всегда онъ могъ произвесть покойника въ большой гнѣвъ, а сколь онъ ему, бывало, одначе ни грубитъ, но тотъ его совсѣмъ удалить не могъ. Билъ его въ старину и наказывалъ да на цѣпь въ кабинетѣ сажалъ, а удалить не могъ. Даже когда Сидъ Тимоѳеичъ барыню обругалъ и служить ей не захотѣлъ, покойникъ его только изъ комнатъ выслалъ, а совсѣмъ отправить не могли. Сидъ Тимоѳеичъ и тутъ сталъ на порогѣ: «Не пойду, говоритъ: я тебя, Ирода, переживу и твоей Ироліады казнь увижу». Это все на барыню, — добавилъ пьяный лакей, кивнувъ головой на внутренніе покои.

Ворошиловъ любопытно вопросилъ, любилъ или не любилъ Сидъ Глафиру Васильевну, и, получивъ въ отвѣтъ, что онъ ее ненавидѣлъ, отвлекъ разсказчика за руку въ сосѣднюю темную гостиную и заставилъ разсказать, что̀ это за лицо Сидъ и за что онъ пользовался такимъ особеннымъ положеніемъ. Подвыпившій лакей словоохотливо разсказалъ, что Сидъ дѣйствительно былъ раннимъ пѣстуномъ Михаила Андреевича и его братьевъ. Смотрѣлъ онъ за ними еще въ ту пору, когда они хорошо говорить не могли и вмѣсто Сидоръ выговаривали Сидъ: вотъ отчего его такъ всѣ звать стали, и онъ попрекалъ покойника, что ради его потерялъ даже свое крестное имя. Далѣе повѣствовалъ разсказчикъ, какъ однажды барчуки ѣхали домой изъ пансіона и было утонули вмѣстѣ съ паромомъ, но Сидъ вынесъ вплавь на себѣ обоихъ барчуковъ, изъ которыхъ одинъ сошелъ отъ испуга съ ума, а Михаилъ Андреевичъ выросъ, и Сидъ былъ при немъ. Тогда онъ былъ въ университетѣ, а потомъ пошелъ съ нимъ на какую-то войну, и тутъ-то Сидъ оказалъ барину великую заслугу, послѣ которой они разссо-

рлись и не помирились до сихъ поръ. Изъ словъ разсказчика можно было понять, что дѣло было гдѣ-то на Литвѣ. Войска стояли лагеремъ въ открытомъ полѣ; въ близлежащій городишко, полный предательской шляхты, строгонастрого запрещено было ходить и офицерамъ, и солдатамъ. А тамъ, въ городѣ, были красивыя панны съ ласковыми глазами и соболиною бровью, и былъ тамъ жидъ Ицекъ, который говорилъ, что «пани ажъ ай какъ страшно въ офицеровъ влюблены». А офицерамъ скучно, неодолимо скучно подъ тѣсными палатками; дождь мороситъ, вѣтеръ трясетъ веревки, поколыхиваетъ полотно, а тамъ-то... куда Ицко зоветъ, тепло, свѣтло, шампанское льется и сарматская бровь зажигаетъ кровь. Манится, нестерпимо манится, и вотъ два офицера навертѣли чучелъ изъ платья, уложили ихъ вмѣсто себя на кровати, а сами, пользуясь темнотой ночи, крадутся къ цѣпи. Все благополучно: ночь — зги не видно, а вонъ мелькнулъ и огонекъ, это въ Ицкиной хатѣ на краю города. Ицко-чаровникъ умѣетъ и одну дичь подманить, и другую выманить, и молодые люди отъ нетерпѣнія стали приподниматься отъ земли, вровень съ которою ползли. Вотъ и окопъ, и знакомая кочка, но вдругъ грянуло: «кто идетъ?» Сейчасъ потребуется пароль, у нихъ его нѣтъ, часовой выстрѣлитъ и пойдетъ потѣха, хуже которой ничего невозможно выдумать. Бѣда неминучая, ждать некогда: молодые люди бросились на часового и сбили его съ ногъ, но тотъ, падая, выстрѣлилъ; поднялась тревога и ночные путешественники были пойманы, суждены и лишь по особому милосердію только разжалованы въ солдаты. Изъ числа этихъ молодыхъ людей одинъ былъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ. Сидъ грызъ и точилъ молодого барина въ эти тяжелыя минуты и вывелъ его изъ терпѣнія такъ, что тотъ его ударилъ. «Бей, сказалъ Сидъ,—бей, если твоя рука поднялась на того, кто твою жизнь спасъ. За это тебя самого Богъ, какъ собаку, убьетъ». И злилъ онъ снова барина такъ, что тотъ впалъ въ ожесточеніе и билъ, и билъ его, пока ихъ розняли. А тутъ вдругъ тревога, наступилъ непріятель, и Бодростинъ въ отчаяніи кинулся въ схватку и не было о немъ слуха. Непріятель побѣжалъ, наши ударились въ погоню, Бодростина нѣтъ нигдѣ. Сидъ пошелъ по всему полю и каждое солдатское тѣло къ свѣтлому мѣсяцу лицомъ началъ переворачивать. Иные еще

мягки, другіе закоченѣли, у иныхъ даже какъ будто сердце бьется, но все это не тотъ, кто Сиду надобенъ... Но вотъ схватилъ онъ за складки еще одну сѣрую шинель, повернулъ ее лицомъ къ мѣсяцу, припалъ ухомъ къ груди и, вскинувъ мертвеца на спину, побѣжалъ съ нимъ, куда считалъ безопаснѣе; но откуда ни возьмись повернулъ на оставленное поле новый вражій отрядъ, и наскочили на Сида уланы и замахнулись на его ношу, но онъ вдругъ ужомъ вывернулся и принялъ на себя ударъ; упалъ съ ногъ, а придя въ себя, истекая кровью, опять понесъ барина. И оба они выздоровѣли и началась съ тѣхъ поръ между ними новая распря: Бодростинъ, котораго опять произвели за храбрость въ офицеры, давалъ Сиду и отпускную, и деньги, и землю, но Сидъ Тимоѳеичъ все это съ гордостію отвергъ.

— Ишь ты, подлое твое дворянское отродье, откупиться лучше хочешь, чтобы благодарнымъ не быть, — отвѣчалъ онъ, разрывая отпускную и дарственную.

— Чего же ты хочешь?—добивался Бодростинъ.

— А того хочу, чего у тебя на самомъ дорогомъ мѣстѣ въ душѣ нѣтъ: дай мнѣ, чтобъ я тебя не самымъ негоднымъ человѣкомъ считалъ.

И такъ шли годы, а у этого барина съ этимъ слугой все шли одинакія отношенія: Сидъ Тимоѳеичъ господствовалъ надъ господиномъ и съ сладострастіемъ поносилъ и ругалъ его при всякой встрѣчѣ и красовался язвами и ранами, если успѣвалъ ихъ добиться изъ рукъ преслѣдуемаго имъ Бодростина. Тотъ его боялся и избѣгалъ, а этотъ его выслѣживалъ и преслѣдовалъ, и раздражалъ съ особеннымъ талантомъ.

— Слушай,— говорилъ онъ вдругъ, выскакивая къ Бодростину изъ-за стога сѣна на лугу, предъ всѣмъ народомъ:— слушай, добрая душа: сошли стараго дядьку на поселеніе! Право, сошли, а то тебѣ здѣсь при мнѣ неспокойно.

— И сошлю,—отвѣчалъ Бодростинъ.

— Врешь, не сошлешь, а жаль: я бы тамъ твоей матери, брату поклонился. Живъ чай онъ — земля не скоро приметъ. А хорошъ человѣкъ былъ—живыхъ въ землю закапывалъ.

Бодростинъ то переносилъ эту докуку, то вдругъ она становилась ему несносна, и онъ, смявъ свою смущающуюся

совѣсть, бралъ Сида въ домъ, сажалъ его на цѣпь, укрѣпленную въ стѣнѣ его кабинета, и они ругались до того, что Михаилъ Андреевичъ въ бѣшенствѣ швырялъ въ старика чѣмъ попало, и нерѣдко, къ крайнему для того удовольствію, зашибалъ его больно, и разъ чуть вовсе не убилъ тяжелою бронзовою статуэткой, но сослать Сида въ Сибирь у него не хватало духа. Выгнать же Сида изъ села было невозможно, потому что, выгнанный съ одной стороны, онъ сейчасъ же заходилъ съ другой.

Дождавшись событія девятнадцатаго февраля, Сидъ Тимофеичъ перекрестился и, явясь съ другими людьми благодарить барина, сказалъ:

— Ну, хоть задомъ-то тебя благодарю, что не всѣ зубы повыбивалъ. Конечно, ваше царство: пережилъ я его и тебя переживу!

Для чего такъ необходимо нужно было Сиду пережить барина, — это оставалось всегдашнею его тайной; но слово это постоянно вертѣлось на его устахъ и было употребляемо другими людьми вмѣсто привѣтствія Сиду.

— Переживешь, Сидъ Тимофеичъ!—кричалъ ему встрѣчный знакомецъ.

— Переживу,—отвѣчалъ, раскланиваясь, Сидъ, и знакомцы расходились.

Съ тѣхъ поръ какъ Бодростинъ, послѣ одной поѣздки въ Петербургъ, привезъ оттуда жену, Глафиру Васильевну, Сидъ сталъ прибавлять: «Переживу; со Іезавелью-Иродіадой переживу, и увижу, какъ псы ея кровь полижутъ».

Глафира сдѣлалась новымъ предметомъ для злобы Сида, но древніе года его уже не дозволяли ему ее ревностно преслѣдовать, и онъ рѣдко ее могъ видѣть и крикнуть ей свое «переживу». Онъ доживалъ вѣкъ полупомѣшаннымъ и въ этомъ состояніи сегодня посѣтила его, въ его темномъ углу, вѣсть объ убіеніи Бодростина.

Сидъ перекрестился, сталъ съ трудомъ на ноги и пришелъ въ домъ помолиться по псалтирю за душу покойника: входъ Сиду былъ не возбраненъ, — никому и въ голову не приходило, чтобы можно было отлучить его отъ барина.

Ворошиловъ всталъ и, остановясь за притолкой въ той же темной гостиной, началъ наблюдать этого оригинала: Сидъ читалъ, и въ лицѣ его не было ни малѣйшей свирѣпости,

ни злости. Напротивъ, это именно былъ «вѣрный рабъ», котораго можно бы надъ большимъ поставить и позвать его войти во всякую радость господина своего. Онъ теперь читалъ громче, чѣмъ прежде, молился усердно и казалось, что ничего не слыхалъ и не видалъ.

Свѣча чуть мерцала и залъ былъ почти теменъ; лакеи ушли, но у дверей показалась маленькая фигура Ермолаича. Онъ сталъ, подперся и стоялъ, словно чего-то ждалъ или что-то соображалъ.

Ворошиловъ выдвинулся изъ-за притолки и кивнулъ рукой; Ермолаичъ замѣтилъ это и тотчасъ же, какъ желѣзо къ магниту, подскочилъ къ Ворошилову, и они зашептались, и вдругъ Ермолаичъ дернулъ Ворошилова за рукавъ, и оба глубже спрятались за портьеру: въ залъ вошелъ Гордановъ.

— Замѣть, перевязи нѣтъ, — шепнулъ Ворошиловъ, но Ермолаичъ только отвѣчалъ пожатіемъ руки.

Гордановъ былъ, дѣйствительно, безъ перевязи и съ потаеннымъ фонарикомъ въ рукѣ.

Войдя въ залъ, онъ прежде всего выслалъ вонъ Сида, и когда строптивый старикъ ему, къ удивленію, безпрекословно подчинился, онъ, оставшись одинъ, подошелъ къ трупу, приподнялъ покрывавшую его скатерть и, освѣтивъ яркимъ лучомъ фонарнаго рефлектора мертвое, обезображенное лицо, сталъ проворно искать чего-то подъ лѣвымъ бокомъ. Онъ нѣсколько разъ съ усиліемъ тянулъ за окоченѣвшую руку мертвеца, но рука была тверда и не поддавалась усиліямъ одной руки Горданова. Тогда онъ поставилъ фонарикъ на грудь трупа и принялся работать обѣими руками, но фонарикъ его вдругъ полетѣлъ, дребезжа, на полъ, а самъ онъ вскрикнулъ и, отскочивъ назадъ, повалилъ незажженные церковные подсвѣчники, которые покатились съ шумомъ и грохотомъ.

На эту сумятицу изъ передней выбѣжала толпа пребывавшихъ въ праздности лакеевъ и робко остановилась вдали трупа, по другой бокъ котораго наклонялся, чтобы поднять подсвѣчники, сильно смущенный Гордановъ, зажимая въ рукѣ скомканный бѣлый носовой платокъ, сквозь который сильно проступала алая кровь.

Что бъ это могло значить?

— Взметался нéжить... чего мечешься? — заговорилъ

вдругъ, входя, Сидъ Тимоѳеичъ и, подойдя къ покойнику съ правой стороны, онъ покрылъ его лицо, потомъ хотѣлъ было поправить руку, но, замѣтивъ замерзшій въ ней пучокъ сухой травы, началъ ее выдергивать, говоря: — «Подай! тебѣ говорю, подай, а то ругать стану». — Съ этимъ онъ началъ выколупывать пальцемъ траву, и вдругъ громко разсмѣялся.

Всѣ присутствовавшіе попятились назадъ, а Сидъ Тимоѳеичъ манилъ къ себѣ и звалъ:

— Подите-ка, идите, поглядите, какъ онъ уцѣпился за мой палецъ! Видите, видите, какъ держитъ! — повторялъ Сидъ, поднимая вверхъ палецъ, за который держалась окоченѣлая мертвая рука.—Ага! что!—шамшалъ Сидъ.—Каковъ онъ, каковъ? Онъ вамъ покажетъ! Онъ вамъ еще покажетъ!

— Вывести вонъ этого сумасшедшаго!—сказалъ Гордановъ, и двое слугъ схватили и потащили старика, который все оборачивался и кричалъ:

— Ничего, ничего! Онъ недаромъ взметался: онъ вамъ покажетъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Ночь послѣ бала.

Межъ тѣмъ какъ все это происходило, въ залу вошелъ Ропшинъ. Онъ остановился въ дверяхъ и, пропустивъ мимо себя людей, выводившихъ Сида, окинулъ всѣхъ однимъ взглядомъ и сказалъ твердымъ голосомъ Горданову:

— Господа! я прошу всѣхъ васъ отсюда удалиться.

— Это что такое?—спросилъ Гордановъ.

— Это такой порядокъ: необыкновенная смерть требуетъ особеннаго вниманія къ трупу, и пока пріѣдутъ власти, я никого сюда не пущу.

— Вы?

— Да, я. Я остаюсь одинъ изъ тѣхъ, кому вѣрилъ покойникъ и кому вѣритъ его вдова. Господа, я повторяю мою просьбу удалиться изъ залы.

— Что это за тонъ?

— Теперь, господинъ Гордановъ, не до тоновъ. Всѣ вышли, уходите и вы, или...

— Или что?—спросилъ, сверкнувъ глазами, Гордановъ.

— Тише; здѣсь вѣдь не лѣсъ, и я—не онъ.

Гордановъ поблѣднѣлъ.

— Что это, глупость или намекъ?—спросилъ онъ запальчиво.

— Намекъ, а впрочемъ, какъ вамъ угодно, но я сейчасъ запираю залъ, и если вы хотите здѣсь остаться, то я, пожалуй, запру васъ.

— Тьфу, чортъ возьми! Да чьею волей и какимъ правомъ вы такъ распоряжаетесь?

— Волей вдовы, господинъ Гордановъ, ея же правомъ. Но дѣло кончено: я васъ сейчасъ запираю. Вы, можетъ-быть, что-нибудь здѣсь позабыли? Это вамъ завтра возвратятъ.

И Ропшинъ пошелъ къ двери.

— Подождите!—крикнулъ, торопливо выскакивая за нимъ, Гордановъ, и когда Ропшинъ замкнулъ дверь, онъ добавилъ:—Я сейчасъ пройду къ Глафирѣ Васильевнѣ!

— Къ Глафирѣ Васильевнѣ? Нѣтъ, вы не трудитесь: это будетъ напрасно.

— Что-о?!

— Я вамъ сказалъ что.

— Посмотримъ!

Гордановъ тронулся впередъ, но Ропшинъ его остановилъ.

— Вернитесь, господинъ Гордановъ, вы будете напрасно трудиться: ея дверь заперта для васъ.

— Вы лжете!

— Смотрите. Она поручила мнѣ беречь ея покой.

Съ этимъ Ропшинъ показалъ знакомый Горданову ключъ и снова быстро спряталъ его въ карманъ.

Павелъ Николаевичъ поблѣднѣлъ.

— Почему Глафира Васильевна не хочетъ меня видѣть?—спросилъ онъ.

Ропшинъ улыбнулся и, пожавъ плечами, прошепталъ:

— Ей кажется... что на васъ кровь, и я думаю то же самое,—и съ этимъ Ропшинъ юркнулъ за дверь и ушелъ по лѣстницѣ на женскую половину.

Гордановъ ушелъ къ себѣ и сейчасъ же велѣлъ подать себѣ лошадей, чтобъ ѣхать въ городъ съ цѣлью послать корреспонденцію въ Петербургъ и переговорить съ властями о бунтѣ.

Въ ожиданіи лошадей, онъ хотѣлъ приготовить письма; но, взглянувъ на ладонь своей лѣвой руки, покраснѣлъ и, досадуя, топнулъ ногой. У него на ладони былъ очень не-

значительный маленькій уколъ, но платокъ, которымъ онъ старался зажать этотъ уколъ, былъ окровавленъ, и это-то дало Ропшину право сказать, что на немъ кровь.

— Чортъ знаетъ что такое! Преступленіе сдѣлано, и сейчасъ уже идутъ и глупости, и ошибки. И какія еще ошибки! Тамъ я позабылъ ножъ, которымъ оцарапалъ руку... И этотъ уколъ, можетъ-быть, трупный. Тьфу, сто дьяволовъ!.. И ляписа нѣтъ, и прижечь нечѣмъ... Скорѣй въ городъ!

И онъ уѣхалъ.

Межъ тѣмъ Ворошиловъ и Ермолаичъ, выйдя заднимъ ходомъ, обошли домъ и стали въ сѣняхъ конторы, куда посаженъ былъ Висленевъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, понуривъ голову, въ какомъ-то полуснѣ, и все что-то бормоталъ и вздрагивалъ.

Ворошиловъ и Ермолаичъ вошли въ контору и стали возлѣ него.

Висленевъ поднялъ готову, повелъ вокругъ глазами и простоналъ.

— Подлецъ, подлецъ, Гордановъ!..

— Это онъ его убилъ?

— Онъ меня погубилъ, погубилъ; но я буду все говорить, я буду все, все говорить; я всю правду открою... Я... ничего не скрою.

— Да, да, будьте честны: говорите правду.

— Я все, все скажу, если меня помилуютъ.

— Васъ помилуютъ.

— Хорошо. Я все скажу; но только одно... пожалуйста, пусть меня скорѣй отвезутъ въ острогъ, а то онъ меня отравитъ, какъ отравилъ Кюлевейна.

Ворошиловъ дернулъ за руку товарища, и они вышли.

Ропшинъ, взойдя на женскую половину верха, вынулъ ключъ и тихо повернулъ его въ двери коридора, ведшаго къ спальнѣ Глафиры. Вдова лежала на диванѣ и щипала какую-то бумажку.

При входѣ Ропшина она проворно встала и сказала:

— Послушайте... вы что же?..

Но Ропшинъ тихо остановилъ ее на первомъ же словѣ.

— Тсс!..—сказалъ онъ, поднявъ таинственно руку:—теперь вамъ надо меня слушать. Вы, конечно, хотите знать, по какому праву я поступилъ съ вами такъ грубо и на-

сильно удержалъ васъ въ вашей комнатѣ? Это было необходимо: я имѣлъ на это право, и я одинъ могу васъ спасти. Прошу васъ помнить, что у меня въ карманѣ есть вчера только-что подписанное духовное завѣщаніе вашего мужа, которымъ онъ все свое состояніе отказалъ вамъ. Долгъ честнаго человѣка повелѣваетъ мнѣ не скрыть этого документа, ввѣреннаго моему смотрѣнію, а между тѣмъ этотъ документъ не только скомпрометируетъ васъ, но... вы понимаете?

— Да, я васъ понимаю.

— Это совсѣмъ не трудно. Новое завѣщаніе прямо говоритъ, что имъ отмѣняется распоряженіе, предоставлявшее имѣніе другимъ родственникамъ, между тѣмъ какъ вы сами знаете, что въ хранимомъ завѣщаніи совсѣмъ не то...

— Да скорѣе, скорѣе: какая ваша цѣна за вашъ долгъ честнаго человѣка?

— Боже меня спаси! Никакой цѣны; но что не можетъ быть цѣнимо на деньги, то подчиняется инымъ условіямъ...

— Послушайте, Ропшинъ: монхъ силъ нѣтъ выносить васъ, и вы можете довести меня до того, что я предпочту Сибирь уничиженію!

— Я согласенъ скрыть это завѣщаніе и всѣми мѣрами хлопотать объ утвержденіи за вами того, которое хранится въ Москвѣ...

— Ну-съ, и что же, что же вамъ надо за это?

— Я вамъ ручаюсь, что все будетъ сдѣлано скоро и благополучно, и...

— Ну и что же, что̀ вамъ за это?—вскричала, топая ногой и совсѣмъ выходя изъ себя, Глафира.

— Ничего новаго,—отвѣчалъ тихо Ропшинъ, и дѣвственно поникая головой, еще тише добавилъ:—ровно ничего новаго... но только... я бы хотѣлъ, чтобъ это далѣе было согласно съ закономъ и совѣстью.

Глафира сначала не сразу поняла эти слова, а потомъ, несмотря на свою несмутимость, покраснѣла. Она презирала въ эти минуты Ропшина, какъ никого другого въ жизни. Онъ былъ противенъ ей по воспоминаніямъ въ прошедшемъ, по ощущеніямъ въ настоящемъ и по предчувствіямъ въ будущемъ. Несмотря на то, что теперь не было времени для размышленій философскаго свойства, Глафирѣ вдругъ припомнились всѣ люди, на которыхъ она въ по-

мыслахъ своихъ глядѣла, какъ на мужчинъ, и она не могла представить себѣ ничего презрѣннѣе этого бѣлобрысаго Ропшина... Висленевъ и тотъ являлся въ сравненіи съ нимъ чуть не геніемъ совершенства; въ бѣдномъ Жозефѣ все-таки была непосредственная доброта, незлобіе, дѣтство и забавность. И между тѣмъ Глафира поздно замѣтила, что онъ, этотъ Ропшинъ, именно неодолимъ: это сознаніе низошло къ ней, когда надо смириться подъ рукой этого ничтожества.

— Ропшинъ!—воскликнула она:—смыслъ вашей гнусной рѣчи тотъ, что вы хотѣли бы на мнѣ жениться?

— Да.

— Вы безумный!

— Не знаю почему.

— Почему? вы презрѣнное, гадкое насѣкомое.

— Но я одинъ,—отвѣчалъ, пожавъ плечами, Ропшинъ:—одно это насѣкомое можетъ васъ спасти. Оглянитесь вокругъ себя,—заговорилъ онъ, дѣлая шагъ ближе:—что повсюду надѣлано: Висленевъ во всемъ признается; онъ скажетъ, что вы и Гордановъ научили его убить вашего мужа.

— Этому нѣтъ доказательствъ!

— Какъ знать? завѣщаніе подписано вчера, и сегодня убійство... Низость всеобщая вокругъ, недовѣріе и шпіонство; забѣгательство впередъ одного предъ другимъ во очищеніе себя. Гордановъ доноситъ, вы доносите, Висленевъ доноситъ, Лариса доноситъ... наконецъ, я тоже писалъ, потому что я долженъ былъ писать, зная затѣвающееся преступленіе, и... все это въ разныя руки, и теперь все это вдругъ сбылось.

— Что же, что сбылось: всѣ говорятъ, что бунтовъ должно ждать. Его убили крестьяне.

— Да-съ: это прекрасно, что бунтовъ должно ждать, но тогда надо ихъ поискуснѣе дѣлать: надо было такъ дѣлать, чтобы, дѣйствительно, крестьяне убили.

— Да это такъ и сдѣлано.

— Нѣтъ-съ, не такъ.

Глафира оправилась и добавила:

— Полно вамъ меня пугать, господинъ Ропшинъ, дѣло идетъ о крестьянскомъ бунтѣ, и я здѣсь сторона.

— А если нѣтъ? А если на тѣлѣ есть...

— Что можетъ быть на тѣлѣ?

— Трехгранная рана испанскаго стилета.

Глафира пошатнулась.

— Вашъ хлыстъ?—спросилъ шопотомъ Ропшинъ.

— Его нѣтъ у меня.

— Онъ у Горданова. Благодарите Бога, что я не далъ вамъ видѣться съ нимъ: вы будете свободны отъ одного подозрѣнія, но на этомъ не конецъ; чтобъ опровергнуть общее мнѣніе, что вы хотите выйти замужъ за Горданова, я хочу на васъ жениться.

Глафира окинула его удивленнымъ взглядомъ и сдѣлала шагъ назадъ.

— Да,—повторилъ Ропшинъ:—я хочу на васъ жениться, и это единственное условіе, подъ которымъ я могу скрыть завѣщаніе, довѣренное мнѣ убитымъ, тогда я сдѣлаю это съ свободною совѣстью. О преступленіи жены я могу не свидѣтельствать. Итакъ... я жду, что вы мнѣ скажете?

— Сибирь или Ропшинъ?—выговорила, пристально глядя на него, Глафира.

— Я васъ не притѣсняю.

— Благодарю. Ропшинъ или Сибирь?

— Да, да; Сибирь или Ропшинъ, Ропшинъ или Сибирь? выборъ не сложный—рѣшайте.

— Я рѣшила.

— Что выбрано?

— Ропшинъ.

— Прекрасно; теперь прошу васъ не дѣлать ни малѣйшаго шага къ какимъ-нибудь сближеніямъ съ Гордановымъ—это васъ погубитъ. Повѣрьте, что я не ревнивъ и это во мнѣ говоритъ не ревность, а желаніе вамъ добра. На васъ падаетъ подозрѣніе, что вы хотѣли извести Бодростина для того, чтобы выйти замужъ за Горданова... Благоразуміе заставляетъ прежде всего опрокинуть это подозрѣніе. Далѣе, я останусь здѣсь, на вашей половинѣ...

— Здѣсь, теперь?—спросила Глафира въ удивленіи, открывая глаза: Ропшинъ, снявъ съ себя сюртукъ, покрылся лежавшею на креслѣ шалью Глафиры и укладывался на ея диванѣ.—Это еще что значитъ?

— Это значитъ, что я продолжаю мое дѣло вашего спасенія.

— Но вы съ ума сошли. Это всѣ будутъ знать!

— Я этого-то и хочу.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? затѣмъ, чтобы знали, что Гордановъ былъ ширма, а что вы меня всегда любили; затѣмъ, чтобы немедленно же пустить на вашъ счетъ другіе разговоры и опрокинуть существующее подозрѣніе, что вы хотѣли выйти замужъ за Горданова. Что, вы меня поняли? Ого-го! постойте-ка, вы увидите, какъ мы ихъ собьемъ съ толку. Только я васъ предупреждаю: наблюдайте за собою при Ворошиловѣ.

— При комъ?

— При Ворошиловѣ.

— При этомъ пріѣзжемъ?

— Да, при пріѣзжемъ.

— Кто же онъ такой?

— А чортъ его знаетъ, кто онъ такой, но во всякомъ случаѣ онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ.

Глафира ничего не отвѣчала и задумалась: она молча припоминала все говоренное ею когда-нибудь при Ворошиловѣ, который такъ недавно появился здѣсь и котораго она совсѣмъ почти не замѣчала.

«И что же это такое наконецъ, — думала она: — точно опрокинулся предо мною ящикъ Пандоры и не вѣсть откуда берутся на меня и новыя враждебныя лица, и новыя бѣды».

На нее напалъ невыразимый страхъ нечистой совѣсти, и уснувшій Рошшинъ уже пересталъ ей казаться такимъ отвратительнымъ и тяжелымъ. Напротивъ, она была рада, что хотя онъ здѣсь при ней, и когда въ ея дверь кто-то тихо стукнулъ, она поблѣднѣла и дружески молвила: Генрихъ!

Онъ быстро проснулся, узналъ въ чемъ дѣло и, взявъ вдову за ея дрожащую руку, сказалъ:—О, будь покойна,—и затѣмъ твердымъ голосомъ крикнулъ:—входите! Кто тамъ? входите!

На этотъ зовъ въ комнату со смѣшаннымъ видомъ вступила горничная и объявила, что недавно уѣхавшая Синтянина возвратилась опять и сейчасъ же хочетъ видѣть Глафиру.

— Я не могу никого видѣть... Что ей нужно?

— Лариса Платоновна поѣхала съ ними...

— Ну?

— И теперь ихъ нѣтъ.

— Кого?... Ларисы?

— Да-съ; онѣ куда-то убѣжали; ихъ искали вездѣ: на хуторѣ, по лѣсу, въ паркѣ, и теперь сама генеральша здѣсь... и спрашиваютъ Ларису Платоновну.

— Но ея здѣсь нѣтъ; ея здѣсь нѣтъ: пусть ѣдутъ къ Горданову въ городъ... Я теперь никого не могу принять.

— Напротивъ,—вмѣшался Ропшинъ и, давъ дѣвушкѣ знакъ выйти, сказалъ Глафирѣ, что дѣло это не шуточное и что она непремѣнно должна принять Синтянину и въ точности узнать, что̀ такое случилось.

Съ этимъ онъ усадилъ Глафиру въ кресло и самъ вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ возвратился, сопровождая закутанную платкомъ Александру Ивановну.

— Что̀ тамъ еще, Alexandrine?—спросила, не поднимаясь съ мѣста, Глафира.

— Ужасное несчастіе, — отвѣчала, сбрасывая съ себя платокъ, генеральша: — я привезла домой Лару, и пока занялась тѣмъ, чтобы приготовить ей теплое питье и постель, она исчезла, оставивъ на фортепіано конвертъ и при немъ записочку. Я боюсь, что она съ собой что-нибудь сдѣлала.

— Но что же за записка?

— Вотъ она, читайте... — и генеральша подала клочокъ нотной бумаги, на которомъ рукой Ларисы было написано карандашомъ: «Я все перепортила, не могу больше жить. Прощайте. Въ конвертѣ найдете все, что довело меня до самоубійства».

— Что же было въ конвертѣ?

— Не знаю; его взялъ мой мужъ. Я бросилась ее искать: мы обыскали весь хуторъ, звали ее по полямъ, по дорогѣ, по лѣсу, и тутъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ... нынче добывали огонь, встрѣтились съ Ворошиловымъ и этимъ... какимъ-то человѣкомъ... Они тоже искали что-то съ фонаремъ и сказали намъ, чтобы мы ѣхали сюда. Бога ради посылайте поскорѣе людей во всѣ мѣста искать ее.

Но вмѣсто живого участія къ этимъ словамъ, блѣдная Глафира, глядя на Ропшина, произнесла только:

— Ворошиловъ... тамъ... съ фонаремъ... Ропшинъ, ступайте туда!.. Я васъ умоляю... Что же такое все это можетъ значить?

Ропшинъ скорыми шагами вышелъ за дверь, и черезъ минуту послышался топотъ отъѣзжавшихъ лошадей, а дѣвушка подала Синтяниной записочку, набросанную карандашомъ, въ которой распорядительный Генрихъ извѣщалъ ее, что сейчасъ же посылаетъ десять верховыхъ съ фонарями искать Ларису Платоновну по всѣмъ направленіямъ, и потому проситъ генеральшу не безпокоиться и подождать утра.

Глафира попросила рукой эту записку и, пробѣжавъ ее глазами, осталась неподвижною.

— Лягьте, Глафира, попробуйте успокоиться, а я посижу.

— Хорошо, — отвѣчала Бодростина и, поддерживаемая Синтянинной и горничной, перешла изъ будуара въ свою спальню.

Прошелъ часъ: все было тихо, но только домъ какъ будто вздрагивалъ; генеральша не спала и ей казалось, что это, вѣроятно, кто-то сильно хлопаетъ внизу дверью. Но наконецъ это хлопанье стало все сильнѣе и чаще, и на лѣстницѣ послышался шумъ.

Синтянина вскочила, взяла свѣчу и вышла на террасу, на которой, перевѣсясь головой черезъ перила, стояла горничная Глафиры: снизу поднималось нѣсколько человѣкъ, которые несли глухонѣмую Вѣру.

Она вся дрожала отъ холода, и посинѣвшее лицо ея корчилось, а руки были крѣпко стиснуты у груди, какъ будто она ими что-то держала и боялась съ чѣмъ-то разстаться.

Увидѣвъ мачиху, дѣвочка сдѣлала усиліе улыбнуться и, соскользнувъ съ рукъ несшихъ ее людей, кинулась къ ней и стала быстро говорить своею глухонѣмою азбукой.

Она объясняла, что, боясь за мачиху, бросилась вслѣдъ за нею, не могла ее догнать и, сбившись съ дороги, чуть не замерзла, но встрѣтила людей, которые ее взяли и принесли.

— Что же это были за люди?

Глухонѣмая показала, что это Ворошиловъ и Андрей Парфенычъ.

— Кто это былъ? кого она называетъ? — спросила нетерпѣливо вышедшая на этотъ разсказъ Глафира, и какъ только Синтянина назвала Ворошилова, она прошептала: «опять онъ! Боже! чего же это они повсюду ходятъ?»

Дѣвочкѣ подали теплый чай и сухое платье; она чай

съ жадностью выпила, но ни за что не хотѣла перемѣнить бѣлья и платья, какъ на этомъ ни настаивали; она топала ногой, сердилась и, наконецъ, вырвавъ изъ рукъ горничной бѣлье, бросила его въ каминъ и, сѣвъ предъ огнемъ, начала сушиться.

— Ее нельзя болѣе безпокоить и принуждать, — сказала Синтянина, и когда горничная ушла, между падчерицей и мачихой началась ихъ нѣмая бесѣда: дѣвочка, косясь на безмолвно сидящую въ креслѣ Глафиру, быстро метала руками предъ мачихой свои знаки, и наконецъ, замѣтила, что Синтянина дремлетъ, а Глафира даже спитъ.

Такъ подѣйствовали на нихъ усталость, теплота камина и манипуляціи нѣмой, съ которыхъ онѣ долго не сводили глазъ. Глухонѣмая какъ будто ждала этого и, повидимому, очень обрадовалась; не нарушая покоя спящихъ, она безъ малѣйшаго шума приподнялась на ноги, распустила свое платье; тщательно уложила за нимъ вдоль своего слабаго тѣльца то, что скрывала, и, приведя себя снова въ порядокъ, свернулась и уснула на коврѣ у ногъ генеральши.

Столь тщательно скрываемая этимъ ребенкомъ вещь былъ щегольской хлыстъ Глафиры съ потайнымъ трехграннымъ стилетомъ въ рукояткѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ ВТОРАЯ.

Бунтъ.

Ночь уходила; пропѣли послѣдніе пѣтухи; Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ лежалъ бездыханный въ большой залѣ, а Іосафъ Платоновичъ Висленевъ сидѣлъ на изорванномъ креслѣ въ конторѣ; предъ нимъ, какъ разъ насупротивъ, упираясь своими ногами въ ножки его кресла, помѣщался огромный рыжій мужикъ, съ длинною палкой въ рукахъ, и дремалъ; у дверей стояли два другіе мужика, тоже съ большими палками, и оба тоже дремали, между тѣмъ какъ подъ окнами безпрестанно шмыгали дворовыя женщины и ребятишки, старавшіеся приподняться на карнизъ и заглянуть чрезъ окно на убійцу, освѣщеннаго сильно нагорѣвшимъ сальнымъ огаркомъ. Земскій сотскій и десятскіе въ теченіе всей ночи постоянно отгоняли любопытныхъ отъ конторы; въ залу же большого дома, гдѣ лежалъ убитый, всѣмъ и заглянуть казалось опасно. Страшенъ былъ имъ этотъ покойникъ: общее предчувствіе не-

минучей бѣды подавило всякое любопытство: крестьяне съ села не приходили; они, казалось, сами себя чувствовали какъ бы зачумленными, и спали они, или не спали — не разберешь, но вездѣ было темно. Такъ ушелъ и еще часъ, и вдругъ, вдалекѣ, за перелогомъ, послышался колокольчикъ и затихъ. Нѣсколько молодыхъ ребятъ, собравшихся на задворкѣ и ведшихъ между собою таинственную бесѣду о дьявольской силѣ, которая непремѣнно участвовала въ нынѣшней бѣдѣ, услыхавъ этотъ звонъ, всполошились было, но подумали, что это послышалось, успокоились и начали снова бесѣду.

— Онъ хитеръ, ухъ какъ хитеръ, — говорилъ рѣчистый разсказчикъ, имѣвшій самое высокое мнѣніе о чортѣ.—Онъ возвелъ Господа на крышу и говоритъ: «видишь всю землю, я ее всю Тебѣ и отдамъ, опричь оставлю себѣ одну орловскую да курскую губерніи». А Господь говоритъ: «а зачѣмъ ты мнѣ курской да орловской губерніи жалѣешь?» А чортъ говоритъ: «это моего тятеньки любимые мужички и моей маменьки приданая вотчина, я ихъ отдать никому не смѣю...»

Но въ это время колокольчикъ раздался еще слышнѣе, и народъ зашевелился даже въ избахъ: по печамъ, припечкамъ, на лавкахъ, на полатяхъ и на пыльныхъ загнеткахъ послышался шорохъ и движеніе, и люди однимъ многоустнымъ шопотомъ произнесли ужасное слово: «слѣдство».

Но вотъ колокольчикъ и опять затихъ, какъ бы сорвался, и зато черезъ пять минутъ послышался ближе и громче, со всѣми отливами и переливами охотничьяго малиноваго звона.

— Два, — зашептали на печкахъ: — два звонка-то, а не одинъ.

— Чего два? Можетъ ихъ и не вѣсть сколько: ишь какъ ремжитъ на разныя стороны. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

И точно, послѣднее мнѣніе было справедливѣе: когда звонъ колокольчиковъ раздался у самой околицы и тысячи мужичьихъ и бабьихъ глазъ прилегли къ темнымъ окнамъ всѣхъ избъ, они увидѣли, какъ по селу пронеслась тройкой телѣга, за нею тарантасъ, другой, и опять телѣга, и все это покатило прямо къ господскому дому и скрылось.

Началось невеселое утро: избы не затапливались. лаптевая свайка не играла въ рукѣ мужика, и только веретена кое-какъ жужжали въ рукахъ бабъ. да и то скучно и какъ бы нехотя.

Но вотъ начинается и вылазка: изъ дверей одной избы выглянулъ на улицу зипунъ и сталъ-стоитъ на вѣтрѣ; черезъ минуту изъ другой двери высунулась нахлобученная шапка и тоже застыла на мѣстѣ; еще минута и они увидали другъ друга и поплыли, сошлись, вздохнули и, не сказавъ между собою ни слова, потянулись, кряхтя и почесываясь, къ господскому дому, на темномъ фасѣ котораго, то тамъ, то здѣсь, освѣщенныя окна сіяли какъ огненныя раны.

— Не спятъ,—шепнулъ шапкѣ зипунъ.

— Гдѣ спать!—отвѣчала, шагая за нимъ, шапка.

— Грѣхъ...

И оба пѣшехода вдругъ вздрогнули и бросились въ сторону: по дорогѣ на рысяхъ проѣхали два десятка казаковъ съ пиками и нагайками, съ головы до ногъ покрытые снѣгомъ. Мужики сняли шапки и поплелись по тому же направленію, но на полувсходѣ горы, гдѣ стояли хоромы, ихъ опять потревожилъ конскій топотъ и непривычный мирному сельскому слуху брязгъ оружія. Это ѣхали тяжелою рысью высланные изъ города шесть жандармовъ и впереди ихъ старый усатый вахмистръ.

Завидѣвъ этихъ грозныхъ, хотя не воюющихъ воиновъ, мужики залегли въ межу и, пропустивъ жандармовъ, встали, отряхнулись и пошли въ обходъ къ господскимъ конюшнямъ, чтобы поразвѣдать чего-нибудь отъ знакомыхъ конюховъ; но кончили тѣмъ, что только повздыхали за угломъ на скотномъ дворѣ и повернули домой, но тутъ были поражены новымъ сюрпризомъ: по огородамъ, вокругъ села, словно журавли надъ болотомъ, стояли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга пѣхотные солдаты съ ружьями, а посреди деревни, предъ запаснымъ магазиномъ, шелъ гулъ: здѣсь расположился батальонъ, и прозябшіе солдатики поталкивали другъ друга, желая согрѣться.

Всѣ ждали бѣды и всякъ, въ свою очередь. былъ готовъ на нее, и бѣда шла какъ слѣдуетъ дружнымъ натискомъ, такъ что навстрѣчу ей едва успѣвали створять ворота. Наѣхавшіе въ тарантасахъ и телѣгахъ должностныя лица чуть

только оправились въ отведенныхъ имъ покояхъ дома, какъ тотчасъ же освѣдомились о здоровьѣ вдовы. Дворецкій отвѣчалъ, что Глафира Васильевна, сильно разстроенная, сейчасъ только заснула.

— И не безпокоить ее, — отвѣчалъ молодой чиновникъ, которому всѣ пріѣхавшіе съ нимъ оказывали почтительную уступчивость.

— Qu'est ce qu'elle a? — обратился съ вопросомъ къ этому господину оправлявшійся предъ зеркаломъ молодой жандармскій офицеръ.

— Elle est indisposée,—коротко отвѣчалъ чиновникъ и, оборотясь опять къ дворецкому, освѣдомился, кто въ домѣ есть изъ постороннихъ?

Получивъ въ отвѣтъ, что здѣсь изъ гостей остался одинъ петербургскій господинъ Ворошиловъ, чиновникъ послалъ сказать этому гостю, что онъ желалъ бы сію минуту его видѣть.

— Вы хотите начать съ разговора съ нимъ? — освѣдомился, додѣлывая колечки изъ усовъ, молодой штабъ-офицеръ.

— Да; съ чего же нибудь надо начинать.

— C'est vrai, c'est justement vrai, mais si j'étais à votre place... Mille pardons, но мнѣ... кажется, что надо начинать не съ разспросовъ: во всякомъ случаѣ первое дѣло фрапировать и il me vient une idée...

— Пожалуйста, пожалуйста, говорите!

— Сдѣлаемъ по старинной практикѣ.

— Я васъ слушаю: я самъ врагъ нововведеній.

— Не правда ли? Ne vaudrait-il pas mieux, чтобы не давать никому опомниться, арестовать какъ можно больше людей и правыхъ, и виноватыхъ... Это во всякомъ дѣлѣ первое, особенно въ такомъ ужасномъ случаѣ, каковъ настоящій.

Чиновникъ слушалъ это, соображалъ, и наконецъ согласился.

— Право, повѣрьте мнѣ, что этотъ пріемъ всегда приводитъ къ добрымъ результатамъ,—утверждалъ офицеръ.

Чиновникъ былъ совсѣмъ убѣжденъ, но онъ видѣлъ теперь только одно затрудненіе: онъ опасался, какъ бы многочисленные аресты не произвели въ многолюдномъ селѣ открытаго бунта; но офицеръ, напротивъ, былъ убѣжденъ,

что этимъ только и можетъ быть предотвращенъ бунтъ, и къ тому же его осѣняла идея за идеей.

— Il m'est venu encore une idée, — сказалъ онъ: — можно, конечно, арестовать зачинщиковъ по одиночкѣ въ ихъ домахъ, но тутъ возможны всякія случайности. Сдѣлаемъ иначе, намъ бояться нечего, у нашихъ солдатъ ружья заряжены и у казаковъ есть пики. Вѣдь это же сила! Чего же бояться? Мы прикажемъ собрать сходку и... въ кучѣ виднѣе, въ кучѣ сейчасъ будутъ видны говоруны и зачинщики...

— Да; вотъ что, говоруны будутъ видны, въ этомъ, мнѣ кажется, вы правы,—рѣшилъ чиновникъ.

— О, ужъ вы положитесь на меня.

Чиновникъ полунехотя пробурчалъ, что онъ, однако, былъ всегда противъ безсмысленныхъ арестовъ и дѣйствія силой, но что въ настоящемъ случаѣ, гдѣ не видно никакихъ нитей, онъ соглашается, что это единственный способъ.

Послѣдствіемъ такихъ переговоровъ и соображеній было то, что по дверямъ крестьянскихъ хатъ застучали костыльки сельскихъ десятниковъ, и въ сѣромъ туманѣ предразсвѣтной поры изъ всѣхъ избъ всѣ взрослые люди, одѣтые въ полушубки и свиты, поползли на широкій выгонъ къ магазину, куда созывало ихъ новоприбывшее начальство.

Сходка собиралась въ совершенной тишинѣ. Утро было свѣжее и холодное; на востокѣ только чуть обозначалась алая полоска зимней зари. Народъ стоялъ и стылъ; вокругъ толпы клубился паръ отъ дыханія. Начальство медлило; но вотъ пріѣхалъ жандармскій офицеръ, пошептался съ пѣшимъ майоромъ и въ собранныхъ рядахъ пѣшаго батальона происходили непонятныя мужикамъ эволюціи: одна рота отдѣлилась, отошла, развернулась надвое и исчезла за задворками, образовавъ на огородахъ рѣдкую, но длинную растянутую цѣпь. Деревня очутилась въ замкнутомъ кругѣ. Мужики, увидавъ замелькавшіе за плетнями рыжіе солдатскіе башлыки, смѣтили, что они окружены и, тихо крестясь, робко пожались другъ къ другу. Довольно широкая кучка вдругъ собралась и сѣлась, а въ эту же пору изъ-за магазина выступила другая рота и сжала сходку какъ обручемъ.

Мужики, напирая другъ на друга, старались не глядѣть въ лицо солдатамъ, которые, дрожа отъ мороза, подпрыгивали, выколачивая стынущими ногами самыя залихватскія дроби. Солдаты были ни скучны, ни веселы: они исполняли свою службу покойно и равнодушно; но мужикамъ казалось, что они злы, и смущенные глаза крестьянъ, блуждая, невольно устремлялись за эту первую цѣпь, туда, къ защитамъ избъ, къ простору разстилающихся за ними бѣлыхъ полей.

Вторая цѣпь, скрытая на задворкахъ, была уже позабыта, но суровыя лица ближайшихъ солдатъ наводили панику. Въ толпѣ шептали, что «вотъ скомандуетъ-де имъ сейчасъ ихъ набольшій: потроши ихъ, ребята, за вѣру и отечество, и сейчасъ насъ не будетъ». Какой-то весельчакъ пошутилъ, что тогда и подушнаго платить не нужно, но другой молодой парень, вслушиваясь въ эти слова, зашатался на мѣстѣ, и вдругъ, ни съ того, ни сего, сталъ насѣдать на колѣни. Его отпихнули два раза солдаты, къ которымъ онъ порывался, весь трясясь и прося отпустить его посмотрѣть коровушку. Родная толпа мужиковъ потянула его назадъ и спрятала. Солдатики острили своими обычными остротами и шутками. Говоруны и зачинщики не обозначались, но зато въ эту минуту въ дальнемъ концѣ широкой улицы деревни показались двѣ фигуры, появленіе которыхъ прежде всѣхъ было замѣчено крестьянами, а потомъ ихъ усмотрѣло и начальство, обратившее вниманіе на происшедшее по этому случаю обращеніе крестьянскихъ взоровъ въ одну сторону. Это было очень дурнымъ знакомъ: находчивый жандармскій офицеръ шепнулъ слово казачьему уряднику, и четыре казака, взявъ пики на перевѣсъ, бросились вскачь и понеслись на двухъ прохожихъ. Въ толпѣ крестьянъ пробудилось сильное любопытство: что, молъ, изъ сего послѣдуетъ?

Два внезапно появившіяся лица крестьянами узнаны: это не были совсѣмъ неизвѣстные люди, это наши старые знакомые—священникъ Евангелъ и отставной майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Вѣсть о Ларисѣ.

Когда всѣ изъ дому Синтяниной удалились искать бѣжавшую Лару, майоръ Форовъ избралъ себѣ путь къ Еван-

гелу, въ томъ предположеніи, что не пошла ли Лариса сюда. Это предположеніе было столько же невѣроятно, какъ и всѣ другія, и Форовъ шелъ единственно для очищенія совѣсти, а на самомъ же дѣлѣ онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Ларису искать напрасно, что она порѣшила кончить съ собою, и теперь ее если и можно сыскать, то развѣ только мертвую.

Этого же мнѣнія былъ и Евангелъ, у котораго Ларисы, разумѣется, не оказалось.

Пріятели вмѣстѣ переночевали, поговорили и утромъ рѣшились пойти узнать, нѣтъ ли чего новаго.

Идучи привычною скорою походкой, они уже подходили къ бодростинскому парку, какъ вдругъ ихъ оживило одно странное обстоятельство: они увидали, что изъ рва, окружающаго паркъ, въ одномъ мѣстѣ все выпрыгивалъ и прятался назадъ бѣлый заяцъ и выдѣлывалъ онъ это престранно: вскочитъ на край и забьется и юркнетъ въ ровъ, а черезъ минуту опять снова за то же.

Форовъ, имѣвшій прекрасное зрѣніе, поставилъ надъ глазами ладонь и, всматриваясь, сказалъ:

— Нѣтъ, это не заяцъ, а это... это что-нибудь въ родѣ полотна развѣвается... Да; но вонъ надъ нимъ что-то птицы вьются... это галки и вороны. Что же это можетъ быть?

Евангелъ молчалъ.

— Ну, гайда! пойдемъ: птицы надъ живымъ не летаютъ.

И путники торопливо пошли къ загадочному предмету и вскорѣ убѣдились, что никакого зайца здѣсь, дѣйствительно, не было, а надъ краемъ канавы то взлеталъ, то падалъ бѣлый кусокъ какой-то легкой матеріи. Не успѣли Форовъ и Евангелъ сдѣлать впередъ еще десять шаговъ, какъ предъ ними, въ глубинѣ окопа, вырисовалась небольшая человѣческая фигура, покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, одинъ уголъ котораго былъ обвязанъ вокругъ головы и закрывалъ все лицо, между тѣмъ какъ остальная часть его закрывала грудь и колѣна; вся эта часть была залита коричневымъ потокомъ застывшей крови. Форовъ недолго думалъ, спрыгнулъ въ канаву и тотчасъ же оттуда выпрыгнулъ, держа въ дрожащей рукѣ окровавленную бритву съ серебряною буквою Б на черномъ костяномъ черенкѣ.

— Вотъ гдѣ она! — воскликнулъ майоръ, показавъ това-

рищу орудіе Ларисиной смерти и, бросивъ бритву назадъ въ ровъ, отвернулся.

Евангелъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Да, она; и посмотри, что значитъ женщина: она, убивая себя, заботилась, чтобы трупъ ея никого не пугалъ; сошла внизъ, присѣла на корень березы, закрыла личико и сидитъ какъ спящая.

Они еще посмотрѣли на самоубійцу и пошли на усадьбу, чтобы дать знать о своей находкѣ.

Довольно странно было, что эта неожиданная находка, однако, очень мало ихъ поразила: и Евангелъ, и Форовъ какъ-будто находили, что этого надо было ждать, и майоръ наконецъ даже высказалъ такую мысль, которая со стороны его собесѣдника вызвала только простой вопросъ:

— А почему ты такъ думаешь?

— Да ей незачѣмъ жить стало.

— Такъ и умирать, и руки на себя поднимать?

— А отчего же не поднять, когда поднимаются.

Евангелъ посмотрѣлъ на Форова и произнесъ:

— Однако, извини за откровенность, какая ты превредная скотинка.

— Черезъ какое это неблагополучіе,—не черезъ то ли, что допускаю возможность сойти съ земли безъ твоего посредства? Дѣло, братъ: стой за своихъ горою!

— А вотъ я посмотрю,—перебилъ Евангелъ.

— Что это?

— Какъ ты самъ...

— Умирать, что ли, какъ буду?

— Да.

— Будь увѣренъ, что по всѣмъ правиламъ искусства окончу,—исповѣдаюсь и причащусь. Я вѣдь тебѣ это давно говорилъ и еще разъ скажу: я, братъ, здоровый реалистъ и вздора не люблю: я не захочу, чтобы кому-нибудь со мною, съ мертвымъ, хлопоты были, — все соблюду и приму «какъ сказано».

— Нѣтъ; ты взаправду пустой человѣкъ.

— Да почему же? что ты все только ругаешься!

— Да вотъ такъ... хочу тебя такъ назвать и называю, а хочешь добиться, такъ вотъ почему: не увѣряй, какъ поведешь себя, когда смерть пристигнетъ. Это дѣло строгое.

— Что говорить, я и не спорю — моментъ острый, это

не то что гранпасьянсъ раскладывать. Однако, вотъ мы пришли, — будетъ тебѣ надо мной въ проповѣдничествѣ упражняться: я и Босюэта, и Бурдалу когда-то читалъ и все безъ покаянія остался. Теперь давай думать, куда намъ идти: въ домъ или въ контору?

Но, придя въ деревню, они были поражены собранною на улицѣ огромною толпой, окруженною пѣшимъ и коннымъ конвоемъ: имъ въ голову не приходило, что это усмиряютъ бунтъ; они не предвидѣли никакого повода для бунта, и потому, когда наскакавшіе на нихъ казаки остановились, не зная, что имъ далѣе дѣлать, то Форовъ съ удивленіемъ, но безъ всякаго испуга, спросилъ ихъ:

— Что это такое? что вамъ надо, ребята?

Казаки, видя предъ собой священника и человѣка въ военной фуражкѣ съ кокардой, начали озираться на начальство, но оттуда тотчасъ же отдѣлился офицеръ и, давъ лошади шпоры, понесся сюда съ крикомъ:

— Бери ихъ!

Казаки спрыгнули съ коней и бросились на Евангела; тотъ не трогался, но Форовъ отскочилъ назадъ и прыгнулъ къ ближайшему строенію, чтобы имѣть у себя за стѣной защиту; но не успѣлъ онъ пробѣжать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ предъ собою трехъ солдатъ, державшихъ его за руки, межъ тѣмъ какъ третій приставилъ ему къ груди сверкающій штыкъ. Маленькій пѣхотный поручикъ съ потнымъ лбомъ юлилъ вокругъ него и, закуривъ тоненькую папироску у одного изъ двухъ стоявшихъ къ Форову спиной господъ, крикнулъ:

— Заряжай его... то бишь: веди его! веди!

— Пошелъ! — крикнулъ сзади майора козлиный голосъ, и здоровый унтеръ-офицеръ усердно толкнулъ Форова въ спину.

Маленькій поручикъ остался на мѣстѣ ареста Форова и опять закуривалъ свою тонкую папироску у двухъ особъ, которыхъ Форовъ не разсмотрѣлъ въ первую минуту; но, огибая теперь уголъ у выхода на улицу, онъ взглянулъ мимоходомъ на этихъ людей и узналъ въ нихъ Горданова, въ дорожной енотовой шубѣ, и Ворошилова, въ касторовомъ пальто съ камчатскимъ бобромъ. Безстрастное, гладко выбритое чиновничье лицо Ворошилова и въ эту минуту было невозмутимо, но его сѣро-голубые глаза не безъ участія

слѣдили за конвоируемымъ майоромъ. По крайней мѣрѣ такъ показалось Форову, и онъ вдругъ почувствовалъ къ этому человѣку довѣріе, и закричалъ ему:

— Милостивый государь! скажите кому-нибудь, пожалуйста, что тамъ на рубежѣ за паркомъ валяется въ канавѣ мертвая сестра господина Висленева, Лариса Платоновна Подозерова: она зарѣзалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

На ворахъ загораются шапки.

Домъ и усадьба Бодростиныхъ представляли нѣчто ужасное. Въ большомъ залѣ, гдѣ происходилъ вчерашній пиръ, попрежнему лежалъ на столѣ трупъ Бодростина, а въ боковой маленькой залѣ нижняго этажа пристройки, гдѣ жила послѣднее время Лара, было сложено на диванѣ ея бездыханное, покрытое бѣлою простыней, тѣло.

Люди, которые принесли ее, не рѣшались положить ее на столъ, считая такую честь неудобною для самоубійцы.

Въ каменномъ амбарѣ безъ потолка были посажены связанные крестьяне, арестованные для порядку, хотя начальство и увѣрилось, наконецъ, что бунта нѣтъ и усмирять оказалось нечего.

Въ отдѣльныхъ трехъ комнатахъ конторы помѣщалась арестованная аристократія: посягатель на убійство Горданова — Жозефъ Висленевъ, сильно подозрѣваемый въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту—священникъ Евангелъ, и очевидный бунтовщикъ, силой захваченный, майоръ Форовъ. Въ каменномъ же амбарѣ безъ потолка сидѣли человѣкъ двадцать арестованныхъ крестьянъ.

Войско оцѣпляло усадьбу и держало караулы; свободные солдатики хозяйничали въ крестьянскихъ избахъ, исполненныхъ всякой тоски и унылости. Начальство, состоящее изъ разныхъ наѣхавшихъ сюда гражданскихъ и военныхъ лицъ, собралось на мужской половинѣ второго этажа. Здѣсь былъ и Ворошиловъ, и его землемѣръ Андрей Парфенычъ, и старый генералъ Синтянинъ, пріѣхавшій сюда узнать о женѣ. Эти три послѣднія лица сами предложили себя въ понятые къ предстоящему осмотру тѣла.

Всѣ эти господа и вмѣстѣ съ ними Гордановъ пили чай и приступали къ приготовленному для нихъ легкому завтраку, послѣ котораго надлежало быть вскрытію тѣла. На-

велъ Николаевичъ самъ не ѣлъ. Несмотря на то, что и онъ, какъ и прочіе, не спалъ ночь и сдѣлалъ утромъ много движенія, у него не было аппетита и къ тому же онъ чувствовалъ непріятный ознобъ, къ крайнему его неудовольствію навѣвавшій на него чрезвычайно неумѣстную лѣность. Онъ не зналъ, чему бы приписать эту странность, и, похаживая вокругъ стола, за которымъ закусывали, едва одолѣвалъ свою лѣнь, чтобы возстановить въ сознаніи настоящее значеніе событій; но едва лишь онъ одолѣвалъ это, какъ его тотчасъ отягощало недоумѣніе: почему все слѣдующее за убійствомъ Бодростина не только совсѣмъ не отвѣчаетъ его плану, но даже рѣзко ему противорѣчитъ? Что это за лѣность мышцъ и тяжесть ума, которыя точно вступили въ союзъ съ его врагомъ Ропшинымъ, и удаляютъ его ото всего, къ чему бы онъ долженъ былъ находиться вблизи и не выпускать изъ рукъ всѣхъ нитей дѣла, которыя носились гдѣ-то въ воздухѣ и могли быть каждую минуту схвачены рукой, самою неблагорасположенною къ Горданову. Павелъ Николаевичъ, возвратясь изъ города, еще не видалъ Глафиры, а теперь даже не зналъ, какъ этого и достичь; онъ еще былъ управитель имѣнія и уполномоченный, и имѣлъ всѣ основанія видѣть вдову и говорить съ нею, но онъ чувствовалъ, что Ропшинъ его отрѣзалъ, что онъ просто-на-просто не пуститъ, и, конечно, онъ поступаетъ такъ съ согласія самой Глафиры, потому что иначе она сама давно бы за нимъ прислала. Теперь бы самое время повидаться съ нею, пока власти подкрѣпляются и идутъ приготовленія, при которыхъ Гордановъ нимало не нуженъ. Онъ оглянулся и, увидавъ въ углу комнаты Ропшина, который тихо разговаривалъ съ глотавшимъ тартинки лѣкаремъ, подумалъ:

«Вотъ и еще побужденіе дорожить этою минутой, потому что этотъ чухонецъ теперь занятъ тутъ и не замѣтитъ моего отсутствія».

Гордановъ всталъ и вышелъ, какъ будто не обращая ни на кого вниманія, хотя на самомъ дѣлѣ онъ обозрѣлъ всѣхъ, мимо кого проходилъ, не исключая даже фельдшера и молодого священника, стоявшихъ въ передней надъ разложенными на окнѣ анатомическими инструментами. Спустясь по лѣстницѣ внизъ, онъ, проходя мимо залы, гдѣ лежалъ трупъ Бодростина, замѣтилъ, что двери этой залы заперты, припечатаны двумя печатями и у нихъ стоитъ караулъ. Гор-

дановъ спросилъ, кто этимъ распорядился, и получилъ въ отвѣтъ, что все это сдѣлалъ Ропшинъ.

— Чья же это другая печать?

— А это пріѣзжаго барина,—отвѣчалъ слуга.

— Пріѣзжаго барина? Что это за вздоръ: какого пріѣзжаго барина?

— А господина Ворошилова; они вмѣстѣ съ Генрихомъ Ивановичемъ вокругъ — и эти, и тѣ двери изъ гостиной ночью запечатали.

— И изъ гостиной тоже?

— Да-съ, и изъ гостиной, и тамъ караулъ стоитъ.

Гордановъ, не довѣряя, подошелъ поближе къ дверямъ, чтобы разсмотрѣть печати и, удостовѣрясь, что другая печать есть оттискъ аквамариноваго брелока, который носитъ Ворошиловъ, хотѣлъ еще что-то спросить у лакея, но, обернувшись, увидалъ за собою не лакея, а Ропшина, который, очевидно, слѣдилъ за нимъ и безъ церемоніи строго спросилъ его: что ему здѣсь угодно?

— Я смотрю печати.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ; я управитель всѣхъ имѣній покойнаго п...

— И ваши уполномочія кончились съ его смертью.

— А ваши начались, что ли?

— Да, мои начались.

И Ропшинъ пренагло взглянулъ на Горданова, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого и что онъ вообще равнодушенъ ко всему происходящему и спрашиваетъ болѣе изъ одного любопытства.

— Начались,—повторилъ онъ съ улыбкой:—а что же такое при васъ господинъ Ворошиловъ, дуумвиратъ, что ли, вы съ нимъ составляете?

— Нѣтъ, мы съ нимъ дуумвирата не составляемъ.

— Зачѣмъ же здѣсь его печать?

— Просто печать посторонняго человѣка, который случился и котораго я пригласилъ, чтобы не быть одному.

— Просто?

— Да, просто.

Гордановъ повернулся и пошелъ по коридору, выводящему ко входу въ верхнюю половину Глафиры. Онъ шелъ нарочно тихо, ожидая, что Ропшинъ его нагонитъ и оста-

новитъ, но достойный противникъ его стоялъ не шевелясь и только смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Гордановъ какъ бы чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и, дойдя до поворота, пошелъ скорѣе и наконецъ на лѣстницу взбѣжалъ бѣгомъ, но здѣсь на террасѣ его остановила горничная Глафиры и тихо сказала:

— Нельзя, Павелъ Николаичъ, — барыня никого принимать не желаетъ.

— Что?

— Никого не велѣно пускать.

— Какой вздоръ; мнѣ нужно.

— Не велѣно-съ; не могу, не велѣно.

— И меня не велѣно?

— Никого, никого, и васъ тоже.

Гордановъ взглянулъ пристально на дѣвушку и сказалъ:

— Я васъ прошу, подите скажите Глафирѣ Васильевнѣ, что я пришелъ по дѣлу, что мнѣ необходимо ее видѣть.

Дѣвушка была въ затрудненіи и молчала.

— Слышите, что я вамъ говорю: мнѣ необходимо видѣть Глафиру Васильевну, и она будетъ недовольна, что вы ей этого не скажете.

Дѣвушка продолжала стоять, держась рукой за ручку замка.

— Что же вы, не слышите, что ли?

Дѣвушка замялась, а внизу на лѣстницѣ слегка треснула ступенька. «Это непремѣнно Ропшинъ: онъ или подслушиваетъ, или идетъ сюда не пускать меня силой», сообразилъ Гордановъ и, крѣпко сжавъ руку горничной, прошепталъ:

— Если вы сейчасъ не пойдете, то я сброшу васъ къ чорту и войду насильно.

Съ этимъ онъ дернулъ дѣвушку за руку такъ, что дверь, замка которой та не покидала, полуотворилась и на порогѣ показалась Глафира. Она быстро, но тихо захлопнула за собою дверь и перебѣжала въ комнату своей горничной.

— Что? что такое?—спрасила она, снова затворяясь здѣсь съ неотстававшимъ отъ нея Гордановымъ.

— Что ты въ такомъ разстройствѣ?—заговорилъ Гордановъ, стараясь казаться невозмутимо спокойнымъ.

— Интересный вопросъ: мало еще причинъ мнѣ быть въ разстройствѣ? Пожалуйста скорѣе: что вамъ отъ меня нужно? Говорите вдругъ, сразу все... намъ теперь нельзя

быть вмѣстѣ. C'est la dernière fois que je m'y hasarderai, и если вы будете разспрашивать, я уйду.

— Почему здѣсь начинаетъ распоряжаться Ропшинъ?

— Я не знаю, я ничего не вижу, я ничего не знаю, а надо же кому-нибудь распоряжаться.

— А я?

— Вы?.. вы сумасшедшій, Поль! Какъ я могу поручить теперь что-нибудь вамъ, когда на насъ съ вами смотрятъ тысячи глазъ... Зачѣмъ вы теперь пришли сюда, когда вы знаете, что меня всѣ подозрѣваютъ въ связи съ вами и въ желаніи выйти за васъ замужъ? Это глупо, это отвратительно.

— Это въ васъ говоритъ Ропшинъ.

— Что тутъ Ропшинъ, что тутъ кто бы то ни было... пусть всѣ дѣлаютъ, что хотятъ: нужно жертвовать всѣмъ!

— Всѣмъ?

— Всѣмъ, всѣмъ: дѣло идетъ о нашемъ спасеніи.

— Спасеніи?.. отъ кого? отъ чего? Vous craignez où il n'y a rien à craindre.

Но неспокойная вдова въ отвѣтъ на это сдѣлала нетерпѣливое движеніе и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вамъ все сказано, и я ухожу.

И съ этимъ она исчезла за дверями своей половины, у порога которыхъ опять сидѣла въ креслѣ за столикомъ ея горничная, не обращавшая, повидимому, никакого вниманія на Горданова, который, прежде чѣмъ уйти, долго еще стоялъ въ ея комнатѣ предъ растворенною дверью и думалъ:

«Что же это такое? Она бѣжитъ меня... въ такія минуты... Не продала ли она меня?.. Это возможно... Да, я недаромъ чувствовалъ, что она меня надуетъ!»

По тѣлу Горданова опять пробѣжалъ холодъ, и что-то острое, въ родѣ комариная жала, болѣзненно шевельнулось въ незначительной ранкѣ на кисти лѣвой руки.

Онъ не могъ разобрать, боленъ ли онъ отъ разстройства, или же разстроенъ отъ болѣзни, да притомъ уже и некогда было соображать: у запечатанныхъ дверей залы собирались люди; ближе всѣхъ къ коридору, изъ котораго выходилъ Гордановъ, стояли фельдшеръ, съ уложеннымъ анатомическими инструментами большимъ подносомъ въ рукахъ, и молодой священникъ, который осторожно дотрагивался то

до того, то до другого инструмента, и, приподнимая каждый изъ нихъ, вопрошалъ фельдшера:

— Это бистурій?

На что фельдшеръ ему отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не бистурій.

Гордановъ все это слышалъ и боялся выступить изъ коридора: для него начался страхъ опасности.

Подошли новые: самъ лѣкарь, нѣмецкаго происхожденія, поспѣвая за толстымъ чиновникомъ, съ достоинствомъ толковалъ что-то объ аптекѣ.

«Нѣтъ; говорятъ о пустякахъ, и обо мнѣ нѣтъ и помину», подумалъ Гордановъ и рѣшилъ выступить и вмѣшаться въ собиравшуюся у дверей залы толпу одновременно съ Сидомъ Тимоѳеевичемъ, который появился съ другой стороны и суетился съ какимъ-то конвертомъ.

— Что ты это несешь?—спросили Сида.

— А документы-съ, господа, расписки на него представляю. Какъ же: не разъ за него въ полку свои хоть малыя деньги платилъ... Теперь ему это въ головы положу.

— Чудакъ,—разъяснили другіе: —лѣтъ пятьдесятъ бережетъ чью-то расписку, что за покойника гдѣ-то рубль долгу заплатилъ. Можетъ триста разъ ему этотъ рубль возвращенъ, но онъ все свое: «что мнѣ дано, то я, говоритъ, за принадлежащее мнѣ пріемлю какъ рабъ, а долгу принять не могу». Такъ всю жизнь надъ нимъ и смѣялись.

— Ага! вы смѣялись... на то вы наемники, чтобы смѣяться; я не смѣюсь, я рабъ, и его вѣрно пережилъ и я ему эти его расписки въ гробъ положу!

И Сидъ жестоко раскуражился своими привилегіями рабства; но его уже никто не слушалъ, потому что въ это время двери залы были открыты и оттуда тянуло непріятнымъ холодомъ, и казалось, что есть уже тяжелый трупный запахъ.

Гордановъ тщательно наблюдалъ, какъ на него смотрятъ; но на него никто не смотрѣлъ, потому что всѣ глаза были устремлены на входящихъ подъ карауломъ въ залу мужиковъ и Висленева, которые требовались сюда для произведенія на нихъ впечатлѣнія.

Это дало Горданову секунду оправиться, и онъ счелъ нужнымъ напомнить всѣмъ, что Висленевъ сумасшедшій, и

хотя официально таковымъ не признавъ, но тѣмъ не менѣе это извѣстно всѣмъ.

Жандармскій штабъ-офицеръ подтвердилъ, что это такъ.

— Да такъ ли-съ?—вопрошалъ Синтянинъ.

— Да ужъ будьте увѣрены, мы эти вещи лучше знаемъ,— отвѣчалъ молодой штабъ-офицеръ.

Съ этимъ двери снова заперлись, и фельдшеръ, держа въ рукѣ скальпель, ждалъ приказанія приступить ко вскрытію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Одинакія книги въ разныхъ переплетахъ.

Осмотръ тѣла убитаго Бодростина давалъ поводъ къ весьма страннымъ заключеніямъ: на трупѣ не было никакихъ синяковъ и другихъ знаковъ насилія, но голова вся была расколота. Стало-быть, само собою слѣдовалъ выводъ, что причиной смерти былъ тяжелый ударъ по головѣ; но, кромѣ него, на лѣвомъ боку трупа была узкая и глубокая трехгранная рана, проникшая прямо въ сердце. Эта рана была столь же безусловно смертельною, какъ и оглушительный тяжелый ударъ, раздробившій черепъ, и одного изъ этихъ поранснній было достаточно, чтобы покончить съ человѣкомъ, а другое уже представлялось напраснымъ излишествомъ. Надлежало дать заключеніе: который изъ этихъ ударовъ былъ первымъ по порядку и который, будучи вторымъ, уже нанесенъ былъ не человѣку, но трупу? Если же они оба послѣдовали одновременно, то чѣмъ, какимъ страшнымъ орудіемъ была нанесена эта глубокая и мѣткая трехгранная рана? Кто-то напомнилъ о свайкѣ, съ которою утромъ вчерашняго дня видѣли дурачка,—но свайка имѣла стержень круглый; думали, что рана нанесена большимъ гвоздемъ, — но большой гвоздь имѣетъ четырехсторонній стержень и онъ нанесъ бы рану разорванную и неправильную, межъ тѣмъ какъ эта ранка была точно выкроена правильнымъ трехугольничкомъ.

Когда эту рану осмотрѣли и изслѣдовали медикъ, чиновники и понятые, ее показали скованнымъ мужикамъ и Висленеву. Первые посмотрѣли на нее съ равнодушіемъ, а послѣдній прошепталъ:

— Я... я этимъ не билъ.

— Чѣмъ же вы его били, вашъ ударъ, можетъ-быть, этотъ—по головѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ, отстраняясь отъ трупа, Висленевъ. — Я, господа, все разскажу: я участвовалъ въ преступленіи, но я человѣкъ честный, и вы это увидите... Я ничего не скрою, я не отступаюсь, что я хотѣлъ его убить, но по побужденіямъ особаго свойства, потому что я хотѣлъ жениться на его женѣ... на Глафирѣ Васильевнѣ... Она мнѣ нравилась... къ тому же, я имѣлъ еще и иныя побужденія: я... и хотѣлъ дать направленіе его состоянію, чтобъ употребить его на благія цѣли... потому что, я не скрываюсь, я недоволенъ настоящими порядками... Я говорю объ этомъ во всеуслышаніе и не боюсь этого. Теперь многіе стали хитрить, но по-моему это надо честно исповѣдывать... Насъ много... такихъ какъ я... и мы всѣ убѣждены въ неправдѣ существующаго порядка и не позволимъ... Если законъ будетъ стоять за право наслѣдства, то ничего не остается какъ убивать, и мы будемъ убивать. То-есть не наслѣдниковъ, а тѣхъ, которые оставляютъ, потому что ихъ меньше и ихъ легче искоренить.

Въ средѣ людей, окружавшихъ трупъ и слушавшихъ этотъ висленевскій бредъ, пронесся шопотъ, что «онъ сумасшедшій»; но кто-то замѣтилъ, что это не мѣшаетъ выслушать его разсказъ, и какъ разсказъ этотъ всѣмъ казался очень любопытнымъ, то Жозефа вывели въ смежную комнату, и, пока медикъ, оставаясь въ залѣ, зашивалъ трупъ Бодростина, чиновники слушали Жозефовы признанія о томъ, какъ было дѣло.

Висленевъ въ одно и то же время и усердно раскрывалъ исторію, и немилосердно ее путалъ. Просидѣвъ въ уединеніи эту тяжелую ночь, онъ надумался облагородить свое поведеніе, притянувъ къ нему соціалистскія теоріи: онъ, какъ мы видѣли, не только не отрицалъ того, что хотѣлъ смерти Бодростина, но даже со всею откровенностью объяснялъ, что онъ очень радъ, что его убили!

— Еще бы!—говорилъ онъ:— Бодростинъ самъ по себѣ былъ человѣкъ, можетъ-быть, и не злой, я этого не отрицаю; онъ даже дѣлалъ и мнѣ, и другимъ кое-какія одолженія, но мы на это не смотримъ, тутъ нельзя руководиться личными чувствами. Онъ былъ заѣденъ средой: то дворянинъ, то этакій поганый реалистикъ съ презрѣніемъ къ народнымъ стремленіямъ. Я не могъ переносить этого его отвратительнаго отношенія къ народнымъ интересамъ...

До того дошелъ, что мужикамъ живого огня не позволялъ добыть и... и... и издѣвался надъ ихъ просьбами! Это самый этакій гадостный, мелкій реалистикъ... а я, конечно, стоялъ на сторонѣ народа... Я пожертвовалъ всѣмъ... я человѣкъ искренній... я даже пожертвовалъ моею сестрой, когда это было нужно... Чего же мнѣ было на немъ останавливаться? и потому, когда народъ былъ имъ недоволенъ, я сказалъ мужикамъ: «ну, убейте его», они его и убили, какъ они скоро перебьютъ и всѣхъ, кто старается отстаивать современные порядки.

Возсѣвъ на своего политическаго коня, Висленевъ не могъ его ни сдержать, ни направить, куда ему хотѣлось: исторіи самаго убійства онъ не разъяснялъ, а говорилъ только, что Бодростина *надо было убить*, но что онъ самъ его не билъ, а только вырвалъ у него сигару съ огнемъ, за что его и убилъ «народъ», къ интересамъ котораго покойникъ не имѣлъ-де должнаго уваженія. Крикъ же свой въ комнатахъ, что «это я сдѣлалъ», онъ относилъ къ тому, что онъ обличилъ Бодростина и подвелъ его подъ народный гнѣвъ, въ чемъ-де и можетъ удостовѣрить Гордановъ, съ которымъ они ѣхали вмѣстѣ и при которомъ онъ предупреждалъ Бодростина, что не хорошо курить сигару, когда мужики требовали, чтобъ огня нигдѣ не было, но Бодростинъ этимъ легкомысленно пренебрегъ. А что касается его выстрѣла въ Горданова, то онъ стрѣлялъ потому, что Гордановъ, извѣстный мерзавецъ и въ жизни, и въ теоріи, дѣлалъ ему разныя страшныя подлости: клеветалъ на него, соблазнилъ его сестру, выставлялъ его не разъ дуракомъ и глупцомъ и наконецъ даже давалъ ему подлый совѣтъ идти къ скопцамъ, а самъ хотѣлъ жениться на Бодростиной, съ которой онъ, вѣроятно, все время состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ она давно дала Висленеву обѣщаніе, что, овдовѣвъ, пойдетъ замужъ не за Горданова, а за него, и онъ этимъ дорожилъ, потому что хотѣлъ ее освободить отъ среды и имѣлъ въ виду, получивъ вмѣстѣ съ нею состояніе, построить школы и завести хорошія библіотеки и вообще завести много добраго, чего не дѣлалъ Бодростинъ.

На указанное же Висленеву препятствіе для его женитьбы въ томъ, что у него въ Петербургѣ есть живая жена, онъ отвѣчалъ, что «это ничего не значитъ: у насъ нельзя

развестись, а на двухъ жениться можно-съ; я знаю, этому даже примѣры есть».

Такимъ образомъ общаго вывода изъ его показаній нельзя было сдѣлать никакого, кромѣ того, что онъ дѣйствительно помѣшанъ, и все, что онъ говоритъ, въ самомъ дѣлѣ «ничего не значитъ».

Его отвели и опять посадили въ контору, а показаніе его, получивъ огласку, сдѣлалось предметомъ шутокъ и предположеній, все болѣе и болѣе удалявшихся отъ истины. Показанія же мужиковъ открывали иное: крестьяне стояли на томъ, что они ничего знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, какъ все это сталося. Добывали-де огонь; кто-то загалдѣлъ; всѣ кинулись въ одно мѣсто; можетъ кого невзначай и толкнули, а на барина хотя и были сердиты, но его не убивали, и слово «пестраго барина», то-есть Висленева, объ убійствѣ брали не иначе какъ въ шутку, такъ какъ онъ-де блаженненькій и всегда невѣдомо что говорилъ. А на тѣло же они напали случайно: начали опахивать на бабахъ; заднія бабы нахлестали хорошенько переднихъ кнутьями, а тѣ разогнались да ткнулись на что-то и попадали, а потомъ глядятъ, а подъ сохой тѣло! Стали разсматривать и ужаснулися: видятъ баринъ! А убивать его они не убивали, и полагаютъ, что если у него голова изломана, то это не иначе какъ его невзначай уже мертваго сохой долбанули. Указаніе было весьма важное, а послѣдствія его—еще важнѣе: острые сошники указанной сохи оказались покрытыми кровью съ прилипшими по мѣстамъ бѣлыми волосами, признанными за волосы покойнаго Бодростина.

Дѣло выяснилось въ томъ отношеніи, что причина смерти была трехгранная рана, и слѣдователю теперь предлежала трудная задача отыскать виновника этого удара. Межъ тѣмъ въ домѣ волненіе стало уже успокоиваться и водворялся порядокъ: вскрытыя и описанныя тѣла Бодростина и Ларисы были одѣты и покрыты церковными покровами; къ вечеру для нихъ изъ города ожидались гробы; комната, въ которой лежалъ трупъ самоубійцы, была заперта, а въ открытой залѣ надъ тѣломъ убитаго уже отслужили панихиду, и старый заштатный дьяконъ, въ старомъ же и также заштатномъ стихарѣ, читалъ псалтирь. Такъ какъ мертвецъ начиналъ портиться, то погребеніе было назначено на другой же день послѣ вскрытія.

Между всѣми наличными людьми были распредѣлены разныя обязанности по приготовленію похоронъ: кто хлопоталъ въ городѣ, кто распоряжался дома. Гордановъ оставался ни при чемъ. Къ величайшему своему неудовольствію, онъ чувствовалъ себя нездоровымъ: у него была лихорадка, выражавшаяся безпрестанною дрожью, и какое-то необъяснимое, но крайне непріятное безпокойство вокругъ ничтожнаго укола на ладони. На послѣднее обстоятельство онъ не обращалъ вниманія, но то жаръ, то знобъ лихорадки досаждали ему и мѣшали соображать. Что это за дивные распорядки ведетъ Рошпинъ: онъ самъ уѣхалъ въ городъ, а старика Синтянина и его пріятеля, этого господина Ворошилова, упросилъ тутъ распоряжаться дома, и они за это взялись; генералъ ходитъ козыремъ и указываетъ, что гдѣ поставить, что какъ приготовить для предстоящихъ похоронъ покойнаго; межъ тѣмъ какъ жена его и падчерица одѣваютъ и убираютъ Ларису, для которой Рошпинъ обѣщалъ исходатайствовать у мѣстнаго архіерея право на погребеніе. Одного Ворошилова какъ-то не видно, но онъ за то чувствуется; онъ сдѣлался душой смятенныхъ властей, которыя не знаютъ, за какую нить имъ взяться, чтобы разъяснить трехгранную рану?

И когда Гордановъ въ большомъ затрудненіи расхаживалъ по своей комнатѣ, его еще болѣе изумило то странное обстоятельство, что предъ самыми сумерками господинъ Ворошиловъ, незванный, непрошенный, явился его навѣстить.

У Павла Николаевича даже уши запламенѣли, а Ворошиловъ, съ своей кошачьею мягкостью, начинаетъ его внимательнѣйше разспрашивать о его здоровьѣ.

— Больны?—началъ онъ.—Чѣмъ? что съ вами такое сдѣлалось? Вѣрно простудились?

— Очень можетъ быть.

— Это ничего нѣтъ легче, особенно въ эту пору, а тутъ еще и покоя нѣтъ.

— Какой покой!

— Да; а тутъ еще этотъ сумасшедшій... какъ его: Висленевъ, что ли?

— Да, Висленевъ.

— Помилуйте, скажите, какого вздора онъ на васъ наговорилъ: будто вы все знали.

— Это меня нимало не безпокоитъ, а вотъ досадно, что я нездоровъ.

— Ну, однакоже... все одно къ одному...

Ворошиловъ замолчалъ и началъ въ растяжку нюхать табакъ изъ своей золотой табакерки.

Горданову не терпѣлось, и онъ съ нарочитымъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Что же одно къ одному? Что вы этимъ хотите сказать? Развѣ меня въ чемъ-нибудь подозрѣваютъ?

— Нѣтъ, не подозрѣваютъ,—отвѣчалъ, ощелкивая пальцы, Ворошиловъ:—а недоумѣваютъ, съ чего и съ кого начать, да и гдѣ начало-то—не видятъ.

— А ваше какое же мнѣніе: гдѣ начало?

— Да, по моему мнѣнію, оно должно крыться еще въ московской кончинѣ племянника Бодростина: это событіе престранное. Я о немъ разбесѣдовался съ Висленевымъ... Разумѣется, мое дѣло сторона, а такъ отъ нечего дѣлать разболтался: онъ говоритъ: «я знаю: его Гордановъ у цыганъ отравилъ».

— Экой болванъ!

— И я говорю. Я не имѣю чести васъ много знать, но...

— А что же далѣе-съ?

— Ну, потомъ смерть этого княжескаго управителя, какъ его?.. Ну, какъ бишь его звали-то?

— Свѣтозаръ Водопьяновъ,—былъ точно такой же идіотъ, какъ и Висленевъ.

— Вотъ именно! Вы прекрасно сказали, Свѣтозаръ Водопьяновъ. Но это эпизодъ самый простѣйшій: его убили по ошибкѣ...

— Вы такъ думаете?

— Ну, конечно; а теперь Бодростинъ легъ,—ужъ это поправка.

- Но кому же была нужна эта поправка?

- А вотъ въ этомъ и весь вопросъ. Крайне сомнительно, чтобъ это были мужики...

— Но вы развѣ не полагаете, что въ народѣ противъ Бодростина было дѣйствительно враждебное возбужденіе?

— О, нѣтъ! Я совершенно вашего мнѣнія: въ народѣ возбужденіе было, но кому оно было нужно?

— Кому? вотъ прекрасный вопросъ! Соціализмъ въ воздухѣ носится: имъ каждый дуракъ бредитъ.

— Пожалуй, что вы и правы; но кто же здѣсь изъ соціалистовъ?

— А Висленевъ.

— Но вѣдь онъ сумасшедшій.

— Такъ что-жъ такое?

— Ну, ужъ гдѣ сумасшедшему вести такое дѣло? Нѣтъ, должно быть совсѣмъ иное лицо, которое всѣмъ руководило и которому нужна была эта послѣдняя поправка, и на это есть указаніе, кому она была нужна.

— Ну, если есть указаніе, тогда это другое дѣло; но что же это за указаніе?

— Да, совсѣмъ ясное указаніе, при которомъ не нужно уже много ума, чтобы добраться до истины. Чиновникамъ бы я этого не сказалъ, но вамъ, такъ какъ мы ведемъ простой разговоръ, я скажу.

— Сдѣлайте милость: это очень любопытно.

— Довольно простой маленькій фокусъ, и я его вамъ фокусомъ и объясню: позвольте мнѣ ваши руки?

Гордановъ нехотя подалъ Ворошилову свою правую руку.

— Нѣтъ, вы обѣ позвольте.

— На что же это?

— А что? развѣ у васъ болитъ еще рука?

— Вы отгадали: у меня болитъ рука.

— То-то вы ее носили на подвязкѣ, ну, да ничего: видите вы эту вещь?—спросилъ онъ, показывая Горданову хорошо знакомый ему складной ножикъ, найденный на столѣ возлѣ бодростинскаго трупа.

Гордановъ нервно отдернулъ руку.

— Что, вы думали, что я васъ уколю?

— Какая глупость!

— Ну, разумѣется, — отвѣчалъ, не обижаясь, Ворошиловъ:—я вамъ только хотѣлъ показать, какъ иногда ничтожною внезапностью можно смутить самаго праваго человѣка.

— А развѣ вашъ фокусъ-покусъ долженъ служить къ тому, чтобы смущать правыхъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани! А вы знаете ли, откуда могъ взяться этотъ ножъ возлѣ трупа? Нѣтъ; я вижу по вашимъ глазамъ, что вы этого не знаете. Этотъ ножъ былъ нуженъ тому, кому нужно измѣнить форму трехгранной ранки на

трупѣ. Однако, я злоупотребляю... вы вѣрно слабы... вы блѣднѣете.

Гордановъ вскочилъ и гордо вскрикнулъ:

— Милостивый государь! Что вы меня штудируете, что ли, или испытываете на мнѣ свою тонкость?

Но Ворошиловъ ему не отвѣтилъ ни слова, а, отвернувшись къ окну, проговорилъ:

— Ага! вотъ я вижу уже и гробы привезли,—и съ этимъ отправился къ двери и, остановившись на минуту на порогѣ, добавилъ:

— Ахъ, знаете-съ, я было совсѣмъ и позабылъ вамъ разсказать пресмѣшной случай.

— Извините, пожалуйста, а я не могу болѣе слышать никакихъ случаевъ, я боленъ.

Гордановъ позвалъ слугу, но Ворошиловъ все-таки не вышелъ, а продолжалъ:

— Нѣтъ, вѣдь это, о чемъ я вспомнилъ, прямо васъ касается.

Гордановъ началъ совсѣмъ терять терпѣніе и съ нервическимъ подергиваніемъ лица спросилъ:

— Что, что такое «меня касается»?

— Да ихъ неумѣлость.

— Чортъ знаетъ, что такое! О чемъ, о чемъ вы говорите?

— Я говорю о нынѣшнихъ чиновникахъ, которые...

— Которые?—передразнилъ Гордановъ: — да вы представьте себѣ, пожалуйста, что я не признаю никакихъ чиновниковъ на свѣтѣ.

— Ну, извините меня, а ихъ нельзя отрицать, потому что они суть, ибо они могутъ отрицать ваше право свободы.

— Право свободы... Усердно васъ прошу, скажите ясно, что вы столь любезно пришли мнѣ сообщить?

— Ахъ, вы также, пожалуйста, не безпокойтесь, я уже пока все уладилъ.

— То-есть какъ... что такое вы уладили?

— Ничего, ничего, вы не безпокойтесь, они со мною захотѣли посовѣтоваться и они васъ не тронутъ, изъ вашей комнаты... и о Глафирѣ Васильевнѣ я настоялъ на томъ же. До свиданья!

Когда Ворошиловъ отворилъ дверь и вышелъ, прово-

жавшій его глазами Гордановъ совсѣмъ потерялся и остановилъ изумленные глаза на входившемъ слугѣ. Дѣло было въ томъ, что Гордановъ увидалъ насупротивъ своей двери часового казака.

— Изволите видѣть? — спросилъ его, затворяя двери, взошедшій лакей.

— Скорѣй мнѣ арники на тряпочку и одѣться.

Человѣкъ подалъ то и другое. Гордановъ одѣлся, но вмѣсто того, чтобы выйти, вдругъ раздумалъ и перемѣнилъ планъ, сѣлъ къ столу и написалъ: «Не знаю, кто намъ измѣнилъ, но мы выданы и я арестованъ. Расчеты на бунтъ положительно не удались. Остается держаться однихъ подозрѣній на Висленева. Мою записку прошу возвратить».

Запечатавъ эту записку, Гордановъ велѣлъ лакею отнести пакетъ Глафирѣ Васильевнѣ и дождаться отвѣта, и человѣкъ, выйдя съ этимъ его посланіемъ съ лѣстницы, повернулъ въ маленькую, такъ называемую «разрядную» залицу, гдѣ прежде Михаилъ Андреевичъ занимался хозяйственными распоряженіями съ управляющимъ и бурмистромъ, а теперь помѣщались Синтянинъ и Ворошиловъ, предъ которыми лакей и положилъ съ улыбкой конвертъ.

— Прытокъ же онъ!—проговорилъ Ворошиловъ, принимая одною рукой со стола этотъ конвертъ, а другою—подавая лакею двадцатипятирублевый билетъ.

Черезъ минуту письмо Горданова было скопировано, вложено въ новый конвертъ и тотъ же лакей понесъ его къ Глафирѣ. Передавая посылку горничной, лакей шепнулъ ей, что письмо это онъ представлялъ на просмотръ и похвалился ассигнаціей. Дѣвушка передала это Глафирѣ и, получивъ сама сто рублей, вынесла лакею запечатанный отвѣтъ и распечатанные пятьдесятъ рублей.

Меркурій полетѣлъ опять черезъ ту же таможню и изумилъ Ворошилова и Синтянина не только быстротой отвѣта, но и его содержаніемъ. Глафира писала на томъ же самомъ листкѣ, на которомъ были строки Горданова: «Что это за гнусная выходка. Свободны вы или арестованы, правы или виноваты, какое мнѣ до этого дѣло? Если вы думаете, что со смертью моего мужа наглость ваша можетъ дѣйствовать свободнѣе, то вы ошибаетесь: я сама сумѣю себя защитить, и есть другіе люди, настолько мнѣ

преданные, что сумѣютъ обуздать ваши происки. Вмѣсто отвѣта совѣтую вамъ, при первой возможности, оставить навсегда мой домъ, и знайте, что я не имѣю желанія числить васъ въ счету людей, съ которыми хотѣла бы встрѣчаться».

— Подите-ка сюда, любезный другъ!—поманилъ Ворошиловъ лакея, и, когда тотъ приблизился, онъ прямо спросилъ его, сколько ему за это дали.

Человѣкъ отвѣчалъ откровенно.

— Прекрасно,—сказалъ Ворошиловъ:—войдите же теперь сюда, въ эту комнату; вы отдадите отвѣтъ господину Горданову послѣ, а теперь пока посидите здѣсь.

И съ этимъ Ворошиловъ заперъ на ключъ отслужившаго ему свою службу шпіона.

Что это могло значить? Павелъ Николаевичъ вызвалъ звонкомъ другихъ слугъ, но ни отъ одного изъ нихъ не могъ добиться отвѣта о своемъ пропавшемъ безъ вѣсти лакеѣ.

Человѣкъ безъ вѣсти пропалъ въ домѣ! Гордановъ рѣшительно не зналъ, что ему думать, и считалъ себя выданнымъ всѣми... Онъ потребовалъ къ себѣ слѣдователя, но тотъ не являлся; хотѣлъ позвать къ себѣ врача, такъ какъ врачъ не можетъ отказаться посѣтить больного, а Гордановъ былъ въ самомъ дѣлѣ нездоровъ. Но онъ вспомнилъ о своемъ нездоровьѣ только развязавъ свою руку и ужаснулся: вкругъ маленькаго укола, на ладони, зіяла темненькая каемочка, точно бережокъ изъ оксидированнаго серебра.

— Этого только недоставало!—прошепталъ, холодѣя, Гордановъ, и, хватая себя за голову, онъ упалъ, совсѣмъ одѣтый, въ постель и уткнулъ голову въ подушки, зарыдавъ впервые съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Сидъ пережилъ.

Залъ, гдѣ лежалъ мертвецъ, былъ накуренъ ладаномъ и въ немъ царила тяжелая, полная таинственности полутьма. Красноватый огонь восковыхъ свѣчъ освѣщалъ только ликъ Нерукотвореннаго Спаса, да мертвое тѣло, имѣвшее какое-то неспокойное положеніе. Это происходило, вѣроятно, оттого, что одно колѣно мертвеца окостенѣло въ согнутомъ поло-

женіи и руки его застыли въ самомъ широкомъ размахѣ. Колѣна невозможно было выправить, руки же хотя кое-какъ и стянули, однако, связанныя въ кистяхъ, онѣ оттого еще болѣе топорщились въ локтевыхъ суставахъ и лѣзли врозь. Отъ этого трупъ имѣлъ тотъ безпокойный видъ, какъ будто онъ ежеминутно приготовлялся вскочить и схватить кого-то.

Длинный черный гробъ, сдѣланный непомѣрной глубины и ширины, въ виду сказанной нескладности трупа, стоялъ на полу. Въ ногахъ его горѣла свѣча. Остальная комната была темна, и темнота эта ощущалась по мѣрѣ удаленія отъ гроба, такъ что у дверей изъ гостиной, чрезъ которыя ожидали вдову, было совсѣмъ черно.

Панихида была отпѣта; священникъ стоялъ въ траурной ризѣ и не зналъ, что ему дѣлать; дьяконъ подувалъ въ кадило и, размахивая имъ, немилосердно пускалъ и безъ того наполняющій залу ладанный дымъ. Чиновники покашливали, почетные дворовые люди, явившіеся на положеніе во гробъ, шептались: вдова не являлась.

Съ нею происходило нѣчто странное: она боялась видѣть мертваго мужа, боялась не суевѣрнымъ страхомъ, какимъ мертвецъ отпугиваетъ отъ себя простодушнаго человѣка, а страхомъ почти сознательной и неотразимой естественной опасности. Корень этого страха крылся, однако, въ чемъ-то близкомъ къ суевѣрію. Глафира-нигилистка и Глафира-спиритка не вѣрила ни въ Бога, ни въ духовное начало человѣка; но игра въ спиритизмъ, заставлявшая для вида разсуждать о независимой природѣ духа, развила въ ней нѣчто такое, что она могла принимать какъ казнь за свое шарлатанство. Къ ней противъ ея воли пристало нѣчто такое, отъ чего она никакъ не могла отвязаться. Это ее сначала смѣшило и занимало, потомъ стало досадовать и путать, наконецъ даже минутами пугать. На ней оправдывались слова Альберта Великаго, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка, совсѣмъ недоступнаго страху сверхъестественнаго.

Она вѣрила, что злодѣйство, къ которому она стремилась, не пройдетъ ей безнаказанно, по какому-то такому же неотразимому закону, по какому, напримѣръ, она неудержимо довершила это злодѣйство, утративъ охоту къ его довершенію.

Съ той самой поры, когда простучали колеса экипажа, на которомъ ея мужъ отъѣзжалъ въ лѣсъ съ Жозефомъ и

съ Гордановымъ, Глафира Васильевна еще ни на минуту не отдохнула отъ овладѣвшаго ею тревожнаго чувства. Ей поминутно казалось, что ее кто-то куда-то зоветъ, кто-то о чемъ-то спрашиваетъ, кто-то перешептывается на ея счетъ, и то вблизи тихо смѣется, то гдѣ-то далеко заливается громкимъ зловѣщимъ хохотомъ. Глафира, разумѣется, не допускала тутъ ничего сверхъестественнаго и *знала*, что это нервы шалятъ, но тѣмъ не менѣе ей надоѣдало, что чуть только она хоть на минуту остается одна, какъ сейчасъ же начинаетъ чувствовать у себя за спиной какое-то беззвучное шмыганье, какое-то сильное и плавное движеніе какихъ-то тѣней. Она слышала различныя измѣненія въ этихъ движеніяхъ: тѣни то медленно плыли, то вдругъ неслись быстро, быстро летѣли одна за другою и исчезали, какъ будто таяли въ темныхъ углахъ или уходили сквозь стѣны.

Она искала облегченія въ сообществѣ Синтянинои и Вѣры, остававшихся здѣсь ради похоронъ Ларисы, такъ какъ, по ходатайству услужливаго Ропшина, самоубійцу разрѣшено было похоронить по христіанскому обряду. Глафира не обращала вниманія, что обѣ эти женщины не могли питать къ ней ни уваженія, ни дружбы: она съ ними не разставалась; но въ то время, когда ей надлежало сойти въ залъ, гдѣ ее ждали къ панихидѣ, обѣ Синтянины занимались тѣломъ Лары, и потому Глафира Васильевна потребовала, чтобъ ее проводилъ Ропшинъ.

Предшествуемые лакеемъ со свѣчой въ рукахъ, они сошли внизъ и, пройдя рядъ темныхъ комнатъ, приблизились къ двери, которая соединяла залъ съ гостиной. Лакей взялся за дверную ручку и повернулъ ее, но дверь не подавалась. Онъ употребилъ усиліе, но тщетно; ему взялся помогать Ропшинъ, но дверь все-таки оставалась неподвижною. Шевелящаяся ручка обратила на себя вниманіе людей, собравшихся въ залѣ, и нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили на помощь, и взялись за это съ усердіемъ, въ пылу котораго ни по ту, ни по другую сторону никому въ голову не приходило справиться, вполнѣ ли отпертъ дверной замокъ: двери тянули, дергали и наконецъ съ одной стороны успѣли отломить ручку, а съ другой — сопровождавшій Глафиру лакей успѣлъ уронить на полъ и погасить свою свѣчу. Тогда Ропшинъ отодвинулъ снизу и сверху

шпингалеты и, собравъ силы, налегъ ровно на оба края отвора: двери съ шумомъ распахнулись, и твердый парчевой покровъ тихо поѣхалъ съ согнутыхъ колѣнъ мертвеца на землю, открывая предъ глазами Глафиры ракурсъ трупа.

Это пустое обстоятельство такъ непріятно повліяло на разстроенные нервы вдовы, что она насилу удержалась на ногахъ, схватясь за руку Ропшина, и закрыла ладонью глаза, но чуть лишь отняла ладонь, какъ была еще болѣе поражена: предъ нею несли со стола ко гробу тѣло мужа, и на немъ былъ куцый кирасирскій мундиръ съ распоротою и широко разошедшеюся спинкой... Мало этого, точно изъ воздуха появилось и третье явленіе: впереди толпы людей стоялъ краснолицый монахъ...

— Что же это такое, откуда здѣсь этотъ монахъ? — нетерпѣливо спросила шопотомъ Глафира.

— Я не знаю,—отвѣчалъ Ропшинъ.

— Узнайте.

И, оставшись одна, она старалась успокоиться и заставляла себя равнодушно смотрѣть, какъ мужа уложили въ гробъ и поставили на катафалкъ.

Ропшинъ принесъ ей извѣстіе, что монахъ этотъ захожій сборщикъ на бѣдный монастырь и живетъ на селѣ третій день.

Глафира послала ему десять рублей и внимательно въ него всматривалась, когда онъ подошелъ ее благодарить; монахъ былъ человѣкъ какъ человѣкъ, съ добрымъ, краснымъ лицомъ, веселыми голубыми глазами и запахомъ вина и елея. Это несомнѣнно былъ тотъ самый монахъ, котораго она испугалась въ часъ убійства.

— Это вы приходили ко мнѣ вчера?

Монахъ, извиняясь, отвѣчалъ, что это точно былъ онъ, и что онъ зашелъ въ комнаты по ошибкѣ, потому что не зналъ дороги въ контору.

Глафира еще дала ему ассигнацію и потомъ, придя къ себѣ, спросила Ропшина о мундирѣ:

— Зачѣмъ на него не надѣли его новый дворянскій мундиръ?

— Зачѣмъ же новый закапывать въ землю, когда этотъ былъ испорченъ и никуда болѣе не годился? — отвѣчалъ Ропшинъ.

— Испорченъ? Неправда, я его осматривала, и онъ былъ цѣлъ.

— Да; одинъ есть и цѣлый, а этотъ распоротъ?

— Какимъ же образомъ, кто его могъ распороть.

Ропшинъ махнулъ рукой и сказалъ, что до этого не доберешься, а по подозрѣніямъ выходитъ, что толстый кондитеръ Иванъ Савельевъ, желая дразнить Сида Тимоѳеевича, бралъ этотъ мундиръ у гардеробщика, и чтобы влѣзть въ него, распоролъ его спинку.

— И вы потому его и надѣли на покойника?

— А разумѣется; зачѣмъ терять хорошее платье?

— Да; вы совсѣмъ нѣмецъ, — произнесла Глафира, удаляясь.

Ночь она провела лучше прежнихъ, но на разсвѣтѣ пробудилась отъ страннаго сна: она чувствовала опять какія-то беззвучныя движенія и видѣла какія-то бѣловатыя легкія нити, которыя все усложнялись, вѣялись, собирались въ какія-то группы и очертанія, и затѣмъ предъ ней вдругъ опять явился монахъ, окруженный какимъ-то неописаннымъ, темновато-матовымъ сіяніемъ; онъ стоялъ, склонивъ голову, а вокругъ него кишмя кишѣли и на самыхъ плечахъ у него вили гнѣзда большія бѣлыя птицы. И онъ былъ такъ тихъ и такъ грустно смотрѣлъ ей въ глаза и шепталъ:

«Ну, вотъ я сдержалъ мое слово; ну, вотъ я явился».

«А, я знаю кто ты: ты Свѣтозаръ Водопьяновъ»,—подумала въ отвѣтъ ему Глафира и съ этимъ проснулась.

Непродолжительный, но крѣпкій сонъ и это тихое сновидѣніе ее успокоили: она не захотѣла долѣе оставаться въ постели и сошла внизъ навѣстить гробъ.

Утро еще чуть намѣчивалось на небѣ, въ комнатахъ было темно, но люди уже встали и шла уборка. Въ залѣ при покойникѣ былъ одинъ дьячокъ; онъ зѣвалъ предразсвѣтной зѣвотой и едва бормоталъ. Глафира Васильевна постояла, поклонилась гробу и ушла бодрая, крѣпкая и успокоенная. Нервы ея окрѣпли и страхи смело какъ рукой. Черезъ два часа былъ выносъ въ церковь. Утро ободняло и перешло въ красный и морозный день; готовился выносъ; собрался народъ—все собралось въ порядкѣ; вдова снова сошла въ залъ. Священники облачились; у чтецкаго аналоя стоялъ Сидъ и молился, читая безъ книги: «Расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ иго ихъ. Живый на небеси посмѣется имъ и Господь поругается имъ». Сидъ былъ тихъ самъ и точно утѣшалъ покойнаго въ послѣднія минуты его пребы-

ванія въ домѣ. Гробъ подняли и понесли; шествіе тронулось и въ немъ оказался участвующимъ и Гордановъ. Онъ телъ издали и не искалъ случая подойти къ Глафирѣ.

Вотъ и храмъ: небольшая сельская церковь переполнилась людьми и воздухъ въ ней, несмотря на довольно высокій куполъ, сталъ нестерпимо густъ; солнце било во всѣ окна и играло на хрусталяхъ горящаго паникадила; становилось не только тепло, но даже жарко и душно; головы начинали болѣть отъ смѣшаннаго запаха трупа, ладана, лаптя, суконной онучи и квашеной овчины. Чѣмъ долѣе, тѣмъ это становилось несноснѣе, и когда при отпѣваніи всѣ наполнявшіе церковь взяли въ руки зажженныя свѣчи, Глафирѣ стало казаться, что въ насыщающемся дымомъ воздухѣ какъ будто опять что-то носилось и вѣяло. Привычныя головы и спокойная совѣсть еще кое-какъ переносили эту удушающую атмосферу, но Глафира совсѣмъ была готова упасть. Она не разъ хотѣла выйти, но боялась выдать себя этимъ кому-то и въ чемъ-то, а чрезъ нѣсколько времени она была уже до такой степени вновь подавлена и разстроена, что не понимала самыхъ простыхъ явленій: сторожъ полѣзъ было по лѣсенкѣ, чтобъ открыть окно; но лѣсенка была плоха и онъ, не долѣзши, упалъ. Глафирѣ казалось, что это такъ и слѣдуетъ. Въ народѣ заговорили, что «онъ не пущаетъ»: ее интересовало, кто это «онъ». Въ отпѣваніи она только слышала возгласы: «Боже духовъ и всякія плоти». «Паки и паки» и опять слова: «Боже духовъ и всякія плоти» и опять «паки и паки», и еще и еще «Боже духовъ!» и «увы мнѣ, увы земля я и пепелъ; поношенье и прахъ»... Ужасно, тяжко, невыносимо до крайности: лобъ ломитъ, силы оставляютъ, а тутъ вдругъ куда-то всеобщая тяга; въ тѣснотѣ предъ Глафирой расчистилось мѣсто: между ею и гробомъ уже нѣтъ никого, ее шлютъ, ей шепчутъ: подходите, идите проститься!

Вокругъ гроба пустое, свободное мѣсто: Глафира оглядывалась и увидала по ту сторону гроба Горданова. Онъ какъ будто хотѣлъ ей что-то сказать глазами, какъ будто звалъ ее скорѣе подходить или, напротивъ, предостерегалъ не подходить вовсе,— не разберешь. Межъ тѣмъ мертвецъ ждалъ ее, лежа съ закрытымъ лицомъ и съ отпущеніемъ въ связанныхъ платкомъ рукахъ. Надо было идти, и Глафира сдѣлала уже шагъ, какъ вдругъ ее обогналъ пьяный

Сидъ; онъ подскочилъ къ покойнику со своими «расписками» и началъ торопливо совать ему въ руки, приговаривая:

— На тебѣ, на; я добрый рабъ, я тебя прощаю!

Сида потянули назадъ, но онъ не подавался и, крѣпко держась одною рукой за край гроба, держалъ и тормошилъ окостенѣвшія руки, пока всунулъ дѣтскія записочки покойнаго, которыя считалъ его «расписками».

Гордановъ воспользовался этимъ моментомъ; онъ вскочилъ на ступень катафалка съ тѣмъ, чтобы вынуть изъ рукъ мертвеца кощунственное отпущеніе Сида и тѣмъ облегчить прощаніе Глафирѣ, которая въ эту же минуту поднялась на ступень съ другой стороны гроба. Но лишь только они выровнялись другъ противъ друга, какъ платокъ, которымъ были связаны окоченѣвшія руки покойника, будучи раздерганъ Сидомъ, совсѣмъ развязался и мертвецъ предъ глазами всѣхъ собравшихся въ церкви людей раскинулъ наотмашь руки.

— Это не я! Это онъ!—воскликнула Глафира, падая безъ чувствъ на полъ.

Ее подняли и понесли къ дверямъ. Вынеся на воздухъ, ее посадили на цоколѣ и стали заботиться привести въ чувство, а между тѣмъ погребеніе было окончено и могила зарывалась.

Гордановъ въ это время ни на минуту не отступалъ отъ Глафиры; онъ зорко за нею слѣдилъ и боялся ея перваго слова, когда она придетъ въ чувство, и имѣлъ основаніе этого бояться. Новая опасность угрожала ему въ лицѣ маленькой глухонѣмой дочери Синтянина, которая, стоя здѣсь же, между отцомъ и Ворошиловымъ, держала въ рукахъ хлыстъ Глафиры съ аквамариновой ручкой. Откуда могъ взяться въ ея рукахъ этотъ хлыстъ, бывшій съ Гордановымъ въ лѣсу во время убійства и тамъ же невозвратно потерянный и занесенный снѣгомъ?

Гордановъ терялъ самообладаніе, замѣтивъ, что глухонѣмая смотритъ на него какъ-то не только особенно, но даже неумѣстно пристально, и вдругъ начинаетъ къ нему приступать.

— Чего ей нужно? что такое она хочетъ сдѣлать?

Онъ невольно попятился назадъ, а глухонѣмая, дѣлая знаки отцу и показывая на Горданова, подавила пуговку въ ручкѣ хлыстика и, выдернувъ оттуда потайной трех-

гранный стилетъ, бросила хлыстъ и стилетъ къ ногамъ Горданова.

— Господа, трехгранная рана открыта! — воскликнулъ Ворошиловъ, поднимая и показывая трехгранный стилетъ, на которомъ кровь засохла вдоль всѣхъ граней.—Это, если я не ошибаюсь, вещь вдовы покойника.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не моя вещь,—простонала, приходя въ чувство, Глафира.—Это... это...—продолжала она, отодвигаясь отъ Горданова:—я это давно отдала.

— Кому-съ?

— Ему.

Она указала на Горданова.

Ворошиловъ вынулъ изъ кармана сложенный листъ бумаги и, подавая его одному изъ главныхъ слѣдователей, проговорилъ:

— Вы здѣсь изволите увидать полномочія, по которымъ я прошу васъ сейчасъ же арестовать и отослать въ острогъ вдову Бодростину и господина Горданова.

Гордановъ и Глафира только переглянулись.

— Вы Карташовъ?—прошепталъ слѣдователь.

— Да, тотъ, о комъ здѣсь пишется.

— Ваше требованіе будетъ исполнено. Взять ихъ!

Глафира и Гордановъ были арестованы, а Ворошиловъ, или Карташовъ, обратясь къ унылымъ мужикамъ, проговорилъ:

— Молитесь Богу, ребята, правда будетъ открыта!

— Подай Господи,—дохнула толпа, и начала благодарно креститься и окружать со всѣхъ сторонъ глухонѣмую дѣвочку, которая дрожала и искала глазами мачиху.

ЭПИЛОГЪ.

Происшествіе на похоронахъ получило быстрѣйшую огласку. За эффектомъ этого событія были позабыты и схороненная Лариса, и заключенники Форовъ и Евангелъ, а цѣлая масса мелочей остались вовсе незамѣченными. Такъ, между прочимъ, прошла незамѣченною смерть старика Сида, который, пережившя своего Ирода и увидавъ поношеніе Иродіады, упился на кухнѣ виномъ и, идучи домой, сбился съ дороги и попалъ въ конопляную копань, гдѣ и захлебнулся. Незамѣтнымъ остался даже и самъ Гордановъ, который былъ арестованъ уже не домашнимъ арестомъ, а взятъ въ заключеніе. Вездѣ только ходила басня о мертвецѣ и въ ней полагалась вся суть. Эту вѣсть едва одолѣвалъ новый слухъ, что Карташовъ, или Ворошиловъ, оказавшійся контръ-фискаломъ генерала, къ которому являлась въ Петербургѣ Глафира, былъ немедленно отозванъ, и съ нимъ уѣхалъ и его землемѣръ, въ которомъ крестьяне признали слесаря Ермолаича, бывшаго въ положайникахъ у Сухого Мартына, когда добывали живой огонь.

Вслѣдъ за этою вѣстью быстро слѣдовала другая: Гордановъ былъ отчаянно боленъ въ тюрьмѣ; говорили, что у него антоновъ огонь въ рукѣ и что ему непремѣнно будутъ ампутировать руку.

Это тоже была истинная правда: Гордановъ, дѣйствительно, былъ сильно боленъ и въ первый же день ареста требовалъ ампутаціи пораженной руки. Въ виду его крайне болѣзненнаго состоянія допросомъ его не обременяли, но ампутацію сдѣлали. Онъ былъ твердъ и, пробудясь отъ хлороформа послѣ операціи, спокойно взглянулъ на свою коротенькую руку. Ввечеру острожный смотритель сказалъ Гор-

данову, что его непремѣнно хочетъ видѣть Ропшинъ. Гордановъ подумалъ и сказалъ:

— Пусть придетъ.

Явился Ропшинъ и съ первыхъ же словъ сообщилъ, что онъ съ величайшимъ трудомъ нашелъ къ нему доступъ чрезъ подкупъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Гордановъ.—Сообщите скорѣе: мнѣ много нельзя говорить.

Ропшинъ сталъ совѣтовать не выдавать Глафиру Васильевну.

— Вамъ отъ этого не будетъ легче,—говорилъ онъ:—между тѣмъ какъ вы погубите Глафиру Васильевну... вамъ некому будетъ помочь ни однимъ грошемъ.

— Вы правы... что же далѣе?

— Вы знаете, что Глафирѣ Васильевнѣ теперь одно средство: чтобъ опровергнуть всѣ подозрѣнія въ соучастіи съ вами...

— Она дастъ доказательства, что находится въ соучастіи съ вами,—перебилъ Гордановъ.

— Да; она выйдетъ за меня замужъ.

— Желаю вамъ съ нею счастія.

— Покорно васъ благодарю; но дѣло въ томъ, что мнѣ нужно знать, могу ли я разсчитывать на вашу скромность, если предложу вамъ за это...

— Сколько?

— Пять тысячъ.

— Мало.

— Извольте десять.

— Хорошо; а деньги съ вами?

— Нѣтъ; да вамъ и нельзя беречь. Я ихъ вамъ дамъ, когда... все будетъ кончено.

— Надуете.

— Я могу думать то же самое относительно васъ.

— Меня? Нѣтъ, я не вы и не ваша невѣста: у меня есть моя каторжная совѣсть, и вы можете сказать вашей будущей женѣ, что я ее не погублю—она повѣритъ. Но я хочу ручательства, что я не буду забытъ.

— Вы будете имѣть доказательства, что о васъ помнятъ.

И Ропшинъ сдержалъ свое слово: черезъ день онъ снова купилъ свиданіе съ Гордановымъ и сообщилъ ему, что Ворошилова немедленно отзовутъ, арестованныхъ крестьянъ

выпустятъ и все обвиненіе ляжетъ на одного Висленева, который, какъ сумасшедшій, невмѣняемъ.

— Это хорошо,—сказалъ Гордановъ.

И въ тотъ же день, сдѣлавъ надъ собою усиліе, больной далъ показаніе, которымъ отъ всего выгораживалъ себя и Глафиру, и требовалъ къ себѣ прокурора, чтобы представить доказательства, что онъ, Гордановъ, самъ былъ такая же полномочная особа, какъ и Карташовъ, или Ворошиловъ, и вмѣшанъ въ дѣло единственно по интригѣ, потому что наблюдалъ за ними.

Столь неожиданное показаніе это опять все наново переплетало и путало, но Гордіевъ узелъ внезапно разсѣкся смертью: ночью того же дня, когда Гордановъ открылся въ качествѣ наблюдателя за наблюдателями, ему внезапно сдѣлалось хуже и къ утру другого дня онъ былъ бездыханенъ. Врачъ заключилъ, что Павелъ Николаевичъ умеръ отъ антонова огня, а въ городѣ утверждали, что онъ былъ отравленъ для того, чтобы не открылъ ничего болѣе. Истину же знали два человѣка: Рошпинъ, да острожный смотритель, которому лояльный Генрихъ честно сообщилъ деньги, обѣщанныя Горданову.

Со смертью Горданова дѣло приняло еще новый оборотъ: теперь во всемъ выходилъ виновнымъ одинъ сумасшедшій Висленевъ, который нимало и не оправдывался и оставался совершенно равнодушнымъ къ своей судьбѣ. Онъ, впрочемъ, повидимому, не ясно сознавалъ, что съ нимъ дѣлали, и ничѣмъ не интересовался. Являясь на допросы, онъ то несъ свой вздоръ и выставлялъ себя предтечей другихъ сильнѣйшихъ и грозныхъ новаторовъ, которые, воспитываясь на ножахъ, скоро придутъ съ ножами же водворять свою новую вселенскую правду, то вдругъ впадалъ въ какой-то ражъ покаянія и съ азартомъ раскрывалъ всѣ тайники своей души, и съ неумѣстною откровенностію разсказывалъ истинную правду обо всемъ, что онъ перенесъ въ своей жизни отъ разныхъ коварныхъ людей и въ особенности отъ Глафиры и отъ Горданова. Онъ со слезами на глазахъ увѣрялъ, что эти люди были въ зломъ между собою заговорѣ на жизнь Бодростина и его, Висленева, обращали въ свое орудіе; но всѣ эти послѣдующія сознанія Жозефа уже не имѣли значенія послѣ первыхъ его заносчивыхъ показаній, которыя, въ связи со страннымъ его

поведеніемъ, только укрѣпили за нимъ репутацію умономѣшаннаго; и онъ, наконецъ, былъ офиціально подвергнутъ освидѣтельствованію. При этомъ актѣ Жозефъ снова проговорилъ все, что зналъ, утверждая, что онъ хотѣлъ жениться на Бодростиной и что этому нимало не мѣшало то, что онъ уже женатъ, но что Глафира его предала, ибо имѣла намѣреніе выйти за Горданова, и непремѣнно за него выйдетъ. Но когда ему сказали, что онъ ошибается и что вдовы Бодростиной болѣе уже не существуетъ, потому что она на десятый день послѣ смерти Михаила Андреевича вышла замужъ за Рощина, а Горановъ умеръ, то Висленевъ, нимало этимъ не смутясь, отвѣчалъ:

— Вотъ, видите, какая, однако, Горановъ каналья: онъ умеръ, а между тѣмъ онъ меня научалъ идти къ сконцамъ денегъ просить.

За всѣ эти заслуги Жозефъ былъ офиціально признанъ сумасшедшимъ и, какъ опасный сумасшедшій, совершившій въ припадкѣ безумія убійство Бодростина, посаженъ въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ и будетъ доживать свой доблестный вѣкъ. Онъ здоровъ, и хотя имѣетъ видъ утопленника, обладаетъ, однако, хорошимъ аппетитомъ. Что касается до его умственной стороны, то хотя сумасшествіе Висленева засвидѣтельствовано самымъ неопровержимымъ образомъ формальными актами,—но всѣ люди, близко знавшіе этого героя, находятъ, что онъ теперь точно таковъ же, каковъ былъ во всю свою жизнь, изъ чего многимъ и приходитъ на мысль дѣлать выводъ, что главнѣйшее несчастіе Жозефа заключается въ несвоевременности освидѣтельствованія его разсудка.

Такъ завершилось дѣло, на сборы къ которому потрачено столько времени и столько подходовъ, вызывавшихся взаимнымъ другъ къ другу недовѣріемъ всѣхъ и каждаго. Актеры этой драмы въ концѣ ея сами увидали себя дѣтьми, которыя, изготовляя бумажныхъ солдатиковъ, все *собираются* произвесть имъ генеральное сраженіе и не замѣчаютъ, какъ время уходитъ и зоветъ ихъ прочь отъ этихъ игрушекъ, безвѣстно гдѣ-то погибающихъ въ черной ямѣ.

Остается сказать, что̀ подѣлалось съ другими дѣйствующими лицами этого разсказа.

Мѣсяцевъ пять спустя послѣ убійства и ряда смертей,

заключившихъ исторію большихъ, но неудавшихся замысловъ Горданова и Глафиры, часовъ въ одиннадцать утра ранняго великопостнаго дня, по одной изъ большихъ улицъ Петербурга шла довольно скорыми шагами молодая женщина въ черной атласной шубѣ и черной шляпѣ. Она часто останавливалась противъ надписей объ отдающихся внаймы квартирахъ, читала ихъ и опять, опустивъ на лицо вуаль, шла далѣе. Очевидно, она искала наемной квартиры и не находила такой, какая ей была нужна.

Сзади ея, невдалекѣ, шелъ человѣкъ, по походкѣ и бодрости котораго тоже надо было полагать, что онъ еще не началъ старѣться, хотя голова его была почти на половину сѣда, и вдоль каждой щеки лежали по двѣ глубокія морщины.

Когда оба эти лица поровнялись и мужчина равнодушно опередилъ даму, послѣдняя слегка вздрогнула и, сдѣлавъ нѣсколько ускоренныхъ шаговъ, произнесла немного взволнованнымъ голосомъ:

— Андрей Ивановичъ!

— Александра Ивановна! вы ли это? — воскликнулъ на этотъ зовъ Подозеровъ.

— Какъ видите, я сама,—отвѣчала Синтянина.

— Откуда вы?

— Теперь изъ Москвы, а въ Москву прямо изъ своего хутора.

— Зачѣмъ же васъ Богъ принесъ сюда?

— Зачѣмъ? мой мужъ очень боленъ, — и она при этомъ разсказала, что нуля старика Синтянина, все болѣе и болѣе опускаясь, стала такъ невыносимо его безпокоить, что онъ непремѣнно хочетъ, чтобъ ему ее вынули.

— И мы,—добавила она:—третьяго дня пріѣхали сюда.

— Только третьяго дня?

— Да; мы еще живемъ въ гостинницѣ, и я ищу квартиру.

— Квартиру ищете! Позвольте мнѣ вамъ помочь.

— Съ удовольствіемъ позволяю: я въ этомъ городѣ какъ въ лѣсу, и если вамъ ничто не мѣшаетъ мнѣ пособить, то вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

Подозеровъ, разумѣется, увѣрилъ ее, что у него теперь никакихъ срочныхъ занятій нѣтъ, да хотя бы и были, то онъ не могъ бы ими заниматься при такой радости, какую составляетъ для него встрѣча со старыми друзьями.

— Квартиръ мы тоже не станемъ ходить высматривать, потому что это напрасная трата силъ и времени, а вы и безъ того, кажется, устали.

— Это правда.

— Ну, вотъ, видите ли. Мы сейчасъ зайдемъ въ такую контору, гдѣ намъ за небольшую плату доставятъ всѣ свѣдѣнія о свободныхъ квартирахъ въ той мѣстности, гдѣ вы хотите.

— Я хочу здѣсь, вотъ въ этомъ кварталѣ.

— Непремѣнно здѣсь?

— Да, непремѣнно здѣсь или вблизи отсюда, потому что здѣсь живетъ хирургъ, который будетъ дѣлать операцію моему мужу.

— Развѣ это ужъ рѣшено?

— Да, рѣшено; вчера у насъ уже были три извѣстныя оператора.

— И что же: они находятъ операцію возможною?

Александра Ивановна пожала плечами и, вздохнувъ тихо, проговорила, что она не знаетъ, что и думать объ ихъ отвѣтахъ: одинъ говоритъ «нельзя», другой утверждаетъ, что «можно», а третій сомнительно трясетъ головой.

— Но Иванъ Демьяновичъ,—добавила она:—разумѣется, склоняется на сторону того, который обѣщаетъ ему вынуть пулю,—и вотъ потому-то мы и хотимъ поселиться поближе къ тому доктору.

— И прекрасно: я тоже живу здѣсь по сосѣдству, и хоть небольшая вамъ будетъ во мнѣ помощь, а все-таки могу пригодиться.

— Еще бы: и очень даже.

Въ это время они вошли въ контору, получили нѣсколько адресовъ и черезъ полчаса наняли небольшую, но очень уютную квартиру, по средствамъ, какими располагала Спиридонова.

— Теперь вы, конечно, не откажетесь проводить меня до дому и посѣтите моего старика?

— Непремѣнно, непремѣнно, и съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Подозеровъ. — Я Ивану Демьяновичу очень признателенъ.

— Мегсі; онъ тоже очень будетъ радъ васъ видѣть: онъ даже вчера о васъ вспоминалъ. Ему хотѣлось взглянуть на Петербургъ, а главное, что ему хотѣлось достать себѣ хо-

рошій образъ Христа, и онъ все говорилъ, что вотъ вы бы, какъ любитель искусства, могли бъ ему помочь въ этомъ. Но что же вы сами: что вы и какъ вы?

Подозеровъ сдержалъ вздохъ и, закусивъ слегка нижнюю губу, отвѣчалъ, что ничего; что онъ чувствуетъ себя какъ должно и какъ можно чувствовать себя на его мѣстѣ.

— Я думаю, смерть Лары васъ ужасно поразила? Я долго не рѣшалась послать Катѣ депеши; но это было совершенно необходимо вызвать ее къ арестованному мужу.

— Да; скажите на милость, что̀ это за дѣло у Филетера Ивановича?

— Ахъ, ничего не умѣю вамъ сказать: вступался за крестьянъ, ходилъ, болталъ свои любимыя присказки, что надо бы одну половину дѣятелей повѣсить на жилахъ другой, и, наконецъ, попалъ въ возмутители. Но теперь, говорятъ, дѣло уже не совсѣмъ для него несчастливо и вѣрно скоро окончится. Но что же вы, что съ вами? вы уклоняетесь отъ отвѣта.

— Мнѣ хорошо.

— Счастливый человѣкъ и рѣдкій: вамъ всегда хорошо.

— Да, почти всегда: я занятъ, работаю, ѣмъ въ потѣ лица хлѣбъ мой, а работа—превосходный врачъ.

— Отъ чего, отъ какой болѣзни?

— Отъ всѣхъ душевныхъ болѣзней.

— Значитъ онѣ еще не прошли?

— Что-жъ дивнаго: я человѣкъ, и на мнѣ тоже тяготѣютъ тяжести жизни.

— Теперь вы снова свободны, — проговорила, не подумавъ, Синтянина.

— Я всегда былъ свободенъ,—поспѣшно отвѣтилъ Подозеровъ, и тотчасъ добавилъ:

— Если я искалъ развода, то дѣлалъ это для спокойствія Лары, но отнюдь не для себя.

Синтянина на него посмотрѣла и сказала:

— Я такъ и думала.

— Конечно-съ, на что же мнѣ это было? я не веду моей родословной ни отъ какихъ славныхъ гусей: я не графъ и не князь, чтобы быть шокированнымъ поведеніемъ жены.

— Вы Испанскій Дворянинъ.

— Не знаю, но знаю, что меня замарать никто не можетъ, если я самъ себя не мараю. Притомъ же, если для

чьего-нибудь счастія нужно, чтобы мы отступились отъ этого человѣка, то неужто тутъ еще есть надъ чѣмъ раздумывать? Я не могу быть спокоенъ, если я знаю, что кого-нибудь стѣсняю собою, и удалился отъ жены, желая покоя своей совѣсти.

— А теперь вы покойны?

— Конечно, мнѣ уже болѣе нечего терять.

Генеральша задумалась и потомъ проговорила:

— Зачѣмъ же все только... терять? Жизни должно-быть еще много впереди, и вы можете что-нибудь «найти» и не потерять.

— Перестанемъ объ этомъ.

— И впрямь я не знаю о чемъ говорю,—и съ этими словами она вошла въ свой нумеръ, гдѣ былъ ея больной мужъ.

Генералъ Синтянинъ, обложенный подушками, сидѣлъ въ одномъ креслѣ, межъ тѣмъ какъ закутанныя байковымъ одѣяломъ ноги его лежали на другомъ. Предъ нимъ нѣсколько въ сторонѣ, на плетеномъ стулѣ, стояла въ золоченой рамѣ картина вершковъ десяти, изображающая голову Христа, вѣнчаннаго терніемъ.

Увидавъ Подозерова, Иванъ Демьяновичъ очень обрадовался и хотя протянулъ ему руку молча, но сжалъ ее съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Садитесь, — произнесъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе гостя и на его вопросъ о здоровьѣ.—Мать, дай намъ чаю,— обратился онъ къ женѣ и сейчасъ же добавилъ: — радъ-съ, весьма радъ-съ, что вы пришли. Хотѣлъ посылать, да пословъ не нашелъ. А видѣть васъ радъ, можетъ скоро умру, надо съ друзьями проститься. Впрочемъ, у меня-съ друзей нѣтъ... кромѣ ея, — добавилъ генералъ, кивнувъ по направленію, куда вышла жена.

Подозеровъ промолчалъ.

— Грустно-съ,—заговорилъ генералъ, стараясь говорить такъ тихо, чтобы не слыхала жена: — грустно-съ, достопочтенный мой, умирать обманутымъ людьми, еще грустнѣе жить обманутымъ самимъ собою.

— Что это у васъ за мысли?

— Подвожу итогъ-съ и разсуждаю объ остаткѣ: въ остаткѣ нуль и отпускаться будетъ нечѣмъ у сатаны. Одинъ вотъ-съ

Его заслуги, вотъ-съ вся и надежда,— заключилъ онъ, вздохнувъ и показавъ глазами на вѣнчанную терніемъ голову.

— У васъ превосходный заступникъ,—молвилъ въ тонъ ему Подозеровъ.

— Да-съ; слава Богу, слава Ему,—отвѣчалъ генералъ и, не сводя глазъ съ картины и перемѣнивъ тонъ, продолжалъ:—Вы знаете, я наконецъ рѣшился сдѣлать себѣ операцію: хочу, чтобы вынули эту проклятую пулю.

— Развѣ она стала васъ очень безпокоить?

— Да, ужасно безпокоитъ,—и генералъ весело прошепталъ: — Это-съ вѣдь бѣсовская пуля. Да-съ, я вѣдь происхожу изъ кантонистовъ: я былъ простой солдатъ, простой и добрый солдатъ-товарищъ; мать свою почиталъ, а какъ эта проклятая пуля въ меня попала, я пошелъ въ чины, сдѣлался генераломъ и всю жизнь мою не вспомнилъ Бога. Да-съ; но Онъ меня вспомнилъ: я чувствую: Онъ скоро придетъ... Я снова знаю, какъ Онъ приходитъ; когда я мальчишкой пасъ чужихъ жеребятъ, я видѣлъ Его и еще, когда кантонистомъ въ казармахъ рыдалъ я разъ ночью о своей крестьянкѣ-матери. Онъ тоже былъ благъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я... сталъ всѣхъ мучить... Вотъ я купилъ... вчера эту... картину,— громче говорилъ онъ, услыхавъ шаги возвращающейся жены: — говорятъ, будто это работы Гверчино... не самого Гверчино, можетъ-быть его школы...

— Голова писана со смысломъ.

— Да, я читалъ, что Гверчино писалъ вдохновенно. Какъ вы находите?

— Сильная кисть и освѣщеніе сверху... да это какъ будто манера Гверчино... умно и тепло.

— Нѣтъ, выраженіе?

— И выраженіе мнѣ нравится.

— А все не то, а все не то, что я зналъ въ дѣтствѣ...

И Синтянинъ сбросилъ съ ногъ одѣяло и тихо вышелъ за перегородку, унося съ собою картину.

— У него часто такія минуты?—спросилъ шопотомъ генеральшу Подозеровъ.

— Съ давнихъ поръ почти постоянно погруженъ въ размышленіе о Богѣ и о смерти,—отвѣчала та едва слышно.

Изъ-за перегородки послышался вздохъ и слова: «помилуй, помилуй!» Синтянина молча стояла посреди комнаты.

— Зачѣмъ вы не взяли сюда Вѣру?—прошепталъ Подозеровъ.

— Вѣру?

— Да; она бы очень много хорошаго вносила собою въ его душу.

— Вѣра...

И генеральша, замѣтивъ тихо входившаго мужа, не договорила; но Иванъ Демьяновичъ, слышавшій имя Вѣры, тихо молвилъ:

— Моя Вѣра умерла.

— Вѣра умерла!

— Да, умерла. Развѣ Alexandrine вамъ не разсказала, какъ это случилось?

— Нѣтъ.

— Вѣра моя простудилась, искавъ ее (онъ указалъ на жену) и найдя этотъ стилетъ, которымъ Гордановъ убилъ Бодростина.

— Вы увѣрены, что это сдѣлалъ Гордановъ?

— Увѣренъ, и всѣ увѣрены. Болѣе-съ: я это знаю, и вы мнѣ можете вѣрить: предъ смертью люди не лгутъ. Гордановъ убилъ, да-съ; а потомъ Горданова убили.

— Да; я читалъ, что онъ умеръ въ острогѣ.

— Онъ отравленъ, и отравилъ его Ропшинъ

— Ропшинъ!—Зачѣмъ это Ропшину было?

— Онъ пустилъ въ воду концы. Вотъ въ это время, какъ вы съ Сашей ходили искать квартиры, ко мнѣ заходилъ тотъ... Карташовъ, или этотъ... знаете, который былъ тамъ?..

— Ворошиловъ,—сухо подсказала генеральша.

— Вотъ именно!.. Но дѣло въ томъ, какія онъ мнѣ сообщилъ чудеса: во-первыхъ, онъ самъ, все это открывшій, чуть не остался виноватъ въ томъ, зачѣмъ открылъ, потому что въ дѣло вмѣшалось соперничество двухъ наблюдательныхъ персонъ, бывшихъ на ножахъ. Оттого все такъ въ комокъ да въ кучу и свертѣлось. Да что объ этомъ толковать. Я лучше сообщу вамъ пріятную новость. Майоръ Форовъ освобожденъ и арестъ ему вмѣненъ въ наказаніе.

— Да, слава Богу. Бѣдная Катя теперь оживетъ.

— Оживетъ? Гм!.. Вотъ будетъ странность.

— А что же съ ней такое?—живо вмѣшался Подозеровъ.

— Что съ ней тако-ое? — переспросилъ генералъ. — Да развѣ Alexandrine вамъ ничего не сказала?

— Нѣтъ; да и Катерина Астафьевна сама мнѣ тоже, какъ уѣхала, ничего не пишетъ.

— Чему же вы тутъ удивляетесь?

— Да все-таки хоть бы немного, а слѣдовало бы написать.

— А если нечѣмъ-съ написать-то?

— Какъ такъ?

— У бѣдной Кати былъ легкій ударъ, — молвила генеральша.

— Наперекоски хватило-съ: правая рука и лѣвая нога отнялись.

— Какое несчастіе!

— Да-съ; подбираемся-съ, подбираемся... и замѣтьте-съ, что довольно дружно одинъ за другимъ. А вѣдь въ существѣ нечему здѣсь много и удивляться: всему этому такъ надлежало и быть: жили, жили долго и наступила пора давать другимъ мѣсто жить. Это всегда такъ бываетъ, что смерти вдругъ такъ и хлынутъ, будто мѣшокъ прорвется. Катерина же Астафьевна, знаете, женщина тучная, съ сердцемъ нетерпячимъ... пріѣхала къ намъ какъ разъ во время похоронъ Вѣры, узнала, что мужъ въ тюрьмѣ, и повезла ногой и руку повѣсила.

— Но позвольте же: ей всего сорокъ пять, сорокъ шесть лѣтъ?—перебилъ Подозеровъ.

— Даже сорокъ четыре,—поправила Синтянина.

— Ну такъ что же-съ такое? Хотите, вѣрно, сказать, что, молъ, надо лѣчить? Ее и лѣчили.

— Ну-съ, и что же?

— И ничего: лѣкаря мази выписываютъ, въ аптекахъ деньги берутъ, а она все лѣвою рукою крестится и хвалитъ Бога: «правъ Ты, Боже, меня наказуя; дай Ты грѣшной плоти моей настрадаться».

— Женщина благороднѣйшаго характера и великой души,—произнесъ Подозеровъ.

— Катя—ангелъ,—заключила Синтянина:—и она...

— Выздоровѣетъ? Разумѣется, выздоровѣетъ,—говорилъ, стараясь придать голосу какъ можно болѣе увѣренности, Подозеровъ.

— Нѣтъ, она умретъ,—отвѣчала, слегка поблѣднѣвъ, генеральша.

— Умретъ? Почему?

Александра Ивановна пожала плечами и проговорила:

— Не знаю сама почему... но такъ какъ-то... она здѣсь все совершила земное...

По переходѣ Синтяниныхъ въ ихъ новое помѣщеніе, на другой день вечеромъ, всѣ эти три лица опять собрались вмѣстѣ и, ведя тихую бесѣду предъ каминомъ, вспоминали немногихъ милыхъ имъ лицъ, остающихся еще тамъ, на теплыхъ пажитяхъ, и заговорили объ Евангелѣ и о Форовѣ. Собесѣдники припоминали то тѣ, то другія изъ оригинальныхъ выходокъ майора, слегка посмѣивались надъ его безвѣріемъ и напускнымъ нигилизмомъ, и всѣ соглашались, что не дай Богъ ему пережить Катерину Астафьевну, что онъ этого навѣрно не перенесетъ. Среди такого рода бесѣды вдругъ неожиданно дрогнулъ дверной звонокъ, и почтальонъ подалъ письмо, адресованное генералу въ Москву, а оттуда пересланное въ Петербургъ, въ гостиницу, и тамъ направленное наконецъ сюда, на новое его помѣщеніе.

— Это письмо отъ отца Евангела,—сказалъ генералъ:— и притомъ большое письмо: все вижу пестрѣютъ въ строкахъ имена. Вѣрно новости. Не читать ли-съ вслухъ?

— Конечно,—отозвалась генеральша.

И генералъ началъ читать вслухъ письмо Евангела, которое тотъ самъ въ началѣ же называлъ письмомъ «плачевно-утѣшительнымъ». Въ этомъ письмѣ Евангелъ, съ своимъ духовно-поэтическимъ юморомъ, путавшимся въ тяжелыхъ фразахъ семинарскаго построенія, извѣщалъ, что «Господу Богу, наказующу и благодѣющу, угодно было, чтобы дѣла, запутанныя человѣческимъ безстудіемъ и злобой, повершились судомъ, необозначеннымъ въ уложеніяхъ, въ коихъ за безвѣріе взыскивается, но самый завѣтъ Божескій не соблюдается». Евангелъ повѣствовалъ, что, по внезапной смерти Горданова, за которою не замедлилъ еще болѣе неожиданный и «скоропостижный бракъ неутѣшной вдовицы Глафиры Васильевны Бодростиной съ Генрихомъ Ропшинымъ», дѣло о самой смерти покойнаго Бодростина какъ-то вдругъ стушевалось, и всѣ остаются довольны, не исключая главнаго виновника, умопомраченнаго Висленева, сидящаго въ сумасшедшемъ домѣ, чѣмъ онъ не только не обиженъ, но, напротивъ, необыкновенно дорожитъ этимъ удобнымъ положеніемъ и самъ до того за него стоитъ, что когда кто-то надъ нимъ подшутилъ, будто жена намѣревается его

оттуда вынуть и взять на поруки, то Іозефъ страшно этимъ встревожился и самъ всѣмъ напоминалъ, что онъ опасный помѣшанный и убійца, на каковомъ основаніи и упрашивалъ не выдавать его женѣ, а, напротивъ, приковать на самую толстую цѣпь и бросить ключъ въ море, дабы ни жена, ни Кишенскій какъ-нибудь не похитили его насильственнымъ или тайнымъ образомъ. «Они хитрые», внушалъ онъ начальству дома умалишенныхъ, требуя строжайшаго за собою присмотра: «я васъ для вашей же пользы предупреждаю: строго меня держите, а то они меня украдутъ, а я опять кого-нибудь убью и вамъ очень дурно за это можетъ достаться». «Симъ манеромъ запугивая, казусный оный криминальникъ (продолжалъ Евангелъ) столь все свое начальство подчинилъ своей власти, что его даже на двѣ цѣпи посадили, что и не кажется никому излишнимъ, ибо онъ, что день, все объявляетъ себя на большія и большія злодѣянія склоннымъ и способнымъ». Такимъ образомъ этотъ виновникъ смерти Бодростина, по увѣренію Евангела, оставался своею участью совершенно доволенъ. Гордановъ, по его словамъ, тоже, вѣроятно, долженъ быть доволенъ, ибо послѣ столь гнусной жизни ему потребенъ смертный покой, дабы не причинять большого безпокойства, которое онъ, какъ открылось, намѣревался сдѣлать всѣмъ жаждущимъ быстраго обогащенія, предполагая завести въ разныхъ мѣстахъ конторы для продажи на сроки записокъ на билеты правительственныхъ лотерей. Онъ хотѣлъ вездѣ продавать записки на *одни и тѣ же* билеты на срочную выплату и, обобравъ всѣхъ, уйти въ Швейцарію.

«О себѣ скажу,—писалъ Евангелъ,—что и самъ ни на что не ропщу. Хотя я и посидѣлъ нѣкую годину злую во узилищѣ, но зато осіялся тамъ силою новою, при коей мнѣ мнится якобы уже ничто не страшно. Паннька моя хотя неспокойно приняла сіе мое злоключеніе подъ видомъ бунтовщика, но зато и въ ея душѣ промелькнуло, что намъ съ ней нѣтъ разъединенія, ибо разлученные тѣлами, мы съ нею непрерывно чувствовали себя вмѣстѣ, а тѣлесная разлука неизбѣжна и къ оной надо себя держать въ готовности. Превелелебному Генриху въ семъ дѣлѣ и говорить нечего, какая благая часть досталась: столь славной и богатой жены мужемъ онъ, я мыслю, и не чаялъ сдѣлаться, а Глафирѣ Васильевнѣ тоже нескудная благодать, ибо она симъ оборо-

томъ всѣ взоры отвела отъ всего, ей неподобнаго, да и мужа получила вѣжливаго, который ее отъ всѣхъ тяжестей управленія имѣніями и капиталами ея вполнѣ освободилъ, и даже собственноручные ея расходы, говорятъ, весьма точною цифрою ограничилъ, такъ что она отъ всѣхъ нынѣ соблазновъ гораздо независимѣе. Ларисѣ Платоновнѣ и той не къ худу это послужило, ибо дало ей силы печали свои окончить смертью вольною, о коей разныя можно имѣть мнѣнія, такъ какъ и между вѣрующими писателями есть мыслители, не осуждающіе вольной смерти, ибо въ иныхъ случаяхъ не все ли въ нѣкоей степени одинаково, отпустить себя своею рукой или чужую навести на себя? А хотя бы и не такъ, то была она женщина, — сосудъ скудельный и слабый, и за то ей простится все, а побужденіе ея было, конечно, благородное: освободить того, кого она счастливымъ сдѣлать была обязана, да не сумѣла. И сему тоже будетъ ко благу, да не обольщается напередъ сей философъ, что мы, будучи созданы по образу Божію, такую же и власть Божію имѣемъ, что довольно намъ сказать разслабленному: «возьми одръ твой и ходи», чтобъ онъ тотчасъ же всталъ и началъ ходить по слову нашему. Нѣтъ, это не такъ: надо бережно обращаться съ сплетеніемъ жилъ, связующихъ дикое мясо съ живымъ организмомъ, и ради спасенія сего организма потерпѣть иногда и гадкое мясо дикое».

Генералъ остановился и, взглянувъ на Подозерова, замѣтилъ, что это на его счетъ nota bene; но, не получивъ ни отъ кого никакого отвѣта, продолжалъ далѣе чтеніе письма, въ которомъ авторъ, отыскивая благо для всѣхъ потерпѣвшихъ отъ зла, доходилъ до супруговъ Форовыхъ и въ томъ же задушевномъ, покорномъ и грустно-шутливомъ тонѣ началъ:

«Другу моему Катеринѣ Астафьевнѣ во всемъ этомъ было послѣднее испытаніе, которое она до самаго послѣдняго своего конца выдержала съ величайшею для себя честью».

— Какъ до самаго послѣдняго конца? — перебила генеральша.

— Такъ здѣсь написано: «до самаго послѣдняго своего конца».

— Что это такое? — сказала тревожно Александра Ивановна и, вставъ, поглядѣла черезъ плечо мужа въ листокъ,

прочла что-то молча глазами и молча же сѣла на прежнее мѣсто. По щекамъ ея текли двѣ длинныя, серьезныя слезы, которыя замѣтилъ и Подозеровъ, и генералъ, и оба отгадали, въ чемъ дѣло, и старикъ продолжалъ чтеніе.

«До послѣдняго конца своего (читалъ генералъ) она не возроптала и не укорила Провидѣніе даже за то, что не могла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ правой руки, но должна была дѣлать это лѣвою, чѣмъ и доказала, что у иныхъ людей, противъ всякаго повѣрья, и съ лѣвой стороны чорта пѣтъ, а у иныхъ онъ и десницею орудуетъ, какъ у любезнаго духовнаго сына моего Павла Николаевича, который предъ смертью и съ Богомъ пококетничалъ. Кончина же сея доброй мироносицы воспослѣдовала назадъ тому восемь дней весьма тихая и праведничья и послѣдовала она не отъ какой-либо сугубой скорби, а отъ радости, ибо была въ этотъ день объявлена намъ вѣсть, что Форовъ отъ обвиненія въ бунтовничьей крамолѣ вторично и окончательно освобождается... Вѣсть сія Катерину Астафьевну столь рѣзко обрадовала, ибо была противъ всѣхъ нашихъ ожиданій, что она воспрыгнула и было обѣ руки подняла, чтобъ обѣими благословить Господа милости, но, произнеся звукъ «сла», упала навзничь и отошла тихо и безболѣзненно. И я, все это видѣвый, далъ ей глухую исповѣдь и свидѣтельствую вамъ о ея спокойной кончинѣ и о томъ тоже присовокупляю, что мужъ ея былъ симъ событіемъ ожесточенно тронутъ, ибо имѣлъ къ тому и весьма внушительный случай. Трафилось такъ, что лучше нарочно и первостатейный сочинитель не придумаетъ: благоволите вспомнить *башмаки*, или, лучше сказать, исторію о башмакахъ, которые столь часто были предметомъ шутокъ въ нашихъ собесѣдованіяхъ,—тѣ башмаки, которые Филетеръ обѣщалъ принести Катеринѣ Астафьевнѣ въ Крыму и двадцать лѣтъ купить ихъ не собрался, и буде вы себѣ теперь это привели на память, то представьте же, что майоръ, однако, весьма удачно сію небрежность свою поправилъ, и идучи, по освобожденіи своемъ, домой, первое, что сдѣлалъ, то зашелъ въ складъ съ кожевеннымъ товаромъ и купилъ въ ономъ для доброй супруги своей давно ею жданные башмаки, кои на нее на мертвую и надѣты, и въ коихъ она и въ гробъ нами честно положена, такъ какъ, помните, сама не разъ ему говорила, что «придетъ-де та пора, что ты ку-

пишь мнѣ башмаки, но уже будетъ поздно, и они меня не порадуютъ». Совершенно такъ все оно и случилось по ея прорицанію, на что я и обратилъ его внимательность. Форовъ былъ прежалкій: онъ все время похоронъ даже нервно дрожалъ и сердился, кусалъ ногти и, не чувствуя слезъ, кои изъ глазъ его выпрыгивали, до того представлялся грубымъ и неласковымъ, что даже не хотѣлъ подойти ко гробу и поцѣловать жену, и отвѣчалъ: «Зачѣмъ я стану ее мертвую цѣловать, когда я ее вволю живую цѣловалъ». Такъ религіозно храня свое грубое невѣріе и представляясь безчувственнымъ, онъ и не прощался съ покойною: увѣряя, что онъ съ мертвыми никакихъ отношеній не умѣетъ соблюдать и все это считаетъ за глупыя церемоніи. Но подивитесь же, какая съ самимъ съ нимъ произошла глупость: по погребеніи Катерины Астафьевны, онъ, не зная какъ съ собой справиться и все-таки супротивъ самой натуры своей строптствуя, испилъ до дна тяжелую чашу испытанія и, бродя тамъ и сямъ, очутился ночью на кладбищѣ, влекомый, разумѣется, *существующею* силой самой любви къ *несуществующему* уже субъекту, и здѣсь онъ соблаговолилъ присѣсть и, надо думать, не противу своей воли, просидѣлъ цѣлую ночь, припадая и плача (по его словамъ отъ того будто, что немножко лишнее на нутро принялъ); но какъ бы тамъ ни было, творя сей сѣдаленъ на хвалитѣхъ, онъ получилъ тамъ сильную простуду и въ результатѣ оной перекосило его самого, какъ и его покойницу Катерину Астафьевну, но только съ сообразнымъ отличіемъ, такъ что его отецъ Кондратій щелкнулъ не съ правой стороны на лѣвую, а съ лѣвой на правую, дабы онъ, буде вздумаетъ, могъ бы еще правою рукой перекреститься, а лѣвою ногой сатану отбрыкнуть. Не знаю, однакоже, удосужится ли его высокоблагородіе это сдѣлать, ибо послѣ сего полученнаго имъ перваго предостереженія, весьма возможно вскорѣ и второе, а потомъ съ третьимъ все изданіе его бренія и вовсе можетъ быть закрыто. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ онъ не хочетъ еще мнѣ довѣрять и даже на самое сіе предостереженіе весьма злится и, какъ оный тонувшій въ пьяномъ видѣ въ канавѣ бодростинскій Сидъ изрыгаетъ похвальбу, что, пожалуй, всѣхъ насъ переживетъ и научитъ какъ можно никакихъ предостереженій не слушаться. Но, впрочемъ, его вы скоро самолично увидите, такъ какъ го-

сподинъ майоръ, тяжело двигая правою ногой, быстро собирается течь въ оный вашъ всепоглощающій Петербургъ, а причину своей поѣздки отъ меня скрываетъ, говоря, что я ея не одобрю, а онъ не желаетъ разбиваться въ своихъ мысляхъ, ибо дѣлаетъ то, что вздумалъ единственно лишь именно въ виду обстоятельствъ и побуждаемый къ тому полученнымъ имъ первымъ предостереженіемъ. На-дняхъ вы его сами узрите и тогда мнѣ придется вамъ завидовать, что вы опять и на чужбинѣ, въ ономъ нѣмецкомъ *бурѣ*, соберетесь всею остающеюся пока нашею наличностію вкупѣ, тогда какъ мы съ Панинькой все болѣе сиротѣемъ. И будете вы прежде меня знать, какъ другъ мой Филетеръ Ивановичъ съ предостерегающимъ его начальствомъ въ брань войдетъ. Замыкаю же сіе мое обширное посланіе къ вамъ тою вѣстью, что я о васъ обо всѣхъ молюсь, желаю вамъ здоровья и всѣхъ благъ, и утверждаю и васъ въ истинѣ, что все бываетъ ко благу, такъ какъ и въ семъ трепетномъ дѣлѣ, которое мы недавно только пережили, вамъ, государь Иванъ Демьяновичъ, тоже дана, по моему мнѣнію, добрая наука: вамъ, вѣчно надѣявшимся на силу земной власти, окончаніе гордановскаго дѣла можетъ служить урокомъ, что нѣтъ того суда, при которомъ торжество истины было бы невозможно. Панинька моя всѣмъ вамъ кланяется и увѣряетъ, что Андрей Иванычъ непремѣнно скоро женится, ибо, употребляя ея ученыя выраженія, онъ до сихъ поръ «наблюдалъ въ любви одну тактику, а теперь станетъ соблюдать практику». Соглашаюсь, что сей учеными словами украшенный дискурсъ отъ жены моей страдаетъ какъ бы нѣкоею изрядно-свойственною ей безтолковостью, но тѣмъ не менѣе, какъ бывали уже случаи, что о вещахъ, сокрытыхъ отъ мудрыхъ и премудрыхъ, пророчествовали слѣпцы, то и сіи убогія ея прозрѣнія пріимите отъ вновь паки свои права священства воспріявшаго Евангела Минервина».

— Вотъ и все письмо,—проговорилъ генералъ, складывая листокъ:—и какое интересное письмо.

— Да; очень интересное,—отвѣчала съ горечью Синтянина, сидя въ томъ же неподвижномъ положеніи. — Нѣтъ болѣе моей Кати; нѣтъ моего лучшаго друга.

— Да, ширится кладбище,—молвилъ Подозеровъ.

— Ну, что дѣлать: жили, жили вмѣстѣ, пора, видно, на-

чать невдалекѣ одинъ за другимъ и умирать,—произнесъ генералъ и, поглаживая себѣ поясницу, точно началъ высматривать, гдѣ бы, по расположенію комнаты, удобнѣе было поставить очередной столъ для его тѣла.

Генералъ недаромъ осматривалъ себѣ мѣсто: немного спустя послѣ этого дня, Подозеровъ, заставъ его дома одного, имѣлъ случай убѣдиться, что Синтянинъ, приготовляясь къ операціи, приготовляется и къ смерти. Иванъ Демьяновичъ встрѣтилъ гостя съ усвоенною имъ въ послѣднее время привѣтливостью, въ которой, однако, на этотъ разъ было еще что-то торжественное, задушевное и серьезное. Кто видалъ человѣка, приготовляющагося выдержать серьезную операцію, тотъ, конечно, замѣтилъ то особенное внушающее «нѣчто», которое за нѣсколько дней до операціи разливается по лицу больного. Это «нѣчто», угнетающее гораздо болѣе, чѣмъ ожиданіе самой смерти, это ожиданіе пытки, выражающееся обыкновенно своеобычною печатью силы и смиренія.

Синтянинъ подвелъ Подозерова къ столу, на которомъ лежалъ листъ бумаги со свѣжею еще подписью Ворошилова, и прошепталъ:

— Прочтите и подпишите.

Бумага эта была духовное завѣщаніе, которымъ Синтянинъ упрочивалъ за женой все свое небольшое состояніе, стоившее около десятка тысячъ.

Подозеровъ подписалъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ, принимая отъ него бумагу, генералъ. — Это необходимая вещь. Нужно оградить Сашу отъ всякихъ безпокойствъ. Я поздно объ этомъ подумалъ. Кромѣ этого, у нея будетъ мой пенсіонишка, но она его лишится, когда выйдетъ замужъ.

— Почему же вы думаете, что Александра Ивановна непремѣнно выйдетъ замужъ?

— Да это такъ должно быть, но не въ томъ дѣло, а вотъ что-съ: вотъ я вамъ поручаю письмо, вамъ нѣтъ нужды знать его содержаніе.

— Совершенно справедливо.

— Когда я умру и когда меня похоронятъ, отдайте это письмо моей женѣ.

— Извольте.

— И непремѣнно лично сами отдайте, — добавилъ генералъ, вручая Подозерову пакетъ.

— Непремѣнно исполню все такъ точно, какъ вы хотите,—отвѣчалъ Подозеровъ, и недолго ожидалъ, когда настало время исполнить это порученіе.

Операція, сдѣланная Синтянину, была объявлена счастливою, а результатомъ ея была смерть, которая, разумѣется, отнесена насчетъ несчастной случайности. Генералъ былъ похороненъ и его вдова осталась одинокою. Она не растерялась ни на одну минуту, не шаржировала своего положенія, она ничѣмъ не затруднялась и ничего не проектировала. О своихъ намѣреніяхъ она вовсе молчала, даже ежедневно навѣщавшему ее Подозерову не было извѣстно, долго ли она останется въ Петербургѣ, или же немедленно уѣдетъ назадъ къ себѣ въ хуторъ. Послѣ трехъ дней, въ теченіе которыхъ было много хлопотъ о погребеніи, Подозеровъ и генеральша видѣлись всякій день; но потомъ, послѣ похоронъ, они вдругъ какъ бы начали другъ друга чуждаться: они встрѣчались съ удовольствіемъ, но затруднялись бесѣдовать, какъ бы боясь сказать что-нибудь такое, что не должно. Наконецъ, по возвращеніи Александры Ивановны на девятый день изъ церкви, Подозеровъ, будучи обязанъ исполнить просьбу покойнаго, сказалъ ей:

— Я имѣю къ вамъ маленькое порученіе.

Синтянина поглядѣла на него и спросила:

— Какое?

— У меня есть къ вамъ письмо.

— Отъ кого?

— Отъ того, отъ кого вы теперь всего менѣе можете этого ожидать.

Александра Ивановна посмотрѣла на него и проговорила:

— Вѣроятно, отъ моего покойнаго мужа?

— Да, вы отгадали; онъ отдалъ мнѣ это письмо за пять дней до своей смерти и взялъ съ меня слово передать его вамъ лично въ девятый день по его смерти. Вотъ это письмо.

И онъ подалъ вдовѣ конвертъ, на которомъ было написано ея имя, съ припиской: «прошу распечатать и прочесть немедленно».

«Прошу распечатать и прочесть немедленно», — повторила генеральша и, спокойно сломавъ печать, пробѣжала

нѣсколько строкъ и тотчасъ же сжала листокъ въ рукѣ и покраснѣла.

— Вы меня извините, я съ вами теперь на часочекъ прощусь,—попросилъ, не желая ее стѣснять, Подозеровъ.

Вдова кусала губы и, краснѣя, продолжала молчать.

— Прощайте,—повторилъ Подозеровъ, подавая ей руку.

Но Александра Ивановна тихо отвела отъ себя эту руку и, затрудняясь, проговорила:

— Постойте, пожалуйста... вамъ нельзя уходить... Здѣсь есть очень странный капризъ...

— Что такое?

Смущеніе генеральши на минуту еще усилилось, но потомъ внезапно какъ бы сразу ее оставило; она развернула смятый листокъ и, тщательно положивъ его снова въ конвертъ, проговорила:

— Возьмите это письмо.

Подозеровъ взялъ.

— Теперь прочитайте его.

Онъ вынулъ листокъ, прочелъ его глазами, и смущеніе, овладѣвшее нѣсколько минутъ предъ тѣмъ Александрой Ивановной, теперь овладѣло имъ.

— Что же,—началъ онъ послѣ паузы:—я долженъ исполнить то, что здѣсь сказано.

— Да.

— Вы позволяете?

— Я не имѣю права запретить.

— Я читаю.

И онъ прочиталъ вслухъ:

«Сознавая, сколь я всегда былъ недостоинъ прекрасной и доброй жены моей и опасаясь, чтобъ она послѣ моей смерти, по своей скромности и по скромности человѣка, ею любимаго и ее любящаго, не оставалась вдовой, я изъ гроба прошу ее, не соблюдая долгаго траура, выйти замужъ за Андрея Ивановича Подозерова. Чѣмъ скорѣе имя будетъ это сдѣлано, тѣмъ скорѣе я буду утѣшенъ за могилой и успокоенъ, что я не всю ея жизнь погубилъ и что она будетъ еще хоть сколько-нибудь счастлива прежде, чѣмъ мы встрѣтимся тамъ, гдѣ нѣтъ ни женъ, ни мужей, и гдѣ я хочу быть прощенъ отъ нея во всемъ, что сдѣлалъ ей злого.

«Если жена моя, прочтя эти строки, увидитъ, что я

ошибался и что она никогда не любила того, о комъ я говорю, то она должна поправить мою ошибку, предавъ это письмо сожженію; но если я разгадалъ ея сердце, то да не оскорбитъ она меня неискренностію и передастъ это письмо тому, кто его ей вручилъ. Такова моя воля, которую я завѣщаю исполнить».

Далѣе была черта и подъ нею слѣдующая приписка:

«Андрей Иванычъ! Я зналъ и знаю, что моя жена любитъ васъ съ тою покойною глубиной, къ которой она способна и съ которою дѣлала все въ своей жизни. Примите ее изъ рукъ мертвеца, желающаго вамъ съ нею всякаго счастія. Если я правъ и понимаю ваши желанія, то вы должны прочесть ей вслухъ это мое письмо, когда она вамъ его передастъ».

— Я прочелъ,—сказалъ Подозеровъ.

— Слышу,—отвѣчала, закрывъ рукой глаза, генеральша и, отворотясь, добавила:—теперь уйдите пока, Андрей Иванычъ.

На другой день Подозеровъ пришелъ къ Синтяниной позже часа, въ который онъ обыкновенно ее навѣщалъ, и засталъ ее чѣмъ-то занятою въ ея спальнѣ.

Она вышла къ нему черезъ нѣсколько минутъ, и не успѣли они повидаться, какъ вдругъ кто-то позвонилъ, и прежде чѣмъ хозяйка и гость могли сообразить, кто бы могъ быть этимъ посѣтителемъ, густой басъ, освѣдомлявшійся объ Александрѣ Ивановнѣ, выдалъ майора Форова.

Филетеръ Ивановичъ былъ точно тотъ же, какимъ мы его всегда привыкли видѣть, въ своемъ вѣчномъ черномъ, полузастегнутомъ сюртукѣ, въ военной фуражкѣ съ кокардой и съ толстою папиросой въ рукѣ, но онъ держалъ больную лѣвую руку за бортомъ сюртука и немножко волокъ правою ногой.

— Здравствуйте-съ, здравствуйте!—отвѣчалъ онъ на радостныя привѣтствія хозяйки и сейчасъ же, поцѣловавъ ея руку, обратился къ Подозерову: — Ну, что же это за протоканалы такіе у васъ архитекторы-то? А?

— А что такое?

— Да какъ же-съ: идутъ ступени на лѣстницѣ и вдругъ терраса и посрединѣ террасы, гдѣ не ожидаешь, еще опять ступень, идешь, хлопъ и растянулся. Вѣдь за это вѣшать надо ихъ брата.

— Да бросьте вы о лѣстницахъ! — перебила его генеральша:—говорите скорѣе о томъ, откуда вы и что тамъ у насъ?

— Откуда—сами знаете, а насчетъ того, что у насъ, то у насъ ничего: произошелъ небольшой «моръ звѣрей», но еще довольно скотовъ сохраняются вживѣ.

— Да звѣри бы пусть умирали...

— Ну, ужъ извините меня, а я не такъ думаю, — мнѣ звѣри милѣе скотинъ. При этой смѣтѣ, позвольте доложить, что господинъ и госпожа Роншины вамъ кланяются: они еще не издохли, и даже не собираются.

— Но ваша жена, ваша жена!

— Она умерла.

— И вы объ этомъ такъ равнодушно говорите?

— А что же вы хотите, чтобъ я вылъ какъ собака, чтобы меня за это отъ всѣхъ воротъ гнали? Благодарю-съ. Да я, можетъ-быть, и самъ скоро умру.

— Да вы простите меня, Филетеръ Ивановичъ, вы, пожалуйста, не пейте, а то въ самомъ дѣлѣ...

— Ну, ужъ сдѣлайте ваше одолженіе,—перебилъ майоръ:—никогда не пробуйте надо мною двухъ штукъ: не совращайте меня въ христіанскую вѣру, потому что я черезъ это противъ нея больше ожесточаюсь, и не уговаривайте меня вина не пить, потому что я послѣ такихъ увѣщаній долженъ вдвое пить, — это ужъ у меня такое правило. И притомъ же мнѣ теперь совсѣмъ не до того: пить или не пить, и жить или не жить. Меня теперь занимаютъ дѣла гораздо болѣе серьезныя: я пріѣхалъ сюда «по пенсіонскому вопросу».

— Это еще что за вопросъ такой?—спросилъ, удивясь, Подозеровъ.

— А въ томъ-то и дѣло, что есть такой вопросъ, и я вотъ съ нимъ третій день вожусь въ Петербургѣ...

— Вы уже здѣсь третій день?

— Да, а что такое!

— И не заглянули ко мнѣ?—попеняла генеральша.

— Некогда было-съ: прежде всего дѣло, я долженъ спѣшить, потому что мнѣ скоро шестьдесятъ лѣтъ и, видите, ногу едва волочу: Кондрашка стукнулъ... Я вѣдь пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы жениться.

Слушатели такъ и ахнули.

— Какъ жениться?—спросили они оба въ одинъ голосъ.

— Разумѣется, законнымъ бракомъ.

— На комъ же?

— Само собою разумѣется, что на превосходнѣйшей особѣ,—на госпожѣ Ванскокъ.

— Ну-съ?

— Не погоняйте, я и такъ разскажу: вы знаете, какъ, говорятъ, будто богатыри, умирая, кричали: «на, на, на»,— значитъ богатырскую силу передавали?

— Такъ что же?

— Вотъ такъ и я: я теперь развалина, а она молода,— ей, бѣдной, жить надо, а жить женщинѣ трудно и тяжело, такъ я хотѣлъ ей свой пенсіонъ передать. Этому меня Евангелова попадья одинъ разъ научила, и я нахожу, что это очень практично.

— Enfant terrible съ сѣдыми волосами,—проговорила, впервые во вдовствѣ своемъ разсмѣясь и качая головой, Синтянина. — Вонъ что онъ сдѣлалъ изъ благого совѣта!

— То-то и есть, что я изъ него ничего не сдѣлалъ, потому что это благороднѣйшее существо отвергло мое предложеніе.

— Это та, которую вы называете Ванскокъ: она васъ отвергла?

— Да-съ; не только меня, но и мой пенсіонъ! Явясь благороднѣйшей дѣвицѣ Ванскокъ, я ей предъявилъ, что я уже совсѣмъ дрянь и скоро совсѣмъ издохну, и предлагаю ей мою руку вовсе не потому, чтобы мнѣ была нужна жена для хозяйства или чего прочаго, но хочу на ней жениться единственно для того, чтобъ ей мой пенсіонъ передать послѣ моей смерти, но... эта благородная и вѣрная душа отвѣчала, что она пренебрегаетъ бракомъ и никогда противъ себя не поступитъ даже для виду. «А къ тому же, добавила она, — и пенсіона ни за что бы не взяла, такъ какъ моя оппозиціонная совѣсть не дозволяетъ мнѣ имѣть никакихъ сдѣлокъ съ правительствомъ». Каково-съ?

— Довольно оригинально,—отвѣтилъ Подозеровъ.

— Оригинально? Очень о васъ сожалѣю, если это вамъ только оригинально. Нѣтъ, это-съ грандіозно. Я уважаю крупныя черты и вѣрность себѣ даже въ заблужденіяхъ.

— Да, я даже съ удовольствіемъ слушаю про это высо-

комѣріе о сдѣлкахъ; а что до браковъ, то вѣдь они самимъ же женщинамъ нужны.

— Нужны, да, нужны, особенно для такихъ, какъ тѣ стриженыя барышни, которыя, узнавъ отъ Ванскокъ о моемъ предложеніи и о ея благородномъ отказѣ, осаждали меня вчера и сегодня, чтобъ я вмѣсто Ванскокъ «фиктивно» женился на нихъ. Да, да, да: для этихъ браки нужны, а для меня и благородной Ванскокъ—нѣтъ: мы и такъ хороши.

— А что же вы всѣмъ другимъ вмѣсто брака дадите?

— А ничего не дадимъ! Не наше дѣло. Мы знаемъ, что для насъ не надобно, а что вамъ нужно — васъ касается. Вы насъ побѣдили больше чѣмъ хотѣли: и установляйте свои порядки, да посчитайтесь-ка теперь съ мерзавцами, которые въ нашъ слѣдъ пришли. Вы насъ вытравили, да-съ; голодомъ шершавыхъ нигилистовъ выморили, но не передѣлали на свой ладъ, да-съ. Великая Ванскокъ издохнетъ звѣренышемъ и не будетъ ручною скотинкой, да-съ! А вонъ новизна... сволочь, какъ есть сволочь! Эти покладливѣе: они какую хотите ливрею на себя вздѣнутъ и любымъ манеромъ готовы во что хотите креститься и съ чѣмъ попало вѣнчаться... Ну, да довольно. Прощайте, я спѣшу въ десять часовъ на поѣздъ.

— Какъ на поѣздъ? развѣ вы нынче ужъ и уѣзжаете?

— Непремѣнно; вонъ тамъ, у двери, и мѣшокъ мой, да и что мнѣ здѣсь дѣлать? Довольно: Ванскокъ меня укрѣпила, что не всѣ-съ, не всѣ звѣрки въ скотинъ обратились, есть еще люди, какихъ я любилъ, а вамъ я не нуженъ. Вѣдь вы къ намъ назадъ не поѣдете?

Генеральша промолчала.

— Молчите, значитъ я угадалъ: не поѣдете; и прекрасно, право, не тратьте-ка попусту время, смерть медлить не любитъ.

— Ну, пусть же ее подождетъ, я еще не жила,—отвѣчала генеральша.

— Да; вы поживите и, пожалуйста, хорошенько поживите: вы вѣдь русалочка, въ васъ огонекъ-то и подъ водой не погасъ. Ну и прекрасно, когда же ваша свадьба?

— Скажите, когда?—повторилъ этотъ вопросъ, подходя и беря ея руку, Подозеровъ.

— Вы помните сами, какъ это намъ завѣщано,—отвѣтила Александра Ивановна.

— Въ томъ письмѣ сказано: «какъ можно скорѣе».

— Надо такъ и...

— Такъ послѣзавтра?

— Филетеръ Ивановичъ!

— Что-съ?

— До послѣзавтра... для моей свадьбы вы можете здѣсь подождать?

— Извольте, могу, но дѣло въ томъ, что вамъ надо меня гдѣ-нибудь спрятать, а то меня эти барышни очень одолѣли съ своимъ желаніемъ вступить со мною въ бракъ.

— Ну, мы васъ скроемъ,—отвѣчалъ съ улыбкой Подозеровъ, уводя Форова къ себѣ.

Черезъ два дня, вечеромъ, онъ и его жена провожали майора на станцію желѣзной дороги.

— И вотъ мы мужъ и жена, и вотъ мы одни и другъ съ другомъ,—сказалъ Подозеровъ, отъѣзжая съ женой въ каретѣ послѣ ухода поѣзда.

— Да,—уронила тихо Александра Ивановна.

— Ты хочешь молчать?

— Нѣтъ; я хочу жить!—отвѣчала она и, обвивъ руками голову Подозерова, покрыла ее зовущими жить поцѣлуями.

Годъ спустя, у двери, на которой была прибита дощечка съ именемъ Подозерова позвонилъ бѣлокурый священникъ: онъ спросилъ барина, — ему отвѣчали, что его нѣтъ теперь дома.

— Ну, госпожѣ доложите, что пріѣзжій священникъ Евангелъ,—произнесъ гость, но прежде чѣмъ слуга пошелъ исполнить его просьбу, въ комнатахъ послышался радостный восклицъ, и Александра Ивановна, отстранивъ человѣка, бросилась священнику на шею.

Тотъ вдругъ заплакалъ и потомъ, оправясь, сказалъ:

— Дайте же войти: не хорошо въ дверяхъ попа цѣловать.

— Вы, разумѣется, у насъ остановитесь?

— Могу, для того, что и вещи мои еще здѣсь на дрожкахъ.

Александра Ивановна послала за вещами, устроила Евангелу уголокъ, напоила его чаемъ и показала ему своего сына.

— Хорошъ,—оцѣнилъ Евангелъ:—да вамъ и надлежитъ не быть смоковницей неплодною: я думаю, вы добрая мать будете.

Та сдѣлала тихую гримаску и съ укоризной себѣ проговорила:

— Балую его немножко.

— Немножко ничего,—отвѣтилъ Евангелъ:—а много опасайтесь. У госпожи Глафиры Васильевны тоже родился сынъ.

— Вотъ! мы о нихъ мало слышимъ

— Да, разъединились вовсе, но того-съ... она того... балуетъ ребенка очень, и одна ей въ немъ утѣха.

— Говорятъ, она несчастлива?

— Свыше мѣры. Наказанъ страшно темный путь въ ея дѣлахъ. Сей мужъ ея—ужасный человѣкъ-съ: онъ непремѣнно тайну какую-нибудь ея имѣетъ въ рукахъ... Богъ знаетъ: говорятъ, что завѣщаніе, которымъ ей досталось все,—подложно, и будто бы въ его рукахъ есть тому всѣ доказательства; но что-нибудь да есть нечисто: иначе она ему не отдала бы всего, а вѣдь она въ такомъ бываетъ положеніи, что почасту въ рублѣ нуждается!

— Я это слышала, что будто даже Форовъ ей ссужаетъ деньги.

— Онъ почти весь свой пенсіонъ ей отдаетъ.

— И та беретъ?

— Ну, вотъ поди-жъ! Да что и дѣлать: не на что за лѣкарствомъ послать: ни мариландской папироски выкурить. А у Ропшина просить тяжеле, чѣмъ занять у Форова.

— Однако, какая ужасная жизнь!

— О, она наказана жестоко.

— А вотъ и мой мужъ идетъ!—воскликнула Александра Ивановна, заслышавъ знакомый звонокъ.

Послѣ радостныхъ свиданій и обѣда, Евангелъ, удалясь съ Подозеровымъ въ его кабинетъ, обратился къ нему съ грустнымъ видомъ:

— Не хотѣлъ я для перваго свиданія огорчать Александру Ивановну и не все ей сказалъ. Вѣдь Форовъ, знаете, тому недѣли съ три, изъ-за Глафиры такъ жестоко съ Ропшинымъ поругался, что при многихъ гостяхъ далъ ему слово публично въ собраніи дать оплеуху; пришелъ гнѣвный ко мнѣ, легъ въ банѣ поспать и...

— Не проснулся?

— Вы отгадали.

— Значитъ послѣдній изъ нигилистическихъ могиканъ свалился.

— Да вотъ въ томъ-то и дѣло, что еще былъ ли онъ тѣмъ самымъ, чѣмъ старался казаться!

— А что? Нѣтъ; я думаю, что Форовъ до извѣстной степени былъ себѣ вѣренъ.

— До извѣстной степени, это, пожалуй, такъ. А то вѣдь его окостенѣлая рука тоже была съ крестнымъ перстосложеніемъ. Никто же другой, а самъ онъ ее этакъ сложилъ... Да можетъ и враждовалъ-то онъ не по сему глаголемому нигилизму, а просто потому, что... поладить хотѣлъ, да не умѣлъ, въ обязанность считалъ со старою правдой на ножахъ быть.

— Пожалуй вы правы; ну, а что, скажите, какъ Висленевъ?

— Здоровъ какъ стѣна. Паинька сшила ему ватошничекъ изъ зеленаго платья покойницы Вѣры, онъ взялъ и говоритъ: «Вотъ что меня погубило: это зеленое платье, а то бы я далеко пошелъ». Онъ-таки совсѣмъ съ ума сошелъ. Удивительно, право: чего не было и того лишился! Кой же лѣшій его когда-то политикой обвинялъ? А? Я этому тоже удивляюсь.

— Все удивительно, отецъ Евангелъ: вы были бунтовщикъ, я—соціалистъ, а кому это было нужно?

— Не понимаю.

— И не поймете.

— Именно, именно, какъ проведешь предъ собою все, что случилось видѣть: туманъ, ей-Богу, какой-то пойдетъ въ головѣ, кто тутъ нынѣ самого себя не вырекается и другого не коверкаетъ, и изо всего этого только какая-то темная, мусорная куча выходитъ.

— Да, да, не легко разобрать, куда мы подвигаемся, идучи этакъ на ножахъ, которыми кому-то все путное въ клочья хочется порѣзать; но одно только покуда во всемъ этомъ ясно: все это прологъ чего-то большого, что неотразимо должно наступить.

Оглавленіе.

XXVII ТОМА.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Черезъ край.

	стр.
I. Вѣсти о Гордановѣ	5
II. Синтянина беретъ на себя трудную заботу	9
III. Превыше міра и страстей	11
IV. Слѣдъ	16
V. Лара отыскана и устроена	19
VI. Битый небитаго везетъ	22
VII. Бесѣды Сумасшедшаго Бедуина	27
VIII. Свѣтозарово воскресенье	30
IX. Дѣло темной ночи	34
X. Предъ послѣднимъ ударомъ	40
XI. Воръ у вора дубинку укралъ	42
XII. Огненный змѣй	47
XIII. Событія ближатся	52
XIV. Послѣднія вспышки стараго огня	55
XV. Красное пятно	59
XVI. Живой огонь	62
XVII. Ларисина тайна	67
XVIII. Соломенный духъ	72
XIX. Коровья смерть	80
XX. Нѣжить мечется	85
XXI. Ночь послѣ бала	96
XXII. Бунтъ	105
XXIII. Вѣсть о Ларисѣ	110
XXIV. На ворахъ загораются шапки	114
XXV. Одинакія книги въ разныхъ переплетахъ	120
XXVI. Сидъ пережилъ	129
Эпилогъ	137

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 28 05 03 017 3

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ

Переплетная „НИВЫ", СПБ.